

Ю. В. ГОТЬЕ

ЗАМОСКОВНЫЙ КРАЙ В XVII ВЕКЕ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА
МОСКОВСКОЙ
РУСИ

ВТОРОЕ ПРОСМОТРЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1937

Данная книга принадлежит перу историка, — немарксиста. Ценность ее заключается в том, что она дает в распоряжение читателя богатый фактический материал по экономике сельского хозяйства в XVII в.

Данное второе издание автором дополнено примечаниями о литературе и публикациях, вышедших в свет после первого издания. Предисловие от издательства дает характеристику тех изменений в тексте, которые произведены в данном издании.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящее второе издание работы Ю. В. Готье «Замосковский край» является в основном непосредственным воспроизведением первого издания, опубликованного автором в 1906 г. Небольшие редакционные изменения, оговоренные автором в его предисловии, имеют скорее технический характер. Таковы сделанные им отдельные сокращения, указания библиографического характера, внесенные в его «дополнительных примечаниях», наконец, частичная замена устаревшей терминологии (напр. «смута», «смутное время», «русские воры»). Таким образом общий характер работы целиком определяется временем ее фактического написания.

Исследование Ю. В. Готье принадлежит к ряду историко-экономических описаний отдельных районов Московского государства, появившихся в начале XX в. на основе включения в научно-исследовательский оборот богатого документального материала писцовых и переписных книг Московского государства XVI—XVII вв. Книга Ю. В. Готье, бывшая одной из первых в этой серии, отличается значительной полнотой в охвате материала, большой четкостью в характеристике его состава и методов его обработки и тщательностью разработки фактических данных.

Однако работа страдает основными дефектами, присущими всей указанной группе исследований.

Они вытекают, во-первых, из самого характера используемых источников. Как отмечала уже отчасти прежняя критика, автор целиком замкнулся в одной категории источников и оказался, таким образом, в полнейшей зависимости от их содержания. Между тем, хотя сопоставление разновременных переписей и дает возможность вскрыть динамику явлений, но самый характер источника сугубо статичен, и материал дается им в полном отрыве от глубоких социальных процессов, от острой классовой борьбы, характеризующей XVII в. в истории Московского государства. Вместе с тем, в соответствии с практическими задачами, породившими самый источник, его внимание сосредоточено на землевладении и его экономической характеристике, как основе определения платежеспособности населения.

Этому отвечают задачи, поставленные перед собой автором и методы его исследования. Тема автора — историко-экономическое описание края, а основными элементами ее раскрытия служат правовые отношения. Неслучайно, рядом с общей характеристикой движения населения в Замосковном крае, основной темой книги является землевладение. Глава V, посвященная землевладению, занимает около 100 страниц — более четверти основного текста книги, тогда как непосредственная технико-экономическая характеристика занимает менее 70 стр. И, конечно, всего слабее отражена социальная тематика, развитие классовых отношений, как ключ к научному объяснению тех цифровых изменений, которые так тщательно показаны самим автором на материале изученных им источников. В связи с этим нельзя не оговорить отдельные явно устаревшие формулировки автора, как например, идущее от той же старой историко-юридической школы утверждение, что «основным историческим процессом, направлявшим судьбы крестьян в XVII ст., было постепенное закрепощение их в службу дворянству» (стр. 209). Мы знаем, что процесс закрепощения значительно более ранний и более длительный, развитие классовых отношений между помещиком и крестьянином в XVII в. требует более сложной характеристики, наконец, странно звучит и самый термин «закрепощение в службу». Та же формально-юридическая трактовка оказалась и в характеристике эволюции дворянства.

И тем не менее книга Ю. В. Готье сохраняет свое значение для нашей современной исторической науки. Это обуславливается прежде всего самым объектом его исследования: автор изучает основной центр Московского государства, ту территорию, на которой развиваются главные события его истории в XVII в., и притом на протяжении одного из наиболее напряженных периодов его истории — от времени крестьянской войны и интервенции начала XVII в. до Петра I. И во-вторых, самая обработка материала произведена автором с исключительной тщательностью и добросовестностью и дает читателю большой ценности конкретный описательный материал.

Поэтому можно с полной определенностью сказать, что освоение разработанного автором описательного материала поможет продуктивной исследовательской работе над историей XVII в.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

I

Хозяйственные описания и переписи населения, неоднократно производившиеся в Московском царстве в XVII в., послужили основным материалом для настоящего исследования. В особенности это относится к памятникам первой категории, сохранившимся в так называемых писцовых книгах.

Как писцовые, так и переписные книги, — несомненно, один из интереснейших и важнейших источников истории Московского государства. Значительное число описаний и переписей позволяет знакомиться с экономическим бытом страны в определенные хронологические моменты, а распространение этих описаний на всю почти государственную территорию делает из них драгоценный материал для исследований в области экономической истории СССР, которыми так заметно обогатилась специальная литература в последнее время.

Однако знакомство с научными трудами, основанными на писцовых и переписных книгах, оставляет впечатление, от которого трудно отделаться: широкое пользование этими книгами как историческим материалом не сопровождалось соответствующим по интенсивности критическим изучением занимающих нас памятников. Интерес, возбуждаемый содержанием книг, отодвигал на второй план критическое их исследование.

Попытки осветить эту сторону дела встречаются далеко не во всех работах, основанных на писцовом и переписном материале. Можно утверждать, что критическому изучению этого вида первоисточников русской истории положено лишь основание. Указаны общие задачи изучения хозяйственных описаний и переписей Московской эпохи, установлена общая оценка писцовых и переписных книг как исторических источников. Так например, для истории описаний XVI в. имеет известное значение небольшая работа Чечулина¹. Несколько ценных общих замечаний

¹ Чечулин, Начало переписей в России и ход их до конца XVI века. Библиограф 1889.

о достоверности писцовых и переписных книг вместе с попыткой дать картину работы писцов (преимущественно по книгам южных уездов XVII в.) находим в исследовании И. Н. Миклашевского, посвященном хозяйственному быту русского юга ¹. В известном труде по финансовой истории XVII в. Лаппо-Данилевский дал введение в изучение писцовых и переписных книг ². Наконец, было бы ошибкой не упомянуть о сохраняющем донныне цену труде Неволлина «Об успехах государственного межевания в России», дающем общее понятие об истории описаний и переписей в Московской Руси ³.

Гораздо менее сделано для детальной критики интересующих нас первоисточников, для полной оценки содержащегося в них материала и для определения той реальной обстановки, в которой они составлялись.

Таким образом, работа, отчасти начатая для книг XVI в., совершенно еще не затронула хозяйственных описаний и переписей следующего столетия. Несколько более посчастливилось критическому изучению реального содержания писцовых книг. Стоит припомнить, например, страницы, посвященные Милюковым и Лаппо-Данилевским вопросу об единицах податного обложения ⁴. Но и здесь остается еще сделать очень многое.

А между тем, не было недостатка в сознании необходимости идти далее по пути детального критического изучения писцовых книг и исследования этих памятников в обоих намеченных выше направлениях.

В упомянутой уже работе Лаппо-Данилевского указывается ряд задач в деле изучения древнерусских описаний и переписей, разрешение которых возможно только при детальном исследовании каждой отдельной книги ⁵.

Вопрос о необходимости «обратить внимание на конкретные условия, под влиянием которых сложились дошедшие до нас отдельные списки разных писцовых книг», прямо поставлен Рожковым ⁶.

Единственная пока работа, специально посвященная критическому изучению переписных книг, — статья Г. Н. Шмелева «К вопросу о степени достоверности переписных книг», — также исходит от исследования конкретных условий, при которых слагался памятник: автор устанавливает необходимость подвергать сравнению сказки, подававшиеся населением, с данными, вошедшими в переписные книги ⁷.

¹ Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства. М. 1894, стр. 47—64.

² Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. Спб. 1890, стр. 179—219.

³ Неволлин, Собрание сочинений, т. VI.

⁴ Милюков, Спорные вопросы; Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 219—269.

⁵ Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 193.

⁶ К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Труды Археограф. ком. Моск. археол. общества, т. I, М. 1898, стр. 185—200.

⁷ «Журн. мин. нар. просв.», № 7, 1898, стр. 1—16.

Очень вероятно, что необходимость детальной критической работы над писцовыми и переписными книгами хорошо сознавал Миклашевский, готовивший обширное исследование, основанное на этих первоисточниках. На такую мысль наводит небольшая, но очень ценная его работа, по всей вероятности, отрывок задуманного им труда, изданный уже после смерти автора. «Ввиду будущих своих работ автор чувствует,—говорится там,—настоятельную потребность вновь вернуться к критике писцового материала, чтобы еще раз проверить те выводы, к которым он пришел несколько лет тому назад, и в то же время высказать несколько мыслей, которые явились у него под влиянием изучения довольно значительного числа памятников этого рода». Критическое изучение писцового материала рисовалось ему в виде обстоятельной оценки реального содержания всех писцовых книг, особенно заключающегося в них цифрового материала и их терминологии. Что же касается изучения отдельных книг в тех списках, которые до нас дошли, то это, повидимому, представлялось Миклашевскому излишним. Такое, по крайней мере, впечатление оставляет возражение автора против метода критической разработки писцовых книг, предлагаемого в вышеназванной статье Рожкова. Из намеченных вопросов по критическому изучению реального содержания писцовых книг Миклашевский успел, к сожалению, разработать, и то не вполне, только один—объединицах обложения, доведя его до начала XVII в.¹ На неотложности широкого и детального исследования настаивает Ключевский в своем разборе сочинения Рожкова о сельском хозяйстве XVI в.²

В общем, можно сказать, что критическое изучение интересующих нас памятников еще только начато. Немногие, кто работал в этом направлении, еще не успели прийти к полному соглашению относительно метода работы и очередных задач ее. Немудрено, что и в общей оценке древнерусских хозяйственных описаний и переписей как исторического источника мы не встречаем полного согласия: «Недостатки книг,—говорит Лаппо-Данилевский,—лишь в незначительной мере умаляют то громадное значение, какое они имели в XVII в. Нельзя не удивляться той массе труда и настойчивости, которая была потрачена на составление писцовых книг»³. Оценка Миклашевского, наоборот, гораздо менее благоприятна; по его мнению, писцовые книги составлялись, главным образом, по «сказкам», т. е. по сведениям, сообщавшимся местным населением о самом себе:

«Писцам самим приходилось много писать, меньше межевать и еще меньше мерить».

Впрочем, и этот ученый признает, что для исследования хозяйственного быта какой-либо части государства в XVII в. писцовые

¹ И. П. Миклашевский, Древнерусские поземельные кадастры. «Записки Академии наук по ист.-филоз. отд.», т. VI, № 4, 1903 г.

² Отчет о 44-м присуждении наград гр. Уварова. Спб. 1904 г., стр. 2—3.

³ Организация прямого обложения, стр. 214.

и переписные книги остаются главным и наиболее ценным источником сведений¹.

Состояние неопределенности и незаконченности, в котором находится критическое изучение писцовых и переписных книг, налагает известные обязательства на всякого, кто пользуется их содержанием в качестве исторического материала. Еще слишком много остается неясного в том, как произошли и составлялись дошедшие до нас книги, еще не все ясно в их содержании, и потому еще не произнесен и окончательный приговор над ними, как над историческим источником. А пока этого не сделано, всякое обращение к материалу писцовых и переписных книг без предварительного изучения его представляется рискованным.

Высказанные соображения в достаточной, кажется, мере оправдывают решение остановиться прежде всего на тех памятниках письма и переписи, которыми мне приходилось пользоваться для своей работы, и изложить те наблюдения и выводы, к которым привело меня это изучение.

Прежде, однако, чем приступить к делу, необходимо сделать некоторые оговорки. Анализу были подвергнуты писцовые и переписные книги только тех местностей, на которые распространялось мое исследование; таким образом все нижеследующее представляет опыт изучения книг одного только Замосковского края, без притязаний на общую характеристику всех древнерусских памятников этого рода.

Ввиду того, что для исследования была избрана эпоха, наступившая вслед за периодом крестьянской войны, предметом моего изучения были, главным образом, памятники XVII в.: из описаний XVI в. в изучение были вводимы лишь такие известия, которые имеют интерес и значение для первых лет следующего века, или же такие, которые при составлении описаний 10—30-х годов XVII в. служили в качестве *приправочных*, т. е. по общему обыкновению давались посылаемым на работу писцам для справок, руководства и ориентировки на месте и служили как бы основанием для составляемого вновь описания². Из памятников XVII в. предметом изучения были прежде всего писцовые книги 20-х, 30-х и 80-х гг. и, там где они сохранились, — дозорные 10-х гг., затем переписные 1646 и 1678 гг. Кроме этих памятников общих описаний и переписей всего государства, изучению подвергались также различные памятники частных описаний, например, книги «отдельные», «перечневые» и т. п., в тех случаях, когда содержание таких книг представлялось не лишним интереса для задуманного исследования.

¹ К истории хозяйственного быта Московского государства, стр. 57—63.

² О значении термина «приправочная книга» см. заметку Лаппо-Данилевского: «Какое значение имели приправочные книги в XVII веке?» Библиограф 1889 г., № 8—9, стр. 167—169; сводку мнений по тому же вопросу см. также в статье пишущего эти строки: «Из истории хозяйственных описаний Московского уезда». «Журн. мин. нар. просв.», № 3, 1902 г., стр. 67—70.

Сопоставляя сделанное доселе по изучению писцовых и переписных книг и подводя итоги тому, что в этом направлении признавалось наиболее желательным всеми, кто пользовался хозяйственными описаниями и переписями, я пришел к выводу, что очередной задачей критического изучения интересующего нас вида исторических памятников представляется, во-первых, выяснение для каждой отдельной местности тех конкретных условий, при которых возникали и слагались дошедшие до нас памятники. Сюда относится история самых описаний и определение взаимного отношения имеющихся в нашем распоряжении описаний данной местности, далее, процесс составления хозяйственного описания и переписи, сначала работой на месте, потом редакционной работой, приводившей к составлению официальной книги, иначе сказать — техника писцового и переписного дела.

Во-вторых, в число очередных задач входит сравнительный критический обзор содержания различного рода книг с целью установить способ, как следует их читать и понимать, чтобы пользоваться ими как источником для истории народного и именно сельского хозяйства.

Этим намечаются два возникающих отсюда детальных вопроса — оценка цифровых данных и точное установление терминологии писцовых и переписных книг.

Итак история письма, техника писцового дела и критический обзор содержания писцовых и переписных книг Замосковных уездов XVII и отчасти XVI в. — вот вопросы, освещение которых представляется мне необходимым, прежде чем приступить к исследованию истории Замосковского края в XVII в. Попытку дать посильное разрешение намеченных вопросов читатель найдет в дальнейшем изложении.

II

Описания и переписи приурочиваются к нескольким определенным моментам изучаемой эпохи. Как те, так и другие стоят в тесной связи с финансовой политикой правительства и имели задачей установить оклады податей, взимавшихся с тяглого населения. Постепенно основная задача как писцов, так и переписчиков осложнилась другими, главнейшими из которых были определение прав дворян на владение данной вотчиной или поместьем, межевание земель и разбор земельных процессов. Это придало их деятельности очень разнообразный и сложный характер. Исполняя свое основное задание, писцы, так же как и переписчики, должны были собирать сведения обо всем крестьянском населении, вносимом в сошный оклад или обитавшем во дворах, составлявших единицы обложения при переписях. Если сопоставить эти их функции, то станет понятным, какое большое значение имела деятельность писцов и переписчиков в истории крепостничества, рост и развитие которого является

одним из узловых процессов истории Московского государства в XVII в.

В исходе XVI в., в 1592—1594 гг., предпринимается общее описание Троицких вотчин, составляющее, может быть, попытку выполнить «большую земельную опись, которая должна была изменить основания не только податного обложения, но и землевладельческих поземельных доходов»; мысль о таком новом, систематическом описании, повидимому, занимала в то время правительственные сферы¹.

В десятых годах был составлен целый ряд описаний — «дозоров» — нередко по нескольку для каждой местности. Наиболее ранние относятся к 1612—1614 гг. Наиболее систематический дозор был произведен в 1619—1620 гг., когда дозорщики, с целью определить степень опустошения, были отправлены почти во все уезды государства².

Общее описание двадцатых годов, видимо, происходило в два приема, а может быть, по местам, и последовательно два раза, один за другим. В некоторых уездах, например, в Московском (Колтовской, Кологривов), Звенигородском, Клинском, описание происходило в 1622—1625 гг.

В других, и таких уездов большинство, оно относится к 1627—1630 и даже более поздним годам. В Московском уезде (южная часть) есть указания, что описанию конца 20-х годов предшествовало более раннее, сгоревшее в пожар 1626 г.

Очень вероятно, что, не будь этого пожара, мы имели бы гораздо больше описаний первой половины двадцатых годов, которые сделали бы ненужными новые, предпринятые после 1626 г. Как исключение общие описания Владимирского и Юрьевского уездов относятся к 40-м годам; причиной такого запоздания для Юрьевского, по крайней мере, уезда является неисправность и отмена поэтому первых Юрьевских книг конца 20-х годов. К общему письму 20-х годов следует причислить многочисленные описания дворцовых земель, производившиеся по большей части или в конце тех же 20-х, или же в начале 30-х годов.

Весьма вероятно, что в этот момент были описаны все дворцовые земли в силу тех же причин, какие вызвали описание земель служилых и монастырских. Наконец, к описаниям двадцатых годов примыкают некоторые отдельные книги, регистрирующие земли, успевшие из пустых обратиться в культурные после общего письма. Сюда относятся, например, Московские книги Уварова, Напейцына и второе письмо Загряжского по Переяславскому уезду³.

¹ *Ключевский*, Происхождение крепостного права, «Русская мысль», 1885 г., № 10, стр. 13.

² С. Г. Г. и Д., III, № 47.

³ П. к. 264, 893.

В 1646 г. возникает новый тип описания — перепись, что объясняется изменением единицы обложения. Особенностью книг 1646 г. было то, что в очень многих уездах теми же писцами, посланными из поместного приказа, одновременно описывались частные и дворцовые земли.

Необходимость новой переписи, вызванная новыми явлениями в податном обложении, была причиной второй переписи 1678 г.

Почти одновременно с этой переписью, между 1673 и 1680 г. производилось второе в течение столетия описание дворцовых земель. Причины, непосредственно вызвавшие это описание, остаются, однако, неясными.

Писцовые книги 1680—1686 гг. представляют отрывочные и неполные результаты попыток осуществить второе валовое письмо, должествовавшее заменить сильно устаревшие книги 20-х годов. Все относящиеся к этой эпохе книги невелики и являются частичным, неполным описанием той местности, к которой они относятся.

Сверх перечисленных остаются очень немногие описания и переписи частичного характера, относящиеся по большей части ко второй половине столетия.

Описания служилых и монастырских земель в Замосковном крае предпринимались из поместного приказа или из финансовых четей, в ведомстве которых состояли отдельные города с уездами, описания дворцовых земель — из приказа Большого дворца, за исключением переписи 1646 г., ведшейся из поместного приказа, и некоторых описаний корельских селений дворцовых волостей Ярославского, Бежецкого, Новоторжского и Углицкого уездов, которые были предприняты из приказа тайных дел. Как редкое исключение следует отметить перепись Звенигородских вотчин Б. И. Морозова из приказа холопья суда.

Из всей этой массы писцовых книг сохранилось далеко не все.

Большинство дозорных книг 10-х годов, равно как и писцовых более раннего времени, сгорели в пожар 3 мая 1626 г.¹

Поэтому памятники дозора 10-х годов XVII в. сохранились только в виде исключений (например, Боровск, Галич, Тверь). Часто данные этого времени встречаются только в выдержках, находимых в других книгах (это особенно часто бывает с дозорными книгами Троицких вотчин 1612—1616 гг.).

Общее письмо 20-х годов, благодаря обширным работам, предпринятым для его восстановления после пожара 1626 г., сохранилось почти полностью — наиболее значительным пробелом является отсутствие описаний некоторых станов и волостей Бежецкого и Ярославского уездов. Почти то же можно сказать о переписи 1678 г. Гораздо более пробелов в переписных 1646 г. и писцовых книгах 80-х годов. По довольно многим уездам переписные

¹ Невозможно держится такого же мнения (Собр. соч., т. VI, стр. 175).

1646 г. остаются неизвестными. Мало следов сохранилось и от попыток валового письма 1680—1684 гг.; очень вероятно, что и описаниями частей уездов, сделанными в 1684—1686 гг., мы располагаем далеко не в том количестве, какое было налицо после окончания работ в 1686 г.

Что касается описания дворцовых земель 20-х, 30-х и 70-х годов, то от обоих остались лишь очень незначительные отрывки. Роковое, повидимому, значение имели в этом случае два обстоятельства: во-первых, пожар Москвы 1737 г., после которого часть книг пришлось восстанавливать по копиям, вытребованным из волостей, и, во-вторых, рассылка по наместничествам многих книг, еще хранившихся в дворцовом архиве, после введения губернских учреждений при Екатерине ¹.

Весьма вероятно, конечно, что часть утерянных описаний и переписей, как дворцовых, так и частных земель, еще будет со временем найдена и пополнит имеющийся в нашем распоряжении богатый запас описаний XVII в.

Почти все описания, как XVII в., так и более раннего времени, стоят в преемственной связи одно с другим вследствие того, что писец и переписчик пользовались обыкновенно при своей работе последним по времени или же ближайшим из имевшихся налицо описаний. Так, дозорщики 10-х годов имели в своих руках описания 70-х, 80-х и 90-х годов XVI в., писцы 20-х годов пользовались, в качестве приправочных, теми же книгами XVI в., а также дозором 10-х годов там, где этот последний сохранился. Лишь в редких случаях, например, в Звенигородском или Тверском уездах, приправочным и для писцов XVII в. служили книги 1540-х и 1560-х годов. В свою очередь книги 20-х годов служили приправочными (хотя термин этот в конце столетия уже не встречается) для книг 80-х годов. Ими же для ориентировки на месте пользовались и первые переписчики 1646 г.

Обзор истории хозяйственных описаний определяет моменты, на которых можно остановиться при изучении экономической истории избранной эпохи. Исходным моментом и в то же время почвой для сравнения может служить конец XVI в., от которого остались отдельные описания различных местностей и систематический дозор Троицких вотчин 1592—1594 гг.

Следующий момент — двадцатые и тридцатые годы XVII в., когда возможно воспользоваться общими описаниями почти всей государственной территории. Наконец, третьим и последним моментом являются 80-е годы (а для дворцовых земель 70-е), когда, за неимением полного систематического описания государства, возможно устанавливать наблюдение только по некоторым отдельным местностям уездов. Вспомогательными моментами могут служить 10-е годы в тех случаях, когда сохранились дозорные книги этого вре-

¹ ГАФКЭ, фонд А. М. И. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 82.

мени, и затем время переписей 1646 и 1678 гг., позволяющих подвергать исследованию те вопросы, которые стоят в связи с историей населения.

III

Приступая к исследованию конкретных условий, при которых возникли и составлялись памятники, содержащие хозяйственные описания и переписи XVII в., надо прежде всего заметить, что здесь не может быть речи об однообразных и общих условиях для всей эпохи, для всякого рода описаний и переписей. Ближайшая цель, которая имелась в виду в известный момент, определяла эти условия. Дозорщик 10-х годов, исследовавший степень разорения местности, не мог действовать вполне одинаково с писцом 20-х годов, основной задачей которого было «класть в живущее» дворы сельского населения; не могли не отличаться особенностями, им одним присущими, и действия валового писца 80-х годов, главной целью которого было размежевание спорных земель; наконец, особыми свойствами отличались приемы переписчиков, ведших подворную перепись населения.

Впрочем особенности приемов дозорщиков 20-х годов XVII в. едва ли можно определить с полной ясностью: уж очень мало сохранилось от этого времени книг, по крайней мере, по исследуемому краю; да и содержанием эти книги, чаще всего констатирующие полный хозяйственный упадок местности, невольно, скуднее других. В общем наша характеристика должна основываться на результатах деятельности писцов 20-х и 80-х годов и переписчиков обеих переписей. Говоря об условиях возникновения писцовых и переписных книг, придется во многих случаях делать различие между этими описаниями, так как их далеко не всегда возможно ставить на один план.

Всякое описание производилось особой комиссией, состоявшей из писца или переписчика, иногда, хотя редко, с товарищем, и старшего подъячего с целой канцелярией молодых подъячих, несших на себе всю работу по письмоводству.

В 20-х годах нормальным писцовым участком является уезд; только особенно большие из Замосковных уездов, например, столичный, Костромской, Ярославский, Владимирский и т. п., составляли два и более участков. С другой стороны, некоторые мелкие уезды присоединялись к соседним; так было, например, с Верейским уездом, составившим вместе с Можайским один писцовый участок. Величина переписного участка, в среднем, также уезд. Разделение уезда на два и более переписных участка — явление несравненно более редкое, нежели при письме 20-х годов; наоборот, писцовые участки 80-х годов были значительно меньше по размерам и обыкновенно ограничивались пределами стана или волости, изредка доходя до двух или трех станов.

Благодаря тому, что хозяйственные описания, переписи и, наконец, отдельные межевания производились часто, очень рано, еще в XVI в.

выработался особый тип специалиста-писца, удержавшийся до конца XVII в. Приводя примеры Никиты Беклемишева, занимавшегося писцовым делом в различных уездах между 1597 и 1648 гг., Лаппо-Данилевский напрасно думает, что подобного рода случаи были лишь изредка¹. Н. Беклемишев выдается только долголетием своей деятельности, но примеров писцов-специалистов можно привести немало. Вот несколько таких примеров²: Д. П. Свечин делал в 1620 г. дозор Одоевского и Чернского уездов, а в 1627—1630 гг. описывал весь Бежецкий уезд³. А. Загряжский описал в 1627—1628 гг. весь Дмитровский уезд, а в 1629—1630 гг. описал значительную часть соседнего Переяславского⁴. Серг. Фед. Аксаков совершил целый ряд частных описаний и межеваний в уездах Клинском, Московском, Переяславском и Коломенском между 1668 и 1683 гг.⁵. Степан Тим. Владычкин переписывал Чухлому в 1678 г. и межевал и писал Нижегородский уезд в 80-х гг.⁶. Арт. Г. Жадовский описывал Коломенские дворцовые вотчины в 70-х годах и работал в 80-х годах в Московском, Шуйском и Дмитровском уездах⁷. Писца Я. Нелединского находим в 1674—1676 гг. в Суздальском уезде за описанием дворцовых земель, и немного позднее в качестве писца и межевщика Московского уезда⁸. Д. Г. Тютчев описывал в 1668 г. корельские дворцовые волости, в 1678 г. переписывал Бежецкий уезд, а в промежутке, в 1673 г. межевал подмосковные села⁹.

То, что сказано о писцах и переписчиках, с полным основанием может быть повторено относительно старших подъячих, сопровождавших писца. Эти подъячие, обыкновенно состоявшие, как совершенно верно указал Лаппо-Данилевский, при приказе, из которого высылались писец¹⁰, были такими же специалистами писцового, переписного и межевого дела. Так например, подъячий Алексей Берестов состоял при дозоре Вологодского уезда в 1615 г., а позднее вместе с писцом Неплюевым описывал Верейский и Можайский уезды¹¹. Яков Гневашев участвовал в дозоре Бежецкого уезда в 1676 г. и в описаниях Курмышского уезда, с одной стороны, и Обонежской пятины, с другой, в 20-х годах¹². Подъячий приказа Большого дворца Василий Арбецев участвовал вместе с писцом Отяевым

¹ Организация прямого обложения, стр. 194.

² Примеры писцов-специалистов XVI в. см. также в статье Н. А. Рожкова, «К вопросу о степени достоверности писцовых книг». Труды Арх. ком. Моск. арх. общ., I, вып. 2, стр. 189.

³ Оп. бум. и док. А. М. Ю., 1, № 93—95, 1901, 2796.

⁴ Там же, № 635—639, 1981, 19, 82.

⁵ Оп. док. и бум. А. М. Ю., I, № 642—644, 1019, 1404, 1407—1416, 1418, 1420—27, 1429, 1430, 1432—35, 1438, 1440, 1441, 1445, 1467, 1473, 1496, 1516, 1519, 1522, 2012—2014, 2146.

⁶ Там же № 1718, 1719, 1722, 1724, 2884, 2885.

⁷ Там же, № 649, 650, 1469, 2897, 2898. Арх. М. Дв., М. о., оп. 38/548, д. 82.

⁸ Там же, № 1501; А-х. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 82.

⁹ Там же, № 97, 1428; А-х. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 24.

¹⁰ Организация прямого обложения, стр. 194.

¹¹ Оп. бум. и док. А. М. Ю., 1, № 185—186, 271, 275, 1261—63.

¹² Оп. док. и бум. А. М. Ю., 1, № 437, 1158, 1159, 1778, 1783.

в описании дворцовых вотчин Московского уезда в 1631—1633 гг., а сорок лет спустя, в 1674—1676 гг., помогал Арт. Жадовскому описывать Коломенские дворцовые села¹. Среди подобных специалистов писцов и межевщиков мы встречаем и известного начальника поместного приказа в эпоху преобразований — думного дьяка Автамона Иванова, который свою долгую и блестящую карьеру начал в 70-х годах в качестве межевщика имений Белевского, Болховского, Карачевского, Московского и Орловского уездов².

Порядок снаряжения писца в столице, снабжения его всеми необходимыми документами, т. е. наказом, приправочными книгами, книгой сошного письма и т. п., и отправления в назначенную ему для работы местность; его появление в уездном городе, отношение к воеводе; порядок объявления населению о предстоящем письме или переписи; выбор представителей от населения — «земских людей», «целовальников», которые присутствовали при работе писцов; наконец, вопрос о вознаграждении писцов, которое в эпоху письма 20-х годов шло еще натурою, а начиная с переписи 1646 г. стало денежным — достаточно освещены Лаппо-Данилевским³. Не располагая новым материалом, который мог бы дополнить картину, нарисованную названным автором, я прямо перехожу к тому, как производилась самая работа по переписи, описанию или межеванию сел и деревень Московского государства.

По окончании описания уездного города с его посадом, канцелярия писца или, по крайней мере, та часть ее, которая несла исключительно письменную работу, остается, как можно думать по некоторым примерам⁴, в городе или же, если уезд слишком велик, то передвигается по центральным пунктам волостей и станов, отличаясь меньшей подвижностью, нежели другая часть писцовой комиссии, на которую собственно возложено производство работы на месте. Вопрос о действиях этой последней части писцовой комиссии и о той роли, какую при работе играл сам писец, принадлежит к числу наиболее интересных и вместе с тем наименее выясненных в организации писцового дела.

Общие требования, которые предъявляются писцам в наказах и которые повидимому имели одинаковую силу при письме 20-х и 80-х годов и при обеих переписях, сводились к тому, что для регистрации населения писцы и переписчики должны были брать у владельцев «сказки», сколько за ними живет крестьян, а позднее и холопов, и затем, «взяв сказки, всех пересмотреть на лицо», проверяя их отношения к землеладельцу и документы, на которых эти отношения основывались. Что касается земли, то ее писцы должны были мерить по ви-

¹ ГАФКЭ. фонд А. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 82.

² Оп. док. и бум. А. М. Ю., 1, № 56, 113, 872, 1533, 1925, 1926. Число подобных примеров можно значительно увеличить, пользуясь указанием имен писцов, переписчиков и межевщиков, приложенным к описанию писцовых книг в т. I. Оп. бум. и док. А. М. Ю., стр. 305—357.

³ Организация прямого обложения, 196—200, 203, 204.

⁴ Напр., ГАФКЭ, Столб. Пом. прик. по Вязьме и Можайску, № 316, д. № 3: молодые подьячие Можайского писца Неплюева остаются в Можайске.

дам угодий — пахоть отдельно от сенокоса и леса, и затем в тех случаях, когда это не было сделано ранее или когда шел спор о земле, отмежевать имение от соседних владений¹. На переписчиках лежала обязанность объехать весь уезд, заглянуть в каждую деревушку, побывать в каждом починке и посредством личного опроса и осмотра убедиться, правильно ли составлена сказка, или нет, и если нет, то исправить замеченные ошибки². Задача писцов, имевших дело не только с населением, но составлявших полное хозяйственное описание имения, была еще сложнее.

Переходя к исследованию того, как дело происходило на практике, рассмотрим для удобства отдельно деятельность писцов 20-х годов, переписчиков 1646 и 1676 гг. и, наконец, писцов 80-х годов.

Есть прямые и несомненные известия о том, что писцовые комиссии 10-х и 20-х годов производили обмеры, межевание и опросы жителей на местах: «межа сельца Курицына, Тимофея Боборыкина вотчинной земли пустошь Пожон да пустоши Пыханки с Ивановой деревней Офонасьевича Плещеева, с Юровым. Приехал на Пыханскую дорогу писец Л. А. Кологривов да подъячий Дружина Скирин (московские писцы) промеж тех пустошей и деревней расспрашивали Иванова человека Плещеева Ерофея Бовыкина³...» В 1617 г. дворцовые писцы «Михаил Тихонов да подъячий Дмитрий Орлов, взяв с собою старожильцев, про старые межи (города Радонежа, пожалованного в Троицкий монастырь), сыскивали» и, повидимому, лично осмотрели их⁴. Писцы южного участка Московского уезда Ф. Пушкин и дьяк А. Строев также не раз совершали доезд для осмотра на месте того или другого имения⁵. Наезд писца на место работ обычное явление и во второй Переяславской книге Загряжского 1646—1647 гг., описывающей вновь заселенные земли⁶. Но было ли такое личное присутствие писцов при производстве работ действительно общим правилом, как того требовал закон? Есть данные, которые заставляют в этом усомниться. Писцы переяславского уезда кн. Волконский и Загряжский, говоря о землях порозжих, оговаривают в некоторых случаях, что они писаны «по наезду», так как окольные люди не помнят и не знают, чьи были эти земли⁷, по отсюда прямой вывод, что писцы удовлетворялись бы сказкой, если бы память окольных людей была тверже; наезд является здесь экстренной мерой, применяемой вследствие невозможности удовлетвориться более простыми средствами. С таким же

¹ П. С. З., II, № 1074, 1178; А. А. Э., IV, 14.

² Шмелев, К вопросу о степени достоверности переписных книг. «Журн. мин. нар. просв.», 1898, № 7, стр. 2.

³ ГАФКЭ, фонд А. М. Ю., п. к. 687, л. 2. В дальнейшем указывается только книга.

⁴ П. к. 258, л. 240.

⁵ Напр., п. кн. 9808, л. 431: «за Д. А. Замыцким... а изстари приписано было в Ростовскую волость, а по доезду писцов и по сказке окольных людей в Замыцкой волости»...

⁶ Примеры, п. к. 815, лл. 6, 78—80.

⁷ П. к. 812, 813.

характером чрезвычайной меры выступает личный наезд писца в Клинском уезде ¹. В Ростовском уезде межевание обычно производилось местными силами, самими крестьянами в присутствии свидетелей из местного же населения; при отсутствии разногласия обе стороны уведомляли «за руками» писцовую комиссию о своих действиях ². Писцы со своими товарищами должны были непременно выезжать на место только в случае необходимости разобрать судебное дело, возникавшее вследствие спора о земле, да и то они не всегда успевали это делать: по поводу спорного земельного дела между кн. Телятевским и дьяком Светиковым «перед ростовскими писцы в 139 году был суд и судное дело... не вершено, потому что по судному делу довелось писцам быть на той спорной земле самими и в 139 году писцы после суда для досмотру и межеванья на ту спорную землю ехать не успели, потому что дописывали Ростовский уезд иные станы ³...» Тот же характер чрезвычайной меры имеет личный наезд писцов в более поздних описаниях Владимирского и Юрьевского уездов. Так например, владимирские писцы кн. Крапоткин с товарищами описывают вотчину кн. Ф. С. Бельского по наезду, потому что тот «крепостей не положил»; владение, следовательно, спорное, дело сомнительное, чем и вызывается личный наезд писцов ⁴; те же явления находим в Юрьевских книгах кн. Шехонского ⁵.

Переходим к переписи 1646 г. И здесь приходится наблюдать явления, схожие с теми, какие только что отмечены выше: гороховецкие переписчики утверждают, что они «приехав в Гороховский уезд вотчин и поместий прикащикам и старостам велели приносить сказки за своими и за отцов их духовных руками... и взяв сказки в тех поместьях и вотчинах... крестьян и бобылей пересмотря на лицо переписали» ⁶. Таким образом, судя по их собственному признанию, гороховецкие переписчики исполнили свою задачу, добросовестно придерживаясь полученного наказа. Если им поверить и не высказывать никакого подозрения в том, что переписчики могли оказаться недостаточно скромными, все же приходится признать, что не все коллеги их, одновременно работавшие в других уездах, оказывались на одинаковой с ними высоте. Так например, боровские переписчики Д. П. Волинский и подъячий Кондратьев должны были на следующий после переписи 1647 г., уже по окончании дела, посетить те места, где они не были во время своих работ: «в которых местах в прошлом 154 году сам не писал и не дозировал, а посылал от себя подъячего Матвея Кондратьева, а в нынешнем в 155 году государь... указал в тех местах писать и дозировать ему ж Дмитрию да

¹ П. к. 190.

² П. к., 382, л. 39.

³ П. к. 838, л. 441.

⁴ П. к. 12606, л. 164.

⁵ П. к. 915.

⁶ Переп. к., 953, л. 1184.

подъячему Матвею»¹. ... В некоторых случаях писцы смотрели на «наезд», как на средство получить сведения, если население почему-либо не давало им сказок: «да под Москвою ж за земляным городом, за Покровскими воротами с. Красное, да за Устретенскими ворота село Напрудное, писаны по наезду, а сказок тех сел старосты и крестьяне, против государева наказу не дали»². Что переписчики этого времени не всегда исполняли свое дело добросовестно и тщательно, показывают и те случаи, которые уже отмечены в специальной литературе: работы московских переписчиков южной половины уезда, кн. Урусова и подъячего Несвитаева, так же как работа упомянутых выше боровских переписчиков, должны были быть вновь проверены в 1647 г.; переписчики мезенские и кеврольские сами сознавались, что «инде писали по сказкам» и т. д.³.

Общий характер работы переписчиков 1678 г. ничем не отличался от характера работы их предшественников: есть прямые доказательства того, что они не объезжали всех населенных пунктов: в одной из Московских писцовых книг начала 80-х годов (по стану Радонежу и Корзенеvu) находим следующее известие: «а по сказке Михайлова человека Кудрявцева, Петрушки Иванова, в сельце Луговле переписчик в 187 году не был и дворов крестьянских и в них людей не переписывал»⁴. В Тверском уезде переписчик сидел в городе на съезде двора и отсюда посылал рассыльщиков за сказками, лишь в редких, чрезвычайных случаях совершая наезды на место работ⁵. Не дают в рассматриваемом вопросе никаких новых черт и писцовые 80-х годов. Встречается и наезд, и описание, основанное на показаниях местных жителей. В Коломенской книге 1684—1686 гг. нередко находим такого рода замечания: «а до тех сенных покосов недоехано, а в меру положены и межеваны будут, как до тех сенных покосов по наезду дойдет»⁶. Тверские писцы Шишков и Челюскин писали по старым писцовым книгам, по сказкам и по наезду. Наезд на место происходил, когда что-нибудь казалось сомнительным и требовало личного досмотра писца⁷. Та же самая система была усвоена в Московском уезде⁸. В Дмитрове писцы прибегали к наезду в тех случаях, когда у них не было под руками сказок или других документов⁹.

Приведенные примеры показывают, как мне кажется, довольно ясно, что, несмотря на требование всех известных нам наказов, посещение писцовыми комиссиями места работ и личная проверка данных, заключававшихся в сказках, происходили далеко не всегда.

¹ Переп. к. 440, л. 503.

² Переп. к. 9809, л. 91 (перепись кн. Долгорукова и под. Молчанова).

³ Шмелев, К вопросу о степени достоверности переп. книг., «Журн. мин. нар. прос.», 1898, № 7, стр. 2, 4.

⁴ Переп. к. 275, л. 528.

⁵ Переп. к. 16060, лл. 558—564.

⁶ Переп. к. 207, л. 151.

⁷ П. к. 469, лл. 1—65.

⁸ См. примеры, п. к. 275, лл. 570—609.

⁹ П. к. 127, л. 344.

На практике такого рода явления имели чаще всего значение чрезвычайных мер, к которым прибегали тогда, когда это вызывалось необходимостью. Такое положение дела было уже отмечено в нашей литературе и дало повод к весьма скептическому отношению к работе писцов. Особенным скептицизмом отличается мнение Миклашевского: «у помещиков писцы должны были требовать выписей из писцовых и раздельных книг, выданных им из поместного приказа...; выписи из отдельных и отказных книг, выданных им за приписью воевод и подъячих... Сведения, заключающиеся в письменных документах, едва ли не вносились во вновь составляемые писцовые книги без всякой проверки количества земель в натуре... Писцы «писали» в писцовые книги то, что ранее было записано во всякого рода документах... и только в более редких случаях производили непосредственное измерение земель...»¹ В этом мнении соединены две мысли, которые, однако, отнюдь не следует смешивать: пользование документами, составленными при разного рода описаниях, предшествовавших данному письму, несомненно, применялось очень широко, но отсюда до полного почти отрицания проверки этих документов работой самой писцовой комиссии еще очень далеко; столь резко выраженное недоверие к писцовой работе едва ли может быть принято без существенных поправок.

Попробуем, насколько возможно, восстановить истинный ход работ писцовой комиссии на месте. Фактический материал, с помощью которого придется делать эту попытку, почти весь относится ко времени письма 80-х годов, но, думаю, мне, так же, или приблизительно так, работали и в более раннее время.

Костромские писцы С. Готовцев и подъячий С. Рогачев начали свои работы на месте в октябре 1684 г. и успели осенью пройти и описать всю межу Костромской посадской земли. Возобновились их работы с 1 июля следующего года, начавшись с описания межи монастырских владений, граничившей с посадской землей (июля 1, 5, 8, 9, 11). Затем началось описание Сущевого стана; оно шло изо дня в день, с некоторыми перерывами, причем писцы переходили от одного владения к другому, руководствуясь, вероятнее всего, топографической очередью земель². В общем можно проследить все дни, в которые писцы вели свою работу: июля 13—16, 26; августа 5, 7—9, 16—21, 23—28; затем перерыв до второго дня нового 194 года; в сентябре работают 2, 3, 5—7; 8-го работ нет; 9—12; 13-го нет работ, за то неожиданно работают 14-го, в воздвижение; 15—30-го работы идут без перерыва; чем ближе зима, тем менее остается времени, тем усерднее работают писцы, тем короче и реже перерывы. Однако, в покров они все же загуляли; вновь работы начались только 5 октября и шли без перерыва до 15-го; о второй половине октября сведений нет, хотя в это время, может быть, продолжалось

¹ Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, стр. 54; более благоприятное мнение находим у Розикова, О степени достоверности писцовых книг. Труды Арх. ком. Моск. арх. общ., 1 стр. 188—189.

² Вполне согласно требованиям писцового наказа: П. С. З., II, № 1074, ст. 74.

начатое 15-го описание большой вотчины Чудова монастыря (село, три деревни и несколько пустошей). В ноябре работали 1, 4—12, 14, 16 и 19, когда с наступлением зимы работы прервались до 10 мая 1686 г. В этом году писцы отметили в качестве дней занятий следующие числа: мая 20, 21, 24, 30, 31; июня 1, 2, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 15, 16, 19, 20, 22, 26, 28; июля 1, 2, 6, 8, 9—15, 17, 19, 20 (Ильин день), 21; с 26 июля начинается работа по описанию Андомского стана. Но здесь писцы ограничились только межеванием вотчины Троице-Сергиева монастыря с. Сухорукова с деревнями; даже и эти село и деревни «недомежеваны и в чети неположены, для того, что... августа в первом числе прислана великих государей грамота, к писцом — велено оставя писцовое и межевое дело ехать к Москве»¹. 1 августа 1686 г. последнее валовое письмо было прервано и окончено навсегда².

Итак, писцовая комиссия, или по крайней мере, та часть ее, которая должна была производить работы на месте, действительно передвигалась в районе своих действий, руководясь топографическими удобствами и приправочной книгой, данной «для ведома сел». Она работала с некоторыми перерывами, частыми и довольно длинными вначале, но становившимися все короче и реже, по мере того как времени для работ становилось меньше. Не всегда, конечно, перерыв следует объяснить прогулом или нерадением писцов; межевание и описание больших имений затягивалось иногда на несколько дней, но писцы выставляли в этих случаях только то число, в которое их работы были начаты.

Посмотрим теперь, как распределялись в работах роли различных элементов комиссии — писца, подъячих и представителей местного населения. Прежде всего из этой же книги Готовцева видно, что далеко не во всех случаях сам писец выходил на место работы. Другие известия еще яснее рисуют положение дела. 24 сентября 1695 г. холоп стольника А. И. Безобразова Авдюшка, донося о всякого рода делах по хозяйству, писал своему господину, между прочим, следующее: «приезжал, государь, из Конькова Влас, что приехал в Чермнев стан (Московского уезда) писец и их зовут на землю с крепостями, а с Каменки приходил крестьянин, что к ним приехали писцы ж в Гоголев и в Шахов станы и их спрашивают на землю ж с крепостями». 17 октября тот же Авдюшка пишет, что он «в Коньково бродил к писцу и выпись с писцовых книг Федора Пушкина, которую ты, государь, оставил, показывал, и он мне сказал, что разводит становую межу... и он велел мне привести выпись с межевых книг и дал мне срок, и меня отпустил к Москве, и я, государь, подал в поместном приказе челобитную о выписи, и теперь, государь, выпись пишут, а как выпись возьму, и я, государь, побреду с выписью». Около 1 ноября приказчик Безобразова действительно побывал у писца «и список с межевой ему показывал и грамотку от Василия Григорье-

¹ П. к. 218 и 219.

² П. С. З., П., № 1200.

вича (думный дьяк разрядного приказа В. Г. Семенов), что отписал к нему, чтоб к нам холопам твоим был добр, поднес, и он сказал, что рад де делать вправде... а ныне межует на Сосенке Чудова монастыря, а как, государь, отделаются, и он хотел ехать на межу...» Переговоры, однако, продолжались и дальше, потому что приказчик Безобразова хотел требуемый список с межевой представить на месте: «будешь на земле и список готов; и он сказал, я-де на землю не поеду, а поеду-де к Москве и скажу-де что вы крепостей не дали»¹. Из этих, несколько отрывочных, правда, известий можно до известной степени уяснить себе роль самого писца.

Писец сидит в той или иной крупной вотчине, руководит работой, направляет ее, ведет переговоры с местными землевладельцами или их уполномоченными, собирает необходимые документы, представляя текущую работу сопровождающим его подъячим и представителям населения. Писцу было очень много своей работы; с другой стороны, по существу дела, ему не было никакой необходимости принимать личное участие в работах, которые могли идти своим порядком и без него, хотя это и было нарушением буквы наказа; вот почему личное его участие в обмере, опросе населения или межевании должно было происходить лишь в особенно редких случаях, когда был спор, было какое-нибудь сомнение, разрешить которое могла только власть писца. Участие в работах подъячих, состоявших в распоряжении писца, проследить не всегда легко. Можно думать, что им принадлежало преобладающее значение в таких делах, как соби́рание и проверка сказок, осмотры и опросы населения, измерения пахотных угодий и т. п. Что касается межевания, то здесь дело почти всецело находилось в руках представителей населения, приказчиков владельцев или выборных от крестьян: вопрос о меже, если только не было спора, разрешался полюбовным согласием владельцев смежных владений, причем межи «разводились» старожильцами или же восстанавливались по старым описаниям². Роль подъячего, старшего или молодого, конечно, всегда при этом присутствовавшего, ограничивалась составлением протокола, который позднее вносился в книгу. Лишь в тех случаях, когда согласия не было, когда поземельный спор приходилось решать хождением с образом³ да еще когда разводилась межа двух станов или, тем более, двух уездов, выступал на первый план сам писец.

Работа писцов «на земле» состояла из обмера земли и ее отмежевания от соседних владений. Выше я привел мнение Миклашевского, окончательная формулировка которого сводится к тому, что писцам «писать приходилось очень много, меньше межевать, и еще

¹ Переписка стольника А. И. Безобразова. Временник М. О. И. и др., 1853, т. 21.

² Иногда население принимало участие и в разрешении других вопросов, касавшихся данного имения, напр., причин запустения его и т. д. *Роскоко*, К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Труды Арх. ком. Моск. арх. общ., 1, 190.

³ Хотя этот способ и был законодательным порядком отменен в 1680 г. (*Миклашевский*, Из истории хозяйственного быта, 55), но на практике он, кажется, применялся и во время валового письма 80-х годов.

меньше мерить»¹. Мнение Миклашевского основано, главным образом, на том, что у писца были в руках различные описания порученных ему земель — приправочные книги, документы местного происхождения, отдельные, отказные книги, ввозные грамоты и т. п., которые, регистрируя пожалование земли, переход ее от одного владельца к другому, в то же время содержали ее хозяйственное описание. Такое описание давало возможность писцу обходиться без нового обмера, и сведения, почерпаемые из предшествовавших описаний, «едва ли не вносились во вновь составляемые книги без всякой проверки количества земель в натуре». Указанные документы, действительно, как уже сказано выше, в изобилии должны стекаться в руки писцов, в качестве земельных крепостей, подтверждавших права владения данного лица, или в качестве актов, ориентировавших писца в его деятельности. Их число и состав крайне разнообразны, и их значение при составлении писцовых книг, конечно, само по себе не подлежит никакому сомнению, хотя вполне уяснить его себе в настоящее время, когда все эти отдельные, указные и т. п. книги и грамоты еще ждут своего исследователя, едва ли возможно. Но нельзя утверждать, что пользование такими документами со стороны писцов обходилось без проверки ими данных обмером в натуре; напротив, есть основание предполагать именно противоположное. Так например, в итогах по станам в Московских книгах Кологривова и Скирина находим сравнения такого рода:

Стан Манатын, Быков и Коровин²

Итог всех земель, описанных Кологривовым (вместе с троицкими)	20 335 ¹³ / ₁₆	четей в поле
По старым приправочным книгам	15 881 ³ / ₄	» » »
Прибыль	4 454 ² / ₃₄ (sic)	» » »

Стан Быхов

Итог всех земель вместе с троицкими	11 719 ¹ / ₃	четей в поле
По старым приправочным книгам	10 163 ¹ / ₄	» » »
Прибыль	1 556 ¹ / ₁₂	» » »

Стан Горетов

Итог всех земель (вместе с троицкими)	25 684 ³ / ₄	четей в поле
По старым приправочным книгам	14 659	» » »
Прибыль	11 026 ¹¹ / ₁₆ (sic)	» » »

Старыми приправочными книгами Кологривову служили книги Хлопова, составленные в 1584—1586 гг. Таким образом писец отмечает прибыль земель за время с 1587 по 1628 гг., доходящую в Горетове стану до 57% площади, описанной в 1584—1586 гг. Предположить, что писцы этой эпохи пропускали так много земель, что ими было обойдено свыше 40% всей площади земли, трудно; нельзя допустить ни такой ошибки, ни такой недобросовестности.

¹ Миклашевский, назв. соч., 57.

² П. к. 685.

Остается предположить, что подлежащая описанию площадь поместных, вотчинных и порозжих земель увеличилась путем присоединения или *примерки* новых земель¹.

Известия о *примерной* земле, находящейся налицо сверх предыдущего описания данного селения или пустоши, — явление, с поразительной аккуратностью встречающееся и во всех позднейших книгах. Книги 80-х годов, приправочными для которых служили книги 20-х годов, пестрят указаниями на примерные земли, даваемые в очень точно определенном количестве: появление таких примерных земель обуславливалось неоднократно повторявшимися проверками в натуре угодий данной местности. Такие проверки, конечно, могли происходить и при частных случаях описания, — отказ поместья новому владельцу и т. п., но разногласие какой-нибудь отдельной или отказной грамоты, с одной стороны, и приправочной книги, с другой, должно было необходимо вызывать новую проверку в натуре, и нет причин сомневаться в том, что в большинстве таких случаев подобная проверка имела действительно место.

Другой вопрос, как она происходила и давали ли самые способы проверки гарантию того, что обмер был производим правильно. Свообразные геометрические правила книги сошного письма, первобытные приемы измерения веревкою едва ли позволяют признавать цифры писцовых книг правильными и вполне соответствующими истине.

Впрочем, говоря об обмере земли писцами, не следует упускать из виду еще одного обстоятельства. Нет сомнения, что пахотные угодья должны были в общем измеряться более тщательно, нежели пашня, запущенная под перелог, нежели сенокос или лес. В тех случаях, когда описываемая земля состояла только из одних пустошей, бросается в глаза слишком заметная круглость цифр, едва ли также вполне соответствовавшая действительности. Вот один пример. При селе Юпотне Московского уезда писцы Колтовской и Ильин (1622—1624 гг.) насчитали несколько пустошей и привели их площадь; просматривая приводимые ими данные, находим следующие цифры (в четьях в поле): 25, 15, 30, 40, 30, 30, 20, 35, 5 и т. д. — итог неизменно оканчивается на 5 или 0²; невольно приходит на ум, что эти пустоши измерялись в лучшем случае на-глаз. Лес измерялся только в небольших участках, приписанных к отдельным поместным или вотчинным участкам. Большие лесные пространства измерялись поверстно в длину и ширину, т. е. даже менее, чем на-глаз, часто с комментарием: «инде больше, а инде меньше». В общих итогах писцы складывали всю длину и ширину отдельных участков, так что цифры получались фантастические.

¹ Неволлин, Об успехах государственного межевания в России. Собр. соч., т. VI, стр. 488—501, о деятельности писцов и межевщиков, изложенной по наказам 1680—1684 гг.

² П. к. 261, лл. 14—14.

К примерам такого счисления, приведенным у Рожкова¹, добавим только один: дворцовые писцы Суздальского уезда насчитали в Лопатницкой волости «лесу хороменного, борового и черного дровяного вдоль на 94 версты, поперек на 99 верст, а по раскладке положено по 1000 саж. на версту» — всего 2 908 125 десятин².

О другой задаче писцов — размежевании угодий, производившемся при непрерывном участии «тутошних людей», старожилов, много говорить не приходится; без него нельзя было обойтись, оно всегда неизменно состояло в обходе межи с отметками по живым урочищам, деревням, и в реальности этого акта деятельности писцов никогда, кажется, не выражалось сомнения.

Независимо от работы «на земле» писцовая комиссия, а равно и комиссия переписная, должна была проверять сказки крестьянского населения посредством опроса и пересмотра людей налицо. Выше я касался вопроса о том, происходила ли вообще такая проверка сказок. К сожалению, у меня совсем нет данных, чтобы дать описание того, как происходил подобный пересмотр «на лицо» в тех экстренных случаях, когда он имел место.

Описывая работу писцов на месте, следует добавить еще несколько слов о том, как выполняли при этом писцы и другие требования наказа, кроме основного — об обмере земли и проверке показаний населения. Естественно, что здесь речь может идти только о писцах 80-х годов, так как и дошедший до нас наказ относится к этому времени. Сенокос издавна писался копнами; указы 80-х годов предписывали измерять его десятинами³ (по 10 копен в десятине). Требование совершенно ясное, а между тем не всякому писцу оно оказалось понятным. Уже известные нам костромские писцы Готовцев и Рогачев сначала, видимо, добросовестно старались соблюсти приведенное требование, но затем сбились и стали мерить сенокос по старому копнами и, лишь сводя итоги, спохватились и вновь выразили количество сенокосов в десятинах⁴. Те же явления в Боровской и в Ростовской книгах 1685—1686 гг.⁵. Наказ 1684 г. требует, чтобы была описана и вымежевана усадьба помещика или вотчина отдельно от его полевых и лесных угодий; в числе книг 80-х годов находим такие, которые это требование игнорируют: такова, например, Клинская книга⁶.

Но работа на земле — обмер и межевание и проверка сказок посредством опроса населения — не исчерпывали задач, возлагавшихся на писцов. Выше уже говорилось, как много других дел отвлекали старших лиц писцовой комиссии — самого писца или переписчика, а часто и старшего подъячего от непосредственного участия в обмере и межевании. Оставаясь в городе или же прожи-

¹ Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., прил. VI, стр. 500—501.

² ГАФКЭ, Арх. М. Дз., М. о., оп. 38/648, д. № 81.

³ П. С. З., II. № 890, стр. 8 (1681 г.), № 1074, стр. 12 (1684 г.).

⁴ П. к. 218, 219.

⁵ П. к. 19 и 839.

⁶ П. к. 194.

вая в каком-нибудь имении неподалеку от производства работ, они разбираются в доставляемых к ним документах и ведут работу, неизбежно связанную с письмом и переписью и вытекающую из тех требований, какие предъявляли писцам получаемые ими наказы. Работа эта сводилась к следующему: писцы записывали поместья или вотчину за владельцем только на основании не возбуждавших сомнения документов на право владения землею, представляемых последними. Точно так же писцы и переписчики обязаны были рассматривать крепостные документы на людей¹. Писцы должны были отдавать из оброка порозжие незаселенные пустоши, увеличивать или уменьшать старые оброки и разбирать процессы, возникавшие в связи с описанием и размежеванием земель².

Изучение писцовых и переписных книг убеждает в том, что изложенные требования наказов вовсе не были мертвою буквой.

При обзоре истории письма с конца XVI по конец XVII в. уже не раз приходилось обращать внимание на то, как строго, по крайней мере в некоторых местах, исследовали троюшские писцы 1592—1594 гг. право монастыря на владение принадлежавшими ему землями.

Еще более широкими правами были по этой части облечены дозорщики 10-х и писцы 20-х годов, одною из специальных задач которых было содействовать восстановлению прав землевладения, в значительной степени нарушенных в первые два десятилетия XVII в.³.

Необходимость проверять права всякого землевладельца на владимую им землю и на живших на его земле или в его дворе людей привлекала в руки писца огромный документальный материал, заключавшийся в жалованных, ввозных грамотах, в выписях из книг, отказных и отдельных, более ранних писцовых или дозорных, в купчих, данных, закладных и т. п. В общем описание бывало почти всегда настоящей ревизией права землевладельцев на бывшие в их владениях земли и на крепостных людей. Сосредоточение в руках писца этого материала, нередко содержавшего хозяйственное описание данного имения, и дало повод И. Н. Миклашевскому высказать не совсем правильное, на мой взгляд, мнение, будто данные, почерпаемые из этого материала, вносились в книги без проверки их в натуре.

Деятельность писцов, повидимому, протекала в соответствии с требованиями, какие заключали в себе наказы. Писцы отдавали на оброк порозжие земли; устанавливали сроки льготной распахки; все это вызвало переговоры с населением, выдачу подлежащих документов и т. д. Кроме размежевания частных владений, на писцов возлагалась еще государственная работа по размежеванию станом и отдельных уездов; указаний на такое межевание, при

¹ П. С. З., П., № 1074, стр. 1, 2, 4, 5, 7.

² П. С. З., П. № 1074, стр. 65 и сл.

³ Ук. кн. Пом. приказа изд. В. Н. Сторожевым. Указы 1613—1628 гг.: III, 2, 4; V, 17, 18, 35; VI, 42, 37 и прил. № 2; см. также гл. III наст. работы.

котором, несомненно, присутствовали сами писцы, находим очень часто ¹.

Судебные права писцов были очень обширны, и применять их на деле приходилось более чем часто. Нередко земельные процессы были сложными и запутанными делами, при которых дело доходило до повального обыска, особенно если требовалось разыскать спорную землю и исследовать права на нее споривших лиц; так, например, поступили коломенские писцы 80-х годов в процессе о пустоши Горошкове Похрянского стана, на которую разом заявили притязания священник села Северского и два дворянина ². Иной раз приходилось писцам разбирать и такие дела, которые, казалось бы, к их непосредственной задаче имели весьма отдаленное отношение: на священника села Васильевского Верхоусецкого стана Ростовского уезда была челом писцам вдовая попадья того же села в том, что он выгнал ее вон из дома и не дает достаточно земли. Писцы, кн. Звенигородский и под. Бухаров, вмешались в это внутреннее дело церковного причта и не только приказали попу прибавить из церковных угодий земли вдове и сыновьям его предшественника, но даже предписали старшему из последних «жить при церкви в дьячках». Те же писцы приняли жалобу крестьян помещика Мурзы Семендерова на то, что помещики и вотчинники села Савинского перестали пускать их в церковь с тех пор, как Савинская дворцовая волость роздана была служилым людям, и «по письму своему и по сыску» решили дело в пользу крестьян, приказав допускать их в церковь ³.

Результаты работ на месте записывались в «полевые» книги — черновые протоколы, ведшиеся во время самого производства работ; точно так же приводился в порядок, списывался или переписывался в черновики будущих книг весь тот документальный материал, который служил для проверки прав владения. Совокупность его и составляла «черновые тетради», из которых затем уже должна была составиться писцовая или переписная книга.

Краткий очерк производства писцами и переписчиками работ на месте помогает выяснить, как мне кажется, и некоторые общие свойства всей писцовой работы. Поражает прежде всего громадная задача, возлагаемая на писцовую комиссию. Выполнить все требования наказа было делом сложным и трудным, если принять во внимание незначительный состав комиссии, в которой, строго говоря, бывали обыкновенно всего только два более или менее

¹ Примеры: Рост. у., п. к. 638, л. 411—412: писцы съезжаются с соседними по реяславским для разграничения уездов; Горох. у., п. к. 625, лл. 262—286: писцы проверяют границу всего уезда, уже установленную ранее, в 1584 г.

² П. к. 207, лл. 442—446.

³ П. к. 840, л. 363, л. 52; другие примеры судебных дел, разобранных писцами: по Рост. у., п. к. 838, лл. 411—412, п. к. 840, лл. 97—99, л. 284; Дмитр. у., п. к. 627, л. 89, п. к. 127, лл. 26—27, лл. 142—43; Горох. у., п. к. 625, л. 87; Переясл. у., Федотов-Чеховский, Акты гражд. распр., 1, № 100; Колом. у., п. к. 207, л. 292; Моск. у., п. к. 685, лл. 172, 422, 561; Тверск. у., Г. К. 91, № 12620/127. См. также *Данно-Данилевский*, Организация прямого обложения, стр. 202, 203.

компетентных в деле лица — писец или переписчик и его старший подъячий. Естественно, что с самого начала наблюдалось самовольное упрощение работы, ее уменьшение и разделение в ущерб требованиям наказов. Писец, обремененный канцелярской, а иногда судейской работой, не являлся на обмер и межевание, поручая это дело подъячим или даже исключительно местным людям. Отсюда, конечно, промахи, новые нарушения наказов (например, неумение выполнить требование относительно измерения сенокосов). Опытный писец-специалист легче справлялся со своей тяжелой задачей; для лица неопытного письмо или перепись становилась задачей непосильной.

Взаимное отношение писцов и населения представляет весьма важное явление, без выяснения которого многое останется темным в истории хозяйственных описаний и переписей Московского царства. Вот несколько примеров, позволяющих судить о том, как население уклонялось от исполнения требований, предъявляемых писцами, стараясь, напротив, ввести их в заблуждение, и тем, конечно, затрудняло и без того тяжелую задачу последних.

После переписи 1646 г. «били челом многие челобитчики на всяких чинов людей, будто те люди в поместьях и в вотчинах своих у переписи крестьянские и бобыльские дворы в сказках своих писали не всех сполна... а из тех людей, на кого о том нам быют челом били ж нам челом, что де они дворов не таили, а починков и деревень не обводили... Государь указал на Москве сказать, а в городах и в уездах... кликати биричам в торговые во многие дни неоплошно», чтобы все дворы, которые появились после переписи 1646 г., были записаны в Поместном приказе на срок 6 марта 1648 г.¹

На призыв тверских переписчиков 1678 г. привозить в Тверь вместе со сказками также и крепости на людей: «чтобы про дворовых и деловых и задворных людей... везли в Тверь сказки за руками... а в сказках писали имянно, какие у них на тех людей крепости», помещики и вотчинники откликались очень неохотно: «и рассыльщики, приехав из уезду, подали доезды свои, что тверские помещики и вотчинники высланы на службу великого государя, а прикащики и старосты им сказали, что без помещиков и вотчинников на дворовых и деловых и задворных людей про крепости не ведают».

Немного позднее из среды того же населения поднялись жалобы уже на самих писцов; в том же 1678 г. «били государю челом разных чинов помещики и вотчинники, что в Тверском уезде переписчики крестьянские и бобыльские и людские дворы писали за ними не справчиво, не против их сказок, одних крестьян и бобылей вдвое, а иные крестьяне за ними прописаны»². На неугодивших кому-нибудь писцов жаловались в Москву. В 1678 г. «по государеву наказу на съезде двора перед столь-

¹ А. А. Э., IV, № 21.

² Переп. к., 16060, лл. 558—564, л. 729.

ником перед кн. Я. И. Вяземским города Шуи земский староста... да земской избы целовальники и все посадские люди допрашиваны, как был в Шуге на посаде для переписки дворов и во дворах людей Данило Иванов сын Гурьев, и тягости и тесноты им какой в городе не учинил, и кормовые деньги имал против указу ли, или не против указу великого государя лишние кормовые деньги». Но здесь за переписчика, на которого было взведено это обвинение, заступились шуяне: «...и земский староста... с товарищи и посадские люди в допросе сказали — он де Данило им тягости и тесноты никакой не учинил и кормовые деньги имал против указу великого государя»¹.

Хотя межевое дело составляло одну из главных задач валовых писцов 80-х годов, однако не следует забывать, что новыми книгами предполагалось заменить писцовые 20-х годов и вместе с тем возвратиться к старому способу сбора прямых податей, временно отмененных указом 5 сентября 1679 г. Таким образом ожидать каких бы то ни было изменений в отношении к писцам и их задачам нельзя. Вот мелкий, но яркий пример желания со стороны помещиков утаить от писца действительное положение дела: деревня Сухарево, вотчина окольничего Хитрово, Дмитровского уезда, Повельского стана, была сначала описана по сказке его человека Дейка Петрова, «а в сказке написано в дер. Сухарево 1 двор боярский, а в ней по досмотру не один двор, и 4 двора» (населенные деловыми людьми)². При валовом письме 80-х годов повторились все явления, свойственные более ранним временам: «помещики и вотчинники для розыску и очных ставок на спорные земли с истцами нейдут, и людей и крестьян не присылают и указу великого государя учиняются сильны»³. Из Москвы даже высылались особые следователи, которые должны были на месте рассмотреть спорные вопросы, и если действительно «которые помещики и вотчинники дети боярские, и стрельцы, и казаки, и драгуны, и помещиков, и вотчинников люди, и крестьяне писцов с земель сбили и верви отняли и писцов и подъячих, и служилых людей бесчестили и били и чинились непослушны; по высылкам на земли с крепостями не поехали» — то таких предписывалось «роспрашивать и розыскивать накрепко» и в случае, если виновность их была бы доказана, «бить кнутом на козле и в проводку нещадно». Есть также известия, что подавшие неправильную жалобу могли лишиться до 1/2 вотчины и поместья⁴.

В работе писца возможны были ошибки, недосмотры, небрежность. Но независимо от этого, писец был обеспечен такой боль-

¹ А. до Ю. Б., III, № 331.

² П. к. 127, л. 173.

³ П. С. З., II, № 893.

⁴ П. С. З., II, № 893 (1680—1681 гг.), № 1175, 1189, 1192: указы 10 марта, 26 мая и 9 июня 1686 г.; последний, содержание которого приведено здесь подробно, представляет не более как подтверждение такого же точно указа 1678 г., изданного в связи с предпринятой тогда переписью.

шой властью, над ним было так мало контроля, что всякое непослушание, всякое сопротивление давало сейчас же повод проявить свою власть, выказать свое нерасположение, свести старые счета, если было с кем. «Недружба» писцов была совершенно ясным понятием для московских людей; было оно ясным и для правительственных сфер: твердо установленного факта недружбы писца было совершенно достаточно, чтобы описание имения, владелец которого был в такой недружке с писцом, было поручено иному лицу, иногда нарочно посылаемому (как например, подъячий Ф. Яковлев, писавший в 1678 г. под Москвою вотчины окольного А. С. Хитрово, вместо находившегося в ссоре с последним переписчика И. Дурново), или, что бывало чаще всего, производилось одним из соседних писцов. Таких случаев можно насчитать целые десятки. При обзоре истории письма отдельных уездов, приходится отмечать примеры подобного отдельного письма и переписи, предпринятых писцами в соседних с порученными им участках¹.

Но не всегда недружбы писцов можно было избежать, предварительно заявив о ней и выхлопотав, чтобы известное имение было описано не тем лицом, которому дело поручено, а другим. Иногда недружба наступала вследствие ссоры на месте; нередко, наконец, приходилось считаться с вымогательствами и лихоимством писцов и переписчиков. Немало подобного рода примеров сохранил нам XVII в.

В 1634 г. «била челом бедная вдова Андреевская женишка Страхова, Анютка», что за ней после мужа, всякого в плен под Смоленском, остались в Ростовском уезде две исстари заброшенных пустоши. «А в 139 году писцы кн. Андрей Звенигородский, да дьяк М. Бухаров написали те пустоши *неведомо по какой мере*, пашни, перелогом, и лесом поросло 50 чети, и с тех пустошей доправлено на мне 5 рублей по гривне с чети»². Писцы обижали мерой не только бедных вдов, но и крупных вотчинников: в 1656 г. Чудов монастырь бил челом на московского писца 20-х годов Кологривова, который без объяснения причин лишил монастырь более чем 200 десятин земли³. Были злоупотребления еще покрупнее: в 1646 г. к царю Алексею поступило челобитие «богомольца его Серпуховского уезда спасского попа Савельища», «в прошлом в 137 (1628—1629) году были в Серпуховском уезде твои, государевы, писцы Ф. Шушерин с товарищи и, забыв свой смертный час, преступя твое, государево, крестное целованье, просили с меня богомольца твоего бездельного взятку и меня богомольца за скудость с их запросу не стало что дать, и те твои писцы написали на церковь всемилошного спаса живущего тягла осмину». Началось дело, которое действительно выяснило, что этот редкий случай

¹ Другие примеры враждебного отношения населения к писцам и желания ввести их в ошибку см. *Лаптево-Данилевский*, Организация прямого обложения, стр. 207—211.

² Акты Моск. гос., I, № 617.

³ П. С. З., I, № 46.

наложения тягла на церковную землю произошел от прямой недобросовестности писцов: «в тягле николи та церковная земля не бывала до последних писцов Ф. Шуперина с товарищи, а тягло де положили на ту землю, осердясь на попа Саву... что их мало почтил; а у иных погостов такие ж церковные земли, а тягла нисколько не положили, да и ему де попу Саве дали выпись в Серпухове без тягла». По приговору боярской думы 25 января 1646 г. на Спасском погосте оставлено тягла «живущий четверик» (с 2 бобыльских дворов, которые стояли на церковной пашне)¹. В 1632 г. в Поместный приказ поступила жалоба дмитровского дворянина Ст. Татищева: «...за мною государева жалованья родственная старинная искони вечная вотчина... а в ней крестьянин да бобыль... и мои поместейца запустили от писцов... которые дети жили у отцов своих, а братья у братьев, а племянники у дядей своих на одном хлебе и в одном дворе без розделу и тех... писали себе дворами... и пустые дворы писали жилыми и от того несправедного письма крестьянишка разбрелись врознь»². Совершали злоупотребления и писцы более поздней эпохи; не были чужды им и переписчики. В 1675—1676 гг. писец дворовых волостей Переяславского уезда Маракушев, радея посадским людям Александровской слободы, отмежевал неправильно от Успенского монастыря целый ряд угодий, вследствие чего переяславскому воеводе Тухачевскому было предписано перемежевать все спорные земли³. В Тверском уезде переписчик Чириков в 1678 г. вел дело так, что был даже сменил, причем его преемнику Исленьеву было приказано «допросить, какие тесноты он (Чириков) не чинил ли»⁴. На сей раз, в противоположность вышеприведенному примеру с шуйскими переписчиками, отрицательного ответа от населения, кажется, не последовало.

Среди факторов, затруднявших успешное выполнение письма или переписи, следует поместить еще и тенденцию Московского правительства, невзирая на всю сложность обязанностей писца, взваливать на него еще и другие, ничего общего с письмом или переписью не имевшие. Владимирский переписчик 1678 г. С. Шепелев горько жаловался на то, что не успел он еще закончить работы на месте и явиться с черновыми книгами в столицу, как ему прислана грамота... «велено мне, холопу твоему, отставя перепись для высылки ратных людей... всяких чинов людей полку Касимовского царевича Василия Араслановича и боярина и воеводы кн. Г. Г. Ромодановского с товарищи высылать к указному

¹ Холмогоровы, Материалы о церквях и селах XVI—XVIII вв. Чт. О. И. и Др. Р 1897, № 1, стр. 125—131.

² Столб. Разр. прик. Моск. стола, № 81, л. 502; дело идет не только о вотчине Дмитровского у., но и о поместье челобитчика в Кашинском уезде.

³ «Влад. епар. вед.» 1882 и 1883 гг. *Стромилов*, Александровская слобода и ее Успенский дев. монастырь.

⁴ Переп. к. 16060, лл. 558—564; другие примеры небрежности и злонамеренности писцов см. *Липто-Данилевский*, Организация прямого обложения, стр. 211—213.

сроку мая к 1-му числу, а мне, холопу твоему, ехать не с кем, а посылать в уезд для высылки ратных людей некого... и твоих великого государя дел, сказок и переписных книг оставить негде...»¹.

Случалось, что писцы не располагали всеми необходимыми для работ пособиями. На успешность дела могло оказать влияние отсутствие, например, приправочных книг. Московские писцы (южной части уезда) Пушкин и Строев указывают в своих книгах: «справиться было не почем, приправочных книг нет»². Это же обстоятельство мешало и деятельности коломенских писцов 1685 г.: «а сверх переписных книг крестьянских и бобыльских дворов прибыло или убыло, и того ведать не по чему: из приказа ведомости с переписных книг 156 году не дано»³.

В других случаях природные и климатические условия также оказывали свое действие: в Юрьевском уезде понадобилась дополнительная перепись только потому, что по некоторым местам уезда ранее «за вешними полыми водами и за распутою и за болотами по деревням и починкам неезжено»⁴.

Наконец, мешали делу и внутренние отношения в самой комиссии. Как они могли влиять на ход дела, можно судить по небольшому отрывку следствия, наряженного по жалобе можайского и верейского писца 20-х годов Никифора Неплюева на работавшего с ним старшего подъячего Алексея Берестова: «велено (И. Неплюеву) да подъячему Олексею Берестову писать и мерить в Можайску посад и Можайский и Верейский уезд, и подъячий Олексей Берестов бражничают и пьют без просыпу и двор себе ставят и хоромы строит, а твоего, государь, дела не делает, у справки книг не сидит, а что де молодые подъячие напишут, и тот де Ол. Берестов то их письмо, пришед недели в две, дерет и молодых подъячих от твоего государева дела отгоняет, и он де Микифор ему о том говорил, и он де Олексей его Микифора лаёт матерны и всякою неподобною лаею, и велено про то в Можайску сыскать всякими сыски накрепко». Если жалоба писца оказалась бы правильной, то воеводе предписывалось «подъячего Берестова бить батоги и, бив, отдать писцу Микифору Неплюеву и велеть ему его посадить у твоего государева дела на съезжем дворе сковав, а будет жена его с ним и... жену его из Можайска и из Можайского уезда выслать вон и вперед ему ее держать у себя не велеть». Следствие, однако, насколько видно из сохранившегося материала, не подтвердило жалобы писца, а указало в сущности только на раздоры между писцом и его главным помощником, в которых обе стороны были, вероятно, не без вины⁵.

¹ Столб. Разр. прик. Моск. ст ола, № 544, лл. 167 и 169.

² П. к. 9807, л. 285.

³ П. к. 207, л. 462.

⁴ Переп. кн. 15636, лл. 160—241.

⁵ Столб. пом. приказа по Вязме и Можайску, № 316, д. № 3; о небрежности тех же писцов см. *Литпо-Данилевский*, Организация прямого обложения, стр. 212.

Промехи и упущения в работе писцов, отмеченные в предыдущем изложении и происходившие от сложности самой работы, от недостатков людей, призванных ее выполнять, и от различных побочных причин, приводили к обстоятельству, которое необходимо отметить теперь же, когда речь идет о производстве описаний и переписей на месте: писцы, поглощенные работой, часто вводимые в заблуждение местными жителями, дворянами и крестьянами, и приправочными книгами, которые составлялись при таких же точно условиях, как и те, над которыми работали в данную минуту, задерживаемые, наконец, «роспутью и полыми водами», никогда не описывали всей территории и не переписывали всех селений порученной им местности.

Всегда оставалось известное количество пустошей и даже селений, которые ускользали от внимания писцов и вновь были открываемы их преемниками, позднейшими писцами, помещавшими их в особый разряд земель: «обводных», «прописных», «обезжих». Известия об обводных землях и селениях встречаются положительно во всякой писцовой и переписной книге. Несмотря на то, что каждый писец должен был, следуя наказу, исправлять ошибки своих предшественников, разыскивая земли «обведенные», случаи обнаружения все новых обводных земель встречаются до самого конца века, до писцовых 80-х годов. Кроме того, открыв землю, «прописанную» предшественником, писец никогда не мог быть вполне уверен, что не прописет сам какого-нибудь угодья. Борьба правительства с обводными землями продолжалась все время, пока производились описания; но условия, в которых работали писцы и переписчики, не изменялись, и в результате борьба против прописки земель едва ли могла быть особенно успешной.

Остается еще рассмотреть, как долго продолжалась работа писцов и переписчиков на месте. В этом отношении различные описания XVII в. находятся далеко не в одинаковых условиях: по многочисленности и сложности возложенной на писца задачи его работа должна была, несомненно, идти медленней и продолжаться дольше, нежели работа переписчика. Вот несколько примеров, по которым можно судить, насколько долго шли занятия писцов и переписчиков в порученных им местностях:

Описания первой половины XVII века

Местность	Продолжительность работ	Источник
Верея	7137 г. (1 сент. 1628 г. — 1 сент. 1629 г.)	П. к. 603.
Волоколамск . . .	7134 г. (1 сент. 1625 г. — 1 сент. 1626 г.)	П. к. 613, лл. 1—164.
Владимир	(Описание Крапоткина) с 1636 г., во всяком случае, до 1647 г.	П. к. 12606, л. 913: «55-го г., декабря в 12 день велено писать поместье Ив. Плакидина в Ярополь- ском стану».

Местность	Продолжительность работ	Источник
Дмитров Кострома	1627—1631 гг. (Описание Волинского, нагорная половина) 1627—1631 гг.	П. к. 627, л. 231; 631, л. 1. П. к. 209, л. 25: «139 года апреля 25 писцам писано».
»	(Описание кн. Волконского, луговая половина) 1629—1644 гг.	П. к. 213, л. 1: Волконский в 1644 г. съезжается на спорные межи с галичскими писцами.
Ржев	1624—1627 гг.	П. к. 834, лл. 194—195: «Нынешнего 135 года велено написать...».
Руза Ростов	1 сент. 1624 г.—1 сент. 1626 г. 1629 г.—осень 1631 г.	П. к. 845. П. к. 838, л. 441: осенью 139 г. писцам велено ехать «к Москве», откуда они уже на работы не возвращались.

Приведенные примеры показывают, что описание шло очень неравномерно; небольшие по пространству уезды и уезды западные, более других подвергшиеся опустошениям в 1600—1620 гг., описывались в сравнительно короткий срок; другие — например, Костромской (луговая половина), Пошехонский или Владимирский, требовали 8—10 лет для своего описания¹.

Как известно, последнее валовое письмо 1684—1686 гг. было прекращено указом 2 июля 1686 г., предписывавшим окончить работы к 1 августа этого года², таким образом, срок окончания работ может быть определен легко; лишь в редких случаях работы по валовому письму оканчивались до этого срока. Продолжительность работ видна из следующих примеров:

Местность	Время выхода указа о начале работ	Время окончания работ	Источники
Бежецк	20 дек. 1684 г.	1 авг. 1686 г.	П. к. 324, лл. 270—271
Богоявск	1 мая 1686 »	—	П. к. 119, л. 1
Кивешма	15 июля 1685 »	—	» » 189, л. 2
Коломна	Ноябрь 1684 »	Октябрь 1685 г.	» » 207, л. 1

¹ Несомненно, очень долго тянувшееся описание больших уездов несколько противоречит выраженному Лаппо-Данилевским мнению, будто «как земельный кадастр описания производились довольно быстро, быть может, даже слишком поспешно для того, чтобы внушить полное доверие к их результатам» (Организация прямого обложения, стр. 205). Быстро описывались в 20-х, по крайней мере, годах только разоренные местности, где описывать было почти нечего.

² П. С. З., II, № 1200, 1235; Неволлин, Собр. соч. т. VI стр. 487.

Местность	Время выхода указа о начале работ	Время окончания работ	Источники
Кострома	Октябрь 1684 г.	1 авг. 1686 г.	П. к. 218 и 219
Романов	Май 1685 »	—	» » 378, л. 1
Старица	1 мая 1686 »	—	» » 458, л. 5
Суздаль	22 сент. 1685 »	—	» » 464, л. 1
Тверь	25 мая 1685 »	—	» » 469, л. 1
Шуя	20 мая 1685 »	—	» » 464, л. 123
Юрьевец	23 июня 1685 »	—	» » 536, л. 1
Ярославль	21 августа 1685 »	—	» » 593, л. 18

Чаще всего работы последних валовых писцов продолжались около году; лишь в редких случаях письмо длилось до 1½ лет и более. В некоторых же местах оно едва успело начаться, как уже было прекращено. Внезапное прекращение письма 80-х годов, проведенное указом 2 июля 1686 г., сообщает деятельности работ по этому письму случайный, до известной степени, характер; работы по описанию были закончены в одном, двух станах уездов, не более. Из этого можно вывести, что если бы валовое письмо 80-х годов было доведено до конца, то для этого понадобилось бы несколько лет непрерывной работы.

В том случае, когда работа писцов продолжалась несколько лет, они в конце периода работ, к зиме, представляли нечто вроде отчета о своей деятельности — краткий список всего ими сделанного, носивший обыкновенно название «перечневой книги». Особенно часто такие перечневые книги составлялись во время валового письма 1684—1686 гг.¹

Работа переписчика, я имел уже случай сказать это выше, была в общем менее сложна, нежели работа писца. Деятельность на местах лиц, производивших как первую, так и вторую переписи, продолжалась обыкновенно от нескольких месяцев до году с небольшим. Примерами могли бы служить переписчики маленького Серпуховского уезда, работавшие с 20 декабря 1677 г. и уже подавшие свои книги в поместный приказ 21 февраля следующего года², писцы среднего по величине Шуйского уезда, завершившие ту же работу между 5 февраля 1678 г. и 16 мая 1679 г.³, наконец, писцы очень большого уезда Суздальского, начавшие работу в январе 1678 г. и подавшие книги также 16 мая 1679 г.⁴

Очень возможно, что меньшая сложность работы переписчика отражалась иногда и на составляемой книге. Приведем результаты сравнения одновременно явившихся в 1646—1647 гг. Влади-

¹ Примеры см. Оп. док. и бум. А. М. Ю., I, № 652 (Дмитров), 1035 (Коломна) и др.; п. к. 279; есть целый сборник подобных перечней.

² Переп. к. 10320, л. 8.

³ Переп. к. 11324, первые листы.

⁴ Переп. к. 11325, первые листы.

мирских книг: писцовой Кропоткина и переписной Боборыкина, сравнения, оказавшегося всецело в пользу достоверности и точности второй.

С окончанием работ на месте начинался второй период изготовления хозяйственных описаний и переписей — составление самых книг. У писцов в руках накапливался огромный материал сказок населения и черновых записей, «тетратей», которые следовало привести в порядок и представить в Поместный приказ.

Первый вопрос, который при этом возникает, касается того, где производилась разборка материала и составление официального и белого подлинника, снабженного скрепой писцов, — там же, на месте, т. е. в уездном городе, или же в столице?

Что касается переписных книг, здесь, кажется, без колебаний можно решить дело в пользу столицы. Несколько иначе обстоит дело с писцовыми 20-х и 80-х годов. Конечно, и здесь в большинстве случаев, надо думать, редакционные работы писцов происходили в столице. Однако, обращаясь к письму 20-х годов, находим некоторые случаи, когда приходится констатировать присутствие писцов на месте чуть ли не 10 лет спустя после начала работ; так, например, дело обстоит в Костроме, где писцы в 1644 г. съезжались с писцами смежного Галицкого уезда, или во Владимире. Подобные явления наводят на мысль, что редакционная работа писцов продолжалась иногда в том самом городе, который они описывали вместе с его уездом. Некоторые книги 80-х годов также, можно сказать наверно, составлялись на месте, а не в Москве: доказательством этого может служить то, что подлинная беловая Коломенская книга Хрущева по всем листам снабжена подписями не только самих писцов, но и представителей местного населения, присутствовавших при работах.

Редакционная работа велась в провинции на съезжих дворах; в Москве — или в приказе, или же на дому у писцов, причем последнее было, кажется, чуть не общим правилом, а первое — исключением. Так, по крайней мере, можно думать, читая известие о восстановлении Московских или Клинских писцовых книг после пожара 3 мая 1626 г.: «И писцы (Кологривов и Скирин Моск. у., сев.-зап. части) сказали и сказку за своими руками дали, каковы де они писцовые книги письма своего и меры отдали в поместной приказ до Московского пожару, и те де их первые книги в поместном приказе в пожар сгорели. А как де после Московского пожару по государеву указу велено им писцам другие таковые писцовые книги с черных книг, а велено им те книги *наспех* писать, а для поспешения даны им из поместного приказу 10 человек молодых подъячих...»¹.

«Книги Клинского уезду письма и меры кн. В. Р. Волконского да подъячего Гр. Сазонова 132 и 133 году... в поместном приказе

¹ П. к. 685, лл. 108—109.

в нынешнем в 134 году мая в 3 день сгорели, а черные книги остались у писцов...»¹.

В обоих случаях говорится о черновиках, которые сохранились именно потому, что были не в приказе, а дома у писцов, где, очевидно, ранее редактировались и составлялись погибшие в пожаре беловые.

Исследование обстановки, в которой происходило составление писцовых и переписных книг, должно непременно привести к вопросу о том, как долго продолжалась эта стадия писцовой работы. Наблюдения над писцовыми книгами первой половины столетия дают возможность сделать несколько любопытных выводов.

Выше приведены несколько примеров, дающих понятие о продолжительности писцовой работы на месте. Вернемся к некоторым из них. Описание Владимирского уезда продолжалось одиннадцать лет, с 1636 по 1647 г.; между тем, в книгах попадаются известия о документах, преимущественно всякого рода земельных крепостях, и более позднего времени, например, встречается указание на ввозную 1650 г.² В Дмитровских книгах Загряжского, который был в уезде в 1627—1631 гг., есть известие о послушной грамоте 1639 г.³ В Рузских книгах кн. Шаховского 1624—1626 гг. упоминается кабала 1627 г.⁴ Мы имеем достоверное известие о том моменте, когда ростовские писцы покинули уезд: «во 140 году в осень по государевым грамотам велено Ростовским писцом съехаться с Переяславскими писцы размежевать землю и рыбные ловли Ростовского митрополита Варлаама с землею стольников кн. Ю. Сицкого да кн. Т. Долгорукова... и писцы размежевывали вотчины до зимнего пути, а зимним путем... велено писцам ехать к Москве, а во 140 году с весны по государеву указу писцом для межеванья спорных и неспорных дел, которые недовершены в Ростовском уезде, ехать не указано...»⁵. Таким образом, в самом начале 140 г. писцы были на Переяславской границе, откуда поехали в Москву и более в уезд не возвращались; между тем, среди крепостных документов на землю в станах, далеко лежавших от Переяславской границы, например, в вотчинах того же кн. Ю. Сицкого в Сотемском стану⁶, встречаем документы того же 140 года, выданные из Поместного приказа. Прибавим еще один-два примера, показывающие, что работа над составлением писцовых книг продолжалась довольно долго после того, как уже заканчивались работы на месте. Общее Юрьевское письмо и межеванье кн. Шехонского и подъячего Огорокова закончилось в 1647 г.; его книги поданы в Поместный приказ 1 октября 1650 г.⁷ Пошехонские писцы

¹ П. к. 190, л. 1.

² П. к. 12606, л. 919.

³ П. к. 627, л. 612.

⁴ П. к. 845, л. 47.

⁵ П. к. 838, л. 441.

⁶ П. к. 838, лл. 82—85.

⁷ Оп. док. и бум. А. М. Ю., I, № 2912; п. к. 915, л. 1.

Ю. Редриков и подъячий Наумов работали на месте в 1628—1631 гг., затем началось составление книг; в 1634 г. «Юрия Редрикова не стало», и его работу продолжал один подъячий Наумов, который и подал, наконец, книги в Поместный приказ 10 октября 1641 г.¹ Московские писцовые книги Кологривова и Скирина были совершенно готовы до пожара 3 мая 1626 г.; после подъячие лишь «на спех» восстановили уничтоженные книги, но это, во всяком случае, не была простая переписка: в дошедших до нас книгах Кологривова не раз встречаются ссылки на крепостные документы 1626 и 1627 гг. Число примеров аналогичного характера можно было бы увеличить по желанию.

Все изложенное сейчас может дать материал для двух выводов: или действительность писцов в уезде не всегда заканчивалась с завершением письма, или же писцы, составляя и редактируя книги большей частью в Москве, не теряли связи с местом своей деятельности и пополняли каким-нибудь образом свой материал новыми данными документального характера. Вероятнее всего, что на практике наблюдалось и то и другое. Иногда писцы, окончив «письмо и меру», возвращались в уезд для межеванья; так было, например, с не раз упомянутыми уже Московскими писцами Кологривовым и Скириным, которые domeжевывали свой писцовый участок в 1626 и 1627 гг.² и, пользуясь этим, могли вносить некоторые изменения и дополнения, преимущественно касавшиеся их деятельности по ревизии прав владения землею, во вновь составляемые ими книги. Так могло быть в Юрьеве-Польском, где после общего письма 1644—1647 гг. писец князь Шехонский не раз возвращался в уезд для описания отдельных имений³, или в Переяславле-Залесском, где писцу Загряжскому пришлось произвести вторичное описание вновь заселенных земель 19 лет спустя после того, как он приступил к общему письму⁴.

С другой стороны, можно предположить, что писцы, составляя книги, вносили в них все те изменения и дополнения, какие они находили в уезде за тот, иногда довольно долгий срок, пока продолжалась редакторская работа, заносили новые документы на право владения землею, может быть, даже регистрировали вновь заселенные земли и перемены в составе землевладельцев. Все эти сведения писцы получали через приказ, который мог их сообщать для занесения в книги. Если это предположение верно, то оказывается, что писцовые книги первой половины XVII в. — сборник сведений об известной местности иногда за целый десяток лет. Тем менее возможно в таком случае ожидать от писцов того времени соблюдения основных правил, выработанных современной статистической наукой, — единовременности и быстроты регистрации⁵.

¹ П. к. 12576, лл. 336—410.

² Межев. к. 687, л. 1.

³ Оп. док. и бум. А. М. Ю., I, № 2916 и 2918 в 1652 и 1653 гг.

⁴ Оп. док. и бум. А. М. Ю., I, № 1985.

⁵ Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 215.

Констатируя своеобразное понимание дела русскими людьми XVI в., приходится с ним считаться и брать интересующий нас памятник в том виде, в каком его создала правительственная практика Московского государства.

Срок составления и редакции переписных и писцовых книг 80-х годов был несравненно более коротким. О том, как быстро составлялись переписные книги, могут дать понятие приведенные выше известия о составлении и подаче в Поместный приказ книг 1678 г. по Серпухову, Суздалью и Шуге. О сроке составления писцовых книг 80-х годов можно судить по нижеследующим примерам:

Местность	Время окончания работ	День подачи в Поместный приказ	Источники
Дмитров	1 авг. 1686 г.	1 янв. 1687 г.	Меж. к. 128, л. 1
Гороховец	—	11 янв. 1687 »	П. к. 116, л. 1
Клин	—	31 авг. 1686 »	» » 191, л. 1
Кинешма	—	16 окт. 1686 »	» » 189, л. 2
Кострома	—	8 окт. 1686 »	П. к. 218 (на листе без пагинации в начале книги)
Романов	—	30 дек. 1686 г.	П. к. 378, л. 1
Суздаль	—	19 сент. 1686 »	» » 464, л. 1
Шуга	—	5 нояб. 1686 »	» » 464, л. 123
Юрьевец-Польский	—	19 февр. 1687 »	» » 536, л. 1
Ярославль	—	7 сент. 1686 »	» » 563, л. 18

Быстрота составления книг переписных и писцовых 80-х годов объясняется, во-первых, тем (это относится, во всяком случае, к писцовым 1684—1686 гг.), что начало их составления иногда полагалось еще на месте производства работ и писцы подавали в приказ сведения, скрепленные даже подписями представителей населения, а во-вторых, тем, что на писцах 20-х годов лежало гораздо более обязанностей, нежели на их преемниках: первые должны были составить и проредактировать книги, «положить земли в сошное письмо» и вычислить единицы обложения по «живущей четверти». Вторые же должны были представить в Поместный приказ только материал; дальнейшее использование его для податной системы лежало уже на самом приказе¹. Переписчики и писцы 80-х годов были избавлены от сложных вычислений, которые предстояло делать писцам первой половины столетия.

Без особой натяжки можно сказать, что в 30-х годах в Москве работали над составлением и редактированием описаний всех городов и большей части уездов государства. Съехавшиеся из разных местностей писцы работали в одном городе и в большинстве

¹ См. также *Дипло-Даниловский*, Организация прямого обложения, стр. 201.

случаев в одном и том же ведомстве Поместного приказа; им дан был в свое время один общий наказ; под руками у них был совершенно однородный материал. Но выработанного заранее единого типа писцовой книги, для всех обязательного, не было никогда. Поэтому почти каждый писец вносил какую-нибудь индивидуальную черту в документ, редакция которого, казалось бы, должна была быть установленной раз навсегда. Общая приблизительная схема писцовой книги установилась с течением времени сама собой: описание города, посада по отдельным группам населения; затем описание уезда по станам и волостям; в каждом из этих второстепенных делений описывались отдельно земли поместные, вотчинные, земли духовных учреждений и порозжие, причем земли одного владельца, хотя бы и череполосные, соединялись в одно целое, за исключением книг 80-х годов, где описывается отдельно каждое селение и каждая пустошь независимо от принадлежности их тому или другому владельцу, вероятно, потому, что размежевание отдельных угодий составляло, как известно, главную цель письма этого времени. В каждом отдельном владении описывается хозяйство владельца, перечисляются крестьяне и бобыли по дворам (в XVII в. и холопское население), наконец, идет описание пашенных, сенокосных и лесных угодий, а иногда и оброчных статей и промыслов, которые увеличивали благосостояние помещика и вотчинника. Описание заканчивается указанием той доли сохи, а позднее живущей четверти, какая приходилась на данное владение или двор.

Сравнение различных книг 20-х годов приводит к заключению, что от этой общей схемы было столько же отступлений, сколько работало писцов. Один писец помещает среди письма межевание отдельных имений; другой нарушает обычный порядок и ставит описание монастырских земель ранее поместий и т. п.; третий смешивает описание поместий и вотчин; иной в особую категорию выделяет так называемые «примерные» земли; один указывает в конце описания, есть ли у данного помещика земли в других станах или даже уездах, другой этого не делает. Иногда писец, неизвестно почему, увлекается и описывает даже и то, до чего, казалось, ему не было дела: костромской писец Волконский в своем общем описании включил письмо ямских слобод, не оговоривши, что побудило его сделать это единственное в своем роде отступление.

Словом, нет общей, выработанной программы, нет единообразия в редакционной работе над писцовыми книгами. В несколько, может быть, меньшей степени, но все-таки то же можно сказать и о книгах 80-х годов. И здесь можно указать такого же рода явление: в некоторых случаях, например, писцы отделяют пашню от перелога, в других, увлекаясь прямыми практическими задачами письма 80-х годов, т. е. имея в виду, главным образом, межевание и не заботясь о пашне, потому что в исследуемом крае единицей обложения в 80-х годах был только двор, писцы в каждом имении дают только общую сумму пашни и перелога вместе. Насколько

мало заботились об однообразии редакции книг не только писцы, но и переписчики, задача которых была гораздо менее сложной и которым поэтому еще гораздо легче было выработать подобное однообразие, можно судить из сравнения работ двух переписчиков, один за другим работавших в Твери в 1678 г., — Чирикова и Исленьева; в редакционных приемах этих писцов, из которых второй был призван только закончить работу первого, все-таки заметна разница; так например, Чириков каждый раз сообщает в частных итогах число дворов помещиков и вотчинников в известном стане. Исленьев этого не делает, зато везде приводит сравнение количества населения по переписи 1646 г., чего ранее не делал Чириков¹.

Работы по составлению и редакции книг далеко не всегда доводились до полного окончания, и потому степень законченности дошедших до нас книг весьма различна. Иной раз дело не доводилось до конца за сменой или смертью писца; так например, в книгах кн. Волконского, «не дописавшего» Переяславский уезд и замененного Загряжским, вовсе не подведены итоги². В других случаях дело объяснялось отозванием писцов в Москву ранее полного окончания дела: выше приведено известие об отозвании ростовских писцов в Москву осенью 1631 г., причем некоторые земли остались не обмежеванными, а может быть, и не описанными; действительно, их книга также носит некоторые следы незаконченности, и итоги в ней подведены далеко не везде³. Иногда беспорядочность и недостаток законченности книг 20-х годов следует объяснять и пожаром 1626 г.: это относится, например, к клинским книгам, наскоро и небрежно восстановленным по черновым⁴.

Тем же недостатком отличается и большинство писцовых книг 80-х годов. Здесь дело объясняется проще: незаконченность явилась вследствие внезапного и неожиданного окончания письма в самый разгар работ указом 2 июня 1686 г.⁵.

В таком порядке и при таких условиях происходило составление писцовых и переписных книг. Нельзя сказать, чтобы при этой работе не было допускомо погрешностей. Исследование интересующих нас памятников обнаруживает некоторые ошибки, происхождение которых возможно отнести именно только ко времени составления книг. Так например, иногда по небрежности составителя книги какое-нибудь селение или пустошь попалили совершенно не в тот стан, в котором они в действительности находились⁶; в частный итог вставляются лишние, не существующие

¹ Переп. кн. 16060.

² П. к. 812.

³ П. к. 838, 843; итогов нет вовсе в станах: Сбтемском, Луцком, Утемском, Лахоцком, Пегловском и Якимовском.

⁴ П. к. 190.

⁵ П. С. З., II, № 1200.

⁶ П. к. 685, л. 428: пустошь Чудова монастыря, Мыкошино, расположенная по р. Клязьме, отнесена к Сурожскому стану Моск. уезда, лежавшему далеко к западу от течения Клязьмы.

деревни¹. Редактору иногда ничего не стоит смешать измерение на четверти с измерением на десятины². Иногда составители книги видимо совершенно не умели даже скрыть своего промаха. В конце переписной книги 1678 г. по северной части московского уезда среди итогов находим следующее замечание: «в Московском же уезде по наезду, по досмотру писано, а сказок не дали... и в *котором стану про то неведомо*³. Здесь очевидное противоречие: переписать деревню по досмотру и не знать при этом, в каком она стану, невозможно.

Своеобразные стороны итогов писцовых книг уже обратили на себя внимание в специальной исторической литературе. «Давно известно, — говорит Рожков, — что итоги писцовых книг по волостям, станам, погостам не сходятся с итогами описаний отдельных имений, обыкновенно точно соответствующими тексту описания; с другой стороны, и итоги целого уезда сплошь и рядом расходятся с результатом сложения итогов по волостям и станам. Дело в том, что древнерусские писцы удивительно плохо считали и совершали таким образом двойную ошибку — при исчислении итогов по волостям и при исчислении общего итога». На этом основании сам Рожков в своем исследовании о сельском хозяйстве XVI в. старался избегать пользоваться непроверенными итогами писцов, беря на себя труд делать кропотливый подсчет суммы цифровых данных отдельных имений⁴.

Для сохранившихся книг XVI в., по крайней мере для некоторых из них, грубые ошибки в итогах могли бы быть объяснены тем, что эти книги после пожара 1626 г., а может быть, и раньше, восстанавливались наскоро, по частным спискам или черновым материалам и спешность и небрежность работы была причиной того, что общие итоги разнятся от суммы частных.

Это тем более можно сказать о тех из книг 20-х годов, о которых определенно известно, что они были восстановлены после по-

¹ П. к. 685, л. 206.

² П. к. 910, лл. 11—12: в частных итогах пашни отдельных селений, которые гинут к дворцовому селу Погорельцу (Тверского у.), счет ведется на десятины; в общем итоге этого села он дается в четвертях.

³ Переп. к. 981, л. 547.

⁴ Рожков, Сельское хозяй. тво Моск. Руси, стр. 501, прил. VI. Как это ни странно, описанные приемы Рожкова вызвали горячий протест со стороны проф. Сергеевича (Древности русского права, III, стр. 482—484). Приводя примеры того, насколько расходятся итоги, приводимые Рожковым, от тех, которые находятся в его печатных источниках (Писц. книги Моск. государства, изд. Р. геогр. общ.), проф. Сергеевич делает вывод, что автор разбираемого им исследования неправильно читает источники, и делает из этого главный пункт своего обвинения против Рожкова, ставя ему в упрек, будто он не объяснил, «отчего его итоги расходятся с напечатанными». Очевидно Сергеевич не обратил внимания на то, что цитированное прил. VI к исследованию Рожкова, где автор вполне выясняет свое отношение к итогам, находимым в писцовых книгах, и не дал себе труда проверить хотя бы несколько итогов, приведенных писцами, посредством подсчета цифровых данных из описаний отдельных имений. Это освободило бы его исследование от самых неудачных в нем страниц.

жара 1626 г., т. е., например, о клинских книгах Волконского и московских Кологривова¹. Но оказывается, что одной приведенной причиной паблюдаемое явление объяснено быть не может. Несоответствие писцовых итогов с суммой цифровых данных отдельных имений свойственно и более поздним описаниям и переписям, которые дошли до нас в том самом виде, в каком они были составлены их авторами.

Несколько примеров, взятых из писцовых книг 20-х годов, переписных 1646 и 1670 гг. и писцовых последнего валового письма, помогут составить представление о том, насколько подводимые писцами итоги отклонялись от истины (см. таблицы стр. 39—48).

Просмотр приведенных цифр убеждает в том, что итоги писцов грешат в обе стороны, т. е. и уменьшают и увеличивают истинные цифры. Погрешности очень различны, изменяясь от доли процента, до нескольких десятков процентов. Дмитровская книга 20-х годов, в которой итоги писцов и сумма цифр частных описаний почти совпадают, есть блестящее исключение среди книг этого времени. Погрешности итогов встречаются одинаково и в переписных книгах и в писцовых 80-х годов. Неумение внимательно считать и отсутствие проверки собственных исчислений были, кажется мне, единственной причиной этого странного на первый взгляд, но присущего решительно всем писцовым и переписным книгам явления. Итоги — одно из наиболее слабых мест этих памятников; пользование ими без проверки очень ненадежно и должно быть во всяком случае каждый раз оговариваемо, если по ходу дела без него обойтись нельзя.

Последним моментом, завершавшим составление писцовой и переписной книги, было представление ее в приказ. При этом полагалось книгу принять «осмотра», хотя, в чем заключался этот осмотр, сказать довольно трудно. Можно думать, что настоящая проверка происходила далеко не часто и главным образом по челобитью землевладельцев, недовольных почему-либо действиями писцов. Так как в моем распоряжении не имеется примеров подобной проверки писцовых книг 20-х годов, то я ограничусь несколькими случаями, относящимися к переписным книгам 1646 и 1678 гг.

В книгах 1646 г. по Боровску переписчики подвели следующие итоги:

крестьян и бобылей	1324 дв.;	населения в них	3500 чел.
церковных бобылей	20 »	»	» » 53 »

В том же году «по государеву указу думный дьяк Ф. Елизаров в сех боровских книгах крестьянские и бобыльские дворы выкладывал и подлинник с перечнем верил».

¹ Из писцовых книг по местностям, лежавшим за пределами Замосковского края, то же самое известно о пермских книгах. Труды Пермской уч. арх. ком., II, стр. 15—20.

1. Владимирский уезд

1. Троицкие вотчины:

Д в о р о в	1592—1593 гг.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Монастырских	10	11	+ 10%
Хозяйственных (скотных, конюшенных и т. п.) . .	13	14	+ ок. 10%
Крестьянских и населения в них	473 (477)	492 (495)	+ ок. 3—4%
Бобыльских и населения в них	53 (53)	44 (44)	— ок. 20%
Пустых и мест дворовых	129	102	— ок. 25—30%
Пашни паханой:			
Монастырской	220 ч.	220 ч.	0
Крестьянской	1650 »	1591,5 »	— ок. 4%
Наездом	50 »	53 »	+ ок. 1,5%
Перелог и пашни, лесом поросшей	2823 »	2816 »	— 0,03%

Источник: п. к. М. г., I, 1, стр. 787—809.

Д в о р о в	1616 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Монастырских	4	4	0
Хозяйственных (скотных, конюшенных и т. п.) . .	4	3	— 25%
Крестьянских и населения в них	57 (57)	51 (51)	— 12%
Бобыльских и населения в них	72 (72)	74 (74)	+ 3%
Пустых и мест дворовых	183	180	— ок. 2—3%
Пашни паханой:			
Монастырской	42 ч.	42 ч.	0
Крестьянской	32 ⁵ / ₈ ч.	33 ⁵ / ₈ ч.	+ 3%
Наездом	0	0	0
Перелог и пашни, лесом поросшей	3521 »	3761 »	+ ок. 5—6%

Источник: п. кн. 498.

2. Дворцовые села

Д в о р о в	1646 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Крестьянских и населения в них	3789 (7097)	3445 (7111)	Для дворов — 10% Для населения — почти 0
Бобыльских и населения в них	219 (280)	278 (351)	+ ок. 20%
Источник: переп. кн. 212			

II. Гороховецкий уезд

1. Поместные земли Купленской волости

Д в о р о в	1628 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Помещичьих	26	27	+ 5%
Людских	35	34	+ 3%
Крестьянских и населения в них	160 (309)	162 (306)	+ ок. 1%
Бобыльских и населения в них	98 (172)	98 (176)	нас. + ок. 2,5%
Пашни паханой, наезжей, перелому и пашни, лесом поросшей	4776 ² / ₃ ч.	4117 ¹⁵ / ₁₆ ч.	+ ок. 5%
Сена	3670 коп.	3794 коп.	+ ок. 3%
Леса	159 дес.	151 ¹ / ₈	— ок. 12%
Источник: п. к. 625, лл. 1—137.			

Д в о р о в	1683 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Помещичьих	13	16	+ 20—25%
Людских	0	3	+
Крестьянских и населения в них	103 (?)	103 (630)	Число дворов совпадает
Бобыльских и населения в них	5	10 (138)	Дворов + 100%
Пашни паханой, наезжей, перелому и пашни, лесом поросшей	—	—	—
Сена	—	—	—
Леса	—	—	—
Источник: п. к. 116.			

2. Вотчинные земли Кушленской волости

Д в о р о в	1628 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Вотчинниковых	2	2	0
Крестьянских и населения в них	12 (16)	12 (16)	0
Бобыльских и населения в них	7 (12)	7 (12)	0
Пашни паханой, наезжей, перелог, лесом поросшей	245,5 ч.	260,5 ч.	+ ок. 6%
Сена	190 коп.	190 коп.	0
Источник: п. к. 625, лл. 1—137.			

Д в о р о в	1683 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Вотчинниковых	0	2	+
Крестьянских и населения в них	15 (?)	18 (106)	+ 20%
Бобыльских и населения в них	19	20 (76)	+ 5%
Пашни паханой, наезжей, перелог, лесом поросшей	—	—	—
Сена	—	—	—
Источник: п. к. 116.			

III. Дмитровский уезд

1. Поместные земли Повельского стана

Д в о р о в	1627—1630 гг.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Помещичьих	9	9	0
Людских	5	5	0
Крестьянских и населения в них	19 (75)	19 (75)	0
Бобыльских и населения в них	15 (46)	15 (46)	0
Пашни паханой	187 ч.	187 ч.	0
» наезжей	14 »	14 »	0
Источник: п. к. 627.			

Д в о р о в	1683 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Помещичьих	16	16	0
Людских	3		
Крестьянских и населения в них	91 (400)	90 (403)	+ ок. 1 ⁰ / ₀
Бобыльских и населения в них	2 (8)	3 (6)	— 25—30 ⁰ / ₀
Пашни паханой	—		—
» наезжей	—		—

Источник: п. к. 127.

2. Вотчинные земли Повельского стана

Д в о р о в	1627—1630 гг.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Вотчинниковых	—	—	—
Задворных людей	—	—	—
Крестьянских	—	—	—
Бобыльских	—	—	—
Пашни паханой	—	—	—
» перелог и лесом поросшей	—	—	—

Источник: п. к. 627.

Д в о р о в	1685 г.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Вотчинниковых	29	29	0
Задворных людей	10	10	0
Крестьянских	354 (1547)	356 (1431)	+ $\frac{2}{3}$ —6 ⁰ / ₀
Бобыльских	17 (47)	13 (34)	— ок. 25 ⁰ / ₀
Пашни паханой	5846 $\frac{1}{2}$ ч.	5688 $\frac{5}{8}$ ч.	— ок. 3 ⁰ / ₀
» перелог и лесом поросшей	—	—	—

Источник: п. к. 127.

3. Монастырские земли Повельского стана

Д в о р о в	1592—1593 гг.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Монастырских	13	13	0
Служних, служебниковых и т. п.	73	73	0
Крестьянских и населе- ния в них	117 (200)	117 (200)	0
Бобыльских и населения в них	82 (113)	81 (112)	ок. 1%
Пашни паханой:			
Монастырской	196 ч.	196 ч.	0
Служебниковой	41 »	41 »	0
Крестьянской	564 »	564 »	0
Наезжей	—	—	—
Перелогом и лесом по- росшей	9947 ч.	9949 ¹ / ₁₂	ок. 0,01%

Источник: п. к. М. г. I. 1. стр. 731—786.

Д в о р о в	1627—1630 гг.		
	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Монастырских	14	15	+ 6—7%
Служних, служебниковых и т. п.	—	—	—
Крестьянских и населе- ния в них	917 (973)	915 (967)	— 2/9%
Бобыльских и населения в них	40 (41)	38 (38)	— 5%
Пашни паханой:			
Монастырской	934 ч.	1094 ¹ / ₂	+ 17%
Служебниковой	—	—	—
Крестьянской	3863 ² / ₃ »	3426 ¹ / ₁₂ ч.	— ок. 12%
Наезжей	387 »	405 ¹ / ₂ »	+ ок. 6%
Перелог и лесом поросшей.	7652 ¹ / ₃ »	7420 ¹ / ₃ »	— ок. 2,5%

Источник: п. к. 627.

IV. Звенигородский уезд

1. Троицкие вотчины по дозору 1616 г.

	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Пустошей	89	89	0
Пашни перелог и лесом поросшей	4344 ч.	4344 ч.	0
Сена	2358 коп.	2108 коп.	— ок. 9%
Лесу	50 дес.	49 $\frac{3}{4}$ дес.	— ок. 1 $\frac{1}{2}$ %

Источник: ш. к. 258, лл. 201—219.

2. Частные итоги 3 станов: поместных, вотчинных и монастырских земель по переписи 1678 г.

	Итог писцов	Свой подсчет	% отношение по подсчету
Городской стан	871 дв. (3433 л.)	869 дв. (3878 л.)	почти 0 + ок. 12%
Угожский »	345 » (1410 »)	343 » (1457 »)	0 + ок. 3,5%
Тросенский »	182 » (725 »)	182 » (725 »)	0

Источник: переп. к. 11838.

V. Коломенский уезд

1. Поместные и вотчинные земли Мезынской волости по переписи 1646 г.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Крестьянских и населения в них	43 (128)	43 (128)	0
Бобыльских и населения в них	14 (32)	14 (32)	0

2. Поместные земли Большого Микулина стана по переписи 1646 г.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	По подсчету
Крестьянских и населения в них	293 (944)	295 (957)	+ $\frac{2}{3}$ % + 1 $\frac{1}{2}$ %
Бобыльских и населения в них	187 (454)	195 (452)	+ 4% — 0,5%

Источник: переп. к. 205 и 206.

3. Поместные и вотчинные земли Большого Микулина стана по переписи 1678 г.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Крестьянских и населения в них	1086 (4616)	1086 (4616)	0
Бобыльских и населения в них	648 (2270)	648 (2270)	0

4. Поместные и вотчинные земли Крутицкой волости по переписи 1678 г.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Крестьянских и населения в них	78 (301)	78 (301)	0
Бобыльских и населения в них	34 (90)	34 (90)	0

И с т о ч н и к : переп. к. 9275.

VI. Костромской уезд

Вотчинные и монастырские земли Сущева стана по письму 1684—1686 гг.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Вотчинниковых	6	6	0
Монастырских	2	2	0
Служилых, служебниковых и т. п.	41	0	
Крестьянских. { и населения	393 (1534)	490 (1481)	{ Подсчет писцов совершенно неверен — ок. 40%
Бобыльских. { в них	116 (228)	70 (125)	
Пашни боярской	270 ³ / ₄ ч.	230 ¹¹ / ₁₂ ч.	— 14%
» монастырской	98 ³ / ₄ »	98 ³ / ₄ »	0
» крестьянской	2693 ¹ / ₂ »	2791 ² / ₄ »	+ ок. 7%

И с т о ч н и к : п. к. 219.

VII. Московский уезд

1. Общие площади земель, описанных писцами 1624—25 гг. Кологривовым и Скириным

	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Стан Горетов	25 584 ³ / ₄ ч. в поле	25 779 ⁷ / ₁₂ ч.	+ 0,025%
» Сурожик	13 407 » » »	13 893 »	+ 3,7%
» Манатын	20 335 » » »	20 792 »	+ 2,5%
» Радонез и Бели	13 283 » » »	14 701 »	+ 11%
» Кошелев	4 431 » » »	4 371 »	— 1,25%
» Васильцов	5 697 » » »	5 893 »	+ 3,3%
Тропичные земли в различных станах	23 813 » » »	30 168 ³ / ₄ »	+ 20,25%

Источник: п. к. 260 и 685.

2. Поместные земли Ратуева стана по переписи 1628—1630 гг.

	Итоги писцов	Свой подсчет	Разница
Дворов помещичьих . . .	11	11	0
» крестьянских . . .	22	22	0
Пашни паханой	1 ¹ / ₈ ч.	1 ² / ₁₆ ч.	+ 5,5%
» наездом	327 »	308 »	— 6,6%
» перелог и лесом поросшей	1298 »	1498 »	+ 15%

Источник: п. к. 9807.

VIII. Ростовский уезд

1. Поместные земли Сотемского стана по письму 1685—86 гг.

	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Дворов помещичьих . . .	20	21 ¹ / ₃	+ 5%
» крестьянских . . .	138	130	— 7%
» бобыльских	11	11	0
Населения в них	547 чел.	413 чел.	— 32%
Пашни паханой	1025 ¹¹ / ₁₂ ч.	884 ⁴³ / ₉₆ ч.	— 11%
» в пусте	698 ² / ₈ »	1011 ¹ / ₂ »	+ 30%

2. Вотчинные земли Сотемского стана по письму
1685—86 гг.

	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Дворов вотчинниковых	12	9 ¹ / ₂	— 20 ⁰ / ₀
» крестьянских	711	688	— 0,4 ⁰ / ₀
» бобыльских	41	41	0
Населения в них	2988 чел.	3006 чел.	0
Пашни паханой	2685 ³ / ₄ ч.	2324 ч.	— 17 ⁰ / ₀
» в пусе	431 ⁵ / ₆ »	515 ¹ / ₁₂ ч.	+ 20 ⁰ / ₀

3. Монастырские земли Сотемского стана по письму
1685—86 гг.

	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Дворов крестьянских	158	158	0
» бобыльских	13	12	— 8,5 ⁰ / ₀
Населения в них	53 чел.	41 чел.	— 30 ⁰ / ₀
Пашни паханой	828 ⁵ / ₁₂ ч.	744 ² / ₃ ч.	— 10 ⁰ / ₀
» в пусе	816 ¹ / ₂ »	668 »	— 18 ⁰ / ₀

Источник: п. к. 838.

IX. Переяславский уезд

1. Монастырские вотчины Новосельского стана по письму
1628—1629 гг.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Монастырских	7	7	0
Служных, служебниковых и др.	77 (113) 43 (94) 68 (109) 561 ч.	79 (114) 43 (94) 68 (108) 561 ч.	+ ок. 1 ⁰ / ₀ 0 почти совпадает 0
Крестьянских			
Бобыльских			
Пашни паханой			
» в пусе	328 ¹ / ₄ »	3307 ³ / ₈	+ 1—2 ⁰ / ₀
Сена	6240 коп.	6245 коп.	+ ок. 0,1 ⁰ / ₀
Леса	454 ¹ / ₂ дес.	454 ¹ / ₂ дес.	0

Источник: п. к. 812.

2. Троицкие вотчины по письму 1593—1594 гг.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Монастырских	33	27	+ 20%
Служных и т. п.	44	32	— 25%
Крестьянских	809 (829)	804 (830)	— 0,5%
Бобыльских	62 (62)	57 (57)	— 8%
Пустых	326	323	— 1%
Пашни			
Паханой	4 471 ч.	3 963,5 ч.	— 11%
Наезжей	1 329 »	1 326 »	— 2%
Перелог и лесом порос- шей	10 529 »	9 961,5 »	— 7%
Сена	21 350 коп.	20 495 коп.	— 5%
Леса	1 449 дес.	1 424 дес.	— 1,75%

Источник: п. к. М. г., I, 1, стр. 810—850.

Х. Тверской уезд

Вотчинные земли Суземского стана по письму 1627 г.

Д в о р о в	Итог писцов	Свой подсчет	Разница
Вотчинниковых	19	18	— ок. 5%
Крестьянских	17	18	+ » 5%
Бобыльских	19	21	+ » 10%
Населения в них	59 чел.	69 чел.	+ » 16%
Пашни			
Паханой боярской	219½ ч.	218 ч.	+ » 0,5%
» крестьянской	122 »	143 »	+ » 14%
Наезжей	112 »	128 »	+ » 15%
В пугте	2300 »	1765 »	— » 25%

Источник: п. к. 873, лл. 27—81.

У думного дьяка получились такие цифры:

крестьян и бобылей 1336 дв.; населения в них 3544 чел.
 церковных бобылей 23 » » » » 57 » ¹.

¹ Переп. к. 440, л. 514.

Тот же думный дьяк Елизаров в том же году «выкладывал и подлинник с перечнем верил» и в Новоторжских книгах¹. К сожалению, мотивы этой проверки в обоих случаях остаются нам неизвестными.

Вотдельных переписных книгах 1678—1679 гг. по Московскому уезду мы находим следы дела, возникшего вследствие жалоб и нареканий на действия переписчиков. Ограничусь изложением дела о книге Полуектова (по южной части уезда; дела о других книгах совершенно сходны).

«В 7187 году (1679) били челом государю разных чинов помещики и вотчинники, в Московском уезде и в городах переписчики крестьянские и бобыльские дворы писали за ними не справчиво, не против их сказок, а иные де крестьяне за ними прописаны. И в 187 году, мая в 30-й день, дьяки думный Ив. Горохов с товарищи велели допросить подъячих, которые те переписные книги принимали, почему они те книги у переписчиков без дьячей пометы принимали, и тех переписчиков, не сверяя тех книг с подлинными сказками, ропустили. И в допросе подъячие сказали, те де книги по приказу боярина князя И. Б. Репнина с товарищи имали они, и вместо дьячих помет учинены тетради по столам и по городам и розданы подъячим... И по записным их тетратем те книги переписи Я. Полуектова да подъячего К. Шорина отдать справливать подъячему Осипу Татаринову. А О. Татаринов сказал с 16-го числа (мая) 186, мая по 9-е число 187 году тех книг он не справливал за многими приказными делами, а мая с 9-го числа послан на государеву службу в полки и те книги отдал подъячему Ив. Некрасову. И по приказу дьяков думного Ив. Горохова с товарищи велено переписные книги с подлинными сказками справить и не справные статьи выписать в тетради и закрепя их переписчикам те тетради приложить к переписным их книгам». 3 сентября 1679 г. эти «тетради» с ошибками переписчиков были осмотрены «думным дьяком с товарищи» и приложены к книгам.

Из просмотра списка ошибок писцов оказывается, что в книгах Полуектова 43 несходных со сказками места, а в книгах Дурново — 27². Содержание этих ошибок, в общем, очень незначительно: это — подчистки, ошибки в именах, мелкие пропуски, так что принимать целиком взводимое на писцов обвинение исследователю не имеет права. Приходится предположить, что обвинения, вызванные поспешностью переписи, а также, быть может, последовавшим за переписью введением стрелецкой подати, были несколько преувеличены. Тем не менее факт обвинений налицо.

Мы имеем несколько подобных же случаев проверки переписных книг 1678 г.: в Ржевских книгах в перечне того, что оказалось «со сказками несходно», находим 91 поправку, которые все сводятся к ошибкам в именах, пропускам лет переписанных лиц

¹ Переп. к. 74, лл. 506—8.

² Переп. к. № 9811, лл. 419—433; № 9813, л. 566 (о книгах Волконского; к сожалению, список ошибок утрачен).

и тому подобным мелким погрешностям¹. При проверке Суздальских книг оказались несходными со сказками 93 статьи — также с погрешностями против имен, лет и т. п.². Подобные же примеры можно встретить в Старицких, Романовских и Шуйских книгах³. Единственный пример приказной проверки книги 80-х годов, который мне удалось наблюдать, относится к Ярославлю и дал также повод к составлению перечня найденных в книге промахов: они совершенно сходны с ошибками, найденными приказами в переписных 1678 г.; это ряд описок, пропусков имен и т. п.; серьезных погрешностей сравнительно со сказками населения не отмечено⁴. Характерно, что проверки итогов 1678 и 1684—1686 гг., производимому, не производилось.

Непосредственное сравнение переписных книг с подлинными сказками иногда подтверждает проверку приказных людей; такое впечатление можно вынести из сравнений сказок с известною уже Московской книгой 1678 г. Полуектова⁵: случаи несходства носят такой же характер и встречаются в том же приблизительно количестве, как это указано в перечне, приложенном в книге.

Мне известен только один случай, когда книги, поданные в приказ, были веледствие челобитья местных людей опорочены и официально признаны негодными: это касается Юрьевских книг 1627—1629 гг., составленных Ф. А. Скрыбиным и подъячим Лазаревым, деятельность которых распространялась также и на Боголюбский и Опольский станы Владимирского уезда. «В прошлом во 136 и 137 гг., посланные в Юрьевский Польского уезд писцы Ф. Скрыбин с товарищи... и те Юрьевские книги... по челобитью Юрьева Польского дворян и детей боярских из поместного приказа взяты в челобитный приказ... и тем книгам по государеву указу верить не велено»⁶. Когда в Юрьевский уезд были посланы новые писцы кн. Шехонский и подъячие Васильев и Бекетов, им даны были книги их предшественников только «для ведома сел и деревень и пустошей», а отнюдь не для «приправы»⁷.

Прямые мотивы к такому опорочению книг Скрыбина нам неизвестны; впрочем, принадлежащее ему описание города Юрьева⁸ осталось в силе, как остались в силе и некоторые частные описания, сделанные им в смежных с его писцовым участком местностях Костромского и Владимирского уездов. Поместный приказ, признавший его деятельность вредной и книги его негодными, не довел

¹ Переп. к. 12367, лл. 27—54.

² Переп. к. 11331 (без пагинации).

³ Переп. к. 15407, в начале книги и вторично на листах 260—265; переп. к. 8302; переп. к. 11324.

⁴ П. к. 563, лл. 470—475.

⁵ См. переп. к. 9809 и столб. пом. пр. по Москве № 33137/272.

⁶ П. к. 915, л. 1. «Который список объявлен с книг будто писца Ф. Скрыбина и за его Федоровою рукою, и той выписи верить не для чего потому... те книги опорочены и отставлены... Федотов-Чеховский», А. Г. Р., П. № 163, стр. 628.

⁷ П. к. 915, л. 650; 12610, л. 78.

⁸ Оп бум. и док. А. М. Ю., 1, № 2910.

дела до конца, и часть составленных им описаний сохраняла свое действие. Таким образом и этот единственный в своем роде случай должен быть признан не совсем выполненной и потому не совсем удачной мерой Поместного приказа.

Письмо и перепись были грандиозным предприятием; недаром они поручались, по возможности, привычным людям, специалистам дела. Но выполнение этого дела было сопряжено с большими трудностями, оказывавшимися иногда не под силу тем, кто был призван одолеть их. Затруднения начинались тотчас же по прибытии писца на место работ. Они обуславливались прежде всего самой сложностью задачи, которую предстояло разрешить писцу, а также и переписчику, хотя задача последнего была легче. Писцу предстояло сделать обмер и межевание угодий и их описание, произвести перепись населения, совершить ревизию прав владения землею и выполнить целый ряд поручений финансового характера, наконец, разобрать все судебные дела, которые имели не только прямое, но иногда лишь отдаленное, косвенное отношение к описанным им земельным угодьям. Сопоставим с этой громадной работой небольшой состав комиссии, в которой ответственным работником был только глава ее, малые средства, которыми она располагала, и, наконец, несовершенство технических приемов ее, и будет ясно, что без промахов и уклонений от требований, предъявлявшихся наказами, обойтись было невозможно.

Работа писца кроме того осложнялась особыми причинами — побочными поручениями, которые на него возлагало иногда правительство, природными и климатическими условиями, мешавшими писцу даже объехать весь свой участок, и т. д.

Результаты таких обстоятельств понятны: множество промахов, недочетов, упущений, подрывавших значение той грандиозной работы, которую выполняли писцы и переписчики.

Когда писец или переписчик переходил ко второму периоду своей деятельности и принимался за приведение в порядок своих черновых материалов, выяснялись новые обстоятельства, вредившие порученному ему делу. Дворяне и приказные XVII в. были мало подготовлены к усидчивой, кропотливой и продолжительной работе, а такова была именно работа по составлению писцовых и переписных книг. Там, где это было необходимо, они не умели выработать общей, единообразной редакции официального документа; наконец, что хуже всего, они не умели считать, и это иногда делало подведенные итоги почти негодными.

Небрежное отношение к делу, требовавшему тщательных приемов и напряженной работы, видно и в отношении приказов к книгам, которые им полагалось просмотреть и утвердить. Все дело сводилось к механической проверке пропусков и подчистенных мест; да и это происходило, повидимому, только тогда, когда чья-нибудь жалоба обращала внимание приказных властей. Не было жалоб — и книга оставалась даже без такой проверки. До главного же — до цифр — приказу не было вовсе дела — неправиль-

ные итоги не возбуждали ничьих сомнений, не вызывали никаких протестов, и ими, видимо, пользовались, пока служили для практических целей писцовые и переписные книги.

IV

Для того чтобы дать возможно полную оценку писцовых и переписных книг, как основного источника настоящей работы, остается еще подвергнуть анализу главнейшие группы заключающихся в них известий, установить их сравнительную ценность и объяснить себе значение специальных терминов, которые в этих книгах встречаются.

Во главе переписных книг 1646 и 1678 гг., а также писцовых 80-х годов не редкость встретить краткое изложение указа, который давался писцам с предписанием начать работу и содержал краткую общую инструкцию писцу и переписчику при исполнении его задачи¹. Напротив, в писцовых книгах 20-х годов, а также в дозорных книгах 10-х годов подобного изложения указов не встречается. Указы эти, даже в кратком извлечении, представляют большой интерес, потому что дают возможность (это касается, по крайней мере, переписей 1646 и 1678 гг., письма 1684—1686 гг.) установить общую цель, для которой предпринималась работа, т. е. перепись дворов для переписчика, а для писца 80-х годов — межевание и хозяйственное описание угодий.

Первой группой сведений, сообщаемых одинаково как писцовыми, так и переписными книгами, являются известия о населенных пунктах уезда; в писцовых кроме того описываются еще пустоши — незаселенные участки земли самой разнообразной величины, представляющие нечто целое или в силу природных условий или потому, что ранее представляли владение одного селения (при подвижности населения вследствие экономических и социальных условий XVI и более ранних веков опустение селений случалось часто). Перечень селений и пустошей, заимствуемый писцом из имевшейся под его руками приправочной книги, был нитью, по которой, при отсутствии каких-либо более усовершенствованных средств, можно было ориентироваться в местности. Для исследователя, в свою очередь, этот перечень селений имеет очень большое значение как лучший способ восстановления административной географии Московской Руси.

Терминология населенных пунктов представляется в общем достаточно определившейся еще в XVI в.; мало, сравнительно, меняется она и в течение всего XVII в. Самыми употребительными терминами, служащими для обозначения населенных пунктов в Замосковье, были как ранее, так и в настоящее время *село и деревня*. Если еще в XVI в. термин «село» не всегда имел то же значение,

¹ Пример для 1646 г. — переп. к. 9809; для 1678 г. — переп. к. 16060; для 1685 г. — п. к. 207.

какое он имеет теперь ¹, то в XVII в. это значение совершенно установилось именно в том смысле, какой оно обычно имело в XIX и начале XX в.: село — это населенный пункт, имеющий церковь. Точно так же вполне установившимся следует признать и значение термина «деревня», как селения, состоявшего из известного количества крестьянских дворов. Понятие деревни в наиболее древнем смысле, т. е. деревни, состоящей из одного крестьянского двора ², встречается в Замосковном крае в XVII в. разве только в виде исключения; если в селении один только двор, тогда это уже не деревня, а по наиболее часто попадающемуся выражению «починок»; в некоторых случаях вместо термина починок встречается название «*выставка*» (Владимирский и Дмитровский уезды) ³. Двор помещика или вотчинника, расположенный отдельно от тянувшей к нему деревни, обыкновенно составляет «*сельцо*»; что же касается оседлости помещика среди деревни, то чаще всего она носит название «*усадища*». В Лухском уезде усадьба помещика носит название «*усадища деревни*» ⁴. Отдельно стоящей церкви уже прочно усвоено название «*погоста*» или иногда «*погоста особняка*» ⁵.

Останавливают внимание еще термины «*приселок*» и попадающийся реже «*оселок*»; — приселок — иногда почти то же, что починок; в других случаях — это вновь возникающее село с построенной уже церковью, но еще соединенное в административном отношении с тем селом, из которого основано, или же имеющее один с ним причт. Оселок иногда равен по значению приселку — починку; другое значение этого термина приближает его к пустоши: «да к той же деревне припущен в пашню оселок Ковригин» ⁶.

Небогатая и однообразная терминология населенных пунктов Замосковного края имеет еще одну интересную черту, на которой необходимо остановиться. На русском севере доселе в ходу название «*печище*», чаще всего, по словам А. Я. Ефименко, «обозначающий деревню в нашем смысле слова, т. е. в смысле совокупности угодий, тянущих к населенному месту» ⁷. По объяснению только что названного автора, слово «печище», употребляемое в старинных двинских актах, имеет значение *родственного сожителства, задруги*. Термин «печище» встречается в виде исключения и в Замосковном крае в исследуемую эпоху. В Ржевском уезде был, повидимому, распространен тип селений, разбросанных по частям, но составлявших почему-то одно целое и сохранявших связь между отдельными своими частями: деревня «стоит на двое» ⁸; сельцо Старое «стоит на семеро», иначе имеет 7 выставок или выселков ⁹; в одном месте находим такое

¹ Сергеевич, Древности русского права, т. III, стр. 76.

² Там же, стр. 45.

³ П. к. 627, л. 630; п. к. 12605, см. описание волости Инебожской.

⁴ П. к. 680.

⁵ Например, п. к. 628, л. 177 (Дмитровский уезд).

⁶ П. к. 685, л. 749; другие примеры: п. к. 9807, л. 36, л. 46.

⁷ Ефименко, Исследования народной жизни, стр. 219.

⁸ П. к. 834, лл. 247, 252, 260, 460.

⁹ Там же, л. 273.

объяснение занимающего нас термина: «за Фомою за Осиповым Корочинским старое его поместье пустошь Жарья Лука у озера у Сабра стояла на трое на одном *печище*»¹; следовательно, между тремя частями этой не существовавшей в 20-х годах XVII в. деревни была связь — они основались из одного целого, из одного «печища», которое, может быть, и в этой местности, столь отдаленной от северного поморья, имело значение, сходное с тем, какое ему придает Ефименко, основываясь на документах русского севера.

Терминология пустых земель еще менее сложна, чем терминология селений: основной термин «пустошь» является общераспространенным; лишь в виде исключения в тех же Дмитровских и Владимирских писцовых книгах первой половины столетия, где вместо слова «починок» встречается слово «выставка», термин пустошь заменяется иногда термином *починок*. Пустоши нередко сливались с лежащими близ них деревнями: такое слияние происходило, когда пахотные угодья деревни расширялись и когда смежные земли становились необходимыми для деревенских нужд; это явление носило название «*припуска*», пустошь «припускалась» к деревне. В объяснение этого термина можно привести его вариант: пустоши, сливавшиеся с деревней, бывали при ней в *подмоге*². В последующем изложении все подобные пустоши, припущенные к деревням, считаются с последними за одно целое³.

Порядок занесения селений и пустошей в книгу в писцовых первой половины века и в переписных 1646 и 1678 гг. несколько отличается от порядка, господствующего в книгах 80-х годов; в первой категории памятников, как я уже имел случай отметить выше, за основание принято владение одного лица, хотя бы и чересполосное, которое поэтому описывается все вместе. В писцовых же 80-х годов за основание принято топографическое соседство, так что чересполосные владения одного лица описаны в различных местах.

Окладной единицей второй половины XVI в. была, как известно, соха — определенное количество пахотной земли; отсюда полное равнодушие писцов этого времени к самому населению. В сохранившихся книгах XVI в., например, в Звенигородской 1560—1563 гг. в Коломенской книге Житова 1578 г. или в Московской книге Хлопова 1584—1586 гг.⁴, известия о населении — явление спорадическое; при этом остается неясным, почему в одном месте писец отметил количество людских, крестьянских и бобыльских дворов, а в другом — нет. Есть даже такие книги, где нет вовсе сведений о дворах и населяющих эти дворы людях; таковы, например, древнейшие из известных нам книг Московского уезда — книга 1573—1574 гг. и книга Молчанова⁵. Но уже писцы Троицких вотчин 1592—1594 гг. обращали полное внимание на население описываемых

¹ П. к. 834, л. 336.

² ГАФКЭ, А. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. 24.

³ То же самое делает Рожков, *Сельское хозяйство Московской Руси*, стр. 502.

⁴ П. к. М. г., 1, 1, 96—277, 291—611, 660—730.

⁵ П. к. М. г., 1, 1, 1—53.

владений и производили подробную его регистрацию. Цель дозора 10-х годов — приведение в известность степени разорения и переход к подворному обложению сделали то, что сведения о населении стоят в книгах XVII в. на первом месте.

Исключение составляют только писцовые книги или, вернее, отрывки письма 1680—1681 гг., сохранившиеся по одному Московскому уезду, которые не содержат вовсе описания дворов; выше я объяснил такое явление близостью переписи 1678 г. Во всех писцовых книгах на первом месте встречаем известия о дворах владельческих — вотчинниковых, помещиковых и монастырских; часто рядом с этим встречаются известия о дворах «скотых», «конопешных» и т. п., что указывает на большее или меньшее развитие владельческого хозяйства. За владельческими дворами, которые по большей части являются населенными холопами, *деловыми людьми*, перечисляются в писцовых дворах людские — *задворных людей*. В нашей литературе установлен факт, что деловые и задворные люди были впервые включены в число тяглых людей переписью 1678 г.¹; не следует, однако, думать, что известий об этой категории не встречается ранее: известия о холопском населении — явление очень нередкое и в писцовых 20-х годов, но так как в то время они не платили тягла и общее количество их писца не интересовало, то обыкновенно итоги холопских дворов и их населения не подводились². Указы о производстве переписи 1646 г. ничего не говорят о холопском населении, а предписывают совершить перепись только крестьян и бобылей; поэтому известия о холопах встречаются в немногих сравнительно памятниках этой переписи, например, в Московской книге северной половины уезда кн. Долгорукова³ или в Коломенской книге Неелова⁴.

Сведения о дворах крестьян и бобылей заключаются во всех, как писцовых, так и переписных книгах XVII в.; различные категории исследуемых памятников в этом отношении все сходятся. В монастырских вотчинах имеются кроме того сведения о служках, служебниках, монастырских детенышах и тому подобных специальных видах населения монастырских вотчин вообще и подмонастырских слободок в частности. Переписные 1678 г. и писцовые 80-х годов очень часто среди холопского тяглого населения отмечают *полонных людей литовского полону*, местами в довольно значительном количестве.

Остановимся на некоторых из терминов, обозначающих отдельные группы населения.

¹ *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства в России. 1-й сборник статей. *Лаппо-Данилевский*, Очерк истории образования гл. раз. крестьянского населения. Сборник «Крестьянский строй», 1, стр. 74.

² Один из редких примеров подведения писцом итогов холопского населения можно видеть в Ржевской книге 1624—1628 гг. — п. к. 833, лл. 469—475.

³ Например, переп. к. 9809, л. 366 (вотчина бояр. Н. Ив. Романова).

⁴ Переп. к. 205.

Прежде всего о крестьянах: термин *крестьянин* и понятие о пашне, возделываемой этим крестьянином, почти нераздельны. Однако русская действительность XVII в. знала и *крестьян непашенных*. Правда, эта группа населения очень немногочисленна, и представители ее попадались, можно думать, только как исключение, но тем не менее непашенные крестьяне встречались. В 20-х годах в Ростовском поместье боярина Б. И. Стрешнева, селе Никольском Погосте, было 25 дворов непашенных крестьян: «в селе 2 двора каменщиковы, а тягла с сошными людьми не тянут... в селе ж непашенных крестьян 25 дворов, а людей в них 29 человек, а платити тем непашенным крестьянам государевы подати с четверти с полсминою пашни»¹. 60 лет спустя в том же селе, бывшем в это время вотчиною кн. Василия Васильевича Голицына, писец опять отмечает 24 двора непашенных крестьян с населением в 82 души мужского пола². Такие же непашенные крестьяне были еще в вотчине Богоявленского Ростовского монастыря, слободке Спасской у Ростовского озера³.

Что это за люди? В селе Никольском существует промысел — каменные работы; слободка Спасская лежит на берегу Ростовского озера, где были развиты рыбные промыслы. Можно предположить, что те, которых писец, вероятно со слов их самих, назвал непашенными крестьянами, были ремесленниками и притом, раз они, как видно из книги 20-х годов, тянули полное крестьянское тягло, ремесленниками не бедными. Обыкновенно подобные сельские непашенные ремесленники причислялись к бобылям; здесь же мы, вероятнее всего, имеем дело еще с одним проявлением недостаточной определенности московской юридической терминологии.

Мнения о бобылях известны⁴. Наиболее распространенным было мнение Беляева о том, что бобыли — это сельские жители, которые сидели на половинном против крестьянского тягле. Дьяконов выдвинул необходимость изучения других сторон жизни бобылей. Самая главная особенность бобыльства, по мнению названного ученого, — его безземельность и, следовательно, отсутствие бобыльской пашни. Другая черта, свойственная бобылям, — это то, что первоначально они были *нетяглой* группой сельского населения. В тягло они были включены только в эпоху введения оклада по живущей четверти, вследствие того, как думает Дьяконов, что правительство, опасаясь чрезмерного увеличения бобыльства, признаки которого стали в это время обнаруживаться, «решилось привлечь к отбыванию государственного тягла до тех пор нетяглое бобыльское население». Вместо тягла по разверстке сошного оклада бобыли до этого времени платили в казну особый *оброк*, повидимому

¹ П. к. 838, лл. 5—6.

² П. к. 839, лл. 112—115.

³ П. к. 843, л. 462.

⁴ См. Дьяконов, Очерки по истории тяглого населения, стр. 206, перечень работ, содержащих важнейшие мнения о бобылях.

несколько меньший, нежели тягло крестьян, включенных в сошное письмо ¹.

В разборе работы Дьяконова Лаппо-Данилевский признает, что суждения автора о хозяйственном положении бобылей вполне основательны, и присоединяется к мнению Дьяконова о безземельности, как существенной черте бобыльства. С другой стороны, Лаппо-Данилевский отмечает еще одну коренную черту бобыльства: бобылем обыкновенно считали человека одинокого, бессемейного или, по крайней мере, «малосемьянистого». Наконец, оспаривая мнение Дьяконова о чрезмерном росте бобылей в XVII в., критик подрывает в общем и его предположение о причинах, заставивших правительство включить бобылей в тягло ².

Мне кажется, что все доселе высказанные мнения о бобылях, в целом в значительной мере выяснившие значение этой группы населения, страдают одной, всем им свойственной неправильностью: все исследователи за термином «бобыль» склонны видеть вполне определенное и ясное для людей московской эпохи юридическое понятие, забывая, что именно с этой стороны более всего грешила московская старина, почти не умевшая вырабатывать таких определенных понятий.

Первое значение слова «бобыль» — то же, какое это слово имело среди крестьян значительной части Великороссии: бобыль — человек, большей частью, одинокий или малосемейный и, во всяком случае, бедный. Эти свойства бобылей отмечены в литературе; в писцовых и переписных книгах находим множество примеров, подтверждающих высказанное положение: «В Углицкой Троицкой вотчине... селе Прилуках безместные бобыли... в той волости и по за волостью кормятся работою своею, дворов у них своих нет, живут по чужим людям» ³. В Серпуховском уезде упоминаются живущие по чужим дворам «увечные, бродящие бобыли» ⁴; бобыли иногда называются «приходцами», чем намекается на их отчужденность от данной местности ⁵.

Недавно появившийся пришлец, батрак, обедневший крестьянин не владели обыкновенно пашней, а зарабатывали себе на существование наемной работой или же каким-нибудь ремеслом или промыслом.

Типичными примерами здесь могут служить подмосковные бобыльские слободы, возникавшие на частновладельческих и монастырских землях: в Манатыне стану находилась ныне фактически вошедшая в состав Москвы «Слободка боярская, а Марьиная тожь... а в ней бобыли... (65 дворов)... а те бобыли у кн. И. Б. Черкасского на оброке, а пашни им в поле не дано» ⁶. С другой стороны Москвы, в Ва-

¹ Дьяконов, Очерки по истории тяглого населения, стр. 203, 213, 215, 225, 226.

² Лаппо-Данилевский, Разбор сочинения Дьяконова в Отчете о 41-м присуждении Уваровских премий, стр. 91, 98—104.

³ Угг. п. к., стр. 171 (Врем. Дем. лица, т. 41—46).

⁴ П. к. 429, л. 21; другой пример — Р. И. Б. XIV, Акты Холм. и Уст. епархии, № 620.

⁵ П. к. М. г., л. 787, 792.

⁶ П. к. 685, лл. 790—791.

сильщове стану, находилась «Крутицкого митрополита слободка Дубровка непашенная, а в ней живут непашенные бобыли, а кормятся в сараях кирпичною работою»¹.

Отсюда вторичное значение, скрывающееся за словом «бобыль»: бобыль чаще всего беспашенный ремесленник. Несмотря на обыкновенную свою бедность, бобыль не был изъят из государственных повинностей: не будучи включен в сошное письмо, он все таки в XVI в. платил особый оброк в казну², а потому считать бобылей совершенно нетяглыми людьми нельзя, ибо действительно нетяглыми были долгое время только холопы, не платившие до второй половины XVII в. никаких податей в казну. Включение бобылей в общее тягло с крестьянством, следовавшее одновременно с введением живущей четверти, было не новым явлением, а только упорядочением дела посредством установления определенного уменьшенного бобыльского тягла. Как совершенно верно указал уже Лаппо-Данилевский, говорить об увеличении бобылей в XVII в. надо очень осторожно³. Ниже увидим, что это увеличение было чисто временным явлением и им объяснить включение бобылей в тягло, как это делает Дьяконов, нельзя. Однако обедневший крестьянин мог в благоприятных случаях приняться вновь за пашню; на пашню мог перейти и ремесленник. Пашенные бобыли далеко не редкость уже в XVI в. Еще гораздо более часто встречается бобыльская пашня в XVII в. К примерам, находимым у Дьяконова⁴, можно было бы прибавить очень много новых, взятых из писцовых книг XVII в. Пашенное бобыльство — естественный переход от бобыльства к крестьянству; бобыли, перейдя на пашню и повышаясь экономически, переходят в крестьяне: в 1678 г. в Дмитровской вотчине стольника Карашиперова, селе Шолохове, числилось 8 дворов крестьянских и 2 бобыльских; 7 лет спустя писцы нашли в нем уже 10 дворов крестьян⁵. Таким образом для наиболее зажиточных бобылей открывался прямой путь к крестьянству. Сравнение количества бобылей в отдельных местностях за 20-е и 70-е—80-е годы XVII в. показывает, что в общем число бобылей уменьшилось⁶; это объясняется тем, что, по мере того как сглаживались следы разорения начала XVII в., множество людей, временно попавших в число бобылей, постепенно возвращалось в крестьянство.

Высший слой бобыльства, по классификации М. А. Дьяконова, к концу столетия почти исчез, потому что пашенные зажиточные бобыли фактически перешли в состав крестьян. За термином «бобыль»

¹ П. к. 685, л. 1164.

² Лаппо-Данилевский, Разбор сочинения Дьяконова, стр. 163—165; об этом виде оброка вообще см. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 21—23.

³ Лаппо-Данилевский, Разбор сочинения Дьяконова, стр. 100.

⁴ Очерки, стр. 219—221.

⁵ П. к. 127; переп. к. 15064.

⁶ Лаппо-Данилевский, Разбор сочинения Дьяконова, стр. 100—104; см. также ниже, гл. IV.

в эту эпоху оставалось, можно думать, двойное значение — с одной стороны, так попрежнему назывались ремесленники подгородных и подмонастырских слобод, иногда очень зажиточные, но не имевшие пашни, по существу близкие к посадским людям, но для которых Московская Русь не выработала особого названия; с другой — слово «бобыль» сохранило свой первоначальный смысл и обнимало тех обедневших, часто одиноких лиц, которые стояли на низших ступенях общественной лестницы, где, по выражению Дьяконова, «сливались с разношерстной массой казаков, монастырских детенышей, захребетников, прикромников, подсосудников, задворных людей и т. д.»¹.

Вопрос о составе населения двора, по данным писцовых и переписных книг, вызвал в литературе несколько разноречивые толкования. В тех книгах XVI в., где приводятся данные о населении, число жителей мужского пола лишь в редких случаях превышает количество дворов. Исследователь экономической истории этой эпохи, Рожков, принимает число душ мужского населения за действительное количество *мужского рабочего населения дворов*². Такой взгляд вызвал возражение со стороны Ключевского, который, разбирая работу Рожкова, высказал мнение, что «люди во дворе», перечисляемые писцами, только домохозяева, рабочий же состав двора был сложнее³. К тому же выводу, на основании изученных им Новгородских книг, приходит и Сергеевич, который полагает, что писцы записывали имена хозяев предприятия, домовладык⁴.

На чьей стороне правда?

Мне кажется, что поразительное однообразие состава населения двора, наблюдаемое по писцовым книгам XVI в., когда во дворе почти непременно является один мужчина, не есть отражение истинного количества сельских обывателей мужского пола и, скорее всего, объясняется условной «техникой писцовых книг»⁵, смысл которой одновременно и совершенно согласно раскрыт такими разнородными научными авторитетами, как Ключевский и Сергеевич: перечислять все население двора не было нужды и потому, что при сошном окладе количество людей во дворе мало интересовало правительство.

Перейдем теперь к более всего интересующим нас писцовым книгам XVII столетия.

Вот примеры, иллюстрирующие положение дела по писцовым книгам 20-х годов:

¹ Дьяконов, Очерки, стр. 219.

² Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси, табл., стр. 148—151, 170—173, 178—179.

³ Ключевский, Рецензия на сочинение Рожкова «Сельское хозяйство Моск. Руси», стр. 6 (Отчет о 44-м присуждении наград гр. Уварова).

⁴ Сергеевич, Древности русского права, т. III, стр. 58, 59.

⁵ Ключевский, там же, стр. 6.

Местность	Год	Число дворов	Число людей муж. п. в них	Отношение	Источник
		(по итогам писцов)			
Звенигородский у.	1624—28	290	421	1,4	П. к. 638
Волоколамский »	1625—26	60	100	1,66	» » 613
Верейский »	1628—29	112	143	1,2	» » 606
Устюженский »	1628—29	412	789	1,9	» » 901
Дмитровский »	1627—28	804	2015	2,25	» » 877
Углицкий »	1628—29	1286	1921	1,5	Писц. кн. Углицк. у. Врем. Дем. лицей, т. 41—46
Шуйский »	1629	994	1643	1,6	П. к. 11329
Новоторжский »	1629—30	120	288	2,4	П. к. 801
Костромской у. (Троиц- кие вотч.)	1630	102	162	1,6	П. к. 209, 210
Владимирский у. (Троиц- кие вотч.)	1636—47	209	358	1,7	П. к. 12608—610

Хотя приводимые цифры почерпнуты из писцовых итогов и, следовательно, не заслуживают, по высказанным выше соображениям, безусловного доверия, однако взаимное отношение их не может возбуждать особых сомнений. Количество обитателей мужского пола в каждом дворе, хотя еще не велико, но уже значительно повысилось сравнительно с предыдущей эпохой: во дворе значится от 1,5 до 2,5 мужчин. Принимая во внимание, что время составления писцовых книг, из которых почерпнуты помещенные здесь данные, — ближайшие годы после крестьянской войны и польской интервенции, когда население убывало, разошлось, нужно, кажется мне, думать, что цифры населения во дворах, сообщаемые писцами той эпохи, имеют уже совсем другое значение, нежели цифры XVI в.: здесь уже с большей долей вероятности можно предположить, что мы имеем дело со всем количеством мужского населения двора; это логически понятно еще и потому, что в 20-х годах, с обнаружением постепенного перехода от сошного обложения к подворному, вопрос о жителях двора получил гораздо больший интерес для правительства, нежели прежде. Указ о переписи 1646 г., помещенный в начале некоторых переписных книг этого времени, уже не оставляет никакого сомнения в том, что в дворах переписывалось все мужское население. То же было в 1678 г.; тот же принцип был перенесен и в писцовые книги 1684—1686 гг., в которые, по примеру переписных книг, вносилось все мужское население двора. Это обстоятельство, помимо естественного увеличения населения, помимо скучения его во дворах, что, как увидим ниже, было следствием особых причин, несколько поднимает цифру населения двора, сравнительно с писцовыми 20-х годов, и это следует иметь в виду при пользовании данными о населении, находимыми в книгах обеих эпох.

Среди данных, сообщаемых писцами и переписчиками о населении, встречается немало известий о беглых холодах, крестьянах и бобылях. Как ни велик сам по себе интерес, представляемый этими известиями, они не могут дать даже приблизительного понятия о том, насколько часто бывали побеги среди сельских обывателей Замошья и каков был процент беглых. Это ясно из отношения населения к писцу и к беглецам. Иногда населению, как крестьянам, так иногда и дворянам-землевладельцам, как, например, в эпоху дозора 10-х годов, могло казаться выгодным даже преувеличить число беглецов, чтобы выставить свою несостоятельность и невозможность тянуть старое тягло; в других случаях, если беглецы скрывались где-нибудь вблизи, бывало более удобным утаить самый факт побега, чтобы не дать повода к какому-нибудь сыску. В этих случаях, когда наличность опустевших вследствие побега дворов не имела фискального значения, т. е. когда раскладка податей совершалась самим населением «по животам и промыслам», данные о беглых не представляли интереса для писца, который мог в этих случаях отнестись к ним небрежно и записать только случайно некоторые из них.

В общем, все известия о беглых, сообщаемые писцовыми и переписными книгами, следует признать весьма мало надежными и требующими чрезвычайно осторожного пользования.

Выше были выяснены некоторые особенности итогов писцовых и переписных книг, которые делают их не совсем достойными доверия в наших глазах с внешней, если можно так сказать, стороны; общие итоги не совпадают с суммами частных итогов, если дать себе труд сложить последние. Но кроме внешней достоверности, есть еще достоверность внутренняя. Об этой-то внутренней достоверности особенно уместно сказать два слова, говоря об известиях, касающихся населения.

Известно, что перепись тяглового населения, предпринятая Петром I в 1718 г., дала к концу 1721 г. общую цифру 3 с небольшим миллиона душ в шести губерниях из девяти. Ревизия переписи в тех же 6 губерниях обнаружила более 4 150 000 душ. В первой четверти XVIII в. население, всячески уклоняясь, сумело в известный момент утаить более 30% из своей среды. То, что было возможно в начале XVIII в., могло случиться и ранее.

С другой стороны, не следует забывать и о наблюдаемой нередко тенденции писцов оставлять в силе «навальное сошное письмо» и уплату за пустые дворы¹. Такие явления, отнимая у цифр, выражающих количество населения, их абсолютную достоверность, дают возможность видеть в них только некоторое отражение действительности. Однако для исторического исследования и этого достаточно. Сравнивая цифры населения за разные моменты изучаемой эпохи и признавая, что каждая из них в одинаковой степени может расходиться с действительностью, можно прийти к заключению, что взаим-

¹ Милоков, Спорные вопросы, стр. 106, 106.

ное отношение их остается очень близким к истинному и таким образом процесс изменений в истории населения может быть изучаем при помощи наших источников с достаточным приближением к истине.

Отметим еще термин *польник* или *полник*, встречающийся в некоторых книгах. И. И. Лаппо на основании изучения Тверских книг XVI в. приходит к заключению, что полники были холопы полные или кабальные¹. В некоторых книгах XVII в. по Замосковному краю изредка встречается этот термин, но значение его не совсем ясно. Вот примеры: в подмонастырской слободке Борисоглебского монастыря в Ростовском уезде наряду с разными видами непашенного населения отмечены «польники, стерегут монастырский хлеб в полях»². В дворцовом селе Всегодичах Владимирского уезда переписчики 1646 г. отметили полников 2 двора³. В первом случае значение термина особенно темно: можно даже подумать, что это какая-то особая должность в монастырском хозяйстве — нечто вроде сторожей монастырских пахотных угодий; во втором случае — это что-то другое, но во всяком случае полники здесь не холопы, ибо дело идет о дворцовом селе. Не имеем ли мы здесь дела с каким-нибудь особым видом держания земли, напоминающим положение половников, столь многочисленных еще в XVII в. на русском севере, но которые в более раннее время существовали и в Замосковье⁴. Впрочем, за неимением более определенных данных, я высказываю такое мнение только в виде возможного предположения.

Во всех писцовых книгах самое видное место занимает описание пахотных угодий. По обычной старорусской терминологии, усвоенной почти всеми писцовыми книгами, эти угодья распадаются на *пашню паханую*, *пашню наездом*, *пашню перелогом* и *пашню, лесом поросшую*. Сравнение известий о пашне, находимых в писцовых книгах различных эпох, возбуждает некоторые вопросы, на которых следует остановиться.

Под пашней паханой книги второй половины XVI и первой XVII в. подразумевают участок пашни, состоящий в окладе и обыкновенно расположенный при том селении, к которому принадлежит. Количество пашни паханой всегда дается в четях, считаемых в трех полях.

Обычай считать пахотные угодья всегда в трех полях в этом случае применялся, надо думать, как наиболее привычный способ счета, особенно в первой четверти XVII в., когда, как я постараюсь ниже доказать, правильный трехпольный севооборот, если где и наблюдался в Замосковье, то только в виде исключения. Общие размеры пашни паханой, как они даются в книгах конца XVI и 80-х

¹ Лаппо, Тверской уезд, стр. 17.

² П. к. 841, лл. 286 и 287.

³ Переп. к. 212, л. 397.

⁴ О половниках на севере см. Дьяконов, Очерки по ист. тяглого населения, стр. 144—206 и Лапто-Данилевский, Рецензия на соч. Дьяконова. Отчет о 41-м присуждении премий гр. Уварова, стр. 82—84.

годов XVII в., не возбуждают никаких вопросов. Не совсем так дело обстоит с книгами 20-х годов.

Среди книг того времени есть такие, известия которых о размерах паханой пашни не оставляют никакого сомнения в своей реальности: сюда относятся, например, Московские книги северо-западной части уезда писцов Кологривова и Скирина, Дмитровские книги, Белозерские, Вологодские, Пошехонские, Ярославские, Юрьевские, Бежецкие, Устюженские, Угличские, Новоторжские, Ржевские, Переяславские, Владимирские.

Совсем иное явление наблюдается в других книгах: пашня вотчинникова и помещикова, пашня нетяглая, подлежащая обелению от податей, а также пашня наезжая ¹ приводятся в размерах совершенно реальных; но тяглая пашня *крестьянская* дается в цифрах, во-первых, поражающих своей малой величиной и, во-вторых, чрезвычайно близко подходящих, а чаще всего совпадающих с окладом по живущей четверти. Вот примеры:

Местность	Пашня паханая крестьянская	Число дворов крест. и бо- быльских	Платить в жи- вущее: с	Источник
Московск. у., Рогожский стан (восточ- ная часть) . .	1 ¹ / ₄ чети в поле	13 + 7	1 ⁵ / ₁₆ четв.	П. к. 261, л. 308
Ратуев ст., по- мestья (юж- ная часть) . .	4 ³ / ₁₆ > > >	22 + 9	4 ³ / ₁₆ >	П. к. 9807, лл. 56, 57
Старицкий у. (весь)	20 ⁷ / ₃₂ > > >	192 + 124	16 ¹ / ₈ >	П. к. 862, лл. 663—673
Ростовский у., Сотемский ст., помestья . . .	2 ²⁵ / ₆₄ > > >	11 + 14	2 ¹⁵ / ₁₆ >	П. к. 838, лл. 1—90

Те же наблюдения можно сделать, изучая Клинские, Звенигородские, Зубцовские, Костромские ² и некоторые другие книги той же эпохи.

Сравнивая способ исчисления пашни паханой в первом и во втором случае, следует прежде всего признать, что здесь мы встречаемся с новым проявлением отсутствия единства в приемах работавших одновременно писцов. И это обстоятельство, пожалуй, только затемняет дело. Близкое сходство цифр, выражающих раз

¹ Об этом явлении см. Рожков, Сельское хозяйство, стр. 266 и Ключевский, Рецензия на работу Рожкова, стр. 18.

² Нагорная половина (но это только предположение).

меры пашни паханой и размер платы «с живущего», а порою и их совпадение обратили на себя внимание Миклашевского¹, который и поставил вопрос: «каким образом должны мы смотреть на цифры, стоящие под рубрикой «пашня паханая» в писцовых книгах первой четверти века?» Приводя примеры, почерпнутые, главным образом, из исследованных им южных уездов государства, Миклашевский обращает внимание на необыкновенно точное распределение всей земли поместья на пашню паханую, перелог и дикое поле, «настолько точное, что можно подозревать, что оно есть результат некоторого вычисления, а несколько не выражает собою реальной действительности», а также на микроскопические размеры пашни паханой и приходит к предположению, что наблюдаемое явление может служить «для большего выяснения происхождения живущей четверти в смысле указа 1630 г. *Не предшествовала ли ей такая раскладка податной тяготы, основанием для которой было не число крестьянских и бобыльских дворов, а некоторая часть пашни, которая истари клалась в сошное письмо*» К сожалению, нельзя удовлетвориться этим простым и ясным предположением, которое, казалось бы, дает ключ к прямому решению вопроса. Миклашевский имел дело с южными уездами, в которых он везде встречал один и тот же прием исчисления пашни паханой. В обширном Замосковном крае дело обстоит иначе: в Московском уезде к северу от столицы писцы поступали так, а к югу и востоку — иначе. Приемы коломенских писцов отличались от приемов владимирских; приемы ростовских — от приемов ярославских и т. д.

В примерах, приводимых Миклашевским, наблюдается только совпадение размеров паханой пашни и платы с живущего; в книгах Замосковного края приходится наблюдать не одно совпадение, но также, как видно из отмеченных выше примеров, и близкое сходство, но не полное тождество.

Все это только усложняет разрешение вопроса, полного ответа на который я не могу дать, опираясь на имеющиеся в моем распоряжении материалы. Можно, впрочем, с достоверностью также сказать, что вообще в тех местностях, где наблюдается интересующий нас способ регистрации пашни паханой, крестьянской пашни было очень мало. Оставаясь в области гипотез, следует во всяком случае думать, что в наблюдаемом явлении мы имеем дело с одной из стадий перехода от единицы обложения сохи — участка пашни, к сменявшей ее после годов разрухи искусственной единице обложения — живущей четверти. Полная разгадка разбираемого явления может последовать, только когда нам будет в деталях известна эволюция в организации прямого обложения, которая заменила соху живущей четвертью в том смысле, как она известна нам по указу 1630 г.² До тех

¹ Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, стр. 42—55.

² Сторожев, Указная книга Пом. приказа, стр. 100—103 и прил. 14; Липпо-Данилевский, Организация прямого обложения, прил. VIII.

пор к цифрам, выражающим размеры пашни паханой, реальность которых подвергается сомнению, следует относиться в высшей степени осторожно, и во всяком случае, оговаривать пользование ими¹.

Рядом с пашней паханой еще в книгах XVI в. появляется другая категория пахотной земли — пашня «наездом» или «наезжая». Относительно наезжей пашни в нашей литературе Рожковым² высказан совершенно определенный взгляд. Привожу его здесь: «Пахать землю наездом значило эксплуатировать ее нерасчетливо, хищнически, без правильного оборота, истощая почву. Что такое понимание этого выражения правильно, это лучше всего доказывается отношением правительства к наезжей пашне: она вся причисляется в писцовых книгах к пашне, лежащей в пусте, не подлежащей обложению налогами; стоит открыть любую писцовую книгу, чтобы убедиться в этом. Кроме того, передки и прямые указания источников на пахоту наездом, как явление регрессивное с хозяйственной точки зрения. Ограничимся одним примером: по акту 1561 г. один монастырь владел в Переяславском уезде 13 деревнями; эти деревни «запустили небреженьем прежних игуменов, потому что прежние игумены те монастырские земли пораздавали в оброк приказным людям, сокольникам и конюхам и иным многим людям: и те приказные люди те монастырские деревни многие пахали наездом, и оттого те их села и деревни позапустили».

Совсем другое мнение высказал критик Рожкова, Ключевский: «Наезжая пашня иногда является следствием не ухудшения хлебопашества, а перемещения хлебопашца: крестьянин переходил в соседнее селение, но не покидал своего участка, продолжая пахать его наездом. Чаше такая пашня была признаком не упадка, а зачатка земледелия там, где его не было, или средством его поддержания там, где оно падало: наездом или разрабатывались пустоши, или обрабатывались доли, покинутые прежними работниками. Увеличивался рабочий состав двора, а вместе с ним и рабочий инвентарь, распахивалась по близости пустошь, на которой потом садился на льготе отделившийся сын от отца, либо брат от брата и т. п. Тогда пустая пашня, паханная наездом, превращалась в жилой починок или деревню. Вообще наезжая пашня вызывалась потребностью расширения или передвижения крестьянского труда, обыкновенно не понижая сама по себе его техники... Неправильность наезжей пашни была не столько агрономическая, сколько юридическая: пользование ею было фактическое, не нормированное законом...»³.

Рассмотрим, которое из двух мнений ближе к истине. Прежде всего, относительно приводимого Рожковым примера можно допустить

¹ К такому же выводу относительно пользования данными о пашне паханой пришел и Миклашевский, К истории хозяйственного быта, стр. 47.

² Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси.

³ Ключевский, Рецензия на соч. Рожкова в Отчете о 44-м присуждении премий гр. Уварова.

и другое объяснение: села и деревни могли быть пустыми не от хищнического хозяйства, а просто от того, что взявшие их на оброк лица в них не жили, а наезжали туда по временам для сельских работ.

Памятник ничего не говорит о запустении пашен, а только о запустении деревень, что могло последовать от того, что в них не было жителей. Этимологический смысл термина «наезжая пашня» вполне понятен: это участки пашни, которые обрабатывают «наезжая», но не живя при них. В писцовых XVI в. можно найти много определений, объясняющих истинный смысл наезжей пашни. В переписи Московских Троицких вотчин 1592—1594 гг. под наездом разумеется пашня в пустошах «из найму»; наезда в деревне не встречается, пашня наездом — это почти всегда участок земли на пустоши, состоящий в оброчном владении за лицом, его распашавшим¹.

То же самое значение придается наезду в Углицких книгах того же времени² и в Коломенских книгах Житова 1578 г.³ В некоторых местностях это прямо указывает на то, что наезжая пашня по преимуществу находилась в пустошах⁴. Итак, наезд в основном смысле этого понятия — это отданная на оброк пашня, обрабатываемая вдали от деревни, на пустом незаселенном участке.

Наезжая пашня встречается в течение всего XVI в. Однако нельзя сказать, чтобы общее количество наезжей пашни было особенно большим, точно так же нельзя сказать, чтобы наезд обнаруживал стремление к увеличению в конце века. Приведем несколько примеров из работы Рожкова: из 65 имений, часто очень крупных, о которых имеются сведения за вторую половину XVI в., наезжая пашня обнаружена только в 20.

За исключением предпоследнего примера, везде наезд составляет очень небольшую часть всей пахотной земли, не превышая в среднем $\frac{1}{10}$ ее части⁵.

Между тем известно, что последняя четверть XVI в. — время хозяйственного упадка старинных государственных областей центра, и если наезжую пашню считать явлением, указывающим на не вполне

¹ П. к. М. г., 1, 1, 55—58, 61—63, 66—86.

² П. к. М. г., 1, 2, 34: «да пашни ж паханые наездом из найму 71 чети, а наем с тое пашни емлют в монастырь».

³ П. к. М. г., 1, 1, стр. 455.

⁴ П. к. М. г., 1, 817, 835, 836: в Троицких вотчинах Переяславского уезда; в этой книге встречается и термин «наезжая пашня» в том смысле, как в Московских или Углицких книгах; напр., стр. 873: «того же села Шаропова пустоши, а пахут их из найму наездом, а наемные деньги емлют в монастырь». Особенно ясно видно тождество пустотной и наезжей пашни из следующего примера (стр. 840, 41): деревня Соляниково... пустотные пашни, что из монастыря дают в наем 4 чети... пустошь, что была деревня Калитино: пашня паханая, что из монастыря дают в наем в поле 4 чети, пустошь, что была деревня Захарково: пашня паханая, что из монастыря дают в наем 4 чети. В итоге по имени находим... наездом пахано 12 чети, т. е. цифры наезда совпадают с цифрами пустотной и наемной пашни.

⁵ Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси, табл., стр. 68—71.

Размеры наезжей пашни видны из следующей таблицы:

Уезд	Год	И м е н и о	Пашня		Источники
			паханая	наезжая	
в десятинах					
Московский	1573	Поместья и вотч. в 7 станах Вотчины Троицкого монастыря	1 437,3	787,5	П. К. М. Г., 1, 1, 1, 1—39
	1593—94		12 304,8	957,9	П. К. М. Г., 1, 1, 53—95, 277—280, 282—283
	1592—93		6 440,6	556,2	П. К. М. Г., 1, 1, 731—786
	1592—94		2 822,2	75	П. К. М. Г., 1, 1, 789—809
Переяславский	1562	Вотчины:			
	1592—93	Махришского монастыря	1 969,8	256,5	Г. К. Э., № 8930
	»	Троицкого »	5 404,5	1 646,2	П. К. М. Г., 1, 1, 810—841
	»	Киржацкого »	1 481,3	356,2	П. К. М. Г., 1, 1, 841—850
	Муромский	Троицкого »	3 828,7	37,5	П. К. М. Г., 1, 1, 873—892
	Можайский	Симонова »	37,5	3	Г. К. Э., № 7621
	Верейский	Троицкого »	2 475	55,5	Г. К. Э., № 608, л. 104—115
	»	Новодевичьего »	399	133,5	Г. К. Э., № 7173, л. 17—25
	»	Поместные земли уезда	33 187,8	2 291,2	П. К. 70
	Ржевский	1589—90			
Зубовский	1595—96	Вотчины:			
	»	Чудова монастыря	679,5	51	Г. К. Э., № 4837
	Новогоржский	Троицкого монастыря	1 065,5	105	Г. К. Э., № 8336
	»	Рождественского монастыря	—	7 1/2	Г. К. Э., № 8338
	Бежецкий	Новодевичьего »	7 177	30	Г. К. Э., № 7173
	Углицкий	Троицкого »	2 745	106,5	П. К. М., Г., 1, 2, 24—35
	»	Новодевичьего »	537	16,5	Г. К. Э., № 7173
	»	Поместье Ведерисва	111	244	Г. К. Э., № 12872
	»	Вотч. Покровского монастыря	417	387	Г. К. Э., № 12873
	»				

исправное ведение хозяйства, то приходится удивляться, почему количество ее столь ничтожно по сравнению с состоящей в окладе пахшей паханой. Но в том то и дело, что наезжая пашня вовсе не должна считаться таким явлением. Наезд, правда, носит в известной степени случайный характер: один год пустошь на оброке и распахивается; на следующий она может вновь запустеть. Правда, наезд писцами XVI в. не показывается в окладе — это пашня не тяглая, но ведь надо помнить, что отдача пустошей для расчистки леса и подготовки пашни всегда сопровождалась на первое время льготой от всяких податей на известное число лет. Судебник царя Федора Ивановича прямо предусматривает этот вопрос: «а кто наездом деревню пашет и ему больше трех годов не пахать наездом; любо скупать, любо спродавати с суда и с жеребья, и огород ему по своей выти ставить»¹. Итак, наезжая пустошь или запустевшая деревня могла пахаться наездом три года, после чего, по словам В. О. Ключевского, она должна была «законным порядком» сдаваться с суда и с жеребья².

Из льготной пашни наезд через три года превращался в оброчную; крестьянин платил оброк землевладельцу, но зато обрабатываемая им земля оставалась свободной от тягла, а потому она и не вносилась в сошное письмо и была свободной от податей. Если же пустошь или пустая деревня заселялись, то прежний наезд мог прямо вноситься в оклад.

Смысл и значение наезжей пашни не изменяются и в период описаний 10-х и 20-х годов.

Пашня наезжая — это опять-таки почти всегда пашня в пустоши, а не при деревне: «пустошь Пестово... а в ней пашни паханные худые земли 2 чети, пустошь Дьяково, а в ней пашни паханные средние земли 3 чети, пустошь Кобылино, а в ней пашни паханные худые земли 2 чети, а *пашут те пустоши наездом Живоначальные Троицы Сергиева монастыря Молчанко Степанов с товарищи*»³. Тот же факт с успехом можно наблюдать в Коломенских книгах Усова⁴. Как и ранее, пашня наездом выступает в виде пашни оброчной: в вотчине Егорьевского Московского монастыря в Лужецком стану Московского уезда (южная часть) числилось $2\frac{13}{16}$ чети пашни паханой «на оброке», лежавшей в пустошах⁵.

Нельзя сказать, чтобы наезжая пашня и в эти годы всегда отличалась большим размером сравнительно с пашной паханой, по крайней мере в тех книгах, где цифры пашни паханой могут считаться вполне реальными. Примеры приведены в следующей таблице:

¹ Судебник царя Федора Ивановича, изд. Комиссии печатания госуд. грамот и договоров при Моск. Арх. мнн. ин. д., М. 1900, стр. 161.

² Ключевский, Рецензия на работу Н. А. Рожкова, стр. 12.

³ П. к. 260, лл. 100—101 (книга Троицких вотчин Московского уезда Кологривова и Скрипына).

⁴ П. к. 202, 203, 204.

⁵ П. к. 9808, л. 281.

Уезд	Местность		Год	Пашня паханая	Наезд	Источник
				в четях в поле, а в двух потомуж		
Московский	Горетов стан	Пом. земли	1624—25	1017 ¹ / ₂	231 ⁵ / ₈	П. к. 685, лл. 76—234
»	»	»	—	614 ² / ₄	286 ³ / ₄	
»	»	Монастырские вотчины	—	284	204	
»	Бохов стан	Все земли кроме вотчин Троицкого монастыря	—	844,5	262	П. к. 685, лл. 489—651
Дмитровский	Повельский стан	Все земли	1629	1352	68 ¹ / ₈	П. к. 627, лл. 1—205
Гороховецкий	Купленская волость	Поместья	1628	1038 ¹ / ₈	318 ¹³ / ₁₀	П. к. 625, лл. 1—137
Коломенский	Ст. Б. Микунин	Вотчины	1627—28	3976	126,5	П. к. 203, лл. 378—443
				(по итогам писцов)		
Переяславский . . .	Стан Новосельский	Все земли	1628—29	607	136	П. к. 812, лл. 1—204

В этой таблице цифры вообще очень невелики, особенно если принимать во внимание значительное количество имений, которые стоят за ними. Наезд пропорционально больше, нежели в книгах конца XVI в., но все же количество наезжей пашни за некоторыми исключениями остается довольно умеренным. Другое дело, если обратиться к местностям, где состоящая в окладе пашня паханая приводится, как уже отмечено выше, в цифрах, заставляющих усумниться в их реальности; там размеры наезжей пашни гораздо выше размеров пашни паханой; так например, в Сотемском стане Ростовского уезда на поместных землях находим 2²⁵/₆₁ чети в поле пашни паханой крестьянской и 197 четей в поле наезду¹, в поместьях Городского стана Звенигородского уезда находим 4 с четвертью чети в поле пашни запаханной крестьянской и 130 четей крестьянского же наезда². Казалось бы, что после такого сильного экономического потрясения, каким были 10-е годы XVII в., неправильного и нерасчетливое хозяйство, состоявшее в эксплуатации случайного участка земли вплоть до его полного истощения, должно было получить особенно сильное развитие. На самом деле этого вовсе не видно, и не видно потому, что пашня наездом, как была ранее, так и оставалась совершенно нормальным явлением: с успокоением страны началась вновь расчистка и распашка земель, как она происходила в XVI в.; пустоши распахивались трудом крестьян.

¹ П. к. 838, лл. 1—90.

² П. к. 638, лл. 78—80.

которые на первое время получали льготы от всякого рода платежей, а потом вносили оброк в казну и в пользу землевладельца, от которого они держали землю. Поэтому и позднее пашня наезжая не вносилась в сошный оклад. Однако известно, что сошное письмо в начале XVII в. было заменено «живущей четвертью». При новой единице обложения пашня уже не имела прежнего значения, которое перешло ко двору. Очень естественно, что теперь уже не было особой нужды различать состоявшую в окладе пашню паханую и не положенную в тягло пашню наезжую. Вследствие этого в книгах 20-х годов наблюдается уже иногда слияние понятий «пашни паханой» и «пашни паханой наездом», чего ни в каком случае нельзя сказать о книгах XVI в., всегда строго различавших эти два вида пашни. В очень многих случаях писец в описании отдельных деревень и пустошей различает пашню паханую и наезд, а в общем итоге имения соединяет их в одну категорию пашни паханой¹. В некоторых книгах 20-х годов термин «пашня наездом» даже вовсе не встречается — таковы, например, Ярославские и Суздальские книги. Хотя попытки валового письма 1680—1686 гг. и имели целью заменить устаревшие писцовые книги прежнего времени, хотя стрелецкая подать и считалась при учреждении ее в 1679 г. только временной мерой², однако подворное обложение успело к этому времени настолько укорениться, что писцы даже и тогда, когда они добросовестно производили вновь хозяйственное описание имения, мало интересовались различными видами пашни: отсюда в книгах 80-х годов еще более частое смешение интересующих нас терминов пашни паханой и пашни наезжей. В общем, последний употребляется редко, обнаруживая несомненную тенденцию к исчезновению³.

Изредка попадаются и другие эпитеты при слове пашня — пашня «отхожая», пашня «запольная»⁴, указывающие на топографическое ее расположение или же на свойство почвенных условий — «пашня мякотная»⁵. Однако общего значения и интереса эти и подобные им термины не имеют. Запущенная пашня во всех писцовых книгах распадается на две категории — пашня перелогом и пашня, лесом поросшая. Смысл этих выражений общеизвестен и понятен, и разъяснять его нет нужды. Я остановлюсь на этом отделе известий писцовых книг только ввиду некоторого разногласия, которое существует между Рожковым и Ключевским во взглядах на значение перелога в сельском хозяйстве. Первый из названных авторов счи

¹ Примеры: Московский уезд — п. к. 685, лл. 8, 14, 15, 360—450, 489—651, 851—1114; Дмитровский уезд — п. к. 627, л. 198; Тверской уезд — п. к. 873, лл. 43—46; Владимирский уезд — п. к. 12609.

² Миллюков, Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия, стр. 85.

³ Термин «наезд» вовсе не встречается в писцовых книгах 80-х годов Костромской, Гороховецкой, Тверской, Клинской, почти не встречается в Зубцовской, упоминается один раз в Ростовской; во всех других сохранившихся книгах 80-х годов по Замосковному краю термин «наезд» встречается очень редко, за исключением Боровской, где употребление его довольно часто.

⁴ Напр., п. к. 12604, лл. 990, 1033 (Владимирский уезд).

⁵ Г. К. Э., п. к. по Владимиру, № 231/2008, л. 11.

тает обилие перелога, а также его увеличение, признаками упадка сельского хозяйства и на этом строит очень важные выводы. Ключевский говорит следующее: «В связи с наезжей пашней рос и перелог. Автор (Рожков) видит благоприятный признак в том, что на монастырских и митрополичьих землях Костромского уезда в 1562 г. было мало или совсем не было ни наезжей пашни, ни перелога, и признает некоторым ухудшением системы земледелия появление первой и увеличение второго к концу века. Но в этом можно видеть и другое: в 1562 г. у поселенцев или их ближайших преемников еще не успело накопиться много выпашанной пашни, требовавшей отдыха, а 30—40 лет спустя у монастырей Троицко-Сергиева и Ипатьевского образовалось перелога гораздо больше, чем сколько прежде было пашни паханой»¹. Пример выбран необыкновенно удачно, чтобы поколебать взгляд, проводимый Рожковым; но тем не менее с положением Ключевского нельзя вполне согласиться. Истина лежит посредине: обилие перелога и его увеличение может служить несомненным признаком упадка земледелия и сокращения запашки в таких местностях, где господствует паро-зерновая система земледелия с трехпольным севооборотом; такими местностями были в XVI в. наиболее густо населенные части государства, особенно некоторые центральные места бывших Московской, Владимирской, Ярославской и Тверской губерний. Но перелог не может служить показателем упадка земледелия там, где можно предположить существование подсечно-лугинного хозяйства, а таким, наверно можно сказать, был громадный и обильный лесом, особенно в своей луговой половине, Костромской уезд.

Отметим в заключение, что измерение пахотных угодий до самого конца века производилось всегда одинаково: на тяглых землях четвертями, на дворцовых — десятинами.

За описанием пахотных угодий в книгах писцовых следует описание сенокосов и лесных участков, приписанных к имению. Измерение сенокосных угодий до 80-х годов XVII в. всегда производилось копнами, т. е., надо думать, приблизительно, на-глаз. Писцовый наказ 1684 г.² ввел новое измерение десятинами, причем, вероятно, была взята средняя мера для перевода копен на десятины: по 10 копен в одной десятине. Выше в обзоре истории описаний Замосковских уездов было отмечено, что писцы нередко сбивались на старый привычный способ измерения и в книгах 1684—1686 гг. сенокос иногда попрежнему дается в копнах вопреки прямым требованиям наказа. Терминологию сенокосных угодий нельзя назвать ни особенно разнообразной, ни особенно богатой. Описывая сенокосы, писцы чаще всего обозначают, где находится сенокос, что косвенно определяет и его достоинство. Отдельно указываются заливные луга, по рекам отмечаются «поляны», «кулиги». Иногда ука-

¹ Ключевский, Рецензия на соч. Рожкова в Отчете о 44-м присуждении Уваровских премий, стр. 12—13.

² П. С. З., II, № 1074, ст. 12.

зывается сено «*по лешим лужкам*», «*по оселку*», «*по заполью*», «*межью полъ*», «*подворицею*» и т. д. Наконец, нередко писцы отмечают сено-ос испорченный, зарастающий, где «*кустарем поросло*» или лесом.

Значительно богаче и интереснее терминология лесных угодий, находимая в писцовых книгах. Если по старой пашне уже начал расти лес, писец записывает, что по пашне «*кустарем поросло*», от «кустара» отличается «*лесная поросль*» или, по более часто встречающемуся названию, «*лес поросняк*» или «*поросняк*». Молодой, уже вытянувшийся немного вверх лес также носит разнообразные названия: «*леса мелкого*», «*росицы*», «*леса дровяного*», леса «*в кол и в жердь*». Если в лесу уже можно найти строевые деревья, то к последнему определению прибавляется «*и в бревно*». Лес далее делается «*хорошим*», «*бревенным*», «*бором*». Писцы различают иногда лес и по преобладающим в нем породам. В Замосковье такими являются породы хвойные: чаще всего поэтому приходится встречать «*бор красный*». Особенно поэтому интересны отметки писцами леса лиственного, например, «*лес роща дубовая и осина*»¹ или «*роща дубовая*», «*садок орешник с изняшками*»². Всегда отдельно упоминается малоценный лес, растущий по болоту; а также если имеется совершенно неудобная земля — болото, «*искося*», «*тростники*»³.

В писцовых книгах есть, однако, и другое деление лесных угодий, которое требует некоторого внимания. Лес, состоящий при имении, делится, обычно, на лес, измеряемый писцами, и лес поперстный, измеряемый на-глаз, столько-то верст вдоль, столько-то верст поперек, а «*инде больше, инде меньше*». Лес, измеренный писцами, в свою очередь, распадается, обыкновенно, на лес пашенный и непашенный. При этом невольно напрашивается мысль, какая же разница существует между лесом пашенным и пашней, поросшей лесом. Ответы на это дают следующие места Боровской и Тверской книг 80-х годов: «село Фатеевское... пашни паханой худые земли... 10 четей в поле, да лесу же пашенного 22 чети, обоего пашни паханой и лесом поросло 32 чети»⁴. «По старой книге (1627—1628 гг.) в пустоши Савиной пашни лесом поросло средние земли 4 чети в поле, а в 2 потомуж, а нынешнего 194 году по наезду... на пустоши Савиной пашни нет, лесу пашенного 4 чети»⁵. Выходит, что по существу дела разницы между пашней, лесом поросшей, и лесом пашенным нет. Можно допустить разницу только в давности запустения: пашня, поросшая лесом, уже не пашня, а лес или, по крайней мере, поросль, но еще не успевшая быть исключенной из оклада. Лес пашенный растет на когда-то, иногда очень давно, бывшей на этом месте пашне. может быть, окладной, а может быть, и пустотной, наезжей.

Что касается измерения лесных угодий, то ведение его четами пре-

¹ П. к. 204, л. 895 (по Коломенскому уезду, 1620-е годы).

² П. к. 915, л. 4 (по Юрьево-польскому уезду, 1640-е годы).

³ Напр., Дмитровские книги 1685 г., п. к. 127, л. 87.

⁴ П. к. 19, л. 9.

⁵ П. к. 469, л. 46.

кращается еще в XVI в.: в XVII в. это измерение всегда ведется десятинами¹.

На общей оценке цифр, относящихся к пахотным, сенокосным и лесным угодьям, останавливаться долго не приходится. Их значение может быть только относительным. Так же как и в цифрах, касающихся населения, наибольшую ценность могут, на мой взгляд, иметь выводы, основанные не на абсолютных цифрах пашенных и тому подобных итогов, а на сравнении итогов за разное время.

В объяснение этого достаточно припомнить, во-первых, неумение писцов считать, во-вторых, несовершенство приемов измерения.

Правила одабривания средней и худой пахотной земли писцами XVII в. неизменно одинаковы. Единственным и притом непонятым исключением является небольшая книга Радонежского стана Московского уезда 1684 г. Хорошо известно, что оценка земли в хозяйственных описаниях выражалась терминами: добрая, средняя, худая и, иногда, добре худая. Но какой истинный смысл имели эти термины, какое действительное отношение имели они к свойствам почвы, это принадлежит к числу вопросов, еще не вполне разрешенных. В литературе по этому поводу высказаны два исключаяющих одно другое мнения. Лаппо-Данилевский полагает, что при «описании» отсутствовали научный анализ почвы и оценка хозяйств, что лишало возможности точно определить ценность описанной земли... По доброкачественности земля обыкновенно делилась на добрую, среднюю, худую и добре худую. Трудно, однако, с точностью определить, каковы были условия, которыми определялась степень этой доброкачественности. Химический и минерало-петрографический принципы классификации земель не могли, конечно, применяться, так как требовали научного анализа почв. Физические признаки или физические условия данной местности принимались, вероятно, во внимание, хотя бы так, как это делали в начале XX в. крестьяне наших северных губерний, у которых доброю землею считается земля на открытых солнцу и покатых в солнечную сторону местах, среднюю — земля у леса, худшею — пространство в лесу и в тех местностях, где хлеб рано захватывает морозом. Но, кроме физических условий, для классификации почв того времени имела значение культура... Культура, однако, как известно, является довольно шатким признаком классификации земель... Лучшая земля требует большей обработки, большего посева, быстрее поглощает удобрение. Между тем, древнерусская правительственная классификация земель, поскольку она выражалась в сошном письме, очевидно, не принимала во внимание этого обстоятельства, во всяком случае не возводила его в принцип деления земель на добрые, средние и худые, ибо тяжелее облагала первые, чем последние. Поэтому едва ли не вероятнее считать главным основанием такой классификации доходность земель, количество собираемого с них хлеба, словом степень урожая. Одна и та же земля, безотносительно в ге-

¹ Об измерении больших площадей поперстного леса см. Рожков, Сельское хозяйство, прил. VI, стр. 500, 501.

ологическом и минералогическом отношении, по относительной своей доходности оказалась различной, ибо принимался во внимание не средний нормальный урожай для всего государства, но относительный урожай, менявшийся смотря по местностям»¹

На это мнение встречаем возражение со стороны Рожкова: «Мы конечно, согласимся, что в то время не было научного, т. е. химического, анализа почв, но нельзя не признать слишком поспешным тот вывод, что сравнение различных земель по их качеству опиралось исключительно на наблюдение за результатами урожая, причем эти наблюдения ограничивались будто бы тесным районом определенной местности, охватывающейся в данный момент описанием. Прежде всего, оставаясь в пределах XVI в., заметим, что в то время в стране не могло еще быть такого большого различия в почве различных местностей, какое существует теперь: ведь Московская Русь тогда только касалась границ южного и восточного чернозема, не захватив его еще широким колонизационным движением. А затем есть признаки, указывающие на более объективное мерило, которым руководились при делении земли на добрую, среднюю, худую и добре худую; в писцовой книге Бежецкой пятины, относящейся к половине XVI в., встречаются нередко такие замечания: «положено в обжу по полвосями коробей в поле, потому что земля худа, *камениста и песчата*»; в сотной выписи дворцовых земель в Волоколамском уезде 1543—1544 гг., между прочим, читаем о крестьянах деревни Починок Короткой: «а пахать им в селе Буйгороде полвыти, потому что деревня *сторела* и земля у ней *худа, песок*». Эти два характерных примера убедительно свидетельствуют, что земли различались по качеству, не только по степени их урожайности в известное, быть может, очень непродолжительное время, но и на основании наблюдений над составом почвы»².

Обсуждая вопрос об оценке земель на основании рассмотренных мною писцовых книг, я прежде всего должен признать, что мне не удалось подметить ни одного указания на состав почвы, которое могло бы подкрепить два примера, приводимые Рожковым: эти два примера остаются пока единственными в литературе. Далее, если действительно Замосковский край возможно в почвенном отношении принимать за одно целое в противоположность черноземным пространствам к югу от Оки, то, встречая и тут и там до б р у ю землю, которая преобладает в писцовых книгах южных уездов, но нередко встречается и в уездах центральных, трудно допустить, чтобы добрая земля в Замосковье была совершенно одинакова по своему составу с черноземом юга. Нельзя не отметить также и того, насколько шатка была оценка земли в каждой данной местности: нередко писцы не соглашались с оценкой своих предшественников и изменяли оценку земли, понижая или повышая ее.

Вот несколько примеров:

¹ *Дипло-Данилевский*, Организация прямого обложения, стр. 206, 222—224.

² *Рожков*, К вопросу о степени достоверности писц. книг. Труды Археолог. комиссии Моск. арх. общ., т. I, вып. 2, стр. 191—192.

У е з д	Местность или имяне
Звенигородский . .	Городской стан с. Игнатьевское
»	С. Оксеновское, с. Дроздово
Муромский	Троицкие вотч., монастырская пашня
Московский	Стан Почернев
Костромской	Волость Емстна, вотч. боярина Ф. И. Шеремева
Тверской	Наезжая пашня во всем уезде
Гороховецкий	Д. Сумарокова Кушленской вол.
Костромской	Сущов стан, д. Панина, д. Поповка
Московский	Вотч. Кирилова-Белозерского мон., с. Покровское на Выходне Вотч. Иосифова мон. с. Ангелово Вотч. Спасо-Ярославского мон. д. Юрково Вотч. Чудова мон., с. Покровское

Качество земли по книгам и годы описаний

И с т о ч н и к

1560—63,
средняя
худая

1624—28,
худая
средняя

1593,
худая и
средняя
1577,
добрая
1595—96,
средняя
и худая
1616,
худая

1616,
добрая

1623,
средняя
1627,
средняя

1627,
большую
частью
средняя,
реже худая

1628,
средняя
и добрая
1627—31,
худая,
»

1685,
средняя

1685,
средняя,
»

1584—86,
добрая
добрая
»

1626—28,
средняя
средняя
добрая

средняя

1684—86,
средняя
добрая
Частью
добрая
Частью
добрая,
частью
средняя

П. к. М. г., 1, 1
650—695

П. к. 638,
л. 10—290

П. к. М. г., 1, 873—892,
п. к. 498, л. 326—350

П. к. М. г., 1, 1. 1—39

П. к. 210, л. 878

П. к. 467, л. 871—76

П. к. 625 и 116

П. к. 10965, 218, 219

П. к. М. г., 1, 1, 93—277
П. к. 685, л. 16—234

П. к. 283

Принимая во внимание все эти соображения, невольно убеждаешься, что из двух противоположных мнений, изложенных выше, гораздо более близким к истине является первое. Но допустить мысль, что оценка земли производилась на основании ее урожайности, далеко не значит заподозривать показания писцовых книг об относительном количестве доброй, средней и худой земли. Они имеют, несомненно, серьезные основания: в умах местного населения, конечно, сложилось общее представление о средней урожайности данной земли, и сложилось оно не совсем без влияния физических условий. Но этого не отрицает и Лаппо-Данилевский, у которого находим такой удачный пример из живого быта северных крестьян, доселе делящих землю по качеству на добрую, среднюю и худую.

В конце описания каждого отдельного имения в писцовых книгах конца XVI и 20-х годов XVII в. помещается известие об окладе, с которого тяглому населению, живущему на территории этого имения, приходится вносить прямые подати в казну. В книгах конца XVI в. дается сошный оклад; в книгах первой половины следующего века — сошный оклад и оклад по живущей четверти. В книгах 80-х годов, несмотря на то, что при составлении их имелось в виду возобновление старого порядка сбора прямых податей, мы не находим данных о податном окладе: подворное обложение успело уже пустить слишком глубокие корни.

По данным о податном окладе, находимым в писцовых книгах, можно проследить внешний ход истории этого оклада в XVI и XVII вв.

Вопрос об эволюции прямого обложения в Московском государстве принадлежит к числу довольно редких специальных вопросов, о которых очень много говорилось в исторической литературе¹. В настоящее время можно утверждать, что вполне выяснены смена различных систем обложения и существенные черты каждой из этих систем. До сих пор, однако, остается еще много темного и нерешенного в исследовании причин, обусловивших превращение старинной сохи, составлявшей известное количество земледельческого труда, в соху половины XVI в. — определенную площадь обработанной земли, возникновение в первой четверти XVII в.

¹ Лаппо-Данилевскому принадлежит заслуга открытия «живущей четверти» и выяснения организации ее (Организация прямого обложения, 219—362). Однако вопрос о причинах и ходе возникновения этой единицы обложения был им мало, сравнительно, затронут. Следующие шаги сделаны были Милюковым (Гос. хозяйство в 1-й четверти XVIII столетия, стр. 70 и сл. и особенно Спорные вопросы), который, исследовав историю прямого обложения в XVI в. и внося много нового в наши сведения об этой эпохе, в то же время сделал попытку более подробно выяснить причины возникновения живущей четверти и дворового письма. Однако некоторые положения Милюкова возбудили возражения со стороны Дяконова (Рецензия на Спорные вопросы в «Ж. М. Н. П.», 1898 г., № 7). Кроме того попытку разрешить некоторые вопросы, сюда относящиеся, находим у Миклашевского: о живущей четверти (К ист. хоз. быта Моск. госуд., 40—47) и о сохе XVI столетия (посмертная неоконченная, к сожалению, статья — «Русские поземельные кадастры» в Записках Академии наук по ист.-фил. отд., т. VI, № 4).

новой единицы обложения — живущей четверти и затем окончательную замену сошного письма дворовым. Если оставаться в хронологических пределах избранной для исследования эпохи, то наибольший интерес будут возбуждать причины возникновения живущей четверти как промежуточной между сохой и двором единицы обложения и причины окончательного установления подворного обложения взамен сошного письма. Нужно, однако, заранее признать, что эти вопросы только тогда представятся возможным разрешить, когда будут известны все факты, сюда относящиеся, и, прежде всего, наиболее ранние указы, которыми вводилась живущая четверть. Не располагая материалом, достаточным для пересмотра всего вопроса о причинах происхождения живущей четверти и подворного обложения, я не могу не отметить одного места Московской писцовой книги восточных станов 1624—1626 гг. С. В. Колтовского и подъячего Ильина, которое дает существенное дополнение к тому, что нам до сих пор известно об указах, вводивших живущую четверть.

В указной книге поместного приказа сохранились указы 19 марта и 10 ноября 1630 г. и 10 января и 21 апреля 1631 г.¹, устанавливающие количество крестьянских и бобыльских дворов в живущей четверти в различных уездах государства.

В Московской книге 1624—1626 гг. сохранилось очень интересное содержание указа 13 октября 1625 г., по которому *«положено в сошное письмо в живущее крестьян по 12 человек, да бобылей по 8 человек, и обоего крестьян и бобылей по 20 человек в четверть»*².

Этот указ вносит нечто совершенно новое в наши представления о живущей четверти: прежде чем стать сочетанием известного числа крестьянских и бобыльских дворов, живущая четверть была сочетанием известного количества душ. С другой стороны, принимая во внимание разорение населения и обезлюдение деревень, такое количество рабочих душ мужского пола, какое, несомненно, подразумевается в указе, должно было занимать число дворов немногим меньше двадцати. Если же это так, то нельзя не сопоставить очень льготных начал, в которых находилось население столичного уезда в 1625 г., с теми условиями, какие для многих уездов государства вводились по указу 19 марта 1630 г. (к сожалению, о Московском уезде в этом указе, как и в последующих, умалчивается вовсе). В 55 уездах в живущую четверть были включаемы 2 двора крестьянских + 2 двора бобыльских, 2 крестьянских + 3 бобыльских двора, 4 крестьянских + 2 бобыльских двора, 4 крестьянских + 3 бобыльских и 5 дворов крестьянских + 3 двора бобыльских. Такое резкое различие сравнительно с условиями, созданными указом 1625 г., не могло не отзываться тяжело; в этом, может быть, кроется причина, почему последующими указами 1630 и 1631 гг. число крестьянских и бобыльских дворов в живущей четверти значительно увеличива-

¹ Ук. ин. Пом. прик., изд. Сторожевым, стр. 100—103, № 81—84, и прил. 14. *Датто-Данилевский*, Организация прямого обложения, стр. 529—533, прил. VIII.

² П. к. 261, лл. 350—351.

дось для всех почти уездов. Попытка оказать слишком сильное давление на платежные силы населения не удалась — и правительство, временно по крайней мере, решилось установить более льготные для населения оклады податей.

Среди известий писцовых и переписных книг о населении и среди хозяйственных описаний селений, находимых в писцовых книгах, рассыпаны сведения, не вытекающие из прямой задачи, поставленной писцам, но которые, тем не менее, представляют огромную ценность, несмотря на всю свою случайность и отрывочность. Это разного рода известия об оброчных статьях, промыслах и занятиях, которыми живет население данной местности, краткие выдержки из процессов, которые разбирают писцы, дающие иногда очень живые и очень интересные бытовые картинки. Все подобного рода сведения чаще всего не более как обмолвки писца, случайные записи, которые, строго говоря, только нарушают систематическую цельность официального документа. В силу этого их появление в одной книге и отсутствие в другой совершенно невозможно учесть и определить заранее, как нельзя дать им общей характеристики и в коротких словах исчерпать их разнообразнейшее содержание. С формальной точки зрения — это недостатки; нарушая систему книги, подобные заметки и оговорки свидетельствуют лишний раз о том, как мало были выработаны единообразные приемы писцовой работы и как легко мог составитель книги отвлекаться от своей прямой работы в сторону, делая вставки и замечания, которые могут внушить лишь мысль о недостаточной с его стороны подготовке к напряженной умственной работе. Совсем иное значение имеют все эти случайные сведения для современного исследователя. Поразкая иногда своей неожиданностью, они бросают луч света среди однообразных и бесконечных цифровых выкладок и не менее бесконечных уничижительных имен тяглого населения и резкими штрихами оттеняют серый фон основного материала интересующих нас памятников. Можно без преувеличения сказать, что именно такие случайные по происхождению, краткие по форме, но чрезвычайно разнообразные и, в общем, богатые по содержанию заметки писцов, являющиеся по большей части результатом обмолвки редактора книги, составляют самую привлекательную сторону этих памятников, которая примиряет с их утомительным однообразием и сообщает их изучению особый интерес. Именно это особое значение случайных заметок в писцовых книгах заставило меня сделать отступление и упомянуть о них в обзоре содержания основных источников настоящего исследования.

В заключение предпринятого обзора содержания писцовых книг XVII столетия по Замосковному краю я остановлюсь еще на вопросе о том, как велика была площадь земель, которую описывали писцы, и как относилась она ко всей территории уезда.

Очень многие писцовые книги изучаемой эпохи содержат известия о так называемых «примерных» землях, т. е. землях, примеренных, присоединенных извне к межуемому и описываемому

участку. Вопроса о примерных землях мы уже касались, обсуждая вопрос о фактическом обмере писцами описываемых ими участков; теперь остановимся на том же вопросе для другой цели. В Костромских книгах 20-х годов кн. Волконского не раз встречаются примечания в роде следующего: «и прибыло у него по приправочным книгам (то есть сравнительно с книгами конца XVI в.) сверх его дачи N четей... и та прибылая земля писана в его же поместье... до государева указу». Прибылая, сравнительно с XVI в., земля нередко упоминается в Серпуховской книге 1627—1629 гг. Еще более часто, может быть, сообщают о примерке земель книги 1684—1686 гг. В числе книг этого времени есть такие, как например, Переяславская Новосельского стана писцов Демского и Сазонова, в которой примерные земли встречаются почти в каждом описанном имении.

Примерные земли могут быть разного характера. Чаще всего примерка земель наблюдается в пашне; в этом случае следует тотчас посмотреть, не соответствует ли увеличению пашни убыль сенокосных и лесных угодий. Если так, то мы имеем дело с перестановкой угодий внутри имения, которую всегда надлежит отличать от примерки земель, сопряженной с увеличением площади селения или пустоши. Объяснить это последнее явление можно различным путем. В Московской книге по стану Радонежу и Белям 1685 г. находим такое указание: «по указу великих государей... велено... будет у кого примерные земли объявляться в их землях и те примерные земли велено примежевывать тем же вотчинам к старым их дачам»¹.

Примерными были, следовательно, участки земли в поместьях и вотчинах, которые оказывались сверх дачи; это могло происходить оттого, что при отводе земель по поместным дачам могли оказаться лишние участки земли, оставшиеся при размежевании за правительством, но не имевшие самостоятельного значения и потому фактически очень легко захватывавшиеся соседними земле-владельцами. Другими причинами появления подобных примерных земель могли быть несовершенства в измерении земли или же ошибки и недобросовестное отношение писцов и межевщиков, за взятки присоединивших к имению не принадлежавшие к нему участки земли. Все многочисленные случаи примерки земель, чем бы мы ни пытались их объяснить, указывают в общем на одно: вокруг частновладельческих имений в XVII в. существовал еще запас земель, не находившихся *de jure* ни в чьем твердо обоснованном владении.

Идя далее в том же направлении, можно найти и другие, еще более важные, может быть, указания, свидетельствующие о том, что этот запас был очень велик и что обилие его замечается в одинаковой почти степени как в мало населенных уездах, так и в ближайших к столице государства местностях.

Я уже имел случай указывать на находящиеся в итогах Московских книг Кологривова и Скирина² интересные сопоставления об

¹ П. к. 275, л. 421.

² П. к. 685. Хотя здесь взяты итоги писцовых книг, но, как видно из таблицы, помещенной на странице 26, ошибки итогов книг Кологривова не настолько велики,

щей площади, описанной в 1624—1625 гг., с площадью, описанной в книгах Хлопова, составленных в 1584—1586 гг. Для наглядности приведу еще раз эти цифры, добавив уже известные нам примеры несколькими новыми.

Стан Маватыни

Итог всех земель (вместе с землями Троицкого монастыря)	20 335 ¹³ / ₁₆	четей в поле
По старым приправочным книгам (Хлопова)	15 881 ³ / ₄	» » »
Прибыль	4 454 ³ / ₃₄ (sic)	» » »

Стан Бохов

Итог всех земель вместе с Троицкими.	11 719 ¹ / ₃	» » »
По старым приправочным книгам	10 163 ¹ / ₄	» » »
Прибыль	1 556 ¹ / ₁₂	» » »

Стан Горетов

Итог всех земель вместе с Троицкими.	25 684 ² / ₄	» » »
По старым приправочным книгам	14 659	» » »
Прибыль	11 026 ¹¹ / ₁₆ (sic)	» » »

Стан Радонеж и Беги

Итог всех земель вместе с Троицкими.	5 997	» » »
По старым приправочным книгам	5 573 ¹ / ₄	» » »
Прибыль	424 ¹ / ₂ (sic)	» » »

Стан Воря и Корзенец

Итог всех земель вместе с Троицкими.	7 814 ¹ / ₄	» » »
По старым приправочным книгам	7 085	» » »
Прибыль	728 ³ / ₄	» » »

Стан Кошелев

Итог всех земель вместе с Троицкими.	4 431	» » »
По старым приправочным книгам	2 510	» » »
Прибыль	1 921 ¹ / ₄ (sic)	» » »

Таким образом писцы 1624—1625 гг. констатируют прибыль земель за промежуток времени в 40 лет, доходящую по всем 6 станам до 20 110 четей в поле или до 30 165 десятин земли, т. е. 36% территории, описанной в пределах тех же 6 станов Хлоповым; при этом прибыль касается одинаково земли, находящейся в момент переписи во владении частных лиц, и земли порозжей.

Предположить, что писцы 1584—1586 гг. описали не все порученные их заботам местности, как я в свое время отметил, невозможно. Приходится допустить, что увеличение подлежащей описанию площади поместных, вотчинных и порозжих земель произошло вследствие присоединения новых земель.

чтобы слишком заподозривать их значение. В число земель не включены земли церковные. По другим станам, описанным Кологривовым — Шерейскому, Радонежу, Корзенецу и Васильцову — данные не приведены, так как они не характерны: в этих станах констатируется убыль, происшедшая от того, что «многие пустоши» отписаны в государственные дворцовые земли.

Аналогичные примеры можно видеть и в других местностях; так например, в книгах 20-х годов по Ржевскому уезду есть указание, что сравнительно с описанием Салтыкова 1587—1588 гг. в князь-Дмитриевой, западной половине уезда «сошного письма по мере и по сыску прибыло 43/48 сохи без двух четей»¹. Сопоставление площади 18 имений Повельского стана Дмитровского уезда, о состоянии которых мы имеем определенные сведения за 20-е и 80-е годы XVII в., убеждает, что площадь их с 15 974 десятины успела возрасти до 19 443 десятины². Такое же сравнение 13 имений Сотемского стана Ростовского уезда дает 6841 и 7804 десятины³, т. е. указывает на прирост в 963 десятины, происшедший в одних и тех же селениях и пустошах⁴. Таким образом прирост земли, и прирост притом довольно крупный, наблюдается в различных местностях исследуемого края как на рубеже XVI и XVII вв., так и позднее, почти до эпохи преобразований. Как объяснить это интересное явление, бесспорное существование которого подтверждается уже отмеченными выше обильными указаниями на примерные земли? Надо думать, что территория, описываемая писцами, в особенности в более раннее время, далеко не совпадала с общей площадью описываемого ими участка, будь то стан, волость или целый уезд. Описание писцов не было «генеральным» описанием порученного им участка.

Этим обстоятельством объясняется и очень незначительное пространство лесной площади, описанной и измеренной писцами Замосковского края, не превышавшей, если судить по книгам XVI в., в среднем 10—15% всей описанной писцами территории.

Кажущееся малое количество леса происходило от того, что в самых центральных местностях, почти в окрестностях столицы не только в XVI, но и в XVII в. существовало много незаселенных пространств, которые никакими писцами не записывались. Это были, преимущественно, лесные пространства, приписанные или к дворцовым волостям, или же составлявшие часть старинных черных земель и продолжавшие хранить название «леса черного, обчего, царева и великого князя». О таком лесе очень хорошо знает проект Судебника, составленный при царе Федоре⁵. Черный лес, или лес дворцовых волостей, и был одним из постоянных источников роста земельной площади, описываемой писцами. Участок земли, прирезанный самовольно, «без делу», или же присоединенный законным путем при увеличении поместной дачи и т. п., вследствие близости никому не принадлежавшего леса к данному поместью, присоединялся к подлежавшей описанию дворцовой или служилой земле,

¹ П. к. 833, л. 475.

² П. к. 627 и 127. См. таблицу гл. VI.

³ Сомнительные данные, так как наши паханая Ростовского уезда в 20-х гг. условная.

⁴ П. к. 838 и 839. См. таблицу гл. VI.

⁵ Судебник царя Федора, ст. 175. «А черной лес пахати в суземке без делу... кто сколько может: то лес вопчей, царев и великого князя».

вносился в оклад первыми писцами, работавшими в этой местности после занятия этого участка, и навсегда оставался в этом окладе, даже если в течение некоторого времени и оставался порозжим. Другим источником постепенного увеличения площади описываемых земель могли быть всегда существовавшие в стане или уезде обводные земли: «да... Ивашке, да Андрюшке, да Юрке Позняковым к трети деревни Высокой примерено из порозжих *обводных* земель в их дачу $2\frac{2}{3}$ пустоши Глебовки — $7\frac{3}{8}$ четей»¹.

В общем, описываемая писцами земля в конце XVI и в начале XVII в. еще была значительно меньше, чем общее пространство того участка, в котором писцы работали. Постепенная прибыль подлежащей описанию земли в течение всего XVII в. мало-помалу сглаживала эту разницу. К сожалению, однако, памятники валового письма 80-х годов настолько отрывочны и немногочисленны, что не позволяют сделать определенного вывода о том, насколько работа писцов этого времени, если бы она была доведена до конца, приблизилась к полному хозяйственному описанию всей территории участка, порученного тому или другому писцу.

Знакомство с содержанием писцовых и переписных книг за различные моменты подвергаемой исследованию эпохи убеждает прежде всего в том, что полного тождества приемов в разновременных описаниях нет. В книгах, по крайней мере в некоторых отделах сообщаемых ими сведений, происходит эволюция. Яркими примерами могут служить известия о населении или известия о пахотных угодьях. Первоначально население почти не интересует писцов, в XVI в. они игнорируют его иногда вовсе; позднее появляется обычай показывать число тяглых дворов в селениях, называя в качестве их обитателей только, повидимому, домохозяев. Затем в XVII в. показывается уже все мужское население дворов. Население нетяглое первоначально не упоминается вовсе; в первой половине XVII в. оно уже заносится в книги, но без подведения итогов; только во второй половине века, со включением деловых и задворных людей в состав податных классов, эта категория населения делается постоянным объектом действий переписчиков и писцов. То же самое заметно в описаниях некоторых видов пашни, например наезда, который как-будто исчезает из писцовых книг конца XVII в., смешиваясь с пашней паханой и теряясь в ней, потому что введение подворного обложения совершенно отвлекло интерес писцов от пашни.

Как приведенные примеры, так и другие черты, которые можно было бы указать, заставляют думать, что эволюция содержания писцовых книг находилась в очень тесной связи с общей финансовой политикой правительства и действовавшей системой обложения.

Выше мне приходилось указывать на то, что условия работы писцов и переписчиков и степень их подготовки к делу, к которому они были призваны, не обеспечивали полного единства в приемах

¹ П. к. 157, л. 186 (по Зубцову, за 80-е годы).

даже тех из них, которые должны были работать одновременно; и здесь можно привести очень яркий пример — различный смысл термина «пашня паханая» в книгах 20-х годов XVII в.

Недостаточность общей подготовки писца к порученному ему делу, а также его зависимость от «сказки» населения видны еще и в другом, например, в способе оценки им культурных земель, где критерием, вероятнее всего, служили сведения, сообщаемые местным населением на основании урожаев ближайших лет.

Терминология писцовых и переписных книг в интересующую нас эпоху уже более или менее установилась. В ней, за немногими сравнительно исключениями, уже мало сказываются областные особенности, о чем, в сущности, приходится даже пожалеть. Впрочем, не следует забывать, что задача настоящего исследования касается только одной области Московского государства. Несомненно, что сравнительное изучение терминологии писцовых книг всех исторических областей страны могло бы дать материал для гораздо более полных выводов.

Наконец, анализ содержания писцовых книг XVII в. приводит и еще к одному немаловажному выводу: хозяйственные описания Московской эпохи отнюдь не следует рассматривать как общие описания всей территории страны: это были только описания земель тяглых, находившихся в податном окладе. А эти земли составляли, может быть, даже меньшую часть всей государственной территории. Оставались вовсе не описанными огромные пространства черного и дворцового леса, который в известных случаях составлял запас, откуда пополнялись тяглые земли, описываемые писцами. В общем, эти последние в течение XVI и XVII столетий постоянно увеличивались в своем объеме, запас же незанятых лесных пространств должен был соответственно уменьшаться.

Однако, как бы ни рассматривать писцовые книги, как бы ни подчеркивать их недостатки указанием, что они в совокупности очень далеки от генерального описания всей страны, этим значение их как исторического источника едва ли умалится.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТЕРРИТОРИЯ КРАЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

I

Под именем Замосковья, Замосковных городов, Замосковского края в донетровское время понималась довольно определенная территория, окружавшая со всех сторон столицу государства. Термины эти имели до известной степени и официальное значение, по крайней мере, в летописях, разрядных книгах и различных актах XVI и XVII столетий известия о Замосковье как об отдельной и самостоятельной области страны встречаются постоянно.

Нельзя, однако, сказать, чтобы границы этой области были проведены вполне точно. В числе местностей, которые всегда упоминаются в составе Замосковья, образуя как бы его ядро, находим очень большое число уездов: Московский, Серпуховской, Вереяский, Звенигородский, Рузский, Клинский, Дмитровский, Переславский, Владимирский, Муромский, Коломенский, Юрьевский, Суздальский, Лушский, Шуйский, Кинешемский, Юрьевецкий, Балахнинский, Галицкий, Костромской, Ярославский, Романовский, Ростовский, Гороховецкий, Пошехонский, Углицкий, Устюженский, Бежецкий, Капшинский, Тверской, Старицкий и Зубцовский. К этому огромному ядру примыкали в некоторых местах области, которые иногда считались в составе Замосковных уездов, иногда нет; сюда относятся уезды: Вологодский, Белозерский, Нижегородский, Арзамасский, Боровский, Малоярославский, Можайский, Волоколамский, Новоторжский и Ржевский (Володимировой). Во всяком случае Замосковский край занимал очень значительное место в составе территории Московского государства.

Вследствие недостатка ясности в определении границ Замосковского края, заметного и в Московскую эпоху и отразившегося в новейших исследованиях, где затрагивается вопрос о разделении Московского государства на более крупные, чем уезды, области, я считаю необходимым выяснить, по возможности точно, границы той территории, которая служит предметом настоящего исследования.

Сомнение, как мы видели, возбуждают только некоторые местности, составляющие так или иначе переход от Замосковья к другим

соседним областям. Такими местностями являются прежде всего два смежных и огромных по пространству уезда — Вологодский и Белозерский. Исторически и тот и другой тянули к Замосковным уездам, так как и Вологда и Белоозеро издавна принадлежали к составу удельной княжеской Руси и довольно рано вошли в состав владений великого князя московского. Но строго говоря, к Замосковному краю тянули только южные половины этих уездов, в которых в XVII в. преобладал дворянско-помещичий, частновладельческий элемент. Что касается северных местностей их, где частновладельческий элемент почти отсутствовал до конца XVII в., то они, конечно, во всех отношениях стоят ближе к русскому северу с его экономическими и социальными особенностями. Таким образом, взятые в целом Вологодский и Белозерский уезды обладают чертами, сближающими их с обеими соседними областями. Помещичий элемент ставит в связь их южные половины с Замосковьем; черные, позднее ставшие дворцовыми волости, которыми изобиловали северные части обоих уездов, приближали их к Двинской земле и к Поморью. Условия хозяйства, несомненно, еще увеличивают и подчеркивают такую связь с севером. Исходя из таких соображений, я отнес Вологду и Белоозеро к северным областям, хотя в то же время их старинная и бесспорная связь с Замосковным краем заставляла меня иногда вводить в изучение материалы, касающиеся этих двух уездов. Возможность обойтись без пристального изучения материала по крайним северным областям Замосковья отчасти облегчалась тем, что хозяйственные и социальные условия южных частей Вологодского и Белозерского уездов не представляли оригинальных черт, а, напротив, носили явные черты сходства с условиями, наблюдаемыми в соседних уездах, уже бесспорно причислявшихся к Замосковным, например, в Костромском, Галицком, Пошехонском.

Другая местность, возбуждающая сомнение в принадлежности ее к Замосковному краю, это уезды: Нижегородский и Арзамасский. Весь Арзамасский уезд и весь Нижегородский, за исключением стана Стрелицкого, расположенного по обоим берегам Оки, обнимали собою земли, колонизованные русскими людьми не ранее XVI в. И это обстоятельство, и особые условия хозяйства на черноземе, и, наконец, особенности социально-политических условий жизни в этих уездах сближали их с вновь колонизируемыми местностями русского юга и Поволжья, а отнюдь не с Замосковными уездами. Недаром и в Московское время Арзамасский и Нижегородский уезды далеко не всегда относили к числу Замосковных; оба они с гораздо большим основанием должны быть включаемы в число Понизовых поволжских уездов.

Поднимаясь вверх по Оке, составляющей на сотни верст как бы естественную границу исследуемого края, мы доходим до устья реки Протвы. Отсюда начинается юго-западная граница Замосковного края, которая представляется наименее определенной и ясной, так как переход от Замосковных городов и уездов к «Заоцким» был

совершенно незаметен. Вопрос, мне кажется, будет правильное всего разрешен, если мы включим в состав Замосковского края старинные Московские уделы — Серпухов, Боровск, Верею и т. д.

Что касается западной границы, то ее удобнее всего провести, оставляя в составе Замосковья местности, издавна тянувшие к Москве или Твери — уезды Можайский, Волоколамский, Тверской и Ржевский. Последний подводит нас уже к ясной и бесспорной северо-западной границе Замосковья — Новгородским пятнам.

«Однородности и цельности нет в Замосковных городах», — говорит Платонов в обстоятельном географическом и экономическом описании Московского государства, которое он предпосылает своему исследованию о «смутном» времени. К этому описанию можно отослать читателя, желающего ближе познакомиться с внешним видом интересующего нас края¹. Ни в географическом, ни в экономическом отношениях не приходится, действительно, искать в Замосковных городах и уездах единства. Единство этого края только историческое. Пределы Замосковья совпадали с границами древнего Суздальского княжества. В состав этого края входили все княжения, образовавшиеся на развалинах княжества Андрея Боголюбского и Всеволода III. Обломок этого княжества, долгое время переходивший вместе со стольным городом Владимиром по разным ветвям Рюриковичей, пока не попал, наконец, в вотчины князей Московских, составлял юго-восточную часть Замосковского края, упиравшуюся на юге в течение реки Оки. Капризные границы Суздальского уезда, проходившие почти у самых ворот Владимира, отделяли великое княжение Владимирское от пределов старинного княжения Суздальско-Нижегородского, длинной и местами прерывающейся полосой тянувшегося от Суздаля на восток до Волги. К западу от Владимирского великого княжения простирались земли Московского княжества с отхваченными когда-то от рязанских и смоленских соседей Коломной и Можайском. Так же рано отпали от своей старой метрополии и примкнули к княжеской северо-восточной Руси старые Новгородские колонии — Волок и Торжок, еще задолго до падения Новгородской вольности очутившиеся в сфере влияния великих князей Московских и Тверских. Московские владения, приобретенные еще в XVI в., длинной полосой шли от Москвы прямо на север, заключая в себе древнее княжество Переяславское, Дмитров, Бежецкий Верх, Углич с Устюжно-Железопольской. К северо-западу от Москвы, в вилке, образуемой двумя группами старинных Московских владений, узкой, вытянувшейся с запада на восток полосой от Зубцова до Кашина лежали бывшие владения князей Тверских. Наконец, на северо-восток от

¹ Платонов, Очерки по истории смуты, стр. 25—58. Хотя труд Платонова посвящен событиям конца XVI и начала XVII столетий, однако заключающееся в его первой главе описание областей Московского государства составлено по источникам не только XVI, но и XVII в., до переписи 1678 г. включительно.

столицы расположены были земли прежних уделов Юрьево-Польского, Ростовского, Ярославского, Белозерского, замыкавшиеся рано перешедшими к Москве Костромой, Галичем и Вологдой. К концу XV в. все эти удельные и великие княжения успели прочно слиться под владычеством Москвы. С этих пор весь этот край составил одно органическое целое — ядро, вошедшее в новую фазу своей истории страны. С этим, однако, ядром далеко не так скоро слились украинные земли — Рязанская, Северская и Новгородская.

В течение всего XVI столетия Замосковный край, успевший объединиться внутренне, остается государственным ядром. Отсюда вышло то движение, которое постепенно привело к значительному расширению расселения русского народа и распространению политического господства Москвы на юг и восток.

В XVI столетии Замосковный край еще постоянно находится на военном положении. Не говоря уже о постоянной охране южных границ посредством ополчений, из году в год располагавшихся по течению Оки или по линии Рязань — Тула — Калуга, а позднее, во второй половине столетия, под городами Новгородом Северским, Мценском и Орлом¹, до взятия Казани постоянно приходилось следить за обороной нижней Оки и верхнего Поволжья до Костромы и Галича. Известия о набегах казанцев на Нижний-Новгород и Муром очень нередки². В 1540 г. воеводы кн. Шуйский и Ф. С. Воронцов стояли на Плесе «Казанских для людей приходу»³. Немного ранее, в 1527 г., воевода кн. Барбашин с тою же целью стоял на Унже⁴. Наконец в 1548 г., всего за четыре года до падения Казани, татарские рати заходили на «Галицкие места», т. е. вглубь прежней Костромской губернии⁵. К концу столетия военное значение Замосковья падает. Если можно говорить об уменьшении военного значения центральных областей Московского царства, то их торговое значение шло, наоборот, возвышаясь в течение всего XVI столетия по мере того, как рос торговый обмен страны и увеличивались торговые обороты столицы, в которой сходились все торговые пути страны. Очень важным моментом в этом отношении следует признать открытие Беломорского пути: с 50-х годов важнейший путь в Европу, дотоле шедший через Новгород, перешел на Архангельск и таким образом прорезал Замосковные уезды во всю их длину, от Вологды до Москвы через Ярославль, сделавшийся самым богатым после столицы городом страны.

Замосковные города и уезды в течение XVII в. оставались, вероятно, самую населенную областью государства. Торгово-промыш-

¹ Разрядная книга, изданная Милюковым в Ист. О. И. и Д. Р. 1902, № 2, стр. 132, 142. Разрядные книги в древней Российской Вивлиофике, т. XIII и XIV. Симбирский сборник, Разрядная книга 1588—1604.

² Разрядная книга, изданная Милюковым, стр. 33, 108; Пол. Соб. Р. Лет. VIII. 245, 283.

³ Разрядная книга, изданная Милюковым, стр. 112.

⁴ Там же стр. 76.

⁵ Царственная книга, стр. 150.

ленное значение края оставалось непоколебленным, так как направление и взаимное отношение важнейших торговых путей оставалось без изменений. Центр государственной жизни страны попрежнему находился здесь, сохраняя то значение государственного ядра, которое принадлежало Замосковному краю со времени собирания северо-восточной Руси Москвою.

Однако с 20-х годов XVII в. замечаются уже признаки чего-то нового. За XVII столетие пределы государства раздвинулись еще шире. В состав Московского государства окончательно вошел черноземный юг, экономическое и государственное значение которого среди других областей государства росло необыкновенно быстро. Экономический центр тяжести перемещался на юг по мере заселения южных областей и распадки богатой черноземной нови. В военном значении своем Замосковье в XVII столетии потеряло очень многое. Пока, впрочем, это были только признаки грядущих изменений, которые обнаружились уже после того, как над страной пронесся новый тяжелый кризис — эпоха преобразований Петра. Хотя реформа и не проникла сразу глубоко и после смерти Петра исчезло многое из того, что им было введено, но общее положение страны и взаимное отношение различных областей, входивших в ее состав, прониклось отпечатком реформы и коренным образом стало отличаться от допетровской старины. Государственный центр, так долго державшийся в пределах Замосковья, перенесся далеко на северо-запад. С возникновением нового политического и торгового центра на берегах Балтийского моря раскололся и самый Замосковский край. Южная и восточная части его, вместе с Москвой, слились с ближайшими частями старинных русских укреплений. С XVIII в. Калуга, Тула, Рязань стали тянуть к Москве и оказались связанными с нею гораздо более прочно, нежели северные Замосковные города и уезды: Ярославль, Вологда, Тверь, Бежецкий Верх и другие, откуда началась в первое время принудительная, потом привычная тяга к Петербургу. Новую ориентировку получило и торговое движение. Прорезывавший все Замосковье торговый путь на Архангельск заглох в XVIII в., так как место Архангельска заняло «прорубленное Петром» у берегов Финского залива «окно» в Европу.

Можно без всякой натяжки сказать, что с реформой Петра не только исчезло старинное значение Замосковных городов и уездов, но прикончило свое историческое существование и самое Замосковье. XVII столетие является, таким образом, последней по времени эпохой, когда ядро русского государства, некогда собравшее землю и выковавшее хотя и грубый, но во всяком случае крепкий государственный механизм, хранило еще свое значение государственного центра, первенствующей области страны как в национально-политическом, так и в экономическом отношениях.

Настоящая работа представляет попытку осветить некоторые стороны социальной и экономической жизни Замосковного края в XVII столетии.

Приступая к исследованию истории известной области, нельзя обойти вопроса о тех природных условиях, которые этой области свойственны. Природные условия слишком тесно связаны с исторической жизнью страны, с бытом и занятиями жителей. Выяснение в кратких словах этих условий кажется мне необходимым, даже если бы пришлось здесь повторить только одни общеизвестные данные.

Прежде всего несколько слов о климате. Климат центральной части европейской России характеризуется в настоящее время следующими чертами: как во многих областях Европейской части СССР, здесь господствует материковый тип давления, наиболее высокого зимою, в январе, и наиболее низкого в июле. Преобладающими ветрами являются западные, склоняющиеся более к юго-западу зимою и западу и северо-западу летом. Годовая амплитуда — разность между средними температурами самого теплого и самого холодного месяцев — приблизительно равняется в центре 23° . «Не особенно суровая, но продолжительная зима, причем температура севера и юга разнится сравнительно мало, поздняя весна с частыми возвратами холодов, умеренно теплое лето, благоприятное для земледелия, довольно частые и быстрые изменения температуры, особенно зимой и весной, и наименьшие с июня или июля по октябрь — вот общие климатические черты, свойственные центру Европейской части СССР. Облачность этих местностей довольно значительна: в среднем, в году около $\frac{2}{3}$ неба покрыты облаками, причем летом — всего половина, зимою до $\frac{4}{5}$.

Так же значительным является и количество выпадающих осадков»¹.

Вопрос о том, отличался ли климат минувших эпох от климата настоящего времени, уже был затронут Н. А. Рожковым, который, сопоставив отдельные известия о климатических условиях в XVI в., разбросанные преимущественно у писателей иностранцев, пришел к выводу, что «все эти известия не дают оснований для предположения о более или менее значительных переменах в климате с XVI столетия до нашего времени... Только два обстоятельства, находящиеся в тесной связи между собою, могли способствовать некоторым отличиям древнерусского климата от современного: обширные лесные пространства, теперь сократившиеся, и обилие вод, какого не встречается в прежней мере в настоящее время»².

К такому выводу нельзя не присоединиться. Единственная поправка, которую необходимо внести к мнению вышеназванного автора, заключается в том, что лесов в Замосковном крае было и в то время более, чем он предполагает³. Выше я постарался уже выяснить, отчего может явиться ошибочное представление о раз-

¹ *Воскоков*, Климаты земного шара, стр. 432—440; 443, 461, 491, 472, 493.

² *Рожков*, Сельское хозяйство, стр. 7.

³ Там же, стр. 7—16.

мерах лесной площади в древней Руси. Вероятно, автор принимал в расчет только ту территорию, которая описана в писцовых книгах, между тем как в эту территорию не были включены огромные пространства черного «общего» леса. Таким образом и получился вывод, будто в «центральной области была значительная территория, почти столь же бедная лесами, как и теперь, — это по преимуществу уезды, группировавшиеся около Москвы и отчасти к северу и северо-западу от столицы: уезды Московский, Звенигородский, Рузский, Можайский, Верейский, Боровский, Волоколамский, Клинский, Дмитровский, Зубцовский, Старицкий, Новоторжский, Тверской, Кашинский, Углицкий и один, лежащий к северо-востоку от Москвы, — Юрьевский». А между тем во всех перечисленных местностях и в начале XX в., в среднем, более четверти земельной площади остается покрытой лесом, пространство которого очень заметно уменьшилось на памяти последних поколений; в XVI же и XVII столетиях это пространство должно было быть огромным.

Тем не менее, основная мысль автора остается совершенно верной: климатические условия с XVI—XVII столетий могли измениться лишь постольку, поскольку это зависело от уменьшения лесов и стоящего в связи с этим уменьшения количества вод в болотах, ручьях и озерах, столь многочисленных в лесных местностях. Такие изменения должны были выразиться в некотором уменьшении влажности и, может быть, облачности, в увеличении силы ветров, в более резких переходах температуры и тому подобных явлениях, не затрагивающих основных климатических условий, которые остаются неизменными.

Поверхность территории Замосковского края представляет площадь, в общем, понижающуюся от запада к востоку. Наиболее возвышенным является юго-западный угол исследуемой области — уезды Можайский, Волоколамский, Зубцовский, Старицкий, где, отделяя бассейн Днепра от бассейна Волги, проходит гряда, достигающая в наиболее высоких местах 140—160 сажен высоты над уровнем моря. От этой гряды в свою очередь отделяется отрог, который начинается в Волоколамском уезде, проходит, постепенно понижаясь, через Дмитровский и пропадает в Переяславском уезде. Этот отрог отделяет одну от другой две речные долины, имевших такое большое значение в русской истории, — долину Оки и долину верхней Волги. Завольжские части Замосковского края в общем более низменны; наибольшая высота здесь не превышает 80—100 сажен над уровнем моря (Бежецкий Верх, Галицкий уезд) ¹.

Таким строением поверхности определяется и гидрография Замосковского края: вся эта область составляет бассейн верхней Волги и ее притоков и левую половину бассейна Оки. Из вод не Воляжского бассейна в пределах Замосковского края находится только небольшая часть вод бассейна Озерного в Новоторжском уезде. В общем

¹ Тилло, Гипсометрическая карта России.

строение поверхности, а вследствие того и направление рек обращают Замосковский край к востоку и юго-востоку.

Можно смело сказать, что в XVII в. Замосковье было еще чистым лесным краем, в котором здесь и там были увеличивавшиеся, постепенно распаханые и заселенные поляны. Самыми значительными из таких полян были некоторые местности по южной границе Замосковья, например, в Коломенском уезде, а затем ранее всего заселенные русским племенем места вокруг города Юрьева-Польского и край между Владимиром и Суздалем, составлявший Ополевские станы обоих уездов. На отсутствие леса в этих местностях указывает само их название¹. Огромные лесные пространства, конечно, способствовали сохранению обилия стоячих вод — болот и озер; особенно много таких вод было, повидимому, на западе — в Ржевском и отчасти в Новоторжском уездах, на границах Тверского, Бежецкого и Кашинского уездов, по течению рек Шексны и Мологи и, наконец, по южным границам края — в лесной южной части Владимирского уезда и в уезде Муромском. Обилие болот и озер способствовало, как отмечено выше, большей влажности, которая была, несомненно, присуща тогдашнему климату центральных областей Московского государства.

Остается рассмотреть почвенные условия исследуемой области. В общем «территория центрального пространства представляет собою область со средними почвенными условиями с преобладанием земель среднего качества при меньшей примеси худой и доброй»². Почва по большей части подзолистая, дерновая, глинистая, суглинки и супеси. Среди этих почв встречаются, как бы островами, почвы другого характера. Чаще всего попадаются пространства с чисто песчаными почвами (лесные части Коломенского и смежные части Владимирского уездов; часть Балахнинского уезда близ слияния Оки и Волги; восточные лесные части Галицкого уезда по рекам Унже и Ветлуге; некоторые места по течению Волги и ее притокам, например, Нерли, Мологи, Шексны и др.). По долинам рек, в собственном смысле, встречаются аллювиальные почвы. В отмеченных выше местах, особенно богатых стоячими водами, замечается присутствие почв болотистых; наконец, в интересующем нас крае следует отметить еще небольшие островки серых лесных суглинков, приближающихся к чернозему, и черноземовидных почв на лёссе: таковые местности Юрьева-Польского уезда и смежные места Владимирского и Суздальского уездов, которые именно, может быть, вследствие лучшего качества почвы и большего ее плодородия были заселены ранее всего русскими колонистами; такие же почвы встречаются в малолесных, южных частях Коломенского и Московского уездов, а также в Серпуховском уезде³.

¹ Эти местности сохранили название «Ополевщины», Списки населенных мест Владимирской губернии, стр. VIII.

² *Розиков*, Сельское хозяйство, стр. 42.

³ Почвенная карта Европейской России, составленная по плану В. В. Докучаева Н. М. Сибирцевым, Г. И. Танфильевым и А. Р. Ферхмалом. 1901 г. *Сибирцев*, Почвоведение, V, стр. 135—139.

Однородность почвенных условий Замосковья, где замечается безусловное преобладание суглинка и супеси, а другие почвы встречаются скорее в виде исключения, стоит в довольно явном противоречии с терминологией, которой пользовались писцы для оценки земель. Общая однородность почвенных условий должна была бы, казалось, привести к более или менее однообразной оценке пахотной земли в писцовых книгах. На самом деле этого нет. В описании каждого отдельного уезда, а иногда и отдельного стана или волости, приходится встречать и добрую, и среднюю, и худую землю. Не доказывает ли это лишний раз, что мерилom для оценки земель были не данные, основанные на качестве почвы, а суждения местных жителей, основанные, главным образом, на степени урожайности этой земли в последние годы перед описанием ¹.

Таковы, в общем, природные условия, которыми характеризуется Замосковский край в XVII столетии. Можно ли считать эти условия вполне однородными, можно ли интересующую нас область выделить в особое целое, которое по своим природным условиям существенно разнилось бы от окружающих его других областей государства? Едва ли подобное утверждение возможно без существенных оговорок. Климатические условия русской равнины изменяются с севера на юг и с запада на восток весьма медленно и постепенно; резких и определенных границ провести нельзя, так что, например, климатические условия местностей Замосковья, пограничных с Новгородским или Северным краем, по существу дела ничем почти не отличались от условий этих последних. Точно так же нельзя сказать, чтобы Замосковские уезды были обособлены строением поверхности или гидрографическими условиями. Правда, с севера и запада границы края почти совпадали с водоразделами между бассейном Каспийского и бассейнами Белого, Балтийского и Черного морей, но и только; на юге и востоке граница проходила условной линией по реке Оке, оставляя за пределами края верховья последней и большую половину ее речного бассейна. Обилие стоячих вод и лесных дебрей так же было свойственно не одному Замосковью, но всем областям, которые были заселены великороссами до XVII в. Наконец, этим же областям в их совокупности свойственны и те почвенные условия — преобладание супеси и суглинка, — которые, как выше сказано, являются характерными для Замосковских уездов. В общем, природные условия Замосковского края, расположенного в середине остальных областей Руси, представляли ряд переходных ступеней, незаметно приводивших от сурового севера к «Запцкой» украине и от сырой и бедной дарами Новгородской земли к богатому Поволжью.

По природным условиям Замосковье не представляет, следовательно, обособленного от других русских областей целого. Единство этого края не в природных условиях; его единство и значение опре-

¹ См. выше, гл. I.

деляются историей. Историческое значение края, а не особенности его природных условий объясняют и интерес, возбуждаемый прошлым Замосковных уездов.

III

Основными единицами территориального деления древней Руси вообще и интересующего нас края в частности были волости и станы. Хотя в XVII в. эти два понятия были очень часто синонимическими, их историческое происхождение, а следовательно, и первоначальное значение были совершенно различны. Наиболее древним из двух была волость.

В удельные века волость повсеместно господствовала над станом. Волость в это время представляла известных размеров сельский округ, внешним образом объединявшийся общими выборными должностными лицами, носившими название старост, сотских и т. п. В мои задачи не входит исследование вопроса о происхождении такой волости; она могла восходить к древнерусской верви¹; она, быть может, явилась на почве складнического землевладения или, во всяком случае, в качестве результата расширения круга родовых отношений, в пределы которых стали мало-помалу входить посторонние элементы, объединяемые общими интересами²; наконец, эта община могла в иных, по крайней мере, случаях стоять в связи с развитием на Руси частного землевладения, сделавшимся особенно заметным и потому доступным наблюдению лишь в более позднее время³. Не вдаваясь в критику выставленных нашей исторической наукой положений, можно с достоверностью лишь сказать, что «волость» является понятием более древним, нежели распространившееся позднее «стан».

Наиболее полную попытку определить происхождение понятия «стан» в значении административного деления древней Руси находим у А. С. Лаппо-Данилевского: «с постепенным развитием административной деятельности общинное волостное деление стало мало-помалу заменяться административным. Стан, очевидно, принадлежал к последней категории. Станы древних русских князей и становища, т. е. бывшие места их стоянки, упоминаются на первых страницах наших летописей. Уже в это время население стекалось сюда, вероятно, для выдачи князьям разных даней, кормов, поклонов и да-

¹ *Блюменфельд*, О формах землевладения в древней России, Од. 1884 г., стр. 264 и сл.; *Леуков*, Общинный быт древней России, СПб. 1856; *Покровский*, Местное самоуправление в древней Руси (в сборнике «Мелкая земская единица» I, стр. 180 и сл.), СПб. 1903 г.; *Соколовский*, Экономический быт земледельческого населения России. СПб. 1878 г.; *Ефименко*, Крестьянское землевладение на русском севере (в «Исследованиях народной жизни», М. 1884).

² *Илючевский*, Отчет о 33-м присуждении Уваровских премий, разбор исследования Н. Д. Чечулина «Города Московского государства», стр. 302; *Лаппо-Данилевский*, Организация прямого обложения, стр. 76 и сл.

³ *Сергеевич*, Древности русского права, III, стр. 25 и сл.

ров или для суда. То же видим мы и впоследствии, ибо станом в уставных грамотах XV и XVI вв. называется место стоянки тиуна или доводчика, где сосредоточиваются кормы и производится суд. Так как на уезд приходилось по несколько таких лиц, то и станов устраивалось соразмерное количество, а отсюда округов, тянувших судом и данью к такому стану и получивших также наименование станов, приходилось по несколько на уезд»¹. Это определение заслуживает внимания и требует, чтобы мы на нем несколько остановились.

Прежде всего не подлежит сомнению факт вытеснения волости станом и переименования многих волостей в станы, наблюдаемый в течение XV, XVI и XVII вв. К многочисленным примерам, приводимым Лаппо-Данилевским, можно было бы прибавить много новых². В особенности, кажется, такое вытеснение ярко заметно в Тверском уезде, где все почти деления носят название волостей в XVI в. и станов в XVII³. На то же явление указывают и многочисленные округа, которые в XVII в. сохраняют от волости только одно название, а на самом деле ничем не отличаются от станов. Далее, едва ли может возбуждать сомнение объяснение происхождения самого термина «стан»: первоначальный стан — это место стоянки князя или его наместника; в этом согласны и все немногочисленные данные первоисточников, на которые в данном случае опирается Лаппо-Данилевский⁴. К сожалению, однако, только этим и ограничиваются известия первоисточников о станах, так что утверждение о том, что станы сделались позднее округами, тянувшими судом и данью к одному центру, является, кажется мне, недостаточно обоснованным. Во всяком случае данные, почерпаемые из источников XVII в., этого не подтверждают. Насколько возможно было выяснить внутреннюю организацию станов и волостей в XVII в., по крайней мере в Замосковном крае, эта организация представляется в следующих чертах: те сельские округа, которые в эту эпоху продолжают носить название волостей, приходится разделить на две категории. Прежде всего некоторые волости сохраняли то самое устройство, какое им присуще было с самых древних времен. Это были волости дворцовые и черные, по крайней мере пока эти последние существовали еще в пределах исследуемой области: «царю государю и великому князю Димитрию Ивановичу всея Руси быют челом и плачутся Переславского уезда Залеского Закубежские волости

¹ Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 83; в том же смысле высказывается Лаппо, Тверской уезд в XVI веке, стр. 15, 16.

² Там же, стр. 84; см. также ниже, приложение.

³ См. п. к. М. г., 1, 2, Тверские книги XVI века и Оп. д. и б. А. М. Ю., № 2599—2602.

⁴ А. И., 1, № 144 (Уставная грамота Мариинской трети крестьянам, 1506 г.) «наши князья и бояре и воеводы ратные... у них в волости силно не ставятся»; А. А. Э., 1, № 70 (жалованная Василия Темного Спасо-Евфимиеву монастырю, 1462 г.): «волостели мои... меж деревень монастырских не ставятся, а ставятся на пошлом стану на старом».

старостишко с товарищи и все крестьяне»¹. «Лета 7129 июля в 14 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу Заузолские волости (Балахнинского уезда) приказной Левонтей Лазарев с земским старостою с Максимом Неспухтиным и по дозору земского целовальника Захарья Селецкого»²... В очень обширной Елнацкой дворцовой волости Юрьевоцкого уезда упоминаются старосты, объединяющие в своих руках сборы податей и местную администрацию³. В одном акте XVI в., содержащем известие о земельном споре жителей села Веси Егонской с крестьянами соседних волостей, упоминается *сотский* Велетовской волости. Никаких подобных выборных органов не существовало в Велетовском стане Устюженского уезда в XVII в.⁴ Попрежнему дворцовая волость, которая, кстати, всегда так и называется, потому что «дворцовых станом» в исследуемом крае не встречалось вовсе, представляется самоуправляющимся мирком, во главе которого стоят выборные старосты и целовальники. Крестьянская община дворцовой волости обладает внутренней самостоятельностью в отношении суда, сбора дани и местной администрации. Словом, если бы в некоторых, по крайней мере наиболее крупных, волостях не стояло над самоуправляющимся крестьянским мирком дворцового «приказного» или даже воеводы, можно было бы сказать, что в них еще в полной неприкосновенности продолжают в это время существовать земские учреждения эпохи Грозного.

Резюмируя приведенные соображения, можно сказать, что волость, сохранявшая в XVII в. свое первоначальное устройство, составляла совокупность нескольких населенных пунктов, большей частью расположенных в одной меже, объединенных общей выборной организацией, имевшей целью обеспечение правильного управления тягла и разных судебных и административных обязанностей внутри волости, причем эта совокупность объединенных таким образом селений была в черных волостях свободной⁵ или же принадлежала одному лицу, большей частью государю, реже — патриарху, местному архиерею или какому-нибудь монастырю или, наконец, частному лицу, получившему ее путем пожалования из дворцовых или черных земель. В качестве примеров последнего рода можно назвать Троице-Сергиевскую волость Вохну Московского уезда, Вагличевскую патриаршую волость Владимирского уезда, Высоцкую волость Чудова монастыря Коломенского уезда, Нейскую волость (бывшую черную) князей Одоевских в Галицком уезде⁶. Другой категорией волостей XVII в. были такие, которые от волости

¹ Доп. к Ак. Ист., 1, № 159, Челобитная 1609—1610 гг. к Тушинскому вору.

² Г. К. Э. по Балахне, № 15/382.

³ Переп. к. 15646, лл. 286—288.

⁴ Шумаков, Угличские акты, Чт. О. И. и Др. 1899, кн. I, стр. 42. П. к. 901, лл. 164—272.

⁵ В XVII столетии ближайшие к Москве черные волости были в Галицком уезде. П. к. 345, 453, 499, и в Старорусском уезде. П. к. 455 и переп. к. 754.

⁶ Арсеньев, Ближний боярин кн. Н. И. Одоевский. Чт. О. И. и Др. 1903 г., № 2 и отдельно.

в собственном смысле, от волости с только-что описанным внутренним строем сохранили, как я уже сказал выше, только одно название; на самом же деле они ничем не отличались от станов, к характеристике которых я теперь должен перейти.

Здесь прежде всего приходится заметить, что характеристика стана чрезвычайно затруднительна, и затруднительна потому, что напрасно, кажется, было бы искать объективных признаков, свойственных этой древнерусской административной единице. А между тем древнерусские люди всегда различали стан от волости в ее первоначальном виде. Приведем несколько примеров. В Московском уезде в числе станов, описанных Колтовским в 1624—1625 гг., находился стан Гуслицкий¹. При ознакомлении с населенными пунктами этого стана оказывается, что стан представляет только части более обширной Гуслицкой волости, продолжавшей до конца XVII в. оставаться в дворцовом владении². Точно такое же наблюдение можно сделать относительно Селинской волости Московского уезда, сохранявшей название волости только по недоразумению, и лежавшей с нею рядом дворцовой волости Сельны или же стана (в XVI в. волости) Замосковского Раменейца и дворцовой волости Раменской или Раменницы того же уезда³. Другой пример — стан Ярополческий и дворцовая волость Ярополчская Владимирского уезда⁴.

Что же представляют собой эти станы? В них нет основной особенности, свойственной первоначальным волостям: нет единства выборной организации, ведающей внутренней жизнью волости, единства, неизменно сохранявшегося в лежавших рядом с этими станами соименных дворцовых волостях. Стан вообще был совокупностью известного количества населенных местностей и пустошей, не объединенных какой-либо организацией, но принадлежавших различным владельцам на различном праве и составлявших одно целое только в территориальном отношении. По большей части, как и выше названные станы, выделившиеся из дворцовых волостей, это были прежние волости, общинное устройство которых распалось с того времени, как они, вследствие раздач, перешли по частям в частное владение служилых людей и духовных учреждений. С заменой волостного единства черных или дворцовых земель дробным владением частных лиц, тяглая крестьянская община в каждом частном владении обособилась и приняла все главнейшие функции, которые ранее принадлежали единой выборной волостной организации: раскладка податей, суд, полицейская администрация сделались предметами ведения таких мелких тяглых сельских общин, над которыми возвышалась в иных случаях постепенно усиливавшаяся власть землевладельца, а в XVII в. еще и власть воеводы, правив-

¹ П. к. 261.

² Переп. к. 9809.

³ П. к. 261; переп. к. 9808.

⁴ П. к. 12606 и 12604, лл. 1894—2149.

шего уездом. Будучи, таким образом, ничем иным, как развалинами древней самоуправлявшейся волости, станы, в сущности, напомнили раму без картины или переплет от вырванной книги. Самостоятельного значения в областном управлении такой стан не имел вовсе; единственно почти в чем это значение сохранялось — была податная организация: при разверстке податей по известному уезду правительственный оклад раскладывался по станам и уже внутри последних раздроблялся между отдельными сельскими тяглыми общинами¹.

Волости и станы были наиболее распространенными территориальными делениями древнего Замосковья, но были и другие, им равносильные. Так например, в уезде Новоторжском, когда-то Новгородской волости, сохранились до конца изучаемой эпохи «волости губы», указывающие на известную близость этих местностей к Новгородскому и особенно Псковскому краю, где, как известно, господствовало деление на губы². Оригинальным является деление Лушского уезда, где станам и волостям других уездов соответствуют «луки»³. Наконец, с точно таким же смыслом, как стан или волость, встречается еще *приселье* или *приселок*, особенно часто упоминаемые в двух северных уездах Замосковья — Бежецком и Устюженском⁴.

Наиболее крупные из волостей, сохранивших в XVII в. прежнее общинное устройство, подразделялись иногда на более мелкие самостоятельные единицы, носившие очень разнообразные названия. Это были «сотни» и «половины», как, например, в дворцовых волостях Можайского уезда⁵, «кромины», например, в патриаршей волости Баглачевской Клековского стана Владимирского уезда (кромины Содомовская, Булановская, Каменицкая, Белчаковская, Высокорецкая)⁶, или в бывшей до начала XVII столетия дворцовой волости того же уезда Муромском сельце (кромины Ялменская, Бабкинская, Суковская, Калужская, Тереховская, Шенская, Запеморская⁷) «пятины» — например, в Ярополческой волости Владимирского уезда (пятины Коншукотская, Островская, Выползова⁸), «станы» — например, в той же Ярополческой волости (стан Зарецкий⁹) или в Хотунской волости Московского уезда (станы Михайловский

¹ Процесс дробления первоначальной волостной общины разобран у Лаппо-Данилевского (Организация прямого обложения, стр. 88), но без отношения этого дробления к вытеснению волостей делением на станы.

² Оп. д. и б. А. М. Ю., 1, стр. 269—270.

³ Оп. д. и б. А. М. Ю., 1, стр. 118.

⁴ Оп. д. и б. А. М. Ю., 1, стр. 9, 10, 282, 283.

⁵ Переп. к. 684, лл. 454—703; в Турьевской волости — сотни Ореховская, Даниловская, Микитинская, Безнишина; в Замоской волости — Позняковская сотня; в Ореховской сотне — Орининская и Романовская половины и т. д.

⁶ П. к. 12607, лл. 1—55.

⁷ П. к. 12603, л. 519; в момент описания этой волости в 30—40-х гг. XVII в. старое деление на кромины с раздачей волости в частное владение было уже нарушено и сохранялось, видимо, как пережиток.

⁸ П. к. 12604, лл. 1982, 2121, 2316, 2144.

⁹ П. к. 12604, л. 1978.

и Мышенской; кроме того, в Хотунской волости существовало еще деление на трети, по третям села Хотуни ¹⁾ и, наконец, «погосты» (так обстояло, повидимому, дело в Троицкой Вохонской волости Московского уезда ²⁾). Кроме таких подразделений станом и волостей, надлежит, рассматривая мелкие деления, на которые распадалась территория исследуемого края, отметить еще отдельные дворцовые села, которые обыкновенно не включались в состав станом и волостей и в то же время не составляли отдельной дворцовой волости. Таковы были, например, дворцовые села по течению Москвы: Хорошово, Мячково, Софьино, Остров, село Хотеничи на границе Московского и Коломенского уездов, село Дединово на Оке в Коломенском уезде, села Тургиново, Погорелец и Городня в Тверском уезде и т. д. Примеров можно было бы привести очень много ³⁾.

Познакомившись с общою картиною, какую представляли мелкие территориальные деления исследуемого края, весьма естественно задать себе вопрос, откуда произошли и как слагались эти мелкие территориальные единицы, бывшие первоначально крестьянскими волостными общинами и позднее принявшие, по большей части, вид станом XVI—XVII вв. Некоторый материал для ответа на такой вопрос дают названия станом и волостей, находимые в описаниях изучаемой эпохи.

Знакомство с этими названиями убеждает в том, что очень значительное число их стоит в связи с названиями главного, центрального селения данного стана или волости ⁴⁾. Это селение, в изучаемое время, по большей части, село или, в крайнем случае, погост, было, вероятнее всего, тем первоначальным ядром, около которого разрослись постепенно другие поселения волости. Прежде чем стать обширной волостью, иногда даже распадавшейся на более мелкие второстепенные деления, волость была группой селений, тянувших к одному центру, к одному селу.

Первоначальный вид всякой волости был именно сельский округ. Сельский округ близко стоит к волости как при ее образовании, так и при ее разложении. Волостная община слагалась из сельского округа, а, распадаясь при переходе из независимого состояния во владение частных лиц, снова превращалась в ряд отдельных сельских округов, которые иногда совпадали с пределами наиболее крупных поместий и вотчин ⁵⁾. Сельский округ был и зародышем древней волости и продуктом ее вырождения.

К какому же времени относится возникновение этих первоначальных сельских округов-волостей? Здесь следует обратить внимание на другой ряд названий станом и волостей, столь же многочисленных, как и названия, стоящие в связи с главным селением.

¹⁾ Переп. кн. 9809, лл. 454—466.

²⁾ П. к. 260.

³⁾ См. приложение.

⁴⁾ См. приложение; напр., во Владимирском уезде 6 названий из 33; в Дмитровском — 4 из 14; в Бежецком — 6 из 14 и т. д.

⁵⁾ Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 89—92.

Я имею в виду и названия, происходящие от рек¹. Река была той нитью, по которой чаще всего располагались населенные пункты волости или стана. В самых близких к столице местностях, например, в Зарецкой половине Московского уезда, можно указать целый ряд станов, даже из числа не носивших названий по рекам, которые были расположены по течению реки; назовем для примера станы: Гоголев, Шахов, Торокманов, Сосенский, Лукомский, Молоцкий, Жданский и волость Перемышльскую; все эти местности были расположены по реке Пахре или по одному из ее притоков.

То, что сказано о Московском уезде, может быть повторено и относительно многих других местностей Замосковья. Стан или волость, с одной стороны, течение реки, с другой, стоят в тесной и близкой друг с другом связи. Смысл этой связи станет вполне ясным, если обратиться к другому краю — к северно-русскому поморью, к русским поселениям по рекам бассейна Белого моря и Ледовитого океана. Заселение этого края совершалось уже на памяти русских людей и совершалось по рекам и речкам. Почти все вольные крестьянские общины русского севера располагались по течению какой-нибудь реки, обнимая весь ее бассейн или, по крайней мере, часть его. Река, единственный путь сообщения, руководила первыми поселенцами и оказывала постоянное и неизменное влияние на место и характер их поселений. То, что так ясно рисуется из наблюдений над колонизацией русского севера, продолжавшейся до XVI—XVII столетий, происходило за несколько веков перед тем и в Замосковном крае, заселявшемся в XII—XIV вв. колонистами с юга и юго-запада. Как там, так и здесь проводником колонизационной струи являлась река; по реке двигались русские люди, по ее берегам они и оседали, продвигаясь все далее и далее в глубь лесных дебрей, покрывавших древний Суздальский край, по мере того, как с разоряемого юга являлись новые пришельцы. Тесная связь между речными путями и русской колонизацией, которую так легко проследить на русском севере, существовала, несомненно, и в Замосковном крае; установив это, не трудно уже дать ответ на поставленный вопрос. Сельские округа, зародыши крестьянских общин, слагались в тех приблизительно границах, какие мы видим у них в XVI—XVII вв., в эпоху первоначального заселения Суздальско-Московского края русскими колонистами, начавшегося с IX столетия и, несомненно, продолжавшегося по глухим и укромным местам, особенно далее, к северу, до конца XVI в.

Если в общих чертах границы станов и волостей наметились еще в эпоху колонизации Московского края русскими, то это отнюдь не значит, что они определились сразу и навсегда. Первоначальные границы вследствие редкости населения должны были быть неясными, едва, может быть, намеченными среди обширных лесных пространств, болот и пустырей, отделявших один вновь возникав-

¹ См. приложение; напр., во Владимирском уезде — 7 названий из 36; в Суздальском — 5 из 18; в Волоколамском — 4 из 11; в Кинешемском — 2 из 4 и т. д.

ний сельский округ от другого. Из этого вытекают двоякого рода последствия: с одной стороны, возможность перестановки границ, слияния двух небольших соседних волостей в одну, распадение крупной волости на самостоятельные части, с другой — стремление определить и установить границы между отдельными станами и волостями в тех, по крайней мере, случаях, когда это вызывалось местными условиями или интересами князя. Рассмотрим оба ряда вытекающих отсюда явлений.

Слияние нескольких станов в один и исчезновение некоторых существовавших в более раннее время названий местностей замечается еще в эпоху, предшествующую изучаемой. Так например, известно, что в 1551—1552 гг. писцы Услюм Данилов и Иван Беклемишев описывали в Московском уезде Сущеv стан, позднее нигде не упоминаемый¹. В жалованной грамоте о неподсудности митрополитских крестьян Московского и Владимирского уездов волостелям великого князя в числе местностей Московского уезда упоминаются исчезнувшие позднее стан Соболев и волость Лучинская². Таким же образом исчез стан Замыцкий в дворцовой волости Гвоздне³.

Встречаются несомненные указания на факты слияния станов: сюда следует, например, относить станы Московского уезда Ворю и Корзенев или Радонеж и Бели, которые в ранних актах Московского великого княжества упоминаются отдельно⁴. Подобное же явление можно усматривать в названии Московского стана «Манатъи, Быков и Коровин»; вероятно, первоначально это были три самостоятельные волости; такое предположение подтверждается известием о книгах Данилова и Беклемишева, где говорится об описании ими стана «Быкова и Коровина», без упоминания о «Манатыне».

Очень значительное влияние на изменение в составе волостей и станов Замосковных уездов оказала эпоха крестьянских войн и иностранной интервенции: целый ряд названий местностей, исчезло в XVII в. Так например, в описаниях Переяславского уезда этой эпохи нет никаких следов Закубежской волости, которая упоминается еще как существующая в 1609—1610 гг.⁵. В том же уезде в описаниях 20-х годов упоминаются запустевшие станы Жданогорский и Опалев, которые уже совершенно отсутствуют в переписных книгах 1678 г. Точно такая же участь постигает пустые по книгам 20—30-х годов Бибинов стан Московского уезда, Славецкую волость Владимирского уезда, губы Полону и Червицкую Новоторжского уезда, волость Озерцу Ржевского уезда, Лошицкий стан Бежецкого уезда⁶. С другой стороны, продолжалось слияние

¹ Г. К. Э. по Москве, № 7164 и 5128, л. 18.

² А. А. Э., 1, № 139.

³ В. и Г. Холмогоровы, Материалы о церквях и селах, Чт. О. И. и Др. 1888, кн. 4, стр. 81.

⁴ См. приложение.

⁵ Доп. к Ак. Ист. 1, № 159.

⁶ О всех этих местностях см. приложение; о губах Полоне и Червицкой, — п. к. 834, лл. 650—728.

двух и более станов и волостей в одно целое. В Московском уезде слились самостоятельные до XVII в. станы Шерепский и Обьезжий или Отъезжий; во Владимирском уезде — волость Шатурская и станы Сенег и Пырков, а также волости Муромское сельцо и Гостиловская. Особенно последовательно шло слияние станов и волостей в Тверском уезде: 13 самостоятельных станов и волостей, на которые этот уезд делился книгами XVI в., сливаются всего в 6¹. Подобное слияние могло обуславливаться весьма различными причинами; на этот процесс могла оказывать свое влияние и перестановка в размещении населения, иногда это совершалось по соображениям местного удобства, когда, например, две смежные местности не поддавались точному разграничению или когда эти местности были чересполосными. Так случилось раз в Коломенском уезде во время работы писцов 1684—1686 гг.: «да по писцовым же книгам князь Василья Волконского написана волость Баранья Лука в Сущове стану в разных местех, а по нонешнему письму и межеванью та волость Баранья Лука написана в Сущов стан для того, что становой межи учинить было нельзя»².

Слияние станов, как следствие выясненной писцом невозможности их разграничить, приводит нас к общему вопросу об установлении становых меж местными жителями и агентами княжеской и царской власти.

Среди писцовых книг XVI в., среди еще большего количества сохранившихся от них выписей и, наконец, между многочисленными известиями о производившихся в эту эпоху описаниях встречается немало указаний на «разведение меж», т. е. на размежевание селений, крупных владельческих и дворянских имений и т. д.; среди таких размежеваний, несомненно, были также случаи определения становых меж, хотя едва ли возможно определенно ответить на вопрос, что и сколько было сделано в XVI в. для размежевания одних станов от других³.

Во всяком случае даже в ближайших к столице местностях границы станов и волостей далеко не были установлены в конце XVI в. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть, например, писцовую книгу Московского уезда Т. Хлопова 1584—1586 гг.⁴. В описаниях 20—30-х годов беспрестанно встречаются случаи вроде следующих: в Переяславском уезде была жалованная вотчина Белянина Бирюкина, которую писцы записали в Новосельский стан, тогда как по жалованной грамоте она значилась в Замыцком⁵. В Дмитровском уезде село Савельево, числившееся ранее в Ижевском

¹ Об этих местностях см. приложение; о Тверском уезде, кроме того, *Дипло*, Тверской уезд в XVI веке.

² П. к. 219, л. 1548.

³ Известия о межевании в XVI столетии см. в списке п. к. XVI столетия у Милюкова в «Спорных вопросах» (приложение), а также у Неволгина в «Успехах госуд. межеванья», Собр. соч., т. VI, стр. 453—474.

⁴ П. к. М. г., 1, стр. 96—277.

⁵ П. к. 812, л. 316.

стану, очутилось в Мушковском; неясны были и границы между другими станами, например, между Берендеевским и Каменским¹.

Такое положение вещей представляло немало неудобств для правительства хотя бы потому, что приписка селений то к одному стану, то к другому могла дать возможность плательщикам уклоняться от несения тягла в обоих. Естественно, следовательно, что уже на писцов первой половины XVII в. в числе других задач было возлагаемо размежевание административных делений уездов. Прежде всего это должно было коснуться таких земель, которые, будучи приписаны к одному стану, были расположены посреди другого: писцам пагорной половины Костромского уезда пришлось переписать помещичье селцо Малышево из Вятского стана в Дмитровцев «для того что стало меж земель Дмитровцева стану»². При этом писцы, видимо, старались исправлять укоренившиеся ошибки и восстанавливать исконный, старинный порядок вещей: в Ростовском уезде «Непеино поместье Сумарокова, село Высокое по дозорным книгам Федора Игнатьева и Сем. Бартенева писано в Верхосуецком стану, а по новому письму и мере и по сказке старожильцев и по старой выписи Влад. Пивова да подъячего Казарина Приклонского 95 году написали в Богородском стану»³. Довольно много в деле размежевания станов потрудились и писцы Владимирского уезда 1637—1643 гг.; в их книгах находим описания меж патриаршей волости Баглачевской, волости Сенежской и некоторых других⁴. К 1648—1649 гг. относится попытка общего межевания Костромского уезда, произведенная И. С. Языковым и подъячим Г. Богдановым⁵. Колоссальные задачи, возложенные на писцов первой половины XVII столетия, были, как мы уже видели, слишком тяжелы при тех условиях, какими фактически было обставлено дело описания земель. Эти задачи были настолько не под силу исполнителям, что на практике не всегда достигались даже прямые и ближайшие цели работ. Понятно поэтому, что писцы 20—30-х годов не вполне справились с второстепенной задачей, какой было проведение становых меж. То, что не было выполнено в первую половину века, предположено было окончить писцам 80-х годов. Я уже указал выше на относящийся к этому времени один пример исправления границ между станами, приведший в Костромском уезде к исчезновению целой волости. Приведу еще несколько случаев, освещающих эту сторону деятельности писцов. В писцовой книге Дмитровского уезда Повельского стана неоднократно попадаются замечания вроде следующих: «селцо Семешково было Каменского стана, а ныне по паезду переписано в Повельский стан»; «с. Ильинское... ныне по

¹ П. к. 628, лл. 39—211.

² П. к. 977, л. 67.

³ П. к. 840, л. 155.

⁴ П. к. 12607, лл. 494—724.

⁵ П. к. 213.

наезду в Повельском стану»¹. Установление становой межи большого Микулина стана в Коломенском уезде, разбросанного и разделенного на несколько отдельных участков, было поручено писцам 1685—1686 гг. Хрущову и Баранову, как это видно из приводимого в их книге земельного дела между причтом села Северского и двумя местными дворянами². Довольно много указаний на проведение становых меж встречаем в книгах писцов, работавших в это время в отдельных стапах Московского уезда. Стольнику А. И. Безобразову, столь интересная переписка которого с приказными людьми его вотчин сохранилась до нашего времени, писал приказчик его подмосковной: «я холоп твой... бродил к писцу и выпись из писцовых книг Ф. Пушкина, которую он оставил, показывал, а он мне сказал, что разводит становую межу, стан от стану»³.... Это была, повидимому, общая мера, которую стремилось провести Московское правительство в подмосковных, по крайней мере, местностях; «в прошлом 188 г... Великий Государь... указал... в Московском уезде во всех станах и в волостях быти писцам и учинити становую межу»⁴. Нам, однако, уже известно, насколько мал был успех всех попыток хозяйственного описания земель, произведенных в конце изучаемой эпохи. Работы не были доведены до конца; не было, следовательно, вполне осуществлено и размежевание станов. Можно думать, что, несмотря на вековые старания правительства установить границы старинных бытовых делений русской земли, многие из этих делений перешли в XVIII столетие с такими же смутными, едва очерченными рубежами, какие намечались при их образовании в эпоху заселения Суздальского края русскими колонистами.

IV

Над местными делениями, какое бы название они ни носили, были ли это станы, волости или отдельные сельские дворцовые округа, называвшиеся по имени главного селения, возвышалось общее для всего государства административное деление на уезды. Самый термин не требует особого внимания. Относительно него мы имеем два объяснения, одинаково заслуживающих доверия, хотя решительно высказаться в пользу которого-нибудь одного едва ли, по моему мнению, возможно⁵. Исследуемый нами Замосковский край заключал в себе от 35 до 40 уездов, смотря по тому, как и где проводить его границы. Ближайшее знакомство с отдельными уез-

¹ П. к. 127, лл. 302, 307; другие примеры: лл. 348, 394, 454—455 (Николо-Песношский монастырь переписан из Каменского стана в Повельский).

² П. к. 207, лл. 442—446.

³ Временник О. И. и Др. Р., т. 21, письмо 10.

⁴ П. к. 270, л. 460.

⁵ Ключевский полагает, что уездом первоначально называлась местность, по которой князь ездил для сбора кормов и дани (Литографированный курс терминологии русской истории). Соловьев высказывал мнение, что уезд составлял, повидимому, то, что было уехано или заехано, примежевано к известному центру. История, т. I, стр. 1210.

дами, входившими в его состав, показывает, что они возникали и слагались в различное время и под влиянием очень различных обстоятельств; этим объясняются существенные отличия в их размерах и особенности в их географическом расположении¹. В общем, ограничиваясь Замосковным краем, можно, как мне кажется, установить следующие несколько типов уездов, основываясь на истории их возникновения.

Прежде всего уезд мог быть пережитком удельной эпохи и представлять собою старинное княжение, не изменившее своих границ после того, как вошло в состав владений московских великих князей. Таким, например, был, вероятно, Юрьев-Польский уезд, очень небольшой по своим размерам, лежавший между землями Ростовскими, Переяславскими, Суздальскими и великим княжением Владимирским. Составив удел потомков сына Всеволода III, Святослава, Юрьев с тянувшими к нему волостями перешел к Москве около половины XIV в., не сливаясь с окружающими землями. Позднейший Юрьевский уезд как нельзя лучше подходит к представлению, которое можно составить себе о старинном Юрьевском уделе. Другой пример такого же рода — Владимирский уезд, который, может быть, впрочем с прибавлением отпавшего от него позднее Гороховецкого уезда, не превышавшего размерами своими крупной волости, совпадал с границами старинного великого княжения Владимирского. Уделы, которые образовались из Владимиро-Суздальского княжения эпохи Всеволода III, составляли части наиболее рано и густо заселенной местности, посившей название «Поля» или «Ополье», и все расположены были к северу от стольного города, группируясь именно около возникших в «Ополье» городов. С выделением этих уделов, в составе великого княжения осталось все среднее и нижнее течение Клязьмы до впадения ее в Оку, а также мало населенные, мало плодородные и никакого, по видимому, князя не интересовавшие лесные волости, расположенные по Владимиро-Рязанскому рубежу. Все эти земли в XIII и XIV вв. переходили от одного князя к другому вместе с оставленным стольным городом. Ими, вероятнее всего, благословил Дмитрий Донской своего сына как вотчиною, санкционировав, таким образом, принадлежность земель великого княжения к владениям московских великих князей. Такого же, кажется, было происхождение Ярославского и Ростовского уездов и, наконец, уездов Тверского и Кашинского, образовавшихся из соответственных великих и удельных княжений.

Другим типом уезда был уезд, возникший из удела, если можно так выразиться, вторичной формации — из позднего удела боковых ветвей Московского дома. Сюда можно отнести уезды, расположенные к западу и северу от столицы. Таким, например, был уезд Верейский, сложившийся в первой половине XVI в. из собственно Верейских и Вышегородских земель, находившихся в составе удела князя Андрея Ивановича Старицкого, а позднее его сына Владимира.

¹ Подробности об отдельных уездах см. в приложениях.

Так же, надо думать, составилсЯ Волоколамский уезд, образовавшийся, насколько можно судить по духовной князя Федора Борисовича 1513 г., из владений последнего князя Волоцкого. К этой же категории можно отнести уезд Боровский, который образовался из обломков удела князя Владимира Андреевича Серпуховского, раздробившегося между его наследниками. Наконец, при аналогичных условиях сложились, повидимому, такие уезды, как Дмитровский и Звенигородский, территория которых составилаcя из уделов младших сыновей Ивана III. Предположительно то же можно сказать и об отдаленных северо-восточных Замосковных уездах — Костромском, Галицком, Вологодском, составлявших очень ранние приобретения московских князей.

Третьим типом уезда была пограничная область, составившаяся из земель, бывших в известное время предметом борьбы нескольких соседних княжений. Типичным примером этого более редкого, нежели другие, типа был Бежецкий Верх — уезд, тянувшийся к городу Бежецку или, как он в то время назывался, Городецку. Расположенный между Новгородскими владениями — Бежецкой пятиной и мелкими волостями, расположенными по ее границам, с одной стороны, землями Тверскими — с другой, и ранним примыслом московских князей — Угличем — с третьей, Бежецкий верх некоторое время составлял предмет борьбы между тремя соседями; оставшись, в конце концов, за Москвою и входя в состав удельных владений сначала брата Ивана III, Андрея Большого Васильевича, а позднее его сына Семена, Бежецкий Верх окончательно вошел в состав общегосударственных земель в первой половине XVI в. В это время, вероятно, сформировалась и самая территория уезда, причем к землям собственно Бежецкого Верха присоединены были также старинные Новгородские волости — Егна, Мелеча и др.

Четвертый тип, представителем которого был один лишь Новоторжский уезд, является Новгородская волость, целиком образовавшая уезд Московского государства.

Пятым типом можно счесть уезды, образовавшиеся вследствие административных мероприятий Московского правительства уже в более позднее время. В Замосковном крае этот тип имеет также только одного представителя в уезде Устюжны Железопольской, окончательно сложившемся только во второй половине XVII в. Насколько можно проникнуть в глубь веков, Устюжна Железопольская, основанная в XIV в. при впадении речки Ижины в Мологу, составила московское владение, тянувшее к городу Угличу и его уезду, несмотря на то, что была отделена от земель Угличского уезда целым рядом врезавшихся клином волостей Ярославских и Бежецких. Отдаленность от Углича этой части уезда, даже не связанной с ним непрерывной территорией, и наличие особого центра, который мог сделаться главным городом уезда, и были, вероятно, причиною обособления северных станов и волостей уезда, которые в книгах Сев. Давыдова 1620-х годов и в переписных книгах 1646 г. занесены уже в особую категорию. Окончательное выделение этих

станов в самостоятельную административную единицу последовало в 1685 г., когда великие государи указали и бояре приговорили все эти волости написать Устюжским уездом и приписать к Устюжне Железопольской «для того, что в переписных книгах 154 и по указу 189 году, каков прислан из стрелецкого приказа, те станы написаны именно Устюжским уездом»¹.

К последнему типу уездов следует отнести два: Московский и Коломенский. Оба эти уезда сложились не совсем схожим с другими уездами порядком. Коломца с большей частью тянувших к ней волостей всегда оставалась во владении старшего князя Московского дома. Из этих волостей и сложился постепенно целый уезд, причем граница его с Московским определялась, вероятнее всего, топографической близостью волостей к тому или другому городу. Уезд Московский составил из ближайших к стольному городу волостей и отдельных сел, раздававшихся обыкновенно порознь всем наследникам московского великого княжения. К этим селам и волостям присоединены были позднее некоторые местности, входившие когда-то в состав соседних удельных княжеств, например, Воровского и Серпуховского.

Различием в условиях происхождения уездов определяются в значительной степени и их неравные размеры и неравномерное количество мелких делений, входивших в состав их. Рядом, например, с огромным Московским уездом, сложившимся из 56 подмосковных станов и волостей, не считая некоторых отдельных мелких сельских округов, тянувших к дворцовым селам, лежал очень маленький по размерам Звенигородский уезд, сложившийся из мелкого удела младших князей Московского дома.

Из обширного Суздальского уезда выделились небольшие части, из которых иные составляли мелкие уделы Суздальско-Нижегородского великого княжения, иные, может быть, сложились уже в московское время; из этих обломков, заключавших в себе от двух до пяти станов и волостей, составились уезды Шуйский и Кинешемский. Таким же обломком представлялся Клинский уезд, выделившийся еще в раннее время из состава земель великого княжения Тверского и первоначально — единственный в своем роде случай — вовсе лишенный волостных и становых подразделений.

Между уездом, как крупной административной единицей, с одной стороны, и волостью или станом, с другой, существовали, хотя и не везде, промежуточные деления очень различных названий и значений. Некоторые из таких делений — половины, трети и четверти, уже отмечены в литературе², и потому нам нет нужды вновь перечислять их. Замечу лишь, что разделения на трети и четверти в Замосковных уездах не было, а деление на «половины» встречалось почти всегда в тех случаях, когда уезд пересекался какой-нибудь значительной рекой, которая и делила его пополам. Так было в уездах

¹ П. С. З., II, № 1150.

² Лапто-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 99.

Ярославском и Костромском, разделенных Волгой, а также в уезде Ржевском, где обе половины или стороны, разделенные верхним течением Волги и озерами, столь обильными у ее истоков, сохраняли в течение всего XVII столетия названия сторон князей Дмитрия Ивановича и Федора Борисовича¹, указывая этим на начало XVI столетия, когда часть Ржевского уезда входила в состав Волоцкого удела, а другая досталась третьему сыну Ивана III — Дмитрию. На две половины распадался и уезд Зубцовский, тою же верхней Волгою разделенный на Московскую и Ржевскую половины; наконец, на две же половины делился Москва-рекою и столичный уезд². Кроме, однако, подобных делений уездов, самое название которых указывает на то, что они составляют дробь известного целого, существовали и другие, на которые мне представляется не лишним здесь указать, хотя по существу дела эти деления часто носили только временный или случайный характер.

Очень большие по размерам и разбросанные на далекие пространства уезды Костромской и Галицкий не представляли одного административного целого. Наряду с главным городом уезда там возникли и существовали также другие небольшие местные центры — пригороды. Такими были в Костромском уезде Буй, Судислав, Любим, Кадый, в Галицком — Чухлома, Парфентьев, Судай, Кологрив. Ближайшие к этим пригородам местности находились в более тесных отношениях к ним и составляли вместе с ними их *осаду*, в чем, быть может, можно видеть отголосок первого времени расселения русских колонистов, или же носили название «приписи», указывающее на известные административные связи между волостями и пригородами. Позднее, к концу XVII в., некоторые из этих пригородов с их *осадами* выделились даже в особые самостоятельные уезды; в пригородах, например в Судее и Кологриве, в 80-х годах столетия упоминаются особые, независимые от Галича воеводы³.

Выделение в самостоятельные административные единицы встречается и в дворцовых волостях. Строго говоря, внутреннее управление последних, при подчинении их особому приказному человеку, назначаемому из дворцовых приказов, было совершенно почти независимо от местных воевод. Однако бывали случаи, когда во главе особенно значительных дворцовых волостей ставились совершенно, видимо, самостоятельные воеводы. Так было, например, в дворцовых корельских волостях Ярославского и Бежецкого уездов, которые в конце XVII в. представляли особую административную единицу, выкроенную из территории двух уездов⁴, или же в дворцовых волостях Суздальского уезда, из которых иные, например Дунилово, имели особых воевод⁵. То же явление наблюдалось во

¹ П. к. 833, 834.

² П. к. 150.

³ Столбец Разр. прик. Новгор. стола № 322, лл. 82, 83; Оп. д. и бум. А. М. Ю., т. XII, стр. 138.

⁴ Столб. Разр. прик. Моск. стола № 717, л. 58.

⁵ Гарелин, Акты Шуй, № 159.

второй половине века в Толоконцевской и Заузолской волостях Балахнинского уезда¹.

Наконец, встречаем еще один случай своеобразной группировки станов и волостей. По причинам, не всегда для нас вполне ясным, но, вероятнее всего, для большего удобства управления и для уравнения территории смежных уездов, волости или станы отписывались иногда от того уезда, к которому тянули исстари, и присоединялись к соседнему, не теряя вполне связи с тем, к которому принадлежали ранее. «Приписанные» к уезду, но не вполне слитые с ним, такие станы и волости сохраняли за собою название «приписи» к уезду. Типичным случаем этого рода было довольно долговременное присоединение Боголюбовского и Опольского станов Владимирского уезда к уезду Юрьево-Польскому, что, вероятно, было вызвано желанием правительства несколько равномернее распределить земли между громадным Владимирским и очень небольшим Юрьевским уездами. Во время описания князя Шехонского в 30-х и 40-х годах эти два стана всегда называются «Юрьевской приписью», а иногда даже прямо относятся к последнему уезду². Когда произошла эта приписка, точно установить нельзя, хотя достоверно можно сказать, что так было уже в 20-х годах XVII столетия³.

В конце столетия было вновь восстановлено старинное историческое распределение земель между Юрьевским и Владимирским уездами. Документ, сообщающий об этом факте, знакомит нас и с тем, как происходило перечисление земель из одного уезда в другой. «В 191 году (1683), июня в 30 числе по указу великих государей... по заручному челобитью Владимирских вотчинников Володимирского уезду Юрьевские приписи Опольской и Боголюбовский станы *для близости* велено ведать к Володимерю попрежнему, а в Юрьеве тех станов ни в каких делех ведать не велено, и о том их великих государей указ в Володимерь и в Юрьевк воеводам из Розряду послан. И как к тебе (думному дьяку Ф. Л. Шакловитому) ся наша великих государей грамота придет и ты б в Володимерской уезд в Опольский и в Боголюбский станы в села и в деревни послал Владимирские приказные избы подъячих, а с ними стрельцов и пушкарей, сколько человек пригоже и велел им тех станов помещиком и вотчинником и их монастырских вотчин прикащиком и старостом и крестьяном наш великих государей указ сказать всем вслух, что по нашему великих государей указу велено их судом и расправой и во всяких делех... ведать»⁴.

Мне остается рассмотреть последний из вопросов, относящихся до деления исследуемого края на уезды: я имею в виду точное их разграничение. Хотя некоторые общие черты этого процесса уже отмечены в литературе⁵, тем не менее к тому, что уже

¹ Столб. Разр. прик. Моск. стола № 934, л. 81.

² П. к. 12609 и 12610; см. п. к. 12609, л. 145.

³ Г. К. Э. по Владимиру, № 123/1900.

⁴ Столб. Разр. прик. Моск. стола № 651, лл. 290 и 368.

⁵ Лапто-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 98.

известно, возможно прибавить еще несколько новых черт. Если, говоря о первоначальных границах станом и волостей, приходилось уже указывать на их полную неопределенность, то, конечно, то же следует прежде всего отметить касательно станомых меж. Шаткость и неопределенность границ, едва обозначенных урочищами, известными лишь местным жителям, замечается даже в очень позднее, сравнительно, время.

В описаниях XVI в. и даже в книгах первой половины XVII в. не редкость, например, встретить известие, что местность переходит из уезда в уезд или же сразу причисляется к двум и даже трем смежным уездам. В таком состоянии находились многие селения Московско-Переяславского рубежа¹. Село Петровское, вотчина Троицко-Сергиева монастыря, разом находилось в уездах Рузском, Дмитровском и Московском². Среди селений волости Владимирского уезда — Тарутцкого острова — встречается вдруг деревня Рязанского уезда и т. д.³. Даже очень значительные по площади местности не сразу прочно примыкают к известному уезду. Так например, волость Хотунская, в XVII в. всегда признававшаяся Московской, причислялась во второй половине XVI в. к Коломенским землям⁴. Большой неопределенностью отличался также Новгородско-Тверской рубеж⁵. Неудобства, вытекавшие из подобного порядка вещей, понятны само собою. Поэтому еще очень рано замечаются попытки правительства точно провести границы, отделявшие один уезд от другого. В 1504 г. было произведено обмежевание границ Звенигородского, Рузского, Дмитровского и Кашинского уездов, доставшихся в удел второму сыну Ивана III — Юрию; таким образом были установлены: рубеж Капинско-Ростовский, границы удела Юрия Ивановича и Переяславских земель, рубеж Звенигорода и Вышгорода Верейского, рубеж Звенигородско-Московский, Дмитрово-Клинский, Рузско-Можайский и т. д.⁶. Работы в этом направлении продолжались и позднее; в 1584 г. был обмежеван писцами Л. Новосильцевым с товарищи Гороховецкий уезд, причем сравнение проведенных ими границ с позднейшими границами этого уезда убеждает в их совпадении на значительном протяжении⁷.

Все приведенные примеры относятся к эпохе, предшествовавшей избранной для изучения, но ими, конечно, не исчерпываются попытки, сделанные правительством в этом направлении.

Можно с достоверностью сказать, что работы по установлению междуездных границ продолжали производиться и в XVII столетии. Были ли эти работы доведены до конца? Едва ли на такой

¹ П. к. М. г., 1, 1, стр. 79, 810; п. к. 260, лл. 170—171.

² П. к. М. г., 1, 1, стр. 62.

³ П. к. 12604, л. 1746.

⁴ П. к. М. г., 1, 1, стр. 610, 611; переп. кн. 9809.

⁵ Овсянникова, О Новгородско-Тверском рубеже. Тверь 1903.

⁶ С. Г. Г. и Д., 1, № 137—141.

⁷ П. к. 625, лл. 262—286.

вопрос можно ответить утвердительно. Результаты попыток валового письма и межевания 80-х годов далеко не соответствовали надеждам правительства. А между тем, наверно к этому времени были проведены еще не все междуездные границы даже в пределах старинных государственных областей, входивших в состав Замосковского края. Как производились работы и что оказывало иногда влияние на определение уездной границы во второй половине XVII в., можно судить из того, что в 1686 г. боярин кн. И. Б. Репнин просил переписать его вотчину из Коломенского уезда в Каширский из-за притеснений, чинимых Коломенским воеводой Щепотьевым его, Репнина, крестьянам¹. Как бы то ни было, можно думать, что уездные грани перешли в XVIII столетие в таком же не вполне установленном и неопределенном виде, как рубежи станов и волостей.

История старинного русского административного деления в XVII столетии в общих чертах известна. Частые и разнообразные административные реформы Петра дали случай этому делению обнаружить чрезвычайную силу, живучесть и способность приспособляться ко всяким иностранным новшествам, преодолевать все новые формы и чужеземные названия, которые так щедро сыпались и так часто менялись в первую четверть XVIII в. Уезд пересилил и «доло» и «дистрикт», а стан и волость, как самые древние известные деления, пережили реформы Петра. И те и другие просуществовали до губернской реформы Екатерины II, когда, наконец, уступили место новым административным делениям.

Изучение территории Замосковского края позволяет сделать следующие заключения.

Эта территория представляла довольно определенное пространство, приблизительно совпадавшее с пределами древней Ростово-Суздальской земли и расположенное, следовательно, почти целиком в бассейне верхней Волги и левых притоков Оки.

Ознакомление с историческими судьбами этого края, с одной стороны, и с его природными условиями, с другой, заставляет признать, что в образовании Замосковского края, как известного целого среди других земель Московского царства, первые имели безусловно преобладающее значение над вторыми.

Более равномерное взаимодействие оказали природные и исторические условия на образование мелких областных делений исследуемого края. Двигаясь при своем расселении в IX — XVI вв. преимущественно по рекам, население оседало по их берегам: исторический процесс и естественные пути сообщения намечали границы первоначальной волости или первоначального сельского округа, который потом разрастался в целую волость, связанную общим происхождением, общим землевладением или, чаще всего, общими повинностями и объединенную общей выборной организацией. С течением времени старинная волостная община стала уступать

¹ Столбец Разр. прик. Моск. стола № 189, лл. 108—111.

место стану, который в топографическом отношении совпадал, большей частью, с прежней волостью, но был уже лишен единой общей организации, уступившей место механическому соединению частновладельческих имений, являвшемуся единым целым только в деле разверстки правительственного податного оклада.

Исторические условия снова приобретают первенство, когда дело заходит об образовании крупного областного деления — уезда. Уезд слагался очень различными путями, но нигде, кажется, природные условия не имеют большого значения. Преобладает наследие удельной эпохи, так как чаще всего уезд — это древнее княжение или, по крайней мере, часть, или обломок его.

Как уезд, так и мелкие деления не представляли чего-либо прочного и навсегда установившегося. Там и здесь замечаются промежуточные соединения, правда, чаще всего очень шаткие и неопределенные. По отношению к мелким делениям не могла установиться и однообразная терминология: волость, стан — это только наиболее распространенные названия, наряду с которыми встречались и другие, им равнозначные. Наконец, долго оставались не вполне определенными и становые и уездные межи, несмотря на старания, какие в этом направлении были заметны с очень раннего времени.

В общем, ко времени реформ, старинное областное деление Замосковского края, а можно, думается мне, сказать и шире — областное деление всего Московского государства, носит на себе все признаки долгого и постепенного процесса развития — процесса, в котором почти не было места для сознательной направляющей деятельности государственной власти, а все почти обуславливалось неумовимыми чертами влияния местной исторической жизни и иногда местных природных условий. С этими чертами дожило областное деление Замосковского края до того момента, когда само Замосковье утратило свое многовековое значение среди других областей русской земли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

I.

Долголетняя борьба с крестьянскими движениями и опустошения страны отрядами иностранных, особенно польских, интервентов привели к значительному ее разорению.

Освобождение Москвы от поляков было предпосылкой к восстановлению хозяйства; однако страна продолжала опустошаться бродившими отрядами интервентов, и потребовалось еще немало лет, пока появились первые признаки преодоления хозяйственного кризиса.

«Пишут к Государю царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всяя Руси из замосковных и из поморских городов воеводы и приказные люди, что собрався пришли в замосковные и поморские города воры казаки многие люди и в уездах по селам и по деревням и по дорогам дворян и детей боярских и гостей и торговых и уездных всяких людей, где кого найдут, побивают до смерти и животы грабят и села и деревни жгут и собрався к городом приступают и к Москве ни с чем не пропускают и тесноту Московскому Государству чинят великую»¹. Таково обычное содержание воеводских донесений, свидетельствующих о непрерывно продолжавшихся грабежах и насилиях выходцев из Литовско-Польского государства и разложившейся части казаков. У С. М. Соловьева изложена фактическая сторона набегов главнейших разбойничьих шаек в 10-е годы XVII в.² В дополнение к тому, что находим в «Истории России с древнейших времен», можно прибавить несколько черт, рисующих характер и отчасти размеры опустошений замосковных уездов, как эти опустошения представлялись дозорщикам и писцам первых лет правления нового царя и местным людям, прибегавшим к нему с челобитными. В Вологодском уезде оставалось особенно

¹ Разрядные книги, 1, стр. 1.

² Т. IX, гл. 1 и 2.

памятным казацье разоренье 1613—1615 гг. ¹. Из челобитной монаха Вологодского Песочного монастыря Иринарха видно, что литовские люди приходили «не в один поем» и в 1615 г. стояли под Вологдой 18 недель, разоряя весь край ². В соседнем Костромском уезде не менее сильное впечатление оставили «литовское разоренье и русских людей война» 1616 года ³. В 1616 г. игуменья Суздальского Покровского монастыря жаловалась, что «грех наших ради монастырские вотчинки в Суздальском уезде в Ополяских местах... от польских и от литовских людей и от казаков разорены и крестьяне посечены и перемучены. И в монастырских вотчинах монастырский хлеб ржаной и яровой вывозили и притравили и от монастырского хлеба ничего не оставили» ⁴.

«Деялось, государь, в нынешнем 127 году перед Покровом, шли черкасы и крестьян многих посекали в Ярополческой волости, а после черкас на Сергиеву память пришли в волость Ярополчь казаки и стали, Государь, нашего князя Федора Ивановича в Ярополческой волости, в Вязниковской слободке, станом, и те люди крестьяне князя Д. М. Пожарского да Муромских и Гороховских детей боярских люди, крестьяне и Стародубовские мужики, сложились с теми казаками да... Ярополческую крепость разорили ⁵. Под Устюжной Железопольской, так же, как и в Бежецком Верху, местность была сильно разорена еще в 1608—1609 гг. ⁶. В Понизовой волости Устюженского уезда по дозору, произведенному в 1615 г. воеводой Уросовым, пашня существовала лишь в 4 деревнях из 12, да и то в самых незначительных размерах ⁷. В Бежецком и Устюженском уездах враждебные правительству отряды засели, повидимому, особенно прочно, быть может, потому, что к Москве их долгое время не пускали правительственные ополчения, сосредоточенные в 1614 и 1615 гг. около Ярославля и Кашина ⁸. Ярославские помещики князья Дмитрий и Никита Щербатовы подали в 1612 году челобитную князьям Трубецкому и Пожарскому: «4 ноября 121/1612 г.

¹ Вологодские книги 20-х годов. П. к. 62, 63, 64, 65, 66 и 70 — во многих местах.

² А. И., II, № 66.

³ П. к. 498, лл. 103—233.

⁴ Тихонравов, Владимирский сборник, стр. 135.

⁵ Челобитная крестьян кн. Мстиславского, *Гарелин*, Акты Шуй, № 15.

⁶ П. к. 902, л. 323.

⁷ А. до Ю. Б., II, № 128.

⁸ Соловьев, изд. т-ва «Общ. польза», II, стр. 1602—1604. Несколько характерных черт, показывающих, как отражалось хозяйничанье польских и казацких шаек на жизни уезда, находим в расходной книге небольшого Краснохолмского Антониева монастыря, находившегося в Бежецком Верху, недалеко от границ Устюженского и Угличского уездов:

3 декабря 1608 г.: «ездили на Городецко к панам с кормом и выправили у них бережальную грамоту».

1 января 1609 г.: «дано воеводе пану Миколоау Косаковскому да рохмистру Ивану 20 рублей для оберегания, как шли под Устюжну».

6 января: «дан пану Павлу рубль для обереганья, как ехал под Устюжну».

9 января: «дано по игуменскому Кириллову приказу Дмитрию Воронину рубль денег, — приезжал от воеводы пана Микулая Косаковского по монастырские лошади».

приезжали во отца их князь Луки Осиповича поместье, в село Никольское Слободище, лихие люди разбоем к ночи и их де, князь Дмитрия и князь Никиту, били, а людей их жгли и мучили. А грабежу у них взяли те воровские люди, oprичь божия милосердия, животов их и людей их платья и денег и служилые рухляди и лошадей на 300 на 30 рублей. А приезжали де разбоем их грабить с Углича казаки Иванова станицы Алексева, по совету села Никольского-Слободища крестьян»¹. В Угличском уезде обширная волость Кесьма запустела совершенно: в ней не осталось ни одной населенной деревни². В Троицкой вотчине селе Прилуках не забывали разоренья «как шел пан Лисовской»³. Древний город Микулин, составивший когда-то удел великого княжества Тверского, запустел настолько, что превратился в «городище», в котором оставалась лишь соборная церковь архангела Михаила. Под именем городища Микулин и занесен в книги 20-х годов⁴.

Не лучшее впечатление оставляют и окрестности столицы. В дозоре Троицких вотчин Московского уезда 1614 г. в конце описания каждого отдельного имения неизменно приводится безотрадное заключение: «а ныне все пусто: села и деревни запустели от литовских людей», «а по новому дозору все в пусте» и т. п.⁵. Под Троицким монастырем запустели две издавна существовавшие женские обители: «на троицкой земле, на Хоткове был монастырь, а ныне стоит церковь Покрова пресвятыя богородицы, да на монастыре 27 мест келейных порозжих»; «да на троицкой же земле был монастырь богородицкий Подосенем на речке на Торгоше, разорен от литовских людей»⁶. Для Московского уезда известное значение имел, повидимому, также поход Владислава 1618 г.: есть указания, что «королевичев приход» в окрестностях Москвы вызвал новое усиленное бегство крестьян из деревень⁷.

На юго-восток от Москвы в Коломенском уезде большинство приходных погостов «стоят без пеня» еще в конце 20-х го-

10 января: «послано с никольскими слуги воеводе пану Миколу Косаковскому 20 рублей денег да Ивану Баклановскому 5 рублей для оберегания Никольской вотчины, как шли из под Устюжны под Городецко».

14 января: «дано атаману Тарасу рубль денег, почевал на конюшенном дворе, а с ним почевали 50 человек казаков и татар, — шли из Поречья».

16 января: «ездил на Городецко Никольский слуга... к Миколу Косаковскому да к Размыслу Бородичу для оберегательных листов».

«Приезжали монастырь грабить казаки Донцы, как шли из-под Устюжны с первово дела Якова с товарищи; станицы он Медведевы, а ходит он с Тарасом Черным, и взяли из казны 70 рублей». (Описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, стр. 39).

¹ Липинский, Угличские акты, № 6.

² Угличские писцовые книги, изд. Липинским, стр. 608—614. Врем. Дем. лицей, тт. 41—46.

³ П. к. 498, лл. 1—36.

⁴ П. к. 875, лл. 46—52.

⁵ П. к. 258, лл. 1—117, везде.

⁶ П. к. 258, лл. 59, 67.

⁷ П. к. 685, л. 1014.

дов¹. В Звенигородском уезде южный — Угожский стан, лежавший на Смоленской дороге, превратился почти в сплошную пустыню; такая же участь постигла очень многие станы и волости Ржевского уезда². В Зубцовском уезде писцы 20-х годов, не имея под руками приправочных книг, не могли описать 268 пустошей, настолько сильно запустевших и заросших от литовского разорения, что их «мерить и сметить было не можно»³. Под Можайском хранилась упорная память о разорениях 1612—1615 гг. во время походов Ходкевича и Сигизмунда⁴.

Сопоставление данных дозорных книг Троицких вотчин 10-х годов, уцелевших в очень значительном количестве, с данными описаний тех же вотчин в 1592—1593 гг., с одной стороны, и в 20-х годах XVII столетия, с другой, позволяет составить приблизительное понятие об общем состоянии, в каком находилось народное хозяйство Замосковных уездов в ближайшие годы после воцарения Михаила.

Огромное пространство земельных владений богатейшего в России монастыря, распространенных почти по всем уездам исследуемой области, придают получаемым от их сравнения выводам некоторое значение для общей оценки экономического положения Замосковья в 10-х годах XVII в.

В помещенной ниже таблице приведены данные, характеризующие состояние Троицких вотчин в 20 замосковных уездах в указанные выше три хронологические момента. Приблизительное пространство, занятая этими вотчинами, доходило до 196 000 десятин, не считая поверстного леса.

Для большей наглядности важнейшие и наиболее крупные итоги таблицы, а именно — *итоги всей пахотной земли, итоги перелога и пашни, поросшей лесом*, а также *итоги крестьянских и бобыльских дворов* в уездах, по которым имеются данные за все три подвергаемые сравнению момента⁵, могут быть сведены вместе.

1592 — 1594 гг.

Пашня	Перелог
23 823 чети в поле, а в дву потомуж 37,3%	40 062 чети в поле 62,7%
Крестьянских дворов 3988 88,9%	Бобыльских дворов 502 11,1%

¹ Напр., в Большом Микулине стану стояли пустыми 9 из 12, в стану Коломенском все 3 пустых, в Комареве 3 из 4, в Усмерском 5 из 6 и т. д., п. к. 203, лл. 660—664; 202, лл. 164—166; 204, лл. 727—782; 202, лл. 1033—1035.

² П. к. 833, лл. 36, 148.

³ П. к. 640, л. 288.

⁴ П. к. 682, л. 27.

⁵ Уезды: Звенигородский, Верейский, Рузский, Московский, Ярославский, Ростовский, Владимирский, Костромской, Углицкий и Муромский.

1614—1616 гг.

Пашня	Перелог
990 четей в поле 1,8%	54 104 четей в поле 98,2%
Крестьянских дворов 623 60%	Бобыльских дворов 426 40%

1624—1640 гг.

Пашня	Перелог
10 361 четей в поле 22,7%	34 980 четей в поле 77,3%
Крестьянских дворов 1536 56,2%	Бобыльских дворов 1199 43,8%

Рассмотрение приводимых в таблицах данных приводит к очень определенным выводам, ясно рисующим экономический упадок 10-х годов XVII в. Размеры пашни к 1616 г. уменьшаются сравнительно с данными 1592—1594 гг. более чем в 20 раз; число крестьян, населяющих Троицкие вотчины, убывает более чем в 7 раз. Очень характерным явлением следует считать и то, что бобыльское население уменьшается абсолютно очень мало, относительно же увеличивается почти в 4 раза. Но страдает не только крестьянское население; в одинаковой степени падает и монастырское хозяйство. Сравнение данных 1592—1594 и 1614—1616 гг., касающихся количества крестьянской и монастырской пашни, показывает почти одинаковую степень упадка и той и другой; значительно уменьшается и число всякого рода хозяйственных монастырских дворов, а также (где удастся сделать наблюдение) и дворов монастырских служек, детейшей, оброчных держателей земли и т. п. Все это явные признаки запустения хозяйства монастыря-вотчинника.

Данные 20-х годов в хозяйственном прогрессе Троицких вотчин, сравнительно с 1616 г., помогают прежде всего довольно точно определить исходную точку наблюдаемого экономического подъема. Налицо признаки только что начавшегося улучшения: это в одинаковой степени касается всех вотчин, по которым последние по времени данные относятся к эпохе до 1630 г. Общий хозяйственный уровень значительно уступает уровню 1592—1594 гг.; размеры пахотных угодий значительно ниже как абсолютно, так и относительно. Крестьянское население, успевшее, правда, немало возрасти сравнительно с 1616 г., остается, однако, почти на 50% ниже 1592—1594 гг. И здесь следует отметить как характерное явление постоянное увеличение бобылей, в которых по мере обеднения обращались бывшие крестьяне: из данных 20-х годов видно, что бобылей в 2,5 раза более, чем в 1592—1594 гг., а пропорционально они успели возрасти даже с 1616 г., достигая теперь до 43% количества всего тяглого населения. Не лишено интереса и то, что более сильный в экономическом отношении монастырь-вотчинник местами оправляется скорее, чем его крестьяне, отчего меняется к худшему

1. Звенигородский уезд ¹

Главные селения вотчин:	с. Андреевское, с. Кляново, с. Дмитриевское-Гузеево		
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1616	1624—28
Селений	29	0	3
Пустошей	62	90	87
Дворов монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	2	0	0
Дворов служных, служебниковых и т. д.	0	0	0
Дворов крестьянских	110 (112)	0	14 (14)
» бобыльских	6 (6)	0	11 (11)
» пустых и мест дворовых	6	все	?
Пашни паханой монастырской	30	0	0
» служней	0	0	0
» крестьянской	668	0	1 ⁵ / ₈
» наездом	150	0	51 ¹ / ₄
Пашни, лесом поросшей, и перелогу .	3595	4389	4233
Сена	более 2000	2103	2622
Леса	47,5	250 пор. лес. 50 ¹ / ₄	?
Источник:	п. к. М. г., I, 1, стр. 683—694	п. к. 257, л. 201—219	п. к. 638

2. Верейский уезд

Главные селения вотчин:	с. Троицкое на Илемне, с. Егорьевское		
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1614	1629
Селений	21	6	7
Пустошей	8	23	22
Дворов монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	1	1	1
Дворов служных, служебниковых и т. д.	0	0	7
Дворов крестьянских	272 (272)	8 (8)	14 (15)
» бобыльских	14	3	26 (42)
» пустых и мест дворовых	4	7	0
Пашни паханой монастырской	250	0	5
» служней	0	0	0
» крестьянской	1354 ¹ / ₄	6	1 ³ / ₄
» наездом	37	0	0
Пашни, лесом поросшей, и перелогу .	4288 ¹ / ₈	6004 ³ / ₈	5816 ⁵ / ₈
Сена	1594	1594	2539
Леса	0	0	0
Источник:	п. к. 258, л. 177—185	п. к. 606	

¹ В скобках число людей, пашня дается в четах в поле, сено — в копнах, лес — в десятинах.

3. Рузский уезд

Главное селение вотчин:	с. Торхово		
Годы, к которым относятся приводимые данные	1593—94	1614	1624—29
Селений	15	0	6
Пустошей	23	40	33
Дворов монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	1	0	0
Дворов служных, служебниковых и т. д.	0	0	0
Дворов крестьянских	59 (63)	0	14 (14)
» бобыльских	5 (5)	0	6 (6)
» пустых и мест дворовых	1	все	?
Пашни паханой монастырской	60	0	0
» служней	0	0	0
» крестьянской	256	0	1 ¹ / ₈
» наездом	11 ² / ₈	0	35 ³ / ₄
Пашни, лесом поросшей, и перелогу .	1254 ² / ₈	1538 ¹ / ₂	1529 ¹ / ₈
Сена	837	837	938
Леса	73	73	344 ¹ / ₈
Источник:	п. к. М. г., I, 1, стр. 655—659	п. к. 258, л. 189—200	п. к. 845, л. 350—376, 340—350, 255

Примечание: 1) Итоги, относящиеся к XVI в., получены или путем подсчета данных книг, или же взяты из работы Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». 2) Несходство итогов пустошей, населенных пунктов и отчасти перелога в различные моменты объясняется неточностью самого представления о пустоши и неточностью измерения не облагавшегося податями перелога. Данные о сене и лесе приведены для полноты; их несходство — лучший пример шаткости данных писцовых книг об угодьях, не допускавших самого элементарного измерения.

Уезды

4. Старицкий

5. Боровский

Главные селения вотчин:	с. Станишино, с. Михайловское, с. Васильевское, с. Черятино		с. Тишинское, с. Бадеевское, с-цо Мышкино	
Годы, к которым относятся приводимые данные	1593—94	1624—26	1593—94	1614
Селений	28 ¹ / ₂	3	12	2
Пустошей	8	37 ¹ / ₂	1	11
Дворов монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	2	1	2	1
Дворов служных, служебниковых и т. д.	0	0	0	пуст.
Дворов крестьянских	150 (150)	12 (21)	118 (118)	0
» бобыльских	13 (13)	7 (10)	13 (13)	3 (3)

Уезды

4. Старицкий

5. Боровский

Главные селения вотчины:	с. Станишино, с. Михайловское, с. Васильевское, с. Чернятино		с. Тишинское, с. Бадеевское, с. цо Мышкино	
Годы, к которым относятся приводимые данные	1593—94	1624—26	1593—94	1614
Дворов пустых и мест дворовых	6	?	?	4
Пашни:				
паханой монастырской	0	82 ¹ / ₂	0	95
служней	630	0	0	0
крестьянской		1 ¹ / ₄	486 ¹ / ₄	3
наездом		55 ¹ / ₂ (крест.)	7 ¹ / ₂	0
лесом поросшей и перелогу .	464	943	86	688 ³ / ₄
Сена	1334	1312	?	?
Леса	81	177 ¹ / ₂	?	?
Источник:	п. к. М. г., 1, 2, стр. 405—409	п. к. 862, лл. 131—142, 544—545	п. к. 258, лл. 130—137	

6. Московский уезд

(Вотчины всего уезда)			
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1616	1624—26
Селений	280 ¹ / ₂	91	155 ¹ / ₂
Пустошей	253	278	412
Дворов монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	26	5	10
Дворов служных, служебниковых и т. д.	14	257 (в с. Клементьевском) ¹	584
Дворов крестьянских	1272 (1272)	173 (215)	541 (986)
» бобыльских	273 (с. Клементьевское)	42	393
» пустых и мест дворовых	?	?	?
Пашни:			
паханой монастырской	8997	363 ¹ / ₂	4248
служней			
крестьянской			
наездом	618 ¹ / ₂		
лесом поросшей и перелогу . .	17 761	20 061 ⁵ / ₁₂	25 920 ³ / ₄
Сена	19 617	10 284	18 075
Леса	876	582	576
(кроме поверстного)			
Источник:	п. к. М. г., I, 1, лл. 53—95 и п. к. 257, лл. 1—118	п. к. 258, лл. 1—117	п. к. 260

¹ С. Клементьевское — зародыш Серг. посада, ныне Загорска.

7. Коломенский уезд

Главные селения вотчин:	с. Сабурово Усмерского стана		с. Кисматово (Екиматово) Коневского стана		с. Кишкино Маковского стана	
Годы, к которым от- носятся приводимые данные	1593—94	1627—28	1593—94	1627—28	1616	1627—28
Селений	4	4	2	2	1	1 ^{1/2}
Пустошей	0	0	1	0	0	0
Дворов:						
монастырских и относ. к мо- настырскому хозяйству . . .	0	2	1	3	0	1
служных, служеб- никовых и т. д.	0	0	0	0	0	0
крестьянских . . .	60 (66)	17 (29)	44 (46)	15 (16)	1 (1)	10 (3)
бобыльских	6 (6)	6 (8)	4 (4)	5 (5)	2 (2)	6 (7)
пустых и мест дворовых	?	?	3	?	?	?
Пашни:						
паханой монаст. .	0	0	} 230	173,5	0	0
служней	0	0			0	0
крестьянской . . .	404	235	5	0	^{3/4}	145
наездом	0	22			0	0
лесом поросшей и перелогу . .	109,5	258 ^{3/4}	164 ^{3/4}	271 ^{1/4}	49 ^{3/4}	230,5
Сена	385	485	660	600	30	?
Леса	0	0	8,5	2	5	?
Источник:	п. к. М. г., I, 1, стр. 608—609	п. к. 202, л. л. 1025—28	п. к. М. г., I, 1, стр. 610	п. к. 202, л. л. 126—128	п. к. 258, л. л. 127—129	п. к. 202, л. л. 270—273

8. Кашиинский уезд

Главное селение вотчины:	д. Пестово Жабенского стана		
Годы, к которым относятся приводимые данные	1612	1616	1629
Селений	3	0	1
Пустошей	4	7	5
Дворов:			
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	0	0	1
служных, служебниковых и т. д.	0	0	0
крестьянских	10 (11)	0	0
бобыльских	11 (11)	0	0
пустых и мест дворовых	0	все	все

Главное селение вотчины:	д. Пестово Ябеньского стана		
Годы, к которым относятся приводимые данные	1612	1616	1629
П а ш н и:			
паханой монастырской	0	0	10
служней	0	0	0
крестьянской	12	0	0
наездом	0	0	0
лесом поросшей и перелогу	283	293	259 ¹ / ₂
Сена	0	0	540
Леса	0	0	0
И с т о ч н и к:	п. к. н. 498, л. 37—40		п. к. 173а, л. 587

Уезды

9. Бежецкий

10. Пошехонский

Главные селения вотчин:	с. Присеки			пог. Подъяблонный	
Годы, к которым относятся приводимые данные	1614	1616	1629	1393—94	1629
Селений	134	84	104	15	8
Пустошей	?	?	?	1	7
Д в о р о в:					
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	0	0	3	1	1
служных, служебниковых и т. д.	0	0	31	0	1
крестьянских	371 (371)	94 (94)	114 (117)	64 (86)	16 (31)
бобыльских	27 (27)	?	162 (169)	3 (3)	8 (17)
пустых и мест дворовых	?	937	142	11	35
П а ш н и:					
паханой монастырской	582	30	64	0	5
служней		0	0	0	0
крестьянской		21	545 ¹ / ₄	252	2 ² / ₃
наездом		0	31	10	0
лесом поросшей и перелогу	?	10 541	11 873 ⁷ / ₁₈	64	337
Сена	?	9 522	16 090	465	588
Леса	?	139	223	5	15
(кроме того, поверстный)					
И с т о ч н и к:	п. к. 22, л. 68, л. 61		п. к. 24	п. к. М. Г. I, 2, стр. 36—39	п. к. 1063, л. 519—523

Уезды

11. Ярославский

12. Ростовский

Главные селения вотчин:	с. Коприно			с. Новое, с. Дебола, с. Михай- ловское, с. Поникарово, с. Берлюково		
Годы, к которым от- носятся приводимые данные	1593—94	1616	1629	1592—93	1616	1629
Селений	61	20	55	81	41	43
Пустошей	9	44	29	46	76	85
Дворов:						
монастырских и относящихся к монастырско- му хозяйству.	2	1	2	6	3	5
служных и слу- жебниковых и т. д.	0	0	7	0	4	49
крестьянских . . .	184 (187)	43 (43)	110 (110)	487 (495)	58 (58)	215 (322)
бобыльских	15 (15)	16	71	23 (23)	72 (79)	95 (116)
пустых и мест дворовых . . .	10	52	38	?	?	?
Пашни:						
паханой мона- стырской . . .	20	0	90	46	90	167
служней	0	0		0	0	0
крестьянской . . .	834	27 ¹ / ₂		2592	25 ¹ / ₄	35
наездом	0	0		312	0	488
лесом поросшей и перелогу . . .	259	1107	1260	2930	6261	5506 ¹ / ₄
Сена	854	?	95 ¹ / ₂	?	6313	4715
Леса	260	?	384 ¹ / ₂	?	304 ¹ / ₂	221
Источник:	п. к. М. г., I, 2, стр. 1—6	п. к. 498, л. л. 80—97	п. к. 549, л. л. 579—600	п. к. М. г., I, 2, стр. 9—23	п. к. 498, л. л. 41—79	п. к. 843, л. л. 453—454

Уезды

13. Дмитровский

14. Переяславский

Главные селения вотчин:	Все вотчины уездов			
Годы, к которым относятся приво- димые данные	1592—93	1629—30	1592—93	1628—29
Селений	167	90	126 ⁵ / ₈	127 ¹ / ₂
Пустошей	191	348	266	652
Дворов:				
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству.	15	13	26	31
служных, служебниковых и т. д.	0	88	32	123
крестьянских	919 (986)	215 (405)	798 (823)	233 (384)
бобыльских	38 (38)	207 (305)	57 (57)	124 (212)
пустых и мест дворовых . . .	?		318	201

Главные селения вотчин:	Все вотчины уездов			
Годы, к которым относятся приводимые данные	1892—93	1629—30	1592—93	1628—29
Пашни:				
паханой монастырской	939	309	1 029,5	1 351
служней	0	96	0	0
крестьянской	3 207	380	2 882,5	798
паездом	497 ¹ / ₂	84 ¹ / ₂	1 046	258
лесом поросшей и перелогу .	7 420 ¹ / ₄	11 710	9 768,5	16 255 ³ / ₈
Сена	21 043	24 106	20 419	30 407
Леса	640	861	1 309	3 649 ¹ / ₂
	(кроме того, поверстный)			
Источник:	п. к. М. г. I, 1, стр. 731—786	п. к. 627, 628, 877	п. к. М. г., I, 1, стр. 810—850	п. к. 812—818

15. Владимирский уезд

Все вотчины уезда				
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1612	1616	ок. 1640
Селений	61 ¹ / ₂	44 ¹ / ₂	31 ¹ / ₂	46
Пустошей	12	23	28	33
Дворов:				
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	16	3	3	9
служных, служебниковых и т. д.	6	0	0	48
крестьянских	468 (474)	72 (72)	47 (47)	209 (358)
бобыльских	37 (37)	52 (52)	69 (69)	149 (218)
пустых и мест дворовых . . .	60	317	180	95
Пашни:				
паханой монастырской	220	89	42	202 ¹ / ₄
служней	0	0	0	0
крестьянской	1560,5	72 ⁵ / ₈	30 ⁵ / ₈	1786 ³ / ₈
паездом	53	0	0	211 ³ / ₄
лесом поросшей и перелогу .	2882	3435	3130 ¹ / ₈	2232
Сена	8562	?	7439	6820
Леса	151	?	152	169
	(кроме того, поверстный)			
Источник:	п. к. М. г., I, 1, стр. 787—809	п. к. 498, мл. 286—325		п. к. 12608, 12609, 12610

16. Костромской уезд

Только вотчинны нагорной половины в волостях Нерехте и Емстие				
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1612	1616	1630
Селений	36	?	32 ^{1/8}	42 ^{1/2}
Пустошей	7	?	29	24
Дворов:				
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	5	?	5	28
служных, служебниковых и т. п.	0	0	0	0
крестьянских	391 (405)	184 (184)	102 (162)	332 (332)
бобыльских	60 (63)	?	22 (22)	129 (132)
пустых и мест дворовых	78	?	191	292
Пашни:				
паханой монастырской	187	} 435	85 ^{1/12}	} 1484
служней	0		0	
крестьянской	1915		52	
наездом	0		0	413
лесом поросшей и перелогу	657	?	1715 ^{5/8}	1797
Сена	3105	?	2240	4991
Леса	180	?	151	170
(кроме того, поверстный)				
Источник:	п. к. М.г., I, 1, стр. 53—95	п. к. 498, лл. 103—323		п. к. 209 и 210

17. Углицкий уезд

Главные селения вотчин:	с. Прилуки, с. Троицкое на Гривах		
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1616	1629—30
Селений	71	39	56
Пустошей	7	44	35
Дворов:			
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	2	2	4
служных, служебниковых и т. п.	6	1	63
крестьянских	515 (634)	69 (69)	111 (132)
бобыльских	3 (14)	90 (90)	145 (165)
пустых и мест дворовых	137	281	221

17. Углицкий уезд

Главные селения вотчин:	с. Прилуки, с. Троицкое на Гривах		
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1616	1629—30
Пашни:			
паханой монастырской	250	12	177
служней	60	15	45
крестьянской	1566	53	282 ¹ / ₂
наездом	71	0	81 ¹ / ₂
лесом поросшей и перелогу	1629	3985	3202
Сена	3752	3884	2119
Леса	2	6	20
	(кроме того, поверстный)		
Источник:	п. к. М. г., I, 2, стр. 24—35	п. к. 498, л. 1—36	Врем. Демид. лица т. 41-46

18. Муромский уезд

Главные селения вотчин.	с. Дурово, с. Домнино, с. Толызино, с. Колычево			
Годы, к которым относятся приводимые данные	1592—93	1612	1616	1628—29
Селений	51	35 ¹ / ₂	34 ¹ / ₂	52
Пустошей	26	38	34	27 ³ / ₄
Дворов:				
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	8	5	3	8
служных, служебниковых и т. п.	6	0	2	0
крестьянских	330 (336)	195	123	196 (554)
бобыльских	66 (66)	93	112	153 (262)
пустых и мест дворовых	150	310	137	99
Пашни:				
паханой монастырской	170	159	88	417 ³ / ₄
служней	0	0	0	305
крестьянской	2370	333	100	1328
наездом	25	0	0	105
лесом поросшей и перелогу	4787	5774 ¹ / ₂	5912 ³ / ₄	3483 ¹¹ / ₁₂
Сена	7226 ¹ / ₂	978	1083	6949
		4688 лес.	1028 лес.	
Леса	40	пор. 20	пор. 311	516
	(кроме того, поверстный)			
Источник:	п.к.М.г. I, 1, стр. 873—892	п. к. 498, л. 326—350	п. к. 284	

19. Юрьевский уезд

Главные селения вотчин:	с. Кинобол. с. Кучки	
Годы, к которым относятся приводимые данные	1593	1646—30
Селений	12	16 ³ / ₄
Пустошей	1	5
Дворов:		
монастырских и относящихся к монастырскому хозяйству	5	3
служных, служебниковых и т. п.	4	3
крестьянских	368 (374)	279 (960)
бобыльских	45 (45)	156 (328)
пустых и мест дворовых	76	19
Пашни:		
паханой монастырской	531	} 3008 ⁵ / ₆
служней	0	
крестьянской	1268	
наездом	0	
лесом поросшей и перелогу	1168	1427 ⁷ / ₁₂
Сена	2155	2900
Леса	152	173
(кроме того, поверстный)		
Источник:	п. к. М. г. I, 1, стр. 850—854	п. к. 915, лл. 117—122, 350, 499

20. Суздальский уезд

Главные селения вотчин:	Стародуб Рязановский, с. Алексино				с. Пуховалово	
Годы, к которым от- носятся приводимые данные	1592—93	1612	1616	1628—30	1592—93	1628—30
Селений	134	?	78 ¹ / ₂	108	6	10
Пустошей	36	?	92	112	0	0
Д в о р о в:						
монастырских и относящихся к монастырско- му хозяйству.	4	?	2	5	1	7
служных, служеб- никовых и т. п.	10	2	0	27	2	6
крестьянских . . .	540 (540)	295 (295)	154 (155)	302 (396)	131 (131)	114 (115)
бобыльских	(38)	?	110 (117)	23 (292)	11	64 (69)
пустых и мест дворовых . . .	89	?	237	15	82	99
П а ш н я:						
паханой мона- стырской . . .	2706	?	0	751 ¹ / ₂	300	1409
служней			0		0	
крестьянской . . .			93		722	
наездом			0		0	
лесом поросшей и перелогу . .	3673	?	4514 ¹ / ₂	4628 ¹ / ₂	1385	1577
Сена	2996	?	?	4498	2600	1400
Леса	690	?	?	57 ¹ / ₂	19	19 ¹ / ₂
(кроме того, поверстный)						
Источник:	п. к. М. г., I, 1, стр. 858—872	п. к. 498, л. 237—285	п. к. 11320, л. 1396— 1504	п. к. М. г., I, 1, стр. 857—858	п. к. 11320 л. 1396— 1504	

и самое положение последних: в вотчинах Ростовского уезда пашня монастырская развивается быстрее крестьянской и, может быть, даже в ущерб ей; в небольшой вотчине Кашинского уезда крестьянство вовсе исчезает и заменяется монастырскими холопами.

Следует попутно отметить, что приведенные данные свидетельствуют о резком росте эксплуатации крестьянина вотчинником вплоть до превращения его в холопа.

Несколько иные впечатления получаются при ознакомлении с состоянием Троицких вотчин Владимирского и Юрьево-Польского уездов; последние по времени данные по этим уездам относятся в первом случае приблизительно к 1640 г., во втором — даже к 1645—1650 гг. Относительно собственно монастырского хозяйства здесь трудно сказать что-либо определенное, так как точных сведений о монастырской пашне в Юрьевском уезде нет, а число монастырских хозяйственных дворов даже уменьшилось; остается также значительно более низким, чем в 1592—1594 гг., и общее число крестьянских дворов (836 и 486); но если вспомнить, что 40-е годы — время установления подворного обложения, и обратить внимание на количество населения, то разница в пользу XVII в. будет очень заметной: в 1592—1594 гг. в Троицких вотчинах Владимирского и Юрьевского уездов насчитывалось 848 душ мужского населения в крестьянских дворах; в 40-х годах следующего столетия их было уже 1318. Не менее значительное увеличение наблюдается в общих размерах пахотных угодий: всего пашни паханой, крестьянской и наезжей было в 1592—1594 гг. 3630,5 чети в поле, а в 1640—1650 гг. — 5209 ⁵/₂₄. (Относительное количество пашни на работника было почти равным: 3,8 чети в поле в первом случае и 4 чети в последнем.) В общем, судя по приведенным данным, в 40-х годах опустошения начала века, по крайней мере в Троицких вотчинах Юрьевского и Владимирского уездов, были изжиты, и общее хозяйственное состояние их было выше, нежели в конце XVI в. Не обобщая сделанного вывода, можно лишь указать, что для достижения такого состояния занимающих нас вотчин понадобилось довольно продолжительное время. Сопоставляя экономическое состояние Троицких вотчин двух уездов с состоянием таких же вотчин в остальных 18, где имеются данные за 20-е годы, легко убедиться, что перелом в экономическом положении страны должен был обнаружиться очень не задолго до начала письма 20-х годов¹. Если это так, то моментом наибольшего хозяйственного упадка Замосковского края следует считать последние годы второго десятилетия XVII в.

Подтверждением такой мысли могут служить несколько цифр, рисующих последовательное хозяйственное падение Троицких вот-

¹ Липпо-Данилевский (Организация прямого обложения, стр. 182), указывая на экономический подъем Замосковья, относит его начало к несколько более позднему моменту: «Но с конца 20-х годов XVII в. в истории народного хозяйства замечается поворот к лучшему. Население уже не бежит по лесам от неприятеля или денежного сборщика; поместья и вотчины не пустеют и не зарастают лесом; на вновь распаханных пашнях сидит большее количество крестьян и пашенных бобылей».

чин Бежецкого, Владимирского, Кашинского, Костромского, Муромского и Суздальского уездов между 1612—1614 и 1616 гг.

	1614 г.	1616 г.
	Пашня паханая	Пашня паханая
Бежецкий уезд (с. Прилуки)	582 ч. в п.	73 ч. в п.
	1612 г.	
Владимирский уезд (все вотчины)	161 ч. в п.	51
Кашинский уезд (все вотчины)	12 » » »	0
Костромской уезд (пагорная половина) . . .	435 » » »	137 ¹¹ / ₁₂
Муромский уезд (все вотчины)	492 » » »	188
Суздальский уезд (Стародуб Ряполовский ст. и с. Алешино)	—	—

	1614 г.		1616 г.	
	Д в о р о в			
	крестьян-ских	бобыль-ских	крестьян-ских	бобыль-ских
Бежецкий уезд (с. Прилуки)	371	—	94	—
	1612 г.			
Владимирский уезд (все вотчины) .	72	59	47	69
Кашинский уезд (все вотчины) . . .	—	—	—	—
Костромской уезд (паг. половина) . .	184	—	102	—
Муромский уезд (все вотчины) . . .	195	93	123	112
Суздальский уезд (Стародуб Ряполовский ст. и с. Алешино)	295	295	154	—

II

Само собою разумеется, что все обширное пространство, носившее название Замосковского края, не могло подвергнуться опустошениям в одинаковой степени ¹. Если дать себе труд внимательно просмотреть приведенные выше данные, характеризующие экономическое положение Троицких вотчин в 1614—1616 и 1627—1630 гг. в том порядке, в каком уезды помещены в таблице, то сейчас же можно видеть огромную разницу между группой вотчин западных уездов — Звенигородского, Верейского, Рузского, Старицкого и Боровского, с одной стороны, и вотчинами уездов Муромского и Суздальского —

¹ Лапто-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 251.

с другой. Уже знакомство с состоянием Троицких вотчин в 1610—1630 гг. заставляет предположить, что признаки опустошения были тем резче, чем ближе подвигаться на запад. Признавая за итогами, подведенными писцами XVII в. в составленных ими книгах, значение приблизительного отражения действительности, возможно воспользоваться ими для несколько более полного освещения поставленного вопроса.

Ниже помещены данные, характеризующие положение 30 замосковских уездов в 20-х годах XVII в. по количеству и видам тяглого населения и по количеству живущей пашни и перелога. Сравнению подвергаются или пространства, полностью описанные писцами в уезде (16), или же известные части этих пространств (14); при этом в большинстве случаев в основание сравнения положены цифры, даваемые в качестве итогов самими писцами (24). В некоторых же случаях (6) — цифры, полученные подсчетом частных итогов. Цифры даны везде с округлением, без дробей; земли дворцовые, как не описывавшиеся писцами 20-х годов, не включены в таблицу.

Взяв за основание отношение пашни к перелог, можно все помещенные в таблице 30 уездов разделить на пять групп. В первой группе (№ 1—8), где количество живущей пашни не превышает 4,8%, окажутся исключительно уезды, расположенные к западу от столицы по направлению к границам Литвы; ко второй (№ 9—11), в которой количество пашни колеблется между 6,2% и 7,4%, следует отнести, во-первых, один центральный уезд — Дмитровский и затем два уезда, длинной полосой простиравшиеся от верхней Волги к северу — Углицкий и Бежецкий. В третью группу (№ 12—18) с количеством пашни от 10% до 15% входят некоторые центральные уезды, в том числе столичный, затем местности, лежавшие близ самых важных торговых путей того времени Московско-Вологодского и Московско-Новгородского, и, наконец, небольшой уезд Устюжны-Железнополюский, затерявшийся близ границ Новгородского и Северного краев. К четвертой группе (№ 19—27) относятся уезды с количеством живущей пашни от 22,5% до 48,9% всего пригодного и уже подвергавшегося обработке пространства земли, зарегистрированного писцами. За исключением Романовского и Коломенского уездов, здесь мы находим местности, лежащие к востоку от столицы, на которые в свое время опиралось нижегородское ополчение Минина и Пожарского. Наконец, к последней группе (№ 28—30) я отношу Юрьевский уезд и помещенные в таблице некоторые местности Кашинского и Галицкого уездов, где количество живущей пашни превышает перелог; для Юрьевского уезда дело объясняется тем, что описание произведено было там гораздо позднее, в 1646—1650 гг.; для Галицкого уезда — отдаленностью черных Сольгалицких, Унженских и Ветлужских волостей, где даже в 1616 г. обычное течение жизни едва ли было заметно нарушено. Что касается Кимрской волости Кашинского уезда, то нужно иметь в виду, что сведения об ее хозяйственном положении относятся

к 30-м годам; состояние той же волости десятилетием ранее должно было быть, во всяком случае, менее благоприятным. Взаимное отношение крестьянского и бобыльского населения по количеству дворов тех и других и число дворов пустых не может быть представлено по отдельным местностям с такою же ясностью, как в отношении пашни и перелoga. Однако, рассматривая соответственную графу таблицы и приняв во внимание некоторые исключения, нельзя в общем не признать, что в менее пострадавших уездах число крестьянских дворов в большинстве случаев значительно превышает количество дворов бобыльских и пустых; напротив, во многих из местностей, подвергшихся полному разорению, количество бобыльских дворов выше количества дворов крестьянских, в некоторых же случаях пустые дворы и «места дворовые» решительно господствуют над населенными дворами всякого вида. Не лишены при этом интереса и абсолютные цифры, выражающие число дворов в ином уезде: они наглядно показывают (например, в уездах Можайском и Волоколамском), до чего могла дойти убыль тяглого крестьянского населения к 20-м годам нового столетия.

Каково бы ни было само по себе действительное значение итогов, из которых главным образом составлена только что рассмотренная таблица, они, во всяком случае, достаточны для того, чтобы подтвердить высказанное выше предположение о значительно большем опустошении страны на запад от столицы. Такое явление не нуждается в объяснении — оно понятно само собою и вытекает из всего внешнего хода истории начала XVII в. Место действия всех без исключения иноземных искателей приключений, уезды, лежавшие к западу от московского меридиана, должны были, конечно, более пострадать, чем те области, которые нашли в себе силы двинуть ополчение 1612 г., и, конечно, следы нанесенных ран были в 20-х годах гораздо более заметны в первых, нежели во вторых.

Некоторые указания источников позволяют точнее определить границы особенно сильного запустения в Замосковном крае. Этот край на юго-западе соприкасался с обширным пространством, известным под именем Заоцких и Украинских городов, опустошенных не менее, если не более, чем Замосковье. Вот несколько примеров, показывающих, что состояние Заоцких городов не лучше состояния уездов Можайского, Верейского и т. п. В Малоярославецкой вотчине Троице-Сергиева монастыря, селах Передоле и Почае с деревнями, где в 1592—1593 гг. было 161 двор крестьянский и 12 дворов бобыльских с 891 четями в поле пашни крестьянской и монастырской, в 1614 г. оставалось всего 10 дворов крестьянских, 12 дворов бобыльских и 6,75 четей в поле живущей пашни¹. В Оболенской вотчине того же монастыря, в селе Паже на Протве было: в 1592—1593 гг. 93 крестьянских двора, 13 бобыльских и 454¹/₄ чети в поле крестьянской пашни; в 1614 году — 17 дворов крестьянских,

¹ П. к. 258, лл. 155—171.

Уезды	Дворы			Пашня		
	крестьянские	боярские	пустые и места дворовые	пахан.	наздом	переломом и лесом поросшая
				в четях в поле, а в дву потомуж		
I						
1. Верейский (весь)	112	113	?	17	—	35 530
2. Ржевский (зап. половина кн. Дмитрия Ив.) ¹	97	77	—	252	87	69 789
3. Можайский (12 станов без дворовых земель) ²	17	11	478	8	141	18 636
4. Волоколамский (весь) ³	60	84	116	358	9	43 008
5. Новоторжский (весь) ⁴	139	239	163	1 219	235	84 853
6. Старицкий (весь)	192	124	120	458	875	71 202
7. Звенигородский (весь)	290	124	40	417	498	51 454
8. Рузский (весь)	241	158	63	512	649	23 272
II						
9. Бежецкий (поместные земли, кроме 4 станов, описание которых не сохранилось) ⁵	147	250	113	619	650	19 120
10. Углицкий (весь)	1 186	1 074	630	6 275	1 086	106 564
11. Дмитровский (весь)	894	771	304	6 330	1 117	91 633
III						
12. Боровский (весь)	221	235	323	2 475	1 205	32 652
13. Тверской (весь)	590	541	910	6 087	2 081	60 539
14. Московский (участок П. Кологривова) ⁶	1 207	1 077	?	10 877	2 462	97 318
15. Костромской (10 станов ⁷ , луговая половина)	2 404	1 370	327	5 573	980	43 934
16. Ростовский (Сотемский стан)	198	130	227	33	457	3 270
17. Устюженский (весь)	412	454	436	2 172	253	14 458
18. Переяславский (Новосельский стан)	85	109	?	908	197	5 850

¹ Всего один стан и 19 волостей; значение цифр ослабляется тем, что писцо дачи.

² Северо-западная часть уезда.

³ Здесь включена очень незначительная по размерам условная четвертная пашня.

⁴ Земли поместные, вотчинные, порозжие и вотчины Троице-Сергиева монастыря быть может, привести в связь с моровым поветрием, о котором говорится очень часто.

⁵ Станы: Полянский, Ясеницкий, Верховской и Антоновский.

⁶ Станы: Сурожик, Горетов, Манатин, Бохов, Радонеж — Бели, Воря Корзе

⁷ Станы: Котогорский, Осецкий, Соцкий, Суцов, Корзла, Минский, Плоски

О т н о ш е н и е					И с т о ч н и к
дворов крестьян: бобылей: пустых			пашни (с наез- жей) в перелог и пашне, лесом поросшей		
П и с ц о в ы е к н и г и					
49,8	50,2		0,05	99,95	606, лл. 149—151
54,7	45,3		0,4	99,6	682, л. 577 и след.
3,3	2,2	94,5	0,7	99,3	833, лл. 469—475
23	32,3	44,7	0,8	99,2	613, лл. 1—164
25,6	44,2	31,2	1,6	98,4	801, лл. 137—140; 679—682; 756—762
44	28,4	27,6	1,9	98,1	862, лл. 666—673
63,8	27,5	8,7	2,5	97,5	638, лл. 480—490
52,1	34,2	13,7	4,8	95,2	845, лл. 674—678
30	50	20	6,2	93,8	588, л. 192 и след.
41,1	37,1	21,8	6,4	93,6	Писц. кн. Углицкого у., стр. 615—619 (Врем. Дем. лицея, т. 46)
45	41,5	13,5	7,4	92,6	877, лл. 228—231
28,2	30,1	41,7	10	90	10326, л. 989 и след.
28,9	26,5	44,6	11,8	88,2	875, лл. 164—165. Цифры, исправлены под- счетом частных итогов
53	47		12	88	260, лл. 1—170; 187—300; 685. Данные, по- лученные подсчетом
58,6	33,4	8	13	87	10962, 10964, 10965
35,6	23,4	41	13	87	838. Цифры исправлены подсчетом
31,6	34,9	33,5	14,3	85,7	901, лл. 458—462
43,3	56,7		15,8	84,2	812, лл. 1—205. Цифры исправлены под- счетом

вые итоги очень сбивчивы: то дается количество земли с наддачей, то — без над-

ря, сс. Медное и Кунганово. Особенно большую степень упадка этого уезда следует
сто в писцовой книге.

нев, Кошелев, Шеренский и Объезжий, Васильцов, Нерехта, Кубанская, Малосольская.
нин, Душлехов, Андроников, Козурский; волость Кулига.

У е з д ы	Д в о р ы			П а ш и я		
	крестьянские	бобыльские	пустые и места дворовые	пахан.	насадом	переломом и лесом порослей
в четях в поле, а в дву потомуж						
IV						
19. Балахнинский, Жарская вол. (пом. и вотч. земли)	196	104	38	520	80	2 059
20. Костромской (нагорная половина) ¹	1 960	1 077	491	12 722	2 257	44 992
21. Гороховецкий (Купленская волость)	174	105	29	1 116	343	3 729
22. Коломенский (ст. Большой Миклулин)	838	366	66	7 981	2 418	25 249
23. Лушский (весь)	793	863	364	8 945	—	19 986
24. Муромский (весь)	3 044	1 731	3 028	18 321	5 638	48 319
V.						
25. Романовский (весь) ²	667	134	91	2 093	25	3 018
26. Шуйский (весь)	994	745	400	7 368	1 629	15 446
27. Суздальский (весь) ³	5 322	5 317	957	52 139	—	71 890
28. Юрьевский (весь)	1 446	874	?	17 519	4 195	22 667
29. Кашинский (часть Кимрской волости, розданная из дворовых земель в 1635 г.) ⁴	153	143	?	481	8	341
30. Галицкий (8 черных волостей Сольгалицкого пригорода, 7 черных волостей Унженского пригорода, 4 черных стана Ветлужских) ⁵	2 857	489	253	В четях без указания на содержание их в 3 полях		
				9 447	12	2 407

¹ Станы: Борщин, Иванчужков, Дмитровцев, Вятцкий, Хоруганов, Вожевал Великософская.

² Цифры взяты из дозорной книги 1616 г.

³ В эти цифры не включены утерянные в писцовой книге данные о количестве Матницкого и Стародуборьяполовского.

⁴ Данные 20-х годов по той же волости Кимре должны были быть, вероятно, не

⁵ Данные взяты из книги дозора 1614—1616 гг. Принимая во внимание, что на этих местностях Галицкого уезда подсечной системы земледелия раз оставленная па пшцами. Подтверждением сказанного может служить то, что в лесных волостях Галицкого уезда обычной оговорки «а в дву потомуж».

О т н о ш е н и е					И с т о ч н и к
дворов крестьян- бобылей: пустых			пашни (с наез- жей) к перелогу и пашне лесом поросшей		
П и с ц о в ы е к н и г и					
59	30	11	22,5	77,5	15645, лл. 160—164
55,5	30,6	13,9	24,8	75,2	210
56,5	34	9,5	28,1	71,9	625, лл. 1—137. Цифры исправлены под- счетом
66	29	5	29,1	70,9	203, лл. 355—358; 408—412
39,3	42,8	17,9	32	68	680, лл. 593—595
39	22,2	38,8	32,9	67,1	11829, лл. 919—922
74,8	15	10,2	35,9	64,1	375
46,4	34,9	18,7	36,8	63,2	11329
45,8	45,8	8,4	42	58	11319, лл. 959—968 и 11320, лл. 1561—1569
62,4	37,6		48,9	51,1	915, лл. 766—768
50	50		58	42	173а, лл. 1648—1706
79,3	13,4	7,3	80	20	453, лл. 1—224; 345, лл. 171—324; 499, лл. 1—14. Цифры получены подсчетом

ский; волости Владычина, Емстна, Сорохта Нерехта Кубанская, Малосопьская и
 ве худой земли (пашни и перелога) в монастырских вотчинах станов: Опольского
 сколько менее благоприятны.

ное количество перелога происходит оттого, что при несомненном господстве в лес-
 шия обыкновенно забрасывалась вовсе и не попадала в число земель, описываемых
 лицкого уезда нет обычного счета четями в полях: число четей приводится без

13 бобыльских с 12 четями крестьянской пашни¹. Троицкая вотчина Серпейского уезда, село Олферьевское имело в 1592—1593 гг. 109 крестьянских и 15 бобыльских дворов и 613 четей в поле монастырской крестьянской пашни; в 1614 г. там оставалось всего 8 крестьянских дворов и 6 четей пашни². Видимо, южные границы Замосковского края не совпадали с границей полного разорения: последнему в одинаковой степени подверглись и «заопские» уезды³.

Северная граница сплошных, если можно так выразиться, опустошений проходила, напротив, среди Замосковского края, спускаясь, приблизительно, по течению Волги до города Старицы и затем поворачивая по направлению к Москве — через Старицкий и Тверской уезды. Между экономическим состоянием двух половин Ржевского уезда, сохранивших архаические названия половин «князя Федора Борисовича» и «князя Дмитрия Ивановича» и разделенных течением Волги, заметна большая разница: первая гораздо менее запустела, чем вторая. Если итоги юго-западной половины кн. Дмитрия Ивановича (см. табл.) сравнить хотя бы с итогами крупной Кличанской волости, входившей в состав северо-восточной половины, то такое утверждение станет вполне понятным: в Кличанской волости на одних поместных землях было 43 двора крестьянских и 29 бобыльских, т. е. всего в два с половиной раза менее, чем в огромной юго-западной половине уезда; пашни же в ней насчитывалось 129 с половиной четей в поле, т. е. только вдвое менее при количестве перелога в 1423 с половиной чети. Взаимное отношение живущей пашни и перелога здесь, таким образом, тоже значительно благоприятнее для пашни — 8: 92⁴. Близкий к Ржевскому Старицкий уезд, длинной и узкой полосой вдававшийся к югу между уездом Тверским и Зубцовским, разделялся в 20-х годах на две резко различные части. Северные волости — Вятская, Иворовская, отчасти Раменская и Дмитровская, были в гораздо менее тяжелом состоянии, нежели южные, например, Сукромская, Синяя или Холмская⁵. Тверской уезд, в общем стоящий очень низко, особенно в сравнении с соседним Капшинским, в свою очередь представляет глубокое внутреннее различие своих частей, если сопоставить его восточные станы и волости с западными, например, стан Шейский и Кушалин, лежавшие на левом берегу Волги, с станом Микулинским и волостью Хорвачем (слившимися вместе), смежными с Волоколамским и Старицким уездами:

¹ П. к. 258, лл. 138—155.

² П. к. 258, лл. 171—176.

³ Впрочем, среди заопских уездов были, повидимому, местности, или сравнительно благополучно пережившие тяжелые времена, или же быстро оправившиеся: таким был, напр., Калужский уезд, как видно из разработки писцовой книги Калужского уезда, сделанной П. Ф. Симсоном: в 1630 г. в Калужском уезде было 11 330 десятин пашни паханой и 47 360 десятин перелога и пашни, поросшей лесом (19,3: 80,7). Изв. Калужской архивной комиссии, № 3, стр. 208.

⁴ П. к. 834, л. 364.

⁵ П. к. 862.

С т а н ы	Д в о р о в				
	крестьян- ских	бобыльских	пустых и мест дво- ровых	пашни па- ханой и на- езжей	перелому
Шейский и Кушалин	129 (31,6%)	153 (37,4%)	127 (31%)	2120 (10%)	19 418 (90%)
Микулин и Хорвач . . .	39 (12,4%)	49 (15%)	227 (72,6%)	771 (1,1%)	62 293 (98,9%)

Источник: п. к. 875.

Суживаясь постепенно к востоку, пределы особенно сильного разорения страны простирались до окрестностей Москвы, пострадавших не менее западных окраин от частых походов литовских ратей на столицу.

Вне только что рассмотренного района полного разгрома наиболее ясные признаки опустошений замечаются, как сказано уже выше, в местностях, ближе лежавших к большим торговым путям страны; этим объясняется сильный, сравнительно, упадок некоторых местностей отдаленного Вологодского уезда. Чем далее от больших дорог, чем глуше была местность, тем спокойнее в ней было и тем менее следов запустений в ней можно найти. Черные волости Галицкого уезда именно своей отдаленности обязаны тем благоприятным экономическим положением, в каком они находились. В таком благоприятном положении очутились и другие сходные по положению местности, например, некоторые лесные местности Пошехонского уезда¹. В лесных волостях Костромского уезда, Кукше и Куцкой², широко раскинувшихся по левой стороне Волги, писцы 20-х годов почти не отмечают пустых дворов в селениях; редко также попадаетея и очень обычный в книгах этого времени термин «пустошь, что была деревня». Напротив, читая описание этих местностей, чаще встречаются «деревни, что были пустоши».

Среди отдельных местностей Замосковского края привлекают особое внимание две, резко выделяющиеся своим сравнительно высоким уровнем благосостояния из среды окружающих их земель — это, с одной стороны, Юрьевский, Суздальский и Шуйский уезды, занимавшие вместе всю северную половину прежней Владимирской губернии, с другой — уезд Кашинский. Правда, иллюстрирующая общее экономическое положение Кашинского уезда Кимрская волость не может считаться надежным показателем, потому что ее описание произведено позднее 20-х годов; но в не менее благоприятном состоянии находились некоторые местности этого уезда и в 20-х годах; в рассыпанных по пяти станам обширных вотчинах Колязина монастыря было 238 селений при 310 пустошах с 19 мона-

¹ П. к. 2573—2576.

² П. к. 10959, с листа 456 и п. к. 10965, лл. 1165—1206.

стырскими дворами, 96 дворами монастырских служек и детенышей, 501 двором крестьянским и 525 дворами бобылей¹. Исключительное положение только что названных уездов, образующих посреди окрестных местностей как бы острова, в которых следы разорения чувствовались слабее, не может быть объяснено удаленностью их от больших путей; по густоте населения и по сравнительной зажиточности старинные Суздальский и Юрьевский уезды, казалось, должны были особенно привлекать грабителей. Возможно, что в этих последних уездах само издавна густо сидевшее население сумело оградить себя от вторжения грабительских шаек.

III

Для правильного суждения о степени и характере экономического упадка Замосковского края в 20-х гг. XVIII в. не лишним интереса является сравнение состояния исследуемой области в этот момент с состоянием ее в XVI в.

Экономические особенности этой весьма важной в русской истории эпохи могут в настоящее время считаться достаточно разработанными. Составляющий центральное ее явление хозяйственный кризис, выразившийся значительным упадком старых государственных областей — Замосковского и Новгородского краев, хорошо изучен в нашей литературе². Упадок центра, признаки которого замечались уже около половины XVI столетия, был в самом разгаре в 70-х и 80-х его годах. Как это в настоящее время выяснено, упадок в особенности ясно сказался в обширных монастырских вотчинах, столь многочисленных в старинных областях, где сложилось московское царство³. Такое наблюдение дает *à priori* право признать данные о Троицких вотчинах, собранные в 1592—1594 гг., достаточно характерными для суждения об экономическом состоянии земель, находившихся под сильным влиянием кризиса XVI в. Сделанные выше сопоставления этих данных с данными о тех же вотчинах за 1625—1630 гг. показали, что общее состояние их оставалось еще гораздо более низким, чем в конце продолжительного кризиса предыдущего столетия. Только вотчины Владимирского и Юрьевского уездов, описанные много позднее, в 1640—1650 гг. носят признаки несколько большего благосостояния, нежели в конце XVI века.

Однако данные о Троицких вотчинах 1592—1594 гг. не являются на самом деле вполне типичными для того, чтобы по ним судить

¹ П. к. 173 и 173 а, лл. 352, 564, 676, 928, 1138; в станах Нерехотском, Жабенском, Мерепском, Кочемском и Слободке Задубровской.

² См. *Соколовский*, Экономический быт земледельческого населения России, стр. 161—198 (Спб. 1878); *Ключевский*, Боярская дума, гл. XV (М. 1882); *Платонов*, Очерки по истории смуты, гл. II; *Розиков*, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.; *Роздественский*, Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. (Спб. 1897).

³ *Розиков*, Сельское хозяйство, гл. VI и VII.

о полном развитии кризиса XVI в. В Замосковном крае были, во всяком случае, некоторые местности, где с 80-х годов замечается довольно значительный экономический подъем. В Коломенских вотчинах Троицкого монастыря, в селах Кисматове и Сабурове, где в 1576 г. было $593\frac{3}{4}$ чети в поле паханой пашни, — в 1593 г. ее было уже 634¹. В Старицких Троицких вотчинах в 1586 г. было 363 чети пашни паханой и 769 четей перелога; в 1593 г. — 792 чети пашни и 464 чети перелога²; в Юрьевском уезде, в вотчинах того же монастыря, селах Киноболе и Кучках с тянувшими к ним селениями, паханой пашни было в 1578 г. — 1645 четей в поле, а в 1593 г. — 1799³. Наконец, в вотчинах Московского уезда можно отметить между письмом Хлопова 1584—1586 гг. и письмом Новосильцова 1592—1593 гг. следующие изменения:

Станы	Количество пашни				Прибыло пашни
	1584 — 1586 гг.		1593 г.		
	в окладе	перелогу и пашни, лесом поросшей	в окладе	перелогу и пашни, лесом поросшей	
Сурожский: сс. Давыдовское и Петровское с деревнями ⁴	227	865	379	669	152 чети
Горетов: сс. Тушино, Нахабино, Никольское с деревнями ⁵	295	2572	398 ¹ / ₂	2 344	102 ¹ / ₂ »
Радонеж и Бели: сс. Благовещенское, Кесово, Клементьевское и др. ⁶	2 002	5 780 ¹ / ₄	3 127	5 332	1 125 »

Таким образом данные письма Троицких вотчин 1592—1594 гг. указывают на в высшей степени интересное явление начинавшегося преодоления кризиса XVI в., резко затем прекращенного позднейшими событиями.

Так как свидетельство данных, исключительно почерпаемых из вотчин Троицкого монастыря, может быть сочтено несколько одно-сторонним, то ниже приводятся несколько других примеров, позво-

¹ П. к. М. г., I, 1, стр. 594, 610.

² Там же, I, 2, стр. 410.

³ Там же I, 1, стр. 850—854.

⁴ П. к. М. г., стр. 61—63, 107—109.

⁵ Там же, I, 1, стр. 53—61, 145—149.

⁶ Там же, I, 1, стр. 78—86, 238—239, 244—248. Другие примеры: вотчины Бохова стана, Манатына стана, Шеренского стана — там же в писц. книгах Московского уезда, № 3 и 4; вотчины Сосенского, Сетунского и Пехорского станов — там же, в писц. книге № 5, стр. 277—280, 282.

И м е н н о	Год	Вид владения	В л а д е л е ц	П а ш и я		
				паханая	наезд	перелог
				в четах	в поле	а в дву пото- муж

Стан Сурожский

1. С. Сорокино ..	1586	Вотч.	Е. В. Внуков	10	—	65
	1624—25	—	Н. и А. Галкины	16	—	46
2. С. Троицкое на Молодильне ..	1586	—	Ив. Суминов	20	—	124
	1624—25	—	Афимья Минина	6	—	129
3. Д. Дорна	1586	—	Фед. Чоботов	57	—	86
	1624—25	—	Фед. В. Пушкин	28	—	178
4. Д. Микулинона Истре	1586	—	Дьяк И. Андреев	25	—	103
	1624—25	—	Гр. Ларионов	20	—	118
5. С-по Александ- рово	1586	—	Бр. Жихаревы	31	—	233
	1624—25	—	Н. Остаф. Пушкин	27	—	299
6. С-по Рубново на Истрице ..	1586	—	А. Ф. Ябедян	16	—	71
	1624—25	—	Ер. Нащокин	—	24	104
7. С. Протравино, с. Вельяминов- ское	1586	—	Иосиф монастырь	29	—	333
	1624—25	—	» »	16	24	547
8. С. Лушенское- Лужки	1586	—	Чудов »	120	—	859
	1624—25	—	» »	68	16	736
9. Пустая д. Со- ловарово	1586	—	Пафнугъев »	—	—	150
	1624—25	—	» »	17	9,5	150
10. Д. Телешнево .	1586	—	Новинский »	40	—	610
	1624—25	—	» »	—	5	745
11. Пустоши по реке Истре ..	1586	—	Богоявлен. »	—	—	70
	1624—25	—	» »	—	7	65
12. Сс. Шетровское и Давыдовское	1586	—	Троицко-Серг. м-рь	227	—	865
	1624—25	—	» »	18,5	—	1 230

Стан Горетов

13. С. Дурнево ..	1586	Пом.	Дьяк Свиязев и	77	—	183
	1624—25	»	К. П. Шипилов;			
14. С. Уполозы ..	1586	Вотч.	Кн. Селеховский и	10	—	72
	1624—25	»	Ив. Опухтин			
			А. И. Уполоцкий и	—	39,5	43
			О. М. Рязанцев;			
			Е. Уполоцкой и			
			Н. Г. Федоров			

И м е н н ы е	Г о д	Вид владения	В л а д е л ь ц	П а ш и я		
				паханная	наезд	перелог
				в четах	в поле	а в дву пото- муж
15. Д. Юркино-Юрово	{ 1586 1624—25	Вотч. »	Ф. И. Тушин Б. Тушин	5 —	— 10	11 6
16. С-цо Воронино	{ 1586 1624—25	» »	Ф. К. Фофанов Г. М. Фофанов	30 12	— 4	80 94
17. С. Жегалово на Химке	{ 1586 1624—25	» »	Е. И. и И. И. Завесины С. И. Завесин	20 8	— —	68 78
18. С. Куртасово на Холохольне .	{ 1586 1624—25	» »	И. и Л. М. Пушкины Кн. А. В. Лобанов-Ростовский	52 41	— 1,5	418 322
19. С-цо Голубое .	{ 1586 1624—25	» »	О. В. Ладыгин Дьяк И. Переносов	10 8	— —	79 91
20. С-цо Кутузово на Горетовке .	{ 1586 1624—25	Пом. »	Кн. Б. К. Черкасский Кн. И. В. Черкасский	68 77	— —	172 170
21. С-цо Дашкино .	{ 1586 1624—25	Вотч. »	Т. И. Селиванов А. и Г. Пустобояровы	7 2	— —	34 40
22. С. Ангелово . .	{ 1586 1624—25	» »	Иосифов монастырь »	50 45	— 3	172 174
23. С. Сабурово . .	{ 1586 1624—25	» »	Патриарх »	— 13	— 2	450 459
24. С. Еремеево . .	{ 1586 1624—25	» »	Вознесенский монастырь	490 20	— 12	1913 2327
25. Пустоши	{ 1586 1624—25	» »	Ипатьевский монастырь	— —	— —	125 125
26. С. Петровское	{ 1586 1624—25	» »	Кириллов монастырь	63 65	— —	45 45
27. С. Тушино, с. Нахабино и др.	{ 1586 1624—25	» »	Троице-Сергиевск. монастырь	307 115	— 2 ³ / ₄	2572 2698

Стан Манатлин

28. С. Стербеево .	{ 1586 1624—25	Вотч. »	А. М. Яковля Мартемьянов	30 68	— —	135 110
29. С. Микульское	{ 1586 1624—25	» Пом.	Кн. Ф. Троекуров Кн. И. М. Катырев-Ростовский	12 90	— —	138 54
30. С-по Мысово на Клязьме . .	{ 1586 1624—25	Вотч. »	Н. П. Чепчугов Б. И. Нагой	20 —	— 35	73 66

И м е н н о	Год	Вид владения	В л а д е л е ц	П а ш н я		
				паханая	наезд	перелог
				в четях	в поле	а в дву пото- мук
31. С. Козодавлево на Клязьме . .	1586 1624—25	Вотч. »	И. и Н. Трахани- товы И. Н. Траханиотов	80 92	— —	607 523
32. Д. Чернцово . .	1586 1624—25	» »	Д. А. Елчанинов Воскресенский мо- настырь (Москва)	8 —	— —	123 131
33. С. Хлябово и Троица-Сельцы	1586 1624—25	» »	Митрополит Патриарх	314 108	— —	815 2 412
34. С. Мелькисаро- во	1586 1624—25	» »	Переясл.-Горич. монастырь	34 13	— —	93 114
35. Д. Терешково .	1586 1624—25	» »	Златоустинский монастырь	— —	— 2	40 38
36. С. Бибирево . .	1586 1624—25	» »	Вознесенский мона- стырь	185 42	— —	159 302
37. С. Дегунино . .	1586 1624—25	» »	Церковь Рождест- ва на сених	250 68	— —	434 573
38. Сс. Ростокينو и Грачево . . .	1586 1624—25	» »	Троице-Сергиев. монастырь	288 144	— —	406 529
Стан Бохов						
39. С. Гребнево . .	1586 1624—25	Вотч. »	Бог. Я. Бельский Кн. Д. Т. Трубецкой	230 173	— 7	618 664
40. Д. Гаврильцево	1586 1624—25	» »	И. Д. Калитин У. Ф. Калитина	20 28	— —	117 109
41. С. Пушкино . .	1586 1624—25	» »	Митрополит Патриарх	43 159	— —	1 079 1 026
42. С. Черкизово, д. Тарасовка, д. Листвень . .	1586 1624—25	» »	Троице-Сергиев. монастырь	250 172	— —	1 233 1 290
43. С. Левково . .	1586 1624—25	» »	Р. М. Пивов Ростовско-Борисо- глебский мона- стырь	46 17	— —	130 272
44. С. Образцово .	1586 1624—25	» »	Спасо-Евфимьев- ский монастырь	15 61	— —	470 409

И м е н н ы е	Год	Вид владения	В л а д е л е ц	П а ш и л		
				паханная	наезд	перелог
				в с е т я х	в п о л е	а в д в у п о т о - м у ж
Стан Радонеж-Бели и Воря-Корзенев						
45. С-цо Золотилово	1586	Вотч.	С. И. Брутков	10	—	21
	1624—25	»	О. Т. Панин	1	—	30
46. Д. Хотьково..	1586	»	П. И. Чемаданов	6	—	30
	1624—25	»	Он же	6,5	—	30
Волость Вохна						
47. Волость Вохна	1586	»	Троице-Сергиев.	2 346	—	3 463
	1624—25	»	монастырь	1 674	—	4 934
Станы Шеренский и Отъезжий						
48. С-цо Стрелково	1586	Вотч.	Кн. И. В. Сицкой	15	—	291
	1624—25	»	О. И. Семерин и С. Молвьянинов	—	—	306
49. Д. Запрудское	1586	Пом.	М. К. Княжнин	6	—	20
	1624—25	Вотч.	Е. и А. Елизаровы	8	—	18
Итого..	1586	—	—	6 059	—	20 448 ¹
	1624—25	—	—	3 779	—	21 653
Отношение пашни и перелога.						
—	1586	—	22,8 : 77,2	—	—	—
—	1624—25	—	13,3 : 86,7	—	—	—

¹ Для объяснения неполного сходства в общих итогах подвергнутой сравнению площади земли следует, во-первых, припомнить постоянную примерку земель, увеличивавшую общие размеры измеряемой площади, во-вторых — иметь в виду неточность измерения не подвергавшегося обложению перелога.

ляющих судить о состоянии некоторых местностей Замосковского края в конце XVI в., с одной стороны, и 20-х годах XVII в. — с другой.

В помещенной на стр. 148—151 таблице приводится сравнение количества пашни живущей и перелого в 48 отдельных поместьях и вотчинах, как светских, так патриарших (митрополичьих) и монастырских, расположенных в 6 станах и волостях Московского уезда, а также сравнение итогов целой волости Вохны, составлявшей собственность Троицкого монастыря; все эти земли занимают пространство около 40 000 десятин. Данные заимствованы из двух писцовых книг: кн. и Т. А. Хлопова 1584—1586 гг. и книги Л. А. Кологривова и подьячего Д. Скирина 1624—1628 гг.¹

Ввиду того, что книга Хлопова далеко не во всяком отдельном описании содержит сведения о крестьянах, живших в том или другом селении, данные о количестве населения не могли быть подвергнуты сравнению.

В общем во всех имениях и в волости Вохне количество обработанной пашни уменьшилось на одну треть, составляя в 1625 г. только 61,6% обработанной пашни, существовавшей в 1586 г.; отношение в процентах между пашней и перелогом в 1586 г. ниже такого же отношения в общем итоге Троицких вотчин в 1592—1594 гг. Таким образом разница между экономическим положением перечисленных поместий и вотчин в 1584—1586 гг. и 1624—1625 гг. несомненно менее чувствительна, нежели в Троицких вотчинах по описаниям 1592—1594 и 1624 гг. Еще меньшую разницу дают итоги писцовых книг Коломенского уезда 1578 г. и 1627—1628 гг.² по Большому Микулину стану, самому крупному делению этого уезда, занимавшему в нем центральное положение. В 1578 г. в Большом Микулине стану насчитывалось 199 населенных пунктов, в 1627—1628 гг. здесь наблюдалось общее для того времени явление — концентрация населения в меньшем количестве селений, которых в этот момент было 120. В поместьях Микулина стана было в 1578 г. 4771 четъ в поле обработанной пашни; в 1627—1628 гг. ее оставалось только 1134 при 2025 с четвертью четях наезжей пашни; в общем, следовательно, наблюдалось уменьшение на $\frac{1}{3}$, зато на землях вотчинных всякого вида замечается даже увеличение количества пахотной земли: в служилых вотчинах в 1578 г. было 3159 четей пашни пахотной, в 1627 г. доходило до 3976 четей в поле; на землях церковных и монастырских в 1578 г. — 1989 четей, а в 1626—1627 гг. — 4739 $\frac{5}{6}$ чети. Таким образом здесь произошло увеличение в первом случае приблизительно на одну четверть, во втором же более чем вдвое. Несмотря на некоторую, в общем, неопределенность данных по Коломенскому уезду и на то, что состояние поместных земель указывает или на случайное сильное их запустение или же на то, что этот вид землевладения оказался особенно мало устойчивым в борьбе

¹ П. к. М. г., 1, стр. 96—277; п. к. 685.

² П. к. М. г., 1, стр. 335—395; п. к. 203.

с разорением, все же эти данные позволяют предположить, что в некоторых местах Замосковных уездов хозяйственное положение в 20-х годах XVII в. было в общем не хуже того, в котором эти места находились в самый разгар экономического кризиса XVI в. Иное впечатление получается, если привлечь к сравнению данные более ранней эпохи XVI в. В Тверском уезде по книге 1540 г., которая, по всей вероятности, содержит описание не целого уезда, было зарегистрировано 2915 дворов в «селах и деревнях дворцовых, розданных помещикам», 2757 дворов в «бывших черных волостях, розданных помещикам», и 205 дворов в черных и дворцовых землях, всего 5877 дворов¹. Писцы 1627 г. во всем уезде, за исключением дворцовых земель, нашли 1231 населенный двор, крестьянский и бобыльский². Особенно яркой является картина, представляемая Микулинским станом, где в 1540 г. записаны 1661 двор, а в 1627 г. — только 88. В волости Тверского уезда Суземье в 1548 г. считалось всей возделанной пашни 10 975 $\frac{1}{2}$ десятин; в 1627 г. — всего 1401 десятина³.

Не менее яркую, но значительно более полную картину может дать описание Звенигородского уезда, сделанное в 1560—1563 гг. В нижеследующей таблице (стр. 146—147) приведено сравнение количества пашни паханой, наезда и перелога в 23 поместьях и вотчинах Городского стана этого уезда в 1560—1563 гг.⁴ и 1624—1628 гг.⁵.

Вся земельная площадь, подвергаемая сравнению, равняется приблизительно 142 000 десятин земли. Хотя, к сожалению, об изменениях в количестве населения судить нельзя, ибо книга XVI в. о нем не сообщает, но, судя по количеству обработанной земли, приводимые в таблице 23 имения представляли в 20-х годах XVII в. яркую картину полного упадка⁶.

Исходя из только-что изложенных примеров, характеризующих экономическое положение отдельных местностей Замосковья в исходе первой четверти XVII столетия и в различные моменты XVI, можно с некоторой долей вероятности заключить, что в 1620-х годах общее положение той весьма значительной части исследуемой области, которая была поражена кризисом в XVI в., не слишком много отличалось от положения ее в самый разгар этого кризиса; напротив, сравнительно с более ранними моментами, а также отчасти с последним десятилетием XVI столетия, общее положение народного хозяйства Замосковья должно представляться значительно худшим. Народное хозяйство Замосковья, которое в 1590-х годах как будто

¹ Литто, Тверской уезд, стр. 103—105.

² П. к. 871—875.

³ Литто, Тверской уезд, стр. 144, 166, 176, 192; п. к. 873, лл. 27—81; п. к. 875.

⁴ П. к. М. г., I, 1, стр. 660—672.

⁵ П. к. 638, лл. 10—494.

⁶ Неполное совпадение площадей здесь, как и везде, следует объяснять неточностью измерений писцов. Количество пашни паханой крестьянской в Звенигородской книге 1624—1628 гг. дается в цифрах, реальность которых сомнительна. Вероятно, истинная площадь этой пашни несколько выше, нежели показанная в таблице.

И м е н и е	Год	Вид владения	В л а д е л е ц	И з м е н и я		
				названия	наезд	перелог
				в челях в поле		
1. С. Насоновское	1560—63 1624—28	Вотч. »	Н. М. Нечав Протопопов (куплена им)	48 8 кр.; 2 вотч.,	— 2 кр.	— 28
2. С-цо Сумароково	1560—63 1624—28	» »	Кн. Ник. Ив. Мезецкий Кн. Масальский (ранее кн. Долгоруков)	163 5 вотч.	— 1	— 247 ² / ₄
3. С. Таболово	1560—63 1624—28	» »	Б. Т. Таболов А. и Т. Ченчугов	56 —	— —	— 175
4. С-цо Шумесво	1560—63 1624—28	» »	Н. З. Сатин Басаков и Змеев	65 кр.; 23 вотч. вотч. 4	— 2	— 111
5. Д. Синеусово	1560—63 1624—28	» »	Д. А. Тоболин Ф. С. Горышкин (купле- на у Тоболина)	36 —	— —	— 18
6. Д. Фатьяново	1560—63 1624—28	» »	Тоболины (мать и сын) Игуменья Иванов. мона- стыря, Ан. Талызина (ку- плена у вдовы Тоболиной)	75 —	— —	— 44
7. С. Игнатьевское	1560—63 1624—28	» »	Дьяк Новоконцов (купля) ?	260 8 кр.; 30 вотч.	— 15 кр.	— 108 ⁵ / ₈
8. С. Раево-Симоновское	1560—63 1624—28	» »	Кн. И. М. Шуйский Кн. И. И. Шуйский	233 кр.; 60 вотч. 1 кр.; 10 вотч.	— 3 кр.	— 431
9. С. Оксеновское, с. Дроздово	1560—63 1624—28	» »	Митрополит Патриарх	180 кр.; 80 мтр. 1 ¹ / ₂ кр.; 23 патр.	— 15	— 260

¹ Здесь условные четвертные единицы не изменяют общей картины.

*

И м е н н е	Год	Вид владения
10. С-до Луцыно {	1560—63 1624—28	Вотч. »
11. С. Рыболовли {	1560—63 1624—28	» »
12. Сс Андреевское и Гузеево {	1560—63 1624—28	» »
13. Никольское и 17 де- ревень {	1560—63 1624—28	Пом. »
14. С. Васильево {	1560—63 1624—28	Вотч. Порозж.
15. С. Васильевское . . . {	1560—63 1624—28	Вотч. »
16. С. Богородское {	1560—63 1624—28	» Порозж.
17. С. Козловское {	1560—63 1624—28	Вотч. »
18—23. Слободка Татар- ская, с. Ульяновское, д. Костино {	1560—63 1624—28	» »

В л а д е л е ц	П а ш н я		
	паханная	наезд	перелог
	в четях в поле		а в дву потомуж
Арх. Крутицкий	73	—	—
Митр. Крутицкий	—	—	77
Богоявленский мона- стырь	130 ³ / ₈ кр.	— 22 ¹ / ₂ мон.	— 238 ⁷ / ₈
Троице-Сергиев. мона- стырь	2 650 ¹ / ₄	— 14 ¹ / ₄	— 2 428
Кн. Фуников и Ф. Ф. Нагой	514	—	—
Разные лица, разбито на мелкие и частью пустые участки	—	—	все пусто
Щадеев	317	—	» »
Пустая земля	—	—	» »
Князь И. И. Пронский	550	—	—
Разбито по жеребьям у разных лиц	—	—	все пусто
Хвоцинские	47	—	—
Пустая земля	—	—	все пусто
Воздвиженский Звениго- родский монастырь	380 —	— —	— все пусто
Пафнутьевский мона- стырь Анофриева мо- настырь	1 470	—	—
Пречистенский протопоп	—	—	все пусто

начало улучшаться после долгого и тяжкого кризиса, тотчас вслед за этим испытало новый очень резкий упадок, так ярко характеризующий данными дозоров 1612—1616 гг. Реакция после этого нового кризиса, достигшего своего наибольшего напряжения в 1615—1620 гг., была довольно быстрой: в конце третьего десятилетия нового столетия состояние некоторых отдельных местностей занимающего нас края было уже не ниже, чем в кризис XVI в. Второй экономический кризис прошел так же быстро, как налетел. Но он прервал и на много лет замедлил восстановление народного хозяйства не только Замосковского края, но и других частей Московского государства, потрясенных несравненно более глубоким, более долгим кризисом XVI в. Самый экономический кризис начала XVII в., как и вызвавшие его причины, был только последствием развития событий XVI в.

IV

Быстрая реакция после разорения, поразившая центральные области Московского государства в начале XVII в., — явление в высшей степени интересное.

Все известные нам данные, почерпнутые из дозоров 1610-х годов, единогласно свидетельствуют об огромной убыли как сельского тяглого населения, так и дворов самих дворян. Какая же судьба в действительности постигла этих исчезающих людей? Некоторое, но, конечно, небольшое сравнительно число исчезнувших в тяжелые годы жителей погибло от взаимной борьбы крестьян и помещиков и от разбоев, насилий литовских и казачьих шаек. В описаниях 20-х годов не раз встречаются известия о крестьянах, «вымерших в лихолетье», «побитых от польских и литовских людей» и «в полон пойманных». Но еще гораздо чаще попадаются известия о запустении сел и деревень от бегства живших в них крестьян, которые «збредли безвестно» или «ходят по миру». Совершенно исключая элементы, пополнявшие те или другие отряды, можно сказать, что беглецы, руководясь стремлением избавиться от помещичьего гнета и обезопасить себя от открытых нападений, бежали, и прежде всего в города и посады. Бобыли из села Карамышева Вепрейской области Боровского уезда, по сведениям писцов 1629—1630 гг., «жили в Боровске на посаде, разошлись с литовского разоренья»¹.

Впрочем бегство в города едва ли было особенно распространенным. Города, в большинстве случаев, бывали защищены недостаточно и сами подвергались набегам и грабежам. Гораздо естественнее было беглецам идти теми дорогами, которыми издавна привыкли направляться все, кому плохо жилось в Замосковье. Самая проторенная из этих дорог вела на юг, за Оку. Но по условиям времени в южной Украине было трудно искать безопасности, более спокойной была дорога в среднее Поволжье. По этому направлению и должны были идти беглецы, передвигаясь постепенно из разоренных

¹ П. к. 10326, л. 408.

в конец западных областей через менее пострадавшие восточные уезды Замосковья. Некоторые известия, сюда относящиеся, находим в современных источниках. В Михайловском стане Можайского уезда, в деревне Зубарева, писцы 20-х годов отметили одно «место дворовое Тимошки да Корнюшки Ермаковых детей, *кормятся во Мценском уезде, сошли в 130 году*»¹. В то же самое время в Лаптевской волости Ржевского уезда находим «вотчину Г. И. Ивашкина, пустошь, что была деревня Стюденое, на Осуге, и в той пустоши селиться в нынешнем во 133 году с весны людям его Микитке Иванову сыну Чудотворову, да Власку Онаньину, да крестьянам его Федке Савельеву с племянником с Федком, да Афонке Михайлову с сыном Фролком Матвеевым (sic!), да бобылям Гаврилку Романову с племянником с Кондрашком Григорьевым, да Ивашку Михайлову, да Филке Иванову, а живут ныне те его люди крестьяне и бобыли у П. Баранцова в вотчине, в сельце Звягине, а *привезены по Государеве грамоте из Орзамаса, сходили в разоренье от войны*»². В вотчину Московского Успенского собора, в запустевшее село Дымцово, находившееся на границах Бежецкой пятины и Бежецкого уезда в 1627—1628 гг. «*прибрело из понизовых городов тутешних жильцов, бобылей, человек с пять*»³. В упомянутой выше местности Можайского уезда находим и другую деревню — Марково-Михалево, на реке Руди, где, кроме одного двора живущего, было еще одно «место дворовое Потапка да Гришки Мелеховых детей Горбунова, *кормятся в Суздальском уезде, сошли во 129 году*»⁴.

Едва ли, однако, не вероятнее всего предположить, что население, бежавшее из своих сел и деревень, не уходило далеко от брошенного, часто сожженного или разрушенного дворища, а скрывалось в лесах, которыми и доселе еще богат древний Замосковский край. Писцы не раз указывают на людей, которые, покинув оседлость, «бродят меж двор по миру»⁵, оставаясь неподалеку от старых жилищ. Подобные же указания встречаются и в челобитных, подававшихся населением того времени: «бьют челом и плачутся Череевского уезда Залесского Закубежские волости Курбат Павлов... и все крестьяне... пощади сирот своих государевых, не вели нас литовским людям воевати... и своих, государь, вотчинных деревень пожигати... *Кои, государь, достальные твои крестьяннички остались и они с страху и с ужаси скитаются по лесу и по болоту*»⁶... Как только началось замирение страны, бродившее и скрывавшееся по лесам население начало возвращаться и насильно водворяться на прежние места; этим обстоятельством легче всего объяснить необычайно сильный прирост населения, замечаемый между дозором 10-х

¹ П. к. 683, л. 205.

² П. к. 833, л. 96.

³ А. до Ю. Б., 1, № 31, XXV.

⁴ П. к. 683, л. 205.

⁵ Напр., крестьяне с. Грачева, Московского уезда, Манатына стана, п. к. 258, и. 52.

⁶ Доп. к А. И., 1, № 159.

годов и описанием следующего десятилетия. Кризис начала века не столько уничтожил, сколько распугал население ¹.

Но в 10-х годах XVII в. положение населения было действительно тяжелым. Нужду терпели не только беглецы, но и те, которые удержались на старых местах жительства. Терпели лишения не только тяглый класс, но и помещики, в особенности, средние и мелкие. Очень значительное количество поместных и даже вотчинных земель были покинуты и оставались без владельцев. Количество порожних земель в книгах 20-х годов колеблются, смотря по местности, между 5 и 60% всей территории, описываемой писцом ². Иные дворяне позднее возвратились на старые места, но, конечно, далеко не все. Очень естественно, что исчезновение большого количества мелких дворян имело последствием значительные изменения в составе помещиков и вотчинников уезда ³. Не велико было благосостояние и тех, которые уцелели. По нескольким примерам можно себе представить, до чего могли доходить бедствия, постигавшие мелких помещиков Замосковья в 10-х и 20-х гг. Много позднее, в 1643 г., суздалец Иван Евтихийев Блудов подал царю Михаилу челобитную, в которой рассказывал следующую любопытную историю: «бил он челом в монастырские служки к Живоначальной Троице к преподобному чудотворцу Сергию от бедности, и келарь Александр Булатников хотел его отдать в холопи внуку своему, князю Фадею Шаховскому, и он к нему в холопи не пошел, и келарь за то посадил его в тюрьму. И он, не стерпя от него тюремные нужи, дал на себя князю Фадею Шаховскому служилую кабалу, и князь де Фадей Шаховской женил его на вольной жонке сильно. А отец де его служил 44 года и в 130 году отец его от службы отставлен, а поместье его дано ему Ивашке на прожиток и в разборном списке написан в недорослех». Блудов просил освободить его от кабалы и велеть ему «служить службу с городом». По справке в разборной десятне 130/1621 — 1622 гг. по Суздалию оказалось, что у отца Ивашки, Бажена Блудова, «поместышка в даче 170 четей, пусто от лихолетья, — один его дворишко» ⁴. Несчастья Блудова на этом, впрочем, и закончились: просьба его, изложенная в челобитной, была исполнена, и он был освобожден от кабалы. К этим же годам

Пример Замосковья лучше всего подтверждает закон, по которому только такие войны ослабляют численность населения, которые сопряжены с уменьшением источников средств и содержания его. В. Рощер, Начала народного хозяйства, стр. 240.

² Напр., в Московском уезде — в Манатыном стану 5%; в Радопеже — 5%; в Васильдове — 12%; в Копелеве — 12,5%; в Горетове — 20%; в Сурожике — 23%; в Шеренском — 43%; в Углицком уезде — до 7,5%; в Боровском — до 11%; в нагорной половине Костромского — до 9%; в юго-западной половине Ржевского — до 57%; в Можайском — свыше 60% и т. д.

³ Насколько менялся состав служилых людей в данной местности, можно видеть по сведениям об уезде, не включенном мною в исследование, но лежащем у границ Замосковья, именно о Нижегородском уезде: см. список помещиков и вотчинников этого уезда в 1613 и 1629 гг. в приложении к статье Сидовского, К материалам по исследованию Нижегородского уезда во время смуты и после нее, в Трудах Ярославского областного съезда 1901 г.

⁴ Акты Моск. гос., II, № 195.

относится и другая аналогичная челобитная детей боярских Рогачевых, не поверстанных потому, что были разорены вконец от литовских и от крымских людей «и нынеча, государь, бьет на нас холопей твоих челом князь Гр. Вас. Тюфякин ложно, видючи нашу великую бедность, и называет нас *крестьяны своими*». Челобитная по делу, конца которого, к сожалению, не сохранилось, оканчивается просьбой «не велеть челобитчиков тому кн. Григорию неповинно во крестьяне выдать»¹. Бедность доводила отдельных помещиков до крестьянства и холопства.

Разумеется, что при столь сильном упадке и обеднении населения и полном разорении полей должна была упасть также и торговля и промышленная жизнь Замосковского края. В мои задачи отнюдь не входит исследование состояния главнейших средоточий торговли и промышленности того времени — городов и посадов. Здесь дело идет только о тех элементах сельской торговли, какие можно было наблюдать в Замосковных уездах в начале XVII в. К сожалению, данных, по которым было бы возможно судить о состоянии сельских промыслов в Замосковных уездах, нет; что касается до внешних показателей оборота сельских ярмарок и торжков, то их полный упадок более чем вероятен. Надо думать, что состояние сельского торжка под Клином, описание которого относится к 20-м годам, является вполне характерным для большинства подобных торжков за предшествовавшее десятилетие; «На погосте св. Егория до литовского разорения было 5 лавок рубленых да 4 полки; а торговали в них съезжие сельские люди всяким товаром в неделю один день, в пятницу, а откуп с торгу давали в большой приход по 13 рублей, а ныне торг в пусте, запустел от литовского разоренья»². Как известно, общее разоренье и бедность доходили до того, что московское правительство, несмотря на пустоту казны и острую нужду в деньгах в 10-х годах, находило возможным даже понижать прямые подати в некоторых городах и уездах³.

Остается сказать несколько слов о землевладельческих отношениях в средней Руси. Я ограничусь здесь лишь некоторыми общими замечаниями и укажу на явления, по моему мнению, наиболее характерные именно для первых годов правления новой династии. Прежде всего можно заметить, что, чем сильнее был известный вид землевладения, чем успешнее он развивался в конце XVI в., тем устойчивее он оказался в тяжелое время первых двух десятилетий XVII в. Несомненно, одним из наиболее сильных в этом смысле видов было землевладение монастырское, впервые сильно ограниченное знаменитым соборным приговором 1581 г. Мы не можем в точности сказать, насколько успешно осуществлялся этот приговор на практике за 20 лет, протекших между его изданием и началом крестьянских войн. В нашей исторической литературе отмечено

¹ Столб. Разр. приказа Моск. стола, № 11, л. 76.

² П. к. 190, л. 238.

³ Лапто-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 23.

как несовершенство самого приговора 1581 г., намечавшее возможность его обхода, так и то, что некоторые мероприятия правительства, как например, письмо Троицких вотчин 1592—1594 гг., довольно последовательно отписывавшее на государя земли, на которые у монастыря не было крепостных документов, были действительно направлены к ограничению роста монастырских земель¹. В период борьбы 1604—1615 гг. действие приговора 1581 г. должно было, естественно, приостановиться. Примеров можно было бы найти очень много; ограничимся несколькими. В дозорных книгах Троицких вотчин Московского уезда 1614 г. в особый отдел вынесено «описание вотчин, а в приправочных книгах те вотчины не писаны, а владеют ими Троице-Сергиева монастыря архимандрит Деонисий да келарь старец Аврамей с братиею по данным грамотам, а даны в монастырь после писцов» 1592—1594 гг. Таким образом, является полная возможность проследить процесс роста владений Троицкого монастыря в Московском уезде в первые годы XVII в.; оказывается, за это время перешло в монастырь до 1900 десятин земли². В Углицком уезде в 1613—1614 гг. князь Юрий Хворостиния отдал тому же монастырю свою вотчину с. Клементьево на Молокше с деревнями, всего 872 десятины с 4 дворами крестьянскими и бобыльскими³. В Старицком уезде в 1615—1616 гг. Н. М. Плещеев, «во иноцех» Никандр, дал Успенскому Старицкому монастырю свою вотчину, пустое село Криницыно, всего 231 десятину⁴.

Земли дворцовые, постепенно расходуемые в XVI столетии вследствие пожалования их в поместья и вотчины, кажется, мало уменьшились в безгосударное время. Правительство новой династии принимает энергичные меры к возвращению неправильно захваченных в междоусобицу земель⁵, так что в его распоряжении скоро оказывается та же или почти та же площадь земель, приписанных ко дворцу, какою в свое время располагало правительство царя Бориса.

Наиболее слабым видом землевладения было в XVI в. землевладение черное, которое постепенно таяло и убывало в Замосковном крае еще со времени уделов. Есть некоторые данные, позволяющие предположить, что события начала XVII в. не остались без влияния на дальнейшее исчезновение черных земель в некоторых централь-

¹ Павлов, Очерк секуляризации церковных земель в России. Милютин, О недвижимых имуществах духовенства в России. М. 1861, стр. 443 и сл. Сторожев, Указная книга Пом. приказа, прил. 4, стр. 159. Чечулин, Предисловие к указам, писец. книг М. г., XVI.

² П. к. 258, лл. 220—226; в Торокманове ст. — с. Переделец с деревнями; в Радонежском — с. Зубцово с деревнями; в Жданском и Горетове — пустоши; все села и деревни в 1614 г. были разорены и запустели.

³ П. к. 498, лл. 34—37. Шумаков, Углицкие акты. Чт. О. И. и Др. Р. 1899, № 1.

⁴ П. к. 882, л. 57.

⁵ Неволлин, История гражданских законов, II, стр. 225. Нам известен один из таких случаев неправильного захвата дворцовых земель в междоусобицу, когда князья Сем. и Матвей В. Прозоровские завладели таким образом дворцовыми селами Брейтовым и Черкасовым в Ярославском уезде. Чт. О. И. и Др. Р. 1895, кн. 1. Докладная выписка о вотчинах и поместьях, сообщенная Барсуковым, стр. V и 7.

ных местностях Московского государства. Среди огромного количества порозжих служилых земель, занесенных в книги писцами в 20-х годах, внимание не раз привлекают такие, которые ранее, непосредственно до запустения, входили в состав черных волостей. В Ржевском уезде, в Кютицкой волости, на берегу озера Солигера, в книге 1624—1628 гг. упоминается монастырь Целагеина пустынь на Рогоже «стал на лесной земле черных волостей»¹. В момент составления описания земли вокруг этой пустыни были порозжие поместные земли. В совершенно запустевшей, исключительно состоявшей из порозжих земель волости Кесьме Углицкого уезда писцы насчитали 68 пустошей, «что были деревни черные», с поросшей лесом пашней в 2250—2300 десятин². В нагорной половине Костромского уезда, в Нерехотской волости, писцы в то же время отметили среди порозжих земель пустоши «черных деревень»³. Очень возможно, что последние остатки черного крестьянства были разорены, а земли их либо перешли к монастырям и помещикам, либо «лежали впусе».

Наблюдения над источниками показали, что в эпоху кризиса XVI в. земли вотчинные находились в более благоприятном экономическом положении, нежели земли поместные⁴. В 10-х годах XVII в. такое соотношение обоих главных видов служилого землевладения продолжает оставаться в силе. Судя по книгам 20-х годов, экономическое положение вотчин, какова бы ни была степень разорения данной местности, почти всегда в общем выше, чем положение находящихся рядом с ними поместий. В этом вместе с тем сказывается и глубокая разница, какую представляла самая природа вотчинного и поместного землевладения в глазах людей того времени.

В начале XVII в. служилый человек чувствовал себя вполне прочно только в своей вотчине; поместье продолжало быть, по общим воззрениям, владением чисто условным; поэтому в эпоху разорения, когда земельные владения забрасывались и пустели настолько, что местное население даже забывало, за кем были когда-то те или другие пустоши, числившиеся еще деревнями в приправочных книгах, бывших в руках писцов 20-х годов⁵, поместья пустели и забрасывались гораздо чаще и легче, нежели вотчины. В Московском уезде писцы 1624—1625 гг. насчитали в Горетовском стане 38 пустых поместных участков и только 11 вотчинных, в Манатыне стане — 18 поместных, в Бохове — 11 поместных и 4 вотчинных, в Сурожике — 11 поместных и 9 вотчинных, в Шеренском — 16 и 7, в Васильдове —

¹ П. к. 834, лл. 194—195.

² Углицкие писц. кн., стр. 610 (Времен. Демид. лицей, тт. 41—46).

³ П. к. 210, л. 1344.

⁴ См. Рогозов, Сельское хозяйство, гл. VI и VII.

⁵ Так было, например, в Рузском уезде; в книге 20-х годов почти при описании каждого стана находится особая рубрика порозжих земель, «а за кем были те пустоши в вотчинах и поместьях и на оброке, и про то никто не ведает», П. к. 845, л. 44 и в других местах.

8 и 3 и т. д.¹: везде число заброшенных, потерявших своих владельцев вотчин гораздо меньше, чем число таких же поместий.

Говоря о служилом землевладении, нельзя не указать и еще одного прямого последствия эпохи крестьянских войн и иностранной интервенции, а именно, сильной дезорганизации, какую в первые годы правления нового царя испытывала вся система служилого землевладения. Дезорганизация выражалась в том, что владение очень многими вотчинными землями было основано на неправильных документах или же вовсе документами не подтверждалось и что количество владеемой поместной земли отнюдь не соответствовало ни окладу, ни даже даче, какая числилась за теми или другими детьми боярскими; наконец, дело осложнялось еще тем, что накопилось значительное количество служилого люда, продолжавшего числиться, несмотря на зрелый возраст, в новиках, дожидаясь верстанья каким нибудь окладом.

Со времени Тушина понятие об едином законном правительстве исчезло. В течение целых пяти лет в Московском государстве было обычно два враждебных правительства, имевших каждое своих подданных, свои учреждения, свою политику. Царь Василий и Тушинский царик, земское ополчение Пожарского и русско-польское правительство междоусобицы одинаково считали себя законными, содержали войско и, прибегая к выработанной уже форме обеспечения своих ратных сил, раздавали, иногда даже довольно щедро, поместья и вотчины. В результате правительство царя Михаила должно было считаться с земельными крепостями самого различного и часто очень сомнительного происхождения. С другой стороны, очень многие лица, владевшие издавна и на совершенно законном основании своими поместьями и вотчинами, были лишены возможности доказать это, так как документы были сожжены, украдены или вообще пропали тем или другим образом. Правительство выработало определенное отношение к вопросам о законности владения землею и проводило его очень последовательно. Проверка прав владения была возложена на дозорщиков 10-х годов и на всех писцов следующего десятилетия. Основной принцип, которого придерживалось правительство в отношении вотчинного, по крайней мере, землевладения, состоял в том, чтобы каждый владел своими *прямыми вотчинами*, т. е. вотчинами, по праву ему принадлежащими и данными от законного правительства, и владел ими на основании не возбуждавших сомнения документов. Законными признавались правительство царя Василия и земское правительство Пожарского; отсюда вотчины, полученные в Тушине или под Смоленском, у короля и у королевича, признавались данными незаконно. Этот принцип, однако, на практике нарушался. Отсутствие у вот-

¹ П. к. 685; другие примеч. из Моск. у.; ст. Бибинов — 9 пом.; Рогожский — 18 пом. и 2 вотч.; Замосковное-Раменейце — 6 пом. и 1 вотч.; Поче нев — 3 пом. и 1 вотч.; Каменский — 5 пом.; Копотенский — 2 пом.; Гуслицкий — 5 пом. и 1 вотч.; Доблинский — 10 пом.; Обарнич — 12 пом. П. к. 261.

чинника земельных крепостей не признавалось препятствием к владению вотчиной, если только она записана была за владеющим ею в приказе или значилась за ним по приправочным книгам. Даже земли, полученные из Тушина в качестве вотчин, если относительно их не было спора, оставались в руках их владельцев, хотя только на поместном праве. Последнее очень характерно, потому что еще раз подчеркивает, насколько велика была разница в то время в воззрениях на вотчинное и поместное землевладение¹.

В тесной связи со стараниями восстановить права владения землею стояла борьба с другим результатом дезорганизации служилого землевладения — с утайкою поместной или вотчинной земли, неправильно захваченной и превышающей норму, положенную данному лицу окладом или дачей. Принцип, которого придерживалось правительство новой династии, аналогичен тому, которому оно следовало в вопросе о земельных крепостях: строгие постановления закона и очень мягкое осуществление их на практике. Утайка земли вызывает кару: «утаенная» или «выгнанная» земля отнимается у владельца и отдается тому, кто донес об утайке; но правительство охотно идет навстречу тем, кто готов покаяться и сам заявляет об утайке земли или же, подавая челобитную о даче нового поместья, не скроет имеющегося за ним старого разоренного; в таких случаях «государь пожалует», и неправильно владеемая земля узаконяется².

Во время междоусобицы и польской интервенции накопилось много служилых людей, которые не нашли еще своего места в поместном строе. Разнообразным правительствам 1607—1613 гг., поглощенным борьбою с конкурентами, совершенно не было времени заботиться об устройении подрастающих поколений дворян и детей боярских, и вполне понятно, что забота об этом выпала на долю нового царствования. Конечно, снабжение землею неверстанных новиков было делом не легким и потребовало для своего осуществления немало времени. В 1621—1622 гг. был произведен, повидимому по всем городам, разбор недорослей и новиков, лиц, служивших с прожиточных поместий и вотчин, живших у родственников, вообще всех, которые еще не поверстаны были самостоятельными окладами. Прошло еще около шести лет, когда зимою 1627 г. произведено было, наконец, в Москве боярами, князьями Ю. Я. Сулешевым

¹ *Сторожев*, Ук. книга. Пом. приказа; указы 1613—1628 гг., III, № 2, 4; V, № 17, 18, 35; VI, № 42, 73 и прил. № 2.

² *Сторожев*, Ук. кн. Пом. приказа; указы 1612—1614 гг., III, № 5, 8; V, № 20, 25, 30 и прил. № 3. *Барсуков*, Докладная вып. 21 г. о вотчинах и поместьях. Чт. О. И. и Д. Р. 1895, кн. 1: среди поименованных в этой выписке лиц думных и московских чинов встречаются владеющие землями неправильно; например, стольник М. И. Плещеев-Колодкин получил в Ростовском уезде с. Плещеево с деревнями по Тушинской даче, а назвал своею старинною вотчиной (оказалось, что на самом деле Плещеево — бывшая вотчина князя Охлябинина). «Да за ним же был посад Нерехта и отписан на государя». Другой пример: «Казарин Бегичев, старое за ним поместье было в Смоленску, а воровских дач за ним было много, и те воровские дачи у него поиманы».

и Д. М. Пожарским, «верстанье новиков всех городов». Верстанье производилось в столице, причем, вероятно, для единообразия в верстании были вновь переменены оклады всем тем, бывшим у разбора 1621—1622 гг., кто с тех пор успел быть поверстанным воеводами в уездах: воеводское верстанье было объявлено «не в верстанье».

До нас дошел список новиков 57 уездов, поверстанных в этот раз, из них 17 Замосковных. Когда были поверстаны дворяне и дети боярские других уездов, какие земли получили вновь определенные на службу новики, остается, к сожалению, неизвестным; и мы, таким образом, можем иметь только частичное представление о стараниях правительства восстановить действие поместной системы в вопросе о снабжении землею всех, кто достиг служебного возраста¹. Естественным результатом запустения служилых земель и сильного расстройств поместного и вотчинного землевладения была очень значительная мобилизация земельной собственности, которую необходимо здесь отметить.

Экономическое потрясение, достигшее наибольших размеров в 1615—1620 гг., коснулось всех сторон хозяйственной жизни Замосковных уездов, хотя в отдельных местностях этой обширной области разорение не было равномерным. Характерными чертами этого потрясения были: очень резкое уменьшение всего уездного населения, как служилого, так и тяглового, полное запустение пахотных полей, прекращение сельской торговли и промышленности и некоторые изменения в землевладельческих отношениях, особенно отозвавшиеся на наиболее слабых видах землевладения и нарушившие правильное действие поместной системы. С другой стороны, быстрое возвращение населения на старые места и замирение всего Замосковского края вызвало довольно сильную реакцию, так что общее положение народного хозяйства края в конце 20-х годов было немногим ниже, чем в конце экономического кризиса XVI в. С этого момента начинается новая эпоха хозяйственной истории Замосковья. Задача дальнейшего изложения — выявить характерные черты хозяйственного развития Замосковья в XVII в.

¹ Зерцалов, О верстании новиков всех городов 7136 г. Чт. О. И. и Др. Росс. 1895, кн. 4. Его же, «О смысле поместных и денежных окладов». Чт. О. И. и Др. Росс. 1902 г., кн. 2.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАСЕЛЕНИЕ

I

Предыдущим изложением уже выяснены в главных чертах судьбы населения Замосковского края в первые десятилетия XVII в. Важнейшим явлением в этой области было наблюдаемое в 10-х годах заметное понижение уровня экономического благосостояния населения, выразившееся в сильном уменьшении числа крестьянских дворов и значительном увеличении числа дворов бобыльских, а затем — общее уменьшение населения во всем исследуемом крае, происходившее, главным образом, вследствие того, что население разбежалось от гнета помещиков, постоянных войн и опустошений, разорявших центральные области Московского царства до конца 10-х годов XVII в. Последним явлением, которое отмечено в предыдущей главе, было быстрое возвращение на старые места разбежавшихся жителей. Такое возвращение населения было причиной заметного подъема его количества, наблюдаемого во всех описаниях конца 20-х годов сравнительно с дозорными книгами предшествовавшего десятилетия.

Проследить движение населения в последующее время до царствования Петра принадлежит к числу очень трудных задач. В нашей исторической литературе высказано даже мнение, что «пока нет никакой возможности установить сколько-нибудь точно» это движение¹. Хотя подобное мнение, может быть, и является несколько преувеличенным, однако, нельзя не признать, что самые свойства источников, которыми приходится пользоваться при изучении поставленного вопроса, ставят делу почти неодолимые препятствия. Во-первых, далеко не все, как мы уже знаем, памятники хозяйственных описаний и переписей дошли до нашего времени. Даже ограничивая задачу определенной частью страны, какою в настоящем случае является Замосковский край, приходится наталкиваться на пробелы в описаниях 20-х годов и переписи 1678 г., являющихся главными источниками для изучения движения населения. А про-

¹ Миллюков, Очерки по истории русской культуры, I, изд. 3-е, стр. 26.

белы, как бы незначительны они ни были, лишают возможности сделать ценный и заслуживающий доверия вывод. Другое препятствие, с которым приходится встречаться в данном вопросе, — это отмеченные уже свойства писцовых итогов, вдвойне заставляющие подозревать их достоверность: постоянные ошибки писцов и переписчиков в сложении и полная невозможность подвергать проверке каждый из бесчисленных итогов писцовых и переписных книг; а затем внутренняя недостоверность находимых в книгах итогов, внушаемая мыслью о том, что часть населения могла укрыться от писцов и переписчиков и что последние, со своей стороны, могли в известных случаях поступиться истиною в угоду каким-нибудь личным интересам.

Как, однако, ни трудно осветить движение населения Московского царства XVII в., как ни шатки те цифровые данные, которыми приходится в данном случае пользоваться, цель настолько интересна и посильное достижение ее настолько необходимо для принятой задачи представить картину исторической жизни важнейшей из областей страны в столетний почти период времени, что я решаюсь затронуть вопрос о движении населения в Замосковном крае в XVII в. и разрешить его, насколько это окажется возможным.

Поставленный вопрос можно разбить на два второстепенных: во-первых, определить, росло или уменьшалось население Замосковья в этот промежуток; во-вторых, — какими цифрами выражалось оно в начале и в конце этой эпохи.

К решению первого вопроса можно подойти двояким путем: пользуясь данными отдельных имений, состояние которых можно проследить в 20-х и 70-х или 80-х годах XVII столетия, или же итогами описаний 20-х годов и переписи 1678 г. по более или менее значительным местностям. Сравнение полученных тем и другим путем результатов может послужить взаимной их проверкой.

В нижеследующей таблице сведены данные, полученные из сопоставления состояния отдельных имений в различных уездах в 20-х годах и в 1684—1686 гг.¹

Подробно рассматривая приведенную таблицу, можно прежде всего заметить, что она резко распадается на две части: к первой принадлежат имения в уездах, лежащих к западу от Москвы, в столичном, и, кроме того, имения уездов Гороховецкого и Ростовского; ко второй — преимущественно имения, расположенные к востоку от московского меридиана.

Не касаясь состояния дворов владельческих и холопских, из сравнения которых нельзя сделать никакого определенного вывода, можно видеть, что различие падает, главным образом, на крестьянское и бобыльское население. Увеличение жилых дворов и их населения составляет общее явление, свойственное, видимо, всем местностям, но оно особенно ярко сказывается вблизи столицы и на

¹ Здесь сведены данные по тем имениям, данные о хозяйстве, которые подробно рассматриваются в гл. VI.

Агро-владель-ских	Агро-владель-ских, завод-ных и т. п.	Агро-владель-ских кре-стьянских		Населения в них		Агро-владель-ских кре-стьянских		Населения в них		Агро-владель-ских кре-стьянских		Коэффициент увеличения агро-владель-ских кре-стьянских в них		Податное население		Коэффициент увеличения податного населения		Источники
		1620-30	1684-86	1620-30	1684-86	1620-30	1684-86	1620-30	1684-86	1620-30	1684-86	1620-30	1684-86	1620-30	1684-86	1620-30	1684-86	
5 имений Бежецкого уезда, Городецкого стана																		
7	11	32	15	155	1751	158	5797	218	75	227	197	5	15	1	3	3	—	П. к. 24 и 324
7 имений Гороховецкого уезда Купленской волости																		
7	7	9	3	23	32	53	159	17	9	33	35	3	8	1,8	4,4	2,4	—	» 625 и 116
18 имений Дмитровского уезда, Повельского стана																		
11	17	9	18	125	611	243	2813	83	17	166	58	3	7	2	4,5	2,3	—	» 627 и 127
8 имений Зубовского уезда, Шешемского и Ленковского станов																		
4	2	1	2	10	61	22	320	19	58	39	229	4	9	2	5	2,5	—	» 150 и 151
5 имений Клинского уезда																		
1	2	—	—	15	88	56	442	18	14	—	—	3	8	1,8	4,4	2,4	—	» 190 и 191
16 имений Московского уезда, различных станов																		
9	16	15	49	44	141	58	609	26	41	33	174	2,7	7,9	1,3	4	3	—	» 685 и 283

Амвров вад- дальчских	Амвров амв- свух, амвров- вух и т. п.		Амвров кре- стьянских		Населения в них		Амвров бо- дыских		Населения в них		Коэффициент увеличения Амвров крест- ианских и бо- дыских в них	Поварное население		Коэффициент увеличения подварного населения	Источник		
	1620-30	1681-86	1620-30	1681-86	1620-30	1681-86	1620-30	1681-86	1620-30	1681-86							
11 11'4	20	19	166	694	272	2 674	86	32	98	81	3	1,35	3,79	3	—	П. к. 838 и 839	
6 11	0	5	13	30	24	124	11	0	13	0	1,25	3,5	1,5	3,79	3	—	» » 873 и 469
4 5	34	18	114	108	490	208	67	47	75	151	2,3	4	2,3	4	1,7	—	» » 203 и 207
2 3	5	0	32	95	84	349	14	2	25	3	2	3	3,5	1,3	—	—	П. к. 10965, 218219
8 2	1	—	54	338	133	1 076	79	5	145	21	2,6	3,9	2	3,2	1,6	—	П. к. 812 и 350
4 2	—	—	18	61	39	222	11	6	16	12	2,3	4,5	1,9	3,5	1,8	—	П. к. 11329 и 464
9 7	—	—	236	399	369	838	153	98	194	131	1,2	1,7	1,3	1,9	1,46	—	П. к. 550 и 563
87 100	126	131	1 189	4 648	2 620	16 525	802	407	1 073	1 072	2,5	4,8	1,8	3,4	1,9	—	—

Сумма и средние выходы из данных по всем 15 именам:

запад от нее, где опустошения оставили наиболее глубокий след; напротив, коэффициент увеличения в общем значительно слабее на востоке. То, что можно сказать о количестве населения вообще, в той же мере относится к количеству населения, приходящемуся на отдельный двор. Рост подворного населения — факт уже вполне известный и не раз отмеченный в нашей литературе¹: там, где введено было подворное обложение, население стало скучиваться во дворах; для исследуемого Замосковского края это началось в эпоху первой переписи 1646 г. и ярко сказалось при производстве второй в 1677—1678 гг. В местностях к западу от столицы количество подворного населения в 20-х годах менее, нежели далее к востоку. Во второй половине столетия между теми и другими местностями особой разницы нет.

Впрочем, речь о росте жилых дворов населения касается только крестьян. Население бобыльское идет совершенно иным путем. Все данные, какие приведены выше о бобылях, единогласно свидетельствуют о полной остановке в росте этой группы населения, а местами даже и об уменьшении ее. Выходит, что бобыли, быстро увеличившись в начале XVII в., затем обнаруживают в течение всего XVII в. тенденцию обратного характера. Мне кажется, что такое явление не должно возбуждать удивления. Рост бобыльского населения совпал с экономическим упадком, с сильным потрясением, которое пагубно отозвалось на всем строе народного хозяйства. Последовавшее умиротворение должно было, несомненно, повлечь за собой известное улучшение в этом хозяйстве. Разоренное, согнанное с пашни и отвыкшее от нее население стало вновь на нее возвращаться. Бобыли, наиболее неимущий элемент сельского населения, начали постепенно убывать, и одно из последствий экономического кризиса² стало мало-помалу сглаживаться. Уменьшение бобылей в XVII в. явление естественное, стоящее в непосредственной связи с их ростом в XVI в.: и то и другое обуславливается развитием и завершением экономического кризиса, достигшего своего апогея на рубеже этих двух эпох.

Все высказанное доселе основывается на немногочисленных данных, характеризующих немногим более сотни отдельных имений обширного Замосковского края. Вполне понятно, что этих данных недостаточно для того, чтобы по ним судить о движении населения

¹ Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 259.

² Дьяконов (Очерки по истории тяглого населения, стр. 223) высказывает заслуживающее полного доверия предположение, что бобыльское население стало увеличиваться еще во второй половине XVI в. «Ввиду того, что памятники второй половины века гораздо чаще говорят о бобылях, чем памятники первой половины, можно предположить, что и самое явление сделалось более обыденным. Отдельные случаи подтверждают это предположение». Далее следуют примеры, взятые из писцовых книг XVI в.

Лаппо-Данилевский (Отчет о 41-м присуждении премии графа Уварова, стр. 98—104) по иным примерам, чем в настоящей работе, также пришел к выводу, что бобыльское население, возросшее в конце XVI в., стало убывать между 20-ми и 70-ми годами, и в этом расходится с Дьяконовым, утверждающим, что прирост бобылей продолжался.

всего края. Для этой последней можно воспользоваться писцовыми итогами по некоторым уездам за 20-е годы и за 1678 г. Итоги эти помещены в нижеприводимой таблице.

Сравнивая данные итогов нескольких уездов, нетрудно заметить, что получаемые из них средние цифры довольно близко подходят к полученным выше: увеличение дворов — 2,5 и 2,8; увеличение населения в начале века — 1,8 и 1,75; в 1678 г. — 3,4 и 4; коэффициент увеличения подворного населения — 1,9 и 2,3. Наибольшую разницу представляют коэффициенты увеличения населения; однако и здесь, мне кажется, можно сделать предположение, что общий рост тяглого населения в Замосковье между письмом 20-х годов и переписью 1678 г. может быть в среднем выражен числом 5—6, смотря по тому, где расположена данная местность и поскольку она запустела в смутное время. Рост жилых тяглых дворов колеблется в пределах от 1,5 до 3 раз; наконец подворное население в среднем возрастает приблизительно вдвое. Общий рост населения, и именно в указанных сейчас приблизительных размерах, можно, кажется, считать более или менее прочным результатом произведенного исследования.

Чем же объясняется такой сильный рост населения? Значительным естественным приростом или же тем, главным образом, что описания 20-х годов составлялись тогда, когда население еще не возвратилось на свои места, т. е., что описания 20-х годов дают слишком низкую, не отвечающую действительности цифру населения?

Ответ на это можно найти, привлекая к сравнению наряду с данными письма 20-х годов и переписи 1678 г. также и известия 1646 г. Вот несколько примеров такого сравнения.

Уезды	Число дворов крестьян и бобылей			Количество населения в них			Источник
	1620/ 30	1646	1678	1620/ 30	1646	1678	
Боровск	505	1 359	1 904	967	3 601	7 400	П. к. 10326
Коэффициент увеличе- ния	1	2,7	3,8	1	3,7	7,6	пер. к. 440
Волок	144	527	—	269	1 633	—	» » 10324
Коэффициент увеличе- ния	1	3,6	—	1	6	—	П. к. 613
Гороховец	—	1 220	3 552	—	1 322	6 028	пер. к. 74
Коэффициент увеличе- ния	—	1	1,1	—	1	1,7	» » 953
Клин	—	860	1 464	—	2 358	6 088	» » 15410
Коэффициент увеличе- ния	—	1	1,7	—	1	2,1	» » 457
Руза	399	925	—	427	2 721	—	» » 15628
Коэффициент увеличе- ния	1	2,3	—	1	6,3	—	» » 74
Торжок	378	1 219	—	877	3 468	—	П. к. 801
Коэффициент увеличе- ния	1	3,2	—	1	4	—	» » 74

	Число дворов крестьянских и общинских				Увеличение		Подворное население		Увеличение подвор- ного населения	Источник
	1629—1630		1678		Дворов	Насе- дения	Дворов	Насе- дения		
	Дворов	Насе- дения	Дворов	Насе- дения						
1. Боровск	505	967	1 904	7 400	3,7	1,75	1,9	3,9	2	П. к. 10 326 пер. к. 10 324
2. Верей	225	282	770	3 100	3	11	1,2	4	3,3	П. к. 606 пер. к. 11 838
3. Дмитров	1 875	3 339	3 869	14 787	2	4,4	1,7	3,8	2,2	П. к. 877 пер. к. 16 034
4. Звенигород	414	571	1 564	6 666	3,8	11,6	1,3	4,3	3,3	П. к. 638 пер. к. 11 838
5. Зубцов	92	222	907	3 517	10	14,2	2,4	3,9	1,6	П. к. 640 пер. к. 14 184
6. Лух	1 656	3 224	4 041	13 161	2,5	4	2	3,25	1,25	П. к. 680 пер. к. 11 838
7. Старица	316	382	1 126	4 438	1,5	11,6	1,2	3,9	3,25	П. к. 842 пер. к. 15 407
8. Шуя	1 739 ок. 1650 г.	2 839	2 871	10 013	1,6	3,4	1,6 ок. 1650 г.	3,4	2,1	П. к. 11 329 пер. к. 11 324
9. Юрьев	2 220	6 287	8 191	37 821	3,6	6	2,8	4,6	1,6	П. к. 295 пер. к. 12 469
Средние итоги по девяти уездам .	9 042	16 241	25 336	100 903	2,8	6,2	1,75	4	2,3	—

Просматривая данные этой небольшой таблички, нельзя не прийти к мысли, что в меньший по времени промежуток, между описаниями 1620—1630-х гг. и первой переписью, число жилых дворов и населения в них возрастало гораздо быстрее, нежели в 32-летний промежуток между переписями 1646 и 1678 гг. Установив этот факт, хотя бы для немногих, но разбросанных по всем уголкам обширного Замосковского края местностей, и оставляя в стороне вопрос о росте числа дворов, имеющем свою историю, невольно приходишь к убеждению, что описания 20-х годов далеко не зарегистрировали всего наличного состава сельского населения края. Очевидно, в период письма этот прилив далеко еще не закончился: на местах сидели далеко не все сельские жители, было еще, видимо, много таких, которые находились в Поволжье, на юге или укрывались в пределах Замосковского края. В общем следует признать, что коэффициент увеличения населения 5—6, указанный выше, является, может быть, чрезмерным.

Есть еще один вопрос, который невольно приходит в голову, когда исследуется вопрос о движении населения. Оказывали ли на этот процесс влияние такие явления преходящего характера, как войны, эпидемии и т. п.? Относительно первых, которыми, в общем, так богато XVII столетие, можно с уверенностью сказать, что на население Замосковского края, избавленного с 20-х годов от вражеских нашествий, они не оказали никакого влияния. Что же касается эпидемий, то есть признаки, указывающие на происходившее вследствие их понижение населения в отдельных местностях. Так например, известия о запустении селений от моровой поветрия очень часто встречаются в книге Новоторжского уезда 1626 г.¹

Неурожай и эпизоотия тоже могли в иных случаях повести к уменьшению населения: в Углицкой писцовой книге С. Давыдова и подьячего Трофимова 1629—1630 гг. встречаются указания на «животинный падеж» и «недород», как на причину усиленных побегов населения². В Московской переписной книге 1678 г. есть свидетельство, что от моровой язвы, бывшей в 50-х годах, в одной Вохонской области запустели 25 деревень³. Но все это только отрывочные указания. Эпидемические болезни уносили значительное количество населения в том или другом районе, но эта убыль не имела решающего влияния на общее количество населения страны. Вот почему огромные цифры убыли населения от моровой язвы, вроде 800 000, о которых говорит Коллинз, или описания ужасов эпидемии, которые можно найти у Павла Алеппского, должны скорее считаться не отражением действительности, а только отголоском впечатлений пораженного страхом населения⁴.

Разрешив, насколько это было в наших силах, вопрос об общем

¹ П. к. 801.

² Угл. писц. книги (Врем. Демид. лица, тт. 41—46), стр. 165, 235.

³ Пер. к 9812, л. 145 и сл.

⁴ Коллинз, «Русский вестник» 1841 г., № 7, стр. 176, Путешествие Павла Алеппского в пер. Муркоса, кн. V, гл. XV и XVI.

росте населения в исследуемом крае, мы подходим к другому очередному вопросу, еще несравненно более трудному для разрешения, а именно, к вопросу об определении общего количества населения Замосковского края для XVII в. Если уже первая задача, по вышеприведенному авторитетному мнению П. Н. Милюкова, представлялась почти неразрешимой, то еще с большим основанием можно это сказать о той, которая поставлена нами теперь. Поэтому имеющиеся у меня, касающиеся этого вопроса, данные я решаюсь изложить в виде предварительных соображений, нуждающихся в дальнейшей проверке и дополнениях. Точкой отправления для решения поставленного вопроса может единственно служить перепись 1678 г. Книги, содержащие данные этой переписи, сохранились в более полном составе, нежели данные переписей и описаний более раннего времени. Население в это время уже давно осело на своих местах; кроме обычных, присущих всякой переписи допетровской и даже позднейшей эпохи, уклонений и не менее обычных ошибок в итогах, других причин недостоверности в цифровых данных книг 1678 г. нет. Однако и здесь, оставаясь при этом в пределах избранной для исследования территории, приходится отметить несколько пробелов, которые делают невозможным вполне точный подсчет дворов, занесенных в перепись 1678 г.: так например, не сохранились, повидимому, переписные книги по Волоку-Ламскому, Угличу, Торжку, Рузе и некоторым другим городам.

Сложив число крестьянских и бобыльских дворов в тех 30 уездах, по которым данные переписи 1678 г. сохранились, получаем приблизительную круглую цифру около 800 000 душ мужского пола¹.

Относительно тех уездов, по которым книги 1678 г. не сохранились, приходится действовать очень сложным путем, взяв за основание данные описаний 20-х годов. Сюда относятся следующие уезды:

Волоколамский с	269	} душами мужского пола в крестьянских и бобыльских дворах
Рузский »	427	
Новоторжский »	877	
Углицкий »	3 577	
Устюженский »	1 532	
Муромский »	9 612	

Всего 16 294²

¹ Сюда относятся следующие уезды: Боровский, пер. к. 10324; Бежацкий, пер. к. 11440; Верейский, пер. к. 11838; Владимирский, пер. к. 12613 и 12614; Галицкий, пер. к. 7257 и 7258; Гороховецкий, пер. к. 15410; Дмитровский, пер. к. 16054; Звенигородский, пер. к. 11838; Zubцовский, пер. к. 14184; Кашинский, пер. к. 11837; Клинешемский, пер. к. 15408; Клинский, пер. к. 15628; Коломенский, пер. к. 9275; Костромской, пер. к. 10982—10985; Московский, пер. к. 9811, 9812 и 9813; Можайский, пер. к. 10820; Лужский, пер. к. 11838; Переяславский, пер. к. 7651; Пошехонский, пер. к. 12518; Рязевский, пер. к. 12364; Романовский, пер. к. 8302; Ростовский, пер. к. 10754; Серпуховской, пер. к. 10320; Старицкий, пер. к. 15407; Суздальский, пер. к. 11321 и 11331; Тверской, пер. к. 16060 и писц. к. 970; Шуйский, пер. к. 11324; Юрьевецкий, пер. к. 15650; Юрьевский, пер. к. 12469 и Ярославский, пер. к. 7780, 7781, 7791 и 562.

² П. к. 425, 845, 801, 901, 284, 385, 11829. Угя. писц. к. во «Временнике Дем. липец», т. 41—46.

За исключением Муромского уезда, все остальные принадлежат к числу наиболее разоренных местностей, так что, руководясь выясненными выше нормами роста населения, можно приблизительно думать, что население первых 5 уездов возросло к 1678 г. в 5—5½ раз, а население последнего — не более, как в 4 раза. В таком случае для всех 6 уездов получится приблизительная круглая цифра в 70 000 душ мужского пола. В общем сельское население 36 уездов может выразиться цифрой около 870 000 душ мужского пола. Если же воспользоваться очень грубым приемом и считать женское население совершенно равным мужскому, то можно считать, что это население доходило до 1 800 000—1 850 000. Однако эта цифра далеко еще не выражает истинного количества населения, потому что как описания 20-х годов, так и перепись 1678 г. не обнимали земель дворцовых. Количество последних было весьма разнообразно, смотря по отдельным уездам. Особенно много таких земель было в Юрьевецком и Балахнинском уездах, где они занимали большую часть территории¹. В иных местностях, например, в уездах Московском и Суздальском, население дворцовых волостей еще в 1646 г. доходило до нескольких тысяч дворов. Наконец, были и такие уезды, где дворцовых земель было совсем мало, например, Новоторжский, Дмитровский и другие. Главное затруднение в подсчете количества населения дворцовых волостей заключается в недостатке имеющихся в нашем распоряжении данных; книги переписи 1646 г., содержащие обыкновенно известия о дворцовых селах, сохранились в очень неполном составе; еще менее следов осталось от общего, повидимому, описания дворцовых земель, произведенного между 1670 и 1678 гг. Превозмочь это затруднение нельзя, и потому соображения о населении дворцовых земель должны по необходимости принять еще более гипотетический характер.

Котошихин, известия которого относятся к 60-м годам, считает за государем до 30 000 дворов крестьянских, «кроме бобылей»². Можно думать, что к 1678 г. состояние дворцовых земель изменилось не слишком резко: усиленная раздача дворцовых земель, которая в начале XVIII в. привела к значительному уменьшению земельных богатств Большого Дворца, только еще начиналась³; в 1678 г. ее результаты еще не успели сказаться, и потому цифра, сообщаемая Котошихиным, может быть приурочена и к этому времени. Что касается бобылей, то в это время как на дворцовых, так и на частных землях их было уже очень небольшое количество, так что, говоря о дворцовых землях, не составит, мне кажется,

¹ В Балахнинском уезде недворцовыми были до начала века только небольшие, сравнительно, волости Жарская и Стрелицкая на правом берегу Волги; это была настолько незначительная часть уезда, что я не принял ее вовсе в расчет при исследовании количества населения в замосковских уездах, и, таким образом, данные по Балахнинскому уезду отсутствуют в помещенных выше выкладках и соображениях о тяглом населении Замосковья.

² Котошихин, изд. 3-е, стр. 162 (гл. XI).

³ См. об этом ниже в гл. V.

большой ошибки, если ими вовсе пренебречь. Можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что большинство дворцовых земель находилось в старом русском центре — в Замосковном крае. Принимая во внимание все эти соображения, а также среднюю цифру подворного населения в 1678 и 1684—1686 гг., как она выяснилась после исследования, т. е. в размере 3,4—4 душ мужского пола на двор, можно думать, что в исследуемой области в конце 70-х годов дворцовых крестьян было не менее 350 000 душ обоего пола. Далее необходимо прибавить еще к полученным цифрам, по крайней мере, несколько десятков тысяч людей, принадлежавших ко всем категориям холопского населения служилых и монастырских земель и, наконец, служилых людей, которых в Замосковном крае с семьями вместе следует считать не менее 100 000 душ. Складывая вместе отдельные полученные данные, получаем цифру, несколько превышающую 2 000 000 человек, что, по моему мнению, и должно приблизительно выражать общее количество сельского населения Замосковья в последней четверти XVII в.¹

Теперь остается вычислить общую цифру населения в начале исследуемого периода — в эпоху описаний 20-х годов. Пользуясь теми приемами, к каким мы прибегали выше, можно, не будучи слишком осторожным, предположить, что в конце 20-х годов в Замосковье могло быть зарегистрировано на местах от 400 до 500 тысяч душ обоего пола сельского населения всех категорий — крестьян, бобылей и холопов; если же принять во внимание уклонявшихся, беглецов, лиц, временно ушедших со своих мест жительства в эпоху разорения и не успевших еще вернуться, то этого населения было, вероятно, не менее, как от 600 до 700 тысяч. Для полноты и здесь следует еще прибавить несколько десятков тысяч служилых людей и их семейств².

Итак население Замосковского края в течение XVII столетия возросло очень значительно. Общее количество сельского тяглого и нетяглого населения около 1680 г. должно было превышать 2 000 000 человек, — вот результаты, к которым привело нас принятное исследование. Однако, заканчивая его, я должен повторить ту оговорку, которую я сделал выше: данные, которыми приходится пользоваться, недостаточно достоверны; результаты, с их помощью полученные, не могут быть сочтены за твердо обоснованные и строго научные факты; это только предположения, которые

¹ Сравн. с этой цифрой общую цифру всего населения тогдашней России по переписи 1678 г., которая, по вычислениям Милюкова, достигала, приблизительно, 6 500 000 человек обоего пола (Госуд. хоз., стр. 274). Исследуемая местность захватывает прежние Московскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губернии и, кроме того, Гжатский уезд Смоленской, Боровский Калужской, Егорьевский и часть Касимовского Рязанской и Балахнинский и Семеновский Нижегородской губернии; во всех этих местностях по переписи 1897 г. числилось сельского населения в круглой цифре 7 457 000 человек (1-я Всеобщая перепись 1897 г., население империи по уездам на основании местных подсчетных ведомостей. Спб. 1897).

² Милюков, Государственное хозяйство, стр. 45—55. Данные о численности русских военных сил в XVII столетии.

я решился высказать ввиду важности вопроса о движении населения России в допетровское время.

Чтобы осветить этот вопрос со всех сторон, надо на время отвлечься от представления о Замосковном крае, как о чем-то особом и в себе замкнутом. Замосковье было только одною из крупных исторических областей Московского царства, которая своими западными границами подходила довольно близко к государственному рубежу. Между центральными уездами и лежавшими вокруг них областями должен был происходить постоянный обмен населением; наконец, этот обмен был возможен даже и с зарубежными областями. Эти два вопроса нам и предстоит теперь рассмотреть.

II

Размещение населения по отдельным областям Московского царства и его передвижения из одной области в другую становятся хорошо известными начиная с XVI столетия. Сосредоточенное до тех пор, по преимуществу, к северу от Оки, оно с половины века неудержимым потоком двинулось на черноземную новь, так легко и так богато в первое время вознаграждавшую земледельческий труд¹.

Первыми колонистами новых областей бывали обыкновенно вольные выходцы, беглые холопы, ушедшие без «расчета» с землевладельцем крестьяне, посадские и мелкие служилые люди, которым плохо жилось. Вслед за вольной колонизацией надвигалась колонизация правительственная: стоит припомнить систематическую постройку укрепленных городов в Польской Украине и организацию пограничной обороны, как она слагалась по уставу сторожевой и станичной службы 1571 г. Эта колонизация сразу отвлекла на юг некоторую часть оседлого посадского элемента и довольно много служилых людей, призванных защищать границы². Отлив на юг, вызываемый, главным образом, неудовлетворительным социально-экономическим положением тяглых масс в старинных государственных областях и заманчивыми условиями жизни на черноземном юге, свободном первое время от стеснительных отношений к владельцам земли и богатом природными дарами, повел за собой неисчислимый ряд последствий. Уход на юг одних заставлял думать о том же и остававшихся, податное бремя которых несоразмерно росло по мере того, как население убывало. К 80-м годам XVI в., когда экономический кризис старых государственных областей выразился резче всего, население царства, за исклю-

¹ В. О. Ключевский полагает, что «приблизительно с 1540 г. становится заметен отлив населения из центральных областей государства». (Б. Дума, изд. 1-е, стр. 323). Н. А. Розиков относит начало разброда населения к 50-м и 60-м годам: «50-е и 60-е годы XVI столетия — время, когда в населении центральной области начинают обнаруживаться новые явления» (Сельское хозяйство, стр. 300).

² Беляев, О сторожевой и станичной службе. Чт. О. И. и Д. Р. 1846 г. № 4; Беляев, Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, гл. II.

чением северного Поморья, эмиграция из которого незаметна, очень значительно сползло, если можно так сказать, к югу. Это — конечное явление в истории русского населения XVI в.

Влияние кризиса начала века на население страны ярко выразилось в еще большем разброде его, в исчезновении множества старинных населенных пунктов и в тяготении всех бродячих или временно ставших бродячим элементом к окраинам Северской, Польской и к низовым городам. Обращаясь к тесным пределам исследуемого края, напомним о том, что уже отмечено выше: население Замосковья, помимо той его части, которая укрывалась в городах или пряталась в лесах и пустошах, уходило по тем же излюбленным направлениям, по тем же издавна проторенным дорогам, которые вели на юг и в Поволжье. Можно было бы аргументировать, что и в дальнейшем отлив населения на юг не остановился. Он и не мог остановиться: свободного места на юге было еще достаточно на многие годы, а кроме того, с постепенным отдалением государственных границ на юг упрочивалась внешняя безопасность черноземных областей. Колонизация южных областей в XVII в. происходила в еще более широких рамках и размерах, нежели в XVI в. Впереди, как и ранее, конечно, шла вольная колонизация. К сожалению, для характеристики ее, по словам исследователя этого вопроса, «мы вовсе не имеем никаких данных... Все то, что не было регламентировано и санкционировано правительством, естественно, и не попало в официальные столбцы и книги»¹. Однако следы ее довольно ясно заметны в отдельных известиях, в названиях селений и т. д. Наконец, в течение всей интересующей нас эпохи постоянной обетованной землей русской вольницы был Дон, куда стекались широкою волною все, кому плохо жилось в Московском государстве. Как и ранее, за вольницей шло само государство. В 1624 г. происходит реорганизация сторожевой и станичной службы; с 1636 г. начинается планомерная постройка городов-крепостей по Белгородской и Симбирской чертам², благодаря которой была воздвигнута укрепленная стена между новыми, теперь уже ставшими внутренними областями страны и «диким полем», не защищенным от набегов татар. К концу XVII в. граница царства, за сто лет до того проходившая по линии Казань — Путивль, далеко продвинулась на юг, захватив весь юг нынешней Московской области, области Воронежскую, Курскую и Харьковскую и правобережную часть Куйбышевского края, а на восток зайдя довольно далеко за Каму. Элементами правительственной колонизации были преимущественно посадские «сведенцы» в городах и служилые люди, большей частью «новоприборные», очень многочисленные, помещавшиеся целыми селениями и до-

¹ Багалей, Очерки, стр. 368.

² Там же, стр. 53, 103; Белые, О сторожевой и станичной службе. Чт. О. И. и Д. Р. 1846 г., № 4; интересный проект постройки Белгородской черты и финансовую смету к нему см. Багалей, Материалы для истории колонизации и быта степной окраины, II, № 2.

вольню мало похожие на своих собратьев более северных областей. Вместе с правительственной колонизацией шла колонизация частновладельческая. Наряду с испомещением служилого люда, необходимого для защиты границы, участки свободных земель никем еще не занятого «дикого поля» раздавались в вотчины крупным представителям служилого класса, думным чинам, иногда также монастырям, епископским кафедрам и т. п.¹ Получая незаселенную землю, владелец приступал к ее эксплуатации, и первым шагом здесь было заселение ее холопами и тяглым элементом, призываемым или же, что наблюдалось гораздо чаще, переводимым из других населенных имений того же владельца. Исследование хозяйственной истории пяти южных уездов Московского государства — Белгородского, Оскольского, Воронежского, Валуйского и Путивльского, сделанное Миклашевским, дает много ярких примеров быстрого роста населения в этих окраинных местностях царства. Берем несколько на выдержку. «В промежуток времени между 1615 и 1629 гг. приток населения в Воронежский уезд был довольно значителен. Это видно из того обстоятельства, что многие поселения, названные в писцовой книге 1615 г. починками и деревнями, превратились в села — поселения всегда более обширных размеров, имеющие и церковь. Число поселений в станах Белгородского уезда за период между описанием 20-х годов и переписью 1678 г. весьма значительно возрастало. Это видно из следующей таблички:

В стану	Число поселений		
	в 1626 г.	в 1646 г.	в 1678 г.
Сажном	5	15	29
Разумницком	8	9	16
Коренском	10	11	18

Число помещиков по тем же станам выражается следующими цифрами:

Стан	1640 г.	1678 г.
Сажный	126	586
Разумницкий	56	324
Коренский	97	402

Но ярче всего цифры городского населения: в 14 городах — Белгороде, Короче, Яблонеце, Новом Осколе, Верхососенске, Усерде, Ольшанске, Острогоске, Болховском, Карпове, Обояни, Хотмыжске, Вольном и Олешне было уже в 1677—1678 гг. 7970 дворов, а в 1686 г. их оказалось уже 13 386»².

Не менее сильным было колонизационное движение в Поволжье. Шаг за шагом в течение всего XVII столетия русское население

¹ Примеры такой раздачи см. Дубасов, Из истории инородческого и русского землевладения в Тамбовском крае. (Очерки из истории Тамбовского края, вып. VI, стр. 112—127. Тамбов 1897.) Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, стр. 130, 132—137.

² Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, стр. 117, 201, 202, 209, 210.

с вольничей в авангарде и с правительственной и частновладельческой колонизацией вслед продвигалось вниз по Волге, занимая и распахивая новые земли, заселяя вновь построенные города¹.

Откуда же шли вольные и невольные переселенцы в южную окраину Московского государства? Старинные области правобережья Оки были слишком незначительны по общему своему протяжению и не могли быть единственным источником колонизационного движения XVII в. в Польскую и Северскую Украины. То же можно сказать о Рязанской земле для соседних пограничных со степью местностей; то же, наконец, приходится повторить и о старых русских областях, ближайших к среднему Поволжью — Балахнинском, Юрьевецком, Муромском и Гороховецком уездах, с одной стороны, и Вятском крае, с другой. Колонизационный поток был настолько велик, что должен был питаться всеми старинными государственными областями и прежде всего огромным по занимаемой им территории центральным Замосковным краем. Пересмотр имеющихся в нашем распоряжении известий дает много доказательств в пользу высказанного мнения.

Рассмотрим эти известия в той же последовательности, как ранее, коснувшись по очереди элементов колонизации вольной, правительственной и частновладельческой. В центральных областях государства мог быть только один источник вольной колонизации — это «беглые». Выше я уже имел случай указать, что все описания Замосковья в XVII в. постоянно говорят о беглых крестьянах, бобылях, деловых людях и других элементах холопского населения, сообщая иногда и о причинах, которые приводили к побегам — неурожае, падеже скота, бедности и т. п. Вместе с этим мне пришлось отметить и тот факт, что крайне трудно, вернее почти совсем невозможно, сделать сколько-нибудь правильный учет побегов тяглых людей. В более благоприятном положении стоит дело, если поставить вопрос, куда уходили беглые. Конечно, известное количество беглых задерживалось здесь же на месте. Несмотря на непрерывное усиление крепостной зависимости в изучаемую эпоху, несмотря на старания правительства затруднить переход крестьян без расчета, а тем более своз их случаи подобного рода наблюдаются вплоть до эпохи преобразований и, конечно, всегда почти с одной определенной окраской: происходит своз и самовольный переход крестьян от мелких помещиков и вотчинников к крупным светским и духовным землевладельцам. Однако гораздо более распространенными побегам были побеги за пределы интересующего нас края. Куда уходили беглецы, отлично знали их владельцы, часто пытавшиеся разыскивать их за Окой, в южных областях государства. В феврале 1614 г. жилец Петр Кондырев бил челом об отпуске для поимки трех своих людей,

¹ *Перетяткович*, Поволжье в XVII веке. В этой работе, представляющей единственное специальное исследование экономической истории Поволжья в интересующую нас эпоху, можно найти множество примеров, иллюстрирующих рост русского населения в Поволжье.

бежавших от брата его Ивана «в Ногаи» с дороги на службу, «поймав лошади и денжонка, и нонече живут в Тульском уезде перебегаючи». Кондыреву был дан отпуск в три недели¹. Там же на юге и в Поволжье продолжали укрываться беглые и в конце столетия. До нас дошла наказная память, данная помещиком Иваном Мещериновым своему человеку Григорию Степанову о розыске беглых его крестьян в 1688 г. Ввиду большого интереса этой памяти будет не лишним поподробнее познакомиться с ее содержанием. «Лета 7197, декабря в 26 день, память человеку моему Григорию Степанову с товарищи. Ехать ему в Ростовский уезд в Олексееву деревню Скарятина, а из Олексеевы деревни ехать ему с Олексеевым же человеком в село Никольское часу не мешкав. А в селе Никольском взять с собою трех человек крестьян, Ивашка Алексеева, Ивашка Трофимова да Ефимка Старостина, на моей лошади, из Сидоровских кобыл выбрать которая лучше, а ему Григорию дать другую лошадь. И ехать им в Галицкую мою вотчину в деревню Бухарино с деревнями и, приехав бы ему в те деревни, больше двух ден не мешкать и послать точас старосту прошлогоднего, что ныне был в работниках в Рыбинске, Артюшку, по князь Юрьева крестьянина княж Федорова сына Щербатова, по Першку... Да для опазныванія крестьян ему из Галицкие вотчины крестьянина два, которые ездили с Алексеем Ивановичем в Казань, взять ему из Галицкие вотчины на Алатырь. И крестьян Ивашка Алексеева да Ивашка Трофимова оставить на Алатыре на постоялом дворе и с лошады, и проведать вотчину боярина Петра Ивановича Матюшкина и послать их обоих Ростовских крестьян будто милостыни просать в ту Петрову вотчину и приказать им накрепко, чтобы Аристка с детьми и Попова брата Корнилка проведали и в которой деревне и в дворах они живут, и проведав бы, один ехал домой с лошады, а другой бы шел на Алатырь... на тот же постоянный двор. И на Алатыре дождался его Григория да и прошлых моих беглых крестьян Ростовских проведывал же, живучи на Алатыре. И приехав ему Григорию с Алатыря в Саранск... и в тех деревнях ему тех беглых крестьян изловить и отвести их в Саранск, а животы их и лошади и всякую скотину и хлеб вели... переписывать и оставить у хлеба и у животины на дворе бабы по две, чтобы животину кормили. И про Демку и про детей его Алексеева крестьянина Скарятина Кузки спрашивать накрепко и пытать, чтобы его сыскать же. И как воевода тех беглых крестьян отдаст, и из них человека 4 бить челом воеводе, чтобы велел в тюрьму посадить, покамест жен их перевезут. И жен их и детей и лошади, все, что у них есть, прислать в Никольское с Алексеевым человеком Скарятин и с Ефимкою Старостиным. А в Никольском до указу велеть тех женок и детей их беречь накрепко, а Алексеева человека Скарятин из Никольского послать... и у тех беглых крестьян... и овцы и свиньи и куры продать, почему цена подымет, и деньги привести

¹ С. о. б. Разр. прик. Моск. ст. № 6, П, л. 143.

с собою. А буде те дети боярские тех моих беглых крестьян попрежнему ухоронят, и ему бить челом воеводе, чтоб велеть их взять в город, и подать в то время грамота великих государей об высылке к Москве тех детей боярских, чтоб их дать на поруки с записью, к ответу выслать к Москве, и у воеводы о той высылке взять к Москве отписку против грамоты Великих Государей, и ту отписку прислать к Москве с тем же Алексеевым человеком, а самому ему ехать с Мишкой с товарищи в Казань и подать воеводе великих государей проезжая грамота, и от меня советная грамотка, и против Алексеевых челобитен бить челом воеводе, чтоб дал приставов, и против челобитья Алексеева тех моих беглых крестьян поймать, да и крестьян сколько их поймав всех, что сказывал князя Юрия крестьянин Щербатого... и которые женки привезены будут, и ты их из Никольского привези к Москве... О том постарайся, чтоб всех мужиков сыскать против росписи и сверх росписи, где про иных мужиков скажут, и тебе бы их сыскать. А если ты мужиков сыщешь, и тебе за то быть пожалованным. И будучи тебе у моего дела, не пить и не бражничать и об моем деле радеть не оплошно. Да ему же едучи с Алатыря в Казань, захватить в Кузмодемьянск к Михаилу Григорьевичу от меня подать советная грамота и которые кабалы на Кузмодемьянск и на Кузмодемьянскую черемису и те кабалы батьку все подать и о том с ним помыслить, мочно ли мне по тем кабалам денег хотя половину... И из тех крестьян, про которых он Кузьма скажет, дать ему женку да девку... Да тебе же велено взять в Никольском на расходы 2 рубля, да в Галиче 5 рублей»¹.

Приведенный документ, знакомящий с организацией сыска беглых в конце XVII в., рисует очень яркую бытовую картину. При виде того, как несомненно богатые, но во всяком случае не в первом ряду тогдашнего русского дворянства стоявшие ростовские и галицкие землевладельцы, Скарятин и Мещеринов, разыскивали беглых в среднем Поволжье и в местностях, лежавших вдоль Симбирской укрепленной черты, убеждаешься, что подобные розыски были, вероятно, явлением весьма обычным. Поиск был прекрасно организован, видимо, сыщики были специалистами своего дела; наконец, есть намеки на то, что в пограничных областях существовала своего рода агентура по сыску беглых, получавшая в вознаграждение комиссионные в виде женок и девок из числа разысканных беглых. Такая организация дела не могла явиться вдруг, при незначительном количестве побегов. По тому, как дело представляется по наказной памяти Мещеринова, можно думать, что беглецов из центральных уездов на юг было очень много; побег отсюда были никогда не прекращавшимся источником отлива тяглого населения из пределов Замосковского края, и отлив этот не вознаграждался никаким обратным течением.

¹ Чт. О. И. и Д. Р. 1869 г., № 4, Акты, собранные Семецким, № 69.

Правительственная колонизация южных областей выводила из старого русского центра, главным образом, элементы служилый и посадский. Так как последний шел из городов, изучение которых не входит в предмет настоящего исследования, то говорить приходится только о служилом люде. Изучая состав служилых людей в южных пограничных городах, можно видеть, что служилые люди вновь строившихся и наиболее окраинных городов перевозились туда на жительство или переходили сами не из внутренних областей, а из тех же пограничных местностей, чаще всего из городов, расположенных в ближайшем соседстве¹. Это вполне понятно: в крепостях, предназначенных для защиты границы государства, были необходимы, по возможности, опытные, привычные к военным действиям люди, какими не могли стать дети боярские давно замиреного Замосковского края или другой северной области царства. Отсюда можно думать, что перевод служилых людей из Замосковья на юг по инициативе правительства мог происходить только в первое время после оживления русской колонизационной политики на юге, т. е. в конце XVI столетия и, может быть, в начале XVII столетия, когда на руках у правительства осталось много разоренных, беспоместных и пустопоместных детей боярских, из которых было проще и удобнее всего создавать вводимые в XVII столетии войска иноземного строя. Во всю изучаемую эпоху отлив служилого элемента из Замосковского края не мог быть особенно заметным и, надо думать, почти вознаграждался переходом дворян из Украины, Новгородского края и других областей страны в ее центральные уезды.

Развитие частновладельческой колонизации стоит в тесной связи с ростом помещичьей власти над крестьянским населением. Чем теснее становилась зависимость последних от владельцев, тем яснее обрисовывался тот характер частновладельческой колонизации, который остался присущим ей до XIX в.: характер принудительного переселения холопов, крестьян и бобылей из одного имения в другое по усмотрению владельца. С такими чертами выступает колонизационная деятельность частных владельцев уже и в изучаемую эпоху. Данные, какими мы располагаем в этом вопросе относительно Замосковского края и ближайших к нему местностей юга, позволяют составить довольно ясное представление, в каких именно направлениях перемещалось тяглое население по воле землевладельцев.

Данные эти почерпаются из переписных книг 1646 г., но особенно ими богаты переписные 1678 г. и писцовые 80-х годов. Приведем несколько примеров. В сельце Долгом Поле Переяслав-

¹ Багалей, Очерки из истории колонизации и быта степной Украины, стр. 231: служилое поселение города Нежегольска составилось из обитателей Белгорода, Болхова, Карпова и Корочи; в Колонтаеве поселились 86 человек из Вольного, Хотмыжска, Карпова, Обояни. Миклашевский, К истории хозяйственного быта, стр. 152-163: заселение городов Карпова переселенцами из Курска, Орла, Одоева и др. и Нового Оскола переселенцами из Ельца.

ского уезда, Новосельского стана, вотчине А. П. Парфеньева, в 1685 г. отмечен деловой человек, переведенный из Пошехонского уезда, и крестьянин, переведенный отсюда в подмосковную вотчину того же владельца. В вотчине В. Сназина, сельце Покровском, деловые люди, живущие в вотчинниковом дворе, перевезены из Вологодского уезда¹. В других поместьях и вотчинах светских лиц, описанных в той же книге, упоминаются крестьяне, перевезенные из Романовского, Белозерского и Ярославского уездов. Бобыли домовых вотчин святейшего патриарха, Белозерского уезда, были в 70-х годах поселены в патриаршей деревне Сухарево Манатына стана Московского уезда². В поместье Кайсаровых в стане Радонеже и Белях того же уезда среди деловых людей в 1685 г. были крестьянские дети из Клинского поместья и из Галицкой вотчины³. В селе Братцове Горетова стана писцы отметили в том же году двор выжлятника, переведенного из Галицкой вотчины боярина Б. М. Хитрово, которому принадлежало Братцово⁴. Старинная подмосковная вотчина Акинфых, село Сергиево-Комягино, Бохова стана, до 1646 г. лежавшая в пусте, была заселена позднее крестьянами, переведенными из Акинфыхских вотчин Юрьевского, Костромского и Вологодского уездов⁵. В Бежецкой книге 80-х годов находим примеры перевода в этот уезд крестьян из Вологодского уезда⁶; в переписной Вере́йской 1678 г. — примеры перевода из Галицкого⁷. Следы принудительного переселения из Вологодского и Кинешемского уездов встречаем и в Дмитривской писцовой 1684—1686 гг.⁸. Число примеров можно было бы увеличить по желанию.

Как и при каких условиях происходили переселения крестьян землевладельцами, можно видеть из переписки кн. Н. И. Одоевского с его Галицкою вотчиною: «в нынешнем в 158 году били мне челом Покровские крестьяне... на (прикащика) на Офонася Челюсткина да на старост да на выборных крестьян... а в челобитной их написано: в нынешнем во 158 году по моему указу велено им выбрать их братья крестьян пятнадцать семей из малых долей, семьянистых, прожиточных, у которых сына по два или по три, в подмосковную мою вотчину. И по моему указу Афонасей Челюсткин да староста и выборные крестьяне из их братии крестьян имени написали 15 семей... и выбрав именную роспись перед всеми крестьяны на сходе прочитали и за приставов подавали, который из которой деревни выбран, соседям тем же из тех крестьян... А Офонасей Челюсткин и старосты и выборные крестьяне

¹ П. к. 350, лл. 17—18, 19—20.

² Пер. к. 9312, л. 145 и сл.

³ П. к. 275, л. 298.

⁴ П. к. 283, л. 13.

⁵ Чт. Об. Ист. и Др. Р. 1886, № 3, стр. 118.

⁶ П. к. 324, л. 272.

⁷ Пер. кн. 11838, л. 674.

⁸ П. к. 127, лл. 8, 17 и в других местах.

для своей корысти переменяли 6 семей... а они (назначенные вновь) людишка скудные... А которые крестьяне написаны были в первом выборе и те крестьяне семьянистые, и их де для своей корысти написали»¹.

Сопоставляя приведенные примеры, можно определить постоянное направление, в котором совершались переселения: они шли неизменно из более северных областей в более южные. То обстоятельство, что переселения в подмосковные вотчины совершались, может быть, несколько непропорционально часто, не нарушает общей картины: и в подмосковные переселялись, главным образом, с севера.

С другой стороны, немало можно найти примеров выселения владельцами крепостного населения за пределы Замосковского края; и эти переселения идут опять-таки в том же направлении — на юг и юго-восток, в Украину и Поволжье. В Гороховецкой писцовой книге 1685 г. встречаются указания на переселения задворных людей в Курмышский уезд и крестьян — в Арзамасский и Епифанский². Из Коломенского уезда около того же времени деловые и задворные люди переводятся в Епифанский уезд на «дикое поле»³. В московских книгах конца века встречаются указания на перевод в Чернский уезд⁴.

Все приводимые примеры оставались бы, однако, недоказательными и односторонними, если бы нельзя было ответить на вопрос о том, наблюдались ли или нет факты переселения крестьян владельцами в обратном направлении, т. е. с юга на север. Чтобы ответить на этот вопрос, я привожу все немногочисленные примеры случаев, когда мне удалось наблюдать такого рода переселение. Среди тяглого населения подмосковного Горетова стана встречаются в 1685 г. в двух случаях переселенцы из Нижегородского уезда⁵. В Дмитровском уезде, в вотчинах И. П. Коротнева и кн. И. В. Сонцова-Засекина (сельцо Тимоново и сельцо Старое Повельского стана) находились в 1684—1686 гг. деловые люди, переведенные владельцами из Рязьска и Рязани⁶. Наконец, в Верейском уезде по переписной 1678 г. можно заметить один случай перевода бобыля из Рязанского уезда и два случая перевода деловых людей из Рязанского и Нижегородского уездов⁷. Я не думаю, чтобы возможно было значительно увеличить только что сделанный краткий перечень.

¹ Арсеньев, Ближний боярин кн. Н. И. Одоевский, стр. 49. (Чт. О. И. п Др. Р. 1903, № 1 и отдельно.)

² П. к. 116.

³ П. к. 207, лл. 259, 269; много примеров аналогичного характера в переписной 1678, пер. к. 9275.

⁴ П. к. 285, л. 72: в дер. Оносьине дв. пуст бобыля Ивашки Офонасьева сына прозвище Козыря, а он Ивашка переведен в Чернскую вотчину, в село Новоселки.

⁵ П. к. 283 и сл.: крестьяне из с. Покровского и деловые из с. Сябиной переселены в вотчину боярина Б. М. Хитрово, с. Братцово.

⁶ П. к. 127, лл. 170—171, 188—189.

⁷ Пер. кн. 11838, лл. 651, 674, 677.

Подводя итоги всему, что сказано о колонизационной деятельности частных владельцев, как она проявлялась в исследуемом крае, можно без труда прийти к выводу, что переселения холопов и тяглых людей, предпринимавшиеся частными людьми под влиянием хозяйственных соображений, приводили в конце концов к перемещению населения в том самом направлении, в каком оно происходило вследствие вольного колонизационного стремления народа: оно все так же неудержимо сползало с севера на юг. Между эпохой, когда тяга русского народа на юг впервые сделалась заметной, и началом эпохи преобразований прошло 150 лет; изменилась государственная граница, переменилось многое в социальных и экономических условиях жизни русских людей, но стремление из старинных государственных областей к плодородному и богатому черноземному югу осталось неизменным: только там, где первоначально проявлялась одна свободная инициатива народа, позднее, наряду с ней, окрепла и развилась колонизаторская деятельность крепостных владельцев, которая стала отвлекать из Замосковья не менее, если не более, людей, чем вольный колонизационный поток в годы своего наибольшего развития.

Известия об обмене населения между Замосковным краем и другими соседившими с ним областями Московского царства, например, западными уездами, Новгородским краем, севером, отрывочны и случайны. Можно определенно сказать, что никаких систематических наблюдений здесь сделать нельзя и во всяком случае невозможно ничего сопоставить с тем непрерывным, хотя и односторонним и наносившим ущерб исследуемому краю обменом населения, какой до конца XVII в. существовал между центральными и южными областями Московского царства.

Исключив из изучения городскую жизнь Замосковья, я сделал бы, однако, свое изложение слишком неполным, если бы вовсе обошел вопрос об обмене населения между городом и деревней. Представляя ниже несколько соображений, освещающих взаимные отношения города и деревни, я должен прежде всего оговориться, что находящиеся в моем распоряжении данные далеко не достаточны для того, чтобы по ним сделать какие-либо окончательные выводы. Выше было уже замечено, что сельское население иногда находило себе убежище в городах, как это было например в Боровске¹. Хорошо известно, как правительство стремилось разобщить сельское население от посадского и запретить сельским тяглецам заниматься торговлей и промыслами в городах. Не показывает ли это, что, как ни мало развита была городская жизнь в Московской Руси, однако известное стремление из деревни в город все-таки существовало? Можно думать, что, несмотря на драконовские меры, которыми правительство старалось помешать переходу из деревни в город, всегда были счастливы, которым удавалось менять сельское тягло на более легкое, сравнительно, городское.

¹ П. к. 10326, л. 408.

Коломенские переписчики 1678 г., описывая город, зарегистрировали совершенно особую категорию жителей посада: «На Коломне ж приплыи люди, которые живут на Коломне на посадских старинных дворах, поженились на старинных посадских вдовах и на девах и какого чину те люди и из которых мест приплыи и сколь давно они на Коломне живут и они допрашиваны». Оказалось, что в большей части из 29 дворов этой категории жили посадские люди, вышедшие из других городов; в некоторых же дворах обитали переселившиеся в город сельские тяглецы. Как совершилось это переселение, можно судить по следующим примерам: «Оска Фатеев Комаров, государева дворцового села Дединова крестьянин, а спол он из того села Дединова на Коломну от скудости, а живет на Коломне лет 6 на посадской земле в тягле. Федка Захаров... родился... в Московском уезде в государевом селе Мячкове и пришел на Коломну и женился во двор на вдове посадского человека Сапожникова тому 20 лет. Савка Андреев... родился он в Коломенском уезде в государевой дворцовой волости, в деревне Марковой, и после отца своего и матери остался в малых летех и бродил на Коломне по миру, кормился христовым именем и женился на Коломне во двор. Сидорка Афанасьев, родился он в Муромском уезде, в вотчине Спасова монастыря, в деревне Спасской, а после отца остался в малых летех и кормился христовым именем на Коломне лет с пять» и т. д.¹

Как ни была слаба тяга в города, тем не менее она существовала. Малоразвитый русский город все-таки привлекал к себе некоторое количество сельского населения, причем весьма вероятно, что фактически сильнее всего был прилив сельского населения к столице — Москве.

Как бы то ни было, но в общем обмен сельского населения Замосковья с соседними областями оказывался не в его пользу; Замосковье непрерывно уделало людей на южные окраины. Невыгода такого обмена усиливалась до известной степени отливом сельского населения в города, правда, небольшим, но существованию которого отрицать, однако, нельзя. Возвращаясь к вопросу о росте сельского населения исследуемой области в XVII столетии, приходится заметить, что на самом деле этот рост был несколько сильнее, нежели это видно из сравнения данных писцовых и переписных книг за 20-е и 70—80-е годы, так как это сравнение не дает возможности зарегистрировать той части населения, которая по выясненным выше причинам постоянно убывала.

III

Если изучение обмена населения между Замосковным краем и соседними областями государства заставило притти к выводу, что этот обмен являлся безусловно невыгодным для интересующей нас

¹ Переп. к. 9275, лл. 61—71.

области, то, с другой стороны, следует отметить и некоторые процессы обратного характера. Теряя население, уходившее в южные области государства, Замосковье в то же время получало некоторый приток людей, шедший не из внутренних областей, а из-за государственного рубежа, и притом не из одного какого-нибудь места, а с самых различных сторон. Постараемся определить качественную, а по возможности, и количественную сторону этого притока.

Прежде всего и ранее всего становится заметен переход из-за литовского рубежа. Переход был двоякого рода: вольный и невольный, последний чаще всего вследствие взятия в плен. Попадали в Московское государство и мелкая шляхта и крестьяне. Крупных лиц, единичные случаи выезда которых на «государево имя» окружались в Москве особой торжественностью, я совершенно исключаю из своего обзора. Несмотря на то, что, в общем, отношения Московского и Литовско-Польского государства клонились в первой четверти XVII в. исключительно почти в пользу последнего, что хозяйничала не Москва в Литве, а Литва в Москве и уводом русских пленников довершалось и без того сильное опустошение страны, от войны все-таки в Московском царстве осталось некоторое наследство в виде пленных белоруссов, литвинов, поляков и даже западно-европейских авантюристов, так что, например, в подмосковном Горетовом стане, в вотчине А. Полева можно было в 1624—1625 гг. встретить бобыля Юшку Савостьянова «можарские земли полояника»¹. Невольные жители страны, сосланные полоняники попадались и не в одном Замосковье; они встречались на самых отдаленных окраинах: так например, с 1614 по 1624 г. в числе первых колонистов Сибири было отправлено более 300 человек иностранцев, преимущественно литовских и польских подданных, но в числе которых попадались также и «Сава фрянууженин», «немец Анца Локман» и «немецкий поп Матюшка»².

Тотчас же за Деулинским перемирием начался и добровольный переход из-за рубежа в московские владения. Конечно, не в один Замосковский край направлялись эти переходы. Прежде всего стали переходить и водворяться во внутренних областях государства служилые люди уездов, отошедших теперь к Литве, исчислявшиеся десятками и даже сотнями: так например, Смолене были испомещены в Белозерском уезде³, служилые люди Стародубцы и Рославцы — в Понизовых городах⁴, жители Новгород-Северского уезда — в Рыльском уезде⁵. Очень понятно, почему для испомещения этих довольно многочисленных выходцев были избраны

¹ П. к. 685, л. 149.

² Буцинский, Заселение Сибири и быт ее первых насельников, стр. 200, 201; см. также указания на поселение пленных в это время у *Петрайтювича*, Поволжье, изд. Сторожевым, стр. 43, 44, № 22а, 23 и прил. № 7.

³ Столб. Разр. прик. Моск. стола, № 68, II, л. 12: Указ. книга Пом. приказа, изд. Сторожевым, стр. 43, 44, № 22а, 23 и прил. № 7.

⁴ Столб. Разр. прик. Моск. стола, № 11, лл. 246—248, № 12, лл. 152—160, № 13, лл. 170—172, 208.

⁵ Акты Моск. гос., 1, № 294.

отдаленные местности государства; в большинстве случаев эти пограничные дворяне, в особенности северские, были беспокойным элементом, который мог быть полезным только где-нибудь на окраине. О поселении же их в центральных местностях не могло быть и речи, так как здесь в служилом люде не было большого недостатка даже в эпоху самого большого разорения. Далее, в единичных случаях наблюдается переход из-за рубежа представителей литовской шляхты. Причинами подобных выходов были большей частью обстоятельства личного свойства — необходимость скрыться, искаание выгоды и т. п.¹ Выходцы из служилых людей государства, отношения с которым далеко еще нельзя было считать сердечными, естественно, возбуждали в Москве известное подозрение; вот почему правительство и их, по возможности, отправляло подальше, преимущественно на восточные окраины страны². Таким образом на долю интересующего нас края могли приходиться из выходцев только крестьяне. Можайский уезд был в первой половине XVII в. отделен от Литвы только одним уездом Вяземским; очень понятно, что вследствие такой близости границы зарубежные крестьяне могли проникать и в Замосковные уезды; так например, в марте 1623 г. из Серпейского уезда, до 1635 г. бывшего за Литвой, вышли в Московские пределы 34 крестьянина с женами и детьми «и тех переходящих мужиков по государеву указу» велено поселить «в государевых дворцовых волостях в Замосковных городех где пригоже», но подальше от границ, «а близко рубежа для ссоры однолично не жить»³. Нужно, конечно, заметить, что подобные переходы крестьян из Литвы в московские владения уравнивались, вероятно, побегам крепостных из пограничных местностей в Литву — явление отнюдь не редкое в изучаемую эпоху.

Приток людей в Московское государство с территории великого княжества Литовского, точнее из Белоруссии, значительно оживился и усилился в эпоху войн царя Алексея, т. е. в 50-х и 60-х годах. Как и прежде, этот приток обнимал собою и шляхту и тяглое население и был частью добровольным переселением, частью невольным водворением пленных в новой и нередко чуждой им стране.

¹ Вот характерный случай перехода в Московское государство представителей шляхты в эту эпоху: «В нынешнем 129 году июля в 3 день прислана из Масальску девка литовка Федосьица, Якова дочь Броденского шляхтича, а вышла из Серпейска, а в Серпейск приехала из Виленского повету от отца и от матери с капитаном с Матяшем и с его женою, а подговорили ее с собою 128 года в оспожино говейно, что они были с отцом ее в сусетстве. И в Масальску воевода Елишь Хитрой принял ее к себе во двор по челобитью и ее крестил в Колуге... А выходного государева жалованья дано ей 5 рублей и сукуно доброе, и выдан ее замуж указано ее сослать в Казань на житье. А жених ее, о котором бьет челом, гайдуцкой хорунжей Войтех Страдницкий, приехал к государю из Серпейска в нынешнем 129 г. апреля в 6 день и ему дано государева жалованья выходного 6 рублей да сукуно доброе и отослан в Панский приказ, а из Панского приказа крещен, а во крещение имя ему Митрофан и для крещения дано ему 3 рубля да сукуно доброе». Столб. Разр. прик. Моск. стола № 13, л. 465.

² Столб. Разр. прик. Моск. стола № 15, лл. 193, 194, 199.

³ А. М. Ю. Столб. Разр. прик. Моск. стола № 15, лл. 193, 194, 199.

Добровольно выходившая шляхта, так же как и в первую половину столетия, не водворялась в центральных областях страны: как и ранее, она направлялась преимущественно в Поволжье, где самым крупным фактом, сюда относящимся, следует считать исполнение Полоцкой шляхты по рекам Утке и Майне¹.

Что касается забираемых в плен офицеров и солдат польско-литовского войска, принадлежавших к свободным сословиям, т. е. в огромном большинстве случаев к той же шляхте, то о судьбе этих людей может дать ясное представление роспись пленных за 1653—1655 гг. которую я, несмотря на внушительные ее размеры, решаюсь привести полностью.

«Роспись литовским людям, кто где взят в языцех и сколько из них крещены и сколько к Москве и в города посланы прошлого 162 году и нынешнего 163 году.

Июня в 13 день и в 14 день привели вольные люди Ивашка Добрынин с товарищи 7 человек, и из них 2 человека крещены, 4 человека посланы к Москве из Дорогобужа с приставом с Васьюкою Бочарниковым, 1 человек с женою за болезнью к Москве не послан.

Июня в 18 день прислал стольник и воевода князь Федор Одоевский из под Красного 36 человек, и из них 1 человек крещен, 6 человек посланы из Дорогобужа в Вязьму с приставом с Васьюкою Бочарниковым, а из Вязьмы велено их сослать к Москве, а на Москве велено их крестить и послать в Казань на службу. 30 человек белорусов смолян оставлены в Дорогобуже, а велено их привести к вере и взять по них поручные записи, что им жити в деревнях на старых своих жеребьях.

Июня в 23 день и в 27 и в 28 день прислали бояре и воеводы князь Никита Иванович Одоевской с товарищи взятых под Смоленском и в иных местах 26 человек, и те люди да разных присылок 5 человек посланы в Казань с астраханцом с Осипом Давыдовым, а в Казани велено их написать на службу в разные чины. 14 человек разных присылок посланы в Астрахань с Осипом же Давыдовым, а в Астрахани велено им быть в стрелецкой службе.

Июля в 14 и в 20 день прислали бояре и воеводы князь Яков Куденетович Черкасской с товарищи из под Орши 6 человек, и те люди посланы на Терек с угличенином с Иваном Пермским, велено им быть в стрелецкой службе.

Того ж числа прислали бояре и воеводы князь Алексей Никитич Трубечкой с товарищи из Мстиславля 10 человек, и из них 7 человек посланы к Москве с конюхом с Котломаном Алферьевым, а на Москве велено их отдать стольнику Ивану Колычеву, а учинить им велено как ему о том наказано. 3 человека в Вязьму посланы с сотником с Борисом Сукочевым, а в Вязьме велено их посадить в тюрьму, а кормить их велено из государевых из хлебных запасов.

¹ *Перетяткович*, Поволжье в XVII веке, гл. IV.

Июля в 29 день прислали бояре и воеводы князь Яков Кудепетович Черкасской с товарищи из под Орши 6 человек, и из них 1 человек крещен, 5 человек посланы в Вязьму с сотником московских стрельцов с Борисом Сукочевым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме, а кормити их велено из государевых из хлебных запасов.

Августа в 6 день взяты на вылазке под Смоленском 5 человек, и из них 2 человека посланы к Москве с Васильем Поскочинным. 3 человека посланы в Вязьму с сотником с Борисом Сукочевым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме, а кормити их велено из государевых из хлебных запасов.

Августа в 9 день прислали бояре и воеводы князь Яков Кудепетович Черкасской с товарищи из под Шклова 22 человека, и из них 3 человека посланы к Москве с Васильем Поскочинным. Государева грамота об них послана с ним же от государя из шатров. 19 человек посланы в Вязьму с сотником с Борисом Сукочевым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме, а кормить их велено из государевых из хлебных запасов.

Присланы из полку боярина и воевод Василья Петровича Шереметева с товарищи в разных числах 9 человек, и из них 7 человек посланы к Москве, 1 человек в Казань, 1 человек в Астрахань.

Прислан из стрелецкого приказа 1 человек и послан в Вязьму с сотником с Борисом Сукочевым.

Августа в 11 день прислал полковник Константин Поклонской 4 чел., и те люди посланы в Вязьму с сотником с Борисом Сукочевым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме, а кормити их велено из государевых из хлебных запасов.

Августа в 15 день прислал наказной гетман Иван Золотаренко 2 чел., и те люди посланы в Вязьму с сотником с Борисом Сукочевым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме.

Августа в 16 день присланы из Посольского приказу 4 человека, и те люди посланы в Можайск с сотником с Борисом Сукочевым, а в Можайску велено их держать в тюрьме.

Августа в 19 день прислали бояре и воеводы князь Яков Кудепетович Черкасской с товарищи из под Дубровны 8 человек, и те люди посланы в Можайск с сотником с Борисом Сукочевым, а в Можайску велено их держать в тюрьме.

Августа ж в 20 день прислали бояре и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи из под Шепелевиц 15 человек, и из них 2 человека крещены; 13 человек посланы в Вязьму с сотником с Федором Вязининым.

Того же числа прислал гетман Богдан Хмельницкой 7 человек, и те люди посланы в Можайск с сотником с Борисом Сукочевым.

Августа ж в 22 день привели туленин Михайло Маслов с товарищи 13 человек, и из них 12 человек посланы в Казань с астраханцом с Баженом Мизиновым, а в Казани велено их держать на дворе, где двор им устроен, а кормить их велено, покупая хлеб дешевою ценою.

Августа ж в 24 день прислали из Любавич Федор Кайсаров да Иван Вилимов 2 чел., и те люди посланы в Вязьму с сотником с Федором Вязининым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме.

Августа ж в 25 день прислали бояре и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи из под Шепелевиц 230 человек, и из них 197 человек да с ними же 12 человек, всего 209 человек, посланы в Казань с астраханцом с Баженом Мизиновым, а в Казани велено их держать на дворе, где им двор устроят, а кормить их велено, покупая хлеб дешевою ценою, да тож присылки 1 человек крещен, 18 человек мастеровых людей посланы в Вязьму с сотником с Федором Вязининым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме, а кормить их велено из государевых из хлебных запасов.

Августа в 26 день прислали боярин и воеводы Василий Петрович Шереметев с товарищи из Полоцка 40 человек, и из них 37 человек посланы в Казань с астраханцом с Баженом Мизиновым, а в Казани велено держать их на дворе, где им двор устроен, а кормить их велено, покупая хлеб дешевою ценою.

Сентября в 12 день прислан из Посольского приказу 1 человек и послан в Вязьму с сотником с Федором Вязининым.

Сентября в 19 день привел наказной гетман Иван Золотаренко 88 человек, и из них 2 человека отосланы к Ивану Золотаренко, 86 человек посланы в Вязьму с сотником с Федором Вязининым, а в Вязьме велено их держать в тюрьме, а кормить их велено из государевых из хлебных запасов.

Ноября в 12 день прислан из Посольского приказу 1 человек и послан в Вязьму в тюрьму.

Ноября ж в 19 день прислал стольник и воевода Андрей Бутурлин 1 чел. и послан в тюрьму.

Декабря в 8 день присланы из Стрелецкого приказу 4 человека и посланы в Вязьму в тюрьму.

Генваря в 9 день прислал наказной гетман Иван Золотаренко 2 чел., и те люди посланы к Москве с полковником с Денисом Фанвисиным, а с Москвы велено их послать в Казань и написать в службу.

Присланы из Посольского приказу 7 человек, и те люди посланы в тюрьму; прислан из Полоцка 1 человек и послан в тюрьму.

Литовских людей разных присылок по государеву указу с Девичьей горы 15 человек посланы в Смоленск.

Всего по сей росписи литовских людей которых присланы в языцех: 7 человек крестились, 29 человек посланы к Москве, 279 человек посланы в Казань, 14 человек посланы в Астрахань, 6 человек посланы на Терек, 185 человек посланы в Вязьму, 30 человек посланы в Можаяск — всего крещено и в посылке 549 человек.

В городех оставлены: 32 человека в Дорогобуже, 15 человек в Смоленску, 14 человек посланы в Вязьму в тюрьму — всего 61 чел.

Всего литовских людей в посылке и что в городех оставлены 610 человек».

Роспись рисует до известной степени и обстоятельства, при которых были взяты пленники, и их дальнейшую судьбу; при этом оказывается, что из числа слишком 600—299, т. е. почти половина, были отправлены в восточные области государства, где были тотчас же определены в службу или предназначены для определения впоследствии, и только 29 отправлены в столицу. И в этом, следовательно, отношении исследуемый Замосковский край почти целиком остался в стороне.

Гораздо более известий имеем мы о водворении в Замосковье тяглых зарубежных людей. В большинстве случаев это водворение находится тоже в тесной связи с войнами, закончившимися Андрусовским перемирием 1667 г. Походы Московских войск в Литву сопровождалась взятием в плен не только военных отрядов противника, но и мирных жителей сел и деревень Белоруссии и Литвы. Завладение крестьянами и бобылями происходило, конечно, при самых разнообразных обстоятельствах, перечислить которые, разумеется, невозможно. Особенно часто, повидимому, забирались малолетние, сироты, быть может, оставленные, забытые бежавшим при приближении неприятеля населением; вот, например, показания таких пленников о себе: «Звали его Казимерком, а ныне в крещении Фетка, Казимер — прозвище, польского полону, а жил де он в Смоленском уезде в селе Зверовичах... а в походе взяли его в малом возрасте и привезли его в село Исады малолетнего и жил у Луки Ляпунова в доме его, стерег животинное стадо»¹. «Горского повету, крестьянская дочь Манка Павлова, жила де она в Польще, за Обуховичем, а взял де ее в Польше Иван Андреев сын Цвилленев в первых годах и крестил ее у себя во дворе»². Есть, однако, известия о поступлении польско-литовских «подданных в холопы и крестьяне «из воли» и о призыве их, хотя, может быть, и трудно решить, были ли подобные призывы вполне добровольными. В августе 1657 г. перед Боровским воеводой «бил челом из воли во крестьяне литвин Агейка Родионов, Виленского повету, Живоначальные Троицы Сергиева монастыря села Илемны священнику»³. В том же году 14 мая «бил челом государю боярин Б. И. Морозов государева жалованья вотчины у него в Московском и Звенигородском уезде с. Павловское, Иславское Котельниково с деревнями и в те де он свой вотчины призвал белорусцев крестьян и ссуду им дал»⁴.

Если фактически завладение людьми в занятых московскими войсками областях Литвы совершалось беспрепятственно, то закрепление их за новыми владельцами было с самого начала оставлено такими же формальностями, как и всякий ряд в крестьяне или холопы. Дело могло быть оформлено немедленно, там же на войне, запиской их за владельцем в разрядном шатре или же со-

¹ *Победоносцев*, Акты переходной эпохи. Чт. О. И. и Др. Р. 1886 г., № 4, стр. 181.

² *Попов*, Ист. зам. о Бежецк. Верх. Чт. О. И. и Др. Р. 1881 г., № 3, стр. 60, № 24.

³ Г. К. Э. по Боровску № 31/629, лл. 1 и 2.

⁴ П. к. 266, л. 1.

ответственной пометкой в особых «полонных книгах», с помощью которых велся учет пленных¹. Если же полоняников не успевали закрепить на войне сейчас же по их захвате, то это дело ложилось уже на обычные органы, ведавшие в Московской Руси запись в крестьянство и в холопы, т. е. на приказ холопья суда и на съезжие избы воевод. Так например, упомянутые выше два полоняника — Федька-Казимерка и девка Манка были записаны, первый в Боровской, вторая в Устюженской съезжей избе². Б. И. Морозов, заселив свои Звенигородские села белоруссами, просил, «чтоб государь пожаловал его, велел в те села и в деревни из приказу холопья суда прислать подъячего и тех его крестьян с женами и с детьми и с братьями и со внучаты переписать в рожей и в приметы и написать в книги за ним»³. Наконец, одним из способов закрепления пленника было «крещение» его. Если захвативший пленника переводил его из унии или католичества в православие, то этот факт считался достаточно обеспечивающим права на личность последнего: в Клинской переписной книге 1678 года не раз находим отметку: «крепки по полонному взятию и по крещению»⁴. В Старицкой книге того же года встречается описание слободки Опекаловского монастыря, «а в ней живут поляки работники а крепки они по крещению»⁵.

Насколько можно судить, большая часть пленников и других вольных и невольных выходцев в эпохи войн обращались в холопы⁶. Это обстоятельство нашло несколько преувеличенное от-

¹ Пер. к. 16060 (Тверь); п. к. 127 (Дмитров), л. 118.

² Чт. О. И. и Др. Р. 1881 г., № 3, *Понов*, Ист. зам., стр. 60, и 1886 г., № 4, *Победоносцев*, Акты, стр. 181.

³ П. к. 266, л. 1.

⁴ Пер. к. 15628.

⁵ Пер. к. 15407, л. 121; такие же примеры в Тверской пер. к. 1678 г., 16060. М. А. Дьяконов (Очерки по истории тяглого населения, стр. 256—258), указывая на то, что в числе холопов являются также полоняники и выходцы из западной России, говорит, что «большой частью владельцы не представляли на них никаких оправдательных документов, что в книгах отмечалось стереотипной фразой: «а крепостей не положил», и ссылается при этом на Каширские и Можайские пер. книги 1678 г. «Реже упоминаются и крепости на таких задворных полонных людей: это выписки из разных записных городовых книг». Как редкий пример, автор приводит затем одну крепостную запись на пленника, взятую из Псковской записной книги, помещаемую им в приложении (Прил. 7; вотчинной конторы книга по Пскову 74/1616, № 181). Знакомство с переписными 1678 г. по замосковным уездам убеждает в том, что указания на крепостные документы на полоняников вовсе не так редки, как думает М. А. Дьяконов. Кроме того и приводимый им пример записи вовсе не единственный. Упомянутые уже записи, помещенные в Чтениях за 1881 г., № 3 и 1886 г. № 4, а также запись на литвина Агейка Родионова (Г. К. Э. по Боровску № 31/629) совершенно такого же характера, как и приводимая М. А. Дьяконовым запись из Псковской книги. Наконец не что иное, как подобную же запись, но только в больших размерах, представляет писцовая книга А. М. Ю. № 266, содержащая перепись сел боярина Морозова, с тою разницею, что в ней мы имеем дело с записью не в холопство, а в крестьянство. Крепостные записи литовских пленников и пленниц предусмотрены также Уложением, гл. XX, ст. 69.

⁶ Есть указания на то, что литовские пленники были холопами у холопов больших бояр: в Морозовском с. Павловском, Звенигородского уезда, было «у боярских людей белорусцев 25 человек», п. к. 266, л. 224.

ражение в нашей исторической литературе: Дьяконов, а за ним Лаппо-Данилевский указывают на зарубежные элементы только в холопской среде; о крестьянах полонных или вышедших из Литвы мы у них не находим известий¹. На самом деле, как уже можно было видеть из упомянутых примеров, зарубежные элементы встречались и среди крестьянства. Каковы могли быть переселения крестьян, можно судить по примеру, который был, вероятно, одним из самых крупных. Я опять возвращаюсь к известным уже Звенигородским селам боярина Морозова.

Вот перечень сел, деревень и починков, заселенных выходцами из Литвы, с указанием числа их обитателей мужского пола:

С. Павловское	77 чел.	Д. Писково	43 чел.
Д. Олешково	50 »	» Мжилково	24 »
» Исаково	21 »	» Благинино	20 »
» Лобаново	13 »	» Куземкино	19 »
» Болдино	40 »	» Подьяково	13 »
» Новинки	55 »	» Оносьино	4 »
» Веледниково	85 »	» Крюково	81 »
» Исаково	4 »	» Жерлево	24 »
» Брюзгино	29 »	» Зелешково	51 »
» Юркино	25 »	» Игумново	54 »
» Бурцево	43 »	» Глухово	75 »
» Чесноково	13 »	С. Иславское	47 »
» Обухово	64 »	» Котельниково	30 »
» Захарово	43 »	Д. Чагино	71 »
» Воронино	34 »		

Всего в 29 селениях свыше 1150 человек крестьян-белоруссов мужского пола. Однако будет правильнее понизить эту цифру, так как в нее включено некоторое количество местных людей, поженившихся на белорусах².

Взятие на литовской территории пленников и вывоз их внутрь Московского государства, видимо, приняли в эпоху войн Алексея Михайловича настолько большие размеры, что скоро понадобились некоторые меры для упорядочения этого вывоза, с одной стороны, и для некоторого обеспечения судьбы пленных, с другой. Рассчитывая удержать за собой, по крайней мере, ближайшие к прежней границе местности, правительство 30 июля 1654 г., т. е. еще в самом начале войны, запретило перевозить крестьян из Смоленского края (из Смоленского, Дорогобужского и Бельского уездов); напротив, из Мстиславского и других «дальних уездов» «литовских людей, католицкие ляхские веры и жидов и мурз и других некрещеных людей» велено «пропускать к Москве»³. Долго длившаяся война, повлекшая за собой появление в Московском государстве многочисленных пленников-холопов, развила временно оживленную тор-

¹ Дьяконов, Очерки, стр. 256. Лаппо-Данилевский, Рецензия на сочинение Дьяконова. Отчет о 41-м присуждении наград Уварова, стр. 143.

² П. к. 266. Забелин, Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве, «Вестник Европы» 1871 г., стр. 473.

³ П. Э. С., 1, № 135.

говлю ими: пленников охотно скупали восточные купцы для отправки в мусульманские страны. Торговля эта приняла большие размеры и, вероятно, приводила к настолько заметным злоупотреблениям, что вызвала очень строгое правительственное воздействие: 27 мая 1665 г. вышел указ, которым строгойше запрещалось продавать литовских пленников восточным купцам, кизильбашам и горским черкасам, а площадным подъячим Ивановской площади писать крепости на такие продажи¹.

Выход добровольный, отодвинутый на задний план военным временем, продолжался и после войны и направлялся в известной мере и в Замосковский край: в этом убеждают описания некоторых дворцовых сел Можайского уезда, относящиеся к 70-м годам; так например, среди бобылей села Клущина встречаются выходы Оршанского и Витебского поветов². Конечно, и в это время этот выход уравнишивался побегам москвитин в Литву.

Перепись 1678 г. составлялась десять лет спустя после окончания войны с Польшей и заключения Андрусовского перемирия. За это время много полонных людей успело умереть, часть убыла от продажи на восток, часть, может быть, успела возвратиться на родину. Во всяком случае в Московском государстве оставались только те из них, которые успели основательно осесть и начинали уже сливаться с коренным русским населением. Вот почему известия как этих книг, так и скоро вслед за ними составленных писцовых 80-х годов представляют чрезвычайно большой интерес. К сожалению, эти известия отличаются крупными пробелами и полного понятия о количестве зарубежного элемента среди крестьян и бобылей, хотя бы только одного Замосковского края, по ним составить нельзя. Тем не менее, просмотр их будет все же не лишним. Известия о литовских полоняниках среди холопов встречаются в переписных Балахнинского уезда³. Такие же отдельные известия встречаем в Боровской писцовой 1685 года⁴ и в Бежецкой переписной 1678 года⁵. В Вологодских книгах того же года редкое имение обходится без деловых людей польского полону⁶. В Верейском уезде из 600, приблизительно, дворовых людей на долю литовских полоняников приходится около 100 человек⁷. Гороховецкая книга 1678 г. молчит о полоне, но зато некоторые известия о нем, и именно в среде крестьян, сохранила писцовая 1685 г.⁸. В Повельском стане Дмитровского уезда в 1684—1686 гг. на 155 дворовых людей было 54 полоняника⁹. Итоги переписи

¹ С. Г. Г. и Д., IV, № 40; П. С. З., 1, № 374.

² ГАФКЭ, фонд, А. М. Д., Моск. от., оп. № 38/648, д. № 41.

³ Пер. к. 15648.

⁴ П. к. 19; в переп. 1678 эти данные отсутствуют, Пер. к. 10323.

⁵ Летопись занятий Археогр. комм. VIII, стр. 164—197; всего, однако, в двух деревнях.

⁶ Пер. к. 14736—14738.

⁷ Пер. к. 11838, лл. 576—693.

⁸ П. к. 116, пер. к. 15410.

⁹ П. к. 127.

1678 г. по Зубцову показывают всего 8 дворов польских полоняников в уезде; по просмотре текста книги убеждаемся, что на самом деле число это было больше ¹. Точно так же попадаются известия о полоняниках в книгах по Кинешме 1685 г. ², Клину 1678 и 1685 гг. ³, Костроме 1684—1686 гг. ⁴, Можайску 1678 года ⁵, Москве 1678 года ⁶, Переславлю 1678 и 1685 гг. ⁷, Ржеву 1678 ⁸, Ростову 1678 и 1685 гг. ⁹, Старице 1678 года ¹⁰, Твери 1678 г., где их насчитывалось 124 человека холопов, 23 двора крестьянских и 23 двора бобыльских ¹¹, и Устюжне 1685—1686 гг., где известия о полонных людях встречаются почти в каждом имении ¹².

Таким образом, в общем, известия о полонных людях зарегистрированы по 19 уездам; к сожалению, есть и такие местности, по которым источники вовсе умалчивают о полонных людях; сюда относятся, например, уезды: Суздальский, Владимирский, Ярославский и другие. Но это отнюдь не значит, чтобы там вовсе не было такого рода людей. Раз полоняники были в Костромском, Вологодском и Московском уездах, они наверно были и в Ярославском, Суздальском и Владимирском, соседних с первыми. Можно без натяжки высказать мнение, что в 70-х—80-х годах полоняники выходцы из за литовского рубежа за время 1653—1667 гг. были довольно заметным элементом среди холопского населения не только исследуемого края, но и всего, вероятно, государства. Хотя реже, но все-таки попадаются они среди крестьян и бобылей. Если мы лишены возможности определить хотя бы приблизительное количество людей, выведенных из Литвы в Москву во время войн царя Алексея, то все же не будет, думаю я, рискованным предположить, что число их в одном только Замосковном крае было более одного десятка тысяч.

Остается еще решить вопрос о том, к какой национальности принадлежали полоняники и выходцы. Памятники чаще всего называют их поляками ¹³ и литвинами; на самом деле, в пленных из тяжелых слоев населения Литовского государства, поступавших в Москве в холопы и в крестьяне, а равно и в добровольных выходах, оседавших в дворцовых селах, надо видеть преимущественно белоруссов; в некоторых случаях, например, в описании сел боя-

¹ Пер. к. 14184.

² П. к. 189.

³ Пер. к. 15628 и п. к. 191.

⁴ П. к. 218, 219, 10977.

⁵ Пер. к. 10820.

⁶ Пер. к. 9811, лл. 159—163 (в вотчине Б. М. Хитрово), п. к. 276 и 283.

⁷ Пер. к. 7651 и п. к. 350; по первой из этих книг сосчитано 72 человека.

⁸ Пер. к. 12364 и 12367.

⁹ Пер. к. 10754 и п. к. 839.

¹⁰ Пер. к. 15407.

¹¹ Пер. к. 16060.

¹² П. к. 902.

¹³ О поляках, вероятно потомках этих, упоминается в 1713 г.: «и поляков, которые явились в наеме (в солдаты за других), а помещиков их на Москве нет, и тем учиня наказание, отдать тем же людям, кто их в отдачу приводил» (П. С. З., V, № 2734).

рина Морозова, они так и называются. В других случаях мы узнаем это из обмолвок памятников и из случайно занесенных в них подробностей; так например, выходцы в село Клушино, по расспросам, оказались жителями Оршанского и Витебского поветов; среди полонных людей Ржевского уезда оказались в 1678 г. уроженцы Невля и Полоцка. Другое дело, когда речь идет о шляхте; насколько можно судить по отдельным указаниям, например по именам, в Московское государство попадали представители всех национальностей, населявших Речь Посполитую.

В общем, вольная и невольная эмиграция из-за литовского рубежа привела в исследуемый край в течение XVII в. известное количество белорусского элемента, вошедшего главным образом в состав холопского населения Замосковья.

Сравнительно более короткая шведская война тоже доставила некоторое количество пленных; следы таких полоняников из-за «свейского рубежа» кое-где попадаются: в 1679 г., например, у вотчинника села Кутузова Мушкова стапа проживал деловой человек «немец, чухна»¹. Бывали и добровольные выходы из шведских владений, но они, конечно, главным образом направлялись в Новгородский край. Лишь одно очень интересное явление ставит в непосредственные сношения шведские владения и Замосковный край; я имею в виду колонизационное движение корел в северные местности исследуемой области; к изучению этого движения я теперь и перехожу.

Запустение было одним из непосредственных последствий эпохи крестьянских войн и иностранной интервенции. Как мы видели в предыдущей главе, местности, лежащие к северу от Москвы, как, например, уезды Тверской, Бежецкой и Углицкий, пришлось отнести к числу очень сильно пострадавших. В последнем из названных уездов была в 20-х годах совершенно пустая Кесемская волость, где вместо всем еще памятных черных деревень оставались одни только пустоши².

Несмотря на возвращение ушедшего населения на старые места, в этих местах оставалось еще в 20-х и 30-х годах огромное количество пустого пространства и чувствовался большой недостаток в рабочих руках для эксплуатации годных к культуре пространств. При обнаруживавшемся всеобщем стремлении русского тяглого населения к югу, эти пустые земли было трудно рассчитывать заселить крестьянами из соседних местностей Замосковья, способных выделить из себя известное количество населения. Быть может, именно этим объясняется появление в некоторых северных областях Московского государства, а в частности для исследуемого края в уездах, граничивших с Новгородским и Белозерским краем, выходцев из-за шведского рубежа — корел.

К какому времени относятся первые случаи перехода корел из-за рубежа, в точности установить нельзя. Можно с достоверностью

¹ Чт. О. И. и Др. Р. 1892 г., № 1, стр. 43.

² Углицкие писцовые книги, стр. 610 (Врем. Демид. лицей, тт. 41—46).

сказать, что книги 20-х годов о них молчат¹, между тем как некоторые из переписных книг 1646 г., например Бежецкая или Новоторжская, уже констатируют их присутствие².

Всего вероятнее, первое появление их следует отнести к 30-м годам или началу 40-х годов³. Книги 1646 г. изображают их крестьянами — новопорядчиками и бобылями у помещиков и вотчинников. Немного позднее начинается правильное заселение корелями пустых дворцовых волостей Новоторжского, Бежецкого, Ярославского и Углицкого уездов. Сведения, которые мы имеем об этом заселении, дают очень много ценного для выяснения условий и обстановки, при которых оно производилось.

В одном из описаний корельских деревень второй половины века находим следующее известие: «По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... и по наказу из приказы его государевых тайных дел в Бежецком, в Ярославском, в Углицком уездах Ф. Аксаков отписал на великого государя корелян, которые в войну вышли из-за швейского рубежа... старого и нового выхода, а во 171 и 172 годах писал он же, Ф. Аксаков, корелян, которых приводил корельский знатец Максим Курков⁴. Эта коротенькая заметка рисует целую картину: корелы выходят из-за шведской границы; в войну 1656—1661 гг. в некоторых случаях (старый выход) они выходили и ранее, в первой половине века. Выход корел происходил под руководством особых специалистов этого дела, «знатцев»; наконец, все выселение корел было сосредоточено в руках приказа тайных дел, что видно из частого упоминания этого учреждения в корельских делах времени царя Алексея. С упразднением приказа тайных дел, корельские дела были, повидимому, сосредоточены в приказе Большого дворца. Все дело переселения корел в пустые дворцовые земли было организовано с какой-то особенной, непривычной для московского правительства заботливостью и систематичностью. Места, предназначенные для корельских селений, осматривались заранее, причем им составлялось особое описание с указанием, сколько семейств корел могут быть в них поселены. Вот несколько примеров, взятых из подобного описания, произведенного писцом Оксаковым в 1664 г.

¹ За двумя исключениями, на которых нельзя строить каких-либо выводов: в Городском стану Рузского уезда упомянут один крестьянин «прозвищем Корела», п. к. 845, л. 1. В Переяславском уезде встречается в с. Борисовском 6 дворов «плотников — корелян», п. к. 812, лл. 168—178.

² Пер. к. 74 по Торжку, лл. 506—508: в итогах уезда упоминаются 28 дворов корелян «вновь селится». П. к. 25 по Бежецку, л. 217: дер., что была пустошь Парфеньев, двор Опишка Офонасьев, а у него живет бобыль корелянин Якушко Гаврилов... л. 252 и сл.: пустошь Деревково порядилась на ней 3 крестьянина, а сказали они вольными людьми, родом кореляне... селится вновь нынешнего 146 года... а дворов у них нет, а поставлена у них только одна изба...

³ Есть мнение, что переселение началось вскоре после Столбовского мира, по которому часть русских владений отошла к Швеции. Сборн. стат. свед. о Тверской губ., вып. 3, стр. 21. Некоторые подробности о переселении корел см. Семенов, Географ.-статист. словарь Росс. имп., П, стр. 512—514.

⁴ ГАФКЭ, А. М. Дв., Моск. отд., оп. 35 (648), д. № 24, л. 479.

в Верховском стане Ярославского уезда. «Пустошь Спирина Новинка на ручью, пашни на селище десятина, леса пашенного 2 десятины, да непашенного лесу и болота 6 десятин, сена нет, селиться на той пустоши немочно, — водяна. П. Оксенцово на речке Боложенке, пашни паханой и перелогу десятина, леса пашенного 6 десятин, сена 5 копен — 1 двор поселится. Две пустоши мокрые на ручью, пашни паханные и перелогу 2 десятины, леса непашенного 4 десятины, сена на ручью 20 копен, селиться на ней немочно, низко место, поросло мхом. П. Осиновец, пашни паханой 2 десятины, перелогу 2 с половиной десятины, леса пашенного 3 десятины, сена 20 копен, — поселится в ней 6 дворов» и т. д. Всего описано таким образом 90 пустошей¹. Самое расселение корел производилось по «строельным книгам» под наблюдением особых правительственных агентов, большею частью тех же самых правительственных писцов, которые описывали приготовленные для колонистов места. Так например, в начале 60-х годов расселял корел упомянутый выше Ф. Оксаков; в 1666—1667 гг. то же дело выполняли О. Лихарев и подъячий Космынин, затем два года спустя Д. Г. Тютчев и подъячий Второв и т. д.² При этом корелям предоставлялась — также явление в Москве необычное — известная свобода в выборе места или даже в отказе от него: из 90 пустошей, описанных Оксаковым, корелы выбрали 36, а «на достальных селиться не хотят, потому что безугодны».

Организованные таким образом корельские села вошли в состав дворцовых земель, и жители их несли повинности, схожие с повинностями других русских дворцовых крестьян: это были денежные сборы и затем личные повинности — «всякое изделье», которое корелы делали в подмосковных селах Измайлове, Домодедове и т. д.³ В административном отношении корельские селения также, видимо, получили общее почти всем дворцовым имениям устройство: выделенные из станов и волостей, они были в прямом подчинении дворцовым приказам. Как исключение, следует назвать Чамеровские корельские дворцовые волости, находившиеся на границах Ярославского, Бежецкого и Углицкого уездов: во второй половине XVII в. они составили особое административное целое, имели своих особых воевод, а затем после 1699 г. — своих собственных бурмистров⁴: это был, таким образом, особый самоуправлявшийся мирок, не зависевший от соседних уездов.

Практическое осуществление дворцовой корельской колонизации в северном Замосковье несколько отличалось от того, как она должна была происходить по предначертаниям правительства. Причиной этому был вопрос об отношении дворцовых корел к соседним помещикам и вотчинникам, на землях которых, параллельно

¹ Оп. 35/648, д. 24, лл. 342—352.

² Оп. 35/648, д. № 24.

³ Там же, д. 24, лл. 264—268.

⁴ Там же, д. 408, лл. 408, 412, 413.

дворцовой колонизации, также появлялись зарубежные выходцы кореляне¹. Бывало, что частные владельцы захватывали дворцовые пустоши, предназначенные для селитьбы корел, «неведомо по какому указу»². Захват местностей, предназначенных для корел, расстраивал правильный ход их расселения. Корелы принуждены были временно селиться на частновладельческих землях и в то же время недоверчиво начинали смотреть на тех, кто руководил их переселением и размещением на новых местах: «а пожитков у себя кореляне не сказывают, а поселились они на лесах и хлеб папсут на наемных на помещичьих, на вотчинниковых и на монастырских землях, а у них есть в полях леса не высечены и папня не распахана, а сенные угодья небольшие, а те не раскошены и заросли лесом»...³ В случаях несостоятельности, разорения, невозможности прокормиться в неудачно почему-либо выбранном селении дворцовые кореляне сбегали или закладывались за помещиков и вотчинников. Отсюда старания правительства сыскивать таких беглецов и водворять их на старые места. Что выходило из подобных сысков, можно видеть по нижеследующему: в 1697—1698 гг. писцу Елякову и подьячему Болтунову приказано было произвести сыск беглых корелян. По сыску оказалось таковых в уездах Ярославском, Углицком, Бежецком и Новоторжском до 680 семейств, живших за частными владельцами, но на которых те «никаких крепостей не положили». «А кореляне у записи в допросех сказывались, что они на тех землях селились собою, у помещиков и вотчинников ссуды не брали и крепостей на себя никаких не даывали, и многие те кореляне написаны в отписных и селидебных книгах Ф. Оксакова и О. Лихарева... и помещики и вотчинники тех корелян держали за собою без указа великого государя и податей никаких с тех корелян великого государя в казну не платили...» Писцы отписали всех этих корел на государя.

До времени, пока корелянам будут назначены для селитьбы новые места на порозжих дворцовых волостях, им было указано жить на прежних землях за помещиками и вотчинниками, причем последним сказан указ: «чтоб они тех корелян без указа великого государя из-за себя вон не выбили и налоги им никакой не учинили и не разоряли, потому что тем корелянам до его великого государя указу велено жить на тех же землях, на которых они ныне живут».

Когда для некоторых из таких корелян были подысканы удобные дворцовые земли, то оказалось, что кореляне там «не селятся, для того, которые кореляне бежали из дворцовых волостей, учиня смертное убийство и заворовав и которым повольно живучи за помещики и вотчинники всякое воровство чинить, многим корелянам устраивают, сказывают, что будто велено всем жить по прежнему

¹ Примеры: Чт. О. И. и Д. Р. 1881 г., № 3, *Июнов*, Ист. заметки о Бежецком Верхе, стр. 62, № 26. Д. к Акт. Ист., V, № 32; Р. И. Б., V, № 152.

² Оп. 38/648, д. № 24, лл. 31—32; несколько таких случаев в Кесемской и Шабькинской волостях Углицкого уезда.

³ Там же, д. № 24, лл. 34—35.

за помещики и вотчинники, а которые кореляне в нынешнем 206 году били челом великому государю Орловской волости о вывозу и тем корелянам они, воры, говорят, что будто велено всех бить кнутом, и о том на тех возмутителей, на воров, кто имяны такие речи говорили и о том писано в приказ Большого дворца имянно, а ныне те кореляне которые за тем устрастием жить итти в дворцовые волости на взятые земли не смеют и чинятся все сильны. И для того вывозу из села Чамерова посылать по их корелян некого, потому что в селе Чамерове приставов самое малое число, а служилых людей стрельцов нету, села Чамерова подъячих и приставов и корелян посыльных людей помещики и вотчинники... бьют смертным боем и вывозить тех крестьян не дают и в прошлом в 205 году помещики Сидорко да Андрюшка Старковы убили села Чамерова приказные избы подъячего Афанасия Попова до смерти»¹.

Очевидно, здесь мы имеем уже дело с прямым насилием со стороны помещиков и вотчинников по отношению к корелям.

Официальные документы, по большей части краткие и сухие, тем не менее проливают свет еще на одну сторону их жизни и быта. Припельцы корелы резко выделились своим настойчивым характером. Корелы прямо называются упрямыми². Перед их упрямством уступают иногда очень сильные люди: архимандрит Иверского монастыря собирался в 1662 г. употребить поселенных в вотчине этой обители корел на работы по изготовлению кирпичей для монастырских построек. Корелы запротестовали: «будет де станет с нас великий государь имать детей наших в кирпичное дело, и мы де разбредемся розно, что нам такое дело не за обычай». Архимандрит уступил упорным корелям, боясь потерять работников, так как «заслыша с немцами (шведами) мирное постановление они, государь, люди *усердые*, слух носится хотят бежать на старину», т. е. за рубеж, на старые места жительства³.

Более всего корел поселилось в упомянутых уже четырех уездах — Ярославском, в его северо-западной части, Углицком, Бежецком и Новоторжском; к этим четырем следует прибавить еще пятый — Тверской, в котором были и дворцовые села с корельским населением — Погорелец и Никольский-Ладоженский погост с деревнями, а также встречались корелы и на частновладельческих землях⁴. Но названными уездами не ограничилось распространение корел; пределы их расселения были значительно шире. В 1670 г. сыщик Лука Ураков был послан для сыска корел, незаконно бежавших с дворцовых земель, между прочим в уезды — Старицкий, Клинский и Волоцкий⁵. В Клинской писцовой 1685—

¹ Оп. 38/648, д. № 24, лл. 264—268. Другой пример подобного же сыска, относящийся к 1670 г., см. *Шумаков*, Тверские акты, II, стр. 53: Л. Ураков отписал на государя 61 двор корелян, находившихся в фактическом владении Троицкого монастыря.

² Г. К. Э. по Клину, № 53/5684.

³ Р. И. Б., V, № 152.

⁴ П. к. 970, лл. 11—43; пер. к. 16060, лл. 592, 603 и в других местах.

⁵ *Шумаков*, Тверские акты, II, стр. 53.

1686 гг. встречаем, действительно, указания на присутствие корел в вотчине Иверского монастыря, селе Меньшом-Щапове с деревнями¹.

Следует предполагать, что, осев в довольно значительном количестве в тех четырех уездах, которые всегда упоминаются в делах о расселении корел, последние дали небольшой колонизационный отпрыск далее на юг и юго-запад, где, однако, по своей малочисленности они очень скоро растаяли среди русского населения.

Теперь остается разрешить последний и самый трудный вопрос: каково было приблизительное количество корел, переселившихся в Замосковский край. При имеющихся в нашем распоряжении данных окажется возможным, думается мне, определить только количество минимальное. До приезда Тютчева, в феврале 1669 г. сменившего расселявшего корел О. Н. Лихарева, в Ярославском, Углицком, Бежецком и Новоторжском уездах поселено было на дворцовых землях 1605 дворов. Тютчев, в свою очередь, расселил еще 609; кроме того, по сказкам корельских старост, корелы в количестве 51 двора жили на дворцовых землях Тверского уезда и в пограничных местностях Новгородской области; включая последних, так как мы имеем только общую цифру для Новгородского и Тверского уездов, получаем всего 2265 дворов². Если принять для корельского двора то же среднее население, какое мы выше получили для двора русского, применительно к 70-м и 80-м годам XVII в., т. е. 3,4—4 души мужского пола или, в круглой цифре, 7 душ обо-его пола, то окажется, что на дворцовых землях северного Замосковья должно было к 1670 году быть поселено 15 855 или, опять таки в круглых цифрах, до 16 000 корел.

По сказкам тех же корельских старост, в эпоху деятельности Д. Г. Тютчева на частновладельческих землях тех же 5 уездов и пограничных местностей Новгородской области было 184 двора корелян, или, в круглых цифрах, до 1300 душ обо-его пола. Однако едва ли эта цифра соответствует истине. Принимая во внимание многочисленные известия о переходе корел на частновладельческие земли с земель дворцовых и имея в виду, кроме того, что часть корел селилась на этих землях, непосредственно выходя из-за рубежа³, можно усомниться в правдивости показаний корельских старост, которым, во избежание всяких возможных расследований, сысков о побегах и т. п., было даже выгодно уменьшить число корел на частновладельческих землях. Если же прибавить сюда еще корел, которые на тех или других основаниях поселились в соседних уездах — Клинском, Старицком и других, то, думается мне, едва ли преувеличением будет считать общую цифру корельского населения к 70-м годам приблизительно в $1\frac{1}{2}$ —2 раза боль-

¹ П. к. 191, л. 326.

² Оп. № 38/648, д. 24, лл. 33—35.

³ В начале XX века в пределах Тверской губернии числилось около 120 000 корел. Семенов, Россия. Полное географическое описание нашего отечества, вып. 1, Спб. 1899, стр. 97.

шей, нежели приблизительная цифра корельского населения на дворцовых землях, т. е. полагать ее между 25 и 30 тысячами.

Такая цифра, конечно, очень невелика в сравнении со всем сельским населением Замосковского края. Она даже не особенно существенна, если ограничиваться теми уездами, в пределах которых корельское население держалось в действительности. Колонизационное движение корел, следовательно, не может иметь существенного значения; оно интересно по другим причинам; это движение, возникнув в то время, когда тяга к югу почти парализовала прирост населения в некоторых из наиболее запустевших в начале века мест Замосковского края, до некоторой степени возместило убыль, происходившую от уходов и переселений на юг. Отлив русских к югу вызвал перемещение некоторого количества финнов с далекого севера в центральные местности Московского царства, и потому следует признать, что оба процесса стоят в связи один с другим. Размещение некоторого числа колонистов в пустовавших старинных государственных областях вполне отвечало видам правительства: этим последним обстоятельством приходится объяснять то попечение, которое правительство проявляло по отношению к корельским переселенцам.

Говоря об иноземных и илородческих элементах, находимых среди сельского населения исследуемого края, нельзя не упомянуть еще об одном: я разумею татар. Татары, впрочем, выступают здесь только в качестве элемента служилого. XVII столетие уже застаёт давно наметившиеся, ставшие уже почти историческими центры, вокруг которых группировались татары в Замосковье. Самым крупным из таких центров был Романовский уезд; другими, не считая Мешеры, оставляемой мной за пределами исследования, были Мыцкий стан Суздальского уезда, южные части Московского уезда — волости Замыцкая и Перемышльская, Коломенский и Боровский уезды¹.

Однако в течение XVII в. нет никаких признаков того, чтобы татарское служилое население пополнялось значительным числом новых выходцев; образование татарских служилых центров в коренных государственных областях России есть факт, относящийся к более ранней эпохе. В интересующее нас время — XVII в., с перенесением государственной границы далеко на юг, служилые татары Замосковья потеряли свое прежнее значение.

¹ Для суждения о том, что представляли собой поместья служилых татар в южных местностях Замосковья, можно воспользоваться следующим итогом татарских поместий Перемышльской волости Московского уезда: «И всего в Перемышльской волости 35 человек новокрещеных да 4 человека татар, а в поместьях за ними село Сертякино, да село Сатино Русское, да село Сатино Татарское, да село Молчановское опричь вотчинных жеребьев и русских помесных жеребьев, да 2 жеребья в селце, да 4 деревни, да в 3 деревнях по жеребью деревни, да 58 пустошей с полупустошью; в них 27 дворов помещиковых, да двор людской, да 12 дворов крестьянских, да на помещиковых дворах 2 бобыля, да 4 двора пустых, да 27 мест дворовых...» П. к. 9808, л. 222.

По выяснении главнейших особенностей движения населения в Замосковном крае, мне кажется необходимым остановиться на некоторых деталях, касающихся быта как дворянства, так и тяглого крестьянского населения исследуемой области. Я не буду затрагивать здесь вопроса об общих исторических судьбах, какие в XVII в. постигли служилое, тяглое и холопское население русской деревни. Эти вопросы в главных чертах уже давно выяснены, и останавливаться на них значило бы лишь повторять то, что уже хорошо известно. Задача ближайшего изложения, по мере возможности, рассмотреть особенности, которыми отличалось в XVII в. положение различных классов общества в центральных областях Московского царства.

Свой обзор я начну с дворян. Как уже можно было видеть, борьба начала XVII в. не осталась без влияния на положение отдельных представителей служилого класса. Дворянство, по крайней мере в наиболее опустошенных войнами местностях, было сбито со всех мест, разорилось, обнищало; некоторые дети боярские попадали в кабалу и в крестьяне. Можно пойти далее и утвердительно сказать, что в иных, по крайней мере, уездах была полная почти перемена состава местного дворянства: так например, в Московском уезде в Сурожском стане, из 30 фамилий вотчинников, упоминаемых в книге Кологривова 1624—1625 гг., только 6 можно встретить среди вотчинников, перечисленных в книге Хлопова 1584—1586 гг. То же явление в Горетове стане, где на 115 вотчин и поместий в 1624—1625 гг. находим около десятка фамилий общих с книгой Хлопова, или в Бохове стане, где в 46 имениях, описанных в 1624—1625 гг., только 5 общих с книгой Хлопова¹ фамилий. Такое же значительное изменение состава служилого дворянства можно видеть и во Владимирском уезде, основываясь на сличении имен, находимых в десятинах 1590 и 1630 гг.²

В рубрике порозжих земель, в составе которых встречаются и бывшие вотчины и бывшие поместья, описания 20-х годов очень часто называют целый ряд вымерших и бежавших владельцев, насчитывая их иногда десятками.

Полная путаница земельвладельческих отношений повлекла за собою усиленные заботы по испомещению вновь тех дворян, которые теперь оставались без земель или владели совершенно опустошенными имениями. Все это вместе с необходимостью пристроить дворян из местностей, отошедших к Литве, которые пожелали остаться в московском подданстве, вызвало очень значительные групповые испомещения служилых людей и, как следствие этого,

¹ П. к. 685, лл. 360—450, п. к. М. г. I, 1, стр. 97—122: Пушкины, кн. Елецкие, Бартеневы, Голохвастовы, Грачевы, Прохоровы; лл. 16—234, стр. 123—172: кн. Черкасские, Тушины, Лодыгины, Годуновы, Зюзины, Милославские и др.; лл. 489—631, стр. 206—233: Безобразовы, Лычовы, Морощины, Шенины, Калитины.

² Моск. публ. музей, № 3277, лл. 1—212, Чт. О. И. и Др. Р., 1909.

новое частичное изменение в составе дворянства некоторых местностей. Кроме уже известных случаев поселения смолян в Белозерском уезде, можно привести и другие примеры. В 20-х годах XVII в. были розданы служилым людям обширные дворцовые волости «ловчего пути», расположенные в числе 12 в юго-западном углу Владимирского уезда: огромное большинство поместных участков как в этих волостях, так и в лежащих рядом с ними волостях Тумской, Муромском сельце, Гусской и некоторых других были отданы Каширянам¹, переселение которых из сильно разоренного в наезд Лисовского 1615 г. Каширского уезда в этот прикрытый лесами глухой угол Владимирского уезда может быть объяснено именно желанием поместить их в сравнительно менее разоренных местностях. Быть может, в силу таких же соображений были испомещены довольно большим гнездом новгородцы всех пятин в Хрепелевской дворцовой волости Устюженского уезда² и казаки в дворцовых волостях Сологинской и Новинской Клинского уезда³ и в городском стане Верейского уезда⁴.

Как известно, в промежуток 1613—1635 гг. сильно увеличился наплыв в Московское государство служилых иноземцев, которых очень охотно принимали на службу, до тех пор пока их сомнительное поведение в Шейнскую Смоленскую войну, а также экономические соображения не заставили правительство заменить их более дешевыми и более надежными русскими «войсками иноземного строя». Испомещение служилых иностранцев, вероятно, вследствие постоянной тенденции обособлять их от русских людей⁵, совершалось также очень часто группами. Таких иноземческих центров появилось в 20-х годах несколько: в Переяславском уезде иноземцы были сосредоточены в селе Куренникове Нильского стана⁶. В Ростовском уезде 11 иноземцев владели по участкам бывшим помещьем кн. И. П. Шуйского, с. Ивановым Верхоусецкого стана⁷. Очень много иноземцев было испомещено в городском стане Углиц-

¹ П. к. 12603, 12604.

² П. к. 902, лл. 12—77 и 273.

³ П. к. 190.

⁴ П. к. 603, л. 3.

⁵ Эта тенденция нашла отражение и в законодательстве: Ук. кн. Пом. приказа, изд. Сторожевым, V, № 13, 14, 15; VI, № 79; IX, № 123. Улож. XVI, ст. 14 в принципе запрещает продажу земли между иноземцем и русским. Мена впервые разрешена Уложением (XVI, 3); подтверждения — П. С. З., I, № 5; II, № 719. На практике, впрочем, отступления от закона, обычные в Москве, наблюдались очень рано: так, например, кн. Ю. Я. Сулешов еще в 20-х годах менялся помещьем в Переяславском у. с иноземцем Р. Кунингамом (п. к. 802, л. 1069). Во Владимирском у., в Боголюбовском стане, И. Л. Морев владел в 20-х годах помещьем иноземца Яконта (п. к. 12610, л. 29). Там же Ф. Злоидов менялся с ротмистром Ределстолпом (там же, л. 147). В Суздальском уезде (Опольской ст.) В. Горяинов менялся помещьем с иноземцем Желиборским (п. к. 11317, л. 85), князь Барятинский владеет большим помещьем иноземца Ульфа (п. к. 11320, л. 190).

⁶ П. к. 813.

⁷ П. к. 840, л. 441.

кого уезда¹; не менее было их в Кубанской волости Костромского уезда².

К сожалению, я не располагаю определенными данными, чтобы ответить на вопрос о том, как изменился количественно состав замосковского провинциального дворянства за время до царствования Петра. Нам приблизительно известна общая цифра дворянского ополчения в государстве в царствование Федора Ивановича. По Флетчеру, это ополчение доходило до 80 000³. Милюков полагает, что за XVII столетие русские вооруженные силы, достигавшие в 1681 г. 260 000 с лишком человек, возросли почти в три раза с первой половиной столетия⁴. Сколько из этого увеличения пришлось на долю Замосковья, решить трудно. Имея, однако, в виду усиленную колонизацию юга и сосредоточение там таких вооруженных сил, о каких не было и помину в начале века, можно думать, что увеличение числа служилых людей должно было чувствоваться заметнее на юге, нежели в старинных областях русского центра. Тем не менее, сравнение описания 20-х годов с переписью 1678 г. оставляет впечатление, что некоторый рост служилого класса наблюдался и здесь. Имений везде гораздо больше, больше и владельцев. Такое же впечатление роста оставляет и изучение состава дворянства по десятиям XVII в.⁵

Можно с полным правом сказать, что до середины 30-х годов, до Поляновского мира, замосковский дворянин очень редко и мало жил в своих поместьях и вотчинах: существовавшая до 30-х годов для половины служилого контингента уезда необходимость ежегодно выходить на службу в Тулу и Рязань⁶, а затем трехлетняя тяжелая война за Смоленск, в которой приняли участие служилые люди почти всех Замосковских уездов⁷, были причиной того, что в эти годы служилый человек был дома скорее гостем, чем постоянным обитателем⁸. Это отражается в описаниях 20-х годов. Однообраз-

¹ Угл. писц. книги, 1—234 (Врем. Демид. лица, т. 41—46).

² П. к. 210, лл. 425—496.

³ *Ключевский*, Сказания иностранцев о России, стр. 180; *Флетчер*, О государстве русском, гл. XV, стр. 62—66 (изд. 1905 г.).

⁴ *Милюков*, Государственное хозяйство, стр. 52—53.

⁵ М. П. М., № 3277. См. Владимирскую десятню 1630 г. *Сторожев*, Тверское дворянство XVII века, вып. 1—4; здесь даются сведения о дворянстве старинных уездов Тверского, Ржевского, Старицкого, Новоторжского, Бежецкого, Zubцовского и Кашинского.

⁶ Разр. кн. М. г., т. I и II.

⁷ Владимира, Суздаля, Галича, Юрьева-Польского, Муром, Луха, Гороховца, Вологды, Звенигорода, Можайска, Ржева, Zubцова, Старицы, Волочка, Клина, Ярославля, Костромы, Углича, Бежецкого Верха, Твери, Торжка, Дмитрова, Пошехонья, Переяславля, Ростова, всего 25 городов, к которым, конечно, следует еще прибавить и столбный уезд с московскими чинами. А. А. Э. Ш., № 206, 207.

⁸ Служилые люди беспрестанно изыскивают всякие предлоги для получения отпуска. Вот несколько типичных примеров мотивированных просьб об отпуске в 1616—1634 гг.:

Ив. Сем. Беклемишев просится в Кашии, «на малое время для запасов» (1616 г.).

Жилец Полуханов «спидел всю осаду, в поместье не бывал»... «на время для запасов» (1619 г.).

ное описание дворов помещиковых и вотчинниковых делает впечатление, что хозяев описываемого имения почти никогда нет налицо. После Поляновского мира и прекращения высылки на юг ополчений, сделавшихся ненужными, когда в 1637 г. началось проведение Белгородской черты, наступил почти двадцатилетний мирный промежуток, во время которого замосковное дворянство впервые отдохнуло в деревне от непрерывной службы. Однако время польских войн царя Алексея было новой страшной порой для служилого класса всего государства, когда он безотлучечно нес ратную службу на западных границах и на южной Украине. Затем вновь сравнительно мирный период, во время которого замосковные служилые люди все же иногда принимали участие в военных действиях, как например, в Крымских походах Голицына¹.

Отсутствие землевладельцев из их имений особенно заметно было в первую половину века; невозможность жить у себя дома и заниматься своим делом создавала, в свою очередь, стремление дворян в имения, которое должно было чувствоваться очень сильно; недаром так часты были старания уклониться от службы, избавиться от ее тяжести. Известия о «нетчиках» беспрестанно попадают в документах первой половины XVII в., и процент этих нетчиков достигал иногда очень почтенной цифры: в 1625 г. из Замосковных городов должны были быть командированы только в один сторожевой полк, стоявший для охраны южной границы в городе Крапивне 555 человек из уездов: Дмитровского, Клинского, Вологодского, Волоколамского, Угличского, Бежецкого, Белозерского, Пошехонского, Кашинского, Лухского, Гороховецкого и Нижегородского. Из них не явились, оказались в нетех 231, т. е. 42%; а из этих 42% — $\frac{1}{5}$, т. е. 8,4% всех высланных на службу, по расследовании, были признаны уклоняющимися без уважительных причин и подлежащими непременно высылке на службу². Несколько большая свобода, наступившая для дворян после Смоленской войны 30-х годов и вторично после Андрусовского перемирия в 1667 г., не могла не содействовать, следовательно, заветным желаниям служилых людей вообще и замосковского дворянства в частности. Весьма естественно, что желание воспользоваться этой свободой повело еще к большим, чем прежде, стараниям отделаться от не-

«Бежали людиска мои... за людishками гонять» (1619 г.).

«Жилец Ив. Ашанин: «матушки моей не стало и погребсти без меня некому, а батюшко на Москве у твоего государева дела... похоронить матушку в землю».

У Козлитин Шербаков: «сгорел двор на Чертохы в Москве со всеми животы и служивая рухлядь и запас всякой». Просит освободить от службы в Туле в осеннюю половину года».

Фед. Очин-Плещеев: «поместыца за мною в Тарусе да на Белеозере 120 четви и то запустело от литовских людей и от татар, а подымался я на службу, занял у Троицы в Сергиевом монастыре у келаря с братиею 50 рублей, а заложил вотчину на Белеозере. И ныне от меня из Можайску и из подмосковной деревни побегали людиска моя» — Государь пожаловал, велел отпустить» (искать остатков). А. м. гос., I, № 101, 127, 128, 226, 634.

¹ А. А. Э., IV, № 292.

² Акты моск. гос. I, № 186.

навистной службы, избавить себя от похода, часто казавшегося простому провинциальному сыну боярскому беспцельным. Уклонения от службы сделались систематическими; в 70-х годах они настолько, видимо, участились, что понадобились особые правительственные меры: в декабре 1675 г. кн. Хованскому, посланному верстать беспоместных детей боярских во Владимирском, Муромском, Суздальском, Юрьевском, Лушском, Гороховецком, Нижегородском и Арзамасском уездах, приказано было расследовать дело и выработать, по возможности, способы пресечь массовое уклонение дворян от службы: «Для того, ведомо государю учинилось, что тех городов дворяне и дети боярские в полках с бояры и воеводы бьвают не сполна, по наряду на государеву службу в полки бояр и воевод на указанные сроки и после сроков ленью своею и огуртвом не приезжают, а иные, побыв в полку малое время, из полков бегают и живут в домах своих в избылых, а люди они полные и поместья и вотчины за ними жилые и дачи немалые. А иные дворяне и дети боярские, не хотя полковые службы служить, в полки из домов своих не ездят, а у высылки, избывая службы, сказываются, будто они служат с иными городами...»¹.

Картина, открываемая наказом, чрезвычайно ярко рисует настроение дворян внутренних уездов: они совершенно потеряли всякий воинственный дух; служба кажется им невыносимым бременем. Словом, в них, и притом в довольно уже резкой форме, сказывается особенно ярко выразившееся в следующем столетии стремление жить в своих имениях, пользуясь крепостным трудом и наслаждаясь желанной свободой от всех повинностей в пользу государства. В допетровскую старину подготавливались и назревали понемногу явления, которым суждено было проявиться во всей силе в другую уже эпоху, отделенную от интересующих нас одним из самых тревожных и бурных периодов русской истории — Петровской реформой.

До XVII в. распространенным явлением было так называемое послужилство, которое вело свое начало от очень давней старины удельных веков. Послужилец был служилый по происхождению человек, который поступал к другому служилому человеку в качестве холопа. В конце XVI в. один из таких дворян-холопов был, как известно, виновником опалы семьи Романовых. Это промежуточное состояние между служилым классом и рабами стало исчезать в XVII в., вероятно, под влиянием забот правительства об улучшении положения дворянства.

Известно, что законом 9 марта 1642 г. было окончательно запрещено детям боярским поступать в холопство². Тем не менее, и

¹ П. С. З., 1, № 615, Наказ Хованскому.

² Ук. кн. Зем. приказа, ст. XXXI, п. 10: «которые дети боярские... били челом во дворы к боярам и всяких чинов людям и кабалы служилые на себя дали и во дворах поженились на крепостных жонках и на девах: и тех всяких с женами и детьми указал государь и бояре приговорили из боярских дворов взять на службу и написать с городами...» *Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права, III, стр. 160—161.

здесь сказалось несоответствие закона и жизненной практики, столь обычное в Московском государстве. Послужильство исчезло как явление обычное и распространенное, но сохранилось как переживание и исключение из правила во дворах очень крупных и близко к государю стоявших бояр. Вот пример послужильства, сохранявшегося в 80-х годах в виде переживания старины. В 1685—1686 гг. у помещика Купленской волости Гороховецкого уезда, Сверчкова, в его дворе, жили послужильцы деда его, «а бил ему челом с отпускнуою, с сестрами своими Купряшка Осипов Головин»¹. Из дворов крупных бояр особенно устойчиво сохранялось послужильство у боковой, не царствовавшей ветви Романовых. После смерти боярина Никиты Ивановича Романова послужильцы оказались во многих из его вотчин: так, бывший послужилец его С. Ченцов вел земельные споры с Остроганским монастырем в Тверском уезде уже в качестве обыкновенного служилого человека². В другой Романовской вотчине, селе Кишлееве Владимирского уезда, послужилец Коровин получил «пустошь со всеми угоды». «А ныне владеют пустошью дети его Петр да Тихон Коровины... и они били челом государю в стремянные копохи и ныне (1655 г.) с государем на службе». Тотчас после смерти боярина Н. И. Романова Коровины переходят в служилые люди и при этом без всяких, повидимому, затруднений³. Еще позднее послужильцы упоминаются у крупного землевладельца и влиятельного придворного деятеля времен царя Алексея — боярина Богдана Матвеевича Хитрово⁴.

Переходу к тягловому крестьянству. Основным историческим процессом, направлявшим судьбы крестьян в XVII столетии, было постепенное закрепощение их в службу дворянству. Говорить о каких-либо особенностях этого процесса в центральных областях государства, где находилось большинство имений думных и московских чинов и где издавна крепко засело мелкое городское дворянство, вообще не приходится. Можно только разве предположить, что процесс развития крепостного права в уездах, близких к столице государства, мог идти быстрее, нежели в более отдаленных местностях, например во вновь колонизируемых южных или же в северных, всегда отличавшихся способностью дольше хранить вековые порядки и обычаи. Однако и это предположение не оправдывается при ближайшем изучении вопроса. Быт крестьян и бобылей в Замосковных уездах ничем в сущности не отличается от быта их в других областях.

Наряду с условиями, усиливавшими крепостную зависимость, встречаем нередко явления, напоминающие старинный быт. Еще в 80-х годах попадаются челобития о принятии во крестьянство⁵. Практикуется и насильственный своз крестьян: в 1624 г. московский

¹ П. к. 116, л. 9.

² Шумаков, Тверские акты.

³ Г. К. Э. по Владимиру, № 231/2008, л. 11.

⁴ Г. К. Э. по Москве, № 367/7509.

⁵ П. к. 191, л. 185.

писец Кологривов описал в Сурожском стану поместье Ю. Мусина-Пушкина, где тот только что, повидимому, поселил крестьян, «а тех крестьян свез за себя Юрий Мусин-Пушкин в 131 году»¹.

Коломенским переписчикам 1646 г. также приходилось отмечать своз крестьян богатыми землевладельцами, например кн. Пожарским, кн. Львовым и др.². Попадают и указания на то, что богатые сманивали крестьян у бедных помещиков, даже, может быть, уплачивая за их отпуск на волю. В интересной записной книжке документов боярина Б. М. Хитрово упоминаются «отпускные Арзая Коняева (Романовского татарина) на волю, на крестьян, а те крестьяне за Богданом Матвеевичем в селе Пирожкове. И на них взята ссудная запись в 180 году, а ссуды им дано 10 рублей... что им жити за Богданом Матвеевичем»³. Вместе с этим нередки и явления обратного характера, например, продажа людей без земли и т. п. В общем можно сказать, что процесс постепенного усиления крепостного права в Замосковном крае шел своим естественным ходом, с очень небольшими задержками и отклонениями.

Соотношение между двумя главными группами сельского тяглого населения, крестьянами и бобылями, уже достаточно известно. В XVII в., особенно со времени установления живущей четверти, различие между крестьянином и бобылем было основано только на большей или меньшей достаточности, которая и заставляла людей понижаться в бобыли или повышаться в крестьяне. Мы знаем уже и общий ход истории бобыльства: постепенно бобыльство уменьшается в большей части местностей Замосковья. Обратное явление замечается только в нескольких крайних западных уездах Замосковского края, например, Ржевском, Старицком и Новоторжском. Вот число бобыльских дворов и населения в них в этих уездах, как оно дано в писцовых итогах:

	1620—1630	1678
Ржевский уезд, кн. Дмитриева половина	77 (91)	2 325 (7 129)
Старицкий уезд	124 (142)	511 (1 620) 1 646
Новоторжский уезд	228 (512)	424 (775) ⁴

Что касается холопского населения, то в его состоянии также нельзя подметить каких-либо оригинальных черт, которые бы выделяли холопов Замосковья из общего итога истории холопства и прибавляли что-либо к тому, что выяснено уже в специальной литературе. Переписные 1678 г. и писцовые 80-х годов содержат много указаний на усиление холопского элемента во владельческих дворах, на торговлю людьми, жившими в дворе помещиков⁵, и на то, что крестьяне

¹ П. к. 685, л. 422.

² Пер. к. 205, лл. 1—95.

³ Моск. публ. музей, № 3284, лл. 36, 37.

⁴ П. к. 833, лл. 469—475; 872, лл. 666—673; 801, лл. 756—762; 12364, лл. 420—421; 15407, лл. 258—259; 74, лл. 506—508.

⁵ См., напр., писцовые книги 80-х годов: по Дмитрову — п. к. 127; по Клину — п. к. 190 и по Твери — п. к. 470.

и бобыли из деревень, в особенности крестьянские сироты, постоянно переводились из деревни с пашни во двор к владельцу¹.

Холопы бывали не только у служилых людей. Еще в 20-х годах встречается в Московском уезде, в стане Воре и Корзенева, «сельцо Литвиново на реке Лашутке на оброке за Москвитином гостино сотни за торговым человеком за Михаилом Крыловым... а в нем двомонастырский, а в нем живут Михаила Крылова деловые люди...» Были холопы и у холопов. Выше уже пришлось указать на то, что, когда боярин Б. И. Морозов заселял свои звенигородские вотчины белоруссами, у его «боярских людей» оказалось в холопах 25 человек «белорусцев»³. В 1646 г. те же явления можно встретить в коломенских вотчинах боярина Н. И. Романова⁴.

Обзор истории населения в Замосковье приводит к следующим выводам. Коренной факт в этой области — значительный рост сельского населения, доведший его с 600—700 тысяч в 20-х годах до двух с лишком миллионов ко времени начала преобразований.

Увеличение числа сельских жителей Замосковья не может считаться фактом, имеющим особое значение в чисто экономическом отношении. Сильный рост обуславливается естественными причинами, так как дело касается страны, далеко не дошедшей до перенаселения и не подвергавшейся за все это время никаким опустошениям и потрясениям, которые бы возможно было, даже в отдаленной степи, сравнить с кризисом XVI и начала XVII в.

Однако действительные размеры роста сельского населения в Замосковном крае могут быть выяснены только очень относительно. Сколько-нибудь точному определению этого роста препятствует целый ряд причин: с 20-х годов население постепенно возвращалось на свои старые места, чем искусственно увеличивался рост населения в промежутки между письмом 20-х годов и переписью 1646 г. С другой стороны, обнаружившийся еще в XVI в. отлив населения в южные пограничные области царства продолжался до самого конца XVII в. Отвлекая известную часть населения для колонизации русского юга, этот отлив понижал несколько истинные размеры роста населения. Наконец, мешают делу и хорошо известные недостатки тех памятников, на которых приходится основывать расчеты. Недоверие

¹ П. к. 283 (по Москве), л. 71: «в селе Покровском в работниках и в деловых, привезены в прошлых годах из разных деревень за скудостью, из крестьян и из бобылей»; другие примеры — лл. 108, 145. П. к. по Коломне 1685—86 гг., № 207, лл. 199—200: «деловые люди, старинные крестьянские дети»; другие примеры — лл. 221 и 259; переп. к. по Коломне 1678 г. № 9275, л. 535: «двор пуст Зиновки Яковлева, а он Зиновко умре, а дети его взяты во двор». См. *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства в России, IV. Задворные люди. *Его же*, Происхождение крепостного прага (Первый сборник статей). См. об этом подробнее у *Дьяконова*, Очерки по истории тяглого населения. Оч. V, Задворные и деловые люди и *Липно-Данилевского*, Разбор назв. сочинения Дьяконова, стр. 55, 141 и сл.

² П. к. 685, лл. 929, 930 (если только здесь под именем деловых людей не следует разуметь просто рабочих, без отношения к их юридическому положению).

³ П. к. 266, л. 224.

⁴ Пер. к. 205.

к писцу и переписчику, боязнь и, добавим от себя, не совсем напрасная, чтобы цели, им преследуемые, не оказались слишком опасными для населения, заставляли иногда последнее сообщать о себе неверные данные; завершает дело ненадежность подведенных в московских приказах итогов, которыми, тем не менее, приходится пользоваться при определении общего числа населения стана, волости или уезда, потому что подсчитать все мелкие итоги задача почти невозможная.

Упомянутый отлив населения к югу является самым крупным и заметным результатом обмена населения между Замосковным краем и соседними с ним областями страны. Выход населения в южные уезды стоит в тесной связи с тем процессом, который происходил внутри интересующей нас области, где переселение крестьян и холопов их владельцами продвигало тяглое население в том же направлении. Параллельно уходу населения на юг замечался и небольшой отлив людей из деревни в город.

Происходившая таким образом убыль сельского населения до известной степени восполнялась небольшим по численности, но интересным по существу дела притоком в Замосковный край иноземцев из-за литовского и шведского рубежей.

Переселение из Литвы было по преимуществу невольное, так как почти все переселенцы были пленниками; большинство этих пленников поступало в холопы, меньшая часть — в крестьяне. Приток переселенцев из-за шведской границы состоял, главным образом, из корел, приходивших более или менее добровольно в запустевшие и туго заселявшиеся вновь северные уезды исследуемого края. Финны из Корелии являлись на такие места, на которые было мало шансов призвать русских колонистов из других, лежавших на одной широте местностей. Этим, вероятно, обстоятельством следует объяснить тот интерес, какой правительство проявляло к корельской колонизации, взяв ее в свое ведение, дав ей совсем особую организацию и направляя ее по преимуществу в дворцовые волости: иначе последние были бы пустыми, и хозяйственная эксплуатация их оставалась бы невозможной.

Признаков выхода из Замосковного края за государственный рубеж, по крайней мере как явления систематического, совершенно незаметно.

В состоянии служилого сословия выясняются следующие характерные явления: в некоторых, по крайней мере, местах совершенно почти изменился состав служилого населения, вымершего и разбежавшегося в период 1604—1613 гг. Массовое испомещение служилых людей из местностей, отошедших к Литве и Швеции, а также детей боярских из местностей, особенно пострадавших и разоренных, и, наконец, казаков производилось обыкновенно группами и также меняло отчасти физиономию дворянского населения уезда. Подобными же группами или, лучше сказать, гнездами были расселяемы и иноземцы, визобилии поступавшие на службу к правительству царя Михаила, державшему до Смоленского похода Шеина довольно значительные отряды наемных иностранцев.

Увеличение общего числа русских дворян в XVII в. коснулось, главным образом, пограничных областей и сравнительно немного отразилось на Замосковных уездах. Сокончанием войны царя Алексея в настроении замосковского дворянства замечаются новые веяния: оно начинает усиленно избегать службы и стремится в свои вотчины и поместья. Таким образом, еще в XVII столетии намечаются явления, развитие которых относится уже к следующему — XVIII столетию, когда тяготение дворян к своим имениям сделалось одним из важнейших факторов истории этого класса общества.

Жизнь тяглого населения Замосковья развивалась постепенно по тому общему направлению, которым вообще шла история сельских жителей в XVII в. Изучение взаимного отношения крестьян и бобылей приводит к выводу, что бобыли, более слабые в экономическом отношении, в огромном большинстве уездов уменьшались. В этом не следует видеть признаков улучшения экономического быта тяглого населения Замосковья, а только постепенное исчезновение следов экономического кризиса XVI и начала XVII в. и развитие новых форм эксплуатации.

ГЛАВА ПЯТАЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

I

С самых отдаленных времен дворцовая земля представляла собой один из видов земельного фонда, имевшего большое значение в государственном хозяйстве Москвы. По мере развития поместного строя дворцовые земли сделались источником пополнения постоянно расходуемого поместного фонда. С другой стороны, щедрые вклады московских государей передавали большое количество дворцовых имений в собственность монастырей, епископских кафедр и особенно чтимых церквей. В XVI в. непрерывная убыль дворцовых земель пополнялась продолжавшимся окняжением земель черных и отпиской на государя старинных, преимущественно княжеских, вотчин¹.

Трудно решить вопрос, сократилось ли в Замосковном крае дворцовое землевладение в эту эпоху; во всяком случае, в конце XVI в. запас дворцовых земель в изучаемой области был еще очень велик. В начале века, в период междуцарствия, земельный фонд Большого дворца пострадал гораздо менее, чем денежная казна государства². Однако общее запустение страны отразилось и на дворцовых вотчинах: некоторые волости запустели вовсе. Как пример можно привести дворцовые земли Тверского уезда в волостях Ракитне, Узком углу, сокольничья пути, и Видемле, ловчего пути³.

По политическим и экономическим условиям времени новому правительству пришлось скоро пустить в оборот находившиеся в его распоряжении дворцовые имения. Земли служилые, в особенности поместья, запустели, как известно, чрезвычайно сильно. Пользуясь для раздачи неверстанным новикам одними только порозжими поместьями и вотчинами, пришлось бы разоренных дворян снабжать

¹ *Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 267—268; *Ромков*, Сельское хозяйство, стр. 402—429, 431—433; *Ланно*, Тверской уезд, стр. 68; *Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, стр. 1—2 (СПб. 1901).

² *Неволин*, История гражданских законов, II, стр. 225. Несколько иного мнения держится *Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 270.

³ *Ланно*, Тверской уезд, стр. 198—201, п. к. М. г. 1, 2, стр. 298—290, п. к. 874.

У е з д ы	В о л о с т и	Г о д раздачи	К о м у розданы земли	И с т о ч н и к
Балахнинский	Жарская	1614—1622	Роздана по мелким участкам	П. к. 15645, лл. 1—164
Белозерский	Озатская и др.	1612—1615	Исполнены служилые сме- ляне, мелкие участками	Доп. к А. И. 1. № 173, II, № 39
Верейский	Борисовская	ок. 1620	Исполнены беломестные ка- заки и несколько дворян, мел- кими участками	П. к. 603, лл. 3—4
Владимирский	Волости ловчего пути: Таруц- кий о-в, Туталеская, Пол- ская, Кривадинская, Шату- рская, Вышеселеский о-в, Ми- чевская, Дубровская и др.	> 1620	Более 300 участков, розданных служилым людям различных местностей	> > 12604
»	Волости: Гусская, Черная Го- стиловская, Муромское сель- цо Тумская	> 1620	Розданы по мелким участкам	П. к. 12603
»	Медушский стан, с. Кортмазово	> 1620	> > > >	> > 12606
»	Боголюбовского стана с. Крас- ное на Рени	> 1620	> > > >	> > 12610
Гороховецкий	Кулешская, Раменская ¹	> 1620	29 поместных и 3 вотчинных участка, всего до 7500 десятин. Розданы по мелким участкам	П. к. 625, лл. 1— 137
Зубовский	Отдельные местности в станах: Дмитровском, Пыховском, Го- стинском, Горелинском	1612—1620	Исполнены беломестные ка- заки	П. к. 640

¹ Кроме того, в том же уезде еще при Василии Шуйском кн. И. П. Буйносову-Ростовскому отдана Красносель-
ская волость. Чт. О. И. и др. Р. 1895 г., кн. I. Докл. выш. о поместьях и вотчинах, сообщ. Барсуковым, стр. 15; п. к.
625, лл. 1—137.

У е з д ы	В о л о с т и
Кинешемский	Кинешемская
Клинский	Вол. с. Новое
»	Волость Сологинская
Коломенский	Малинская и Алексеевская волости (отдельные селения, не успевшие быть розданными ранее)
»	С-цо Мясная слободка
»	С. Марчуки
Можайский	Вол. с. Новое ¹
Московский	Ратуева стана с. Булатниково
Переяславский	Волости Аргуновская и Окружная
»	С. Вески Новосельского стана
Пошехонский	Несколько волостей
Ржевский	Волость Молодой Туд

¹ Кроме того, дворцовые земли, розданные казакам,

Год раздачи	Кому розданы земли	Источник
1620—1 25	Роздана по мелким участкам	П. к. 15392, л. 540—833
1619—1620	Роздана в поместье дворянам и детям боярским	П. к. 190, л. 145 и сл.
1618—1619	Роздана в поместья казакам	П. к. 190, л. 175 и сл.
ок. 1620	Роздана по мелким участкам	П. к. 202, л. 312 и след., л. 435 и сл.
» 1620	Дано одному лицу	П. к. 202, л. 55
ок. 1619—1620	Дано кн. Д. М. Пожарскому	» » 204, л. 1051
ок. 1620	Роздано казакам, за исключе- нием очень немногих селений	П. к. 684, л. 584
» 1620	Дано в поместье разным лицам	» » 9807, лл. 26—38
» 1620	Часть этих волостей дана окольничему кн. С. В. Прозо- ровскому за Тихвинское осад- ное сиденье	П. к. 812, лл. 843—44
1625—1630	Роздано по мелким участкам	П. к. 812, л. 58
ок. 1620	Роздано по мелким участкам	» » 12573—76
» 1620	Розданы части этих волостей	П. к. 833, лл. 415 437

были и в других местностях уезда.

У е з д ы	В о л о с т и
Ржевский	Волость Езжина
Ростовский	Волость Савинская
»	Савина стана с. Пужболь
»	С. Вощажниково (Рождественского стана)
»	С. Васильево Верхоусецкого стана
Суздальский	С. Порзна Мыцкого стана
Новоторжский	С. Климовское и с. Константиновское
Углицкий	С. Вески Моложского стана
Устюжна	Хрепелевск. вол.
Юрьев-Польский	С. Красное и с. Васильево
Ярославль	Волость Черемха, Болобанов приселок
»	Волость Курба, отдельные селения

Год раздачи	Кому розданы земли	Источник
» 1620	—	П. к. 834, лл. 307—311
1622—1624	Роздана по мелким участкам	П. к. 838, л. 52
1619—1620	Дано кн. Ю. Я. Сулешову	» » 840, л. 57
ок. 1620	Частью роздано отдельным лицам	» » 838, л. 264
1614—1615	Роздано 23 лицам, всего до 4500 дес.	» » 838, л. 475
1622—1623	Дано в вотчину кн. Куракину	П. к. 11319, лл. 906—945
ок. 1620	Роздано по мелким участкам	П.к. 801, лл. 388,— 487, 606—659
» 1620	Роздано по мелким участкам	Писц. кн. Углиц- кого у., Времен. Демид. лицей, т. 41—46, стр. 534
1616—1617	В ней помещены новгород- цы мелкими участками	П. к. 901, лл. 273 и сл.
ок. 1620	Розданы разным лицам	П. к. 915, лл. 208 и 238
» 1620	Розданы разным лицам	П. к. 546, лл. 878, 977
—	» » »	П. к. 549, лл. 458, 479

совершенно пустыми землями, эксплуатация которых в тяжелый момент, переживавшийся тогда страной, была бы невозможной. Пришлось прибегнуть к издавна практиковавшейся раздаче служилым людям населенных дворцовых имений. К этому средству успело обратиться еще земское правительство 1612—1613 гг.; его примеру последовало и правительство царя Михаила в первые месяцы своего существования. За это время почти исключительно в Замосковном крае было роздано думным и московским чинам, принимавшим участие в освобождении Москвы от поляков, не менее 45 500 десятин дворцовой земли¹. Начиная с этого момента, озабоченное исполнением всех наличных служилых людей и поставленное в необходимость жаловать множество лиц вотчинами за «осадные сидения» и другие заслуги во время войн с Польшей и Швецией, московское правительство производило раздачу дворцовых земель в очень широких размерах. С этой раздачей, продолжавшейся, приблизительно, до середины 20-х годов, удобнее всего познакомиться по писцовым книгам того времени, которые дают возможность составить примерный перечень дворцовых волостей, розданных в Замосковных уездах. На этот раз раздача производилась не одним только большим боярам и столичным деятелям, как в 1612—1613 гг., а главным образом городовым дворянам и детям боярским (см. табл. на стр. 207—208).

Из приведенного перечня видно, что раздача дворцовых земель распространялась на 22 из Замосковных уездов и целиком обнимала иногда очень большие волости; однако этот перечень отнюдь нельзя считать полным; весьма вероятно, что в действительности раздача дворцовых земель производилась в еще более широких размерах. Характерным обстоятельством является наблюдаемая в большинстве случаев раздача земель провинциальным служилым людям по мелким участкам. Раздача 1614—1625 гг. не была следствием произвольного распоряжения дворцовой недвижимостью со стороны сильных людей, державших в своих руках государственную власть, как это отчасти было в 1612—1613 гг., когда раздача дворцовой земли тысячами четей производилась почти лишь одним думным и московским чинам. В раздаче 1614—1625 гг. видна политика правительства, рассчитанная на укрепление и поднятие мощи господствующего класса дворянства путем передачи ему наименее одушевленных дворцовых земель.

Однако раздача оказалась очень большой. Продолжать ее в том же масштабе значило бы привести к полному истощению важнейший источник благосостояния всего дворцового хозяйства. Поэтому, когда весь состав служилого люда оказался более или менее устроенным, пожалования вотчин за участие в войнах 1607—1619 гг. окончились и дальнейшее расходование дворцовых земель было ограничено.

В 1627 г. «февраля в 26 день государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси и великий государь святейший

¹ Докладная выписка о поместьях и вотчинах 7121 г., сообщенная Барсуковым. Чт. О. И. и Др. Р. 1895, кн. 1.

патриарх Филарет Никитич слушали перечневого списка, сколько в государевых дворцовых селех в живущем вытей и сошного письма и что с них государевых окладных и неокладных доходов и таможенных и кабацких денег, и приказали князю Алексею Михайловичу Львову да дьяку Герасиму Мартеньянову записать в приказе Большого дворца свой государев приказ: только вперед учнуть бить челом им, великим государям, челобитчики о государевых дворцовых селех и о деревнях и о пустошах в вотчины и в поместья, и вперед с нынешнего числа государевых сел и деревень в вотчины и в поместья боярам и окольничим, и дворянам, и стольникам, и стряпчим, и из городов детям боярским, и атаманам, и казакам отнюдь никому не давать для того что на государев обиход и на всякие дворцовые расходы и государевым дворцовым людям всех цинцов и ружникам и оброчникам на жалование денег и хлеба недостает много, а исполнить неоткуда, и хотя будет их государский приказ, по чьему челобитью велят выписать кому дворцовое село или деревню к отдаче, и сей их государский приказ памятовать и докладывать их, государей»¹.

Таким образом, был издан указ о запрещении отчуждать дворцовые земли. В указе 1627 г. интереснее всего заканчивающая его оговорка. Высказанное законодателем предположение, что он сам может нарушить изданный им закон, отмечено еще издателем указной книги поместного приказа. Оно в высшей степени характерно и показывает, что люди XVII в. прекрасно понимали отличительную особенность законодательной практики Московского царства. Но всего интереснее, что, несмотря на оговорку, законодатель действительно очень скоро перестал соблюдать изданное им постановление и раздача дворцовых земель продолжала производиться, хотя и при других несколько условиях, чем ранее.

Закон 1627 г. имел известное практическое значение в том отношении, что раздача дворцовых земель сильно уменьшилась; тем не менее нам известны несколько случаев такой раздачи, относящихся к 30-м и 40-м годам XVII столетия. Так например, только что упомянутый начальник приказа Большого дворца, довольно заметный деятель царствования Михаила Феодоровича, боярин князь А. М. Львов, сам принимавший участие в составлении указа 1627 г., в 1634—1635 гг. получил значительную часть дворцовой Кимрской волости Кашинского уезда, в количестве 153 дворов крестьянских, 149 дворов бобыльских, 18 дворов рыбных ловцов при 1200 десятинах пахотной земли, не считая санных покосов и лесов². Царский тесть, боярин Лукьян Степанович Стрешнев, получил значительную часть дворцовой Городецкой волости в Балахнинском уезде³. В том же году была роздана в поместье рейтарам, солдатам и детям боярским сильно запустевшая Турьевская

¹ Ук. кн. Пом. приказа, изд. Сторожевым, № 40, стр. 59; *Неволин*, История гражданских законов, II, стр. 225.

² П. к. 173, лл. 1648—1706.

³ Переп. кн. 15646, лл. 47—127.

Лица получившие дворцовую землю	Год
1. Боярин И. М. Милославский	1676
2. Окольничий А. С. Хитрово	—
3. А. П. Соковнин	—
4. Ф. А. Лопухин	—
5. Д. Булгаков	—
6. Боярин кн. Ф. Ф. Куракин	1676—77
7. Д. двор. и печатник Д. М. Башмаков	—
8. Павел, Ив. и Тим. Савеловы	—
9. Беспоместные жильцы	—
10. Касимовский царевич	1677—78
11. П. С. Хитрово	—
12. Н. П. Кондырев	—
13. Кн. Г. Г. Долгорукий	—
14. Кн. И. Д. Долгорукий	—
15. Кн. М. Я. Черкасский	—
16. Столповый приказчик Брехов	—
17. Окольничий А. С. Хитрово	—
18. Кн. И. Г. Куракин	1679—80
19. Стольник И. Заборовский	—
20. Боярыня вдова М. М. Грушецкая	1680—81
21. » » А. В. Хитрово	—
22. Стольник И. А. Лихачев	—
23. Вдова стольника кн. Львова	—

У е з д	И м е н и е	Число дворов
Московский	Из с. Люберец	30
»	Пустоши	—
»	»	—
Дмитровский	Жереб. д. Акимовой	3
Московский	Д. Бревнова	6
»	Из с. Васильева	24
Звенигородский	Из с. Васильевского	2
Переяславский	Аргуновская вол.	233
Костромской	Колдомская »	318
Московский	Пустоши	—
Дмитровский	$\frac{2}{3}$ с. Подпиличья, с-ца Дяткова и д. Теряева	47
Суздальский	Из с. Теренева	12
Звенигородский и Боровский	С-цо Пашкино, д. Мурино	27
Звенигородский	Из с. Пронского	25
Ростовский	» » Иванкова	45
Юрьевский	Д. Горяинова	23
Верейский	Пустоши	—
Московский	»	—
Кашиинский	С-цо Новое, д. Окатово	8
Московский	Из с. Васильевского и с. Брынкина	60
»	С-цо Таболово	22
»	Д. Новоселье	4
»	С. Семеновское	34

волость Можайского уезда¹. Несколько ранее, в 1629 г. в дворцовой Яропольской волости Владимирского уезда было отделено несколько крупных поместий, преимущественно московским чинам (например, ясельничему Глебову было дано 1000 четей в поле), и значительное пространство земель пожаловано в вотчину последней княжне Мстиславской².

Приведенных примеров достаточно, чтобы видеть, в каких случаях нарушался указ 1627 г. Он нарушался в пользу сильных людей, в пользу лиц, принадлежавших к высшей дворцовой среде, даже в пользу тех из них, которые сами принимали участие в его составлении; кроме того, его действие прекращалось, когда дело заходило о почти пустых дворцовых волостях западных уездов. Действительность пересилила закон 1627 г.; в этом, вероятно, кроется причина, почему составители Уложения стали на иную точку зрения и вновь разрешили раздачу дворцовых земель, отменив, таким образом, закон 1627 г.³ На практике новый закон, повидимому, не внес первое время ничего нового в дело раздачи дворцовых земель: это была лишь санкция порядка, удержавшегося вопреки указу 1627 г.; по крайней мере в 50-х и 60-х годах не замечается особенно частых случаев раздачи дворцовых вотчин⁴.

В царствование царя Феодора раздача дворцовых земель как будто усиливается. Всего за это царствование роздано было из дворцовых сел 2795 дворов⁵. О раздаче имений в Замосковных уездах можно судить по следующим данным⁶ (см. табл. на стр. 212).

Всего таким образом было роздано 1423 крестьянских двора, преимущественно крупным придворным деятелям или дворцовым служащим, не считая 23 дворов, мельниц и рыбных ловель, отданных монастырям.

С начала 80-х годов масштаб и характер раздачи дворцовых земель в Замосковном крае совершенно меняются. Правительство почти перестает раздавать по мелким участкам даже пустые дворцовые земли. Зато раздача боярам, придворным деятелям и любимцам достигает огромных размеров. Теперь по своим размерам она начинает напоминать XVIII в., т. е. эпоху самой бесцеремонной траты дворцовых и государственных недвижимых имуществ в пользу придворных фаворитов. Очень может быть, что наблюдаемые с 1682 г. изменения в характере раздачи дворцовых земель следует объяснить

¹ Чт. О. И. и Д. Р. 1901, № 1. *Холмогоровы*, Материалы по истории церквей и сел. Можайская десятина, стр. 35.

² П. к. 12604, лл. 1814—2149.

³ Улож. XVII, ст. 23, 24.

⁴ Характерна группировка дворцовых земель в некоторых, по крайней мере, местностях: напр., в Московском уезде в половине XVII в. в руках дворца оставалось почти все течение р. Москвы; по той же реке были расположены дворцовые владения Звенигородского и Коломенского уездов. Очень может быть, что здесь мы имеем дело с результатами сознательной политики правительства, стремившегося удержать в руках дворца богатые села по важнейшему подмосковному водному пути.

⁵ *Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, II, стр. 11.

⁶ ГАФКЭ, фонд А. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 78, лл. 14—17.

Лица, получившие дворянскую землю	На каком праве	Год	Уезд	И м е н е	Число дворов	Количество пашни в четах в поле
1. Кн. Сем. Ал. Хованский . .	Поместье	1682	Московский	С. Мелькисарово	13	127
2. Кн. Фед. Фед. Куракин . .	Вотчина	—	Суздальский	С. Лежнево	221	700
3. Боярыня Д. Б. Апраксина	Поместье	—	Московский Тверской	С. Иславское С. Тургиново	727	2 448
	»		Юрьево-Польский	С. Смердово, Лычево и Клины		
4. Дум. ав. С. В. Ловчиков .	Вотчина	—	Коломенский	С. Никитское	69	718
5. Стольник Ф. П. Бутурлин	Поместье	—	Московский	1/2 д. Мизнинова (из Из- майловской вотчины)	7	60
6. Стольник С. Николаев . . .	»	—	Костромской Владимирский	Д. Подосинка » Лезушина	32	183
7. Дочери кн. Д. П. Голицына	Вотчина	—	Суздальский	Беспашенная слоб. Хо- луй		
8. Дочери кн. Г. Ф. Долгору- кова	»	—	Юрьево-Польский	С. Лучинское	145	Выпускной земли 50 четей
9. Дьяк Ем. Украинцев	»	—	Московский	2 пустоши	140	501
10. Кн. Мнх. Алек. Черкасский		1682—83	Суздальский	С. Рождественское, С. Нижний Ландех	—	148
11. Род., Мат. и Тих. Ник. Стрельневы	»		Ярославский	С. Давыдково	81	864 1/2
12. Кн. Прозоровские	»	—	Балахнинский Ростовский	Толоконн. в. с. Яковле- ское-Гари	528	503
13. Б. Г. Юшков	»	—	»	С. Поречье	719	3 538
					397	2 065 1
					538	852
					385	1 265

1 П. к. 841, л. 334; в «списке» с. Яковлевское не упомянуто.

Лица, получившие дворцовую землю	На каком праве	Год
14. И. Б. Милославский	Вотчина	—
15. Боярян Матюшкин	»	—
16. » А. Т. Лихачев	»	—
17. Т. П. Савелов	»	—
18. Стольник кн. И. М. Долго- рукий	»	—
19. Стольник А. Милославский	»	—
20. Инсземец Акема (к желез. зав.)	»	—
21. Боярин Ф. П. Салтыков	»	1683—84
22. Братья Нарышкины	»	—
	Поместье	
23. Ф. П. Соковнин	Вотчина	—
24. Андр. Арт. Матвеев	»	—
25. Думн. дв. М. Т. Лихачев	»	—
26. Дьяк Н. М. Зотов	Поместье	—
27. А. Измайлов	»	—
28. Жена стольника В. П. Ше- реметева	Вотчина	—
29. Стряпчий Л. Пятово	»	—

Уезд	Имя	Число дворов	Количество пашни в четьях в поле
Московский	Прис. Кудрин	33	162
Ярославский	С. Никольское и с. Сельцо	313	426
Коломенский	С. Никоновское	58	453
Можайский	С. Верское	14	2 457
Московский	С. Степановское	17	107
Юрьево-Польский	С. Красное	641	413
Верейский	Вышегородская волость	327	4 290
Московский	С. Сафарино	23	404
Переяславский	С. Рюминское	78	1 306
Кашинский	Кимрская в., с.	756	2 414 ¹ / ₂
Боровский	Карамышево	387	1 469
Муромский	Пуроцкая в.	1447	7 800
Волоколамский	С. Вишенки	104	1 166
Владимирский	С. Сарыево	582	12 200
Коломенский	С. Степановское и Хоросево	106	657
»	С. Карпово	73	246
»	С. Северское	38	287
Юрьево-Польский	Сокольская вол.	155	2 614
Коломенский	Д. Ратчина	34	119

Лица, получившие дворянскую землю	На каком праве	Год	Уезд	И м е н е	Число дворов	Количество напих в четиx в поле
30. П. Дорошенко (Итман) . .	Поместье	—	Волоколамский	С. Ярополч	336	456
31. Боярин Ф. П. Салтыков .	Вотчина	1684—85	Московский	С. Бардаково	19	77
32. Боярин И. Я. Мусия-Пуш- кин	»	—	Можайский	Горетовская волость	12	2018
33. Стольники П. и И. Салты- ковы	»	—	Владимирский	Черкутинская волость Матренинская волость	386 187	3758 3871
34. С. Айгустов	»	—	Дмитровский	С. Сергеево	33	244
35. Кн. И. Б. Решни	»	1686—87	Московский	С. Демидово-Кунавна	36	20
36. Кн. Б. И. Прозоровский .	»	—	»	С. Зюзино	11	116
37. Боярин А. С. Шенн	»	1687—88	»	С. Прусы	32	223
38. Думн. дв. П. И. Потемкин .	»	—	Галицкий	—	40	—
39. К. П. Нарышкин	»	—	Переяславский	С. Тимофеевское	130	1344
40. Ф. Ртищев и С. Николаев .	»	—	Галицкий	—	60	27
41. С. Зубов	»	—	Углицкий	} Из отписных земель	24	33 ³ / ₈
42. Кн. Козловские и др. лица .	»	—	Галицкий		66	?
43. Кн. М. Ал. Черкасский . .	»	1688—89	Коломенский		141	775
44. Кн. П. И. Прозоровский .	»	1688—89	Можайский	Вол.: Шебаршинская, Тягожская, Карачаров- ская	218	4914

Лица, получившие дворцовую землю	На каком праве	Год	У е з д
45. Боярин К. П. Нарышкин .	Вотчина	—	Муромский
46. » А. С. Шени	»	—	Коломенский Старицкий
47. Кн. Б. А. Голицын	»	—	Юрьevo-Польский
48. Бояре Б. П. Шереметев и кн. В. Д. Долгорукий . . .	»	—	Ржевский
49. Боярин Фед. Авр. Лопухин	»	—	Московский Суздальский
50. Боярин Л. К. Нарышкин .	»	—	Московский
51. И. М. Татищев	»	—	Владимирский
52. Думн. дв. Гавр. Деревнин .	»	—	Московский
53. Боярин Т. Н. Стрешнев . .	»	1689—90	»
		—	Суздальский
54. Ф. Т. Зыков	»	—	Звенигородский
55. Бр. Савеловы	»	—	Владимирский
56. В. Ф. Стрешнев	»	—	Можайский
57. Н. Нестеров	»	—	Московский
58. П. А. и В. А. Лопухины .	»	1690—91	Юрьevo-Польский

И м е н и е	Число дворов	Количество пашни в четах в поле
Стародубск. с.	1194	10 351
С. Горы	} 157	1 690
С. Покровское		2 243
Бороздино		
Турабьевская волость	396	3 610
С. Молодой Туд и при- селок Рогалев	} 813	874
С. Ясенево		} 3 683
С. Дунилово	743	
Сс. Фили, Чашниково и Черкизово	} 278	1 972
С. Дубки		1 725
3 пустоши Домодедов- ской волости	—	20
С. Ермолино и прис. Михалев.	} 46	262
С. Глумово		2 239
Пустоши	—	25
С. Спасское	233	3 497
Пустоши в Воробин- ской волости	—	101
С-цо Загорье	—	35
Некоморская вол. и присел. Городище Мсти- славле	406	3 963

Лица, получившие дворцовую землю	На каком праве	Год
59. Матв. Фил. Нарышкин . .	Вотчина	—
60. Кравчий Фед. Кир. Нарышкин	»	—
61. Кир. Ал. Нарышкин	»	—
62. Боярин Март. Кир. Нарышкин	»	1692—93
63. Авт. Мих. Головин	»	—
64. Дьяк Фед. Тверитинов . .	»	1692—93
65. Автоном Мих. Головин . .	»	—
66. Фельдмаршал Б. П. Шереметев	»	1696—97
67. Генерал Гордон	»	—
68. Думн. дв. Н. М. Зотов . .	»	—
69. Адмирал Ф. А. Головин .	»	1699— 1700
70. А. Д. Меньшиков,	»	1700

Уезд	Имя	Число дворов	Количество пашни в четах в поле
Московский	С Петровское	29	24
»	С. Медведково	72	582
»	С Покровское и Тешин- лово	49	271
»	С. Хорошево, д. Остро- гино и Мякинино	28	94
»	С. Хотенчи	27	719
Костромской	С. Малое	70	1 213
Московский	Д. Анциферово Селни- ской вол.	9	48
Ярославский	С. Мосцы	73	---
»	С. Яхробол	31	152 $\frac{1}{2}$
Рузский	Сс. Воскресенское и Богородицкое	42	1 102 $\frac{3}{4}$
Московский	Д. Филипповка	5	57
»	Д. Лукина	30	84

политическими обстоятельствами того времени: государственная власть на долгий срок, в сущности до конца века, перешла в не разменявшие друг друга придворные кружки. Под защитой высоких покровителей получили свои доли более мелкие придворные чины. Наконец, уже, несомненно, в связи с политическими событиями эпохи, воспользовались дворцовыми землями и стрельцы. Рассмотрим, кто и в какой мере получал дворцовые земли в последние 20 лет XVII в. Нижеследующая таблица знакомит с раздачей земель придворным и податным деятелям времен Софьи и первых лет единодержавия Петра ¹, первое место между которыми занимает царская родня того времени: Апраксины, Милославские, Салтыковы, Нарышкины и Лопухины, затем родня патриарха Иоакима — Савеловы, деятели переворотов 1682 и 1689 гг. — Хованские, князь Борис Голицын, Тихон Стрешнев и т. д. Здесь же можно найти и Никиту Моисеевича Зотова, а в самом конце — восходящую звезду — Меншикова (стр. 214—218).

Таким образом в Замосковном крае за 18 лет было роздано 16 120 дворов и более 167 000 десятин пахотной земли, не считая сенокосов и лесов, придававшихся иногда в огромном количестве к жалуемым вотчинам.

Раздача дворцовых земель продолжалась и после 1700 г. В первые же годы XVIII в. сподвижники преобразователя получили в старом Замосковном крае новые пожалования, часто еще более значительные, чем те, какие давались в 1682—1700 гг. Так например, Меншиков получил в Московском уезде волости Домодедовскую Гуслицу Гвоздну и села Верхнее и Нижнее Мячково с 1270 дворами и около 20 000 десятин пахотной земли. Боярин. В. П. Шереметев получил обширную Юхотскую волость в Ярославском уезде (1704 дв., 12 112 четей в пол^е пашни паханой, 13 080 копен сена и 2970 $\frac{1}{2}$ десятин лесу, не считая поверстного). Князю Григорию Федоровичу Долгорукову досталась в Московском уезде Хотунская волость (701 дв., 5680 четей пахатной земли, 1964 копы сена и очень много лесу) и т. д. Производилась эта раздача и по другим областям государства; не лишен интереса общий итог ее за 1682—1711 гг.: всего дворцовых земель было пожаловано (почти исключительно лицам вроде поименованных в выше приведенном перечне) 43 659 дв., 337 382 четей в поле или 506 073 десятины пахатной земли, с лишком 51 000 десятин покосов и 33 279 десятин леса, кроме не измеренных огромных пространств леса поверстного, т. е. во всяком случае более миллиона десятин ².

¹ Приводимые здесь сведения заимствованы из «списка с раздаточной выписки, что роздано боярам и окольным и думным людям в вотчины со 190 года». ГАФКЭ, фонд А. М. Дв., М. о., оп., 38/648, д. № 47. Здесь, разумеется, приводятся только сведения о раздаче в Замосковном крае.

² А. М. Дв., М. о., оп. 38/6489, д. 47, л. 43; *Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, стр. 11; *Барсуков*, Сведения о Юхотской волости. Спб. 1894. У В. И. Семенова, который пользовался делом № 78 того же архива, содержащим список раздач, за несколькими небольшими отступлениями, схожий со списком дела № 47, находим несколько расходящиеся с приводимыми здесь данные об общем количестве розданных

Выше сказано, что кроме лиц, сильных своим политическим или придворным влиянием, участки дворцовых земель доставались и низшим придворным чинам и стрельцам. Мы уже видели, что в 1676—1677 гг. беспоместным и безвотчинным жильцам была роздана дворцовая Костромская Колдомская волость; в 1678—1679 гг. — отписанная во дворец бывшая вотчина боярина М. И. Морозова¹. 11 июля 1682 г. таким же беспоместным и безвотчинным жильцам было указано дать по 5 дворов крестьян из половины села Верхнего Ландеха, Суздальского уезда, когда-то вотчины Пожарских, потом данного «на пропитание» боярину Матвееву, а после отписанного во дворец². Одновременно с этим указом последовал и другой указ, согласно которому награждались офицеры стрелецкого войска, только что оказавшие огромные услуги находившейся у власти партии Милославских и царевны Софьи: капитаны надворной пехоты получили по пять крестьянских дворов из отписанных во дворец вотчин незадолго перед тем угасшего рода князей Воротынских — села Мошка, Муромского уезда³.

Изложенным не ограничивалась раздача дворцовых земель в XVII в. В течение всего изучаемого периода времени наблюдаются случаи отдачи дворцовых вотчин в монастыри. В царствование царей Михаила и Алексея можно насчитать довольно много примеров подобных пожалований, производившихся, по крайней мере до половины века, чаще всего «по душе» государей или каких-нибудь членов царской семьи и более всего в близкий семье Романовых Новоспасский монастырь. В первые же годы после возвращения в Москву Филарета Никитича великие государи жалуют туда «по боярине по Александре, да по окольникем по Михаиле, да по стольнике по Микифоре, прозвище по Василье, Никитичех Романовых», бывшую вотчину этих умерших в ссылке родственников, село Денисовское с деревнями в Костромском уезде, в волости Нерехте⁴. В конце 20-х годов в тот же монастырь поступает дворцовое село Владимирского уезда, Борисовское, «для вечного поминовения» царицы Марии Владимировны⁵. Туда же в 1635 г., вероятно по душе патриарха Филарета, было отдано дворцовое село Костромского уезда Домнино⁶. В Новоспасский монастырь, и, вероятно, по тому же случаю, поступил в 1634 г. в Звенигородском уезде же-

имений. Ввиду того, что оба списка могут иметь только приблизительное значение и содержать несомненные пробелы (так, напр., в них отсутствует известие о Ростовском селе Гарях), я не придаю значения этому небольшому разногласию, признавая приводимые цифры только приблизительными.

¹ П. С. З., II, № 934: А. М. Дв., М. о., оп. № 36/648, д. № 78, л. 14—15.

² П. С. З., II, № 941: эта дача отмечена и в дворцовом списке Архива фонда Мян. Дв., из которого заимствован вышеприведенный перечень; из списка видно, что всего в с. Верхнем Ландехе было роздано 388 дворов и 926 четей в поле пахатной земли.

³ П. С. З., II, № 940.

⁴ Г. К. Э. по Костроме, № 5193/226 (344 чети пашни).

⁵ П. к. 12610, л. 281 (67 дворов крестьянских, 54 двора бобыльских, 12 0 четей пашни).

⁶ П. к. 10992, вотчина № 25 (без пагинации).

ребей села Васильевского¹. Новые вотчины поступают в Новоспасский монастырь после смерти царицы Евдокии Лукьяновны (1645 г.) — с. Бутовское Опольского стана, Владимирского уезда², и после смерти боярина Никиты Ивановича Романова в 1655 г. перешедшие во дворец бывшие его вотчины того же уезда села Заколнье и Кишлеево³. Давались земли и патриарху; в особенности это заметно при Филарете, когда «домовые» вотчины увеличились дачей села Ярымова при Муромском уезде, села Сельцы и рыболовских деревень села Озерецкого в Московском уезде⁴. Конечно, в числе жалуемых землею монастырей не был забыт и знаменитый Троицкий Сергиев, получивший от царя Михаила в Московском уезде городок Радонеж в прибавку к своим огромным владениям, расположенным вокруг монастыря⁵. Не забывал царь Михаил и провинциальных монастырей: так например, в 1619 г. были пожалованы 2 рыбных озера муромскому Благовещенскому монастырю⁶. В царствование царя Алексея дворцовая земля жертвовалась и в погостроенные Никоном монастыри: так например, Иверский монастырь получил из дворцового села Ярополча пустошь, что бывало село Середу Стратилатскую с пустошами и с малыми оселками и со всякими угодьями⁷. И другие монастыри также иногда пользуются щедротами царского дома. В 1649 г. на место старого дворца Грозного в дворцовой Александровской слободе возник Успенский девичий монастырь. В 1664 г. он получил жалованную грамоту на сennie покосы; в 1668 г. ему пожалована мельница, которая до того была отдана на оброк посадскому человеку Александровской слободы. В 1677 г. монастырь получает 2 новых мельницы. Около того же времени ему отдается часть хозяйственных дворов государственной усадьбы. В 90-х годах игуменья вновь хлопочет об отдаче ей дворцовых пустошей для пастбищ и получает их во владение «до государева указу», т. е. навсегда⁸.

Возникшая одновременно с Успенским монастырем и неподалеку от него мужская Лукианова пустынь также получила дворцовые земли: в 1685 г. за ней числилось 17 пустошей с 635 четями в поле земли, данных из земель Александровской слободы и села Рюминского⁹. В 1689—1690 гг. государи пожаловали несколько пустошей,

¹ П. к. 638, л. 263.

² Г. К. Э. по Владимиру № 1991/214 (село пусто; пахотной земли 1600 четей в поле).

³ Г. К. Э. по Владимиру, №№ 1970/193 и 2008/231.

⁴ Горчаков, О земельных владениях всероссийских митрополитов, стр. 330 и прил., стр. 32—35. Спб. 1876.

⁵ П. к. 258, лл. 227—239; П. С. З., I, № 205.

⁶ А. А. Э., IV, № 103.

⁷ Чт. О. И. и Др. Р. 1896, кн. 4. Холмогоровы, Материалы по истории церквей и сел XVI—XVIII ст. Волоколамская десятина, стр. 47. Позднее с. Серда было передано во владение Воскресенского и Новонерусалимского монастырей.

⁸ Стромиллов, Александровская слобода в XVII ст. и ее Успенский девичий монастырь. «Владимирские епархиальные ведомости» 1882 и 1883 гг. Г. К. Э. по Переяс., № 9455/731

⁹ П. к. 350, лл. 126—132.

принадлежавших к дворцовой Вошажниковской волости, еще одному очень незначительному провинциальному монастырю — Ростовскому Рождественскому¹. В списке дворцовых земель, розданных в 1682—1700 гг., можно также отметить несколько довольно значительных дач духовенству.

Лицо или монастырь, получившие землю	Год	Уезд	Название жалуемого имени	Число дворов	Количество пахотной земли в четах в поле
Саввин Сторожев. монастырь	1681—82	Звенигородский	С. Луцкое	22	142
Патриарх Иоаким	1682—83	Московский	С. Дмитровское	63	Не сыскано в Пом. приказе, потому что то село было в ведомстве у тайных дел
» »	—	Владимирский	Вол. Любецкий Рожок	83	
Иона, митрополит Ростовский	—	Ростовский	Беспашенное с. Поречье	24	?
Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь	1685—86	Рузский	С. Высоцкое	46	428
Переяславский Горницкий монастырь	1692—93	Костромской	Посад Соль Большая	70	?

Приведенные примеры пожалования дворцовых земель духовенству и монастырям достаточно убеждают в том, что раздачи не прекращались за все XVII столетие. Далеко не равняясь большим раздачам дворцовых земель в светские руки, пожалование земель духовным лицам и учреждениям, не прекращавшееся за всю изучаемую эпоху, представляло собой хотя и не сильный, но постоянный источник убыли дворцовых владений.

Откуда же пополнялся состав непрерывно расходовавшихся дворцовых земель?

Единственным источником такого пополнения в Замосковном крае следует считать отписку на государя частновладельческих вотчин. Однако этот источник не мог давать слишком много. Отписка частных вотчин на государя происходила почти только в тех случаях, когда эти вотчины оказывались выморочными. Таким, действительно, путем и перешли в XVII в. во дворец вотчины угасших

¹ Г. К. Э. по Ростову, № 10733/193.

князей Шуйских, Мстиславских, Воротынских, Пожарских, бояр Морозовых, боковой ветви Романовых и других. Подчас подобные наследства, получаемые Большим дворцом, бывали очень крупными, но едва ли их достаточно было для покрытия постоянного расхода дворцовых земель. Отписные вотчины обыкновенно очень быстро уходили вновь в раздачу: среди списка земель, пожалованных в 1682—1700 гг., можно встретить довольно много имений, перешедших во дворец отпиской: родне царя Феодора — Апраксиным — пожалованы были село Иславское, прежде вотчина бояр Морозовых, и село Тургиново — боярина Н. И. Романова; Лопухиным — село Дунилово, бывшая вотчина Шуйских, и т. д. Но кроме этих отписных земель уходили в раздачу и старые, исконные дворцовые волости и села. Отписка выморочных вотчин никаким образом не могла возместить тех $1\frac{1}{2}$ —2 миллионов десятин, которые были розданы в два момента самой щедрой траты дворцовых земель — в 1612—1625 и 1682—1700 гг. Дворцовое землевладение уменьшалось в Замосковном крае в течение всего XVII в., и перед эпохой реформ количество земель, принадлежавших Большому дворцу в самых старинных областях государства, было значительно меньше того, какое оставила после себя за сто лет до этого династия Рюриковичей.

II

Общий ход исторических судеб черного землевладения в эпоху, предшествующую исследуемой, в достаточной степени освещен в нашей исторической литературе¹. Многочисленные еще в начале XVI в. черные земли в Замосковном крае постепенно убывали, во-первых, вследствие «окняжения», т. е. превращения в дворцовые; во-вторых, вследствие того, что иные из них раздавались в поместья и вотчины служилым людям². Тем не менее в конце столетия черное землевладение еще не совсем исчезло из центральных областей государства. Говоря о влиянии эпохи крестьянских войн и интервенции на землевладение в Замосковном крае, я привел известия, свидетельствующие о том, что опустошения того времени способствовали окончательному запустению и исчезновению черных земель в таких местностях, где к этому времени еще существовали их остатки. В таких случаях бывшие черные, ставшие теперь пустыми, земли

¹ Беляев, О поземельном владении в Московском государстве. Времен. М. О. И., и Д. Р., XI, стр. 4—9. Чичерин, Опыты по истории русского права, стр. 1—58. Милоков. Спорные вопросы, стр. 3—4. Соколовский, Экономический быт, стр. 4—5. Розков, Сельское хозяйство, стр. 428—431. Рождественский, Служилое землевладение, стр. 268—69. Лаппо, Тверской уезд, стр. 59—65. Сергеевич, Древности русского права, III, стр. 210 и сл. Лаппо-Данилевский, Очерк и история образования главнейших рядов сельского населения в России, в сборнике «Крестьянский строй», т. I, стр. 16—31.

² Интересно сравнение хотя бы, например, черных волостей, известных в XVI в. и упомянутых в работе Рожкова (Сельское хозяйство Моск. Руси, стр. 429—431), с состоянием их по письму 1620-х годов: из 16 упомянутых местностей 9 в 1620-х годах были в помещной раздаче, 1 — за монастырем, 3 — стали дворцовыми, положение трех остальных мне не удалось определить.

переходили, большей частью, в разряд порозжих, оставшихся в распоряжении правительства для будущих поместных и вотчинных дач. Во всяком случае, в десятых и двадцатых годах XVII столетия было много местностей, где сохранялись еще следы очень недавнего существования черных земель. Кроме уже известных пустошей, «что были деревни черные», в Кесемской волости Углицкого уезда, «пустошей черных деревень» в Нерехтской волости Костромского уезда и «лесной земли черных волостей» в уезде Ржевском¹, можно указать на известие тверских писцовых книг о «22 пустошах черных волостей» в Суземском стане, отмеченных писцами 20-х годов в качестве особой категории порозжих земель². В Ростовском уезде в 1685 г. упоминаются «великого государя черные тяглые земли слободки Варниц»³. В одном акте, относящемся к 1620—1621 гг., еще говорится, хотя, к сожалению, очень неопределенно, о черных волостях в окрестностях Шуи⁴. Следы обширных когда-то черных земель в Замосковном крае сохранялись в XVII в. также и существованием в некоторых местностях значительного количества «черного леса царя и великого князя» — государственных угодий, не попадавших за ненадобностью и за невозможностью их измерить ни в одно хозяйственное описание этой эпохи.

Но не в одних воспоминаниях существовали в XVII в. черные земли в исследуемой области. В 1612—1613 гг. к северо-востоку от столицы они еще существовали в довольно значительном количестве. В декабре 1612 г. был издан указ об испомещении служилых смолян в дворцовых и черных волостях Белозерского уезда⁵. Тогда же и в первые месяцы 1613 г. одновременно с большой раздачей дворцовых земель было пожаловано в поместья и вотчины думным и московским чинам до 14 000 десятин из черных волостей, преимущественно Вологодского и Галицкого уезда⁶. Особенно интересно при этом, что черные земли в этот момент существовали и гораздо ближе к Москве: в числе получивших жалованные земли находим стольника, князя Д. В. Клубкова-Мосальского, за которым «поместья новые дачи в Кашине из черных волостей 250 чети»⁷. Очень возможно, что раздача 1612—1613 гг. положила конец существованию черных земель в Кашинском уезде, потому что потом о них уже нет никаких известий. Но дальше к северо-востоку черные волости сохранились позднее.

Вот, например, данные о черных землях, зарегистрированные дозорными книгами 1614—1617 гг. в Галицком уезде:

¹ П. к. 210, л. 1344; п. к. 834, лл. 194—195; Врем. Демид. лица, т. 41—46; Угг. писц. книги, стр. 610.

² П. к. 873, лл. 166—169.

³ П. к. 839, л. 282.

⁴ Гарелин, Акты Шуи, № 19.

⁵ Доп. к. А. И., 1, № 173.

⁶ Докладная выписка о поместьях и вотчинах 7121 г., сообщенная Барсуковым. Чт. О. И. и Д. Р. 1895 г., кн. 1.

⁷ Там же, стр. 12.

	Волостных деревень живущих	Дворов		Пашни	Пере- логу	Сена в копнах
		кресть- янских	бобыль- ских	в четях в 3 полях		

1) Сольгалицкая осада (1614 г.)¹

Волость:						
Усольское околородье	111	389	94	1 455	1 157	4800
Жилино	84	204	29	873	146	1 258
Холм Шарьев	29	77	29	328	141 ¹ / ₂	487
Корцево Раменье	28	80	8	263 ¹ / ₄	96 ³ / ₄	130
Спаская	37	127	24	533 ¹ / ₁₂	186	1 005
Солдовская	37	81	18	363 ⁷ / ₁₂	211 ¹ / ₁₂	767
Лосево Раменье	31	87	17	358	176	613

2) Чухломская осада 1615 г.²

Волость:						
Вигская	20	51	13	122	351	346
Феткова слободка	23	27	1	123	450	776
Конявинская	89	188	29	880	455	1 716
Верхняя пустыня	27	49	—	268	392	951
Понизовская	87	98	86	360	850	2 198
Стан:						
Околородный	51	154	2	600	600	618
Васютинский	16	54	26	229	—	792
Волость:						
Великая пустыня	78	127	11	520	920	1 284
Глазуново	34	45	10	160	218	445
Валуево	71	122	2	1 020	250	1 800
Заболотье	121	375	—	1 680	1 128	4 137
Серационова пустынь	7	12	—	17	194	419

¹ П. к. 453.

² П. к. 529, лл. 1—313.

	Волостных деревень живущих	Дворов		Пашни	Пере- логу	Сена в копнах
		кресть- янских	бобыль- ских			
в четях в 3 полях						

3) Унженский пригород, станы Черные по Ветлуге (1616 г.)¹

Стан:						
Здвиженский	37	71	13	138	0	270
Богородицкий	47	80	29	176	0	333
Троицкий	44	91	40	271	0	411
Воскресенский	97	169	72	352	2½	828

4) Парфеньевская осада 1616 г.²

Волость:						
Парфеньевская околгородная . .	93	224	73	968	431	1 539
Калининская	81	219	79	832,5	426,5	1 517
Нейская	18	66	25	265	264	315

5) 8 черных волостей по Унже: Понизовская, Усть-Нейская, Нейская, Коткишевская, Солтоновская, Мерзлая слободка, Верховская и Лапшанская (1617 г.)³

	428	1 135	105	3 823,5	293,5	—
--	-----	-------	-----	---------	-------	---

6) Судайская осада 1617 г.⁴

Вохтомская волость	21	78	22	175	109,5	—
------------------------------	----	----	----	-----	-------	---

7) Кологривская осада 1616 г.⁵

Волость:						
Шишкилевская	25	109	14	450,5	104,5	666
Илешевская	69	281	68	932,5	5	1 150
Турдеевская	12	25	10	74	287	362
Куневская	10	18	6	51,5	51	136
Березницкая	12	23	3	61	47	134
Южская	12	48	1	125	34	252
Кемская	14	43	5	86,5	47	164
Межская	22	55	13	62,5	—	193

¹ П. к. 345, лл. 171—234.

² П. к. 345, лл. 1—82.

³ П. к. 499, лл. 1—180.

⁴ П. к. 499, лл. 184—201.

⁵ П. к. 345, лл. 83—170.

Кроме того из дальнейших описаний нам известны по именам следующие черные волости, существовавшие в двадцатых годах в Галицком уезде: Доровская, Шарицкая, Тормановская, Шартановская, Водская, Жоховская и Высокосельская. Сопоставляя все только что приведенные данные, нельзя не признать, что черные земли с несколькими сотнями деревень и несколькими тысячами дворов занимали в начале правления Михаила не последнее место среди других видов земель Галицкого уезда. Однако и здесь дни черного землевладения были сочтены. Раздача земель, предпринятая новым правительством для награждения лиц, способствовавших восстановлению порядка в государстве, с одной стороны, и для массового испомещения мелкого неверстанного или лишившегося своих земель служилого люда, с другой, коснулась не одних дворцовых земель; она тяжелым бременем легла и на черные земли Галицкого уезда и привела к быстрому и полному их исчезновению. Можно, кажется, отметить еще такую подробность: прекращение в 1613—1614 гг. раздачи большим боярам и придворным людям дворцовых земель в ближайших к столице местностях вызвало усиленную раздачу подобным лицам обширных черных волостей в северо-восточных уездах Замосковского края, в частности в Галицком, где их было еще так много. Нижеследующий перечень, составленный по галицким описаниям 20-х годов, показывает, кому было роздано большинство перечисленных выше черных волостей Галицкого уезда¹:

Уезды и волости	Год	Лица, получившие черные земли	На каком праве
1) Собственно Галицкий уезд			
Волости:			
1. Доровская и Шарицкая	ок. 1620	Кн. Ромодановскому и Леонтьевым	В вотчину
2. Водская	» 1620	Боярыне вдове княгине Урусовой	» »
3. Шартановская	» 1620	Семье дьяка Романчукова	» »
4. Жоховская	» 1620	Стольникам: Голенищеву, Бороноволову, Зюзину	» »

¹ П. к. 91, 94 и 96. Относительно точного времени раздачи и поводов к ней следует заметить, что в большинстве случаев черные земли Галицкого уезда были пожалованы в 1619—1620 гг. за «Московское осадное сидение в королевичев приход» 1618 г.

Уезды и волости	Год	Лица, получившие черные земли	На каком праве
2) Сольгалицкая осада			
Волости:			
5. Высокосельская .	ок. 1620	Боярину М. Б. Шен- ну	В вотчину
6. Усольское около- городе	» 1620	Разным лицам по мел- ким участкам	В вотчину и поместье
7. Холм Шарьев . .	» 1620	Готовцеву	В вотчину
8. Солдовская и Спасская	» 1620	} Разным лицам по мелким участкам	В вотчину и поместье
9. Жилино и Кор- цево Раменье . .	» 1620		
3) Чухломская осада			
Волости:			
10. Чухломское око- логороде	ок. 1620	} Разным лицам по мелким участкам	В вотчину и поместье
11. Федьково, Сера- пионова пустыня .	» 1620		
12. Заболотье, Гла- зуново	» 1620		
4) Ветлужские черные станы			
13.	ок. 1620	Кн. Ф. И. Мстислав- скому	В вотчину и поместье
5) Парфеньевская осада			
14. Парфеньевская окологородная . .	ок. 1620	Боярину И. П. Ше- реметеву и другим лицам	В вотчину и поместье
15. Калининская . . .	» 1620	Окольничему Арт. В. Измайлову, боярину кн. Д. И. Мезецкому и некоторым другим лицам	» » » »

Уезды и волости	Год	Лица, получившие черные земли	На каком праве
6) Унженская осада			
Волости:			
16. Понизовская . . .	ок. 1620	И. Н. Траханиотову	В вотчину
17. Нейская	» 1619	Боярину Ф. И. Шереметеву и стольнику Ал. Никит. Годунову	» »
18. Солтоновская . .	» 1620	Измайловым	» »
19. Коткишевская . .	» 1620	Окольничему М. М. Салтыкову	» »
20. Мерзая слобода	» 1620	Ки. Д. Ф. Мезецкому	» »
21. Верховская	» 1620	Боярину И. Н. Романову	В вотчину и поместье
7) Судайская осада			
22. Тормановская . .	ок. 1620	Ст. кл. Ю. П. Буйнотову-Ростовскому	В вотчину и поместье

Ближайшими к Москве черными волостями оказались на северо-востоке земли далекого северного края, а на северо-западе — местность, также не принадлежавшая к Замосковной области, но, однако, расположенная почти у границы ее, почему и представляется интересным ее отметить. Я разумею государеву черную волость Сумерскую, находившуюся в Старорусском уезде, к югу от озера Ильменя. Сумерская волость, заключавшая в 1627 г. 134 черных деревни с 397 дворами крестьян и 27 дворов бобылей¹, сохраняет название *черной* и в переписи 1646 г., которая отмечает в ней те же 134 деревни с 630 дворами крестьян и 26 дворами бобылей². Ясно, таким образом, что границы и размеры волости сохранялись в неприкосновенном виде³.

¹ П. к. 754, лл. 77—81.

² Переп. к. 455, лл. 80—81. Очень жаль, что неясно, куда тянула Сумерская волость в податном отношении. Быть может, она успела уже перейти в ведомство Большого двора и, таким образом, от прежнего своего состояния сохранила лишь одно название.

³ Говоря о черных землях, нельзя обойти молчанием одной очень редко встречающейся категории земель, которая фактически близко подходила к черным, это — па-

Характерной чертой, отличающей историю дворцовых и черных земель в Замосковном крае в XVII столетии, является их убыль, которая довела первые до значительного уменьшения, а вторые до полного уничтожения. Убыль дворцовых и черных земель, как показывает предыдущее изложение, происходила, главным образом, в пользу дворянского землевладения, монастырского и духовных властей. Нам предстоит теперь ознакомиться с состоянием этих двух видов землевладения. Начнем с последнего, т. е. с землевладения русского духовенства.

III

Непрерывно продолжавшийся в течение всего XVI в. усиленный переход недвижимых имуществ во владение «святых обителей» и «смирненных богомольцев» — владык и причтов соборов и церквей, отчего «села и пожни изнурялись в пустошях», а «воинственному чину оскудение приходило велие», был одним из самых трудных и грозных социально-экономических вопросов того времени¹.

Попыткой его разрешения был соборный приговор 1581 г., запрещающий духовным учреждениям приобретать недвижимые имения. Однако допущенная новым законом дача земли под условием выкупа ее родственниками открывала дорогу всевозможным обходам закона. Это обстоятельство было причиной того, что закон 1581 г. соблюдался не слишком тщательно². Для того чтобы вполне уяснить себе отношение правительства и общества XVII в. к вопросу о землевладении в замосковных уездах, удобнее всего будет рассмотреть явления, сюда относящиеся, в связи с общим ходом законодательства по этому предмету от воцарения Михаила до начала преобразований Петра.

селенное крестьянами порожнее поместье. Вот несколько примеров: в Кинешемской волости (того же уезда), незадолго до описания 20-х годов розданной в поместное владение, встречаются участки, не состоящие в чем-либо владении, но отписанные на государя; в таком положении, частью или полностью, находятся 2—3 десятка деревень (п. к. 15392, лл. 540—833). В Сонской волости Рязевского уезда в 20-х же годах находим с-цо Ратмирево, бывшее поместье О. Д. Хрипунова, состоящее из 2 деревень и 3 пустошей с 4 крестьянскими и 1 бобыльским дворами, «а по сказке окольных людей тем селцом Ратмиревым с деревнями и пустошами после О. Хрипунова владел (дьяк) Миколой Новокщенов, а покинул де владеть тем поместьем тому года с три, и ныне то селцо в порожних землях, не владеет им никто» (п. к. 833, лл. 581—83). В Сущове стану Костромского уезда в числе порожних земель значилось в 1680-х годах 5 жеребьев деревень с 8 крестьянскими дворами (п. к. 219, лл. 1517—1518). Между этими землями и их населением, с одной стороны, и настоящими черными землями, с другой, можно установить только одно отличие: порожние населенные земли были подведомственны поместному приказу, а не финансовым четам.

¹ Милютин, О недвижимых имуществх духовенства в России. Чт. О. И. и Др. Р. 1860 и 1861 гг. *Ключевский*, Боярская дума. *Рождественский*, Служилое землевладение. *Горчаков*, О земельных владениях митрополитов (Спб. 1871). *Паолов*, Очерк секуляризации церковных земель. *Розсков*, Сельское хозяйство. *Беллев*, О поземельном владении в Московском государстве.

² Примеры нарушений закона 1581 г. см. у Рождественского (Служилое землевладение, стр. 110—119).

Правительство царя Михаила не слишком, повидимому, было озабочено восстановлением закона 1581 г.: экономическая сторона дела была не особенно настоятельной, потому что уже все государство теперь «изнурялось в пустошьях», а на первое время для помещения всех неверстанных служилых людей было найдено средство в виде раздачи им дворцовых и черных земель, если не хватало не запустошенных земель поместного фонда. Вот почему правительство, принципиально подтверждая соборное постановление 1581 г., не только не следит за его исполнением, но, наоборот, вносит в него некоторые смягчения: 28 ноября 1620 г. был издан указ, гласивший, между прочим, что «в вотчинах, которые давались всяким людям служилым и приказным за царя Васильево Московское осадное сиденье, в тех они своих вотчинах и их дети и внучата и правнучата вольны и вольно им те вотчины продать и заложить и в приданое и в монастырь по душе дать»¹. Немного позднее, 27 августа 1622 г., появилось другое постановление, которым нарушался установленный 40-летний срок для выкупа вотчины родственниками: если о выкупе вотчины, поступившей в монастырь, не было челобития до 1613 г., то она оставалась навсегда за монастырем, потому что «те вотчины застарели за монастыри многими леты»; если же челобитие было подано, то дело каждый раз восходило на решение государя; только если вотчина перешла в монастырь позднее 1613 г., она подпадала действию указа 1581 г.²

И личным своим примером способствовал государь увеличению недвижимых имений духовенства. Как мы видели, во все время царствования царя Михаила не прекращается пожалование дворцовых имений патриаршей кафедре и монастырям. Законодательные послабления, облегчавшие переход земель в собственность духовных учреждений, и личный пример главы государства не могли остаться без подражаний: поэтому нет ничего удивительного в том, что к государю могли поступать челобитные вроде той, какую в 1636 г. подал довольно видный деятель эпохи, боярин князь Б. М. Лыков: «Во Ржевском, государь, уезде, твое царское жалование и царя Василия Ивановича за побой пана Лисовского, дано мне, холопу твоему, в вотчину из моего же, государь, поместьяца, село Кровотыль да слободка Золцо с деревнями и с пустошью по писцовым книгам доброю землею на триста на семьдесят на две чети с осминою с лесы и с острова и с рыбными ловли и со всяким угодем. Милостивый государь, царь... пожалуй меня, холопа твоего, вели мне тое мою выслуженную вотчину, по моей холопей смерти, отдать в монастырь к рождеству богородицы и к великому чудотворцу Пафнотью Боровскому за вклад на поминоку многогрешной души моей». И, конечно, на эту просьбу, не могло последовать отказа: «144 года, августа в 23 день, государь пожаловал, велел ему его вотчину после его живота дать в Пафнутьев монастырь»³.

¹ Ук. книга Пом. прик., изд. Сторожевым, № 6, стр. 33.

² Ук. кн. Пом. прик., № 96, стр. 113.

³ Ук. книга Пом. прик., изд. Сторожевым, № 29, стр. 48.

Однако и законодательное ослабление постановления 1581 г. и примеры несоблюдения его со стороны государя и со стороны подданных представляют особенно большой интерес потому, что все это отголоски настроения тогдашнего русского общества, которого и царь Михаил Феодорович, и боярин князь Лыков, и приказные дельцы, составлявшие законы, были представителями.

В период до 1640-х гг. вновь усилился приток земель во владение церковных учреждений, обусловленный ростом задолженности вотчинников монастырям.

Несколько примеров подтвердят эту мысль. В 1612—1614 гг. последние княгини Скопины-Шуйские — мать и вдова известного князя Михаила Васильевича, раздают «без выкупа, по приказу его» свои Переяславские и Бежецкие вотчины — с. Рославское, с. Никульское и с. Новое Смыково — первые два в Троице-Сергиев монастырь¹, последнее в Углицкий Алексеевский². В 1613 г. боярин Ф. И. Шереметев отдал в Кириллов-Белозерский монастырь село Шаблыкино в Бежецком Верху³. В первые годы правления Михаила передана Кирилло-Белозерскому монастырю вотчина боярина И. В. Шереметева в Московском уезде, и там же часть вотчин знаменитого Василия Щелкалова, пожертвованная его сыном⁴. Князь Волконский по изустной памяти передал в 1615 г. в Чудов монастырь вотчинную пустошь в Дмитровском уезде⁵. В 1621 г. последний князь Мстиславский дал в Московский Симонов монастырь, усыпальницу своего рода, в волости Черемхе Ярославского уезда, погост Сретенский с 44 деревнями, 13 пустошами и 1 починком и погост Ильинский с 49 деревнями, 1 пустошью и 5 починками⁶. В 1631 г. боярин князь Юрий Андреевич Сицкий и боярин И. Н. Романов дают в Спасо-Ярославский монастырь вклад по боярине князе Ал. Вас. Сицком — в Верховском стане Ярославского уезда, с. Семеновское — родовую вотчину Сицких⁷. Князь Никита Иванович Одоевский в 1631 г. дал в Троице-Сергиев монастырь «в наследные вечных благ и будущего ради покоя в прок без выкупа, по приказу дяди своего, боярина князя И. Н. Одоевского, по нем и по жене его», вотчину в Тверском уезде, сельцо Тимошкино да сельцо Романовское, «а в той вотчине дяди моего 23 двора крестьянских да 4 двора бобыльских»⁸. Два года спустя князь Д. М. Пожарский с сыновьями Иваном и Петром дает по сыне своему, князе Федоре Дмитриевиче, свою вотчину в Клинском уезде, с. Берсенево с деревнями⁹. В том

¹ П. к. 813, л. 148; Г. К. Э. по Переяславлю, № 9484/760.

² Шумаков, Бежецкие акты, Чт. О. И. и Др. Р. 1899, № 3.

³ Там же.

⁴ П. к. 9807, оп. Торockманова стана.

⁵ П. к. 628, л. 146.

⁶ Г. К. Э. по Ярославлю, № 14797/49. Барсуков, Сведение об Юхотской волости, стр. 13.

⁷ Г. К. Э. по Ярославлю, № 14863/115.

⁸ Шумаков, Тверские акты, I, стр. 127.

⁹ Ак. Юрид. № 119; позднее эта вотчина выкуплена родственниками Пожарских Беклемишевыми. Действия Нижег. губ. уч. арх. комиссии, т. III, стр. 55.

же 1633 г. известный деятель царствования Михаила, татарский выходец князь Ю. Я. Сулешов, отдает в Московский Симонов монастырь по брате своем большую вотчину Бежецкого уезда, село Ески, ценностью до 1000 рублей¹. Около того же времени от Сулешова и Шереметевых поступило в Троицкий монастырь село Елизарьево, на реке Шахе, в Нерском стану, Переяславского уезда². В 1637 г. бил челом князь Дмитрий Петрович Пожарский, «чтобы государь пожаловал его беспоминного и увечного, старого, велел его купленную вотчину», Тверского уезда, с. Кушалино, «по его душе и по жене его и по сыне дать вкладу в Суздаль к спасу в Евфимиев монастырь без выкупу», на что, конечно, последовало разрешение³. Смерть последнего князя Шуйского в 1639 г. также ознаменовалась завещанием части его вотчин монастырям: так, например, поступила в Троицкий монастырь его Переяславская вотчина⁴. Среди жертвователей этого времени можно встретить и заметную когда-то семью Нагих; в 1642 г. Прасковья Федоровна Нагая дала в Толгский монастырь в прок без выкупу по своему муже и девере Романовскую вотчину Нагих, деревню Филисово на реке Ити⁵.

За аристократическими фамилиями шли приказные дельцы: многие из них успевали составить себе изрядное состояние на службе и часть его, в конце концов, передавали в монастыри. Так поступил, например, сын Василия Щелкалова; так сделал и другой делец, имя которого нередко упоминается в 10-х и 20-х годах, дьяк помещного приказа Иван Грязев, завещавший в 1631 г. в Московский Симонов монастырь пожалованную ему вотчину — Судогодскую слободку Владимирского уезда⁶. Примеров земельных вкладов в монастыри, произведенных за это время представителями менее высоких слоев общества, можно было бы привести множество по любой местности интересующего нас края.

Я ограничусь лишь несколькими. По Углицкому уезду между 1613 и 1650 гг. известны до 12 случаев пожертвований служилыми людьми принадлежавших им вотчин в монастыри; из них наиболее интересным представляется случай, когда игуменья Вознесенского девичьего монастыря, «что в Кремле-городе, у Фроловских ворот», Варсонофия Тиронова отдала в 1648 г. в Углицкий Богоявленский девичий монастырь по душе побратима своего, крестьянина Я. Тиронова, купленные пустоши, принадлежавшие последнему в Углицком уезде.

Об остальных случаях можно судить по следующему перечню: 1613. Ф. Г. Желябужский дает в Троицкий монастырь с. Зеленово Елоцкого стана.

¹ Шумаков, Бежецкие акты, Чт. О. И. и Др. Р. 1899, № 3.

² П. к. 815, лл. 20—30.

³ Шумаков, Тверские акты, II, стр. 27.

⁴ П. к. 812, лл. 945—955.

⁵ Г. К. Э. по Романову, № 10117/12.

⁶ Г. К. Э. по Владимиру, № 1936/159 и 1954/177.

1614. Князь Ю. Д. Хворостин туда же дает с. Клементьево, по душе своего брата.

1616. Александра Заломова — в Углицкий Алексеевский монастырь деревню Коробово с пустошами.

1620. И. Л. Дубинин — туда же селище и деревню в Городском стану.

1622. И. И. Пашнин — туда же 1 пустошь в Городском стану.

1622. Ф. Н. Ефимьев — в Троицкий монастырь д. Золотухино Городского стана.

1622—23. И. Г. Валуев — по приказу жены сельцо Медлево с деревнями Кацкого стана в Покровский Углицкий монастырь.

1624. С. И. Бревнов — в Алексеевский Углицкий монастырь — жеребий деревни Кокаевой Городского стана.

1627. П. С. Рышлин — туда же жеребий той же деревни.

1627—28. Е. С. Болотенин — в тот же монастырь сельцо Наумово Городского стана и пустошь в Рожаловском стану.

1645. Ал. Заломова — в тот же монастырь 9 вотчинных пустошей в Рожаловском стану ¹.

Из многочисленных случаев дачи земель в Ростовском уезде можно упомянуть о любопытной даче крестьян дворцового села Вошажникова, которые, «посоветовав меж себя», дали в местную церковь «государево жалованье» — оброчную пустошь ². В Бежецком уезде встречаются в 1614—1633 гг. довольно крупные дачи семейств Клевустовых и Скобеевых ³. Словом, делали вклады все и везде.

Возвратимся еще раз к отношению царской семьи и правительственных сфер к занимающему нас вопросу. Очень характерными являлись для суждения об этом два факта, которые я решаюсь привести здесь. В 1628 г. правительство, частью в фискальных видах, частью в заботе о хозяйственной эксплуатации запустевших земель, разрешило продажу порозжих земель в вотчины ⁴. Великая инока Марфа Ивановна, мать государя, пользуясь, повидимому, именно этим законом, приобрела в 1630 г. пустые земли Углицкого уезда и пожертвовала их в тамошний Богоявленский монастырь. В марте 1627 г. троцкий стряпчий искал в Москве на путном ключнике Никифоре Грекове по следующему делу: «вотчина во Тверском уезде на реке на Каве по даной... Григорья, прозвище Второго, Афанасьева сына Краснова (тестя Н. Грекова), лета 7081 по даной его написана... в дом Живоначальной Троицы и великим чудотворцам Сергию и Никону... а тою ему вотчиною владети по свой живот, а после его живота владети сыну его Федору, а после сына его Федорова живота ту вотчина взять в дом Живоначальные Троицы. А в

¹ Шумаков, Углицкие акты. Чт. О. И. и Др. Р. 1899, кн. 1.

² Г. К. Э. по Ростову, № 10663/126.

³ Шумаков, Бежецкие акты. Чт. О. И. и Др. Р. 1899, № 3.

⁴ Г. К. Э. по Твери, 12620/127: дача Краснова от 1573 г. все-таки противоречила соборному приговору 1573 г., запрещавшему дачу земель по духовной в монастыри, за которыми много вотчин.

прошлом во 128 году, отходя с сего света, ту отца своего вотчину умерший Федор Красной написал в духовной сестре своей родной со всеми угодья мимо вкладной отца своего и утаяся троицких властей, не делом...» «Государи (царь и патриарх)... слушав данной Федорова отца и духовной умершего сына его, пожаловали... ту вотчину, взяв у Федоровы сестры, велели отдать в Троицкий Сергиев монастырь». Но любопытнее всего то, что на этом дело не остановилось. На него грамотой из Москвы было обращено внимание писцов: «а вы как до тое вотчины допишетесь и вы бы... (ее) написали в книги за Троицким монастырем, а Микифору Грекову тою вотчиною владети не велели»¹. Таким образом правительство силою приводило в исполнение завещание, составленное в пользу монастыря: не будь оно проникнуто в то время стремлением действовать в пользу церкви, было бы легко найти предлог для удержания вотчин в служилых руках, несмотря даже на то, что завещание Григория Красного было составлено до постановления 1581 г.

В общем можно признать, что в правление первого царя новой династии земли, как и ранее, до 1581 г. беспрепятственно переходили во владение духовенства. Лишь постепенно берет верх противоположная тенденция, отражающая интересы дворянства как господствующего класса. Можно высказать догадку, частичное подтверждение которой читатель найдет в вышеприведенном списке Углицких дач первой половины века, что количество земельных вкладов в монастыри в 10-х—20-х годах было значительно больше, чем в 30-х и 40-х годах. Классовые интересы дворянства, направленные к удержанию земли в своих руках, ясно выразились в Соборном уложении 1649 г. Уложение вновь подтвердило соборный приговор 1581 г. и вместе с тем распространило силу более раннего приговора 1551 г., ограничивавшего право покупки земли монастырями путем запрещения монастырям, патриарху и епископам приобретать земли каким бы то ни было образом². И постановления эти были изданы по единодушному челобитию, составленному на соборе и поданному царю «всеми выборными людьми от всея земли», ходатайствовавшими даже, чтобы все земли, успевшие перейти во владение духовенства в 1581 г., были отобраны и розданы «по разбору служилым людям беспоместным и пустопоместным и мелкопоместным детям боярским»³: быстрое увеличение служилого и тяглого населения сделало свое дело — свободных угодий становилось все меньше; земля дорожала.

А между тем царь Алексей еще три года спустя писал своему другу Никону, что патриарх Иосиф перед смертью «хотел купить себе вотчину и дать по себе в собор и перед смертью дни за два торговал, а бог не изволил, а я купить без его именного приказы не смел»⁴.

¹ Г. К. Э. по Твери, 12620/127: дача Краснова от 1573 г. все-таки противоречила соборному приговору 1573 г., запрещающему дачу земель по духовной в монастыри за которыми много вотчин.

² Ул. XVII, ст. 42.

³ А. А. Э. IV, № 278.

⁴ Там же, № 57, III.

И позднее царь допускал покупку тем же Никоном огромного количества земли для основанных им Воскресенского, Иверского и Крестного монастырей¹. Надо было пройти еще несколькими годами тяжелого финансового напряжения, вызванного войнами, нужно было, может быть, падение влияния всесильного одно время Никона, чтобы воззрения высших правящих сфер Москвы с царем Алексеем во главе на переход недвижимых имений в духовные учреждения изменились в духе мнений, высказанных на соборе 1648—1649 гг. Это приводит нас уже ко времени разрыва царя с Никоном и удаления последнего из Москвы², к эпохе, когда иностранный наблюдатель мог сказать, что «хотя царь ревностно покровительствует религии, тем не менее не позволяя ей ныне передавать имения церквям»³.

И позднее было издано несколько указов, касавшихся ограничения права духовных учреждений владеть недвижимостью⁴.

Отметим хотя не относящийся к исследуемому Замосковному краю, но очень характерный указ 1 марта 1672 г., подтвержденный в 1677 г., которым отменялись тарханские грамоты на низовые насадные промыслы, «потому что тарханщики провозят многие товары сверх жалованных грамот»⁵. В 1701 г. понадобилось новое подтверждение запрещения духовным учреждениям приобретать земли покупкой, дополненное запрещением права духовенства меняться землями с служилыми людьми. «Великий государь указал: к домовым патриаршим вотчинам поместных и вотчинных земель не покупать и в монастырях властям с помещики и с вотчинники жилыми и пустыми землями до его величества государя указу не меняться и в поместном приказе мен не росписывать»⁶.

Приведенные указы свидетельствуют, во-первых, о продолжавшихся со стороны духовенства злоупотреблениях, во-вторых, о продолжавшихся нарушениях постановлений Соборного уложения и, наконец, о существовании обхода закона в виде мены землею между духовными учреждениями и служилыми людьми. Законодательство и здесь очень хорошо отражает действительное течение жизни. Было бы ошибочно думать, что постановление 1649 г. о переходе земель в монастыри и церкви путем вклада или покупки, хотя и изданное под прямым воздействием общественного мнения, могло радикально пресечь явление, успевшее пустить глубокие корни в русской жизни. И после Уложения бывали случаи земельных вкладов в духовные учреждения и покупки ими недвижимости.

Остановимся сначала на земельных вкладах и приведем несколько примеров, которые можно было бы считать типичными. Почти лишь

¹ Подробное изложение того, как приобретались земли для этих монастырей, см. у архим. Леонида, *Ист. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря*. Чт. О. И. и Др. Р. 1874, № 3, 1875, № 3.

² П. С. З., I, № 507, II, № 699.

³ Коллинз (1659—1660 гг.), «Р. вестник», 1841, № 7.

⁴ Напр., указ 1673 г. о запрещении давать в монастыри порожние земли. *Максимович, Указатель законов*, II, стр. 60.

⁵ Горчаков, *Монастырский приказ*, стр. 88—101 (СПб. 1868).

⁶ П. С. З., IV, № 1839.

как исключение встречаются во второй половине XVII в. сравнительно крупные вклады в более центральных уездах Замосковья, вроде, например, того, какой сделала в 1658—1659 гг. в Белогостицкий Ростовский монастырь вдова княгиня Сидкая, пожертвовавшая деревню с довольно значительными пахотными и другими угодьями¹. Остальные же земельные вклады обыкновенно менее значительны: даются не селения, а чаще пустоши: примером может служить дача гостем М. Гурьевым пустошей Макарцева и Красного борка, находившихся в Радонежском стане Московского уезда, в Троицкий монастырь «вкладу по себе и по родителех своих», относящаяся к 1667—1668 гг.². Вот типичный случай для Костромского уезда, где за это время еще можно насчитать немало случаев земельных вкладов в монастыри: Алексей Захаров в 1672—1673 гг. дает «Ивана Предотечи и чудотворца Иякова Железоборовского монастыря игумену Дорофею с братнею... государева жалованья, а своей *поместной* земли в Костромском уезде в Бугородской осаде, в Шачебольском стану 2 доли пустоши Зефлейдына с пашнею и с лесы и с санными покосы и со всеми угодья в век бесповоротно»³.

Такого же большей частью характера вклады и в других уездах. В Углицком уезде Я. Н. Новокщенов дает в 1686 г. Дивногорской пустыни (в Воронежском крае) свою опять-таки *поместную* пустошь, 25 четей в поле пахотной земли с сенокосом и лесом «за свое здравие и по своих родителех»⁴. В Пошехонском уезде в 1690 г. в Корнильев монастырь было отказано в волости Угледе-Константиновском пустое *поместье* А. Ф. Малыгина, «жеребий в селе Воздвиженском, а в нем 3 места дворовые, да $\frac{2}{3}$ пустоши Алешкова, да $\frac{2}{3}$ пустоши Рагозина, а в них пашни 55 четей в поле, а в дву потому же»⁵.

В Вологодском уезде в 1697 г. было отказано «в Софейскую домовую вотчину преосвященного Гавриила, архиепископа Вологодского и Белозерского, в Ласковской волости Иваново *поместье* Иванова сына Бехтеева, половина деревни Галкина без жеребья, да четвертая доля пустоши Вешнина да жеребей пустоши Нерядкова, а в них пашни 36 четвертей без полуосмины в поле...»⁶. Приведенные примеры взяты из довольно значительного, в общем, количества земельных вкладов в северных уездах, потому что представляют все типичные особенности эпохи: вклады мелки, часто состоят из пустых земель, и, что особенно характерно, наряду с пожертвованием вотчинных земель все чаще и чаще встречаются *вклады поместных земель*.

Очень характерно сопоставить с таким измельчением земельных

¹ П. к. 839, лл. 256—259.

² П. к. 275, л. 230.

³ Г. К. Э. по Костроме, № 5312/345.

⁴ *Шумаков*, Углицкие акты, О. И. и Др. Р. 1899, № 1.

⁵ Г. К. Э. по Пошехонью, № 9785/107.

⁶ Г. К. Э. по Вологде, № 3198/627.

вкладов в духовные учреждения раздачу монастырям и архиерейским кафедрам земель дворцовых, не прекращавшуюся до самого конца столетия.

Что касается приобретения монастырями земли покупкою, то не видно, чтоб в это время оно происходило чаще, чем ранее; время, когда земли притекали в монастыри безденежно или почти безденежно, за долги, было еще очень близко, а земельные владения достаточно велики, чтобы не вызывать необходимость увеличивать их путем покупки. Резким исключением из такого общего порядка вещей является покупка патриархом Никоном обширных вотчин для вновь создававшихся им монастырей. Приобретение земель для этих обителей совершалось в 1652—1657 гг. не только с разрешения, но и при содействии царя Алексея ¹.

Как бы то ни было, подводя итоги тому, что сказано сейчас о земельных вкладах в церкви, монастыри и архиерейские кафедры, следует признать, что во вторую половину века эти вклады сильно уменьшились сравнительно со временем правления Михаила Феодоровича. Приток имений в руки духовенства уменьшался, и этого уменьшения нельзя было не заметить. Как же относилась к этому наиболее заинтересованная сторона, т. е. само духовенство?

Об отношении представителей русской церкви к законодательству, ограничивавшему право приобретения духовными учреждениями недвижимых имуществ, можно судить по взглядам двух лиц, пользовавшихся в XVII столетии большим влиянием, простиравшимся далеко за пределы чисто церковных отношений. Я говорю, конечно, о патриархах Филарете и Никоне. Оба они ревностно отстаивали интересы церкви; оба, насколько могли, противились ограничению права духовенства владеть землею. При Филарете были внесены смягчения в законе 1581 г. и широко практиковались вклады служилыми и дворцовыми землями. Отношение Никона к постановлению Уложения, которое он называл проклятой книгой ², известно; его деятельность по созиданию новых монастырей и по снабжению их вотчинами достаточно говорит за себя. Для характеристики практического отношения русского духовенства к занимающему нас вопросу приведем несколько черт из трех земельных процессов, в одном из которых монастырь является ответчиком, а в двух — истцом. Один начался еще в конце XVI в., другой относится ко времени патриарха Филарета, последний — ко времени Никона; в двух последних делах патриархи принимали деятельное личное участие так, что, давая представление об отношении к делу церковных властей вообще, эти процессы яснее покажут и воззрения виднейших представителей русской церкви в XVII в. ³

¹ О покупке имений для патриаршей кафедры см. *Горчаков*, О земельных владениях митрополитов, стр. 336—337. Случаи, перечисленные там, показывают, что покупки были незначительны.

² *Платонов*, Статьи по русской истории, стр. 256.

³ Интересные данные, характеризующие воззрения монастырей по данному вопросу, почерпнутые из рукописи Троицкой лавры «О новоявленных чудесах преподобного

Во время переписи троицких вотчин 1592—1594 гг., предпринятой, как можно думать, для проверки прав монастыря на принадлежавшие ему земли, в связи с законом 1581 г., и приведшей к отписанию на государя довольно большого количества земель в Бохове стану Московского уезда, было в числе других взято в казну сельцо Власьево, «что было прежде за подъячим за Смирным Ильным, а в приправочных книгах (1586 г.) то сельцо за Троицким монастырем не написано, а положил на то сельцо Троицкий старец Феодорит Румянцов отпись вкладную из монастыря за келарскою печатью 94 году... а подъячей Смирнов Ильин положил на то сельцо Власьево купчую 94 же году, а купили то сельцо у того же старца Феодорита Румянцева, и у купчей рука Феодоритова, а дал за него 90 рублей да пополнка конь рыж»¹. Сельцо отписано впредь до выяснения, кто действительный собственник имения, в одно и то же время проданного старцем Феодоритом подъячему и отданного монастырю. Несмотря на то, что таким образом был скомпрометирован член троицкой братии, монастырь и 30 лет спустя все еще ведет процесс о возвращении ему сельца Власьева, хотя оно из отписанных на государя уже успело быть пожаловано в вотчину князю Прозоровскому². Окончание дела, к сожалению, не известно.

В 1619 г. патриарх Филарет по челобитию дворянина Рохманина Сурвоцкого на игумена домового патриаршего Боголюбова монастыря, близ Владимира, разбирал дело о насильном завладении властями этого монастыря, при помощи «сильного человека» Андрея Щелкалова, старинною вотчиною Сурвоцких, селом Сурвоцким Боголюбовского стана³. Это дело, решенное отчасти в пользу истца, которому была возвращена половина вотчины с обязательством уплатить монастырю выкуп по полтине за четверть, согласно только что изданным по этому предмету указам⁴, открывает интересную бытовую картину: подлоги благочестивых старцев, утайку документов и т. п., а также приемы сильных людей тогдашнего времени. Щелкалов, например, «вымучил» безденежную купчую у Сурвоцких, «стакался с Боголюбовскими старцы», и обиженные «на Ондreja суда не добились, потому что он человек был сильный».

Другое дело относится к 1649—1654 гг.⁵ Некто Л. Воронцов-Вельяминов, умирая, отказал свою вотчину, село Федоскино в Манатиньине стану Московского уезда, властям Московского Богоявленского монастыря. Жертвователю очень тщательно оформил свою волю и в духовной своей назначил даже и цену, по которой его вотчина должна быть выкуплена родственниками. Последние не замедлили вступить в дело, не оспаривая, повидимому, и назначен-

Сергия» и др. лаврских сборников, можно найти у Горского, Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Чт. О. И. и Др. Р. 1878, № 4.

¹ П. к. М. г., I, 1; 65.

² П. к. 685, л. 770.

³ Федотов-Чеховский, Акты гражданской расправы, I, № 96.

⁴ Ук. кн. Пом. приказа, изд. Сторожевым, прил. 4, стр. 161—162.

⁵ Федотов-Чеховский, Акты гражданской расправы, II, № 122.

ной цены в 100 рублей. Однако полюбовно дело не было решено, и несколько времени спустя Андрей, Василий, Иван и Алексей Воронцовы-Вельяминовы подали царю челобитную, в которой рисовали дело следующим образом: «игумен с братиею и стряпчие себе не проча, тое нашу вотчинку разоряют и крестьян выдают и пустоши в иной род отдают, а та наша вотчинка разорилась до основания. А по твоему, государь, указу такие наши родственные вотчинки в монастырь не крепки, и в род их на выкуп по твоему, государь, указу и по Уложению отдают, а игумен с братиею нам той нашей вотчины на выкуп не отдают». Дело разбиралось в 1649—1650 гг. в приказе Большого дворца боярином князем А. М. Львовым и дьяком М. Чирковым и было решено в пользу истцов Вельяминовых, причем с них взысканы были и выкупные деньги в полном размере. Однако таким решением остались недовольны монастырские власти и в 1652—1653 гг., уже при всесильном в это время патриархе Никоне, вновь возобновили дело, утверждая в своей челобитной, что сельцо Федоскино «отнято у них в прошлом во 158 году неведомо почему». На этот раз дело было разобрано самим патриархом, который и постановил следующий приговор: «по правилам святых апостол и св. отец вотчину отдать в Богоявленский монастырь, а Вельяминовым дать 100 рублей, а строение переписать, что вновь построено, а переписав оценить да заплатить». Очень интересны те законоположения, на которых основывался патриарх в своем решении. Это, во-первых, правило Халкидонского вселенского собора: «монастырь с волею епископа поставлен, да пребывает непретворен и яже суть к нему имения, да будут неотъемлема» (гл. 13, пр. 24); во-вторых, закон Юстиниана («новых заповедей Юстиниана царя», гл. 4): «Аще же яже или не яже имени церковному или честному дому скончавыйся оставит, то един честный дом или церкви да возьмет не приемля никоея же пакости. Честный же дом есть епископия или монастырь».

Далее — правило Закона градского: «хотяи внити в монастырь, рекше постричься, да завещает о своем имении преже входа его в монастырь все понеже вземлет монастырь». Наконец, постановление Законника св. Апостол (гл. 22): «Аще кии муж или жена отдавше своя церкви или монастырю или за душу раздавше свояси, после же раскаявшеся о отдании, восхоцет взяти нечто от тех, еще убо в неведении суть, запретятся ниже во уме сие принимати; аще ли в разуме и не повинуются, да отриновени будут, якоже Анания и Сапфира от апостола Петра, едином убо преданна церкви недвижима суть и не достоит двизати, зане писано есть и инде: аще отдаста село, несть господин селу».

Богоявленский монастырь, недовольный приговором, вполне согласным с только что утвержденным Уложением, возобновляет дело, минуя светские учреждения, в надежде на патриарха, которого воззрения на дела церковные были хорошо всем известны. Никон решает дело, совершенно игнорируя все русское законодательство по вопросу о церковных имениях; читая его приговор

можно подумать, что дело происходит не в России, а в Византии.

В деле Вельяминовых есть еще одна интересная подробность, дающая веру жалобе вотчинников на разорение имения монастырем, который в 1650 г. не был уверен, что удержит сельцо Федоскино в своих руках. Хозяйственное состояние этого сельца в момент перехода его по выкупу к Вельяминовым и в эпоху отнятия его у них по вторичному приговору, после того как настоящие хозяева успели привести его в некоторый порядок, представляет огромную разницу, которую можно видеть из следующего наглядного сравнения:

Итоги описания села Федоскина в 1649—1650 гг.	Итоги описания того же села в 1633—1634 гг.
Крестьян 8 дворов (в них 31 человек); кроме того, 7 сбежали в дворцовое село Тайнинское, а 2 вывезл кн. А. Д. Сицкий в свою Владимир- скую вотчину	Двор вотчинников, только что вы- строенный, крестьян 9 дворов (в них 37 человек)
Хлеба в зерне ржи 17 $\frac{1}{2}$ четв. » » » овса 20 $\frac{1}{8}$ » » » » ячменя 10 » Посеяно озимой ржи . . . 14 $\frac{1}{2}$ четей Лошадей 19 Жеребят 2 Коров 19 Быков 3 Телок 7 Овец 20 Свиней 4	Хлеба в житнице ржи и овса 118 ч. Посеяно озимой ржи 24 » Лошадей 24 Коров и телят 35 Овец 31 Свиней 31 Кроме того Андрей Вельяминов, по- вый вотчинник, предпринял рас- чистку пустошей.

В общем, за 4 года огромный хозяйственный прогресс, сменивший постепенное разорение имения, становившееся все заметнее во время хозяйничания в нем монастырских властей.

Изложенные процессы показывают, как враждебно относилось духовенство к попыткам ограничить его права по владению земельной собственностью, как цепко держалось оно за те земли, которые раз перешли в его руки. Но открыто нарушать законы или совершенно игнорировать их могли только лица, подобные «великому государю» патриарху Никону. Легче и удобнее было не нарушать закона, а найти средство обойти его. Такое средство и было найдено в форме мены земель между служилыми людьми и духовными учреждениями. Мена особенно развилась с половины XVII в., т. е. как раз с того времени, когда усилилось стремление ограничить монастырское землевладение. О том, что это была за мена и каково было ее истинное значение, дадут возможность судить следующие примеры.

В 1698 г. подьячий патриаршего казенного приказа В. Т. Дементьев променял Троицкому монастырю свою вотчину Владимирского уезда Богаевского стана, селцо Якушково с пустошами, на землю в Белозерском уезде¹. Менялось селцо на пустоши; кроме того, в Богаевском стане было очень много вотчин Троицкого монастыря и мена была еще потому выгодна для монастыря, что округляла его владения. Типичным примером фактической дачи земли в монастырь посредством мены в северных местностях Замосковья может служить история перехода села Воздвиженского, в волости Углице-Константинове Пошехонского уезда, в Введенский Корнильев монастырь. Село находилось по жеребьям во владении нескольких княжен Шелешпанских и А. Ф. Малыгина. В 1690 г. княжна Фетинья Шелешпанская променяла монастырю принадлежавший ей в качестве *прожиточного поместья* жеребий села и тянувших к нему пустошей, а также 3 вотчинных свои пустоши, «а против того выменила я, княжна Фетинья, у них, игумена... с братьею из монастырской земли в Вологодском уезде, в Обнорской волости, в пустоши Полежайке пашни 2 четверти с осминою, а будет я, княжна Фетинья, против сей записи... хотя в малом в чем не устою и ему игумену... взять на мне, княжне Фетинье, по сей записи за всякую выше писанную неустойку 500 рублей денег»².

Одновременно с этим А. Ф. Малыгин отдает в монастырь такой же свой *поместный* жеребий села Воздвиженского, а другой жеребий, также *поместный*, в размере 55 четей пашни в поле, кроме леса и сенокоса, меняет на три чети в той же пустоши Полежайке на таких же условиях, как княжна Шелешпанская³. Девять лет спустя другие две владелицы частей села Воздвиженского, княжны Анисья и Марья Шелешпанские, передали и свои *поместные* и вотчинные земли в селе и пустошах, «а против того выменяли мы... у них, архимандрита... с братьею, из монастырской же их домово́й вотчины в Белозерском уезде, в Заозерском стану, в Кислемской волости, из пустоши Гаврилковой, Буково тож, четвертные пашни четверть по конец поля, кроме всяких угодий»⁴. Нетрудно видеть, что здесь производится чисто фиктивная мена. Несколько жеребьев села и пустошей, размером не менее 200—250 четей пашни, кроме других угодий, переходят в монастырь в обмен на менее чем 10 четей. О мотиве обмена трудно сказать что-либо определенное, но колоссальный размер неустойки, которую взяла на себя княжна Фетинья, указывает как будто, что монастырь получил село Воздвиженское скорее всего за долги его владельцев.

¹ Г. К. Э. по Владимиру, № 2180/403.

² Г. К. Э. по Пошехонью, № 9787/109.

³ Г. К. Э. по Пошехонью, № 9784/106 и 9785/107.

⁴ Г. К. Э. по Пошехонью, № 9812/134. Другие примеры мены аналогичного характера: 1699 г. — пол четверика пашни в обмен на деревню (Г. К. Э. по Вологде № 3266/695); 1691 г. — сенокосу на 3 копны в обмен на четвертую часть деревни (там же № 3056/485); 1688 г. — 1 четверть пашни в обмен на 50 четвертей (там же, № 3027/45).

Любопытные случаи мены встречаются и со стороны больших бояр, в особенности среди старых родов, угасших в конце XVII в. В 1691 г. последняя княгиня Воротынская «поступилась» или «променяла в дом пречистые богородицы и московских чудотворцев», т. е., проще говоря, патриарху, село Куркино Московского уезда Горетова стана (15 дворов крестьянских и 2 бобыльских с населением мужского пола в 151 человек). Мена была, вероятно, очень выгодна для патриарха, потому что княгине за эту мену патриарх «изволил послать во благословение образ пречистые богородицы владимирские, оклад и венец и слова чеканные, оплечко гладкое, что она боярыня, княгиня Настасья Львовна, поступилась ему своей вотчины»¹. Несколько ранее во владении боярина князя, И. П. Пронского находилось село Ивойлово-Воскресенское в Рузском уезде. В 1674 г. он выменял эту свою вотчину в Спасо-Ярославский монастырь на 2 монастырские пустоши в Переяславском уезде, обязавшись при этом эти пустоши продать, а деньги отдать в дом всемилостивейшего спаса.

«А покамест я тех пустошей не продам и теми пустошами владети им спасова монастыря влаstem с братиею. А будет купцов на те пустоши вскоре не будет и при себе не продам, а бог по душу мою сошлет, и мне приказать те выменные пустоши и после себя продать прикащикам своим, коим прикажу душу свою поминать, и те деньги отдать в спасов же монастырь»².

Здесь уже совершенно ясен характер сделки: это лишь слегка замаскированное пожертвование имения в монастырь; самая мена здесь вдвойне фиктивна, ибо и за променные, ничтожные по своему значению, пустоши монастырь в конце концов получает деньги.

В только что приведенных случаях нет никаких оснований предполагать земельный вклад за долги; здесь, вероятнее всего, мы имеем дело с настоящим пожертвованием, лишь по форме применившимся к условиям времени. Напротив, нижеследующие два примера мены имеют, может быть, в своем основании задолженность земли, подобно тому, как мы уже видели это в истории села Воздвиженского. По существу они близки к истории имения князя Пронского, хотя дело здесь и обставлено с меньшей формальной строгостью. Место действия их — крайний север Замосковья, где, видимо, долее всего наблюдались и случаи прямых пожертвований. В 1666 г. Н. Н. Патрикеева променяла свое поместье в Вологодском уезде архиепископу Вологодскому и Белозерскому на таких условиях: помещица отдает селцо без крестьян и пустошь, всего 67 четей с осминою пашни, и получает взамен в трех различных монастырских пустошах, Грибове, Плетенкове и Потапове, 74 чети. Казалось бы, мена даже в пользу Патрикеевой, однако на деле не совсем так: при мецовой грамоте приложена другая ее запись сле-

¹ Холмогорскы, Материалы по истории церквей и сел, Загородская десятина, стр. 19.

² Там же, Рузская десятина, стр. 64—67.

дующего содержания: «се аз вдова Настасья Микулаева дочь Богданова жепа Матвеева сына Патрикеева, отдала я преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, государева жалованья, а своего поместья... три доли пустоши Грибова без жеребья да на Лежском волоку пустошь Плетенково, да две трети пустоши Потапова под пашню и под покос и под сенный покос и лес на подсеки сечь и пахать и бревенный и дровяной лес ронить и к себе возить и всякими угоды владеть его архиепископлим крестьянам, кому что на тех пустошах годится, с нынешнего со 174 года, июля с 31 числа, да по 204 год по сентябрь месяц, впредь на 30 лет. А денежной кортомы взяла я вдова Настасья за те свои же все пустоши на год по пяти рублей, а всего взяла из домовые его архиепископли казны на все на 30 лет»¹. Что значат эти 30 лет кортомы и что должно было произойти с землей после этого срока, узнаем из аналогичного случая, имевшего место в 1695 г. Меновая грамота и кортомная запись, данные вологжанином О. Я. Кутлуниным строителю Рождественского Сямского монастыря на свое поместье, сопровождаются таким условием: «а после тех урочных 30 лет тою моею выписанною пашенною землею в пустоши, что был починок роспашь Яковиче, полуосминою, владеть в тот Сямской монастырь строителям и келарям и братье вечно по сей записи»².

Случаи мены, подобные только что изложенным, едва ли могли казаться выгодными и желательными с точки зрения тех государственных и общественных течений, какие обнаружилились во второй половине XVII в. Передача земли в духовные учреждения, скрывавшаяся под видом мены, должна была вызвать со стороны правительства попытки ограничить самую мену, и это действительно и случилось в самом начале XVIII в., когда последовал уже известный нам указ 11 марта 1701 г.³

Были и другие способы обхода постановления Уложения о приобретении монастырями земельных владений. Так например, встречаются случаи, когда землевладелец поступает землею в пользу монастыря как бы за крестьян, которых дает ему монастырь или которые бежали к нему из вотчин монастыря. Такого рода сделки, соединенные с отделением личности крестьянина от земли, могли возникать, конечно, только к концу столетия. Для примера приведем один факт подобного рода: в 1688 г. боярин князь И. П. Барятинский поступился Переяславскому Троице-Данилову монастырю целым сельцом Внуковым за 9 человек беглых крестьян; при этом, что очень характерно, князь оставался владельцем сельца до своей смерти, после чего оно переходило в монастырь «в прок без выкупу»⁴.

¹ Шумаков, Сотницы, грамоты и записи. Чт. О. И. и Др. Р. 1902, № 2, стр. 202—203 № XXIV (Г. К. Э. по Вологде, № 2842/271).

² Шумаков, там же, Чт. О. И. и Др. Р. 1902, № 2, стр. 217—220, № XXXIV и XXXV (Г. К. Э. по Вологде, № 3122/551 и 3123/552).

³ П. С. З., IV № 1839.

⁴ Г. К. Э. по Переяславу, № 9409/685.

Если мы теперь, ознакомившись с различными способами обхода законов, ограничивавших права духовенства на владение землею, поставим вопрос, восполняли ли подобные обходы убыль, которая замечалась во второй половине XVII в. в прямых земельных пожертвованиях в духовные учреждения, то ответить придется отрицательно. Правда, задолженность частного землевладения продолжала существовать и в XVII в. В очень значительном количестве случаев мены земель слишком очевидная польза, извлекаемая монастырем от этой сделки, объясняется именно тем, что менявшее лицо было, вероятнее всего, должником обители. Это явствует и из приведенных мною примеров.

Возможно, что и самое возникновение и развитие мены и других более или менее тонких обходов закона 1649 г. следует объяснять желанием со стороны монастырских властей и стряпчих оградить материальные интересы обители и обеспечить земельными участками возвращение денег, данных обителью взаймы и не ожидаемых к уплате в срок. И тем не менее все случаи обхода или прямого нарушения закона не могли дать и десятой доли того, что притекало к духовенству в XVI в.

С половины же XVII в. переход служилых земель во владение духовных учреждений, бывший долго большим местом русского государственного и общественного организма, начал решительно сокращаться.

Подробный разбор вопроса о приобретении земель духовенством, естественно, выдвигает и обратный — об *отчуждении* духовенством земель, ему принадлежавших. Наблюдалось ли такое отчуждение, и если да, то в какой мере? Только исследовав это, мы в состоянии будем ответить на общий вопрос о мобилизации землевладения духовных учреждений.

Отчуждение недвижимых имений, принадлежавших духовенству, могло совершиться принудительным путем или же добровольно. Принудительное отчуждение монастырских и церковных имений наблюдалось, главным образом, в двух случаях: во-первых, вследствие отписки на государя, во-вторых, вследствие выкупа земли родственниками лица, пожертвовавшего имение в монастырь. Известно, что в конце XVI в., в 1593—1594 гг., была произведена довольно значительная отписка на государя в имениях, принадлежавших Троице-Сергиеву монастырю. Эта отписка, стоявшая, повидимому, в связи с законом 1581 г., распространялась, однако, только на такие селения и пустоши, принадлежность которых монастырю оказывалась спорной.

Впрочем, Троицкие книги 1592—1594 гг. касаются земельных дел только одной обители; кроме того, не все они сообщают об отписке земель; наконец, многие имения отписывались лишь условно; если только владельческие права монастыря ими подтверждались, земли были возвращаемы.

Вот и все, что можно сказать об отписке монастырских земель в конце XVI в. Только что приведенный случай отписки должен

считаться наиболее значительным из всех нам известных. В XVII в. отписка земель духовенства на государя практиковалась очень редко и только в особых случаях. Так например, были отписаны во время процесса Никона некоторые вотчины основанного им Иверского монастыря: крестьянам сельца Шапова Клинского уезда было предписано: «впредь до указа оброки в монастырь не платить и изделья не делать впредь до указа»; однако в 1668 г. сельцо Шапово было вновь возвращено Иверскому монастырю¹. Далее наблюдаются несколько случаев отписки на государя, сопряженной с меною земли; но здесь, строго говоря, настоящего отчуждения и не было, потому что духовный вотчинник вознаграждался из дворцовых земель. Примером, сюда относящимся, может служить дача патриарху дворцовой Карашской волости Ростовского уезда в обмен на отписанный во дворец гор. Алексин². Только уже в самом конце изучаемого периода времени можно найти имения, принадлежавшие когда-то монастырям, взятые на государя и уже переданные во владение светских лиц: так например, Меньшиков в 1701 г. владел в Серпуховском уезде половиною села Кузминского, бывшей вотчиною серпуховского Высоцкого монастыря³. Несколько лет спустя находим во владении боярина И. А. Мусина-Пушкина прежнюю вотчину Спасо-Евфимьева монастыря в Московском уезде⁴. Изложенное показывает, насколько редки были до самого конца XVII в. случаи принудительного отчуждения государственной властью недвижимых имений духовенства в Замосковных уездах. Что касается выкупа вотчин родственниками жертвователей, то все указывает на то, что подобные факты были довольно обыденным явлением в изучаемое время. Но, принимая во внимание законодательство по этому вопросу, допускавшее в принципе пожертвование не самого имения, а только его денежной стоимости, мы не имеем дела с настоящим отчуждением; едва ли следует считать земли, временно, до осуществления выкупа, находившиеся во владении монастырских властей, собственностью обители: они становились таковою лишь в том случае, если земли по той или другой причине давались «впрок без выкупу», или же если истекал срок, в который родственники могли произвести выкуп.

Мена землею могла возникать также и по инициативе духовного учреждения. Мы видели выше, каков бывал обыкновенно характер подобной мены церковного учреждения с частными владельцами: она всегда почти клонилась к явной выгоде монастыря, который при этом, во всяком случае, никогда не нес убытков. О полюбовной мене духовного учреждения с Большим дворцом, явлении не особенно частом, может дать понятие история Звенигородского села Дмитриевского-Гузеева. Это село, принадлежавшее издавна Троице-Сергиеву монастырю и совершенно запустевшее в начале века,

¹ Г. К. Э. по Кляну, № 5684/53; п. к. 191, л. 326.

² Г. К. Э. по Ростову, № 10675/138; п. к. 843, лл. 1—77.

³ ГАФКЭ, фонд А. М. Дв., Моск. отд., оп. 38/648, д. № 6, л. 18.

⁴ Холмогоровы, Материалы о церквях и селах, Радонежская десятина, стр. 51.

было в 1627 г., по челобитью властей Троицкого монастыря, приписано к порозжим землям дворцового села Козина в обмен на дворцовую лесную пустошь Юрьево-Польского уезда; власти хотели получить эту пустошь для обеспечения лесом крестьян их тамошней вотчины.

В 1631 г. село Дмитриевское с пустошами отдано из дворца патриарху Филарету «в дом Пресвяты Богородицы и всея России чудотворцев». В 1654 г. оно вновь отписано к дворцовым селам; в 1677 г. дано в вотчину боярину князю Ю. А. Долгорукову; пять лет спустя, в 1682 г., вновь перешло во дворец и, наконец, в 1684 г. в третий раз перешло во владение духовенства — опять отдано патриарху Иоакиму «в дом Пресвятой Богородицы»¹. В общем и здесь при всех переходах от одних владельцев к другим интересы духовенства не пострадали ни разу.

Остается познакомиться с добровольным отчуждением недвижимых имуществ духовенства путем продажи. И это следует, кажется, отнести к числу редких явлений. Мне удалось отметить лишь очень ограниченное число фактов, которые могли бы здесь служить примерами. Ввиду малочисленности перечислю их все. Писцы 20-х годов нашли в Зарецкой части Московского уезда прежнюю вотчину Троицкого монастыря, проданную светскому лицу: «за окольников за князем А. М. Львовым, что он купил из Троицкого Сергиева монастыря сельцо Пахрино на реке Пахре»². В Кашинском уезде зарегистрирована была «за костромитином за Долматом Семеновым Вешенцовым купленная вотчина, что купил он тое вотчину в Дмитровском монастыре, что в Кашине», половина села Лобкова и 2¹/₂ пустоши, всего 44¹/₂ чети в поле пашни, на которых в момент описания был 1 двор вотчинника и 1 двор людской³. Деревня Ожогова Звенигородского уезда дана была царем Федором Ивановичем Николо-Гостунскому собору «по дяде» его, князе Юрии Ивановиче. В 1616 г. оно уже принадлежало князю Шаховскому⁴. Вот и все случаи отчуждения земельных владений духовенства, которые можно счесть добровольными и за которыми нет прямого основания предполагать выкупа или мены.

Сводя вместе все то, что выше высказано об отчуждении земельных владений русского духовенства, нельзя не прийти к выводу, что отчуждение производилось очень редко и этим путем духовенство почти не теряло земель. Земля, которая перешла во владение архиерейской кафедры, монастыря или церковного причта, почти никогда уже не выходила из их рук.

Наш обзор землевладения духовенства был бы не полным, если бы мы умолчали о тех монастырях, которые исчезали или возникали за это время в Замосковном крае. Маленькие, захудалые монастыри исчезали еще в XVI в. Так например, кажется, в самом конце

¹ П. к. 258, лл. 201—219. Г. К. Э. по Звенигороду, № 4767/93, 4769/95, 4771/99.

² П. к. 9807, л. 139.

³ П. к. 173 а, л. 646.

⁴ Г. К. Э. по Звенигороду, № 4813/139.

XVI в. прекратил свое существование маленький монастырь в Ростовском уезде; в писцовой книге 1620-х годов читаем: «за ростовцем, сыном боярским за Савою Кроминым, что был преж сего монастырь Рождества Пречистые Богородицы на реке на Сахте, и по сказке старожильцев тот монастырь и того монастыря вотчины запустели лет с сорок и при царе Борисе... отданы были в поместье»¹. Таким же образом в Дмитровском уезде исчезли два маленьких монастыря: Спасский на Хомиловце и Троицкий на Березовце, от которых сохранялись только погосты². Особенно заметно исчезновение маленьких монастырьков в начале XVII в. Под Москвой в это время запустел и исчез навсегда один из женских монастырей, расположенных близ Троице-Сергиевой обители, в котором долго жила неудачная королева ливонская Мария Владимировна: «да на троецкой земле был монастырь Богородицкий под Сосенем на речке на Торгоше... разорен от литовских людей»³. Чаще всего известия о запустевших обителях попадают в западных уездах Замосковского края. В Тверском уезде в таком состоянии оказываются монастырь на Видогожском озере, Петровский монастырь на Городне, Яминский на Волге, Строганский на Шоше, Дудин на Шоше и другие⁴. В Старицком уезде писцы описали монастырь Опекалов, в нем... 2 церкви... развалились, стоят без ценья, пусты, да 8 келей стоят пусты, развалились, да под монастырем слободка, а в ней 6 дворов детенышевы, пусты»⁵.

В описании волости Волги Ржевского уезда встречается известие, что «в Витожетке был монастырек, а в нем была церковь св. вел. муч. Параскевы, от войны сожжена...»⁶.

Сюда же следует отнести несколько особенных случаев, когда духовный землевладелец исчезал с территории Московского государства, а его вотчины, оставшиеся на этой территории, переходили в другие руки. В 20-х годах в Московском уезде существовала прежняя вотчина архиепископа Смоленского, «а ныне владеют Вас. да Фед. Смелковы»⁷. Точно так же исчез из Московского государства Дорогобужский Болдин монастырь: вотчина его в Московском уезде была передана Вяземскому Вознесенскому монастырю⁸.

Куда же обращались земли исчезнувших обителей? Ответ на это дает описание бывших владений Богородицкого монастыря на Сахте,

¹ П. к. 838, л. 644.

² П. к. 627, лл. 157, 195; п. к. 127, лл. 322—325.

³ П. к. 258, л. 67 (дозор 1616 г.); позднее в 1624—1625 гг. Подосенье — простое село, «что был монастырь», п. к. 260, л. 182.

⁴ П. к. 871—876 (опис. 1627 г.). *Зверинский*, Материалы для историко-топографического исследования о монастырях, III, № 1390, 1867, 2243, 1424 (позднее возобновлен и был приписан к Новоиерусалимскому-Воскресенскому), 1589.

⁵ П. к. 862, л. 606; был возобновлен в 1653 г. в качестве приписного к Иосифову. *Зверинский*, там же, III, № 1852.

⁶ П. к. 833, л. 219.

⁷ П. к. 9807, лл. 338 и 463.

⁸ П. к. 9807, л. 156.

Смоленского архиепископа или Дорогобужского монастыря: они переходили в поместный земельный фонд и отдавались в поместья и вотчины или же передавались другой обители.

Позднее едва ли можно найти случаи упразднения монастырей в Замосковном крае. Для упорядочения судьбы захудалых монастырей практиковалась иная мера — обращение в приписной к большому монастырю, но при этом земельные владения таких обителей все равно оставались на руках духовенства, и потому для интересующего нас вопроса приписка монастырей не имеет значения.

Если можно найти мало примеров исчезновения монастырей в Замосковном крае, то еще менее известий об основании новых. Задерживающее влияние на постройку обителей оказывало и законодательство эпохи. Вследствие этого возникновение новых монастырей в Замосковье следует считать исключительным явлением. Самыми крупными из таких исключений были постройки Никоном Воскресенского и Новоиерусалимского монастырей под Москвою и возникновение на дворцовых землях, до которых, как мы видели, фактически не касалось законодательство по монастырскому вопросу, Успенского монастыря в Александровской слободе; других примеров можно привести очень немного: в описании Рязевского уезда 20-х годов встречается «Целагеины пустыни девичий монастырь на Рогоже у озера Селигера стал до прежних писцов (по всей вероятности, в самом начале XVII в.), в нем 1 церковь и 3 кельи старицы питаются государевым жалованьем, милостинными деньгами. а вотчины к тому монастырю нет, а по государеву указу нынешнего 135 году велено написать к монастырю земли от монастыря на все 4 стороны по полуверсте»¹.

В Ростовской книге 1685 г. описана не существовавшая ранее Акакиева пустыня, в которой писцы нашли каменную церковь, 5 келий и житницу «около пустыни огорожено забором, а та пустыня построена на пустоши Задеберье»². Вот и все, что находим в хозяйственных описаниях того времени.

Ни исчезновение монастырей, ни появление новых не изменяют, следовательно, общей картины, представляемой в это время землевладением духовных учреждений. В главных чертах своих эта картина сводится к следующему.

Громадные земельные владения архиерейских кафедр, монастырей и некоторых церквей, несмотря на попытки ограничить их рост, заметный еще в XVI столетии, продолжают увеличиваться до половины XVII в. Затем вследствие изменения экономических условий совершается перемена в воззрениях общества на земельные вклады в духовные учреждения, которая отражается и в законодательстве, начиная с известных постановлений Уложения; она приостанавливает до тех пор непрерывный рост недвижимых имуществ русского духовенства. Исключение составляет отношение к этому во-

¹ П. к. 834, лл. 194—195.

² П. к. 839, л. 301.

просу Большого дворца, который не прекращает раздачи земель до самой эпохи преобразований. Остановка роста земельных владений духовенства уравнивается до известной степени тем, что духовные учреждения чрезвычайно крепко держатся за те имения, которые находятся в их руках, и отчуждают их лишь в очень редких случаях. Землевладение духовных учреждений, достигнув во второй половине XVII в. своего высшего развития, сохраняется на этой высшей точке.

Архиерейские кафедры и монастыри и в XVII в. остаются самыми богатыми собственниками. Прямой заклад вотчины в монастырь — не редкость до половины XVII в., когда переход земли в руки духовенства мало чем стеснялся: в 1620 г. «Суздалец Павел Иванович Побединский с сыном Павлом же... заняли на Москве из Ростова Борисоглебского монастыря у игумена Корнилья с братьею монастырских казенных денег 100 рублей июля от 12 числа 128 года до Семена дни летопроводца 129 года сроку без роста. А в тех деньгах заложили они в Борисоглебский монастырь, что на Устье, приданую жены своей вотчину... А не заплатят они Павлы... тех денег сполна и в Борисоглебский монастырь на тое их вотчину та кабала и купчая». Вотчина, конечно, осталась за монастырем¹.

В 1634 г. Ф. Очин-Плещеев, прося об отпуске со службы, указывает на свое разоренье и задолженность: «а подымался я на службу, занял у Троицы в Сергиевом монастыре у келаря с братьею 50 рублей, а заложил вотчинку на Белеозере»².

Позднее, когда переход земель в духовные учреждения стал испытывать стеснения не на одной только бумаге, духовные власти должны были прибегать к более искусным приемам при производстве финансовых операций; в иных случаях ссуда денег под землю облекалась в форму мены, а закладная сумма обозначалась в виде неустойки: примером может служить приведенная выше сделка княжны Фетиньи Шелешпанской с Введенским Корнильевым монастырем.

Увеличение земельных богатств кончалось, но экономическое положение духовных учреждений держалось твердо. В непоколебленном и блестящем экономическом состоянии вступили духовные учреждения в XVIII столетие, в середине которого их ожидал коренной переворот.

В заключение я приведу несколько фактических данных, позволяющих судить об общих размерах земельных владений духовенства, сравнительно с дворянскими землями, в местностях Замосковского края. Данные эти касаются далеко не всего Замосковского края, так как земли дворцовые, описания которых сохранились в отрывочном виде, не могли быть приняты здесь во внимание; кроме того предлагаемые цифры основаны большею частью на ито-

¹ Г. К. Э. по Суздалю, 196/10733.

² Акты Моск. гос., I, № 634.

гах, подведенных самими писцами, и обнимают чаще всего одни пахотные угодья: в силу этого они могут иметь только примерное значение, хотя и дают возможность составить понятие о количестве земли и тяглого сельского населения, бывших в руках духовенства. Так как сравниваются только монастырские и служилые земли, дворцовые же земли в сравнение не введены, то для получения более верного представления об истинном положении вещей процентное отношение монастырских земельных владений, особенно в местностях с крупным дворцовым землевладением, как например, в уездах Московском, Владимирском, Суздальском, должно быть понижено.

Приведенные примеры убеждают, как кажется, в том, что относительное количество земельных владений духовенства было весьма разнообразным, достигая в то же время очень значительных, в среднем, размеров. Наибольшие цифры как дворов, так и земельной площади встречаются в исстари насиженных местностях, в окрестностях древнейших городов Замосковья. Относительное количество населения в имениях духовенства не особенно сильно изменяется между письмом первой половины века и переписью 1678 г. Так как отношение лишь в редких случаях превышает 50%, то известия, подобные находимому у Коллинза, утверждавшего, что духовенство владело $\frac{2}{3}$ всего пространства Московского государства, преувеличены ¹.

Что касается абсолютных размеров земельных владений духовенства, то я ограничусь несколькими примерами. Богатейшему русскому монастырю, Троицко-Сергиевскому, принадлежало в Замосковном крае (без Галицкого, Вологодского и Белозерского уездов) до 210 000 десятин земли, не считая огромных пространств поверстного леса ². О размерах владений богатой провинциальной обители можно судить по Макарьеву Калязинскому монастырю, обладавшему в исходе 20-х годов XVII в. в Кашинском уезде свыше чем 14 000 десятин земли, кроме поверстного леса, с 238 деревнями, в которых было 11 дворов монастырских, 97 дворов слуг и монастырских детенышей, 501 двор крестьянский и 515 дворов бобыльских ³. За Спасо-Ярославским монастырем в одном только Ярославском уезде по переписи 1678 г. состояло 3294 двора крестьянских и 229 дворов бобыльских ⁴. От подобных богатых обителей шла вниз длинная лестница с бесконечным количеством звеньев. В самом конце этой лестницы были пустыни в роде Ржевской Пелагениной, бывшей челом о даче земли, или Ростовской Акакиевой, не имевшей за собой ни одного крестьянина.

¹ «Русский вестник», 1841, № 7, стр. 176.

² О земельных владениях Троицкого монастыря см. подробнее у Горского в описании Троицко-Сергиевской лавры, Чт. О. И. и Др. Р. 1878, кн. 4.

³ П. к. 173 и 173а.

⁴ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, вып. III, стр. 253—255.

Местность

Боровский уезд	
Владимирский уезд, Опольский стан	
Дмитровский уезд	
Звенигородский уезд	
Зубцовский уезд	
Коломенский уезд, стан б. Микулин	
Московский уезд, сев. и зап. ст.	
Ржевский уезд, юго-западная половина	
Ростовский уезд, Сотемский стан	
Старицкий уезд	
Суздальский уезд	
Тверской уезд	
Углицкий уезд	
Шуйский уезд	
Юрьево-Польский уезд	

Год	Количество земли, числящейся за духо- венством	Процентное отноше- ние к сумме земель служилых (помест- ных, вотчинных и порожных) и состоя- щих за духовенством	Источник
1629—30	5 112 десятин	8,8	П. к. 10326
ок. 1640	25 621 »	59,5	» » 12609
1629	77 641 »	44,3	» » 877
1624—25	37 385 »	44,8	» » 638
1629	2 944 »	6,5	» » 640
1627—28	10 969 »	20,4	» » 203
1624—25	79 629 »	42	» » 685
1624—28	885 »	0,8	» » 833
1685	2 298 »	25	» » 839
1624—26	29 068 »	44,6	» » 862
1628—30	54 390 »	24,6	П. к. 11319, 11320
1627	52 881 »	50,9	П. к. 875
1628—29	33 513 »	47,1	П. к. Угл. у. Вр. Дем. лица, т. 41—46, стр. 615— 619
1629	5 769 »	41	П. к. 11399
1646—55	26 650 »	40,6	» » 915

Местность	Год	Число крестьянских и помещичьих дворов, состоящих за духовенством	Процентное отношение к сумме дворов, принадлежащих духовенству и служилым людям	Источник
Боровский уезд	1629—30	91	30	П. к. 10326
»	1678	622	34	Переп. к. 10323
Владимирский уезд	1678	1 755	22,6	» » 12613
Гороховецкий »	1646	181	15,2	» » 953
Дмитровский »	1629	984	59,1	П. к. 877
»	1678	1 714	44,5	Переп. к. 16054
Звенигородский »	1624—35	194	47	П. к. 638
»	1678	709	50,9	Переп. к. 11838
Зубовский »	1629	26	28,2	П. к. 640
Клинский »	1678	630	43	Переп. к. 15628
Коломенский уезд (стан 6. Микулин)	1627—28	355	29,4	П. к. 203, л. 3558
Коломенский уезд (стан 6. Микулин)	1646	542	32,6	Переп. к. 205
Московский уезд (сев.-зап. часть)	1624—25	1 253	5	П. к. 685
Московский уезд (весь)	1678—79	3 364	15,9	Переп. к. 9813, 9811
Романовский уезд	1678	52	54,6	Переп. к. 8302
Ростовский уезд (Согоский стан)	1685	166	51,7	П. к. 839
Рязанский уезд	1646	307	37,4	Переп. к. 74
Серпуховский уезд	1678	366	54,8	» » 10320
Суздальский »	1628—30	3 426	34,9	П. к. 11319, 11320
Тверской »	1627	360	32,2	П. к. 875
Углицкий »	1628—29	721	31,8	Исп. кн. Угл. у., стр. 615—619 Врем. Дем. линия, т. 41—46
Юрьевский »	1646—50	1 047	45	П. к. 915
»	1678	4 864	55	Переп. к. 12469
Юрьевецкий »	1678	234	29,8	» » 15650

Изучая судьбу различных видов землевладения, мы пришли к выводам, что землевладение дворцовое значительно ослабело в интересующей нас области в XVII столетии. Судьба черных земель была еще более печальна: первая четверть столетия видела их полное исчезновение из Замосковных уездов; наконец, в истории землевладения духовенства наступил многознаменательный перелом: его непрестанное увеличение, против которого долго боролись и правительство и общество, наконец, обнаружило признаки замедления. Остается ознакомиться с историей последнего из крупных видов древнерусского землевладения — землевладения дворянского. Можно заранее сделать уже и первый вывод: при уменьшении дворцовых земель, исчезновении черных и приостановке роста земель духовенства могли увеличиться единственно земельные владения служилого класса, т. е. поместья и вотчины дворянства. Знакомство с источниками, из которых пополнялось и увеличивалось служилое землевладение, подтвердит этот вывод¹. Почти все дошедшие до нас описания местностей Замосковского края, сделанные в XVI в., отмечают довольно значительное количество земель, числившихся в составе служилых, никем, однако, не занятых в данную минуту и носивших названия порозжих. Большею частью это были поместья, естественным путем, вследствие смерти или выбытия из службы их владельца, возвратившиеся к государству. Общее расстройство поместной системы, вызванное событиями 1604—1613 гг., выразилось, между прочим, в том, что количество порозжих земель возросло в очень значительной степени. Насколько велики были размеры порозжих служилых земель в некоторых местностях Замосковья, можно видеть из следующих примеров:

Уезды	Десятины	Процентное отношение
Боровский	5 382	10,2% всех служилых земель ²
Зубцовский (московская сторона)	4 749	10,9% » » » ³
Московский (северные и западные станы)	30 495	27,6% » » » ⁴
Ржевский (юго-западная половина)	61 077	59% » » » ⁵
Новоторжский	81 240	70% » » » ⁶

¹ Об источниках образования поместного земельного фонда в XVI в. см. *Роме-дестянский, Служилое землевладение*, стр. 267—271.

² П. к. 10326.

³ П. к. 640; в это число не входят 268 пустошей, «смерти их и сметити не мочно, заросли большим лесом от литовского разоренья», там же, л. 288.

⁴ П. к. 685.

⁵ П. к. 833.

⁶ П. к. 801.

Таким образом у нового правительства, одной из задач которого было испомещение множества неверстанных дворян и детей боярских, был в руках огромный запас прежних поместий и даже выморочных и заброшенных вотчин, который и составлял самый значительный источник для постепенного устройства служилого поместного люда. На первых порах, однако, он не был использован так, как это можно было бы ожидать по его размерам. Так как, порозжие земли были совершенно пусты, то в 1612—1625 гг. было роздано служилым людям много вотчин и поместий из других источников, а именно, из дворцовых и черных земель, преимущественно в сравнительно мало опустошенных северо-восточных уездах Замосковского края. Лишь вслед за этим начинается постепенное расходование огромного порозжего служилого земельного фонда. Наделение землею все большего и большего количества служилых людей привело к тому, что, несмотря на большие размеры этого фонда, его хватило в сущности не надолго¹.

Кроме дворцовых и черных земель и большого порозжего фонда, существовали еще и другие источники увеличения служилых земель; я говорю о последствиях ошибок и недосмотров писцов — об обводных или прописных землях, которые почему-либо вовсе не попадали в кадастр, и о землях примерных, образовавшихся от несовершенства приемов измерения. Впрочем общие размеры этих земель едва ли были особенно велики, да и служили они, по крайней мере примерные, преимущественно для округления поместий и служилых вотчин, а также для увеличения поместных дач.

Таким образом к концу столетия в состав поместий и вотчин служилых людей перешел весь или почти весь запас порозжих государственных земель Замосковского края, очень большое количество земель дворцовых и, наконец, все остатки земель черных. И почти все это действительно надо считать чистым увеличением, потому что замедление в росте земельных владений духовенства происходило именно от того, что стали значительно уменьшаться земельные вклады служилых людей и этим путем земля почти уже более не выходила из службы.

Переход земли во владение служилого человека еще не означал сам по себе полного отчуждения этой земли государством: состоя в поместье, она юридически продолжала составлять собственность государства. Так, в действительности и смотрели на поместья в эпоху, предшествующую изучаемой. В XVI в., когда возникала и устраивалась поместная система, поместные земли, по выбытии помещика из службы, обыкновенно возвращались в распоряжение

¹ Существование еще значительного запаса порозжих земель в некоторых западных уездах, напр. в Можайском уезде, открывается из делопроизводства поместного приказа; так напр., в 1670 г. подклочнику сытного дворца И. Д. Карцеву была дана в поместный его оклад пустошь Ердово-Захарово, лежавшая в пусте еще от начала XVII в. Столб. Пом. прик. по Можайску и Вязьме, № 182, д. № 18. Там же другие примеры.

правительства. Настоящей собственностью, привлеченной, впрочем, к той же службе государству, как и поместья, были вотчины, которые, с другой стороны, в противоположность поместьям, имели постоянную тенденцию к уменьшению вследствие вкладов в монастырь, конфискаций и т. п.¹

История обоих видов служилого землевладения и их взаимное отношение в XVII в. глубоко отличается от предшествующего времени. Коренным явлением истории служилого землевладения в XVI в. был рост поместного владения и подчинение вотчины повинностям, лежавшим прежде только на поместье; центральный процесс той же истории в XVII в. — рост вотчинного владения и постепенное восприятие поместьем черт, первоначально свойственных только вотчине. К рассмотрению этого процесса в Замосковном крае я теперь и перехожу.

Рост вотчин красною нитью проходит через все XVII столетие. Пожалование поместья или части его в вотчину составляло и ранее обычный вид служебной награды в Московском государстве. Наблюдаемое в XVI столетии, это явление не исчезло в XVII столетии и, таким образом, создавало незаметный, но постоянный и как бы естественный способ перехода поместья в вотчину. Но в XVII столетии были случаи, когда пожалование земель в вотчину как поместных, так и порозжих и дворцовых совершалось единовременно и притом в огромных размерах.

1612—1613 годы ознаменовались большой раздачей земель в вотчину тем лицам, которые участвовали в освобождении столицы и избрании нового царя.

Несколько ранее была произведена большая раздача вотчинных участков защитникам столицы во время осады ее Тушинскими войсками — «за царя Васильево Московское осадное сидение», отчасти осуществившаяся уже при Михаиле. В 1619—1620 гг. произошла новая раздача по такому же поводу, на этот раз «за Московское осадное сидение в Королевичев приход». Пожалование вотчин за заслуги, производившееся из поместий из порозжего фонда, а иногда и из дворцовых земель, приводило к очень быстрому единовременному росту в данной местности вотчинного землевладения, увеличивавшегося при появлении этих выслуженных вотчин иногда более чем вдвое. Так например, в Повельском стане Дмитровского уезда в 20-х годах было 6 старинных вотчин и 10 выслуженных, пожалованных за участие в двух Московских осадах², в Городеком стане Звенигородского уезда тех и других было 20 и 26³; в Большом Микулине стану Коломенского уезда — 13 и 11⁴; в Сотемском стану Ростовского уезда — 4 и 6⁵; во всем Углицком уезде насчи-

¹ См. *Рождественский*, Служилое землевладение, гл. I; *Розков*, Сельское хозяйство, гл. VII.

² П. к. 627.

³ П. к. 638.

⁴ П. к. 203.

⁵ П. к. 838.

тывалось 55 старинных вотчин и 59 пожалованных за службу в первой четверти XVII в.¹

И позднее практиковались значительные единовременные раздачи мелких земельных участков в вотчину за службу государству. Эта передача довольно широко применялась в царствование царей Алексея и Федора так же, преимущественно, за участие в продолжительных войнах этого времени: в конце столетия чаще всего упоминаются случаи пожалования вотчин «за Чигиринские службы». Заслугами перед государством мотивировались и некоторые из крупных пожалований этой эпохи из земель дворцовых.

Пустота государственной казны, столь заметно ощущавшаяся в первые годы Михаила, в свою очередь способствовала росту вотчинного землевладения. В поисках за денежными средствами правительство обратилось к земельным имуществам, составлявшим собственность государства, и установило продажу в вотчину поместий и порозжих земель, составлявших запасный земельный фонд. Продажа поместных участков в вотчину, можно думать, составляла весьма нередкое явление в первое время царствования Михаила, причем обычною ценою была полтина за четь. Чрезмерное развитие продажи, а может быть, замеченные злоупотребления, вызвали довольно скоро попытку упорядочить дело. Вслед за несколькими одновременными почти домогательствами покупки в вотчину поместных земель, исходившими преимущественно от московских приказных дельцов, последовали в 1629 г. два указа, из которых первый запрещал продажу поместных земель без особого государева указа, а второй устанавливал, в случае продажи в вотчину подмосковного поместья, правило, по которому покупатель лишался возможности получить другое поместье под Москвою². Уложение подтвердило оба указа, дополнив второй некоторыми ограничительными подробностями³. Однако эти ограничения не остановили продажи поместных земель в вотчину: она продолжалась и во второй половине века; на это указывают некоторые законодательные постановления этого времени⁴.

¹ Писц. кн. Углицкого уезда в Врем. Демид. лицея, т. 41—46; по станам они распределялись так:

Городской	18	старинных	12	выслуженных
Елоцкий	8	»	4	»
Кацкий	5	»	13	»
Рокаловский	20	»	4	»
Моложский	0	»	22	»
Койский	4	»	4	»

² Ук. кн. Пом. прик., изд. Сторожевым, стр. 91—93, 94—97, №№ 74 и 77. А. до Ю. Б., II, № 276: указ издан после дела о приобретении поместий думным дьяком Ф. Лихачевым, дьяками В. Маховым, Г. Маховым, Андр. Полесовым и Я. Боборыкиным.

³ Ул., XVII, ст. 9, 48, 49.

⁴ П. С. З., II, № 654, 1676, июня 30: пустые поместья продаются в вотчину по 1 руб. за четь. Пункт 3-й пом. ст. 7185 г. П. С. З. II, № 700: «Продавать поместные земли всяких чинов людям по именному великих государей указу по подписным челобитным, за пометами думных дьяков, а деньги иметь за четверть по рублю за живые и за пустые чети, а против порозжих земель не продавать, и денег за три чети

Что касается продажи в вотчину порозжих земель, то для этой цели был в 1628 г. подтвержден указ 1572—1573 гг., устанавливавший подобную продажу по цене три чети за один рубль¹.

Закон этот, имевший значение и для хозяйственной жизни Замосковья, почему ниже придется еще раз к нему вернуться, сохранял силу до конца столетия.

Итак троякого рода причины обуславливали не прекращавшийся рост вотчинного землевладения: постоянно наблюдавшееся пожалование части поместий в виде обычной награды служилому человеку за его службу, крупные единовременные раздачи за участие в главнейших военных предприятиях эпохи и, наконец, продажа в вотчину поместных и порозжих земель. Результаты этого роста не могли не сказаться на соотношении двух главных видов служилой земли, т. е. поместий и вотчин, в начале и в конце изучаемой эпохи.

Нижеследующие данные помогают в этом убедиться:

Уезд	Год	Количество поместных вотчинных земель		Взаимное отношение	Источник
		(в дес.)			
Боровский	1629—30	32 830	14 848	69 : 31	П. к. 10326, л. 989
Владимирский (Опольский стан) .	1640	13 441	3 965	77,3 : 22,7	» » 12609, лл. 1—255
Московский (Северо-Западная часть) .	1624—25	49 551	29 688	62,6 : 37,4	П. к. 685
Ржевский (половина кн. Дмитрия Ивановича)	1624—28	38 847	4 917	88,8 : 11,2	П. к. 833, лл. 469—475
Старицкий	1624—26	21 281	14 547	59,4 : 40,6	» » 862, лл. 666—673
Суздальский	1628—30	132 419	34 380	79,4 : 20,6	П. к. 11319, лл. 958—968; 11320, лл. 1561—1569
Тверской	1627	32 666	18 279	64,1 : 35,9	П. к. 875, лл. 164—165
Новоторжский	1629—30	12 007	9 279	56,4 : 43,6	П. к. 801, лл. 756—762
Углицкий	1628—30	23 145	14 365	61,8 : 38,2	Углицкие писц. кн. Врем. Дем. лиц., т. 41—46, стр. 615—619
Шуйский	1629	22 737	6 024	79,1 : 20,9	П. к. 11399, лл. 527—533

Несмотря на то, что все почти цифры почерпнуты из итогов, подведенных самими писцами, и потому не могут считаться абсолютно достоверными, они все-таки имеют достаточно цены, чтобы сделать вполне очевидным перевес поместных земель над вотчин-

по рублю не иметь». Делопроизводство Поместного приказа сохраняет и фактические доказательства существования подобной продажи, напр., Столбец Пом. прик. по Можайску и Вязьме, № 182.

¹ Ук. кн. Пом. прик., стр. 80, 81, № 66.

ными в первой половине века. В Замосковном крае в это время можно встретить и такие местности, где вотчинное землевладение вообще представляет совсем новое явление: в Лушском, например, уезде первыми вотчинами были земли, розданные «за царя Васильево осадное сиденье»; вотчин старинных не было в уезде вовсе ¹. Аналогичное же явление можно наблюдать и в Ржевском уезде ².

Хозяйственные описания конца столетия не дают, к сожалению, возможности сделать наблюдений над земельной площадью поместий и вотчин, подобных тем, какие удалось сделать для первой половины XVII в. Как известно, сохранившиеся описания 80-х годов почти никогда не обнимают полностью не только уезда, но даже стана или волости, а чаще всего касаются лишь отдельных владений, независимо от их юридической природы. Вследствие этого выводы, сделанные на основании этих описаний, носили бы совершенно случайный характер.

Описаниями 80-х годов по занимающему нас вопросу можно пользоваться только в исключительных случаях, когда сравнение их содержания с книгами 20-х годов убеждает, что известная местность подвергалась описанию в более или менее целом своем составе.

Подобных исключений мне удалось найти только два — описание Сотемского стана Ростовского уезда и описание Повельского стана Дмитровского уезда. Соотношение пахотных земель в поместьях и вотчинах этих двух станов оказывается в 1685—1686 гг. следующим:

Местность	Поместья	Вотчины	Соотношение в сотых долях	Источник
Ростовский уезд, Сотемский стан.	2 586 десятин	4 285 десятин	37,7 : 62,3	П. к. 839
Дмитровский уезд, Повельский стан	4 764 »	8 532 »	35,8 : 64,2	» » 127

Выходит, что в этих местностях вотчинное землевладение в 80-х годах превосходило поместное почти вдвое.

Было бы, конечно, опасно строить какие бы то ни было общие выводы на основании только что приведенных двух отрывочных примеров, взятых, к тому же, из местностей, по которым не удалось сделать наблюдений за 20-е годы. Для проверки, действительно ли вотчинное землевладение усилилось во второй половине XVII в. за счет поместного, приходится обратиться к другим средствам, несмотря на то, что средства эти очень несовершенны. Одним из таких средств является сравнение населенности поместий и вотчин по письму 20-х годов и по переписям 1646 и 1678 гг. Это сравнение имеет много неудобств: на самом деле, количество дворов в поместьях и вотчинах не может вполне соответствовать общему количеству поместной и вотчинной земли в известной местности. Один вид служилого землевладения мог заселяться и эксплуатироваться интенсивнее другого, что, как увидим ниже, и наблюдалось именно в вотчинных землях.

¹ П. к. 680.

² П. к. 833 и 834.

Тем не менее сравнение населенности поместных и вотчинных земель может дать некоторое отражение интересующих нас явлений. В грубых очертаниях степень населенности известных земель соответствует их протяжению; вот почему, сознавая шаткость данных нижеприводимой таблицы и заранее допуская, что эти данные будут преувеличивать дело в пользу вотчинного землевладения, я, тем не менее, решаюсь привести здесь сравнение количества крестьянских и бобыльских дворов на поместных и вотчинных землях в некоторых местностях Замосковского края, пользуясь для этого данными письма 20-х годов и переписей 1646 и 1678 гг.

Во всех случаях, где сопоставляется явление одной и той же области в два различных хронологических момента, более поздний всегда благоприятнее для вотчинного землевладения. Соотношение крестьянских и бобыльских дворов по переписи 1678 г. везде, кроме Владимирского, Гороховецкого и Костромского уездов, в которых оно почти равно, склоняется опять-таки в пользу вотчин.

Особенно характерное явление представляет столичный уезд и другие ближайшие к нему — Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Рузский. Вглядываясь во взаимное отношение поместий и вотчин, поскольку оно выражается количеством крестьянских и бобыльских дворов в тех и других, нельзя не прийти к выводу, что поместный элемент в последнюю четверть XVII в. в подмосковном землевладении был очень близок к исчезновению.

В подтверждение сказанного можно привести несколько данных из переписи Московского уезда 1678 г.; они наглядно показывают, насколько в отдельных станах число вотчин перевешивало число поместий.

Станы	Поместных участков	Вотчинных участков
Горетов	11	52
Сурожик	11	30
Манатын	2	71
Бохов ¹	7	38
Радонеж и Белы	0	23
Воря и Корзенов	1	15
Кошелев	7	23
Шеренский	7	26
Васильцов	2	4
Копотенский	0	1
Островецкий	0	2
Пехорский	0	2
Каменский	1	12
Доблинский	4	14
Обарнич	3	12
Почернов	0	6
Замосковье Раменское	0	4
Рогожский	6	13
Гуслицкий	0	10
	62 (14,7%)	358 (85,3%) ²

¹ В этих 4 станах количество поместных и вотчинных участков определялось в 1624—1626 г. следующими цифрами: 179 (59,3%) поместий и 123 (40,7%) вотчин.

² Переп. к. 9812 и 9813.

Уезды	Год	Число дворов		Соотноше- ние	Источник
		помест- ных земель	вотчин- ных земель		
Боровский	1629—30 1678	145 288	220 848	40 : 60 25,3 : 74,7	П. к. 10326 Переп. к. 10328
Владимирский	1678	3 160	2 836	52,7 : 49,3	» » 12613
Гороховецкий	1646 1678	646 664	366 651	63,9 : 36,1 50,5 : 49,5	П. к. 953 » » 410
Дмитровский	1678	174	1 964	8,1 : 91,9	Переп. к. 16054
Звенигородский	1678	76	607	11,1 : 88,9	» » 11838
Клинский	1678	199	635	23,7 : 76,3	» » 15628
Коломенский	1627 1646 1678	397 492 494	452 630 1 240	46,7 : 53,3 43,9 : 56,1 28,4 : 71,6	П. к. 203 Переп. к. 205 » » 9275
Костромской (12 ста- нов луговой стороны)	1629—30	2 669	1 441	65,2 : 34,8	П. к. 10962, 10964, 10965
Костромской (весь) . .	1678	3 672	3 035	54,9 : 45,1	Переп. к. 10982— 10985
Московский (северо- западная часть) . . .	1624—25 1646	369 153	672 3 313	35,4 : 64,6 4,4 : 95,6	П. к. 685 Переп. к. 9807
Рузский	1646	68	446	13,2 : 86,8	» » 74
Суздальский	1628—30	2 670	3 719	41,8 : 58,2	П. к. 11319, 11320
Новоторжский	1629—30	232	116	66,6 : 33,3	П. к. 801
Углицкий	1628—29	873	666	56,8 : 43,2	Угл. писц. кн. (Врем. Демяд. ли- цей, т. 41—46), стр. 615—619
Юрьевский	1678	1 563	2 383	40 : 60	Переп. к. 13649
Юрьевоцкий	1678	46	505	9 : 91	» » 15650

Еще пример:

Коломенский уезд, Стан Большой Микули:

	Г о д ы		
	1627—29	1646	1678
Число поместных участков.....	150	94	116
» вотчинных »	24	45	89 ¹

Есть еще и другой способ убедиться в том, что вотчинное земле-
владение неуклонно увеличивалось за счет поместного. Следует
для этого обратить внимание на изменение юридической природы
тех имений, историю которых можно проследить на протяжении
всего изучаемого периода времени. Те имения, которые были в начале
столетия вотчинами, остаются таковыми все время; поместья же
обнаруживают постоянную тенденцию превратиться в вотчины,
и некоторые из них в конце века, действительно, состоят уже в числе
вотчин.

В трех станах Московского уезда — Горетове, Радонеже-Белях
и Ратуже можно, с начала XVII в. до 70—80-х годов, непрерывно
проследить историю довольно значительного числа имений, отмечая
все переходы их от одних владельцев к другим. 31 из таких имений
вначале состоят в поместьях. Из них 17 с течением времени переходят
в вотчины, так что ко времени последней переписи вместо 31 по-
мestia было 17 вотчин и только 14 поместий. В некоторых других
станах Московского уезда дело обстоит так:

Станы				
Кошелев	из 3 поместий	1	переходит в вотчину.	
Шеренский	» 3	» 2	»	»
Сурожский	» 7	» 3½	»	»
Манатын	» 16	» 11	»	»
Бохов	» 17	» 9	»	» ²
Сосенский	» 7	» 6	»	» ³

В Большом Микулине стане Коломенского уезда находим пять
имений, история которых подобным же образом может быть просле-
жена до конца столетия и которые в начале века значатся в числе
поместий: из них 2 в 1678 г. уже вотчины⁴. В Повельском стане
Дмитровского уезда таких поместий 7; из них лишь 4 остаются
поместьями и в 1685—1686 гг., а 3 успели перейти в вотчины⁵; в
Сотемском стане Ростовского уезда подобных поместий также 7,
из которых 3½ к 1685—1686 гг. переходят в вотчины⁶; в Суземском
стане Тверского уезда таких поместий 4, и два из них переходят

¹ П. к. 203, лл. 335—508; переп. кн. 205, лл. 1—95; переп. кн. 9275, лл. 89—320.

² П. к. 685, 9807, 275, 283, переп. кн. 9811, 9812, 9813.

³ Шепинг, Древний Сосенский стан, Чт. О. И. и Др. Р. 1895, кн. 3.

⁴ П. к. 203, переп. кн. 9275.

⁵ П. к. 627 и 127.

⁶ П. к. 838 и 839.

в вотчины¹; в Новосельском стане Переяславского уезда из 6 таких же поместий одно переходит в вотчину². Число подобных примеров было бы нетрудно увеличить.

По мере того как увеличивался рост вотчинного землевладения, в поместном владении происходили другие изменения, сообщавшие этому владению черты, первоначально ему чуждые. Процесс постепенного приближения поместного владения к вотчинному, характерный именно для XVII в., выяснен в нашей исторической литературе, так что нет нужды останавливаться на его подробностях³. Этот процесс зародился в сфере обычая и очень скоро проник в законодательство. Он ярче всего выразился в порядке наследования поместных земель и в расширении права помещика распоряжаться владемым им поместьем.

Обычай при отказе поместья давать преимущество сыновьям прежнего помещика, подсказывавшийся прежде всего выгодами государственного хозяйства, впервые получил законодательную санкцию при размещении под Москвою и в ближайших к столице уездах избранной тысячи в 1550 г., когда было указано брать на место умершего помещика постороннее лицо только в том случае, если сын будет непригоден к тому роду службы, какую нес его отец⁴. В XVII столетии этот принцип был подтвержден и расширен целым рядом постановлений, определивших порядок утверждения свободных поместий за родственниками прежнего владельца или дававших части таких поместий на прожиток вдовам и дочерям служилых людей. Стремление передать поместье наиболее близкому к умершему помещику лицу настолько проникло в законодательство, что, за неимением родни, поместье могло переходить однопородным покойного предпочтительно перед служилыми людьми других уездов⁵.

Право распоряжаться поместьем полнее всего выражалось в его мене, в сдаче другому лицу или назначении его в приданое дочерям.

Мена, первые случаи которой, нам известные, относятся еще к XVI в., допускалась сначала только в очень редких случаях⁶.

Постепенно это право помещика расширялось. Уложение еще несвободно от некоторых ограничений: оно, например, допускает мену лишь при наличии немногих переходящих четвертей⁷. Во второй половине XVII в. падают и эти последние препоны, и мена уже не стесняется ничем. То же происходит и с правом сдачи и

¹ П. к. 873 и 469.

² П. к. 812 и 350.

³ *Неволин*, История гражд. законов, II, 207—215; 224—255; III, 368—374.

⁴ А. А. Э., I, № 225.

⁵ Ук. кн. Пом. прик. № 52, стр. 41; № 54—57, стр. 42—45; № 110, стр. 105, 106; № 134, стр. 130. Улож., XVI, ст. 30—32, 56, 57; П. С. З., II, № 727, 1070.

⁶ *Роскошественский*, Служилое землевладение, стр. 339—340: перечисление случаев сдачи и мены поместий, наблюдавшихся в XVI в.

⁷ Улож. XVI, ст. 3, 5, 7.

отдачи в приданое. Первые указания на этого рода сделки дают законодательные постановления 30-х и 40-х годов¹. Позднее права владельцев поместий значительно расширяются в этом направлении; так например, в 1674 г. была в исключительных случаях разрешена сдача поместья лицами, остающимися на службе; в 1676 г. исключение сделалось правилом² и т. д. Уверенность в том, что поместье не перейдет никому помимо ближайших наследников владельца и постепенное расширение прав последнего распоряжаться поместными землями не замедлили оказать свое влияние. Постепенно изменился самый взгляд на поместное владение. Служилые люди второй половины XVII в. утратили представление о различии между своею собственностью, вотчиной землей, и владимой ими государственной землей — поместьем, которое они наследовали так же, как вотчину, и которым могли все свободнее и свободнее распоряжаться. От разрешенной законом сдачи поместья другому служилому человеку было недалеко до продажи, которую легко было маскировать. От безденежной передачи земли или ее замаскированной продажи служилому человеку легко было дойти до дачи или продажи поместной земли в неслужилые руки.

Наконец, распространение права распоряжения поместьем могло довести и до возможности его заклада. Конечно, в законодательстве конца XVII в. подобные коренные изменения во взглядах на поместье еще не успели отразиться; но следы их видны в жизненной практике этой эпохи. Яркие примеры явлений, невозможных в более раннее время и совершенно противоречащих юридической природе поместья, можно видеть в отдаче поместных земель в качестве вкладов и в промене их монастырям: несколько таких случаев было приведено выше, в обзоре истории монастырского землевладения. Можно, кажется, указать и на пример продажи поместья: в 1675 г. половина села Бесед Шеренского стана Московского уезда, до тех пор поместье князя Трубецкого, было продано стольнику Нарбекову³.

Таким образом поместные земли в течение изучаемой эпохи, с одной стороны, обнаруживали постоянное стремление к превращению в вотчины; с другой — поместное землевладение мало-помалу приобретало такие черты, которые изменяли его юридическую природу и приближали к вотчинному. И первый процесс — чисто внешний, и второй — внутренний должны были привести к одному и тому же концу — к поглощению поместного землевладения вотчинным. Фактическая сторона дела, наблюдения над исторической жизнью подвергаемого исследованию Замосковского края, убеждают в том, что ко времени эпохи преобразований эти процессы уже достигли значительного развития, в особенности в ближайших к столице местностях, где в конце XVII в. не оставалось почти поместий.

¹ Лавалин, История гражд. законов, II, 210.

² П. С. З., I, № 583; II, № 633, ст. 22.

³ Холмогоровы, Материалы по истории церквей и сел. Вохонская десятина, стр. 74—76.

Процесс слияния поместий с вотчинами шел уже давно, когда вышел указ 23 марта 1714 г. о единонаследии¹. Для старинных областей государства, для его исторического центра, закон этот в вопросе о слиянии поместий с вотчинами не создавал ничего нового. Проводимое законом соединение видов служилого землевладения на праве полной собственности дворян-владельцев было только санкцией порядка вещей, давно уже установившегося в некоторых, по крайней мере, областях государства. Во всяком случае оно не было «изящнейшим благодеянием» Петра дворянству, как полвека спустя рисовало себе постановления закона 1714 г., касающиеся поместий и вотчин, эманципированное от служебного тягла шляхетство XVIII в.

«Первоначальным типом поместья было обычное округленное хозяйство частного собственника, деревня или несколько деревень, иногда с селом в центре, с пашенной землей, перелогом, лугами и лесом».

Так определяет первоначальный тип поместья Рождественский в своем исследовании, посвященном служилому землевладению в XVI в. Поместье, следовательно, возникавшее в сфере дворцового, а отчасти и частновладельческого вотчинного хозяйства, сохраняло и тип, принадлежавший этим вотчинам, отличаясь от них во внешнем устройстве только размерами. «Но под влиянием различных условий, того или другого способа испомещения и обращения поместий между служилыми людьми этот первоначальный тип поместья подвергался сильным изменениям»². В результате этих условий, изменявших первоначальный тип поместья, хозяйственные единицы (села, деревни, пустоши) дробились между несколькими владельцами, родичами или чужеродцами; село или деревня разделялись на несколько жеребьев или вытей, находившихся в самостоятельном юридическом и хозяйственном обладании отдельных помещиков, и, таким образом, поместье составлялось мозаически из мелких кусков, частей отдельных хозяйственных единиц. Пересмотр хозяйственных описаний, сохранившихся от XVI столетия, позволяет автору отметить некоторые места Замосковского края, в которых уже в то время поместья успели далеко уклониться от отмеченного выше первоначального типа: так например, по его наблюдениям, «совладение и мозаичность состава поместных участков, редкие в Московском и Звенигородском уездах, были сильно развиты в Коломенском»³. Таким образом *общность владения и мозаичность* или, лучше сказать, раздробленность его составляют в эпоху, предшествующую изучаемой, характерную черту, свойственную поместным землям, в отличие от вотчин, продолжающих сохранять большую цельность и округленность.

¹ Того же мнения держится Якушкин, Очерки позем. политики, 6.

² Рождественский, Служилое землевладение, стр. 337.

³ Там же, стр. 341—342.

Наблюдения над хозяйственными описаниями 20-х годов XVII в. вполне подтверждают приведенные сейчас выводы, к которым пришел исследователь более ранней эпохи. В очень многих местностях раздробленность поместных сел, деревень и пустошей, владеемых по жеребьям, и действительно мозаичный состав каждого отдельного поместья резко бросаются в глаза и составляют отличительные черты поместного владения. Значительно более широкое поле наблюдения позволяет подробнее исследовать распространение этого интересного явления. Мало заметное в северной половине столичного уезда, оно очень ярко выступает в его зарецкой части, достигая, кажется, наибольшего развития в южной окраине Московского уезда, в Замыцкой волости¹. Соседний Коломенский уезд еще в XVI в. отличался, как уже известно, дробностью своего поместного владения. Такая же дробность и чересполосность поместных участков заметна в смежном с Коломенским и Московским Владимирском уезде, с одной стороны, в розданных волостях ловчего пути, расположенных в юго-западном углу уезда, а с другой — в самых старинных и наиболее густо заселенных станах, Опольском и Боголюбском². Те же выводы можно сделать после обзора нагорной половины Костромского³ и некоторых местностей Муромского⁴ и Ростовского уездов⁵. Аналогичные явления не редкость встретить и к западу от Москвы: так например, такой же чересполосностью поместного владения отличается Тверской уезд⁶. Было бы, впрочем, ошибочно по приведенным примерам прийти к заключению о том, что в других местностях Замосковья поместное землевладение должно было быть непременно раздробленным и разбитым на мелкие чересполосные участки. Есть, напротив, местности, где этот вид землевладения отнюдь не останавливает внимания с этой именно стороны. Сюда, например, относятся, судя по описаниям 20-х годов, уезды Переяславский⁷, Дмитровский⁸, Серпуховской⁹. Раздробленность и мозаичность поместного владения — явление, весьма распространенное в первой половине XVII в., и если нельзя все-таки утверждать, что оно замечалось в равной степени по всему Замосковному краю, то изучение хозяйственных описаний этого времени позволяет с достаточной долей вероятности сказать, что в данном отношении поместное землевладение обычно стояло ниже вотчинного, которое и в это время оставалось гораздо более цельным.

Какие же черты сообщали отмеченные явления поместному землевладению? Рождественский дает на это такой ответ:

¹ П. к. 9808, лл. 305—548.

² П. к. 12604, лл. 978—1892, 12605, 12609, 12610.

³ П. к. 209, 210, 211.

⁴ П. к. 284, 285, 11829 с листа 496.

⁵ П. к. 838.

⁶ П. к. 871—875.

⁷ П. к. 812, 813.

⁸ П. к. 627, 628, 877.

⁹ П. к. 439, лл. 1—360

«Общий обзор типов поместного землевладения в Московском государстве приводит к заключению, что везде действовали одни и те же неизменные факторы, создавшие в результате очень однообразные типы поместий. Способ испомещения по несколько человек сразу в одном селении, практиковавшийся преимущественно в тех областях, где ощущался большой недостаток в культурных землях, дележ наследственных поместий, обращение поместных участков путем мены и сдачи везде вели к одному последствию — дроблению отдельных селений на известное количество поместных жеребьев в нескольких селениях. Это был единственный путь, которым изменялся первоначальный тип поместья, не отличавшийся по существу своего хозяйственного строя от нормального типа вотчины, представлявший комплекс селений, связанных в одно хозяйственное целое»¹. Такое определение причин дробленности и разбросанности поместного землевладения не совсем удачно, потому что соединяет вместе два совершенно различных процесса. Одновременное испомещение нескольких человек в одном селении или даже пустоши, т. е. превращение известного хозяйственного целого в несколько раздробленных участков, в тот момент, как это целое становилось поместьем, совершенно исключает существование в каждом таком случае первоначального типа поместья, как его определяет автор: оно ничего не имеет общего с естественным и постепенным дроблением первоначально единого в хозяйственном отношении поместья, и объединять эти два процесса, считая их за «единственный путь, которым изменялся первоначальный тип поместья», едва ли возможно.

Происходившее от испомещения нескольких помещиков сразу в одном селении и от постепенного дробления первоначально единого поместья жеребьево владение поместьем представляет очень интересное явление, на котором следует несколько остановиться, даже рискуя сделать отступление. В упомянутой не раз работе Рождественского читатель найдет немало примеров жеребьевого или «вопчего» владения поместьями, которое наблюдалось в XVI столетии во всех областях Московского государства². Не менее часто наблюдается оно и в XVII в. Приведем несколько примеров такого владения, взятых из описаний различных местностей интересующего нас края, и рассмотрим характерные черты этого владения. В Сурожском стане Московского уезда находилось в 1624—1625 гг. сельцо Кострово. Насколько можно судить из описания части этого сельца, которая ко времени письма уже успела перейти в собственность Чудова монастыря, сельцо Кострово еще недавно было во владении 8 помещиков, владевших ими *пополосно*: «в вотчине Чудова монастыря половина сельца Кострова на реке на малой Истре, Ивановский жеребей Арбенева, чем Иван Арбенев владел по старым межам *пополосно*». В момент письма остальной частью села продол

¹ Рождественский, Служилое землевладение, стр. 361.

² Там же, стр. 342—361.

жали владеть, тоже по старым межам, 7 человек мелких дворцовых чинов, стадный приказчик и страпчие конюхи, но из поместий их доли уже успели стать выслуженными вотчинами¹. В соседнем Дмитровском уезде в 1685—1686 гг. находим несколько пустошей, находящихся в общем поместном владении дмитровских рассыльщиков². В 1628 г. костромские писцы производили в волости Емстне следующее размежевание общего поместного владения нескольких лиц: «по челобитью Ф. Полозова разделена деревня Васильково по дачам с И. Р. сыном Полозова, а на Филиповы три жеребья отмежевано паровое поле, на котором будет сеяна рожь ко 137 году, да яровое поле без жеребья, на котором сеяна ярь во 136 году»³. Здесь мы, кажется, имеем дело с межеваньем, которое положило конец прежнему пополосному владению Полозовых деревней Васильковым; временно хозяйственный строй был нарушен, и потому Ф. Полозов получил на свою долю озимую и большую часть ярового поля; пар, вероятно, достался другому владельцу. В том же уезде очень часто встречается общее пользование помещиков неразмежеванными лесными угодьями: так обстоит, например, дело в Плесской волости⁴.

Общее владение сохранялось в Костромском уезде и в 80-х годах. В Сущове стане встречаются среди поместий такие явления: деревня Охлопково состоит в совладении нескольких лиц: А. Е. Корсакова, И. Я. Захарова, И. Я. Бутакова, его сестер, Я. С. Аристова; шестой жеребий пустой и потому отписан на государя; жеребьи, в приведенном порядке владельцев, находятся в следующем взаимном отношении:

$$\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{12} + \frac{1}{12} + \frac{1}{12}$$

В этих пропорциях числятся за совладельцами пахотные, сенокосные и лесные угодья. Межа этой деревни — общая; помещики внутри этой границы сами отмежевывают себе участки, находящиеся в отдельном пользовании каждого из них. Некоторые из владельцев, видимо, родственники⁵. Деревня Митронино находится в жеребьевом владении детей боярских галичан В. К. Шудина (2 жеребья — поместный и другой, успевший перейти в вотчину), М. А. Писемского, вдовы Сипягиной и Д. А. Сипягина; и здесь — общая межа и пропорциональное распределение пахотных угодий, сенокоса и леса, приписанного к деревне, между владельцами, из которых иные состоят друг с другом в родстве⁶. Та же картина в деревне Тереховой, состоящей в совладении по жеребьям тех же Шудина, Писемского и Сипягиных, но в несколько другой пропорции⁷. В подобных

¹ П. к. 685, лл. 412, 428.

² П. к. 127, лл. 8—10.

³ П. к. 109, л. 715.

⁴ П. к. 10956, лл. 1—567.

⁵ П. к. 218, лл. 188—190.

⁶ П. к. 218, лл. 298—307.

⁷ П. к. 218, лл. 308—317.

же условиях находились и многие другие деревни Сушова стана и даже некоторые пустоши. Другими характерными чертами только что описанных общих поместий являются их небольшие размеры. Вышеупомянутая деревня Охлопково со всеми угодьями занимает всего $57 \frac{3}{4}$ десятины; деревня Митропино — 43 десятины; деревня Терехово — $48 \frac{1}{2}$ десятин. Таким образом, в среднем, жеребьи этих деревень составляли 9,6, 8,6 и 9,6 десятин. При таких малых владениях помещик не мог иметь много крестьян: в деревне Охлопкове только Корсаков, владеющий целой половиной деревни, имеет два двора крестьян, остальные имеют по одному, а Аристов даже ни одного. При этом остается неизвестным, есть ли за ним какие-нибудь другие поместные или вотчинные участки. В деревне Митропине 3 помещика имеют по одному, 2 — по два крестьянских двора; в Терехове, наоборот, 3 — по два и 2 — по одному двору. Из приведенных примеров отнюдь еще, впрочем, не следует, чтобы общее владение было свойством всех селений и пустошей Сушова стана, принадлежавшего нескольким лицам; встречаются и такие, где доли совершенно размежеваны и самостоятельны. Для пояснения достаточно одного примера: пустошь Репкина состояла из двух половин, друг от друга отмежеванных: одна принадлежала братьям Леонтьевым (в 1686 г. уже на правах вотчины), другая находилась в общем жеребьевом владении трех помещиков Селевиных, бывших, видимо, в родстве¹. Я остановился так долго на описании Сушова стана Костромского уезда конца века потому, что это описание очень богато примерами общего поместного владения со всеми его характерными особенностями. Но и другие местности Замосковского края дают возможность констатировать аналогичные явления. Так например, в Суздальском уезде в 20-х годах находим село Санково, находившееся по жеребьям в общем неразмежеванном владении нескольких лиц, большею частью принадлежавших к семье Молвятиновых; пахотные угодья в нем, повидимому, разверстаны между отдельными владельцами, сенокос же и лес, а также перевоз через реку Нерль «и всякое угодье всего села Санкова и деревень и пустошей *вопче* за всеми помещики, против дач, по четвертям²», т. е. пользование ими пропорционально доле каждого. В том же уезде и в то же время на землях патриаршего села Михайловой Стороны находим испомещенной целую группу патриарших детей боярских, сидящих кучей и владеющих по мелким жеребьям упомянутым селом и тянущими к нему деревнями³. Общий характер здесь тот же, что и в предыдущих примерах, за исключением того, что здесь не может быть и речи о кровном родстве помещиков. Очень много случаев общего жеребьевого владения можно встретить в Купленской волости Гороховецкого уезда, которая, как уже известно, около 1620 г., т. е. незадолго до описания ее, была сразу роздана в поместное владение из дворцовых земель.

¹ П. к. 218, лл. 397—402.

² П. к. 11317, лл. 22—39.

³ П. к. 11317, лл. 1129 и сл.

Наблюдаемое в 20-х годах, оно устойчиво сохраняется еще и в 1685—1686 гг.: примером могут служить села Купля или Шуклино. В последнем в числе угодий находим, между прочим, и общий «выпуск» для скотины¹. В Сотемском стане Ростовского уезда были в 1685—1686 гг. сельцо Лихачево и пустошь Галашино, находящиеся в поместном владении десяти лиц; земли в этом сельце всего 51,3 десятины, крестьян у помещиков нет; все они принадлежат к трем фамилиям: Паршиних (7), Сверчковых (1) и Саксеевых (2)². Особенно богата примерами общего жеребьевого поместного владения северная окраина Замосковья — уезды Галицкий³, Пошехонский⁴ и т. д. По существу здесь дело стоит весьма близко к тому, что мы видели в уезде Костромском, поэтому на подробностях нет нужды останавливаться. Я приведу еще лишь два случая, касающиеся: первый — западной, второй — южной окраины исследуемой области Московского царства. Жеребьево владение, вообще довольно редкое в западных Замосковных уездах, определенно выступает в селе Климовском (в волости-губе Прутенской) Новоторжского уезда, которое, по некоторым указаниям, еще незадолго перед тем было дворцовым⁵. В Коломенском уезде находим случай размежевания села Непейцына на Северке, относящийся к 1628 г.: это размежевание, означая собою конец общего владения по жеребьям, разверстало село на 6 отдельных участков в такой пропорции:

$$\frac{1}{9} + \frac{1}{9} + \frac{1}{9} + \frac{1}{6} + \frac{1}{6} + \frac{1}{3}$$

Из этих шести участков четыре были во владении семьи Бабиных⁶.

Разбирая приведенные здесь примеры общего жеребьевого поместного владения, относящиеся к XVII столетию, и принимая во внимание наблюдения исследователей предыдущей эпохи, можно, кажется, притти к довольно определенным выводам о распространенности такой организации поместного владения. Жеребьево владение помещьем широко распространено по всему государству вообще, а в частности по всему Замосковному краю и во всю Московскую эпоху до конца XVII в. Большей частью оно является результатом одновременного испомещения группы служилых людей в селения или пустоши, отводимых для этой цели государством. Вследствие известной тенденции правительства закреплять земли за ближайшими наследниками прежних помещиков, вследствие расширявшегося права распоряжения помещьем первоначальные жеребьи дробятся по долям между наследниками первых владельцев, и потому, даже много лет спустя после первого испомещения, различные доли поместий, находящихся в общем владении, принадлежат родственникам. Чем больше количество совладельцев, которое, однако,

¹ П. к. 625, лл. 17—19, 54—56, 73—75; 116, лл. 6—9, 20—23.

² П. к. 839, лл. 77—85.

³ П. к. 91—97.

⁴ П. к. 12573—12576.

⁵ П. к. 801, лл. 412—414, 416—418, 420—423, 432—434, 440—444, 446.

⁶ П. к. 679, лл. 41—50.

в приводимых примерах всегда остается меньше десятка, тем мельче размеры поместных жеребьев. В некоторых случаях эти жеребьи настолько незначительны, что у помещика не имеется вовсе крестьян. Поместье, состоящее в таком общем жеребьевом владении, имеет общую межу. Внутри этой межи помещики имеют каждый свою усадьбу; крестьянские дворы разделены между владельцами, но если их менее, чем совладельцев, то они остаются в общем, может быть, долевым владении¹. Пахотные угодья разделены на полосы, и таким образом каждый совладелец имеет одну или несколько полос в каждом поле. Сенокос, лес, а также выгон для скота остаются в общем пользовании. Такова организация общего жеребьевого поместного владения, как она открывается из обзора источников.

Оригинальные особенности этой организации уже обратили на себя внимание в нашей исторической литературе. Исследуя «вообще» поместное владение в XVI столетии, Рождественский пришел к заключению, что его можно сблизить с типами служилого землевладения, развившимися на южной окраине государства, — однодворческим и приборным². Однодворческие поселения, так же как и поместья приборных служилых людей, являются крайними результатами того процесса, который совершался во всех слоях поместного землевладения. Как форма общего владения нескольких юридически самостоятельных землевладельцев, поместья которых вместе представляют некоторую бытовую или административную единицу (село, деревня), однодворческое поселение ничем не отличается от тех «вопчих» сел, которые не были исключительной принадлежностью известной местности, а были разбросаны по всей территории государства. Отсутствие крестьянского населения, превращавшего «вопчие» села и деревни в однодворческие поселения, было специально экономическим явлением, отнюдь не составлявшим особенности южной окраины. И в центральных областях, и на западной окраине можно встретить поместья без крестьян и бобылей. С другой стороны, изучение землевладения южных помещиков — «сябров», как они сами себя называли³, привело к сближению этого вида землевладения с землевладением и хозяйственным бытом, наблюдавшимся в иной области страны и в совершенно другой социальной среде. Я разумею здесь северных крестьян — «складчиков», «соседей», реже называвшихся, так же как и южные служилые люди, сябрами. В общих чертах сближение южных сябров с северными сделано Шмелевым в рецензии на обширное исследование Благовещенского об однодворцах на юге России⁴. Наиболее полную

¹ За тремя Новоторжскими россыльщиками состояла в 20-х годах деревня Глухово; в ней были 3 помещичьих двора да вопче у всех во дворе крестьянин Филко Иванов, во дворе бобыль Ивашко Иванов. П. к. 801, лл. 279—280.

² Рождественский, Служилое землевладение, стр. 363—365.

³ Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, стр. 192—195.

⁴ Шмелев, Несколько замечаний об однодворцах. Рецензия на работу Благовещенского, Четвертное право, в отчете комитета о втором присуждении премий, учрежденных Харьковским земельным банком в память 25-летия царствования императора

и обстоятельную попытку сближения сябринского землевладения на юге и на севере находим в небольшой, но очень интересной работе П. И. Иванова, посвященной землевладельческим отношениям русского юга¹.

Характеризуя быт южных сябров-помещиков по документам разрядного приказа, автор приходит к заключению: «факты их семейно-имущественных отношений ясно доказывают, что сходство с бытом северных крестьян проникает в жизнь южных помещиков настолько глубоко, что вопрос о сходстве их поземельной организации с крестьянской предreshается сам собою». Действительно, почти все черты земельной организации тех и других — общее владение землею, распределение пахотных угодий по клинам и полосам, неразмежеванность других угодий, сенокосных и лесных, наконец деление жеребьев по долям между наследниками первых владельцев — все это у крестьян-складников севера и у сябров-помещиков юга представляет полное сходство.

Но этими же чертами, как мы видели выше, характеризуется и общее жеребьево поместное землевладение русского центра.

Впрочем, этого, может быть, покажется мало. Между северными и южными сябрами Иванов усматривает и другие черты сходства, преимущественно в семейно-имущественных отношениях, в праве передачи поместья по наследству и по всякого рода сделкам, состоявшим, например, в приеме мужа во двор в том случае, если наследницей поместья была женщина, затем в составлении «складного живота», т. е. внесении вступившим во двор человеком своего имущества в состав имущества многосемейного и т. д. Явлений такого рода, т. е. таких черт семейно-имущественных отношений, которые бы отличали их от других категорий служилых землевладельцев, не заметно у помещиков Замосковского края, владеющих поместьями сообща. Но их и нельзя рассчитывать найти в тех источниках, которыми я пользовался: быть может, детальное изучение делопроизводства поместного приказа прольет свет на это дело, как это случилось для южных сябров при изучении делопроизводства разряда, в ведомстве которого была в XVII столетии южная окраина России. Однако, мне кажется, что уже и теперь, не дожидаясь этого, возможно подчеркнуть сходство земельной организации Замосковских помещиков, владевших поместьями по жеребьям на общем праве, с такой же организацией южных сябров-помещиков и северных складников крестьян и, опираясь на это сходство, высказать

Александра II при Харьковском университете, Харьков, 1901, стр. 27—31. Я не говорю здесь о мыслях самого Благовещенского по этому вопросу, который, хотя и ссылается в нескольких местах своей работы на явления из области северного землевладения, но ничем точно не формулирует своих взглядов на взаимное отношение северных складников-крестьян и южных сябров-помещиков (Благовещенский, Четвертое право, гл. II).

¹ Иванов, Сябры-помещики, Ж. М. Н. П. 1903 г., № 12, стр. 406—442. Подробности о земельном устройстве северных крестьян, см. его же, Земельные союзы и пределы крестьян на севере в Труд. Археогр. ком. Моск. археол. общ., т. II и отдельно, и Липто-Данилевский, Очерк и история образования главных разрядов сельского населения, в сборнике «Крестьянский строй», стр. 16—31

определенное мнение о происхождении сябринных землевладельцев в России.

А. Я. Ефименко, впервые подробно разработавшая вопрос о складничестве на севере, склонна выводить это складническое или сябринное землевладение из однодворной деревни — печища, представлявшего родственное сожительство¹. Того же, повидимому, мнения придерживается и Рожков, утверждающий, что складнические союзы «были первоначально более или менее обширные родственные союзы». Лишь позже эти союзы «осложнились примесью чужеродцев и приняли характер товариществ»². Иванов не выдвигает вперед родственного начала в вопросе о происхождении сябринного землевладения, полагая, что «складническая деревня образовалась либо из семьи, либо из товарищества, что несколько не противоречит друг другу, так как и семья прониклась товарищескими отношениями»³. Началу товарищества, договора как принципу, создавшему складническое землевладение, отдает предпочтение Ключевский, который коснулся данного вопроса, характеризуя быт древних новгородских своеземцов; в этих последних Ключевский видит что-то родственное складникам: «землевладельческие товарищества, связанные договорами, часто еще и родством»⁴. Наконец мысль о том, что причиной появления сябринного землевладения на юге следует считать широкое распространение артельного, иначе сказать, товарищеского начала в Московском государстве, мы отметили выше в упомянутой работе Шмелева⁵.

Убедившись в том сходстве, какое имеет земельная организация таких социально-различных элементов, как совладельцы общих поместий Замосковского края, однодворцы юга, крестьяне крайнего севера, а, может быть, еще и старые новгородские своеземцы, нельзя не видеть, что в основе лежат начала товарищества и лишь в исключительных случаях это товарищество может быть возводимо к первоначальному родству совладельцев. Родство в основе землевладельческого товарищества являлось только как исключение. Мне кажется, поэтому, что основным началом сябринного или складнического землевладения следует считать не родство, а только товарищество, возникавшее под давлением очень разнообразных причин. Все разнообразные союзы земледельцев, нами отмеченные, были прежде всего землевладельческими товариществами, связанными различного рода условиями и лишь изредка родством.

Общее жеребьевое поместное землевладение Замосковского края не было, конечно, изъято из влияния тех общих черт, которыми отмечено поместное землевладение этого края в XVII в. Поместье, как известно, имело постоянное стремление к переходу в вотчину. Так было и с жеребьями общих поместий. Выше, в примерах общего

¹ Ефименко, Исследования народной жизни, стр. 211—225.

² Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси, стр. 166.

³ Ж. М. Н. П. 1903, № 12, стр. 432.

⁴ Отчет о 33-м присуждении премий Уварова, стр. 302.

⁵ Шмелев, Несколько замечаний об однодворцах, стр. 30.

поместного владения, была отмечена находившаяся в Сущове стану, Костромского уезда, деревня Митронина, состоявшая из отдельных жеребьев, из которых один уж успел перейти в вотчину. В том же стану встречаются целые селения, состоящие уже исключительно из вотчинных жеребьев, большей частью пожалованных из поместий за выслуги¹. Переход в вотчины не мешал им, сам по себе, оставаться по прежнему в жеребьевом владении. Находим и такие случаи, когда одному лицу в одном и том же селении одна часть принадлежала на вотчинном праве, а другая оставалась еще в поместном владении. К таким случаям относится положение дела в упомянутой выше деревне Митроinine, где галичанин К. В. Шудин владел двумя жеребьями на разном праве. Другой, подобный же случай, в селе Синцеве-Высоцком, часть которого была вотчиной стольника И. С. Чирикова, а другая — его поместьем². Разновременный переход отдельных частей одного поместья в вотчину не остался без влияния на внешний вид поместий — он усиливал их общую раздробленность. Поэтому не следует забывать и этого явления в числе причин, способствовавших дроблению и мозаичности поместного землевладения, которое было нами выше отмечено.

Изучение размеров поместий и вотчин в XVI в. представляет вопрос довольно сложный. Поместные оклады, которые можно подробно изучить по многочисленным десятням и по отдельным законоположениям, нормировавшим их, были очень разнообразны. Бесконечно разнообразнее еще были, конечно, поместные дачи. Если так было с поместьями, то еще более основания сказать то же о вотчинах. Фактически изучить размеры поместий и вотчин на всем протяжении исследуемого края возможно только для 20-х годов, так как описания 80-х годов обнимают слишком малые площади. Такие соображения заставляют меня оставить в стороне указанный вопрос в его целом; я ограничусь лишь очень немногими данными, знакомящими со средними, относительно, размерами пригодных к обработке земель (пахня паханая, наезжая, перелог и пахня, лесом поросшая) в поместьях и вотчинах, в тех местностях некоторых Замосковских уездов, по которым мы имеем описания за 20-е и за 80-е годы.

Читатель найдет их в нижеследующей таблице (см. табл. на стр. 275).

Не придавая чрезмерного значения приводимым здесь данным, из которых иные почерпнуты из писцовых итогов, следует отметить одну особенность, свойственную неизменно почти всем помещенным в таблице местностям: средний размер поместья имеет тенденцию к уменьшению; средний размер вотчины, наоборот, обнаруживает стремление к увеличению. Это единственный ценный вывод, который дает таблица; он имеет тем большую цену, что вполне гармонирует со всеми наблюдениями, которые сделаны нами при изучении взаимных отношений обоих видов служилого землевладения.

¹ Напр., п. к. 218, лл. 599—600, д. Бренно; л. 600, д. Бурово; лл. 674—676, д. Прясново.

² П. к. 218, лл. 683—686.

Уезд и местность	1624—1630			Источник	1684—1686			Источник
	Средний размер				Средний размер			
	поместий	вотчин	в десятинах в 3 полях		поместий	вотчин	в десятинах в 3 полях	
Гороховецкий, Купленская волость.	254,4	130		П. к. 625	80	136		П. к. 116
Дмитровский, Повельский стан . . .	230,7	161,7		» » 627	190,5	258,5		» » 127
Клинский (весь)	257	220,5		» » 190	64	120,2		» » 191
Коломенский, стан Б. Микулин . . .	159,6	ок. 500		» » 203	26,2	632,4		» » 207
Костромской, Суцлов стан	—	—		—	64	115,4		П. к. 218, 219
Московский, Горетов стан	772,2	116,8		П. к. 685	—	412,1		П. к. 283
Московский, стан Радонеж и Бели, Радонеж и Корзенев	101,9	114,4		» » 685	108,5	186,7		» » 275
Переяславский, Новосельский стан .	81,3	69,4		П. к. 812, 813	76,3	137,7		» » 350
Ростовский, Сотемский стан	269,9	89,5		П. к. 838	30,1	143,4		» » 839
Тверской, Суземский стан	162,6	109		» » 873	58	75		» » 469

Изучение различных типов поместного и вотчинного землевладения в Замосковном крае позволяет, как кажется мне, сделать следующие выводы.

С самого начала изучаемой эпохи поместья представляются гораздо более дробными, чем вотчины; кроме того, именно в поместьях значительно более часто, чем в вотчинах, встречаются чересполосные участки. Эти свойства поместий не только не исчезают в течение столетия, но напротив обозначаются еще более резко, так как причины, обуславливающие это дробление и чересполосность поместных участков, остаются в силе. Вместе с этим мельчает постепенно и средний размер поместья, тогда как средний размер вотчины постепенно увеличивается. Уже в начале столетия вотчина составляет обычно более цельный участок, чем поместье. В конце столетия вотчина, в среднем, становится крупнее, а следовательно, ценнее, удобнее для хозяйственной эксплуатации, чем поместье. Такие свойства являются залогом ее большего экономического благосостояния.

V

Перейдем к выяснению вопроса о мобилизации землевладения.

Прежде всего займемся выяснением положения в старинных вотчинах удельных князей, потомков Всеволода III, несколькими гнездами засевших когда-то в Замосковном крае от Суздаля до Ярославля и Твери и далее на север до Белоозера. История этих вотчин в предшествующую эпоху хорошо известна. Когда-то обширные, занимавшие сплошь целые волости в уездах, эти вотчины под влиянием экономического упадка, усиливавшейся задолженности и наконец причин политических — конфискаций и насильственных перемещений времен Грозного — постепенно таяли в течение всего XVI в. Однако они не совсем исчезли к началу следующего столетия. Некоторые, и даже довольно значительные, клочки старых княжеских вотчин сохранялись еще в различных местностях Замосковья в эпоху письма 20-х годов.

Сведения о некоторых из таких осколков старинных княжеских вотчин собраны в не раз уже упомянутой работе Рождественского, в которой исследование истории княжеских вотчин в XVI в. принадлежит к лучшим страницам. Однако для автора, занятого историей предшествующей эпохи, судьба княжеских вотчин в XVII в. представляла второстепенный интерес, и потому приводимые им известия¹ можно довольно существенно пополнить, за исключением, впрочем, данных о вотчинах князей Ростовской ветви, которые вполне исчерпаны Рождественским.

Кроме перечисленных у Рождественского старинных вотчин князей Белозерской ветви — Вадбольских, Ухтомских, Шелеш-

¹ *Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 151 (вотчины Ростовских князей), 158 (Белозерских), 170 (Ярославских), 180—81 (Стародубских), 182—83 (Суздальских). Е го ж е, К истории княжеского землевладения в северо-восточной Руси в XVI в., в Зап. Имп. Р. Арх. Общ., т. III. Новая серия, стр. 4.

панских и других, находившихся в 20-х годах XVII в. в Белозерском и Пошехонском уездах, следует упомянуть еще о следующих: за князем М. И. Шелешпанским в Арбужевской волости Пошехонского уезда значилось в вотчине: 1 сельцо, 2 деревни, 12 пустошей с двором вотчинниковым, 1 двором крестьянским и 4 — бобыльскими; в нем было 10 четей в поле пашни паханой вотчинниковой, 18 — крестьянской, 258 четей перелогу, сенокос и большие лесные угодья, вдоль на 7 верст, поперек на 5¹. За князем Я. А. Шелешпанским состояла 1 деревня с 6 пустошами, 1 двором крестьянским и 1 — бобыльским, с 3 четьми пашни паханой крестьянской, 147 четьми в поле перелогу, сенокосом на 50 копен и 13 с половиной десятин леса². В волости Ухтомской была старинная вотчина князя М. Т. Ухтомского, сельцо Васильевское с 5 деревнями и 1½ пустошами, в них было: 1 двор вотчинников, 2 — людских, 2 — крестьянских и 4 — бобыльских; пашни паханой вотчинниковой было 8 четей в поле, крестьянской — 12, перелогу — 55, кроме сенокосу и больших пространств поверстного леса³.

В волости Углице-Константиновском находим вотчину князя В. Ф. Шелешпанского — село Покровское с 6 деревнями и 45 пустошами; в них: двор вотчинников, 2 — людских, 7 — крестьянских и 16 — бобыльских; пашни паханой вотчинниковой — 25 четей в поле, крестьянской — 56, перелогу — 1419, сенокоса на 326 копен, лесу 70 десятин, не считая огромных пространств поверстного, «а владеет князь Василий Шелешпанский тою своею старою родственною вотчиною по родству своему от роду Белозерских князей». Там же рядом была небольшая, запустевшая старинная вотчина вдовы княгини Василисы Шелешпанской⁴.

Из вотчин Ярославской ветви князей уцелела в Закоторском стане большая старая вотчина князей Троекуровых, село Новое с деревнями (3 села, 1 слобода, 71 деревня, 3 починка, 30 пустошей; 2 двора вотчинника, 78 людских, 299 крестьянских, 151 бобыльских, до 9000 десятин годной к обработке земли, не считая огромных участков поверстного леса)⁵.

В волости Вольской, Пошехонского уезда, еще существовали 3 вотчины князей Шехонских — всего 5 деревень и 6⅔ пустошей с 3 дворами вотчинниковыми, 2 — крестьянскими, 5 — бобыльскими, 14 четьми в поле пашни вотчинниковой, 10 — крестьянской, 139 — перелогу и большим количеством леса и сенокоса⁶. Далее, в Городском стане того же Ярославского уезда находилось целое родовое гнездо князей Жировых-Засекиных.

¹ П. к. 12574, лл. 1303—1312.

² Там же, лл. 1312—1315.

³ П. к. 12574, лл. 1466—1473.

⁴ Там же, лл. 1625—1651.

⁵ П. к. 549, лл. 267—310.

⁶ П. к. 1063, лл. 512—519. Впрочем, один из владельцев назван «сузальцем», что указывает на состоявшееся уже его переселение на житье и службу в другую местность.

		Число						Всего пахотной земли
		селений	пустошей	вотчин	людских	крестьянских дворов	бобыльских	
1. Стольник кн. Андрей Иванович . . . }	С. Лопухово с деревнями	12	1	1	—	36	19	306 четей в поле
2. Князья Семен, Андрей, Михаил Федоровичи . . . }	С. Павшино пополам	2	1	4	3	3	—	70 » »
3. Князья — Иван, Федор, Борис Андреевичи }								
4. Княгиня Козловская, урожд. Засекина }	Д. Глебовская	Половинная доля в 6 деревнях		—	—	10	10	100 ² / ₃ четей в поле

Всего до 20 селений, полностью или в частях, и свыше 700 десятин земли, принадлежавших 8 лицам¹.

Кроме того имена старых Ярославских князей — Деевых, Львовых, Засекиных и других попадаются и среди помещиков Ярославского уезда². В Углицком уезде, недалеко от реки Сити, еще сохранились старинные родственные вотчины князей Сицких, например, село Рождествено³.

Сохранились в 20-х годах и довольно многочисленные остатки вотчин князей Стародубских, главным образом в стане Стародубо-Ряполовском Суздальского уезда. О размерах их удобнее всего судить по следующей таблице (см. таблицу на стр. 280—281).

О вотчинах суздальской ветви прибавлять нечего. Последний представитель этой ветви, боярин князь И. И. Шуйский, владел крупными старинными вотчинами, не выходявшими и ранее из рода Шуйских: все эти земли перечислены у Рождественского. После смерти князя И. И. Шуйского большая часть его земельных владений была отписана на государя.

О вотчинах тверской ветви Рюриковичей в первой четверти XVII в. Рождественский не говорит ни слова; можно подумать, что в это время их уже не было вовсе. На самом деле это не совсем верно.

¹ П. к. 550, л. 215—233.

² П. к. 545, 546, 549, 550.

³ Угл. писц. кн., стр. 332 (Врем. Дем. лица, т. 41—46). См. также Рождественского, К истории княжеского землевладения в сев.-вост. Руси, стр. 57.

Писцовые книги 20-х годов сохранили нам известие, по крайней мере, о двух вотчинах, которые в это время еще были во владении потомка тверских князей: так, в Суземском стане находим старинную родовую вотчину князя Ф. А. Телятевского — деревню Кашино (1 д., $6\frac{2}{3}$ пустошей, 1 дв. крест., 1 — боб.; пашни пах. — 2 чети в поле, наезжей — 10, перелогу — 160, сена — 432 копны ¹). Собственность того же князя Ф. А. Телятевского составляло и запустевшее городище Микулинское — когда-то гнездо вымерших уже к XVII в. князей Микулинских ².

В общем остатки старых княжеских вотчин были невелики; тем легче проследить, продолжалась ли их постоянная убыль, или же новая эпоха, новые политические и экономические условия повлияли как-нибудь на судьбу уцелевших старых княжеских вотчин и задержали их мобилизацию, составлявшую одну из характерных черт княжеского землевладения в XVI в.

Перепись 1678 г. и описания 80-х годов дают некоторую возможность ответить на поставленный вопрос.

В числе вотчин Белозерских князей, еще сохранявшихся в руках старых владельцев в 20-х годах, Рождественский называет родовую вотчину князя Михаила Матвеевича Вадбольского, сельцо Прокино с 5 другими деревнями и вотчину князя Бориса Ивановича Вадбольского, сельцо Пожар ³. В 1678 г. оба эти селения, по уже, повидимому, без окрестных деревень, принадлежали: первое — князю Б. М. Вадбольскому, второе — стольнику, князю А. М. Вадбольскому и, таким образом, еще не успели выйти из рук родовых владельцев ⁴.

Из перечисленных выше княжеских вотчин, расположенных в Пошехонском уезде, в руках старых владельцев оставались в 1678 г. сельцо Васильевское Ухтомской волости — вотчина князя И. Р. Ухтомского и с. Покровское — в Углеце-Константиновском — по жеребьям в вотчине за тремя князьями Шелешпанскими ⁵. Что касается других вотчин Шелешпанских, Шехонских и Вадбольских, как упомянутых у Рождественского, так и выше отмеченных, то все они уже успели переменить владельцев.

В Ярославском уезде в Верховском стане, в 1678 г. встречаются старинные вотчины князей Морткиных и князей Прозоровских ⁶, но вследствие того, что описание этого стана за 20-е годы не сохранилось, проследить их предыдущую историю нет возможности.

Описание 1685—1686 гг., коснувшееся только Городского стана, убеждает в том, что здесь еще сохранились кое-какие остатки родового гнезда князей Жировых-Засекиных в виде уже известной

¹ П. к. 873, лл. 78—79.

² П. к. 874, лл. 46—52.

³ *Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 158.

⁴ Переп. к. 12758, лл. 39, 41; в Прокине — 12 дворов крестьянских и 6 дворов бобыльских; в Пожаре — 9 дворов крестьянских и 5 бобыльских.

⁵ Переп. к. 12578.

⁶ Переп. к. 7191; напр., вотчина Прозоровских, с. Рождествено, л. 285.

В л а д е л е ц	Название вотчины	Число селений	Число пустошей
Кн. Гундуров И. И.	С. Старые Зименки с деревнями	жеребей села, 9 дер.	2
» » Гавр. И. . .		$\frac{1}{2}$ села, 6 дер.	$\frac{1}{2}$
» » Сем. И.		$\frac{1}{2}$ » 6 »	$\frac{1}{2}$
Князья Гундуrowы, 4 брата (племянники предыдущего)		2	1
Вдова кн. Коврова с сыновьями, кн. Ив., Мих., Фед. Федоровичами . . .	С-цо Новоселки	1	4
Боярин кн. Ал. Вас. Хилков	$\frac{1}{2}$ села Ивановского	$\frac{1}{2}$ села, 3 дер.	11
Кн. Ив. Вас. Хилков	$\frac{1}{2}$ » »	$\frac{1}{2}$ » 3 »	11
Князья Борис, Петр, Иван Андреевичи Хилковы . .	С. Иваново	1 село, 1 дер.	24
Боярин кн. Д. М. Пожарский	С. Мугреево	3 $\frac{1}{2}$	21
Боярин кн. Д. М. Пожарский (по наследству от князя П. Т. Пожарского)	Д. Фоклеево	1	4
Кн. Ром. П. Пожарский . .	С. Троицкое	1 $\frac{1}{3}$	3
Кн. Фед. Ив. Пожарский .	Д. Муравьево	1	4
Княгиня Куракина (урожденная Татева)	С. Павловское	7	38
Кн. Ив. Ив. Ромодановский	С. Петровское-Пазухино поч. Богород. на Таре	3 жереб. села	58
Князья Иван, Петр, Василий большой, Василий меньшой Григорьевичи Ромодановские	С. Петровское-Пазухино, с. Черны, с. Татарово, с. Иваново, пог. Богоявленская слободка	30	107

2
 $\frac{1}{2}$
 $\frac{1}{2}$
1
и доли в двух пустошах

Число дворов				В четьях в поле		Сено (в коп.)	Лес (в десят.)	Источник
вотчин- ков	лю- дских	крестьян- ских	бобыль- ских	пашни паханой	в перегору			
1	4	10	20	87	98 ² / ₃	35	2 ¹ / ₄	971—994
1	4	10	15	59	54 ² / ₃	26	3 ¹ / ₂	
1	4	9	12	44	59 ² / ₃	26	3 ¹ / ₂	
—	—	4	7	23	46	15	1	996—998
1	—	—	—	10	57	55	—	
1	—	4	10	110	435 ¹ / ₂	3	—	
1	3	12	6	69	472	30	16	1005—1020
1	—	8	14	43	828	5	15	
2	9	47	68	655	354 ¹ / ₂	155	61 и огромное коли- чество поверстно- го леса	
1	—	5	6	20	48	15	14	1080
2	—	1	5	25	83	—	—	
1	—	2	1	13	65	—	—	
1	1	8	28	144	1974	300	—	1099
3	8	20	40	280	1929 ³ / ₄	1548	186 + поверстный лес	1127—1128
4	7	31	76	599	2041	533 ¹ / ₂ и дуга	52 ³ / ₄	1129—1174

деревни Глебовской, которая, перейдя в 20-х годах, повидимому в качестве приданого, в род князей Козловских, к концу столетия вновь возвратилась в род князей Засекиных ¹.

Устойчивее других сохранились вотчины Стародубских князей.

По крайней мере, в 1678 г. мы находим на старых местах все княжеские фамилии, упомянутые в 1620-х годах, за исключением угасших к тому времени князей Ковровых. Так например, половина села ст. Зименки с некоторыми из тянувших к нему деревень все еще принадлежали князьям Гундуоровым. Вдова боярыня княгиня Хилкова владела селом Ивановым. Княгиня Пожарская состояла вотчиницей села Троицкого. Наконец, вотчины князей Ромодановских сохранились почти в нетронутом виде ². Кроме этих вотчин князей Стародубской ветви, следует, кажется, также причислить к их родовым владениям село Лучинское Юрьево-Польского уезда, которым еще в 1678 г. владели представители семьи Пожарских ³.

О Ростовских князьях не приходится говорить ничего: их родовые владения, кажется, вовсе успели растаять ко времени второй переписи. Что касается Суздальской и Тверской линий, то обе они окончательно угасли еще в первой половине XVII столетия.

Сравнивая состояние старых княжеских вотчин в 20-х годах и в последней четверти XVII в., нельзя не прийти к заключению, что, даже отбросив случаи, когда выход земли из владения известного рода происходил вследствие вымирания его, небольшие остатки прежних земельных богатств удельного князя продолжали неудержимо таять. Не прекратилось это явление и позднее. Не все вотчины, которые сохранялись в руках старых владельцев в 1678 г., удержались в их руках до конца рассматриваемой эпохи: так например, в конце столетия вымерли князья Пожарские. Наиболее прочно продолжали держаться вотчины князей Ромодановских, в значительной части сохранявшиеся за ними и в первые годы XVIII в. ⁴.

В общем, XVII столетие видело окончание процесса разложения старого княжеского землевладения. Новая эпоха не остановила этого разложения, потому что, если исчезли способствовавшие ему ранее политические условия, то обуславливавшие его издавна причины экономические оставались, очевидно, в силе.

Место старого феодального князя, преимущественно действовавшего в XVI в., заступают в XVII столетии новые фамилии. Эти фамилии, не наследуя политических притязаний своих предшест-

¹ П. к. 563, лл. 462—464.

² П. к. 11331, переписная по Суздалью 1678 г., без пагинации.

³ Переп. к. 12469, л. 618.

⁴ *Рождественский*, Служилое землевладение, стр. 180. *Тизонрагов*, Владимирский сборник, стр. 185—186.

венников, сменяют их в качестве крупнейших землевладельцев Московского государства. С этой стороны они и представляют для нас интерес.

По происхождению своему это были потомки старинного московского нетитулованного боярства, младшие линии Рюриковичей, заслоненные ранее своими более знатными родичами или, наконец, семьи, случайно возвышавшиеся благодаря родству с царским домом или личному приближению к царствующему государю. Примерами здесь могут служить Шереметевы, Романовы, Морозовы, Годуновы. Земельные богатства первых двух семейств накапливались еще в XVI в. Для Шереметевых процесс этот продолжался еще в XVII в. Во всяком случае, большая часть земель, принадлежавших им в начале века, сохранялась в их руках и ко времени Петровских реформ. Что касается Романовых, то для XVII в. разговор может быть только о младшей ветви этого рода, представленной боярином Иваном Никитичем и его сыном Никитою Ивановичем и вместе с последним прекратившейся, причем обширные земельные богатства остались во владении Большого дворца, частью же были розданы в монастырь по душе прежних владельцев. Морозовы, быстро сосредоточив огромные земельные богатства в своих руках¹, очень скоро исчезают во второй половине XVII в. Наконец, земельное богатство Годуновых было так же мимолетно, как и политическое могущество этой семьи: в 20-х годах в руках некоторых ее представителей остаются лишь осколки минувшего богатства.

Среди Рюриковичей и Гедиминовичей, игравших заметную роль в XVII столетии, замечаем довольно крупные земельные состояния князей Долгоруких, Репниных, Одоевских, Голицыных, Куракиных, Трубецких, Хованских, но устойчивость не есть постоянное свойство этих состояний. Правда, насильственные конфискации редки, зато купля и продажа земель встречаются беспрестанно. Царская родня — Стрешневы, Милославские, Нарышкины и т. п. или приближенные к государю лица, вроде, например, оружейничего Б. М. Хитрово или боярина Матвеева при царе Алексее, умели сосредоточить в своих руках крупные земельные состояния, но и здесь мы напрасно стали бы искать большой устойчивости: в конце столетия встречается уже только один крупный землевладелец из Стрешневых — боярин Родион Матвеевич. Милославские, кажется, растеряли свои имения после падения Софии. Большие вотчины боярина Хитрово разошлись по разным владельцам вскоре после его смерти. Состояние Матвеева конфисковано было при его ссылке в 1676 г.

В общем, судьбы крупного землевладения в XVII в. мало чем отличаются от предыдущей эпохи. То, что начало разрушаться в XVI в., продолжало таять и в XVII в.

Переходим теперь к вопросу об общих размерах мобилиза-

¹ Забелин, Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. «Вестник Европы» 1870, № 1, стр. 10.

ции служилого землевладения в Замосковном крае и постараемся рассмотреть, как сильна эта мобилизация была в интересующую нас эпоху. Поскольку можно судить по немногочисленным данным, касающимся Замосковных уездов, в предыдущую эпоху дело представляется в таком виде: поместные земли «в подавляющем большинстве случаев целыми массами и чрезвычайно быстро переходили от прежних владельцев к лицам, им посторонним или дальним родственникам».

«В Московском уезде в 1584—1586 гг. 20 имений (76,6%) сделались владением чужеродцев, только одно имение перешло к детям и лишь 5 поместий остались за прежними владельцами, и такая мобилизация совершилась, повидимому, в какие-нибудь 25 лет. В Коломенском уезде за 16 лет 186¹/₂ (51,7%) поместий перешло к чужеродцам, 10,5 — к дальним родственникам, между тем как дети получили после отцов 63,3 имения, а за прежними владельцами числилось 95,7 имений. В Тверском уезде в течение 8 лет — с 1540 по 1548 г. — из 172 поместий 22 (12,8%) попали к чужеродцам и 13 — к дальним родственникам»¹.

Впрочем, такая сильная мобилизация поместий не должна вызывать удивления: в XVI в. наследственность поместий еще только намечалась и не успела вполне установиться. Но оказывается, что мобилизация вотчин была также очень значительна, хотя и уступала мобилизации поместий: «в Московском уезде с половины 60-х до половины 80-х годов 74 вотчины (48,7%) перешли к чужеродцам, 9 вотчин — к дальним родственникам, 24 — к детям от отца и 45 имений остались за прежними владельцами. Из Коломенских вотчин в течение 20 лет 59,2 (40,2%) сделались собственностью лиц, посторонних прежним вотчинникам, две вотчины перешли к боковым родственникам, а 10,3 имения были унаследованы детьми от отца. За прежними вотчинниками здесь осталось 76,5 имения. Наконец, в Тверском уезде в 8 лет из 318 вотчин 96 (30,1%) перешли к чужеродцам, и 46 имений стали собственностью боковых родственников»².

В XVII столетии, по мере того как поместное владение все более и более сближалось с вотчинным, наследственность поместий устанавливалась все настойчивее. Господствовавший обычай закрепления поместий за ближайшими родственниками, с одной стороны, а с другой — постоянно расширявшиеся права помещика по распоряжению своим поместьем заставляют отнестись к мобилизации поместий в это время столь же внимательно, как и к мобилизации вотчин. На поставленный вопрос постараемся ответить, следя за мобилизацией имений (как поместий, так и вотчин), историю которых можно проследить от 20-х годов до последних десятилетий века, т. е. до переписи 1678 г. и письма 1684—1686 годов.

Начнем со столичного уезда.

¹ Рошков, Сельское хозяйство, стр. 448—449.

² Там же, стр. 451.

Станы	Число имений, историю которых можно проследить	Из них сохраняются в том же роде ¹	Переходят к чужеродцам
1. Горетов { поместья вотчины	18 20	8 5	10 15
2. Сурожский { поместья вотчины	7 11	3 7	4 4
3. Манатын { поместья вотчины	16 30	6 10 ^{1/2}	10 19 ^{1/2}
4. Бохов { поместья вотчины	17 7	4 2	13 5
5. Радонеж и Бели { поместья вотчины	8 4	3 1	5 3
6. Воря и Корзепев (вотчины) . .	2	1	1
7. Шеренский и Отъезжий { поместья вотчины	3 6	2 2	1 4
8. Кошелев { поместья вотчины	4 1	2 1	2 —
9. Васильцов { поместья вотчины	3 3	3 2	— 1
10. Почернев (вотчины)	5	2	3
11. Ратуев { поместья вотчины	5 3	2 2	3 1 ^а
12. Сосенский { поместья вотчины	14 18	6 7	8 11 ^а
13. Различные станы { поместья и волости Зареч- кой половины { вотчины	17 26	5 6	12 20 ^а
Всего имений в Московском уезде	248	92 ^{1/2} (37,3%)	155 ^{1/2} (62,7%)
Из них поместий	112	44 (39,2%)	68 (60,8%)
» » вотчин	136	48 ^{1/2} (35,6%)	87 ^{1/2} (64,4%)

¹ Сюда же отнесены и такие имения, которые, переходя по наследству к женской линии, меняют владельцев по фамилии.

² П. к. 685, 9807, 275, 283; переп. к. 9811, 9812, 9813.

³ Шептинг, Древний Сосенский стан. Чтения О. И. и Др. Р. 1895, кн. 3.

⁴ Холмогоровы, Материалы о церквях и селах XVII—XVIII вв. Пехрянская десятина. Чт. О. И. и Др. Р. 1892, кн. 1.

Уезды		Число имений, историю которых можно проследить	Из них сохранились в том же роду	Переходят к чужеродцам
1. Волоколамский .	поместья	6	1	1
	вотчины	11	2	13 ¹
2. Гороховецкий,	поместья	6	4	2
Купленская во-	вотчины	1	—	1 ²
лость				
3. Звенигородский .	поместья	{ 17	—	{ 15 ³
	вотчины		2	
4. Клинский	поместья	2	—	2
	вотчины	3	1	2 ⁴
5. Дмитровский, По-	поместья	6	1 + $\frac{1}{4}$	3 + $\frac{3}{4}$ + $\frac{2}{5}$ + $\frac{1}{3}$
вельский стан . .	вотчины	5	$\frac{2}{2}$	$\frac{2}{2}$
6. Коломенский, ст.	поместья	7	3	4
Б. Микулин . . .	вотчины	5	—	5 ⁶
7. Костромской,	вотчины	9	8	1 ⁷
Сушков стан . . .				
8. Можайский . . .	поместья	{ 25	1	{ 22 ⁸
	вотчины		2	
9. Переяславский,	поместья	6	3	3 ⁹
Новосельский .	вотчины	3	3	—
стан				
10. Ростовский, Со-	поместья	5	1	4
темский стан . .	вотчины	8	2	6 ¹⁰
11. Рузский	поместья	{ 19	—	{ 14 ¹¹
	вотчины		5	
12. Тверской, Сузем-	поместья	4	1	3
ский стан	вотчины	6	4	2 ¹²
13. Ярославский, Го-	поместья	3	3	—
родской стан . . .	вотчины	2	—	2 ¹³
Всего имений		159	49 $\frac{3}{4}$ (31,3%)	109 $\frac{1}{4}$ (68,7%)

¹ Холмогоровы, Материалы о церквях и селах, Волоколамская десятина. Чт. О. И. и Др. Р. 1896, кн. 4.

² П. к. 625 и 116.

³ Холмогоровы, Материалы о церквях и селах. Звенигородская десятина (отд. изд. М. 1882).

⁴ П. к. 190 и 191.

⁵ П. к. 627 и 127.

⁶ П. к. 203 и 207.

⁷ П. к. 10965, 218, 219.

⁸ Холмогоровы, Материалы о церквях и селах. Можайская десятина. Чтения О. И. и Др. Р. 1901, кн. 1.

⁹ П. к. 812, 813, 350.

¹⁰ П. к. 838, 834, 843.

¹¹ Холмогоровы, Материалы о церквях и селах. Рузская десятина (отд. изд. М. 1881).

¹² П. к. 873, лл. 27—81 и 469, лл. 1—65. Если служилых землевладельцев, упомянутых в описании 1685 г., сравнить с составом тех же землевладельцев по книгам 1540 и 1548 годов, то окажется, что семь фамилий уцелели в течение почти 150 лет на старых местах (Унковские, Спечевы, Ивашовы, Изъединовы, Епишевы, Курчовы, Клавшовы). *Данно*, Тверской уезд в XVI веке, стр. 206—218.

¹³ П. к. 550 и 563.

Из оставшихся в одних руках имений поместий было $18\frac{1}{4}$, вотчин же почти вдвое более — $31\frac{1}{2}$.

Сводя вместе все вышеприведенные цифры, относящиеся как к Московскому, так и к другим уездам, получаем всего 407 имений, судьбу которых можно проследить на протяжении 50—60 лет.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы это количество было особенно велико для той громадной территории, которую занимал Замосковский край. Тем не менее оно достаточно для того, чтобы из него сделать известный вывод, хотя этот вывод и вызовет, может быть, впоследствии поправки. Оказывается, что в общем за 50—60 лет приблизительно только одна треть имений удержалась в руках одних и тех же владельцев. Сравнивая эту цифру с приведенными выше данными, относящимися к XVI столетию, можно заметить, что на первый взгляд мобилизация XVII столетия, пожалуй, покажется еще сильнее, чем она была в предыдущую эпоху; однако не следует забывать, что данные за XVI столетие получились при промежутках времени в 20—25 и даже, для Тверского уезда, в 8 лет, тогда как для XVII столетия мы имеем везде однообразный промежуток в 50—60 лет, так что для уравнивания данных следует повысить первые или понизить вторые. Принимая во внимание это обстоятельство, можно, я думаю, без особой натяжки сказать, что мобилизация служилых земель в историческом центре Московского государства, будучи в целом несколько ниже, чем в XVI в., все таки оставалась очень значительной, одинаково охватывая как поместные, так и вотчинные земли, причем, как это на первый взгляд ни страшно, подмосковные вотчины переходили из рук в руки еще быстрее, чем поместья. В отдельных случаях мобилизация достигала головокружительной быстроты: в Углицких книгах 20-х годов находим, например, описание вотчины греческого переводчика И. Д. Селунского, «что купил у А. Ежова, а дана та вотчина Андрееву брату Ежова, Якову Ежову, за царя Васильево московское осадное сиденье»¹. Менее чем в 15 лет вотчина успела уже перейти в третьи руки. Наклонность к довольно быстрой мобилизации не была чужда и землям служилых иноземцев, которых очень немало развелось в XVII столетии: так например, в описании Дмитровцева стана и Кубанской области Костромского уезда, произведенном в 1685—1686 гг., почти везде приводятся данные предшествовавшего описания, производившегося в конце 20-х годов. Из них видно, что в то время было роздано много поместий служилым иностранцам. Мы напрасно стали бы искать этих иностранцев в числе землевладельцев 80-х годов — все их бывшие поместья уже успели к этому времени перейти в другие руки².

В общем, все служилое землевладение, от крупнейших вотчин до самых мелких поместий включительно, не отличалось особой устойчивостью. Я имел уже выше случай указать, что причины

¹ Углицкие писц. кн., стр. 139. Врем. Демид. лицей, т. 43.

² П. к. 10977, лл. 33—52б.

политические, которые, вообще, могут иметь отношение только к крупному землевладению социальных верхов, и в этом случае мало оказывали влияния в XVII в. Центр тяжести лежал в ином. Задолженность вотчинного землевладения была еще в XVI в. очень обычным и распространенным явлением¹. Эта задолженность и заставляла вотчинные земли переходить из рук в руки с большой быстротой. Для вотчинного землевладения в значительной степени обстоятельства оставались теми же и в XVII столетии. Как общее правило, можно сказать, что денежного капитала у мелкого служилого человека этой эпохи не было. Да и неоткуда ему было появиться: торговых оборотов у мелких дворян почти не было, земледельческий доход поступал натурой, денежное жалованье за службу было ничтожно и непостоянно. Землевладельцы, поставлявшие товары на рынок, как например, боярин Б. И. Морозов или стольник Безобразов, были скорее исключениями, чем правилом. Всякий раз, как безденежному дворянину землевладельцу нужны были деньги, ему приходилось добывать их, пуская в оборот землю. Земля прямо продавалась или же деньги добывались посредством заклада, и таким образом создавалась задолженность земли, которая очень часто приводила в конце концов к тому же результату, т. е. к переходу земли в другие руки. Это выражалось даже во внешних приемах: многие закладные совершались с таким расчетом, что в случае неуплаты денег в назначенный срок получали значение купчих: «а не заплачу я... и та закладная — и купчая»². К услугам лица, нуждавшегося в деньгах, были попрежнему монастыри. Кроме обитателей, в роли капиталистов, дававших деньги под залог земли, довольно часто встречаются приказные — дьяки-дельцы, а также гости. Что касается поместных земель, мобилизация которых была, по сделанным нами наблюдениям, более или менее одинаковой с мобилизацией вотчин, то здесь следует заметить, что приближение юридической природы поместья к вотчине постепенно уничтожало, с одной стороны, причины мобилизации, проистекавшие от положения поместья как государственной земли, находившейся в частных руках только под условием службы, а с другой — развивало в сфере поместий те же причины частого перехода их к другим владельцам, какими обуславливался этот переход в вотчинах.

Говоря о причинах мобилизации служилого землевладения, не следует, кажется мне, упускать из виду еще одного обстоятельства, вытекавшего из положения дворянства, как класса, несшего личную военную службу государству.

Едва ли можно думать, что дворянин московской эпохи имел возможность жить в своей деревне, хотя из этого нельзя вывести и того, что он жил в городах. Последнее можно сказать только о думных и московских чинах, для которых поездка в деревню была

¹ *Ромодественский*, Служилое землевладение, стр. 78—87, 227. *Ромосков*, Сельское хозяйство, стр. 468—472.

² Богатый материал, сюда относящийся, см. в Записных книгах вотчинных, напр., кн. № 7, д. № 3, 4, 15 и т. д.

равносильна ссылке. Провинциальный городской дворянин большую часть времени был на службе. Служебные назначения, известные нам с конца XV в., с полной ясностью показывают, как много времени дворяне должны были проводить на службе и как мало его у них оставалось для житья дома. Можно думать, что дворянин до половины XVII в. не столько заботился об организации хозяйства в принадлежащем ему имении, сколько стремился получить незапущенные «земли», и потому землевладелец того времени едва ли признавал даже нужным бороться с теми экономическими явлениями, которые вызвали мобилизацию земель. Только со второй половины XVII в. мы можем отметить элементы предпринимательства, так ярко выраженные в хозяйстве боярина Морозова, но которые, хотя и в меньшей мере, проникли в хозяйство рядового дворянина. С этого времени связь дворян с их имениями крепла и развивалась, пока не достигла в XVIII в. своего полного развития. Однако до конца изучаемой эпохи, т. е. до конца века, это развитие не было слишком заметно. Во всяком случае оно еще не успело отразиться на мобилизации служилых земель, уменьшения которой не наблюдается.

VI

Мне остается для полноты обзора сказать несколько слов о некоторых других видах землевладения, которые были известны в московскую эпоху.

Одним из таких видов было землевладение высшего слоя посадского класса — гостей, единственного неслужилого элемента, имевшего право владеть землей в Московском царстве. Это право, издавна существовавшее фактически, в конце века было точно сформулировано особым законом¹. Нельзя, однако, сказать, чтобы московские гости особенно энергично осуществляли это исключительное право. Вот все случаи вотчинного землевладения гостей, какие зарегистрированы в Замосковном крае письмом 20-х годов. В Сетунском стане Московского уезда владел вотчиной гость И. П. Сверчков, которому принадлежало село Подушкино с 12 пустошами. В нем был двор вотчинников, 6 дворов крестьянских, 3 — бобыльских при $\frac{1}{2}$ чети в поле пашни паханой, 28 четях пашни наезжей и $176\frac{1}{2}$ перелогу (всего $307\frac{1}{2}$ десятин²). В том же уезде находим и другую вотчину московских гостей Вас., Ил. и Ив. Васильевых Юрьевых (2 двора вотчинниковых, 3 двора крестьянских; пашни паханой $\frac{1}{8}$ чети в поле, наезжей — $33\frac{1}{3}$ чети, перелогу и пашни, лесом поросшей, — $69\frac{7}{8}$ чети, всего $103\frac{1}{3}$ чети = 155 десятин), которою они владели по просроченной закладной сытника Федорова³. Кроме

¹ По указу 5 июля 1679 г. вотчины записывались по купчей за гостями, но только если у покупателя была подписанная челобитная. П. С. З., II, № 767. *Площинский*, *Городское или среднее состояние русского народа*. СПб. 1952, стр. 146.

² П. к. 9807, л. 821.

³ П. к. 9808, л. 54.

того есть указание на одно владение гостя, уже успевшее перейти к «приказному» — это вотчина дьяка Кунакова, «а владеет Ф. Кунаков тою вотчиною по купчей, что купил он тою вотчину у Московского гостя у Ал. Ив. Чуркина»¹. Еще одну вотчину, принадлежавшую гостю и при этом, кажется, находившуюся во владении той же семьи еще в 1578 г., находим в Коломенском уезде: за гостем Вас. Ив. Юрьевым, повидимому, тем самым, дети которого владели вотчиной в Московском уезде, состояло сельцо Матвеевское-Бараново, в Большом Микулине стане. В 1646 г. в нем было 10 дворов крестьян². Этими немногими случаями ограничивается землевладение гостей в Замосковном крае за первую половину XVII в. Есть некоторые указания на то, что гости охотно принимали вотчины в заклад, но сами они, видимо, довольно редко делали землевладельцами. Нет данных также, которые позволяли бы думать, что землевладение гостей в Замосковных уездах получило позднее большее развитие. В общем, следует признать, что случаи землевладения гостей были совершенно исключительными и ограничивались местностями, близкими к столице.

Известное количество земли было приписываемо также и к ямским слободам. Приведем несколько примеров, позволяющих судить о размерах земельных угодий, отводимых ямским охотникам, и об организации этого вида землевладения³.

Вот земельные владения московских ямских слобод — Дорогомиловской, Коломенской, Рогожской, Переяславской и Тверской в 20-х годах XVII в.:

1.	Слобода Дорогомиловская с придаточными ямами	679,5 дес.	пахотной земли и перелогу
2.	» Коломенская » » »	495 »	пахотной земли и перелогу
3.	» Рогожская » » »	342 »	пахотной земли и перелогу
4.	» Переяславская » » »	381 »	пахотной земли и перелогу
5.	» Тверская » » »	732 »	пахотной земли и перелогу

т. е. всего в Московском уезде, где сходились все главные дороги государства, было 2849,5 десятин земли, находящейся во владении ямщиков⁴. Другой пример, относящийся к тому же времени: земли

¹ П. к. 9807, л. 598.

² Переп. к. 205, л. 146; писц. кн. М. г., I, 1, стр. 381: в 1578 г. с-цо Матвеевское состояло за «Коломенским гостем за Никифором, да за Иваном за Юрьевыми детьми Петрова».

³ Единственная специальная работа, посвященная ямской гоньбе в Московском государстве до конца XVII в. и принадлежащая перу Гурлянда, рассматривает эту гоньбу как «частный вопрос по истории русской администрации и только». Поэтому, вероятно, автор не использовал многочисленных писцовых книг ямских слобод, сохранившихся от XVII в., и оставил совершенно в тени хозяйственный строй ямщиков и их земельную организацию.

⁴ П. к. 265, лл. 1—25, 26—43, 50—76.

Владимирских ямщиков занимали пространство всего в 1317 десятин¹ на весь огромный Владимирский уезд. Примеров совершенно достаточно для того, чтобы видеть, что этот вид землевладения, стоявший особняком и остававшийся без прямого отношения к другим, охарактеризованным выше, был количественно весьма незначителен и не представляет общего интереса.

На этом приходится закончить речь о распределении земельной собственности в Замосковном крае. Добавим лишь несколько слов о различных видах условного владения землей, которые встречались в изучаемое время.

Законы XVII в., направленные к уничтожению послужильцев, привилегированных слуг больших бояр, не успели сразу оказать своего действия. У очень высоко стоявших лиц, например, у представителей младшей ветви Романовых, у бояр Ивана Никитича и его сына Никиты Ивановича, были, как уже известно, такие «слуги» привилегированного происхождения, державшие участки боярских вотчин на условиях, близко подходивших к условиям общегосударственного поместного владения: так например, боярин И. Н. Романов «пожаловал слугу своего Степана Коровина из своих боярских вотчинных пустошей (села Кишлеева Владимирского уезда Опольского стана) пустошью Даниловскою со всеми угодья». Позднее, после смерти боярина Н. И. Романова и перехода этой романовской вотчины в Новоспасский монастырь, потомки Коровина сделались обыкновенными местными помещиками². Не только слуги привилегированные, уже исчезавшие в XVII в., владели условно землями, взятыми у богатых и знатных вотчинников. В это время можно встретить случаи совершенно иного характера: холопы и крестьяне покупали населенные земли на имя своих господ, фактически владея ими как своею собственностью. В 20-х годах в Суздальском уезде, в вотчине князя И. И. Хованского была деревня Есипово, «а в ней живут человека его (князя Хованского) Гришки Субоги́на деловые люди» (5 дворов, пашни паханой 10 четей в поле, перелог 5 четей). Там же, далее — «деревня Микулиха, а в ней живут человека его Андрея Похабова деловые люди» (3 двора, пашни паханой 5 четей в поле³). «Приказный человек» другой вотчины князя Хованского, села Пестякова, того же уезда, Л. Моложанинов также владел целой деревней с 6 дворами деловых людей с 10 четями в поле пашни паханой⁴. Крестьянин не раз упомянутого боярина Н. И. Романова, Докучайко Золотилев, владел в Тверском уезде вотчиной, купленной на боярское имя у стрелецкого конюха Юрьева в 1617—1618 гг. В этой вотчине, где жил впрочем только сам крестьянин вотчинник, было 84 десятины земли⁵.

¹ П. к. 265, лл. 112—123.

² Г. К. Э. по Влад. № 2008/231, л. 11.

³ П. к. 11318, лл. 347, 350.

⁴ П. к. 11318, л. 886.

⁵ П. к. 873, л. 73.

Кроме подобных случаев условного владения землею привилегированных слуг, крестьян и холопов землевладельцев, в общем настолько редких, что их можно назвать исключительными, следует отметить гораздо более многочисленные случаи условного владения монастырской землею: сюда относятся вкладчики, удержавшие право пользования дайнкой в монастырь землею «по их век», «до живота», различные лица светского происхождения, держащие землю от монастыря «на урочные годы», монастырские слуги, ведущие свое собственное хозяйство.

Подобные случаи условного владения были очень хорошо известны и в более раннее время: документы XVI в. дают бесчисленное количество подобных примеров¹. Богаты такими примерами и хозяйственные описания 20-х годов XVII в. Однако наблюдения над более поздними описаниями монастырских вотчин наводят на мысль, что с течением времени подобные случаи условного владения начали как будто сокращаться. Это наблюдение до некоторой степени подтверждается: известно, что число земельных вкладов в монастыри уменьшалось постепенно в течение всего XVII столетия; соответственно этому уменьшалось и количество условных владельцев монастырской земли, по крайней мере тех, которые, жертвуя имение, выговаривали себе право оставаться в нем до самой смерти.

Мало распространенные виды землевладения, как например, землевладение гостей или землевладение ямское, и различные случаи фактического обладания землею лицами, не имевшими на то прямого права, или же лицами, державшими на разных условиях монастырскую землю, представляют явления, стоящие особняком. Они, во всяком случае, не могут изменить той общей картины, которая рисуется из ознакомления с состоянием главных видов землевладения в Замосковном крае за XVII столетие и которая в главных своих чертах сводится к следующему.

Землевладение дворцовое постоянно убывает в течение всего XVII в., главным образом вследствие раздачи дворцовой земли в частные руки. Раздача эта не прекращается все время, но наибольшего развития достигает она в 1612—1625 гг., когда происходит массовое наделение дворянства поместьями и вотчинами из дворцовых имений, и в 1682—1700 гг., когда дворцовые земли щедро раздаются влиятельным при дворе лицам и царским родственникам. Попытка законодательным порядком остановить раздачу дворцовых земель, сделанная вскоре после первых из указанных крупных раздач, не имела успеха. Убыль дворцовых земель усиливается еще тем обстоятельством, что Большой дворец вовсе не считает себя связанным законоположениями, направленными против роста земельных владений русского духовенства: дворцовые земли раздаются в монастыри в течение всего XVII столетия. Единственный источник пополнения дворцовых земель — отписка на государя

¹ См. *Ромсков*, Сельское хозяйство, стр. 143—144; там же приведены и примеры.

выморочных и конфискованных вотчин частных лиц, не в силах покрыть собою их постоянную убыль.

Если этот древнейший вид землевладения убывал в XVII в., то другой, не менее древний — землевладение черное — имел гораздо более плачевную судьбу. Черные земли сохранялись в некоторых местностях Замосковья и в начале XVII в., но систематическая раздача их служилым людям, особенно сильная между 1612—1620 гг., привела эти земли в исследуемом крае к полному исчезновению.

Несколько иначе складывается история третьего из древнейших видов русского землевладения. Несмотря на попытку ограничить рост землевладения русского духовенства, производившуюся еще в XVI в., громадные владения архиерейских кафедр, монастырей и некоторых церквей продолжали увеличиваться в первой половине XVII в. Законодательство, проводшее, начиная с Уложения, ряд мер по ограничению роста земельных владений духовенства, представляет в этом вопросе верное отражение действительных потребностей и желаний общества. Духовенство, однако, не могло сразу примириться с новым порядком вещей: отсюда всякого рода обходы законов, ограничивавших рост земель духовенства, и их нарушения, заметно развивающиеся во второй половине столетия, что, однако, лишь отчасти заменяет прекращающиеся вклады. Зато духовенство цепко держится за те земли, которые уже находятся в его владении: случаи отчуждения церковных земель необыкновенно редко наблюдаются в Замосковном крае за все XVII столетие: это поддерживает экономическое благосостояние монастырей, которое остается незыблемым в течение всего изучаемого периода времени.

Служилое землевладение одно только извлекает пользу из процессов, которыми характеризуется в Замосковном крае история самых старинных видов землевладения. Оно растет за счет дворцового и черного землевладения. Мало-по-малу расходуется и огромный запас порозжих поместных и вотчинных земель. В общем, служилое землевладение возрастает до огромных размеров.

В соотношении между двумя видами служилого землевладения, поместьями и вотчинами, ясно сказывается определенная линия развития: вотчины сильно растут за счет поместий, и в конце века вотчинное землевладение делается преобладающим. Параллельно этому идет сближение юридической природы поместья и вотчины: первая принимает черты, свойственные первоначально только второй. Такими путями готовится известная мера Петра о слиянии поместий с вотчинами, проведенная в указе 1714 г.

Поместные участки в самом начале XVII в. отличаются от вотчин гораздо большей раздробленностью и чересполосностью своего состава. Напротив, вотчины почти всегда являются более цельными. Причинами, вызывавшими большее дробление поместий, были, кроме естественного мельчания долей, дробившихся по наследству, также одновременное ипомещение нескольких лиц на одном участке и разновременный переход частей одного поместья в вот-

чину. Средний размер поместья имел постоянную наклонность к измельчанию. Средний размер вотчины, наоборот, — к увеличению. Большая цельность и постоянное увеличение среднего размера вотчины делают последнюю, вообще, более удобной для хозяйственной эксплуатации, нежели поместье: в этом залог ее большего экономического благосостояния.

Среди поместий привлекают внимание находящиеся в общем жеребьевом владении нескольких лиц и близость земельной организации жеребьевого поместного владения с земельной организацией однодворческих поместий юга.

Значительный рост служилого землевладения в Замосковном крае, систематическое развитие вотчины за счет поместья как в количественном, так и в качественном отношении должны были чрезвычайно укрепить класс помещиков и усилить политико-экономическое значение его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, СЕЛЬСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

I

Первые вопросы, подлежащие разрешению при исследовании сельского хозяйства известной местности и времени — это общие вопросы, во-первых, о системе хозяйства, т. е. «о характере хозяйства по степени его интенсивности, соотношению в нем производства животных и растительных продуктов или возделывания кормовых и непосредственно продажных растений и отчуждению продуктов земледелия и скотоводства в большей или меньшей степени переработки»¹ и, во-вторых, о системе земледелия, т. е. «о способе пользования территорией имения по отношению собственно к производству растительных продуктов»².

Несмотря на малую разработанность большинства специальных вопросов русской истории, исследователь, приступающий к рассмотрению сельскохозяйственной жизни Замосковных уездов в XVII в., находится в благоприятных условиях. Основное методологическое требование, чтобы предшествующая исследуемой эпоха была достаточно освещена по отношению к поставленным вопросам, может в данном случае считаться выполненным, так как мы имеем специальную работу, посвященную сельскому хозяйству XVI в., которая дает общую картину сельскохозяйственной жизни тогдашней России и позволяет поставить исследование последующего времени на твердую почву³.

Выводы, которые мы находим в указанном труде касательно системы землевладения и хозяйства Замосковья в XVI в., сводятся к следующему: «к концу столетия края этой области на севере, западе и юго-западе представляли сплошной полукруг уездов с более или менее развитым земледелием, с преобладанием паровой

¹ Ермолов, Организация полевого хозяйства, изд. 3-е, стр. 6.

² Там же, стр. 7.

³ Роговков, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.

зерновой системы¹. В середине лежали уезды, где господствовала переложная система земледелия; во многих из них, однако, в 60-х годах XVI в. полевое хозяйство стояло не ниже, чем в соседних с ними окраинных уездах центральной области»², иначе сказать, экономический кризис XVI в. отразился на земледелии центрального, Замосковского, края тем, что в очень значительной части его зерновая система, господствовавшая в начале века, уступила место переложной. Что касается системы хозяйства, то автор приходит к выводу, что здесь дело сводится только к тому, «какое относительное значение принадлежало скотоводству, так как промышленных систем хозяйства, основанных, например, на винокурении, сахароварении, маслоделии, в древней России не было. По его окончательному заключению, в большей части Замосковных уездов хозяйство было чисто земледельческим, за исключением группы уездов на севере и востоке центральной области, где «можно с достаточной степенью уверенности отметить приблизительное равновесие двух главных отраслей сельскохозяйственной производительности: земледелия и скотоводства»³.

Приведя эти общие выводы исследователя предыдущей эпохи, разберем поставленные вопросы о системе земледелия и хозяйства в Замосковном крае в XVII в. в той же последовательности, какая принята в только что указанной работе, потому что в XVII в., как и ранее, земледелие имело направляющее значение во всем сельском хозяйстве и, таким образом, вопрос о системе хозяйства ближайшим образом сведется к вопросу о значении скотоводства и его отношении к земледелию.

Если в 70-х и 80-х годах XVI в. замечалась какая-нибудь разница в сельскохозяйственном состоянии центральных уездов, клонившаяся к преимуществу уездов западных над местностями, занимавшими более срединное положение, то это преимущество исчезло в первые годы XVII в. Как выше выяснено, западная половина Замосковья оказалась еще в гораздо более печальном положении, чем другие местности этого края, разоренного в первые два десятилетия XVII в. Степень разорения по отдельным местностям исследуемой области известна, так же как известно и общее соотношение экономического состояния Замосковья в XVI и XVII вв.

Это состояние было в 1620-х годах несколько ниже, чем в 1570—1590 гг. Земледелие в 20-х годах XVII в. было в явном и сильном упадке: на всем почти пространстве Замосковного края перелог, по свидетельству писцовых книг, подавляющим образом превышал возделанную землю.

¹ Наиболее характерную форму, которая представляет собою трехпольное хозяйство. *Ермолов*, Организация полевого хозяйства, изд. 7-е, стр. 64. Другие признаки: перевес возделанной земли над перелогом, культура преимущественно зерновых хлебов.

² *Рожков*, Сельское хозяйство, стр. 67.

³ Там же, стр. 73, 82—83.

Таким образом, сельскохозяйственная история интересующей нас области в XVII в. начинается как раз с того, чем она оканчивается в предыдущем столетии, и если здесь говорить о системе земледелия, то для первой четверти XVII столетия ни о какой другой, кроме переложной, не может быть и речи. Примеры, иллюстрирующие высказанное положение, читатель найдет в третьей главе настоящей работы. Я прибавлю здесь лишь несколько новых примеров, стараясь брать их из местностей, не встречающихся вовсе в этих таблицах. В Ратувее стане, входившем в состав меньшей, зарецкой, половины Московского уезда, по письму 1627—1629 гг. насчитывалось в 22 поместьях и 6 вотчинах $4\frac{5}{8}$ чети в поле пашни паханой, 542 с половиной чети в поле пашни наезжей (в общем $18,7\%$) и $2378\frac{3}{4}$ чети в полперелога и пашни, лесом поросшей ($81,3\%$)¹. В семи имениях Зубцовского уезда, историю которых можно проследить в течение всего XVII столетия, было в 1628—29 гг. $133\frac{1}{8}$ чети в поле пашни паханой, 24 с половиной чети в поле наезда и $1865\frac{3}{8}$ чети в поле перелогу и пашни, лесом поросшей. Здесь отношение выразится следующими цифрами: $7,9\%$ составит вся обработанная пашня и $92,1\%$ — пашня заброшенная².

В подобных же 9 имениях Клинского уезда в 1624—1625 гг. было пашни паханой $50\frac{3}{4}$ чети в поле, наезда — $34\frac{5}{6}$, перелога и пашни, лесом поросшей, — $1554\frac{3}{16}$ чети. Взаимное отношение $5,2\%$ и $94,8\%$ ³.

Эти несколько примеров местностей, где общее количество возделанной земли составляет от $5,2$ до $18,7\%$ всей площади земли, описанной писцами, относясь к уезду столичному и двум западным, дополняют картину, открывающуюся из рассмотрения данных, приведенных в третьей главе настоящего исследования. Видно, что в 31 из уездов, составлявших Замосковский край, взятых в их целом или только в известной части, запустевшая пашня составляет безусловно преобладающую часть пахотной территории, описанной писцами.

Незначительное количество возделанной земли — пашня паханая и пашня наезжая — в огромном большинстве случаев⁴ дается в четях в поле, а «в дву потомуж»; но здесь скорее, чем где бы то ни было, приходится думать, что этот способ исчисления, подразумевающий всегда существование как бы трех полей, есть только обычный, технический прием писца, выражавшего размеры описанных им земель наиболее простыми и всем доступными понятиями⁵. Клочок пашни при разоренной деревне или участок

¹ П. к. 9807, лл. 1—94.

² П. к. 640.

³ П. к. 190, лл. 1—503.

⁴ Исключая черных волостей Галицкого уезда, где она дается просто в четях.

⁵ Миклашевский (К истории хозяйственного быта Моск. гос., стр. 39) выражает ту же мысль об условности счета пахотной земли в 3 полях, но считает такую условность общим правилом.

земли, паханный наездом где-нибудь на пустоши или наскоро приспособленной рощисты, должен был носить случайный характер. Он мог быть оставлен уже на следующий год и превратиться в перелог. В строгом смысле, в первые годы после крестьянских войн и иностранной интервенции не было и переложной системы; общее состояние значительной части Замосковья свидетельствует скорее о полном отсутствии всякой системы земледелия: как обработка известного участка земли, так и оставление его зависели по большей части от случайных обстоятельств.

Конечно, запустение не везде было одинаково. Известно, что некоторые местности Замосковья, преимущественно лежавшие к востоку от Московского меридиана или вдали от главных торговых путей, находились в сравнительно лучших условиях. Примером, иллюстрирующим состояние земледелия в таких местностях, могут служить черные волости Галицкого уезда, где в 1616—1617 гг. пашня в четыре раза превышала зарегистрированный писцами перелог¹. Малое количество перелога, отмеченное писцами в северо-восточной части Замосковной области, допускает, впрочем, двоякое объяснение: возможно, что здесь в нетронутом виде сохранилась с XVI в. паровая зерновая система, но не менее возможно также, что в этих обильных лесом областях наряду с паровой зерновой системой с ее трехпольем существовал еще издавна и постоянно держался особый вид переложной системы, известный под именем системы лесопольной².

Там, где господствовал трехпольный севооборот, писцы отмечали, как всегда, количество перелога, но там, где они встречались с лядиным или подсечным хозяйством, при котором истощенная и запущенная пашня запускалась безвозвратно, писцы записывали только то, что было распаханно. Им не было нужды отмечать перелог, который уж не должен был вновь переходить в «живущую пашню». Им не было нужды заботиться о перелоге и потому, что возделанная земля, принимавшаяся в расчет при распределении тягла в занимающих нас местностях, повидимому, не уменьшалась количественно даже в самые тяжелые годы после смуты. Есть полное основание думать, что лядиное хозяйство, которое до наших дней удержалось на севере России, существовало и в исследуемую эпоху в обильном лесами Замосковном крае и, в особенности, в северо-восточной части его. На существование лядинного хозяйства именно там есть намеки и в источниках: так например, деревня Деревнища, Дуплехова стана, луговой стороны Костромского уезда, выстроена была на «запальной стороне»³.

По мере того, как страна оправлялась от разорения начала XVII в., состояние земледелия понемногу улучшалось. Здесь мы подходим к явлению, имеющему первостепенную важность в хозяй-

¹ См. таблицу на стр. 142.

² *Ермолов*, Организация полевого хозяйства, гл. V.

³ П. к. 1892 (без пагинации, № 25).

ственной истории исследуемой области, — ко внутренней земледельческой колонизации Замосковья, которая началась тотчас же по успокоении края в 20-х годах и не прекращалась до конца века. Земледельческая колонизация Замосковья, выразившаяся в распашке пустошей, основании новых селений и постоянном общем расширении пахотных угодий при селениях существующих, происходила при совокупном воздействии правительства и почти всех слоев общества.

Правительство царя Михаила, в особенности в первые годы, имело в своем распоряжении очень мало денег и очень много запустевших земель. Очень естественно, что наряду с другими способами эксплуатации этих земель должна была возникнуть мысль об использовании их путем продажи в вотчину частным лицам. Мысль эта была не новой, так как в свое время правительство царя Ивана уже прибегало к ней¹.

Таким путем достигались, во-первых, фискальные цели и пополнялась истощенная казна. Во-вторых, этим оказывалось косвенное содействие экономическому подъему страны: предоставляя частным лицам возможность приобретать пустые земли в вотчины, правительство предоставляло им право эксплуатировать эти земли, а вместе с тем оно ничего не теряло в отношении службы: вотчинная земля оставалась служилой. Мысль о лучшем использовании земель, годных для земледельческой культуры, проглядывает и в редакции указа 7 февраля 1628 г., разрешавшего продажу порозжих земель в вотчины «бояром и приказным людем и служилым и неслужилым людем и мочным гостем», т. е. всем, имевшим право владеть землею, по прежней, установленной в XVI столетии цене, по 3 чети за рубль, чтобы из пушта в живущее выходило². По очень характерному для московского законодательства обыкновению закон этот сначала имел значение частной меры: его действие распространялось, как при Иване IV, так и в 1628 г., только на один Московский уезд. Лишь постепенно получил он силу для всей страны.

Несколько дней по издании указа, 6 февраля, его действие было распространено на соседние с Московским уезды: Дмитровский, Рузский, Звенигородский³, и только много позднее Соборное уложение распространило силу указа 1628 г. на всю территорию Московского государства⁴, а также применило его и к порозжким дворцовым землям, назначив, однако, за них более дорогую цену — 2 чети за 1 рубль⁵. В законодательстве первой половины XVII сто-

¹ Указ 1572—73 гг. повелевал продавать порозжие земли Московского уезда по три чети за рубль. Ук. кн. Пом. прик., изд. Сторожевым, стр. 80, № 65. *Неволин*, История гражданских законов, II, стр. 176.

² Ук. кн. Пом. прик., изд. Сторожевым, стр. 80, 81, № 65.

³ Там же, стр. 82, № 68. *Неволин*, История гражданских законов, II, стр. 177.

⁴ Улож., XVII, ст. 46, 47.

⁵ Там же, ст. 45.

летия есть еще одно постановление, в котором еще более, чем в указе 1628 г., сказывается забота правительства о внутренней земледельческой колонизации страны: это закон 19 ноября 1641 г. о раздаче участков порозжих земель на льготу, сроком на 15 лет, с обязательством расчистить и завести хлебопашество; по прошествии 15 лет взятый участок становился поместьем лица, его эксплуатировавшего ¹.

Фискальные цели в этом законе не выступают на первый план: здесь чувствуется призыв к населению, возбуждающий его хозяйственную инициативу.

Когда речь заходит о законодательных мерах в русском прошлом, то прежде всего возникает вопрос, насколько и как осуществлялся на практике этот закон: был ли он отголоском действительных потребностей народной жизни, или же имел силу только на бумаге. Капризная, полная неожиданностей законодательная практика Московского государства придает особую важность такому вопросу. Конечно, исчерпывающих данных для ответа представить невозможно. Однако мы имеем очень ясные указания на то, что законы о продаже пустых земель в вотчину и о льготной раздаче их в поместье не оставались мертвой буквой. Среди писцовых книг по Московскому уезду есть книги Уварова и Бобрищева-Пушкина ², содержащие описания вотчин, проданных на основании февральского указа 1628 г. Из 49 вотчинных участков, описанных в первой из этих книг, 45 проданы из порозжих земель в течение не более 1—1½ года со времени издания закона. Вотчины эти обыкновенно состоят из нескольких пустошей; размеры их по большей части не особенно велики и редко превышают 100—150 десятин. Все они расположены в зарецкой половине уезда, сосредоточиваясь в станах Жданском (2 участка), Ратуже (1), Лукомском (11), Чермневе (3), Сосенском (4), Молоцком (3), Шахове (7) и Гоголеве (2); волостях — Домодедовской (1), Перемышльской (2), Ростовской (1), Конопенской (4), Замыцкой (14). Описание таких же вотчинных участков, проданных в частные руки в северной половине столичного уезда, находятся в книге Бобрищева-Пушкина. В 1628—1629 гг. было продано:

В Сурожском	9	участков пространством	в 459½	четей в поле перелога
» Горетове	7	»	» 670 ¹¹ / ₁₆	» » » »
» Манатинье	6	»	» 332¾	» » » »
» Бохове	2	»	» 211	» » » »
и 7 чет. наезж. пашни				
» Доблинском	1	»	» 43	четей в поле перелога
» Обариче	4	»	» 118	» » » »
» Зам. Раменейце	1	»	» 75	» » » »

¹ Ук. кн. Пом. прик., стр. 127, № 107.

² П. к. 264, лл. 1—591, 687—743.

Всего, следовательно, за год с небольшим в Московском уезде было продано 75 участков порозжих земель на основании закона 1628 г. Состав лиц, приобретающих таким способом земли, очень разнообразен. Среди них, наряду с фамилиями московских чинов, совершенно неизвестными, встречаются громкие имена князя Д. М. Пожарского, боярина А. Ф. Шереметева, боярина И. Н. Романова и имена приказных дельцов того времени, например, дьяков Грязева, Махова, писца Московского уезда Строева и т. д.

Мы не знаем, насколько успешно шла продажа позднее и как шла она в уездах, в которых была разрешена почти одновременно с изданием постановления о Московском уезде. Можно, однако, думать, что на практике продажа порозжих земель очень скоро распространилась за пределы 4 первоначально намеченных уездов, и таким образом статья Уложения была только законодательной санкцией давно существовавшего явления: на такую мысль наводят, например, известия Переяславских писцовых книг 1628—1635 гг. о продаже в вотчину порозжих земель, всего в количестве 35¹/₂ пустошей¹, известия Углицких книг о покупке порозжих земель великою инокою Марфой Ивановной для пожертвования в монастырь² и отрывочные известия других писцовых книг, например, Владимирских, упоминающих также о продаже из порозжих земель³. Такая продажа производилась и много позднее издания Уложения. Это видно, например, из того, что писцы разных годов отмечают в Дмитровском уезде вотчину С. Я. Вельяминова, село, что была пустошь Гусятникова на реке Дубне, проданную владельцу поместным приказом из порозжих земель «из вотчины князя Михаила Васильевича Глинского» (дяди Грозного).

В том же году нашлись и другие две вотчины аналогичного происхождения: деревня Сихнево на Веле князя М. Я. Черкасского и пустошь Раменье вдовы Кабановой⁴.

Делопроизводство поместного приказа сохранило нам известие о применении также и закона 1641 г. о льготной раздаче земель, переходивших через 15 лет в поместья. Вот примеры: в июле 1642 г. вязмитин Б. Я. Блудов бил челом, чтоб государь его пожаловал «по своему уложению, по закону, на 15 лет в Можайском уезде, в Поротовском стану, из порозжих земель, 7 пустошами». Одновременно с этим поступила в приказ и другая челобитная с подобной же просьбой об отводе земель в Исконском стане того же уезда: обе челобитные были удовлетворены⁵.

¹ П. к. 813, лл. 246—251.

² Углицкие писцовые книги. Врем. Дем. лица, т. 41—46, стр. 228.

³ П. к. 12609.

⁴ П. к. 127, лл. 262—266.

⁵ Столб. Пом. прик. по Вязьме, № 199, д. № 2 и 3. Еще пример: в январе 1642 г. А. Стрешнев бил челом о даче ему из порозжих земель Можайского у. Михайловского стана. Челобитье было удовлетворено. Там же, столб. № 198, д. № 4.

Аналогичные явления наблюдались и в соседнем Вяземском уезде: столб. № 199, д. № 5: стольник Григ. Гавр. Пушкин получил на основании указа 1641 г. порозжие земли в Великовском стане этого уезда.

Правительство в своих действиях, направленных к увеличению пахотных земель, передавало на различных условиях пустые земли лицам, имевшим право владеть землею в Московском государстве, т. е. на деле, конечно, почти исключительно служилым людям разных категорий. Таким образом, дворянско-помещичий класс и этим путем увеличивал гнет крестьян, руками которых производилась самая распашка земли.

Землевладельцы различными способами привлекали рабочие руки на пустые земли. Видное место занимало возвращение, добровольное и насильственное, сельских жителей, разошедшихся в лихолетье. Еще более, может быть, распространенным явлением был перевод крестьян из более многочисленных селений. Иногда встречаются случаи практиковавшегося издавна своза крестьян, хотя своз в XVII в., как известно, принадлежал уже к явлениям, терявшим свою жизненность.

В годы войн, особенно в царствование Алексея Михайловича, пустые земли нередко колонизовались «полонными людьми». Наконец, нельзя не упомянуть также и об отдаче земель частными владельцами в условное владение другим лицам как служилого, так и тяглого происхождения. Так происходило дело не только на землях, полученных вышеуказанными способами от правительства, но всюду в поместьях и в вотчинах служилых, церковных и монастырских. Распашка земель, заселение пустошей, одним словом, упорная борьба с огромными пространствами цезелого начинается сейчас же после замирения края, в 20-х годах столетия. С тех пор в каждой писцовой книге встречаются известия о деревнях и починках, ставших «ново после прежних писцов». В каждом следующем описании известной местности находятся деревни и села, которых напрасно было бы искать в предыдущих книгах. Особенно богаты такими известиями переписные 1646 и 1678 г.

Вместо «пустошей, что были деревни», столь характерных для конца XVI и первой четверти XVII в., все чаще и чаще встречаются «деревни, что были пустоши». Уже в письме 20-х годов есть указания на колонизаторскую деятельность землевладельцев: большой боярин князь Ю. Я. Сулешов, купив обширную вотчину в Серебрянском стане Переяславского уезда, заводит в ней новое хозяйство — «ставит ново» двор вотчинников и целых 5 починков сразу¹. Находятся и такие землевладельцы, которые заранее гото-

Какется, на частный случай дьячего своеволия, поведшего к прекращению дачи порозжих земель в Дмитровском, Можайском и, быть может, Медынском уездах после 1650 г., намекает одно дело, возникшее по этому поводу в 70-х годах. Из него видно, что «по сказке поместного приказа подъячих в городех Можайску, в Дмитрове порозжих пустошей не учали давать при думном дьяке Григ Караулове, а государев де указ сказывал им думный дьяк Григ Караулов словесно, а в котором году, того они не упоминают, а в Медыни по какому великого государя указу порозжих пустошей не дают и с которого году, того Поместного приказа подъячие не ведают». На докладе указ: порозжие пустоши давать попрежнему. П. С. З., II, № 632 (1676 г. марта 3). О частичных запрещенных раздаче порозжих земель в южных уездах Московского государства см. *Несомин*, История гражд. законов, II, стр. 231—232.

¹ П. к. 813, лл. 811—818.

вят дворы для будущих крестьян: в вотчине дьяка Г. Ларионова, селе Слизнаеве Повельского стана Дмитровского уезда, в конце 20-х годов стояли 3 пустых двора «поставлены вновь»¹. В Курбской волости Ярославского уезда в то же приблизительно время находим «починок Мудов, что стал после дозорных книг на переложной земле»². В том же уезде «в князь Борисовой вотчине Троекурова прибыло своих старого две деревни, что крестьяне его поставили на новой розчисти»³. Оживленная постройка деревень и распашка полей продолжалась до самого конца столетия. Князь Е. Ф. Мышецкий, купив в вотчину дворцовые пустоши в Манатыне стане Московского уезда, возводит на них во второй половине века целое село Новоозерецкое-Мышецкое⁴. В вотчине боярыни Анны Леонтьевны Нарышкиной, матери царицы Натальи Кирилловны, в 80-х годах встречается деревня Ярово, «что поселено на Микиткинских (другая, старая деревня той же вотчины) лесных розчистях»⁵. Розчистная земля иногда за выслугу придается к владеемому имению⁶. В 1645 г. царь Алексей Михайлович пожаловал Новоспасскому монастырю для вечного поминовения своей матери, царицы Евдокии Лукьяновны, пустое село Брутовское во Владимирском уезде. Два года спустя писцы нашли на нем уже 49 дворов крестьянских и 34 бобыльских с соответственным количеством пашни, поселенных и устроенных стараниями монастыря⁷. Вотчина Спасо-Андроньева Московского монастыря, сельцо Бешенцово Дмитровского уезда, возникла путем выселения крестьян из монастырского же села Покровского, «по сказке монастырского подъячего на том сельце Бешенцове крестьянские дворы построены после переписных книг 186 (1678) года, а переведены те крестьяне из монастырские вотчины из села Покровского»⁸. В 1682 г. Спасо-Ефимиев Суздальской монастырь заселил принадлежавшую ему в Углицком уезде вотчину, издавна запустевшую, вывезя в нее из разных своих вотчин 11 дворов крестьян⁹. Одним из способов монастырской колонизации была также отдача участков в условное владение различным лицам — монастырским служкам, служилым людям, которые со своей стороны строили деревни, расчищали лес, распахивали поля и т. д. Как делали частные землевладельцы, так поступал и Большой дворец, стремясь к более успешной эксплуатации обширного дворцового хозяйства. Наиболее грандиозным и вместе интересным опытом дворцовой колонизации является подробно рассмотренное выше заселение зарубежными корелами огромных опустевших дворцовых земель Углицкого, Ярославского,

¹ П. к. 627, л. 72.

² П. к. 546, л. 1439.

³ П. к. 549, л. 309.

⁴ Чт. О. И. и Др. Р. 1885, кн. 4, стр. 122.

⁵ П. к. 127, лл. 148—152.

⁶ П. к. 127, л. 122.

⁷ Г. К. Э. по Владимиру № 1991/214 и п. к. 12610, л. 284.

⁸ П. к. 127, л. 349.

⁹ Шумаков, Углицкие акты. Чт. О. И. и Др. Р. 1889, кн. 1, стр. 29.

Бежецкого и Новоторжского уездов, вызвавшее появление нескольких сот новых селений и приведшее к распадке очень значительной площади дворцовой земли¹. Но были и другие опыты дворцовой колонизации. Среди деревень дворцового села Иркова, Переяславского уезда, заселилась в 1670 г. новая деревня «Старинка», в которой при описании 1676—1677 гг. было три двора крестьян². При селе Яковлевском-Гарях Ростовского уезда числилось в тех же годах 7 деревень, поселенных вновь на пустошах по данным приказчиковым с 1674—1675 гг.³ Дворцовое управление довольно много старалось, повидимому, о заселении наиболее пострадавших земель в западных уездах исследуемой области. В переписных 1646 г. по Старицкому уезду встречается дворцовое село Мологино с 5 деревнями, «что была пустошь, а в нем и в деревнях крестьяне поселилися после писцов»⁴.

В 1667 г. при описании дворцовых земель Можайского уезда оказалось, что волость Старковская, которая с 20-х годов была совершенно пуста, уже имела 9 селений: «ныне», гласит описание, «та волость живущая», но «крестьяне все выходцы, старожильцов нет»⁵.

Общее начало, на котором была основана земледельческая колонизация Замосковья, было издавна существовавшее на Руси и всем привычное начало льготной распашки. Начало льготы проводилось самим правительством относительно служилых людей; оно лежит в основе закона 1641 г. о раздаче пустых земель служилым людям. Льгота от повинностей на известный срок, под условием расчистки нови или запущенной земли, — обычное условие крестьянских порядных XV и XVI в. до возникновения крепостного права, — оставалась в силе и теперь, по крайней мере по отношению к государственному тяглу крестьян: при заселении деревни Студеного Ржевского уезда крестьянам «по государеву указу дано на льготу нынешнего 133 году по 143 год на 10 лет, а как изо льготы выйдут и крестьянам и бобылям платить всякие государевы подати с живущего с пол-семины пашни»⁶. В дворцовых землях наряду со льготой в таких случаях действовало и другое правило: повинности крестьян по отношению к государю-вотчиннику заменялись особым, уменьшенным оброком: вышеупомянутая ново поселенная деревня села Иркова Старинка числилась оброчной, и 3 двора ее платили оброку 3 руб. 16 алтын 4 деньги «для их скудости... для того, что та деревня пашнею и санными покосы скудна»⁷.

¹ См. стр. 202.

² ГАФКЭ, фонд А. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 31, л. 7.

³ П. к. 841, л. 271 и сл.

⁴ Переп. кн. 457, лл. 12—23.

⁵ П. к. 684, лл. 586—593.

⁶ П. к. 833, л. 96.

⁷ ГАФКЭ, фонд Арх. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. 31, л. 7: об оброке, как особом виде упрощения старых повинностей, см. Лаппо-Данилевский, Органи-

Чтобы судить о том, как успешно шла внутренняя колонизация Замосковского края, приведем один пример. В Переяславском уезде в 1646 г. было сделано описание «бояр и дворян и детей боярских поместным, вотчинным и монастырским землям, которые были пусты и которые на поместных и на вотчинных своих на угодьях и на поверстных лесах расчистили и после писцов (20-х годов) в тех поместьях и вотчинах и на розчистях поставили села и деревни». Оказалось, что за двадцатилетний промежуток времени, протекший между двумя описаниями, в Переяславском уезде появился целый ряд новых селений, ранее не существовавших, в которых было 20 дворов помещиков и вотчинников, 2 монастырских, 16 дворов задворных людей, 21 двор монастырских детенышей, 143 двора крестьянских с мужским населением в 439 человек, 301 двор бо-быльский с населением в 709 человек. К этим селениям тянули 1513 четей в поле пашни паханой и $66\frac{3}{4}$ четей в поле пашни наезжей¹.

Упорная борьба против перелого не могла остаться безрезультатной.

Известия, взятые из более позднего письма первой половины века, например, из письма Владимирского или Юрьевопольского уездов, дают уже несколько иное представление о состоянии земледелия, нежели книги 20-х годов. В Троицких вотчинах Юрьевского уезда, селах Киноболе и Кучках, с тянувшими к ним другими селами и деревнями, в 1646—1650 г. считалось $3008\frac{5}{6}$ четей в поле и $1427\frac{7}{12}$ четей в поле перелого (32,2%)². Во всем Юрьевском уезде, судя, по крайней мере, по итогам, подведенным писцами, в то же время на 17 519 четей в поле пашни паханой и 4195 четей в поле пашни наезжей (вместе 21 714 четей, или 48,9%) приходилось и 22 667 четей в поле перелого (51,1%)³. Троицкие вотчины, рассыпанные по всему обширному Владимирскому уезду, заключали в себе около 1640 г. $2200\frac{1}{3}$ четей в поле пашни паханой, монастырской, крестьянской и наезжей (49,6%) и 2232 чети в поле перелого и пашни, лесом поросшей (50,4%)⁴. В патриаршей домово-вой Баглачевской волости, того же Владимирского уезда, заключавшей в себе 63 селения, было $1609\frac{7}{12}$ чети в поле пашни паханой, $270\frac{1}{8}$ чети в поле наезда (вместе $49,3\frac{0}{10}$) и $1929\frac{17}{24}$ четей в поле перелого и пашни, лесом поросшей (50,7%)⁵. В другой патриаршей вотчине Владимирского уезда, лежавшей в Сенежском стане и состоявшей из 31 селения, было в то же время $717\frac{1}{24}$ чети в поле пашни паханой, 202 чети наезду (вместе 61,4%) и 508 четей в поле перелого (38,6%)⁶. Приведенные примеры, где количество

закон прямого обложения, стр. 18—24; там же примеры взимания такого оброка и в других областях Московского государства, кроме Замосковья.

¹ П. к. 815, лл. 1—202 (взят итог, подведенный писцом).

² П. к. 915, лл. 117—122, 350, 499.

³ П. к. 915, лл. 766—768.

⁴ П. к. 12608—12610.

⁵ П. к. 12608, л. 100.

⁶ П. к. 12608, лл. 305—345.

пашни равняется перелогу, а иногда и значительно его превышает, обнимают, к сожалению, лишь очень небольшую, сравнительно, территорию и, кроме того, относятся исключительно к таким местностям, по которым вовсе отсутствуют данные за 20-е годы. Однако, не давая права сделать из них какого-нибудь общего заключения, они наводят на мысль, что к половине века «живущая» пашня могла составлять в Замосковном крае около половины всех вносимых в писцовые книги пахотных земель, а местами даже и более. Судя по этому, а также по неизменному старинному способу подсчета пахотной земли, указывающему на то, что трехпольное хозяйство оставалось и в это время самым нормальным типом хозяйства в глазах тогдашних русских людей, можно признать, что в 40-х годах XVII в. постепенно вновь устанавливалась паровозерновая система земледелия с трехпольным севооборотом, но при этом рядом с распаханными вновь землями с трехпольной пашней оставалось еще очень много запущенных земель, которые когда-то, в старых писцовых книгах значились пашней паханой. Эта «старая пустота», еще державшаяся, несмотря на энергичную распашку земли и постоянно вносившаяся в новое письмо, объясняет значительное количество перелога, находимого в книгах, составленных около половины XVII столетия.

Переходим к разбору данных, позволяющих ознакомиться с системой земледелия в Замосковном крае во второй половине столетия.

Некоторые данные этого рода, относящиеся к такому времени, когда с момента описания Владимирского и Юрьевского уездов успело пройти, по крайней мере, 28 лет непрекращавшейся внутренней колонизации, сведены в следующую таблицу (см. стр. 307—309). Таблица представляет очень пеструю картину. Постараемся в ней разобраться.

Прежде всего бросается в глаза, что без перелога дело не обходится нигде; далее обращает на себя внимание то, что в общих чертах отношение вспаханной земли к перелогу по различным местностям Замосковского края во второй половине XVII в. несколько напоминает такое же отношение в 20-х годах, составляя как бы его отражение: более всего залежи на западе; менее всего — на востоке. Конечно, это отношение гораздо менее постоянно. В общем, однако, количество пашни неизмеримо выше, чем в двадцатых годах. Лишь в трех случаях возделанная пашня составляет $\frac{1}{3}$ всей внесенной в книгу пахотной земли; в 14 случаях (4—7) она составляет половину, т. е. близко подходит к условиям, более или менее характерным для половины столетия; в семи же остальных случаях живущая пашня значительно превышает пашню пустую, доходя до 95,5% в Гороховецком уезде. Быть может, приведенных примеров недостаточно, чтобы охарактеризовать всю исследуемую территорию. Но не будет натяжкой сказать, что в случаях, приводимых в последних №№-х таблицы, мы имеем дело с прочно установившейся паровозерновой системой, которая теперь опять

Уезды	Местность	Год описания	Количество пашни пахотной	Паша	Перелог и пашня, лесом поросшая	Отношение возделанной и пустош. земли	Источник
1. Можайский	Дворцовая волость Клушинская с деревнями.....	1685—1690	412	—	5715	6,7 : 93,3	Фонд арх. М. Дв. М. от. опись 38/648, д. 41
2. Углицкий	Новозаселенные корельские села Косемской волости и Рожаловского стана.....	1698	390	—	1 019 с лесной по-рой рослью и непахотным лесом	25 : 75 (ниже дей-ствитель-ности)	Там же, д. 24, лл. 1—32
3. Дмитровский	Земли Повельского стана, описанные в 1634—1686 гг. Всего 25 поместий, 33 вотчины светских и 16 монастырских и церковных.....	1684—1686	5 682	1 040	Четей в одном поле 14 337 ³ / _s	31,9 : 68,1	П. к. 635
4. Боровский	Земли стана Окологородного, описанные в книге 1686 г. Всего 4 поместья, 2 вотчины светские и 3 монастырских.....	1686	610	228 ³ / _s	944 ² / ₃	47 : 53	П. к. 19, лл. 1—37
5. Тверской	Земли Суземского стана, описанные в кн. 1684/86 г. Всего 4 поместья, 19 вотчин светск. и 2 монастырских.....	1684—1686	545	18	600	48,5 : 51,5	П. к. 469, лл. 1, 65
6. Московский	Земли Ратуева и Лужецкого станов, описанные в книге 1684—1686 гг. Всего 1 вотчина стольников Со-						

Уезды	Местность	Год описания	Количество паханных	Назв	Перелог и пашня, десом поросшая	Отношение возделанной и пашной земель	Источник
7. Переяслав-Залесский	бакин с. Нестеровское-Жуково и 2 монастырских: Георгиевского — с. Слободка Михайловская и Данилова—с. Даниловское	1684—1686	818	81	946 ⁵ / ₈	48,7 : 51,3	П. к. 275, лл. 566—685
	Дворцовые села: Андреевское, Ирково, Рождественское с деревнями.	1675—1676	Десятин в одном поле 472	1 097	1 569 ⁷ / ₁₂	49,3 : 50,7	Фонд А. М. Д., М. от., ол. 38/648, д. № 29, 30, 32
8. Ростовский	Земли Сотемского стана, описанные в кн. 1684/86 гг. Всего 63 поместья, 30 вотчин светских и 11 монастырских и церковных...	1684—1686	3 910 ⁷ / ₈	306 ² / ₃	2 194 ⁷ / ₁₂	65,8 : 34,2	П. к. 839 лл. 1—375
9. Бежецкий	Городецкого стана Троицкая вотчина с. Присеки с тянущими к нему селениями	1684—1686	8 011 ¹ / ₁₆	733 ⁵ / ₈	3 921	69,1 : 30,9	П. к. 324, лл. 295—326, 494, 495
10. Московский	Горетов стан: 1) Поместье бояр. кн. М. Я. Черкасского, с. Никольское на Химке; 2) вотч. печатника Д. М. Башмакова, с. Кузьмодельское на Химке; 3) вотчина боярина Р. М. Стрешнева, дер. Оносно на Химке; 4) вотчина А. Д. Тушина, дер. Юрово на Сходне; 5) вотчина Троицкого монастыря, с. Спасское и Тушино;						

Уезды	Местность	Год описания	Количество пашни пахатной	Наезд	Перелог и пашня, лесом поросшая	Отношение возделанной и паштой земли	Источник
	6) вотчина Николаевского монастыря в Москве, за Иконным рядом, дер. Олешкино, описанные в писц. кн. 1680—1681 гг. . . .	1680—1687	617	—	218 ¹ / ₆	73,9 : 26,1	П. к. 270, д.л. 582—591
11. Белозерский	Дворцовая Мунгская волость	1677	Десятина в одном поле 23 ¹ / ₆	53	11 ⁵ / ₁₂	73,9 : 26,1	Фонд А. М. Дв. М. от. оп. 38/648, д. № 30
12. Клинский	Земли уезда, описанные в книге 1685/86 гг.; всего 5 поместий 8 вотчин светских, 4 монастырских и 1 погост	1685—1686	3 289 ³ / ₈	3	521	84,4 : 13,6	П. к. 191, д.л. 1—404
13. Бежецкий	Городецкого стана, вотчина Новоспаского монастыря в Москве, с. Градницы с деревнями	1684—1686	1 761 ¹ / ₄	424 ¹ / ₂	319	87,3 : 12,7	П. к. 324, д.л. 495, 496, 534, 535
14. Московский	Троицкие вотчины станом Радужского, Воря и Корзенева	1684—1686	6 686	976	634	92,4 : 7,6	П. к. 275, д.л. 1—557
15. Костромской	Земли Суцова стана, описанные в книге 1684—1686 гг.; всего 99 поместий, 23 вотчины светских и 6 монастырских	1684—1686	6 653 ¹ / ₁₆	—	484 ¹ / ₆	93,2 : 6,8	П. к. 219
16. Городецкий	Земли Купленской волости, описанные в книге 1684—1686 гг.; всего 30 поместий, 5 вотчин светских и 1 Троицкого монастыря .	1684—1686	2 262	—	82	96,5 : 3,5	П. к. 116

завоевала себе первенствующее место в Замосковье. Есть прямые указания, что эта система, и притом именно с трехпольным севооборотом, существовала и в таких местностях, где перелогу оказывается довольно много. Так например, трехпольную государеву пашню находим мы в дворцовом селе Андреевском Переяславского уезда¹, где перелогу числилось в среднем до 50%. Значительное в иных случаях количество залежи должно, на мой взгляд, быть объяснено следующим образом: во-первых, состояние земель, описываемых в 80-х годах, было, конечно, неодинаковым: наряду с местностями, где хозяйство было в полном порядке, находилось почти всегда известное количество земель запущенных, разоренных по случайным причинам; во-вторых, тем, что в местностях, где следы разорения сохранились более, колонизационная работа была много труднее и там к концу изучаемой эпохи все еще сохранялось довольно большое количество не распаханых, издавна запущенных земель, особенно где селения уже не возникали вновь на старых местах². Типичным примером обилия таких пустых земель, неизменно вносившихся в писцовые книги, может служить дворцовая Клушинская волость Можайского уезда: насколько этот уезд еще хранил следы разорения первых десятилетий XVII в., видно из того, что по дворцовому письму 1667 г. «волость, что было село Ворсобино с деревнями», пустая по книгам 20-х годов, продолжала оставаться без селений и жителей. В таком же положении были обширные волости Горетовская, Бельская, запустевшие еще в литовские походы 1613 и 1618 гг., Карачаровская и Дудинские починки³. Это не мешало, конечно, населению села Клушина и всего вообще давно замиренного и успокоенного Можайского уезда распахать большую часть пахотных угодий, тянувших непосредственно к селениям, и пользоваться издавна привычным трехпольным севооборотом⁴.

Если откинуть старый перелог, до которого, кроме писцов, никому не было дела, то можно и в Можайском уезде усмотреть типичные признаки паро-зерновой системы. Предполагаемое для последних десятилетий господство трехполья не исключает возможности параллельного существования хозяйства лядинного в области, столь обильной лесом, как Замосковский край. Существовавшая издавна, удержавшаяся и в XIX столетии в лесных местно-

¹ ГАФКЭ, фонд А. М. Дв., М. отд., оп. 38/548, д. 29.

² Перестановка населенных мест, особенно заметна в западных уездах.

³ П. к. 684, лл. 570—586, 600—611.

⁴ Свидетельства иностранцев, как например Коллинза, который утверждает, что «лучшие земли в России приносят весьма мало пользы, ибо им не дают отдыхать, а недостаток в людях причиной тому, что другие лежат не обработанные», не следует слепо доверять («Русский Вестник», 1841, № 7, стр. 177). Во-первых, здесь могло быть слишком поспешное обобщение частных наблюдений, вообще свойственное иностранцам, писавшим о России; во-вторых, не надо забывать, что Коллинз, проживавший в России от 1659 по 1667 г., мог оставаться под впечатлением временных и частных явлений, вполне возможных во время войн, начавшихся в 1654 г. и продолжавшихся до отъезда Коллинза.

стях севера на рощистях, в отхожих пустошах лесопольная система, следы которой выше отмечены для первой половины занимающей нас эпохи, несомненно, продолжала существовать и в конце XVII в. Доказательства господства зерновой системы наряду со значительным количеством остающегося еще, преимущественно в западных уездах, старинного перелога читатель может найти в сведениях, относящихся к 20-м и 80-м годам XVII в. Из рассмотренных данных, относящихся к 1684—1686 гг., видно, что в четырех имениях Шуйского уезда (3 поместья и 1 вотчина) перелога нет нигде: вся земля, за исключением луговой и сенокосной, под обработкой. То же явление замечается и в семи имениях Купленской волости Гороховецкого уезда. В трех крупных монастырских вотчинах Юрьевопольского уезда — 1799 четей в поле пашни (93%) и 127 четей перелога (6,6%). Из 9 имений Сушова стана Костромского уезда в семи перелог отсутствует. Взаимное отношение живой и пустой пашни (93 : 7) очень близко к вышеуказанному среднему отношению их во всем стане (93,2 : 6,8). В двух имениях Коломенского уезда из трех, о которых есть сведения, перелога нет. Последний, обуславливающий, в общем, отношение 90 : 10, находится только в очень крупной вотчине владыки коломенского, при этом в одном лишь селе Чанках на Кунице враге и, вероятно, в действительности меньший, чем можно думать, потому что в числе значащихся там 129 четей входит также и пашня паханая в количестве, которого с точностью нельзя определить¹.

Из пяти имений Клинского уезда перелог находится в трех. Общее отношение 74,3 : 25,7 несколько менее благоприятно, чем указанное выше по всем землям, описанным в 80-х годах. В 13 имениях Сотемского и Луцкого станов Ростовского уезда количество перелога довольно значительно (2761 четь в поле пашни — 63% и 1612 четей перелог — 37%). Залежи нет только в одном имении. Перелог значительно усиливается двумя вотчинами: селом Михайловским-Ивашковым Троицкого монастыря и селом Заречьем княгини Урусовой. Общее впечатление от Суземского стана Тверского уезда очень близко к получаемому от рассмотрения помещенной на стр. 314—315 таблицы; перелога нет только в одном случае; в 10 имениях числится 313 четей в поле пашни (51,8%) и 291 четь перелог (48,2%). Ниже Тверского стоит другой западный уезд — Zubцовский; во всех 11 имениях Шешемского стана этого уезда есть перелог; иногда даже он превышает пашню: очевидно, нераспаханной старой пашни остается еще много; здесь мы находим 499½ четей в поле пашни (46,4%) при 575¾ — перелог (53,6%). Наконец, своим неровным состоянием обращают на себя внимание 18 имений Повельского стана Дмитровского уезда (4123 чети в поле (31,7%), пашни и 8826 четей (68,3%) перелог). Наряду с двумя имениями, где распахана вся земля, здесь имеется огромное колп-

¹ П. к. 207, лл. 340—344.

чество перелога в очень больших вотчинах Троицкого монастыря, Медведевой пустыни и Переяславского Горницкого монастыря.

Переходя к вопросу о значении скотоводства в Замосковных уездах в XVII столетии, следует прежде всего отметить невозможность установить какое-либо признававшееся современниками нормальное отношение между количеством пахотной земли и сенокосных угодий. Мы не имеем и того косвенного указания, которое помогает ориентироваться при исследовании вопроса в XVI столетии. Указ 1550 г.¹ совершенно не годится для XVII в., в начале которого не было, может быть, в Замосковье ни одного вполне нормального хозяйства. В годы разорения и в ближайшее за ними время скотоводство было в таком же положении, как и земледелие. Поэтому искать по взаимному отношению земледелия и скотоводства чего-либо похожего на систему в состоянии последнего так же трудно, как найти определенную систему земледелия. Относительно дальнейшей эпохи можно, я думаю, с достаточной долей вероятности утверждать, что мало-помалу установился тот же порядок, какой господствовал в XVI столетии: земледелие, состояние которого рассмотрено выше, сохраняло преобладающее значение. Скотоводство, имея почти всегда известное, а иногда и довольно большое значение в хозяйстве, продолжало занимать подчиненное положение относительно земледелия. Хозяйств, основанных на производстве иных продуктов животного или растительного царства, не было². Едва ли также подвинулось сельское хозяйство исследуемой области и в интенсивности.

В источниках не редкость встретить указания на количество скота у помещиков, вотчинников и крестьян. Это количество довольно пестро и колеблется в зависимости от владельцев и от местных топографических условий. В писцовых книгах беспрестанно упоминаются «скотьи» дворы. У крупных бояр бывало часто огромное количество скота: так например, изобиловали скотом многочисленные поместья и вотчины бояр И. Н. Романова и сына его Никиты Ивановича. У менее крупного хозяина конца столетия А. Ф. Лопухина в его подмосковном селе Ясенево было до 15 человек скотников³. В 1677 г. средней, повидимому, руки переяславский помещик А. Мещеринов бил челом о покраже у него конского стада в 15 голов⁴. Большое количество скота бывало и у монастырей, не только у первостепенных, но и у менее значительных.

¹ А. А. Э., 1, № 225, указ 1 окт. 1550 г. об испомещении 1000 служ. людей под Москвою, которым установлено было давать по одной копне сена на 1 четв. пахотной земли (см. об этом у Розенкова, Сельское хозяйство, стр. 72).

² Вопрос о хозяйстве, основанном на правильном лесоводстве, конечно, не может быть даже поставлен. В XVII в. можно встретить лишь некоторые частные постановления, которые, до известной степени, чисто косвенным путем, могли регулировать эксплуатацию леса: так, напр., в 1634 г. Моск. Богоявленскому монастырю было пожаловано право беспощадно сплавлять 1000 бревен и 3000 сажень дров в год из вотчин на верховьях р. Москвы. Г. К. Э. по Звенигороду, № 52/4726.

³ ГАФКЭ, фонд А. М. Дв., М. отд., оп. 38/648, д. 26 и 74.

⁴ Чт. О. И. и Др. Р. 1869 г., № 4, Акты, собр. Семеvским, № 34.

В 1691 г. игуменя недавно лишь возникшей Успенской обители в Александровской слободе била челом об отдаче ей новых, довольно, кажется, значительных сенокосных пустошей, хотя бы на оброк, так как монастырских владений не хватало для содержания скота¹. В сравнительно небольшой домово-патриаршей вотчине, селе Романовском, которое патриарх Никон променял в 1658 г. Троице-Сергиевому монастырю, было во время обмена 23 головы рогатого монастырского скота².

О количестве скота в небольших провинциальных монастырях можно судить по следующим примерам: в приписной к Саввину-Сторожевскому монастырю Анофриевой пустыни Звенигородского уезда в 1658 г. на скотьем дворе было 2 лошади, 11 коров, 2 быка, 4 теленка, 3 овцы и 1 баран³; в приписном к тому же монастырю Предтечево-Киберганском монастыре Суздальского уезда в 1657 г. было «7 кобыл, 8 мерин, 9 жеребчиков трехлеток и 4 — однолеток, 11 коров, 5 быков, 1 телка, 7 телят, 19 овец, 1 баран и 1 козел»⁴. Что касается скотоводства крестьянского, то около половины века под Москвой можно было встретить деревни, где на каждый двор приходилось около 3 лошадей и по 3—4 коровы, овцы и свиньи⁵. В дворцовых корельских волостях Бежецкого уезда, в 79 селах и деревнях, заключавших в себе 514 дворов с 1427 душами мужского населения и заселившихся незадолго до описания, было к 1669 г. 942 лошади и 130 жеребят, 1465 коров, 800 телят, 1347 овец, 1343 свиньи и 4 козы, т. е. более чем по 2 лошади и по 2—3 коровы, овцы и свиньи⁶.

При описании селений писцы нередко отмечают «животинный выпуск», повидимому, принадлежность большинства деревень и сел⁷.

Наконец, значение скотоводства у крестьян выясняется и из знакомства с натуральными повинностями, которые крестьяне несли в пользу хозяев: в числе этих повинностей видное место занимали скот и продукты животноводства, приносимые в определенном количестве помещику или вотчиннику. Боярин Н. И. Романов из своей вотчины села Кишнева (Опольского стана Владимирского уезда) получал в год с выти по барану, по полоти свиного мяса и по 30 фунтов коровьего масла, кроме домашней птицы⁸. Боярин Лопухин со своей упомянутой выше подмосковной вотчины села

¹ Г. К. Э. по Переяславлю-Залесскому, № 731/9455.

² Г. К. Э. по Переяславлю, № 544/9268.

³ Ленингр. публ. библ., Собр. Погодина, № 1914, лл. 45—58.

⁴ Ленингр. публ. библ., Собр. Погодина, № 1914, лл. 151—164.

⁵ Пример: с. Федоскино, Манатына стана — 9 дв. крестьян; лошадей — 24, коров — 34, овец — 31, свиней — 31. *Федотов-Чеховский*, Акты гражданской расправы, II, 122.

⁶ Фонд А. М. Дв., М. отд., оп. 38/648, д. 24, лл. 33—100. По селениям количество скота распределяется согласно приведенной на стр. 314—315 таблице.

⁷ Напр., п. к. 685. л. 14: «да на той же деревне дано животине на выпуск четверть десятины за рекою за Сходнею»; там же, л. 683: «животинный выпуск вопче у всех помещиков села Турикова».

⁸ Г. К. Э. по Влад., № 231/2008.

Селения	Дво- ров	Душ	Лоша- дей	Жере- бят	Коров	Телят	Овец	Сви- ней	Коз
Тарачево	8	28	24	1	18	7	22	7	—
Карповское . .	9	26	16	3	28	5	17	27	—
Заестино	7	18	12	—	18	9	20	16	—
Бор	9	34	27	6	43	23	37	45	—
Чижово	7	20	12	—	21	13	16	25	—
Борихино	8	20	15	4	16	13	17	22	2
Волосово	5	18	9	—	17	18	19	24	—
Покопаево	9	21	14	1	25	12	30	20	—
Верхнево	7	16	11	—	13	1	9	5	—
Мякишево	10	27	22	2	26	5	32	27	—
Станки	4	8	6	1	9	1	3	16	—
Крутцы	7	18	13	—	17	3	11	16	—
Малечкино	10	37	27	3	33	14	35	28	—
Никитино	27	75	44	9	68	41	71	55	—
Благовещение . .	8	21	16	14	36	25	33	33	—
Попиха	2	5	4	—	6	2	8	4	—
Павлецово	3	8	9	3	9	6	9	9	—
Дубино	3	11	3	—	4	1	2	—	—
Шульгино	3	9	3	—	4	2	2	4	—
Курово	1	5	1	—	—	—	3	—	—
Микшеево	14	28	20	2	32	17	33	29	—
Городок	7	17	8	—	14	7	12	16	—
Волховицы	10	42	25	1	43	24	29	25	—
Залужье	5	11	6	—	10	2	10	8	—
Горка	10	34	29	6	43	13	39	32	—
Топорово	6	23	9	—	18	4	18	18	—
Вичиха	7	18	14	—	20	10	15	14	—
Родивилиха . . .	4	10	8	2	14	—	14	9	—
Попиха	7	15	11	1	20	22	21	15	—
Бурдумачиха . .	7	16	7	—	14	7	12	13	—
Вокшино	5	16	9	2	15	11	17	18	—
Михеево	11	33	16	4	25	15	25	27	—
Поповка	14	36	19	3	32	14	25	41	—
Васильково	3	4	3	—	5	2	—	2	—
Мякишево	7	19	10	—	19	6	12	10	—
Петрейка	3	6	4	—	5	6	—	4	—
Пятницкое	11	21	14	2	32	27	24	38	—
Каменка	5	15	6	1	10	4	1	6	—
Поповка	6	15	11	2	26	13	22	22	—
Доманово	13	41	24	3	46	36	33	26	—
Племяново	3	8	3	—	5	2	—	—	—

Селения	Дво- ров	Душ	Лоша- дей	Жере- бят	Коров	Телят	Овец	Сви- ней	Коз
Зяблая новина.	8	18	11	2	14	5	12	12	—
Можаево	7	16	12	—	16	11	2	21	—
Поповка	4	12	7	—	15	4	11	21	—
Шилково	9	26	16	—	30	19	28	33	—
Березницы . . .	5	12	6	1	4	2	3	3	—
Росляково . . .	5	15	9	—	13	10	7	8	—
Кулиберово . .	7	21	13	1	18	10	5	10	—
Крутцы	4	9	8	—	9	2	3	12	—
Плоское	10	33	20	5	34	25	26	36	—
Лобнево	10	37	30	8	45	21	46	32	2
Ванево	2	6	4	1	7	7	10	2	—
Окулово	4	9	5	1	8	2	7	3	—
Тимошино . . .	4	16	10	4	18	8	13	19	—
Вяцково	1	4	1	—	2	1	—	—	—
Данилково . . .	6	15	9	6	18	14	5	19	—
Шилково	6	18	11	—	16	8	16	15	—
Обросимово . .	5	15	5	—	9	3	5	1	—
Быково	4	10	6	—	9	2	1	4	—
Безделье	3	16	9	4	13	13	12	13	—
Микитино	2	9	3	—	3	2	2	8	—
Архангельское .	9	17	12	1	20	11	6	21	—
Медово	3	9	6	4	8	9	—	2	—
Кузнечиха . . .	3	10	6	—	7	7	9	5	—
Весино	5	9	11	2	9	13	5	14	—
Андрюково . . .	11	32	24	5	32	28	35	36	—
Григорово . . .	4	20	8	—	12	11	5	9	—
Ясенево	8	22	18	1	20	12	22	15	—
Чернятино . . .	1	3	2	—	3	—	2	2	—
Попадьино . . .	3	7	5	—	6	3	4	4	—
Терпигорево . .	7	20	11	2	12	3	2	15	—
Багурово	1	3	2	—	3	1	—	—	—
Чухарево	11	35	19	5	38	26	35	55	—
Ильинское . . .	3	9	3	1	7	4	4	6	—
Каменка	7	21	16	—	28	24	31	23	—
Воронцово . . .	2	3	4	—	4	2	12	3	—
Клобуково . . .	3	7	5	1	6	4	—	3	—
Архангельское на Могоче . . .	18	58	50	9	69	30	97	66	—
Попиха	5	18	15	1	22	7	27	27	—
Итого	514	1 427	942	130	1 465	800	1 347	1 343	4

Ясенева, где было 33 двора крестьянских и 2 бобыльских, брал в год по 23 барана и значительное количество птицы¹. То же было и в монастырских и в дворцовых вотчинах. Приказчик Покровского Суздальского монастыря в 1653 г. взимал «с дыму по поярку»². Крестьяне дворцовых сел Переяславского уезда также уплачивали повинности баранами, поярками, овчиной, сырами и маслом³.

Число примеров можно увеличить по желанию.

Разрешив вопросы о системе хозяйства и земледелия и выяснив относительное значение хозяйства и скотоводства, следует коснуться и некоторых других сторон сельскохозяйственной техники Замосковского края в изучаемый период времени.

На вопросе об обработке земли останавливаться долго не придется. Навозное удобрение, неразрывно связанное с господством зерновой системы с трехпольным хозяйством, следует считать явлением обычным в XVII в. и достаточно распространенным. Нельзя, конечно, установить, какая существовала разница в удобрении барской и крестьянской земли. Довольно, впрочем, характерные в этом отношении известия сообщают уставные грамоты, дававшиеся в эту эпоху монастырским вотчинам. В таких грамотах можно встретить предписания возить на монастырскую землю навоз из крестьянских дворов в том случае, если навозу в монастырских скотных дворах окажется недостаточно⁴. Вопрос о сельскохозяйственных орудиях, существовавших в Московской Руси, с большой подробностью и тщательностью освещен Рожковым⁵. Хотя выводы, сделанные им касательно употребления плуга, сохи и бороны и качества этих орудий, относятся к XVI в., но наблюдения над источниками XVII в. не позволяют добавить ничего нового к тому, что нам известно об издавна употреблявшихся на Руси сельскохозяйственных орудиях, а новых орудий не появляется вовсе.

Основными хлебами, высевавшимися в Замосковном крае, были рожь и овес. Кроме ржи и овса, сеяли пшеницу, ячмень, вероятно гречиху, лен, коноплю; озимой бывала рожь; относительно ржи и овса можно, кажется, сказать, что обычно на десятину сеялось по 2 четверти ржи и по 4 четверти овса⁶. Сопоставляя известия о времени производства полевых работ в центральной полосе Московского царства в XVI в., находимые в работе Рожкова, из которых видно, что яровые хлеба высевались здесь в мае, рожь жали около Ильина дня, а иногда и позднее — в августе⁷, со сроками производства этих

¹ Фонд А. М. Дв., М. отд., оп. 38/648, д. № 26 и 74.

² А. А. Э., IV, № 67.

³ Фонд А. М. Дв., М. отд., оп. 38/648, д. № 29, 31, 32. Другие примеры: Описание актов собрания Уварова, стр. 171—173, № 154; Сборник архивных выписок о Петре Великом, т. II, стр. 192, 200.

⁴ А. А. Э., IV, № 217. Описание актов собр. Уварова, № 154.

⁵ Рожков, Сельское хозяйство, стр. 111—117.

⁶ Примеры см. А. А. Э., IV, № 17, Г. К. Э. по Влад., № 231/2008; в XVI в. были те же нормы. В начале XX в. в нечерноземной России сеяли, в среднем, около 8 мер ржи и ок. 16 мер овса на десятину. Фортунатов, Сельскохозяйственная статистика, стр. 182—183.

⁷ Рожков, Сельское хозяйство, стр. 117.

работ в той же области в новейшее время, можно, кажется, с достаточным основанием заключить, что со времени XVI столетия вплоть до начала XX в. во времени производства сельскохозяйственных работ не произошло существенных изменений. К этому можно добавить, что и время начала сенокоса в местностях к северу от Москвы приурочивалось к Петрову дню: в 1669 г. приказчик дворцового села Дунилова, Суздальского уезда, получил предписание выслать в подмосковные дворцовые села «косцов самых добрых, с выти человеку, а выслать их на срок июня к 29-му числу»¹.

О взаимном отношении количества высеваемых хлебов в исследуемой области могут дать некоторое представление приводимые ниже примеры. В конце XVII в. на государевой десятинной пашне в подмосковных селах различного рода хлеба сеялись в нижеследующем количестве (в десятинах):

	Рожь	Овес	Ячмень	Пшеница
Село Коломенское с деревнями	138	114	24	4
» Котельники	15	15	—	—
» Беседы	45	40	5	—
» Остров	65	40	10	—
» Софьино	45	40	5	—
» Воробьево	20	18	2	—
» Алексеевское	8	4	—	—
» Братовщино	64	64	—	—
» Митрополье	51	51	—	—
» Воздвиженское	76	76	—	—
» Измайлово и Черноголовская волость	140	120	95	—

Посонный хлеб, шедший во дворец с других дворцовых волостей Московского уезда², доставлялся в следующем количестве:

Волости	Рожь	Овес	Ячмень	Пшеница
Селинская	179 чт.	119 чт. 2 чк.	—	—
Гжельская	157 » 5 чк.	276 » 6 »	—	—
Кунья	143 » 3 »	279 » — »	—	—
Раменская	48 » 5 ¹ / ₈ »	73 » 3 ¹ / ₂ »	—	—

В вотчинах Костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей в 1657 и 1658 гг. посев хлебов распределялся следующим образом (в четвертях — мерах сыгучих тел):

Монастыри	Год	Рожь озимая	Рожь яровая	Пшеница	Ячмень	Овес
Ипатьевский . .	1657	611 ¹ / ₄	50 ¹ / ₂	41 ¹ / ₂	180	859 ³ / ₄
»	1658	611 ¹ / ₂	37 ¹ / ₂	46 ³ / ₄	158 ¹ / ₂	827
Богоявленский . .	1657	318	37 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	38 ⁵ / ₈	689
»	1658	327	—	2	51 ¹ / ₂	657 ³

¹ Д. К. А. И., V, № 88.

² А. М. Дв., М. отд., оп. 38/648, д. № 81, с листа 71.

³ Сторосев, К истории с.-х. быта костромских монастырей, стр. 52. Чт. О. И. и Др. Р. 1894 г., кн. 1.

Не обобщая приведенных данных, которые, конечно, имеют только примерное значение, можно, однако, видеть, что посев ячменя был как будто значительнее к северу. Что касается пшеницы, то в исследуемой области она занимала везде последнее место. В частных же случаях размеры посевов пшеницы имели значительные колебания в зависимости от качества почвы и других обстоятельств. У помянутого уже переяславского помещика А. Мещерина грабители выжали и увезли до 5 десятин пшеницы, на которых «по опыту было 35 четвертей» хлеба¹.

В селе Кишлееве Опольского стана Владимирского уезда, принадлежавшем боярину Романову, сеялись «рожь, овес и на огороде конопель, а окроме никакого иного хлеба не сеют, потому что не родится»². У служилых иноземцев, а также некоторых крупных вотчинников встречаются попытки ввести культуру новых, не сеявшихся в России хлебных кормовых растений. Так например, поступил немец полковник Графорт, а за ним боярин В. И. Морозов³. Конечно, подобные попытки были исключениями.

В моем распоряжении не имеется данных, которые могли бы дополнить наши сведения о культуре льна, конопли и огородных растений⁴, но нельзя не указать на зарождение другой побочной отрасли сельского хозяйства в такой, по крайней мере, местности Замосковского края, где она процветает доселе, возвышаясь до значения особого промысла: я разумею садоводство в нынешней Владимирской губернии.

Оказывается, что в некоторых селах Переяславского уезда, известных в настоящее время своими садами, эти последние существовали еще в первой половине XVII в.

Так например, в селе Константиновском и его окрестностях, где садоводство теперь составляет главный промысел населения⁵, в 1620 г. уже существовало два сада государевых с 240 яблонями и 8 грушевыми деревьями⁶. Садоводством в этой местности занимались, видимо, и землевладельцы: в Кинельском стане, в деревне Олеханиной, «что владел дьяк Иван Львовский, по даче троицких властей для строения по свой живот», было «в огороде — яблонек с 30»⁷.

Чтобы покончить с технической стороной земледелия, приведем довольно характерное указание на то, какое воззрение устанавли-

¹ Чт. О. И. и Др. Р. 1869 г., кн. 4. Акты, собранные Семеvским, № 34.

² Г. К. Э. по Владимиру, № 231/2008.

³ Забелин, Большой боярин. «Вестник Европы» 1874 г., № 2, стр. 469.

⁴ Известия об этом за XVI в. см. Розиков, Сельское хозяйство, стр. 120—123. Дюнонгарев, Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России, стр. 18 (СПб. 1888).

⁵ Списки населенных мест Владим. губ., общие сведения, стр. XXVII.

⁶ Г. К. Э. Пер. Зал. № 341/9065: в одном саду 33 яблони «наливу», 14 — «бели можайской», 4 — «аркату», 1 грушевое дерево и 1 дуля; в другом — 80 «наливу», 30 — «скрупу», 30 — «бели можайской», 20 — «аркату», 12 — «кузьминских», 6 — «малеты белые», 5 — «малеты красные» и 6 груш.

⁷ Г. К. Э. Пер. Зал., № 446/9170.

валось на сельскохозяйственные условия старинных областей Московского государства во второй половине XVII в., когда движение на юг противопоставило богатую черноземную новь скудному суглинку Замосковных уездов: в 1672 г. всяких чинов люди били челом государю о даче им поместий на юге, жалуясь, «за которыми де поместьями и вотчины есть в Замосковных городех и те не в хлебородных местах и от безхлебья оскудели, люди их и крестьяне от голоду идут врознь»¹. Несмотря на обычные в челобитных московских людей гиперболы, это едва ли не первая по времени серьезная жалоба землевладельцев средней полосы на неплодородие земли, в сравнении с черноземным югом, показывающая, куда перемещался в это время сельскохозяйственный центр России.

Два вопроса, относящиеся к технической стороне скотоводства, заслуживают, чтобы на них остановиться при исследовании сельскохозяйственной жизни Замосковья. В настоящее время может считаться совершенно доказанным факт существования в древнейшее время в центральных областях Московского царства двух видов рабочего скота — лошадей и волов². Волы в качестве рабочей силы употреблялись еще в XVI в.; документы XVII в. дают, как кажется, возможность констатировать полное исчезновение волов как рабочего скота. Многочисленные и разнообразные описания XVII в. еще отмечают присутствие особых воловых или воловонных дворов в дворцовых селах, там, где существовало самостоятельное дворцовое хозяйство.

В селе Яковлевском-Гарях Ростовского уезда, центре обширной дворцовой Яковлевской волости, где государева пашня превышала 200 десятин, по описанию 1670-х годов, числится особый двор «воловенный»³.

В 1681 г. воловники существовали в следующих дворцовых селах, близко расположенных от столицы: в Коломенском, Алексеевском, Хорошове, Воздвиженском, Тайнинском, Ясенево, Петровском и Черной грязи — Московского уезда и Забелине и Павловском — Звенигородского уезда⁴. В 1646 г. воловня существует в подмосковном дворцовом селе Митрополичьем или Митрополье⁵. Воловонные дворы в 1677 г. были еще в селе Тургинове Тверского уезда и в селе Ярополче — Волоколамского⁶. Но как только самостоятельное дворцовое хозяйство прекращалось, исчезали и воловьи дворы. Вся государева пашня в Переяславском селе Иркоче была ко времени описания 1675—76 гг. отдана в оброк крестьянам. Дворцовое хозяйство исчезло, в селе оставалось только «воловенное место, где прежде сего бывала государева воловня»⁷.

¹ П. С. З., I, № 592.

² *Росписок*, Сельское хозяйство, стр. 124—127.

³ П. к. 841, л. 192.

⁴ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья на 1681 г., сообщ. Зерцаловым. Чт. О. И. и Др. Р. 1893, кн. 4.

⁵ П. к. 9809, л. 46.

⁶ П. к. 970, лл. 87 и 144—145.

⁷ Фонд А. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 31, л. 4.

В бывшем подмосковном дворцовом селе Булатникове (Ратуева стана), состоявшем в конце 20-х годов в поместье за Ф.С. Стрешневым, еще значился сенокос, «что бывало воловье, пастбище»¹. Кроме дворцового хозяйства, воловни встречаются и в крупных монастырских хозяйствах. «Воловий двор» упоминается в 20-х годах в большой вотчине митрополита Ростовского — селе Якимовском². Около половины столетия «воловник» упомянут в патриаршей Баглачевской волости Владимирского уезда³. Воловики значатся в описании подмонастырных вотчин Троицкого монастыря 1592—1593 гг.; в 1685—1687 гг. под монастырем было до 120 дворов воловиков⁴. Но все эти воловни и воловики представляют уже только воспоминание о волах как рабочем скоте. В конце века воловня значила просто скотный двор, а воловик — скотник. Описания дворцовых сел 1701 г. не оставляют в этом никакого сомнения: в селе Коломенском на воловьем дворе было «животины на корму коров и быков и телят 37 животных»; во всех дворцовых селах и волостях Московского уезда было «на воловнях 348 животных коров и быков и телят и 77 баранов»⁵.

Сделанный сейчас обзор может привести к выводу, что воловья запашка в последнее время своего существования была особенностью крупных хозяйств. Действительно, мы напрасно стали бы искать следов этого рода рабочего скота в помещичьих или вотчиннических хозяйствах не только средней руки, но даже и более зажиточных. Только самые богатые землевладельцы долгое время находили более выгодным свою пашню пахать не лошадьми, а рогатым скотом.

У таких же т. е. исключительно богатых, землевладельцев встречаются в XVII столетии намеки на коневодство в более или менее обширных размерах.

В вотчине боярина Н. И. Романова, селе Льгове Золотского стана Юрьевского уезда, около 1650 г. было несколько дворов «стадных конюхов»⁶. В дворцовой Александровской слободе был в XVII в. уже настоящий конский завод, особенно процветавший при царе Феодоре Алексеевиче. На этом заводе в 1678 г. было 55 лошадей стоялых, 146 меринов новочистных, 217 жеребят 2 и 3 лет. При заводе состоял целый штат стремянных, задворных и стадных конюхов и даже особый конюшный дьячок⁷. Во всех дворцовых вотчинах Московского уезда к 1701 г. было «411 лошадей стоялых, 36 рабочих, 72 ездовых, 164 кобылы больших, 62 жеребенков и кобылок двух и трех лет, 48 жеребчиков и кобыл «сусунков» и 511 лошадей подъемных»⁸.

¹ П. к. 9807, л. 27.

² П. к. 838, л. 198.

³ П. к. 12607, л. 2.

⁴ П. к. М. г., I, 1, стр. 80. П. к. 275, лл. 14—80.

⁵ Сборник архивных выписок о Петре Великом, II, стр. 185, 199.

⁶ П. к. 915, л. 65.

⁷ Стромиллов, Александровская слобода в XVII в. и ее Усп. дев. монастырь. «Владимирские епарх. вед.» 1882 г., № 18—20; 1883 г., № 1, 4, 5, 7—9.

⁸ Сборник архивных выписок о Петре Великом, II, стр. 199.

Подмеченные явления, составляющие особенность самых крупных хозяйств Замосковского края, наводят на мысль, что в некоторых наиболее богатых и, вероятно, наиболее благоустроенных хозяйствах скотоводство велось, может быть, по несколько более интенсивной системе, чем на землях рядовых помещиков и вотчинников.

Произведенное исследование технической стороны сельскохозяйственного производства в Замосковских уездах за XVII в. обнаружило, что энергическая внутренняя земледельческая колонизация края, продолжавшаяся в течение всего столетия при деятельном участии как правительства, так и служилых и тяглых слоев общества, вновь сделала паровую зерновую систему земледелия господствующей во вторую половину столетия. При этом наряду с трехпольем продолжал, как можно думать, удерживаться вид переложной системы — лесопольное хозяйство. Скотоводство, которое имело, само по себе, большое значение и ранее и которое в конце, по крайней мере, рассматриваемого периода в некоторых из богатейших хозяйств выиграло как-будто в интенсивности, все же оставалось в подчиненном к земледелию отношении, подобно тому, как это было и в XVI столетии.

В других вопросах сельскохозяйственной техники, как например, в вопросах об удобрении, сельскохозяйственных орудиях, обработке земли и т. д., не заметно разницы между исследуемой эпохой и предшествовавшим временем.

Серые хлеба так же, как и ранее, господствовали над красными, так как единственный из последних — пшеница — сеялся в очень небольшом, сравнительно, количестве. Из частных явлений возможно лишь отметить существование довольно развитого садоводства. Таким образом, техника сельского хозяйства в центральных областях Московского государства не сделала больших шагов вперед в XVII столетии.

Самый значительный успех заключался в том, что система земледелия справилась с последствиями экономических кризисов, так долго и сильно тяготевших над Московским царством, и вновь приобрела тот характер, какой имела в первой половине предыдущего столетия.

II

Несмотря на различного рода изменения, какие дворцовое землевладение исследуемой области испытало в XVII в., Большой дворец не переставал до конца изучаемого времени стоять во главе крупнейших земельных собственников, а следовательно, и сельских хозяев государства.

Первый вопрос, который подлежит теперь разрешению, это — вопрос о распределении пахотных угодий в Замосковских уездах между всеми, кто на каких-либо условиях вел обработку земли

Начнем с дворцовой запашки, посившей обычное название «государевой десятинной пашни».

Исследователь предыдущей эпохи, изучая государеву десятинную пашню в центральных областях Московского государства, пришел к интересному и довольно определенному выводу: «ни в черных, ни в дворцовых землях, лежавших в пределах центральной области, в течение всего века не было совсем почти государевой десятинной пашни, соответствовавшей по своему хозяйственному значению боярской пашне служилых вотчин и поместий. Единственным известным исключением является волость села Буйгород, Волоколамского уезда, где в 1543—1544 гг. на государя пахали 170 десятин в каждом из трех полей»¹. Не входя в рассмотрение этого вывода по существу можно заметить, что позднее дело обстояло несколько иначе и государева десятинная пашня уже далеко не представляла собою столь редкого явления, как это было, повидному, в XVI в.

В 20-х годах мы находим государеву десятинную пашню в дворцовых селах Ростовского уезда, причем видно, что эта пашня далеко не была там чем-нибудь новым: в 1629 г. крестьяне села Яковлевского-Гарей и приселков пахали государевой десятинной пашни по 25 десятин в поле, «а преж сего села Гарей крестьяне пахали на государя 25 десятин в селе Вошажникове по 130 (1621—1622) год, а во 130 году от тое пашни за дальним переездом и за водами отставлены, а велено пахать у себе в селе то же число, что они пахали в селе Вошажникове»². Позднее, во вторую половину столетия, можно указать несколько случаев, когда дворцовая запашка уничтожалась, земля отдавалась крестьянам на различных условиях и повинности крестьян по обработке земли заменялись посонным хлебом, т. е. оброком, вносимым натурою, или же оброком денежным. В селе Клушине, где до 1616 г. издавна, кажется, существовала государева пашня в количестве, как видно из описания 1634—1635 гг., 250 десятин в трех полях, эта пашня в 70-х годах была «причислена вновь» к тяглым жеребьям крестьян: вероятно, возобновление государевой пашни оказалось неудачным, и дворцовое хозяйство было прекращено³. То же явление замечается в дворцовом селе Иркове Переяславского уезда, где в 1675 г. государева десятинная пашня в количестве 213¹/₄ десятины была пооброчена крестьянам, так же как и «государевы укосные луга»⁴. В том же уезде, в селе Андреевском, государева десятинная пашня между 20-ми, 30-ми и 70-ми годами уменьшилась с 546 десятин в 3 полях до 249 десятин⁵. Отмеченных явлений, конечно, слишком мало, и они слишком отрывочны для того, чтобы в них видеть нечто большее, чем случайность. Однако они достаточно ясно указывают на то, что в XVII в., наряду с ростом государевой десятинной пашни, несомненно, увеличившейся срав-

¹ Розиков, Сельское хозяйство, стр. 130—131.

² П. к., 841, лл. 120—121.

³ Фонд А. М. Дв., М. о., 38/648, д. № 41.

⁴ Там же, д. № 31.

⁵ Там же, д. № 29.

нительно с предыдущей эпохой, замечались и явления обратного свойства, т. е. уничтожение дворцовой запашки и замена ее хозяйством оброчным.

К концу изучаемого периода времени в дворцовом хозяйстве мало-помалу стал складываться определенный порядок вещей, дающий возможность представить общую картину дворцового хозяйства. Повидимому, государева десятинная пашня, как общее правило, продолжала сохраняться в ближайших к Москве дворцовых селах. Посопный хлеб шел с более отдаленных сел и волостей. Наконец в местностях, лежавших еще далее, собирали во дворец преимущественно денежные сборы. Так дело, по крайней мере, рисуется из дошедшего до нас перечня дворцовых волостей с указанием шедших с них на дворцовое хозяйство сборов¹. Этот перечень составлен в 1732 г., по основании для него послужили, как видно из текста, данные переписи 1678 г. и хозяйственных описаний дворцовых земель за последнюю четверть XVII в. С другой стороны, наблюдается полная аналогия между этим перечнем и сохранившимися от 70-х годов отдельными описаниями дворцовых земель, например, дворцовыми землями Белозерского и Можайского уездов². Эти соображения позволяют думать, что данные списка 1732 г. могут с полным вероятием быть относимы к последним годам XVII в. При этом следует, однако, оговориться, что перечень дворцовых земель является, кажется, не совсем полным, даже принимая во внимание очень обильную раздачу этих земель в царствование Феодора Алексеевича, в правление Софьи и при Петре, а потому может считаться лишь приблизительным.

Судя по этому перечню, государева десятинная пашня существовала в следующих подмосковных селах:

Село Коломенское	351	десятина	в трех полях
» Беседы	135	»	»
» Котельники	45	»	»
» Остров	195	»	»
» Софьино	126	»	»
» Воробьево	60	»	»
» Алексеевское	24	»	»
» Братовщино	192	»	»
» Митрополье	153	»	»
» Воздвиженское	228	»	»
» Измайлово и Черноголовская волость	420	»	»
» Мячково	90	»	»

Всего 2019 десятин в трех полях

Посопный хлеб доставлялся из дворцовых волостей, занимавших юго-восточную часть Московского уезда. Четыре из этих волостей: Селинская, Гикельская, Куньевская и Раменская, остававшиеся

¹ Фонд А. М. Дв., М. о., 38/648, д. № 81, с листа 71.

² Чаронд. окр., Мунтская волость. Там же, д. № 30. Клушино — там же, дело № 41.

в 1732 г. во дворцовом владении, вносили этот натуральный оброк в общем количестве 528 четв. и $5\frac{1}{8}$ четвериков ржи и 748 четв. и $3\frac{1}{2}$ четверика овса. Наконец, совершенно специальные повинности несли село Семеновское, поставлявшее только дрова, а также Конюшенные земли вроде, например, Домодедовской волости.

Хозяйственные повинности дворцовых земель, лежавших за пределами Московского уезда, представляют, приблизительно, следующую картину:

Уезды

Балахнинский и Заволжские волости (Толоконцевская, Заузовльская и др.)	денежные оброки	и посонный хлеб
Верейский, с. Борисово	»	и 2 косца
Владимирский	»	
Гороховецкий, Красносельская волость	»	и государева па- шня 489 дес
Коломенский, с. Дедново	»	
Коломенский, Брашевские Котельники	»	
Коломенский, волость Бронницы . . .	»	конюшенная
Можайский	»	и оброчные дро- ва—480 $\frac{3}{4}$ саж.
Муромский	»	
Нижегородский	»	
Переяславский, с. Весково	»	и 5 косцов
Ростовский, с. Холм-Огарев	»	и 44 косца
Суздальский, Юмохотская и Ловатниц- кая волости	»	
Суздальский, Глумовская волость . .	»	и государева де- сятинная па- шня 468 дес.
Юрьевопольский	»	
Ярославский, Корельская Чамеровская волость	»	

Что касается дворцовых земель, лежавших за пределами исследуемой Замосковной области, то с этих земель, уже очень обширных и во второй половине XVII в., во дворец шли, по известиям 1732 г., исключительно одни денежные сборы. В общем, за пределами Московского уезда государева десятинная пашня является лишь в виде исключений, между тем как оброки всякого рода, денежные и натуральные, преобладают безусловно. Этой общей картины не могут изменить и немногие явления противоположного характера, например, существование в 1675—1677 гг. государственной пашни в селе Рождественском Переяславского уезда¹ или в селе Тургиново на Шоше, Тверского уезда². Очень характерно при этом то, что в том же Тверском уезде дворцовые села Погорелец и Никольско-Ладозженский погост, к северу от Твери и много дальше от Москвы, были в то время уже оброчными³. В подтверждение сказанного можно еще

¹ Ф. А. М. Дв., М. о., 38/648, д. № 32.

² П. к. 970, лл. 144—145.

³ П. к. 970, лл. 11—42.

указать на обширные Пошехонские дворцовые вотчины: Всесвятскую, Борковскую, Красносельскую, Ягорбскую, Арбужевскую, Черно-Маткомскую, Веретейскую, Шелледамскую, Кештомскую, Керженскую и Щекинскую, где в 1673—1675 гг. не было ни одной десятины государственной пашни¹.

Все вышеизложенное, конечно, далеко не может считаться всесторонне обоснованным; это — предположение, имеющее за собою известную долю вероятности и явившееся вследствие простого сопоставления географического положения различных дворцовых сел с характером несомых ими повинностей. Что касается причин рассмотренных явлений, то объяснение их едва ли может встретить затруднения. Чем отдаленнее было от Москвы известное дворцовое владение, тем затруднительнее была доставка в Москву хлебных припасов. Поэтому, с постепенным, хотя и медленным развитием денежного хозяйства в России, непосредственная дворцовая запашка и старинный натуральный оброк — посонный хлеб в местах, отдаленных от столицы, заменялись оброком денежным. Возможно также, что десятинная пашня, начавшая уменьшаться в конце XVII в., уменьшилась еще больше в связи с значительным упрощением всего дворцового хозяйства в эпоху реформ и потому в 30-х годах XVIII в. встречалась почти только в ближайших к Москве подгородных дворцовых селах, где, в целом, не превышала в то время 2 000 десятин.

Если уже в истории государственной десятинной пашни за XVII в. приходится иногда довольствоваться предположениями, то разрешение вопросов, касающихся пашни барской в поместьях и вотчинах служилых людей и пашни, пахавшейся на владельцев в монастырских, владychных и церковных вотчинах, представляет несравненно большие трудности.

Невзирая на сбивчивость и отрывочность известий первоисточников второй половины XVII в., затрудняющих положенное в основу настоящей работы сравнение между временем первых и последних десятилетий XVII в., постараемся разобраться в материале, которым мы можем располагать и изложить некоторые соображения по поставленным на очередь вопросам. Для удобства разделяю изучение барской пашни в землях служилых и в вотчинах духовных властей. Приступая к ознакомлению с барской пашней в поместьях и светских вотчинах, начнем, как выше в вопросе о государственной пашне, с выводов исследования предыдущей эпохи. Оказывается, что в Замосковном крае в служилых вотчинах и поместьях барская пашня была обычным явлением в XVI в. Лишь в одном только случае можно с уверенностью утверждать, что барской пашни совсем не было. Из немногих приводимых Рожковым примеров для характеристики ее размеров видно, что количество ее, абсолютное и относительное, бывало в высшей степени разнообразным².

¹ П. к. 1066, лл. 2—378.

² Рожков, Сельское хозяйство, стр. 129—130.

То же самое следует прежде всего отметить, перенося вопрос в XVII столетие.

Барская пашня в поместьях и вотчинах представляла очень широко распространенное явление. Размеры этой пашни настолько разнообразны, что очень трудно как-либо определить их: в больших боярских вотчинах владельческая пашня нередко измеряется сотнями десятин. У рядовых помещиков она часто не превышает нескольких четей в поле. Об относительных размерах барской пашни в некоторых местностях исследуемого края, сравнительно с пашней крестьянской, могут дать понятие следующие примеры, взятые из писцовых книг, составленных в 20-х годах XVII в. (См. таблицу стр. 327)¹.

Приведенные примеры дают, мне кажется, право прийти к таким выводам: прежде всего относительные размеры барской запашки поразкают своим разнообразием: не превышая $16\frac{1}{2}\%$ в Шуйском уезде, барская пашня во многих местах составляет более $\frac{9}{10}$ всей паханой пашни.

Далее характерно то, что относительные размеры барской запашки находятся совершенно вне зависимости от степени опустошений начала XVII в.: так например, одинаково пострадавшие в это время Верейский уезд, с одной стороны, и Волоколамский или Ржевский, с другой, совершенно отличаются между собою по относительному количеству барской пашни. То же можно сказать и о других уездах: барской запашки было, видимо, гораздо менее в Шуйском или в Балахнинском уезде, нежели, например, в Романовском. Присматриваясь внимательнее к географическому распределению местностей, упомянутых в приведенной таблице, можно сделать наблюдение, что менее всего барской пашни в первой четверти XVII в. было к востоку и северо-востоку от Москвы, в пределах прежних Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. В таком же положении оказывается, с другой стороны, Новоторжский уезд, который, как видно из книги 1620-х годов, лишь очень недавно стал служить для помещения служилых людей и далеко не в полной мере был занят поместьями и служилыми вотчинами.

Недостаточность известий, с помощью которых возможно было бы достаточно осветить вопрос о барской пашне во второй половине XVII в., происходит отчасти вследствие малого количества хозяйственных описаний, дошедших до нас от этого времени, а главное, вследствие известной уже характерной черты описаний 80-х годов, которые в большинстве случаев дают лишь общее количество пахотных угодий, не различая пашню барскую и крестьянскую. Одним из очень немногих, но тем более ценных исключений является писцовая книга Суцова и Андомского станов Костромского уезда 1684—1686 гг.

В этих местностях писцы насчитали в поместьях и служилых вотчинах $741\frac{2}{3}$ четей в поле пашни барской при $4031\frac{31}{48}$ четах крестьян-

¹ Пашня наезжая не принята в расчет, потому что не всегда ясно, куда ее следует относить; однако в большинстве случаев эта пашня была крестьянской, так что, включив наезд, мы получили бы меньший процент пашни барской.

ской пашни¹. Сопоставляя эти цифры с теми, которые характеризуют взаимное отношение крестьянской и барской пашни в нескольких станах (в том числе и в Сушове) того же уезда в 20-х годах,

Уезд	Местность	Количество пашни		Отношение	Источник
		(в четях в поле)			
		барской крестьян-ской			
Шуя	Весь уезд	888	4473	16,5 : 83,5	П. к. 11329, лл. 527—533
Устюжна	»	273	1031	20,9 : 79,1	П. к. 901, лл. 458—62
Торжок	»	204	728 ³ / ₄	21,8 : 78,1	П. к. 801, лл. 756—762
Балахна	Жарская волость .	133	466	22 : 88	П. к. 15645, лл. 1—164
Верея	Весь уезд	4 ¹⁷ / ₂₄	12 ³ / ₄	27,7 : 72,3	П. к. 606, лл. 138—151
Углич	»	1731	2942 ³ / ₄	37 : 63	Писц. кн. Угл. у., Вр. Дем. лиц. т. 46, ст. 615—619
Романов	Татарские земли (1616 г.)	773 ³ / ₁₂	1321 ³ / ₄	37 : 63	П. к. 375
Переяславль З.	Стан Новосельский, 14 помещиц и вотчин . .	72	67	52,5 : 47,5	» » 812
Тверь	Стан Суземский .	218	143	60,4 : 39,6	» » 873
Волоколамск	Весь уезд	16	10	61,6 : 38,4	лл. 27—81
Дмитров	»	2527	1568	61,8 : 38,2	П. к. 613, лл. 1—164
Можайск	12 станов	5	2	71,5 : 28,5	П. к. 877, лл. 218—231
Кострома	10 станов луговой стороны: Осецкий, Котогорский, Андроников, Кулига, Соцкий, Козурский, Корзла, Минский, Сушов, Плоскинин, Дулехов	5229	351 ³ / ₄	93,9 : 6,1	П. к. 683, лл. 717 и сл.
Ржев	Юго-западная половина	239	13	94,6 : 5,4	П. к. 10962, 10964, 10965
Старица	Весь уезд	385	20	95,1 : 4,9	П. к. 833, лл. 469—475
					П. к. 862, лл. 666—673

Итого писцов

Проведенные инф. ры

Итого писцов

Итого писцов

Проверенные цифры

Итого писцов

¹ П. к. 219, лл. 1513—1517 (итоги проверены и цифры не совсем сходны с теми, которые приводятся писцами).

можно видеть, что отношение значительно изменилось в пользу пашни крестьянской: последняя росла гораздо быстрее, нежели пашня барская, которая, таким образом, и в Костромском уезде увеличивалась, повидимому, мало; это обстоятельство наводит на мысль, что в этом уезде господствовали условия, сближающие его с отмеченными выше северо-восточными уездами, где барская пашня не была очень распространена. Малое количество барской запашки, а часто и ее полное отсутствие очень характерны и для других местностей, лежавших на северо-востоке исследуемого края. Так например, в обширной Нейской волости Галицкого уезда, бывшей черною до 1619 г., а затем находившейся во владении Шереметевых и князей Одоевск их, барская пашня не существовала и во второй половине столетия¹. Таким образом можно, кажется, признать, хотя и по намекам, что малое количество барской запашки было всегда явлением, свойственным значительной части Замосковского края к северу и востоку от Москвы. Такое обстоятельство сближает северо-восточные местности Замосковья с соседним северным краем, в котором барская пашня, как известно, никогда не получала большого развития. Что касается других частей Замосковья, то о них можно сказать лишь очень немногое. В некоторых западных уездах, где в 20-х годах замечалось преобладание барской запашки, это преобладание, кажется, сохранялось и позднее. Так, по крайней мере, можно думать, судя по описаниям Суземского стана Тверского уезда и некоторых частей уезда Зубцовского, относящимся к 80-м годам². В первом из упомянутых уездов относительное количество барской запашки даже, кажется, увеличилось. В 1627 г. владельческое хозяйство имелось в 15 вотчинах из 31; в 1689 г. из описанных писцами 19 — владельческое хозяйство было в 15. Насколько можно судить о столичном уезде, там в течение всего столетия существовала довольно обширная барская запашка, отличавшаяся по отдельным подмосковным чрезвычайно разнообразными размерами. Приходится сожалеть, что недостаток сведений не позволяет ничего сказать о южной окраине Замосковья — об уездах Коломенском, Серпуховском и т. п. и не дает, таким образом, возможности проследить связь хозяйственных порядков этих местностей с подобными же порядками заюжских и украинских уездов.

Обработка барской пашни велась в исследуемом крае двойным порядком. В большинстве, конечно, случаев значительная доля в обработке выпадала на долю крестьян данного поместья или вотчины. Но были случаи, когда обработка барской пашни велась исключительно трудами холопов. Уже в 20-х годах можно встретить поместья и вотчины, в которых нет крестьян и где владелец ведет все хозяйство с помощью деловых людей. Пашня помещикова «людские пахоты» не раз попадает в описании подмосковных имений

¹ Арсеньев, Боярин князь Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной (650—1684). Чт. О. И. и Др. Р. 1903, № 2 и отдельно.

² П. к. 469, лл. 1—65 и п. к. 151.

того времени¹. Такие же примеры можно указать и в других уездах Замосковского края². Насколько можно судить по отрывочным описаниям 80-х годов, в некоторых районах пашня холопами была явлением более распространенным, чем в первую половину века. Так например, впервые встречаются подобные хозяйства в Гороховецком³ и Коломенском уездах⁴. В Повельском стане Дмитровского уезда вместо трех имений с исключительно холопским трудом их уже 9⁵; в Сотемском стане Ростовского уезда — 6 вместо 4⁶; в стане Суземском Тверского уезда — 13 вместо 8⁷.

Перехожу к пашне, пахавшейся на владельцев в обширных владениях русского духовенства. XVI столетие, эпоха усиленного роста монастырского землевладения, была также временем значительного развития монастырского хозяйства в Замосковных уездах, выразившегося, между прочим, и в увеличении монастырской запашки. То же явление замечалось и в вотчинах владычных⁸. Для XVII столетия следует, кажется, признать, что владельческая пашня ведется повсюду, где она существовала и ранее. Красноречивым примером могут служить вотчины Троицкого монастыря, не раз упоминавшиеся в настоящей работе: почти везде, где пашня монастырская существовала в 1591—1594 гг., она имеется в конце 1620-х годов. Можно привести другие примеры, показывающие, что монастырская пашня была обычным явлением в первой четверти XVII в. В Городском стане Звенигородского уезда, где около 1560-х годов было уже довольно много монастырской пашни⁹, по книгам 20-х годов она вновь значится почти во всех монастырских владениях этого стана¹⁰. В Новосельском стану Переяславского уезда, где было в 20-х годах 5 монастырских вотчин, в трех существовала монастырская пашня¹¹. В сильно запустошенном Старицком уезде писцы в конце

¹ Примеры: стан Горетов, поместье С. А. Маркова, д. Антонова на Сходне — «1 дв. помещ. с 10 чет. в поле пашни людские пахоты»; там же поместье подьячего Страхова — 1 дв. помещ., «живут деловые люди», обрабатывающие 2 с половиной чети в поле. П. к. 685, лл. 1—284. Стан Сурожик, пом. И. И. Пушкина, д. Скрибина на Истрице — 1 дв. помещиков с деловыми людьми, которые пахут 1 чет в поле на помещика; там же вотчина кн. Мещерского — 1 дв. вотчинников «пашни вотч. людские пахоты» 4 чети в поле. П. к. 685, лл. 360—450. Стан Манатын, вотчина Вельяминовых и пом. Оксакова на р. Уче: 2 дв. вотчинн., с деловыми людьми, 4 чети в поле вотчинниковы пашни. П. к. 685, лл. 654—828. Число примеров можно увеличить по желанию.

² Дмитровский уезд, Повельский ст.: 1 поместье и 2 вотчины с искл. холопш. трудом. П. к. 627. Звенигород. у. — искл. хол. труд в 2 из жалов. вотчин. П. к. 638. Ростов. у., Сотем. ст. — искл. хол. труд в 4 поместьях, п. к. 838. Переяславль-Залесский у., Новооскольск. ст.: искл. хол. труд в 2 поместьях. П. к. 812 и т. д.

³ Кузленская волость, п. к. 116.

⁴ Ст. Б. Микულიн, п. к. 207.

⁵ П. к. 627 и 127.

⁶ П. к. 838 и 839.

⁷ П. к. 873, лл. 7—81 и 469, лл. 1—65.

⁸ *Росков, Сельское хозяйство*, стр. 131—137.

⁹ П. к. М. г. I, 1, 660—730.

¹⁰ П. к. 638.

¹¹ П. к. 812, лл. 177—203.

20-х годов насчитали уже около 300 четей в поле монастырской пашни¹.

Дальнейшая история монастырской и владычной пашни в исследуемой местности представляет очень много разнообразия. Абсолютные размеры монастырской пашни, так же как и размеры барской запашки в светских имениях, представляют большие колебания. Сравнение относительных размеров этой пашни и крестьянской в 20-х и 80-х годах наводит на такие мысли. В отдельных случаях монастырская пашня, находямая недостаточною, увеличивается против прежних размеров: так было, например, в патриаршем домовом Боголюбове монастыре под Владимиром, где вследствие того, что «крестьяне на монастырь пашни пахут малое число, не против других домовых монастырей», пашня на монастырь была при патриархе Иоакиме увеличена до 4 десятин в поле на выть². В других и довольно многочисленных случаях пашня монастырская растет более или менее правильно, не слишком отставая от пашни крестьянской и не слишком в то же время опережая ее. В селах Тушине и Спасском — вотчинах Троицкого монастыря Горетова стана Московского уезда, в 1624—1625 гг. было 50 четей в поле пашни монастырской и 106 — крестьянской (33 : 67); в 1684—1685 гг. там было 137,5 четей первой и 188 — второй (42,1 : 57,9)³. В стане Радонежском, в ближайших окрестностях монастыря, количество монастырской и крестьянской пашни с наездом в те же сроки выражалось следующими цифрами: 216 и 880 четей (20 : 80) и 3266 и 4336 четей (43 : 57)⁴. В селе Ольявидове Дмитровского уезда, принадлежавшем тому же монастырю, в 1627 г. было 65 четей в поле монастырской пашни и 33 чети крестьянской (66,4 : 33,6), а в 1685—262 и 85 (75,5 : 24,5)⁵. В том же уезде в вотчине Медведевой пустыни в 1627 г. было 24 чети в поле пашни монастырской и 95 — крестьянской (20 : 80). В 1685—95 и 509 (15,7 : 84,3)⁶. В вотчине Иосифова Волоколамского монастыря, селе Фаустовой Горе Зубцовского уезда, те же отношения выражались следующими цифрами: в 1629 г. — $7\frac{5}{8}$ и $3\frac{3}{8}$ четей (95,3 : 3,7), в 1685 г. — 70 и 71 четь (50 : 50)⁷. В других случаях замечается упадок монастырской пашни сравнительно с пашней крестьянской. В 20-х годах по Сушевскому стану Костромского уезда писцы насчитали $84\frac{1}{2}$ чети пашни монастырской и $1024\frac{1}{2}$ пашни крестьянской (7,6 : 9,24); в 1684—1686 гг. на 1406 четей в поле пашни крестьянской приходилось всего 99 четей пашни монастырской (6,6 : 93,4)⁸; в вотчинах Тверского Желтикова монастыря, расположенных в Суземском стане Тверского уезда, в 1627 г. числилось

¹ П. к. 862.

² Г. К. Э. по Владимиру, № 360/2137.

³ П. к. 260, лл. 2—39 и 270, лл. 582—591.

⁴ П. к. 260, лл. 1—170 и 275, лл. 14—80.

⁵ П. к. 627, лл. 88—107 и 127, лл. 358—405.

⁶ П. к. 627, лл. 108—140 и 127, лл. 414—453.

⁷ П. к. 150, лл. 52—55 и 151, лл. 89—95.

⁸ П. к. 219, лл. 1512—1513.

65 четей в поле пашни монастырской и 7 четей пашни крестьянской. В 1684—1686 гг. монастырской пашни оставалось 20 четей в поле, а крестьянская возросла до 35¹. Наряду с монастырскими вотчинами, где в течение всего XVII в. существует владельческая запашка, можно встретить и такие, в которых такая запашка не заводится во все рассматриваемое время. Так обстояло, например, дело в вотчине Новоспасского монастыря, селе Градницах Бежецкого уезда, в вотчине Чудова монастыря, селе Васильевском-Борисове Дмитровского уезда, в вотчине Клинского Успенского монастыря, деревне Прасолове Клинского уезда, в вотчине Троицкого монастыря, селе Козьмодемьянском на Колокше, Юрьевопольского уезда и т. д. В колонизируемых вновь монастырями землях не всегда заводилось монастырское хозяйство. В некоторых случаях хозяйство таких вотчин все время оставалось крестьянским. Примером сказанного может служить деревня Михали, построенная Пафнутьевым Боровским монастырем на вотчинных пустошах Зубцовского уезда².

Резюмируя сказанное, можно прийти к заключению, что монастырская пашня и ее размеры сравнительно с пашней крестьянской вовсе не развиваются в XVII в. в какую-нибудь одну определенную сторону. Разнообразие, при котором нельзя нарисовать общей картины,— вот черта, свойственная монастырской и владычной пашне в XVII в. Если и возможно отметить что-либо как общее правило, так это отсутствие общего роста владельческой пашни в вотчинах духовенства. В XVII в. стал останавливаться рост монастырского землевладения; с этим вместе перестало, повидимому, действительно расширяться и монастырское хозяйство.

О порядке обработки монастырской и владычной пашни можно сказать то же, что выше было сказано о барской запашке в поместьях и служилых вотчинах. Наибольшую ее часть пахали крестьяне данного села или деревни, или же крестьяне собирались «сгоном» со всех селений известной вотчины для обработки пашни монастырской, сосредоточенной при одном каком-нибудь селении³. Пашня монастырская вблизи самого монастыря обрабатывалась, в значительной мере, монастырскими детенышами, соответствовавшими холопам светских людей. Однако монастырские хозяйства с исключительно холопским трудом встречались, можно думать, скорее как исключения. Повидимому, таким было в 80-х годах хозяйство Николо-Песношского монастыря в Повельском стане Дмитровского уезда. Вместо 14 дворов крестьян и 9 дворов бобылей, бывших там в 1620-х годах, в конце века были только дворы монастырской челяди⁴. Впрочем возможно, что и здесь часть монастырской пашни, доходившей до

¹ П. к. 873, лл. 27—81 и 469, лл. 1—65.

² П. к. 150, 151.

³ Напр.: «да отхожей пашни на Осове лугу по р. Клязьме, а папуг тое землю на монастырь крестьяне сгоном села Крутка с деревнями». Писц. кн. М. г. I, 1, стр. 797 (Троиц. вотчина Влад. у Богаевской волости).

⁴ П. к. 127, лл. 453 и сл.

196 четей в поле, пахалась крестьянами других вотчин монастыря, не находившихся в Повельском стане¹.

Есть еще один вопрос, стоящий в близкой связи с только что рассмотренными. Мы видели, что в обработке барской пашни всякого рода принимали участие холопы. Но имела ли эта категория населения свое собственное хозяйство? Пахали ли холопы свою собственную пашню? Этот вопрос относится к деловым и задворным людям светских владельцев и к монастырским служебникам и детенышам в вотчинах духовенства. Положение монастырских слуг ставило последних в более привилегированные условия, которые не дают права ставить их на один уровень с холопами. Запашка холопов существовала несомненно. Ясные следы ее находим в больших вотчинах². Холопы могли иметь свою пашню у мелких владельцев. Относительно монастырских детенышей можно считать вполне доказанным, что «страда на монастырской пашне — главная профессия детенышей и что собственной запашки у них не было»³. Что касается монастырских служебников — преимущественно несвободных монастырских ремесленников, которые в вознаграждение за свою работу получали от монастыря определенное содержание, то это содержание им часто производилось в виде пахотных участков с правом их эксплуатации: «пашня, что пахут на себя монастырские служебники за годовое жалованье», иногда встречается в XVI и XVII вв.⁴. Это единственный вид холопской запашки в монастырских вотчинах, какой мне удалось встретить. Видимо, самостоятельное хозяйство монастырских холопов было довольно редким явлением в рассматриваемую эпоху.

Из всех разрядов пахотных угодий пашня тяглого крестьянского населения представляет наибольший интерес. Это понятие, потому что здесь приходится иметь дело с главным занятием подавляющего по своей численности общественного класса, который, будучи политически бесправным, являлся основным производительным классом того времени и на эксплуатации которого покоился весь тогдашний строй.

В XVII в. пахали не одни крестьяне, пахали и бобыли. Но последние имели свою запашку не везде и не всегда. Кроме того, сами писцы не всегда оговаривают существование или же отсутствие бобыльской пашни. В помещенных ниже данных, характеризующих размеры тяглой пашни, я принимал во внимание определение писцов, называющих эту пашню в огромном большинстве случаев «крестьянской и бобыльской». Сообразно этому, в вычислениях размеров пашни на двор и на душу я принимал во внимание число одних крестьян-

¹ Подробнее о порядке обработки монастырской пашни см. Дьяконов, Очерки по истории тяглого населения, стр. 307—310.

² Примеры холопской пашни в Суздальской вотчине кн. Хованского, п. к. 11218, лл. 347, 350. См. выше, стр. 292.

³ Дьяконов, там же, стр. 296.

⁴ Примеры: п. к. 812, л. 190 и сл. (Переяславский уезд, 1620-е годы; писп. к. М. г. I, 1 и 2 книги Троицк. вотчин 1592—1594 гг.

ских дворов или же число крестьянских и бобыльских дворов вместе.

Однако, имея в виду хорошо известный недостаток точности в терминологии писцов, возможно, действуя таким образом, впасть в погрешности, которые не всегда удастся предвидеть заранее. Сделав эту оговорку, переходжу к рассмотрению поставленного вопроса.

Понятие о приблизительных первоначальных размерах крестьянской пашни можно считать более или менее установленным в нашей литературе. Первоначально, т. е. до XVI в., в северо-восточной Руси размеры крестьянской пашни, при однолошадном хозяйстве, назывались обжаей, однокольею, вытью¹. Последний термин удержался до конца изучаемого периода для обозначения тяглого участка в дворцовых, патриарших и крупных монастырских вотчинах. Размеры такого участка, смотря по качеству земли и другим условиям, колебались в XVI и XVII вв. между 10 и 15 «четями в поле, а в дву потомуж». Уже в XVI в. представление о выти, с одной стороны, и о среднем пахотном участке крестьянского двора, с другой, расходятся; последний почти всегда менее первой. Такое положение вещей, достаточно выясненное в специальном исследовании о хозяйстве XVI в.², может быть еще подтверждено ссылкой на описания вотчин Троицкого монастыря 1592—1594 гг.: почти везде, где приводятся примеры о вытном тягле, оказывается, что размеры крестьянской пашни менее одной выти. В Троицких вотчинах Звенигородского уезда, насчитывавших 110 дворов крестьян, не было ни одного, сидевшего на целой выти. Из 919 крестьянских дворов Троицких вотчин Дмитровского уезда только у двух запашка равнялась выти: обычными размерами был пол, треть, четъ, полтрети и полчети выти³. Таким образом история крестьянской пашни начинается с факта, указывающего на ее постепенное сокращение. Это сокращение остается самым характерным для нее явлением вплоть до конца XVI в.: «Крестьянин центральной Руси делался маломощным в хозяйственном отношении, сильно разорился»⁴. Таков итог предшествующей эпохи.

Сравнение конкретных примеров, заимствованных из этого времени, с данными XVII в. поможет ориентироваться в истории крестьянской пашни за интересующий нас период времени. Следующая таблица дает понятие о размерах крестьянской пашни в некото-

¹ Первоначальное значение слова «выть» — доля, участок: «в этом смысле — части, доли — слово «выть» употребляется очень часто. Это, конечно, первоначальный смысл слова... *Сергеевич*, Древности русского права, III, стр. 354. Сближение одноколья с вытью сделано *Милюковым* в «Спорных вопросах финансовой истории Моск. гос.», стр. 43 и за ним *Дьяконовым* в его рецензии на эту работу (Ж. М. Н. П. 1893, июль, стр. 210). Первоначальное сходство выти с обжаей установлено *Розжковым* (Сельское хозяйство Моск. Руси, стр. 145), который впервые также определенно формулировал мнение о том, что выть является «нормой пашни для достаточного крестьянского двора».

² *Розжков*, Сельское хозяйство, стр. 146—153.

³ П. к. М. г., I, 1, стр. 683—690; 731—786

⁴ *Розжков*, Сельское хозяйство, стр. 146.

Уезд	Год	Местность	Крестьянская пашня	Число		Пашни на 1		Источник
				дворов	душ муж. п.	двор	душу муж. п.	
Ростовский	1629	Дворовые земли С. Яковлевское-Гари с дерев- нями.....	десятины 184	104	108	1,8	1,7	П. к. 841, л. 118—183
Кашинский	1635	Кимрская волость.....	1206	153	500	7,8	2,4	П. к. 173а, л. 1648—1706
Белозерский	1675—76	Мунтская волость.....	219	48	148	4,5	1,5	ГАФКЭ, ф. А. М. Дв., оп. 38/648, д. 30
Можайский	1677—82	С. Клушино с деревнями.....	1236	157	659	7,8	1,8	Там же, д. 41
Переславский	1675	С. Андреевское с деревнями..	1806	252	954	7,1	1,9	Там же, д. 29
»	1675	С. Проково с деревнями.....	1137	202	752	5,6	1,5	Там же, д. 31
»	1675	С. Рождественское с деревнями..	1326	174	640	7,5	2,07	Там же, д. 32
Помехонский	1673—77	Всесвятская волость.....	428	366	1064	1,2	0,4	П. к. 1066, » » 1066, л. 2—378
»	1673—77	Борковская волость.....	191	265	812	1,1	0,3	П. к. 1066, » » 1066, л. 2—378
»	1673—77	Красносельская волость.....	150 ² / ₄	148	364	1	0,4	П. к. 1066, л. 2—378
»	1673—77	Ягорбская волость.....	352 ¹ / ₄	280	845	1,25	0,4	П. к. 1066, л. 2—378
»	1673—77	Шекинская волость.....	427	233	632	1,8	0,7	П. к. 1066, л. 2—378
»	1673—77	Магкомская и Веретейская волости.....	299	130	421	2,3	0,7	П. к. 1066, л. 2—378
»	1673—77	Арбужевская волость.....	456 ² / ₃	196	618	2,3	0,7	П. к. 1066, л. 2—378
»	1673—77	Керженская волость.....	45 ² / ₃	25	70	1,8	0,6	П. к. 1066, л. 2—378

Полехонский	1673 - 77	Шелпедамская и Кештомская волости	1 994	708	2 132	3,8	0,9	П. к. 1066, л. 2-378
Тверской	1677-78	С. Погорелец с деревнями . . .	34	32	48	1,1	0,7	П. к. 970, л. 11, 12
»	1677 - 78	Никольский, Ладженский пот. с деревнями	49 1/4	38	32	1,3	1,5	П. к. 970, л. 25
»	1677-78	С. Городня с деревнями	282	39	71	7,2	4	П. к. 970, л. 43
»	1677 - 78	С. Тургиново с деревнями . . .	211	296	611	0,7	0,3	П. к. 970, л. 81
Углицкий	ок. 1680	Кесемская волость	1020	149	645	7	1,6	Фонд А. М. Дв. оп. 38 648, д. 24
		Черные земли		в четях				
Галицкий	1614	7 волостей Сольгалинской осады: Усольское, Окологородье, Жалино, холм Шарьев, Кор- цево-Раменье, Солдовская, Спаская, Досево-Раменье . .	12 537	1 045	1 057	12	11,9	П. к. 453
»	1616	4 Ветлужских черных стана: Воскресенский, Воздвижен- ский, Богородицкий и Троиц- кий	4 338	677	677	6,4	6,4	» » 345
»	1617	8 черных волостей по рр. Унже и Ветлуге: Понизовская, Нейская, Усть-Нейская, Сол- тоновская, Верховская, Кот- кишевская, Мерзлая слобод- ка, Лапшанская	11 469	1 135	1 158	10,1	9,9	» » 499, л. 1-183
»	1617	Судайской осады Вохтомская волость	525	78	79	6,7	6,7	П. к. 499, л. 184-201
Старорусский	1627	Сумерская волость	1 005	397	828	2,5	1,2	П. к. 754, л. 77-82

¹ Почти совпадающие цифры дворов и населения наводят на мысль, что здесь применяется еще старинный способ за-
несения в книги только домохозяйств. Если так, то интерес представляет только количество подворной пашни.

Уезд	Год	Местность	Крестьянская пашня	Число		Пашни на		Источник
				дворов	душ муж. п.	двор	душ муж. п.	
Романовский Московский »	1616 1624—25	Крестьянская пашня 1610—30 гг. Татарские служилые земли . . Манатын стан, с. Собакино кн. Ю. Я. Сузенева	в четях 1322 270	667	673	2	2	П. к. 375
				12	?	22,5	?	» 685
	1624—25	Манатын стан с. Топорково кн. П. Е. Черкасского	65	7	7	9,4	9,4	» 685
	1629—31	Пом. и вотч. земли Сотемского стана	283	189	307	1,4	0,9	» 838
Шуйский Боровский	1629 1614	С. фатьяново, пом. Шалимова Вотч. Троицкого монастыря (всего уезда)	60	2	5	30	12	» 11320
	1616	Вотч. Троицкого монастыря Стародуб., Ряз. и Ополь- ского стана	9	3	3	3	3	» 258
Ярославский Московский » » »	1616 1624	Вотч. Троицкого монастыря . . Патр. вотч. Горетова стана с. Сабурово	289 88 ^{1/2}	154 43	155 43	1,8 1,9	1,8 1,9	» 11320 » 549
	1624	Новодев. мон. Горетова стана с. Козино	21	3	3	7	7	» 685
	1624	Вознесенский мон. Горетова стана с. Еремеево	75	17	17	4,4	4,4	» 685
	1624	Чудова монастыря Сурож. ст. с. Лукини	24	3	3	8	8	» 685
Звенигородский Русский Старинский Тверской » »	1624—28 1624—26 1624—26 1627	Вотч. Троицкого мон. (всего у.) То же То же Архип. Тверск. Захоч. ст. с. Ст. погост	54 4 ^{1/8} 3 ^{3/8} 3 ^{3/4}	10 14 14 12	?	5,4 0,35 0,2 0,3	?	» 685 » 638 » 845 » 862
	1627	Вотч. Троицкого мон. (вет. Шостка и Кава)	90	12	?	7,5	?	» 871, д. 193
	1627	Вотч. Троицкого мон. (Милулин. стан)	261	14	?	18,5	?	» 874
	1627	Вотч. Троицкого мон. (Милулин. стан)	281	38	?	12,1	?	» 875
Коломенский —	1627—31 —	Вотч. Троицк. мон. (с. Сабурово) Вотч. Троицк. мон. (с. Кишино)	705 435	17 10	29 13	41,5 43,5	24,3 33,4	» 202 » 202

Муромский	1628—29	Вотч. Троицк. мон. (всего уезда)	3 984	196	554	20,3	7,2	» » 284
Переяславский	1628—29	Вотч. Троицк. мон. (всего уезда)	2 394	233	384	10,2	6,2	» » 812, 813
Вере́йский	1628—29	Вотч. Троицк. мон. (всего уезда)	5	14	15	0,35	0,3	» » 1063
Полехонский	1629	Вотч. Троицкого мон. (пог. Подъяблонный)	8	16	31	0,5	0,25	» » 606
Ростовский	1629	Вотч. Троицкого мон. (всего уезда)	105	215	322	0,5	0,3	» » 843
Углицкий	1629—30	То же	847	111	132	7,6	6,4	Угл. п. кн. Врем. Дем. Л. Т. 41—46 А. М. Ю. п. к. 209, 210
Костромской	1630	То же	1 156	102	162	1,5	0,9	П. к. 12608—10
Владимирский	ок. 1640	То же	5 360	209	358	25,6	15	» » 12608
»	—	(всего уезда)	2 394	55	123	43,7	19,4	» » 12608
»	—	Патр. вотч. Сеняжского уезда						» » 12608
Звенигородский	1624—28	Патр. вотч. Баглатевская во- дость, Клеового стана	5 880	125	229	47,5	25,6	» » 12608
Волоколамский	1625—26	Весь уезд (итогои писцов)	72	290	421	0,25	0,17	» » 638
Тверской	1627	То же	201	60	100	3,3	2	» » 613
Вере́йский	1628—29	То же	9 744	564	?	18,2	?	» » 871, 876
Устюженский	1628—29	То же	127/4	112	143	0,1	0,08	» » 606
Углицкий	1628—29	То же	4 080	412	789	9,9	5,1	» » 901
»	—	То же	11 562	1 286	1 921	9	6	Угл. п. к. Врем. Дем. Л. Т. 41—46
Переяславский	1628—29	Новосельский у. (общий про- веренный итог)	942	58	143	16,2	6,5	П. к. 812
Шуйский	1629	Весь уезд (итогои писцов)	18 012	994	1 643	18,1	10,9	» » 11329
Новоторжский	1629—30	» »	2 172	120	288	18,1	7,5	» » 801
Дмитровский	1627—28	То же	8 385	894	2 015	9,3	4,1	» » 877
Костромской	1627—30	10 станов луговой стороны (итогои писцов): Осецкий, Соцкий, Сушовский, Корала, Минский, Козурский, Ап- дронников, Дуплахов, Глос- кини	1 032	2 344	?	0,4	?	» » 10992, 64, 65
Переяславский	1646	Земли, вновь заселенные со времени писма 20-х годов (итогои писцов)	2 230	143	439	15,5	4	» » 815

Уезд	Год	Местность и сечение	Крестьянская пашня	Число		Пашни на 1		Источник
				дворов	душ муж. п.	двор	душ муж. п.	
Костромской	1684—86	Крестьянская пашня 1680 гг. Сушовский стан, поместные земли	7 939	170	619	46,6	12,8	П. к. 218, 219
»	—	Сушовский стан, земли служилых вотчин	4 155	252	837	16,5	5	» » 218, 219
Московский	1685	Поместье стольника Неудинского, д. Мартемьянова . . .	8	2	11	12	2,1	» » 275
Ростовский	1685	Поместье стольника А. А. Коробына, с. Кузьминцано . . .	241	11	54	22	4,4	» » 839
Костромской	1684—86	Сушовский стан, вотчины монасты. и духовенства	4 225	228	523	18,4	8	» » 218, 219
Московский	1685	Вотч. Сп.-Ярослав. мон., с-цо Орлово	42	5	18	8,4	2,4	» » 283
Тверской	1685	Вотч. Гоямского мон., с. Даниловское	60	15	60	4	1	» » 469
Юрьевец-Польский	1685	Вотч. земли Доросевой пустыни	704	70	320	10	2,2	» » 536
Юрьевец-Польский	1685	Вотч. земли Николо-Шартомск. монаст.	444	29	98	15,3	4,5	» » 536
Юрьев-Польский	1685	Вотч. Троицкого монаст., с. Кинобол	712	75	222	42,4	10,1	» » 917
Юрьев-Польский	1685	Вотч. Архангел. мон. в Юрьеве, сс. Кузьминское и Даниловское	2 250	53	619	46,6	12,8	» » 917
Бежецкий	1629 1685	Сравнение 1620 и 1680 гг. Вотч. Троицкого монастыря, с. Присеки с деревнями . .	в четях 1 635 ³ / ₄ 23 950 ⁹ / ₁₆	114 1 425	117 4 705	14,3 16,7	13,9 5	» » 24 » » 324

1629	Бежецкий	Вотч. Новоспасского монаст., с. Градницы с деревнями. . .	221 5 283 ³ / ₄ 627	40 806 103	40 1 021 137	5,5 5,1 4,6	» » »	» 24 » 324 » 627
1629		Вотчины монастырские, Поставельского стана: с. Оляви- дово Троицкого мон., Мед- ведева пустынь, Николо- Песнопольский монаст., с. Ору- дьево Новоспасского мон., с. Новое Перес.-Горницкого мон., сс. Васильевское, Бо- рисово Чудова мон., вотч. земли Дмитровского Бор- Глеб. мон.						
1629	Дмитровский	С. Фаустова гора Иосифо-Во- локоламского монастыря с деревнями	2613 1 ¹ / ₈	388 7	1709 7	6,7 0,14	» »	» 127 » 150
1685		С. Будиново, вотчина Пусторос- левых	210 180 3 ¹⁵ / ₁₆ 470 ³ / ₄	20 16 12 22	86 63 ? ?	2,4 0,03 2,9 ?	» » » »	» 151 » 150 » 151 » 190
1624		С. Демьяново, вотчина Благово- 9 именьей Сухова стана . . .	11 1050 ³ / ₄ 2640	32 95 87	84 319 ?	0,3 11 30	» » »	» 191 » 1096 » 218 и 219
1624		Все тронские вотчины стана Радонска и Белей	13 008 318	388 20	1 658 20	7,8 15,9	» »	» 260 » 275 » 260
1624	Московский	Вотч. Троицк. мон., Горетова стана, сс. Тушино и Снас- ское	572	30	?	?	»	» 283
1627		Д. Остров { пом. Пузырева . .	30	3	4	10	»	» 873
1685	Тверской	{ вотч. Одогурова . .	30	3	23	10	»	» 469
1627		С. Семенов- { Пустобоярова . .	73 ¹ / ₂	5	14	14,6	»	» 873 и 469
1685		ское, вотч. { Ермолова	150	20	83	7,5	»	» 873 и 469
1629		С. Взорное	72	6	11	12	»	» 11329
1685		поместье Кайсаровых	486	28	75	17,3	»	» 461
1629	Шуйский	с. Телешово	144	7	19	20,5	»	» 11329
1685		вотчина Собакиных	291	25	83	11,7	»	» 464
1646—50		С. Козьмодемьянское	1 239	58	250	21	»	» 915
1685	Юрьевский	вотч. Троицкого мон.	1 239	86	333	14	»	» 917

рых дворцовых вотчинах Замосковского края (см. табл. на стр. 334—339).

В общем, принимая во внимание даже относящиеся к первой половине столетия известия о селе Яковлевском-Гарях и Кимрской волости, подворная запашка колеблется между 7,8 и 0,7 десятинами на двор, составляя, в среднем, 3,3 десятины. Средняя запашка на душу мужского пола составляет 1,67 десятины¹. Примеры, которые можно найти в специальной литературе для характеристики крестьянской запашки в дворцовых селах XVI в., показывают, что подворная запашка за XVII в. скорее увеличилась, нежели уменьшилась: в XVI в. размеры этой запашки колеблются между 3,55 и 1,1 десятины на двор. Что же касается пашни, приходящейся на душу мужского пола, то ее размеры довольно близко подходят к только что приведенным: наибольшее количество — 3,5 десятины².

Оказывается, что наибольшие размеры подворной и подушной запашки в Сольгалицких черных волостях довольно близко подходят к наибольшим размерам второй половины XVI в. Но низшая норма, сравнительно с предшествующим временем, значительно упала, понизившись с 8,2 четей до 6,4 на двор в трех полях в Ветлужских станах и до 2,5 четей в Сумерской волости (см. табл. на стр. 335).

Впрочем, при оценке размеров пашни крестьянской в черных волостях в первые десятилетия XVII в. не следует забывать общих политических и экономических условий того времени: в частности, несомненные следы хозяйственной разрухи должна была хранить в 20-х годах Сумерская волость, расположенная в Новгородском крае, в ближайшем соседстве с самым западным из замосковских уездов — Ржевским.

О размерах крестьянской пашни в служилых землях и землях духовенства могут дать представление следующие примеры (см. табл. на стр. 336—337).

Просматривая приведенную таблицу, легко заметить прежде всего большое разнообразие и большие колебания цифр, выражающих

¹ Из перечня дворцовых земель, розданных в вотчины между 1682 и 1700 гг., помещенного в главе V, видно, что роздано всего 16 210 дворов крестьянских и бобыльских и 111 473 чети в поле пахотной земли. Таким образом на каждый двор приходится всего 20,7 четей или 10,35 дес. в 3 полях. Такая высокая цифра могла получиться вследствие того, что в перечне дается не пашня паханая, а, вероятно, все количество земли, годной к обработке, т. е. пашня паханая и перелог. В 80-х годах XIX в. на каждый двор местности, лежащей к северо-востоку от Москвы и ограниченной параллелью и меридианом, проходящими через этот город, т. е. в местности, обнимающей большую часть древнего Замосковья, приходилось, в среднем, 13,6 дес. всей земли на каждый крестьянский двор. Принимая во внимание, что пахотная земля занимает, в среднем, 53,7% всей крестьянской земли в 50 губерниях Европейской России, находим среднюю приблизительную цифру подворной пашни в 7,3 дес. При наличии в 3,15 душ муж. пола в крестьянском дворе получаем среднюю подушную пашню в 2,3 дес. *Фортуатов*, Сельскохозяйственная статистика (М. 1893), стр. 73, 106, 153.

² *Росиков*, Сельское хозяйство, стр. 147—148; для удобства размеры пашни выраженные там в четях, переведены мною в десятины.

размеры крестьянской запашки. Подворная запашка Троицких вотчин Коломенского уезда и патриарших вотчин Владимирского уезда доходит до 43 и 47 четей в трех полях, а пашня на душу мужского пола — до 33,4 и 25,6 чети, между тем как все данные, почерпнутые из описаний западных уездов Замосковья, поражают своей малой величиной.

Большими колебаниями отличаются и размеры крестьянской пашни в служилых землях, а также в крупных всеуездных итогах, которые, хотя и не совсем достоверны по свойственной всем писцовым книгам неточности, однако представляют интерес, так как касаются очень значительных площадей земли. В среднем на двор приходится 12 четей, т. е. 6 десятин в трех полях, а на душу мужского пола — 5,5 четей = 2,75 десятины.

Несколько иную картину представляет крестьянская запашка в 80-х годах XVII в. (см. табл. стр. 338).

В среднем здесь получается 18,6 чети или 9,3 десятины в трех полях на двор и 5,9, т. е. 2,95 десятины, на душу мужского пола, т. е. подворная пашня увеличилась в $1\frac{1}{2}$ раза. Подушная осталась почти без изменений.

Сравнение одних и тех же имений в два разных момента XVII в. может дать еще более наглядный материал для выводов (см. табл. стр. 338—339).

Внимательный обзор последней таблицы еще раз убеждает в том, что подворная запашка неуклонно возрастает в XVII в.: в среднем в помещенных здесь имениях эта запашка поднялась с 12,2 до 14,1 чети или с 6,1 до 7 десятин в трех полях на каждый двор. Что же касается пашни, приходящейся на душу мужского пола, то она не только не удерживается на прежнем уровне, но испытывает даже значительное падение с 6,1 чети или 3 десятин в трех полях до 3,7 четей или 1,75 десятины в трех полях.

Сделанные наблюдения интересно сопоставить с материалом, какой мы имеем для XVI в. В работе Рожкова, на которую мне уж не раз приходилось ссылаться, приводится довольно много примеров, характеризующих размеры крестьянской запашки в Замосковном крае¹. Выводя средние из этих примеров и сопоставляя их со средними для XVII в., мы получим следующие примерные цифры, выражающие количество крестьянской пашни на служилых землях и вотчинах духовенства в Замосковной области.

Цифры даны в десятинах в трех полях.

XVI век

	Пашни на двор	Пашни на душу муж. п.
Служилые земли	2,6	—
Монастырские земли до 1570 г.	4,74	—
» » в 1570—1600 гг.	2,6	—

¹ Рожков, Сельское хозяйство, таблицы на стр. 148—151 для монастырских вотчин; отдельные примеры для служилых земель на стр. 152.

Служилые земли и земли духовенства;

В 1-й половине века	6—6,1	2,75—3,05
Во 2-й » »	7—9,3	1,75—2,95

Отнюдь не преувеличивая точности и достоверности получаемых цифр, я полагаю, однако, что они имеют важное значение потому, что довольно ясно и определенно указывают на последовательный рост подворной крестьянской запашки и на уменьшение запашки подушной в течение XVII в. Эти явления заслуживают внимания. Подворная пашня, падая в XVI столетии, доходит к концу до 2,6 десятины. Уже это указывает на упадок крестьянского хозяйства. Данные первой половины следующего столетия обнаруживают значительное увеличение подворной запашки. Такое явление может быть объяснено скучением населения во дворах, начавшимся со времени обложения по «живущим четвертям» и окончательно упрочившимся в эпоху установления подворного обложения при переписи 1646 г. В результате, во второй половине века подворная запашка дошла до размеров, приблизительно втрое больших, нежели сто лет ранее.

Историю подушной запашки в XVI в. проследить невозможно вследствие известной особенности приемов писцов этого времени, показывавших только дворохозяев. Но в XVII в. ее эволюция совершенно ясна: это определенно выраженное сокращение, достигающее в среднем 20—25%. Такой факт несомненно указывает на дальнейшее понижение уровня обеспеченности крестьянства во второй половине XVII в. Наряду с сильным увеличением общей площади всей пахотной земли, в том числе и крестьянской, происходило уменьшение количества распаханной земли на крестьянскую душу. Так обстояло дело на служилых землях и в вотчинах духовенства. Любопытно сопоставить с этим то обстоятельство, что на дворцовых землях крестьянское хозяйство имело несколько иную судьбу: рост подворной пашни, наблюдаемый в XVII в., не сопровождался здесь сокращением запашки на душу. Подобная разница в судьбе крестьянского хозяйства на дворцовых землях и на землях частных владельцев должна была обуславливаться вескими причинами, стоящими в связи с общими условиями тогдашнего политического и социального строя.

Из предшествующего изложения уже можно почерпнуть некоторые материалы для суждения о взаимном отношении двух форм крестьянской аренды — оброка и барщины — в замосковских уездах XVII в.

Но к тому, что уже известно, недостаток более полных сведений мешает прибавить что-либо новое. Можно считать выясненным, что к концу XVII в. в дворцовых вотчинах оброчное хозяйство сделалось, безусловно, преобладающим, так как государева десятинная

пахалась почти исключительно в подмосковных селах, а со всех тех вотчин, лежавших за пределами столичного уезда, шел посошный хлеб или денежные сборы. Наличность довольно большой, повидимому, барской запашки в служилых землях некоторых западных уездов Замосковья и незначительный рост ее на таких же землях северо-восточных уездов указывают на преобладание барщинного хозяйства в первом из названных районов и хозяйства оброчного во втором. В подтверждение высказываемого мнения о господстве оброчного хозяйства в северо-восточных уездах Замосковского края можно привести и то, что почти все отдельные примеры, знакомящие с хозяйственными порядками нынешних Владимирской, Костромской и отчасти Ярославской губерний в XVII столетии, ставят нас лицом к лицу с хозяйством оброчным. Так, обширная и интересная корреспонденция, которую вел боярин князь Никита Иванович Одоевский со своею Галицкой вотчиной, волостью Нейской, убеждает нас, что хозяйство этой огромной вотчины было исключительно оброчным¹. Крупные вотчины Суздальского уезда, села Мыт и Мугреево, когда-то принадлежавшие князю Д. М. Пожарскому, состояли в 1700 г. при новых владельцах на оброке². Почти несомненное (несмотря на то, что установить его можно только по намекам) преобладание оброчного хозяйства к северо-востоку от столицы чрезвычайно интересно отметить. Наблюдаемое в XVII в., это преобладание показывает, как давно сложились порядки крепостного хозяйства, просуществовавшие до реформы 1861 г.: преобладание оброчного хозяйства являлось, как известно, и в XIX в. характерною особенностью крепостного хозяйства к северу и северо-востоку от Москвы. Пестрая картина, представляемая «подмосковными» столичных и придворных чинов, не изменяется до конца изучаемого времени. Оброчное хозяйство перемешано здесь с барщинным, с некоторым, как, однако, кажется, преобладанием последнего. Недостаток известий, помешавший при изучении барской пахли в южной окраине Замосковья, препятствует и теперь разрешить вопрос о том, приближались ли эти местности к более северным местностям Замосковья, где господствовал оброк, или же, скорее, тянули к южным, расположенным за Окою областям, где превосходные для земледелия условия с самого начала дали перевес барщине. Все, что сейчас сказано о поместьях и служилых вотчинах, может, думается мне, быть отнесено и к вотчинам духовенства, хозяйственные порядки которых, в целом, представляют настолько пеструю картину, что выяснение ее деталей потребовало бы особого исследования. Весьма возможно, что такое исследование, для которого я не имею достаточного материала, выяснило бы относительное преобладание оброчного хозяйства по мере удаления к северу. Не будучи, однако, в состоянии чем-либо подкрепить такую мысль, я высказываю ее здесь только как предположение.

¹ Арсеньев, Боярин князь Одоевский. Приложения. Чт. О. И. и Др. Р. 1903 г., № 2 и отдельно.

² Всес. библ. им. Ленина, № 1642.

Остановлюсь еще на видах и размерах платившегося населением оброка. Оброк вносился натурой и деньгами. Очень часто, повидимому, он был смешанным ¹.

Таким, например, был в 70-х годах оброк, платимый жителями села Андреевского Переяславского уезда в Большой дворец. С этого села шли следующие сборы, помимо государственных которые поступали независимо от них:

И. Денежные доходы с живущих вытей (числом 20^{2/3})

1. За мелкий доход	3 руб.	3 алт.	3 ден.
2. Скатертного		14 »	5 »
3. За солому		20 »	4 ^{1/2} »
4. За посошный корм		7 »	1 ^{1/2} »
5. За постельнич. доход	1 »	29 »	1 ^{1/2} »
6. Пошлины дьячки и дворецкого		10 »	3 »
7. Приказчиков доход	2 »	1 »	1 »
8. За ягоды	1 »	— »	5 »
9. За столовые запасы	3 »	4 »	1 ^{1/2} »
10. За сennую возку	6 »	13 »	2 »
11. За наметное, полтевое, свежее мясо (рождественск. мясоеда)	11 »	10 »	6 »
12. На дворцовые прибылые расходы	33 »	10 »	4 »
13. С 13 дворов бобыльских	1 »	12 »	1 »
14. Оброка за покосы	9 »	29 »	2 »

Всего денежных сборов 75 руб. 1 алт. 3^{1/4} ден.,

т. е. около 3 руб. 60 коп. на выть.

II. Сборы натурой

Столовые запасы: 89 баранов,	12 гусей,
15 ^{3/4} сыров,	1 ^{5/16} четвертей орехов,
98 яиц,	1 ^{1/2} ведра сметаны ² .

Село Клушино в то же время платило сборов 46 руб. 8 алт. 4^{1/4} ден. При 6^{1/8} выти в этом селе это составляло от 7 до 8 руб. на выть и, кроме того, 97^{1/3} саж. оброчных дров березовых и с выти укосного сена по 24^{5/8} копны ³. Мунтская волость Белозерского уезда (2^{1/2} вытей живущих) вносила 9 руб. 24 алт. 4 ден. (по 3,79 руб. с выти) при обязанности ловить рыбу на обиход государя ⁴. Другие оброчные села и волости несли сверх оброка еще особые повинности, например, должны были высылать в подмосковные села косцов ⁵, возили сено для государевых конных дворов ⁶. На землях

¹ Одновременное существование оброка натурой и денежного, с признаками постепенного вытеснения первого последним, замечается еще в XVI столетии. *Рожков*, Сельское хозяйство, стр. 238.

² Фонд. А. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 29; другие примеры: Сборник архивов, выпуск о Петре Великом, II, стр. 192—200.

³ Фонд. А. М. Дв., М. о., оп. 38/648, д. № 40.

⁴ Там же, д. № 30.

⁵ Другой пример: Суздальский уезд, с. Дунилово: с выти по косцу. Доп. к А. И., X, № 88.

⁶ П. к. 970, лл. 144—145. Из Тургинова в с. Ярополч.

частных лиц было то же смешение денежных сборов с натуральными, а также со всякими сверхоброчными повинностями крестьян в пользу владельцев. С упомянутых выше суздальских вотчин князей Долгоруковых, кроме денежных сборов, шли «оброчные бараны»¹. В иных случаях упоминаются «оброчные новины», скот² и т. д. Князь Никита Иванович Одоевский, собиравший со своей Нейской вотчины денежного оброка по 5 руб. с выти, независимо от «оброчного мяса» и тому подобных припасов, в то же время пользовался крестьянами своими в качестве плотников, вызывая их для этого в Москву³. Что делали большие бояре, в том подражали им и более мелкие помещики. В челобитной крестьян, поданной во второй половине века одному не крупному землевладельцу, находим жалобу на то, что тот «изволил сирот своих продержать на работе своей боярской» (в подмосковной вотчине), с просьбой отпустить их домой, потому что в противном случае «оброку твоего боярского взять будет негде»⁴. В постоянном сочетании оброка денежного и оброка, вносимого натурою, причем денежный сбор часто, как например, в сборах с села Андреевского, положен за прежние натуральные сборы, т. е. заменил их, чувствуется указание на постоянное взаимодействие натурального и денежного хозяйства и на неуклонное вытеснение первого последним. Сверхоброчные повинности в оброчных хозяйствах, видимо, широко распространенные во второй половине XVII в., также не лишены значения — это явное последствие усиления крепостного права, которое наложило на тяглое крестьянское население обязанности, прежде свойственные одним холопам.

За пределами пахотных и других угодий, находившихся в непосредственной землевладельческой эксплуатации, тянулись обыкновенно обширные ненаселенные угодья, пустоши, покрытые лесом, занятые лугами, в которых, однако, земля часто бывала вполне годна для земледельческой обработки. Большое количество пустошей замечалось до самого конца изучаемого времени. Пустая, никем не эксплуатируемая земля была бременем в руках ее владельцев, и, вполне естественно, возникала мысль о ее использовании. Внутренняя земледельческая колонизация, приводившая к основанию новых селений, расчистке леса и распашке полей и давшая столь заметные к концу века результаты, была, конечно, наиболее энергичной и плодотворной формой эксплуатации ненаселенных пространств. Но даже там, где подобная земледельческая колонизация шла наиболее успешно, все же оставалось много пустой, но вполне годной к хозяйственной эксплуатации земли. Такая земля могла отдаваться

¹ Всес. библ. им. Ленина, № 1642.

² Чт. О. И. и Др. Р. 1859 г., кн. 2, стр. 44. Акты о быте помещичьих крестьян в XVII в.

³ Арсеньев, Кн. Н. И. Одоевский. Приложения, стр. 48, 51—53. О том, как собирались оброки в вотчинах больших бояр см. также Забелин, Большой боярин. «В. Европы» 1871 г., № 1, стр. 23—27.

⁴ Чт. О. И. и Др. Р. 1869 г., кн. 4.

владельцами соседним помещикам и вотчинникам, а чаще всего такие земли давались на различных условиях крестьянам, и относительно порозжих земель поместных, т. е. служилого фонда, находившегося не в раздаче, вместо собственника — государства выступали писцы, которые имели инструкции отдавать такие земли в оброк.

Здесь расчищался лес, косили сено, возникала «наезжая» пашня. Иногда земли отдавались в долголетнюю аренду. В иных случаях договор заключался на время одного севооборота, т. е. на три года. Наконец, чаще всего, как кажется, обходились вовсе без формального договора и плата за держание земли вносилась за каждый год, пока владелец земли и ее сьемщик находили такой порядок выгодным.

Вот несколько характерных примеров подобной эксплуатации ненаселенных угодий. Писцы Серпуховского уезда отдали на оброк Высоцкому монастырю с 7131 г. на 4 года 7 пустошей, всего 265 четей в поле; за полосы монастырь должен был платить по 2 гривны в год¹. Немного позднее, в 60-х годах, находим в Звенигородском уезде участок в 71 десятину (из них 19 — пашни), который крестьяне боярина М. М. Салтыкова нанимали у Вознесенского монастыря за 13½ руб. в год. Там же 3 пустоши снимал у Гостунского собора шатерничий Кузовлев. 11 десятин (8 — пашни паханой) и участок поверстного леса, принадлежавшие Можайскому Якиманскому монастырю, состояли за крестьянами крутицкого митрополита с платой по 13 алтын в год². В стане Почереве Московского уезда писцы 20-х годов нашли пустошь, что была погост Никольский-Мытища на реке Пехорке, «а владеют пустошью князь Андреевы крестьяне Голицына, деревни Яковлевой, из оброку, а сказали, что они оброк платят на патриарший двор»³. В соседнем Каменском стане «стоял без пенья» погост Рождественский на Улупове, «а пашню пашут на том погосте князь Федоровы крестьяне Козловского, деревни Зюзина, Омелка Клементьев с товарищи, из оброку, а оброк, сказал, платят на патриарший двор»⁴. Там же, в Бибикове стане, описаны 9 пустых поместий: из них в 8 — упоминается наезжая пашня, вероятно, принадлежавшая крестьянам ближайших селений⁵. То же явление во Владимирском уезде, где также отмечен пустой погост, отдаваемый «внаймы» крестьянину⁶.

Наказы приказчику, управлявшему вотчинами Суздальского Покровского монастыря, предписывали сдавать монастырским крестьянам пустые выти из 3-го, 4-го или 5-го снопа, чтобы «монастырские села не пустели и земля бы не запереложела»⁷. Отдача земель

¹ П. к. 439, лл. 345—348.

² П. к. 11462, лл. 17—21.

³ П. к. 261, л. 238.

⁴ П. к. 261, л. 130.

⁵ П. к. 261, л. 309—317.

⁶ П. к. 12606, лл. 239—240.

⁷ А. А. Д., III, № 217 (1632 г.), IV, № 67 (1653 г.).

на оброк сохраняется и в конце века — о пашне в порозжих обводных землях говорят, например, Дмитровские книги 80-х годов ¹.

Большой дворец поступал подобным же образом и также старался отдавать на оброк лежащие в пусте земли дворцового ведомства. Вот примеры: за крестьянами князя Буйносова Ростовского состояла дворцовая пустошь Рузского уезда — 1 десятина пашни паханой и 10 десятин леса с платой по 2 гривны в год; там же четырьмя пустошами (87 коп. сена и поверстный лес) владел крестьянин с платою тех же 2 гривен. Крестьяне вотчин князя И. С. Прозоровского держали на оброке в 5 руб. в год одну большую дворцовую пустошь с 20 десятинами пашни, 1000 коп. сена и значительным участком поверстного леса ². В четырех губах-волостях Новоторжского уезда: Теребенской, Горицкой, Зашегринской и Прутенской в подобном оброчном владении находились в 1664—1665 г., до поселения в уезде корел, 88 пустошей за плату в 11 рублей 30 алтын 4 деньги ³.

XVII столетие есть век усиленного роста крепостной зависимости сельского населения от помещиков и вотчинников. Тем интереснее поставить вопрос, мог ли при этих условиях существовать еще и наемный сельскохозяйственный труд. Несколько справок в источниках помогут нам разобраться в этом деле. В Котицкой волости Ржевского уезда упоминается по описанию 20-х годов деревня, «а в ней бобыли кормятся по миру, а иные по наймам» ⁴. В Троицкой вотчине Углицкого уезда селе Прилуках, числилось в то же время «17 человек безместных бобылей, которые в той волости и по заволостью кормятся работою своею, дворов у них своих нет, живут по чужим дворам» ⁵.

Из этих примеров видно, что в качестве наемных работников встречались представители самых бедных слоев сельского населения, что ниже наемного труда было только нищенство. У кого жили и на кого работали эти наемники, в данном случае неясно. Из других источников узнаем, что наемные рабочие бывали кое-где у крестьян: в уставной грамоте, данной в 1685 г. вотчинным крестьянам домового патриаршего Борисоглебского монастыря в Переяславском уезде, назначается по 2 деньги явки в пользу монастыря за каждого наемного человека с нанявшего его крестьянина и, кроме того, поручительство, «чтобы от него какого худа не учинилось» ⁶. Далее есть указания на существование наемного труда в монастырских хозяйствах: в только что возникшей в Ростовском уезде Акакиевой пустыни числился в 1685 г. «двор скотий, а в нем наемные люди». ⁷ В вотчине Никольского Чернораменского монастыря

¹ П. к. 127, л. 489.

² П. к. 11462, лл. 2—6.

³ П. к. 11462, лл. 39—118.

⁴ П. к. 834, л. 191.

⁵ Врем. Демид. лицей, тт. 41—46. Углицкие писц. кн., стр. 157—182.

⁶ Г. К. Э. по Переяславлю, № 650/9347.

⁷ П. к. 839, л. 301.

Уезды	Вид землевладения	Год	Количество возделанной земли и передога (в четлах в поле)	Относительное количество возделанной земли и передога (в %)	Источник
Московский					
Горетов стан	{ поместья вотчины	1624—25	1249 901	15,7 20	П. к. 685
Сурожский	{ поместья вотчины	1624—25	439 496	16 14,1	
Манатин »	{ поместья вотчины	1624—25	666 545	12,4 18,9	
Бохов »	{ поместья вотчины	1624—25	127,5 539	2,5 25,7	» » 9807
Ратуев »	{ поместья вотчины	1628—29	310 237	17,1 21,1	
Боровский (весь)	{ поместья вотчины	1629—30	1948 1352	9,8 15,1	» » 10326 (итоги писцов)
Гороховецкий	{ поместья вотчины	1627—28	1357 93	27,6 35,6	
Кушленская вол.	{ поместья вотчины	1685—86	1760 452	95,6 100	» » 116 » » 627 » » 127
Дмитровский	{ поместья вотчины	1629	201 390	6,5 12,2	
Повельский стан	{ поместья вотчины	1685	761 3150	24,3 56,25	
Звенигородский (весь)	{ поместья вотчины	1624—25	241 361	1,2 3	» » 638 (итоги писцов)

Клиский	поместья . . .	1685	152	105	60	40	» » 191 (цифры, проверенные подсчетом)
(часть, описанная в книгах 80-х годов)	{ вотчины }		586	55	91,5	8,5	
Костромской	поместья	1627—30	1 067	33 553	2,9	97,1	» » 10992, 10964, 10965 (итоги писцов)
(10 станом луговой стороны)	{ вотчины }		4 566	9 639	33	67	
Переяславский	поместья	1628—29	122	675	15,3	84,7	» » 812 (цифры, проверенные подсчетом)
Новосельский ст.	вотчины		30	79	12,1	72,9	» » 833 (итоги писцов)
Ржевский	поместья	1624—25	285	25 613	1,1	98,9	
(кн. Дмитриева по ловина)	{ вотчины }		50	2 867	1,6	98,4	
Ростовский	поместья	1629	199	1 364	12,7	87,3	838 { (цифры, проверенные подсчетом)
Сотемский стан	{ вотчины }		371	1 906	16,3	83,7	839 {
	{ поместья }	1685	894	1 011	58,3	41,7	
	{ вотчины }		2 342	515	82	18	
Старинский (весь)	{ поместья }	1624—26	654	47 862	1,3	98,7	} П. к. 862
	{ вотчины }		6 386	7 977	4,6	95,4	
Суздальский (весь)	{ поместья }	1628—30	23 050	72 352	24,2	75,9	} » » 11319, 11320 (итоги писцов)
	{ вотчины }		11 504	11 318	50,4	49,6	
Тверской (весь)	{ поместья }	1627	2 399	19 388	11	89	} » » 875
	{ вотчины }		3 647	8 539	29,9	70,1	
Суземский стан	{ поместья }	1685	56	60	48,3	51,7	} » » 469 (цифры, проверенные подсчетом)
	{ вотчины }		339	407	49,1	50,9	
Новоторжский (весь)	{ поместья }	1629—30	706	34 200	2	98	} » » 801 (итоги писцов)
	{ вотчины }		273	5 915	4,4	95,6	
Углицкий (весь)	{ поместья }	1628—29	3 318	38 216	8	92	} Писм. кн. Угл. у. во Врем
	{ вотчины }		2 170	9 578	19,2	80,8	
Шуйский (весь)	{ поместья }	1629	3 729	10 066	27	73	} Демид лип. т. 46, стр. 615—619
	{ вотчины }		1 033	2 195	32	68	

Балахнинского уезда работали из найма крестьяне окрестных дворцовых волостей, а также приходившие из Нижегородского и Юрьевского уездов¹.

В подмосковном селе Измайлове, принадлежавшем при Алексее Михайловиче к числу дворцовых, широко применялся наемный сельскохозяйственный труд. Во время жатвы одних наемных жнецов бывало до 700².

Наконец наличие наемного сельскохозяйственного труда, и притом в довольно значительных размерах, заметно в вотчинах знаменитого дядьки царя Алексея, боярина В. И. Морозова.³

Перечисленные примеры показывают, что наемный сельскохозяйственный рабочий встречался до самого конца столетия в дворцовых и в монастырских хозяйствах, а также и в хозяйстве зажиточных крестьян. Весьма вероятно, что были случаи, когда наемный труд, несмотря на быстрое усиление крепостной зависимости в эту эпоху, применялся и в хозяйстве служилых помещиков и вотчинников. К сожалению, я не могу привести конкретного примера, который бы подкреплял такое предположение.

В заключение будет уместным сделать сравнение хозяйственного состояния и размеров сельскохозяйственного производства двух главных видов служилого землевладения — поместий и вотчин.

Освещение этого вопроса прибавит несколько существенных черт к общей картине сельскохозяйственной жизни Замосковского края в XVII в. Таблица на стр. 348—349 дает понятие об относительном количестве возделанных земель в поместьях и вотчинах в ряде уездов исследуемого края.

Во всех случаях, кроме одного (Московский уезд, Сурожский стан), возделанные поля на вотчинной земле превосходят пахотные угодья в поместьях. Это одинаково относится ко всем местностям Замосковья и простирается на весь изучаемый период времени. Едва ли мы здесь имеем дело с явлением случайным. Постоянный и везде наблюдаемый перевес вотчин над поместьями в отношении состояния и ведения хозяйства не показывает ли, что служилые землевладельцы гораздо охотнее и настойчивее развортывали хозяйство в вотчинах, нежели в поместьях?

Несмотря на неуклонное увеличение вотчинного землевладения в течение всего XVII в., невзирая на то, что фактически в конце века поместное владение почти ничем от вотчинного не отличалось, служилый землевладелец по старой привычке гораздо крепче себя чувствовал на своей собственной земле и энергичнее вел ее обработку.

Сказанное подтверждается некоторыми другими соображениями. Если проследить, на каких землях располагались землевладельческие хозяйства, то придется сделать вывод опять-таки в пользу

¹ Г. К. Э. по Балахне, № 34/401.

² *Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, стр. 8.

³ *Забелин*, Большой боярин. «Вестник Европы» 1871 г., № 1, стр. 47—49.

вотчинных земель, потому что пустые поместные участки встречаются гораздо чаще, нежели пустые вотчинные¹. Замечается также и другое явление: если в известной местности одному лицу принадлежат земли на разном праве, то его хозяйство, т. е. усадьба и пахотные угодья, чаще всего находится на вотчинной земле. Подобные случаи встречаем мы в описании Клинского уезда, составленном в 1685 г. В смешанных имениях усадьбы расположены на вотчинных участках². Ранее, в 20-х годах, те же явления: так например, хозяйство А. И. Засецкого, владевшего в Гороховецком уезде одними частями сельца Богородского как вотчиной, а другими — как поместьем, было расположено на вотчинной земле. Еще пример: все хозяйство П. Кудаява, помещика и вотчинника сельца Палицына, было расположено на вотчинной земле, где стояли двор вотчинников, двор приказчиков, два двора крестьянских и один бобыльский и 10 четей в поле пашни, между тем как на поместной земле была только 1 четь в поле наезжей пашни, а все остальное было под перелогом и лесом³.

В общем, вотчинное землевладение не только количественно поглощает поместное, но и в хозяйственном отношении до конца изучаемого времени остается наиболее крепким и способным к процветанию видом служилого землевладения, сохраняя положение, принадлежавшее ему во все время совместного существования поместного и вотчинного землевладения⁴.

Изучение форм и размеров сельскохозяйственного производства в Замосковном крае должно, кажется мне, привести к следующим выводам: обширное дворянское хозяйство, стоящее особняком от хозяйства служилых людей и духовенства, принимает к концу столетия довольно определенные формы с довольно ясно обозначившимся преобладанием оброка над барщиной. Наоборот, сельское хозяйство духовных властей представляет, повидимому, значительно меньше определенности.

Монастырская пашня возникает в одних местах, исчезает в других. Оброчные вотчины и вотчины, сидящие на барщине, располагаются рядом одна с другой. Источники не дают возможности сделать полную характеристику монастырского хозяйства, но побочные соображения и отличительные свойства истории монастырского землевладения наводят на мысль, что и хозяйство монастырей и вотчин епископских кафедр останавливается в своем развитии, подобно тому, как под влиянием разнообразных обстоятельств

¹ Примеры: Дмитров 1685 г., Повельский стан — хозяйства на 15 из 25 поместных участков и на 25 из 33 вотчинных, п. к. 127. Тверь 1627 г. — по всему уезду помещичьи хозяйства на 45 уч. из 160 и вотчинные на 81 из 250, п. к. 871—876. Переяславль 1628 — 1629 гг., Новосельский ст. — помещичьи хозяйства на 7 уч. из 12; вотчинные хозяйства на всех описанных вотчинных участках, п. к. 350, лл. 133—340.

² П. к. 191, лл. 1—404.

³ П. к. 638, лл. 46—146.

⁴ Ржевков, Сельское хозяйство, стр. 452—462.

останавливается в XVII в. рост недвижимой собственности духовенства.

Развитие монастырей и владычных вотчин кончается. Будущность принадлежит другим. На это ясно указывает хозяйство служилых людей. Если прогресс пашни монастырской мало заметен, то барская пашня на служилых землях, во всяком случае, не падает; есть местности, где, наоборот, к концу века заметно ее увеличение. При этом хозяйство в вотчинах сохраняет постоянный перевес над хозяйством помещиков, что получает особое значение, если припомнить рост вотчинного землевладения за счет поместного в течение всего века. В распределении «изделия» и оброка по отдельным местностям намечается, повидимому, порядок, сохранявшийся в общих чертах в продолжение XVIII и первой половины XIX столетия и характеризующий господством оброка в местностях к северо-востоку и отчасти к северу от Москвы. Что касается хозяйства подавляющего по своей численности класса населения — крестьян, то в нем мало благоприятных признаков. Значительное увеличение запашки на двор объясняется причинами чисто внешними и стоит прежде всего в тесной связи с огромным ростом подворного населения. Увеличение подворной запашки не соответствует изменению в запашке подушной. Сохраняясь у дворцовых крестьян в том же приблизительно размере, как и в XVI в., она падает у крестьян монастырских и живших на землях помещиков и служилых вотчинников.

Из всех сделанных наблюдений признаки относительного роста и процветания вотчинного хозяйства и падение подушной крестьянской пашни на землях служилых людей и духовенства представляется мне имеющими наибольший интерес. В истории русского общества за XVII в. взаимные отношения двух слоев сельского населения — дворян и крестьян — занимают центральное место. Отмеченные выше перемены, касающиеся явлений сельскохозяйственной жизни обоих слоев населения, не могут не стоять в связи с их взаимными отношениями вообще и с состоянием всей социально-экономической жизни Замосковья. Однако для полного выяснения вытекающих отсюда вопросов необходимым представляется предварительно выяснить, каково было значение сельского хозяйства в ряду других ресурсов крестьянского населения и какова была тяжесть лежавших на нем повинностей.

III

Домашняя сельская промышленность в ее первоначальном чистом виде, когда каждое хозяйство удовлетворяет всем своим потребностям и в то же время не производит никакого обмена, была уже явлением далекого прошлого для русской деревни XVII в. Присматриваясь ближе к течению деревенской жизни этого времени, вполне убеждаешься, что занятие всякого рода промыслами, как издавна существовавшими, так и вновь возникавшими, бывало

рассчитано не на одно только собственное потребление. Исключая вовсе посадских людей, сельская промышленность, как и сельская торговля находились в замосковных уездах в руках различных элементов: во-первых, тяглового, т. е. крестьян и бобылей, во-вторых, нетяглового, т. е. холопов, и, наконец, иногда, дворян, приказных людей и даже духовенства. Рассмотрим, насколько в них участвовали те и другие. Это удобнее всего сделать, изучив важнейшие центры сельских промыслов.

Одним из таких центров могли быть окрестности городов. Подгородные селения очень часто носят торгово-промышленный характер, состоя в связи и составляя как бы продолжение самого города. Однако оказывается, что подмосковные, например, селения вовсе не отличались оживлением ремесел и торговли. Миновав торгово-промышленные сотни и слободы, опоясывавшие столицу, можно было в ближайших селах и деревнях найти лишь очень немного следов каких-либо промыслов, да и то они, повидимому, не находились в руках крестьян. Так например, в расположенной у реки Москвы патриаршей оброчной слободке Лужниковской в числе жителей можно было найти овчинников, рыбаков, «чюлошницу», зеленщиков, портных, извозчиков¹.

Под Москвой довольно часто встречаются известия о кирпичном производстве, но кирпичниками оказываются непашенные бобыли подмонастырских слободок, как например, в слободке Дубровка, крутицкого митрополита², или же московские посадские люди, снимающие кирпичные заводы в аренду: так было, например, у Данилова монастыря, где в 80-х годах существовали «строены на кирпичное дело сараи»³, или, наконец, даже представители духовенства: «На реке на Москве у Воробьевых круч церковь Андрей Стратилата... да на ее церковной земле сарай, а в нем жгут кирпиче, сарай попа Ивана Кондратьева, а в нем кирпич жжет сам поп на продажу, да другой сарай попа Алексея Денисова, да в том же сарае жеребей дяконов, и тот жеребей в споре у попа Алексея с церковным дячком Тимошкой Ивановым». Поп Алексей, впрочем, отдавал свой сарай «на оброк в наем торговому человеку Ивану Истомину»⁴. Сельских тяглецов — крестьян или бобылей — среди подгородных ремесленников-торговцев не видать: они сидят на пашне. Такое положение дел будет понятным, если припомнить отношение правительства в изучаемую эпоху к занятию крестьян промыслами и торговлей⁵. Принцип, по которому торговля и промыслы должны были оставаться привилегией исключительно посадских тяглецов, нигде так ярко не сказался, может быть, как в судьбе сельских

¹ П. к. 9807, л. 848.

² П. к. 685, 9806, л. 1009: «Крутицкого митрополита слободка Дубровка непашенная, а в ней живут непашенные бобыли, а кормятся в сараях кирпичною работою».

³ П. к. 275, лл. 668—669.

⁴ П. к. 9807, лл. 77—78.

⁵ См. об этом у Липто-Данилевского, Организация прямого обложения, стр. 164—178.

жителей другой подгородной местности, расположенной в довольно оживленном уголке замосковной провинции. Население некоторых деревень Бежецкой вотчины Троицкого монастыря, расположенных в непосредственной близости к городу Городецку (ныне Бежецку), состоявшее из непашенных бобылей и крестьян, издавна занималось торговлей и промыслами, отчасти в деревнях, отчасти в самом Городецком посаде, записываясь там в тягло вместе с посадскими людьми. Занятия этих крестьян были очень разнообразны. Они занимались изделiem и продажей кос, серпов, сошников и топоров, торговали хлебом, скупали и выделывали кожи и овчины, торговали сукном, холстом, пенькой, салом, мясом, «ершами и рыбою», «шапки мужские» продавали, «приторговывали, что по рукам попадется», «торговали отъезжим торгом» по другим городам и занимались перевозкой товаров, извозом и отъезжими промыслами: «к городу Архангельску ездит пеньку и сало скупает», «извозничает и к Москве под извоз наймется», «в Новгородский уезд ездит для рыбы и всякого промысла». В общем — картина большого торгово-промышленного оживления. Некоторые не переставали, впрочем, и крестьянить: «и хлеб припахивают». И вот всему этому благополучию настал конец: указом 8 мая 1650 г. этих конкурентов посадских людей было приказано возвратить к крестьянской работе, прекратив торговлю и закрыв лавки¹. То же случилось и в промышленных дворцовых селах Суздальского уезда: в 1665 г. дворцовых крестьян села Дунилова, поселившихся и промышленявших в Шуе, велено было «вывести в село Дунилово на прежние их тяглые жеребьи»².

Само правительство, таким образом, препятствовало развитию торговли и промышленности среди подгородного крестьянства, насильственными мерами удерживая его на одной пашне.

Из подгородных местностей единственными, где довольно свободно развивались среди крестьян, по крайней мере, ремесла, были подмосковные дворцовые села, как известно, длинной вереницей расположенные вдоль течения реки Москвы: так например, перепись 1646 г. упоминает о каменщиках-специалистах в селе Верхнем Мячкове и о котельниках в селе Быкове³.

Другими внегородскими местами, где, сравнительно, развиты были промыслы и торговля, бывали подмонастырские слободки, расположенные по большей части вблизи многочисленных русских обителей. Одними из самых крупных центров подобного рода в Замосковном крае были село Клементьевское — зародыш позднейшего Сергиевского посада, расположенное у ворот Троицкого монастыря, и Осташковская слобода (ныне город Осташков, Тверской губернии), составлявшая пополам собственность патриарха и Иосифова Волоколамского монастыря. За XVII столетие сохранились целых

¹ П. С. З., I, № 35.

² Гарелин, Акты Шуи, № 93.

³ Переп. к. 9809.

три описания села Клементьевского¹. Все описания свидетельствуют о торговом характере этого села и, вместе с тем, дают понятие о существовавших в нем ремеслах и промыслах: кроме обычных, везде встречавшихся видов ремесленников, здесь были иконописцы, сусальные мастера, серебрянники, оловяники, судописцы, бронники, уздечники, седельные мастера, изразечные мастера, резцы, котельники и т. п.—словом, в слободе была в наличии почти вся торговля и промышленность среднего донетровского города. Если же рассмотреть происхождение и состав всех торговцев и ремесленников села Клементьевского, то окажется, что и в этом отношении село, сохраняя особенности, вызываемые его принадлежностью монастырю, также более походит на город. Население его, доходившее в 80-х годах до 1060 дворов, состояло, во-первых, из низших разрядов служилых людей — стрельцов и пушкарей, заведенных там, кажется, со времени осады, а во-вторых, из монастырских слуг, служебников и детенышей. В руках этих элементов и находилась вся торговля и промышленность села. О крестьянах в селе нет речи; о существовании их напоминают разве только детеныши, которые, по описанию 1624—1625 гг., все были набраны из среды крестьян окрестных монастырских вотчин Московского и Переяславского уездов. Подобная же картина открывается из двух имеющихся описаний Осташковской слободы². Большая торговая Осташковская слобода, хотя и не значилась в числе посадов Московского государства, но еще более походила на город, нежели село Клементьевское. Главными предметами торговли, сосредоточенной в обширных торговых рядах, были, повидимому, хлеб и рыба. Что касается населения, то из 426 дворов его 398 принадлежали непашенным монастырским бобылям, рыбным ловцам и другим лицам, примыкавшим к разряду монастырских слуг и т. п. Крестьянских дворов в обеих половинах слободы насчитывалось только 14. Что мы видим в этих двух очень крупных слободах, то представляли, приблизительно, и другие монастырские поселения аналогичного характера³.

Таким образом в большинстве пригородных местностей Замосковных уездов, и в поселениях, по характеру своему приближавшихся к городским, участие крестьян в торговле и промыслах оказывалось ничтожным. Это не значит однако, чтобы в Замосковном крае не было совершенно крестьянской торговли и промышленности. Известные природные условия, как например, недостаток удобной земли для обработки, оживляющие местность торговые пути — все это могло вызвать со стороны местного сельского населения извест-

¹ 1616 г.: п. к. 258, лл. 71—72; 1624—1625 гг.: п. к. 260, лл. 141—156; 1685 г.: п. к. 275, лл. 14—80; кроме того есть еще одно описание, относящееся к XVI в.: п. к. М. г., I, 1, стр. 286. О с. Клементьевском см. Чт. О. И. и Др. Р. 1877 г., кн. 2.

² 1624—1628 гг.: п. к. 834, лл. 279—303; 1678 г.: переп. кн. 12367, лл. 271—303.

³ Прим.: слободка подмосковного Симонова монастыря (Васильцова стана): п. к. 685, лл. 1117—1205; Серпухов. Высоцкого монастыря д. Заборье: п. к. 439, л. 202. Слободки, подмосковных Новинского и Новодевичьего монастырей (Горетова стана): переп. к. 1646 г., № 9809.

ную предприимчивость и поддержать ее, невзирая ни на какие правительственные и иные стеснения. Намеки на довольно оживленную промышленность и торговую деятельность крестьянского населения встречаются в нескольких местностях исследуемой области. Ближайшей из таких местностей к столице была восточная часть Московского уезда, местность, расположенная по реке Клязьме и составлявшая Вохонскую волость, когда-то собственность удельного князя Старицкого, Владимира Андреевича, а в 60-х годах XVI в. — вотчина Троицкого монастыря. Среди крестьян и бобылей этой волости встречаются уже с 1624 г. разного рода ремесленники. В селе Павловском находился торжок, «а на том торжку 30 лавок да 20 скамей, а в тех лавках торгуют той же Вохонской волости крестьяне». Кроме того многочисленные, расположенные по р. Клязьме мельницы создавали в Вохонской волости значительное мукомольное производство¹. Таким образом, еще в первой половине XVII в. намечался промышленный район по р. Клязьме. Крестьяне — промышленники и торговцы заметны и в соседних Владимирском, Юрьевском и Суздальском уездах. Лесные южные волости Владимирского уезда; Муромское сельцо, Тумская, Тугалесская, Мичевская, Польская, Кривандинская, Вышелесская — были известны своими изделиями из дерева, преимущественно, повидимому, относившимися к экипажному производству, частям сруби и т.п. Этот промысел был известен даже Большому дворцу. В 1630 г. бывшим дворцовым крестьянам этой волости было приказано сделать «на государев конюшенный обиход к колымагам 15 крюков больших да к коптанам десятеро полозье больших дубовых да 60 тесниц дубовых пяти сажень, да 5 досок липовых трех сажень, да к санем оглобли и дуги вязовые»². В Суздальском уезде, видимо, уже процветало занятие иконописью. Иконописцы ходили расписывать и реставрировать иконы по всему московскому государству и доходили до далеких украинских городов³. В дворцовом селе Симе Юрьевского уезда, по переписи 1646 г., население состояло из одних «непашенных крестьян», которые, конечно, могли заниматься только какими-нибудь промыслами⁴. В 1661 г. крестьяне Суздальского Покровского девичьего монастыря сосредоточивали в своих руках всю торговую и промышленную деятельность города⁵.

Таким же промышленным центриком была дворцовая (до 1683 г.) беспашенная слободка Холуй Суздальского уезда⁶. Среди крестьян этого уезда уже в 20-х—30-х годах встречаются настоящие богачи из крестьян, которые владели, как выше выяснено, целыми

¹ П. к. 260, лл. 240—258.

² Столб. Разряд. прик. № 58, лл. 407—408.

³ Гарелин, Акты Шуи, № 69 и 70. О других местах Суздальского края, с более развитой промышленностью, см. Лапто-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 165—166.

⁴ Переп. к. 12467 (без пагинации).

⁵ Корсаков, О формах промышленности и о назначении домашнего производства в зап. Европе и России, стр. 110 (М. 1861).

⁶ Фонд А. Мин. Дв., Мос., отд., оп. 38/648, д. № 47.

деревнями, значившимися за их господином: так например, приказный человек вотчины князя Хованского, села Пестякова, владел 6 дворами своих собственных деловых людей¹. Наиболее вероятным источником подобных крестьянских богатств были промыслы и торговля. Изложенные примеры показывают, что торгово-промышленный характер, составляющий и теперь особенность Ивановской области, был довольно определенно выражен еще в первой половине XVII в., причем торговцами и промышленниками выступали здесь сельские тяглецы как дворцовых, так и всякого вида частновладельческих земель. Еще есть известие, что в Кимрской волости Капинского уезда существовал в 1653 г. сапожный промысел². Кильбургер сообщает еще о существовании казенного железного завода в селе Павловском, расположенном по дороге из Москвы в Клин³. В имеющихся у меня источниках нет указаний на существование других местностей со сколько-нибудь заметной крестьянской промышленностью и торговлей, за исключением выше приведенного случая, относящегося к Бежецкому уезду, лежавшему на пути из Новгорода в Ярославль. Однако нельзя отрицать возможности, что и на других больших торговых путях того времени, например, в Ярославском крае, могла развиваться промышленная и торговая деятельность местного крестьянства.

Говоря о различных занятиях, которые составляли ресурсы крестьянского населения при его основном занятии — сельском хозяйстве, нельзя не упомянуть о рыболовстве, солеварении и бортничестве, принадлежавших к древнейшим промыслам, известным в России. Рыболовство было распространено по всему Московскому государству⁴, одаренному столь развитой речной сетью. Тем не менее, приречное население составляло сравнительно небольшую группу всего тяглого населения как всего государства, так и исследуемой области. Кроме того в большинстве случаев право ловить рыбу принадлежало дворцу, крупным вотчинникам, которые эксплуатировали ловли сами или сдавали их на откуп; местное же тяглое население в лучшем случае несло на себе одну черную работу. Таково же приблизительно было и состояние солеварения⁵. Оно было местным промыслом в некоторых замосковских уездах, например, у Соли Галицкой, в некоторых местах по Волге, во Владимирском и Переяславском уездах. Но, несмотря на свое большое иногда развитие, оно всегда оставалось только местным промыслом, притом сосредоточенным в очень немногих руках. Еще меньшее значение могло иметь бортничество, сохранявшееся кое-где в Замосковье, преимущественно в лесных местностях Владимирского и Гороховецкого уездов. В описании этих уездов встречаются известия об об-

¹ П. к. 11318, л. 886.

² П. к. 173а, лл. 1655—1656: упоминаются «2 двора сапожниковых».

³ Büsching's Magazin, III, стр. 326.

⁴ Подробности см. Костомаров, Очерк торговли Московского государства, 243—254 (СПб. 1862).

⁵ О солеварении см. Костомаров, Очерк торговли, стр. 88—194.

ширных бортовых ухажьях: так например, во Владимирском уезде бортовые ухажья были при селе Плесеце Боголюбовского стана¹. В Красносельской волости Гороховецкого уезда упоминается: «к деревне Кожину ухажей за рекою за Клязьмою, а ходит его Гришка Сидоров да Лучка Опарин, оброка платит полпуда меду, знамя серп с приписями»². Там же описывается и другой ухажей. Нечего и говорить о садоводстве, которое как особый промысел встречалось только в некоторых местностях Переяславского уезда.

Наконец, побочным ресурсом мог быть еще отхожий промысел и занятие ремеслом или наемным трудом в местах, где на это был усиленный спрос. Отрывочные указания на подобного рода отхожие промыслы встречаются. Местами отхода были города, особенно Москва, затем судоходные реки, например, Ока, Волга.

Исследование вопроса о том, куда скрывалось население, показало, что, между прочим, беглецы уходили в города: так, например, случилось с бобылями Боровского уезда³.

Некоторые из немногих крестьян Осташковской слободы значатся в 1678 г. живущими «на Москве»⁴. На Москве живут и оброчные бобыли слободки Спасской, вотчины Ростовского Богоявленского монастыря⁵. Есть отлив и в провинциальные города: в переписной Коломенской книге 1678 г. есть известие о крестьянине, который «живет на Коломне, а кормится плотничеством»⁶. Как сказано, бурлачество на Волге и Оке также привлекало сельских жителей близких к этим рекам местностей: пашенные бобыли села Красного Гороховецкого уезда, составившего в 20-х годах вотчину князя Буйносова-Ростовского, «на князя пашню пашут и на суда наймуются»⁷. Есть известие об уходе рабочих на Волгу в ее верхнем течении, например в Рыбную слободу⁸. Все это, однако, только отрывочные указания, которые отнюдь не позволяют считать отхожие промыслы особенно распространенным занятием среди сельского тяглого населения замосковных уездов.

Сводя вместе сделанные только что наблюдения, можно притти к выводу, что в местах, где естественнее всего могли развиваться и процветать сельская торговля и промыслы, т. е. в пригородных селениях и слободах, обычно возникавших при монастырях и составлявших переход от села к городу, участие в торговле и промыслах сельского тяглого населения обыкновенно бывало довольно ничтожным. Крестьяне и пашенные бобыли вытеснялись другими элементами — посадскими, разного рода монастырскими холопами; наконец, их предприимчивость сдерживалась правительственными мерами, запрещавшими торговлю крестьянам. Тем не менее, в об-

¹ П. к. 12610, л. 289.

² П. к. 625, л. 10.

³ П. к. 10326, л. 408.

⁴ П. к. 12367, лл. 281—303.

⁵ П. к. 843, л. 462.

⁶ Переп. кн. 9275 г., л. 535.

⁷ П. к. 625, л. 2.

⁸ Чт. О. И. и Д. Р. 1869, кн. 4. Акты, собранные Селевским, № 69.

лирном Замосковном крае встречаются местности, где уже в первой половине XVII в. существует некоторая промышленная деятельность местных крестьян и бобылей. Насколько возможно проследить географическое расположение таких местностей, они тянутся почти от самой Москвы к северо-востоку, доходя до Костромского уезда. По своим почвенным условиям эти местности не отличаются большим плодородием земли. По большей части здесь зато замечается обилие всякого рода леса. Эти обстоятельства могли в известной мере содействовать очень раннему возникновению там торгово-промышленной деятельности крестьянства и вместе с тем сохранению в течение всего XVII в. преобладания оброка над барщиной. Но занимали ли местности с сравнительно развитой крестьянской торговлей и промышленностью большое место во всем Замосковном крае? На этот вопрос едва ли возможно ответить утвердительно. Из 35—40 уездов, входящих в состав этой области, местности, где торговля и промыслы имели действительное значение для сельского населения, были рассыпаны по всему, кажется, обширному Суздальскому уезду, а также в более или менее значительных частях уездов Московского, Владимирского, Переяславского, Шуйского и, может быть, в некоторых приволжских, но в общем они составляли не более одной десятой всей площади обширного Замосковья. В остальной части сельское население было исключительно земледельческим. Отсюда, конечно, нельзя заключать об отсутствии плотников, кузнецов, столяров, шерстобитов и т. п., как нельзя отрицать и существование мелкой сельской торговли. Но продукты промышленности не имели широкого распространения за пределами ближайших окрестностей селения, где существовало известное производство. Что же касается торговли, то ее слабое развитие выражается на самом характере ее — почти исключительно ярмарочном. Сельская ярмарка, торг или «торжок», была самым распространенным средством торгового обмена. Ярмарки бывали годовые или по храмовым праздникам. Чаще всего торг происходил один или два раза в неделю. Местом торгова бывали обыкновенно большие села — центры крупных дворцовых, духовных или служилых вотчин. Таможенные сборы шли или прямо в царскую казну, или же их собирал местный вотчинник, вносящий уже от себя известную сумму в приказ Большого прихода. Вот несколько примеров описаний сельских торжков, нередко находимых в писцовых книгах: в дворцовом селе Ростовского уезда Яковлевском-Гарях «торг, а торгуют съезжаясь тутошние и сторонние люди в неделю один раз, в пятницу, а на торгу семь лавок без затворов, да шалаш, да скамья. Оброку платить того села всем крестьянам с лавки по два алтына, с полку 6 денег, с шалаша 4 деньги»¹. В подмонастырской слободе Теряевой, расположенной у ворот Иосифова-Волоколамского монастыря, торговали «по два дня в неделю, в среду, в субботу, а на торгу 2 полки да 4 стола»². В Костромской вотчине княжны Мсти-

¹ П. к. 841, л. 191 (1629 г.).

² П. к. 845, л. 442 (1624—1626 гг.).

славской торговали «приезжая люди и тутошние один день, во вторник, а полавочный оброк и тамгу и явку и всякие пошлыны собирают на вотчинницу»¹. Очень характерны следы сильной правительственной опеки, замечаемой здесь. Озабоченное исправным поступлением всех государственных доходов, правительство внимательно следило, чтобы не было неразрешенных и беспошлинных торжков. Новая ярмарка не могла возникнуть без предварительного разрешения из Москвы. Такое положение вещей объясняется условиями времени, но едва ли можно думать, что эти условия могли оживить и без того слабую сельскую торговлю и содействовать ее процветанию. В 1667 г. архимандрит Воскресенского Новоиерусалимского монастыря бил челом, чтобы в только что заселенной «пустоши, что было село Стратилатское» Волоцкого уезда «построить торжок», потому что «село от городов удалело и в иных селах кругом того места торгов нигде нет». На это последовало распоряжение Волоцкому воеводе Мусину-Пушкину послать в село Стратилатское «кого пригоже» и велеть «построить торжок и пошлыны собирать в Воскресенский монастырь, кого архимандрит с братиею, старца или слугу с наказной памятью к тому таможенному сбору пришлет, а в нашу великого государя казну в приказ Большого приходу им с того торжку платить по рублю на год»². Та же длинная проволочка с разрешением и та же мотивировка просьбы отдаленностью, затрудняющей всякий торговый обмен, чувствуется в другом указе об учреждении торгога: «били челом Сергиева монастыря архимандрит Андреян с братьею, а сказали в Костромском де уезде Троицкая вотчина село Костома с деревнями от наших городов и от сельских торжков отдалели и кому де доведутся из той вотчины что купить или продать, и он и в весну и в осень за водами в города ездят с великою нужею»³.

Таким образом в большей части исследуемого края сельская торговля и промышленность не имели в XVII столетии серьезного значения. Сельское хозяйство, а в частности земледелие, было почти единственным источником благосостояния тяглых людей, составлявших подавляющую по численности группу сельского населения, и потому ослабление земледелия, уменьшение крестьянской запашки следует считать явлением большой важности. Наблюдаемое в широких размерах в замосковных уездах у крестьян, живших на землях духовенства и служилых людей, оно свидетельствует о несомненном оскудении крестьянских хозяйств на этих землях и показывает, что ни общий рост населения, ни деятельная колонизация запустевших земель, ведшаяся, главным образом, через посредство владельцев земли, не влекли за собой подъема народного благосостояния. Не подымала его и торгово-промышленная деятельность крестьянства, так как более или менее успешное развитие ее было уделом лишь очень немногих местностей.

¹ П. к. 10958, л. 596 (ок. 1630 г.).

² Г. К. Э. по Волоколамску, № 2499/103.

³ Г. К. Э. по Костроме, № 5267/300.

В заключение несколько слов о торговле хлебом. Существование сельскохозяйственного обмена в XVII столетии доказывать нечего, раз известно, что он существовал столетием ранее.¹ Но в торговле важнейшим продуктом сельскохозяйственного производства есть в XVII в. некоторые черты, которые не лишены, может быть, известного значения. В известном уже описании Троицкой волости Московского уезда, Вохны, относящемся к 1624—1625 гг., встречается любопытное известие о монастырских мельницах, расположенных по Клязьме: «Под деревнею (Дубровкой) на реке на Клязьме монастырская мельница, а против тое мельницы на другой стороне реки Клязьмы за одним болотом другая мельница, а в обоих амбарах по трой жерновы, а на тех мельницах мелят запасы про монастырский обиход и на понизовые запасы для ради Астроханского промыслу»². Это известие указывает, во-первых, на то, что в 20-х годах еще существовал вывоз хлеба из центра в Поволжье, а во-вторых, на то, что дело это находилось в руках крупного собственника — монастыря. С другой стороны, известно, что в изучаемую эпоху было уже сильно развито хлебное маклачество: «169 года в 17 день указал великий государь говорить боярам с гостями и гостинные и суконные и черных сотен и слобод с торговыми людьми: отчего учинились в Москве и в городах перед прежним хлебу дорогая цена, и чем та дорогая цена можно переменить». Оказалось, что одною из причин дороговизны хлеба была деятельность «скупщиков и кулащиков, и вязщиков»³. Не указывают ли эти отрывочные, к сожалению, известия на то, что торговля хлебом была уже вполне организованным делом, а время, когда главный производитель хлеба, крестьянин, стоял к ней близко, уже давно миновало?

В ы в о д ы

Чтобы всесторонне определить уровень экономического благосостояния тяглого населения и причины его понижения, следовало бы рассмотреть еще один очень важный вопрос о повинностях сельского населения по отношению к правительству и к землевладельцам, одним словом, вопрос о тягле. Однако на этой дороге встречаются значительные препятствия. Для сколько-нибудь подробного освещения этого вопроса необходимо особое, специальное исследование, которое не входило в мои цели и для которого я не располагаю достаточным количеством материала. Невозможность преодолеть эти препятствия заставляет меня сузить поставленную сейчас задачу и ограничиться попыткой определить в общих чертах, в каком направлении развивалось тягло сельских жителей.

По мере возможности я отделяю вопрос о государственном тягле от вопроса о повинностях частновладельческих; для ясности кос-

¹ Розиков, Сельское хозяйство, стр. 280—283.

² П. к. 260, лл. 257—58.

³ Розиков, Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 280—283.

нусь прежде всего вопроса о тягле в XVI в. Очень ценные и с большим искусством собранные данные о тягле в XVI в. находим мы в не раз упоминавшемся уже труде Рожкова¹, хотя общая скудость сведений, в особенности за первую половину столетия, делает их, по собственному признанию автора, иногда немного гадательными. Сравнивая оклад податей, взимавшихся государством в первой и во второй половине века, исследователь путем очень сложного исчисления сравнительной цены денег в обе эпохи и переложения повинностей натуральных на денежные приходит к следующему выводу¹: «как ни далеки от точности все сделанные исчисления, можно сказать, что сделанные платежи в государеву казну менялись в течение XVI в. следующим образом: в первые два десятилетия они не превышали 5 рублей с 800 четвертей, в 20-х—40-х годах достигли восьми рублей, в 50-х—80-х—42 рублей, наконец, в конце 80-х и в начале 90-х годов — 151 рубль. При этом не надо забывать, что разница между первой и второй половиной не так велика, как кажется на первый взгляд, потому что в первой половине века неизвестен оклад полонянничных денег, которые поэтому и не считаются, притом же военные подати, введенные в половине столетия, не были совершенно новостью, а заменили собой существовавшие раньше натуральные повинности. Чтобы номинальные цифры окладов получили реальное значение, остается перевести их на наши деньги, принимая рубль первых двух десятилетий XVI в. равным 94 рублям, рубль — 20-х—40-х годов равным 75 рублям, а рубль второй половины столетия приравнивая 25. Тогда получим следующие цифры: в 1513 г. только 7 рублей, или на деньги 1897 г. 658 рублей, с сохи платились деньгами, остальное тягло состояло из натуральных повинностей; в 1525 г. 10 рублей, или 750 рублей на деньги по тому же курсу, поступали в казну деньгами, остальные обязанности по отношению к государству отбывались натурой; далее имеем для 50-х — начала 80-х годов вместо 42 рублей — 1050 рублей, а для 80-х годов — 3775 рублей на деньги по тому же курсу, или 151 рубль на деньги того времени. Итак реально повышение податного обложения земли заметно только в конце века».

Изучение степени тяжести частновладельческих повинностей, выражавшихся в оброке и барщине, производилось автором преимущественно по писцовым книгам Новгородской области, представляющим обильный и богатый материал для изучения народного хозяйства.

Для других областей он располагает только отдельными, единичными примерами, которые, однако, по его мнению, подтверждают в общем данные по Новгородскому краю². Выводы, к которым приходит Рожков, сводятся к тому, что «никаких перемен в реальной арендной плате незаметно, исключая, разумеется,

¹ Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 223—234.

² Там же, стр. 256—257.

местных, временных и вообще случайных колебаний, всегда неизбежных и нехарактерных для общего положения дел. Так же неизбежна была и тяжесть барщины там, где она существовала»¹ Обсуждая эти выводы с точки зрения общего течения исторической жизни Руси XVI столетия, нельзя не признать справедливость их, даже допустив их частичную неточность. К концу XVI в. государственное тягло стало гораздо тяжелее, нежели в начале его. Иное дело — повинности частновладельческие. Крепостное право, создавшее в конце концов полный произвол помещика над сидевшим на его земле крестьянином, повлекло за собой и увеличение повинностей крестьянина по отношению к помещику.

Военные тяготы XVI столетия бледнеют в сравнении с тем, что легло на население в следующем столетии, когда издержки частых, изнурительных войн покрывались все новыми и новыми податями. Одной из первых таких податей была подать стрелецкая, первые известия о которой относятся к 1615 г.² С того же времени начинаются и периодические сборы чрезвычайного налога — «пятой», «десятой» и т. п. деньги и других экстренных сборов³. В числе экстренных повинностей, вызывавшихся войной, не следует забывать и повинностей натуральных, считавшихся еще более тяжелыми, нежели денежные. Во время войн царя Алексея на замосковные уезды выпадали и такие тяготы.

В 1664 г. велено дворянам и детям боярским галичанам с поместий и вотчин взять по четверику ржи и по четверику сухарей и отвезти в Дорогобуж и в Вязьму «и у них де подражаются тот хлеб в те города отвезти подрядчики, а провоза просят с двора по два рубли и больше и оттого де крестьяне их бредут розно». В результате правительство согласилось заменить натуральную повинность денежной⁴. Не на одних только экстренных сборах отражался рост податного бремени. Постоянные сборы также увеличивались непрерывно. Характерным примером может служить необычайно сильное увеличение оклада по живущей четверти по указу 19 марта 1630 г. сравнительно с нормами, установленными указом 13 октября 1625 г. Рост был настолько велик и чувствителен, что несколько месяцев спустя, в 1631 г., двумя последовательными указами правительство принуждено было смягчить только что установленные оклады⁵. В тридцатых годах замечается очень быстрый рост стрелецкой подати, повысившейся в два приема с 96 рублей до 240 рублей с сохи⁶. Новый оклад полоняничных денег и экстренный налог — по две гривны с двора ратным людям на жало-

¹ Там же, стр. 258.

² Милюков, Государственное хозяйство, стр. 55.

³ Там же, стр. 58, 67.

⁴ П. С. З., I, № 354.

⁵ Указ. книга Пом. приказа., изд. Сторожевым, стр. 100—103, № 81—84 и прилож. № 14. Дятло-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 529—533, прил. XIII. П. к. 261, лл. 350—351.

⁶ Милюков, Государственное хозяйство, стр. 65.

ванье, введенные одновременно с дворовым письмом 1646 г.¹, пополнили собою не перестававшее увеличиваться податное бремя.

Наконец, длинный ряд всякого рода чрезвычайных финансовых мер ознаменовал собою долголетние войны царя Алексея с Польшей. Милюков приводит довольно много примеров как экстренного сбора денег, так и жертв, приносившихся населением при наборах даточных людей². «Устройство войска и добывание средств, предназначавшихся на его содержание, были главными задачами внутренней политики XVII в.», говорит другой исследователь финансовой истории Московского государства, «войска и финансы были в то время центрами, вокруг которых вращались все второстепенные интересы государственной жизни. Все общественные силы привлекались к удовлетворению этих главных потребностей государства»³ и привлекались, добавим мы, все в более и более тяжелой форме. Повинности населения возрастали. Повинности крестьянского населения росли, не смягчаясь никакой льготой, никакой, хотя бы самой незначительной привилегией, как это было и с служилыми, и с посадскими людьми.

Не будучи в состоянии определить размеры этого роста и следить за деталями этого процесса, можно, думается мне, без всякой натяжки высказать мнение, что повинности сельского тяглого населения по отношению к правительству увеличивались неуклонно в течение всего интересующего нас времени.

Рост тягла, как государственного, так и помещичьего, не мог оставаться без влияния на общее экономическое состояние сельского населения Замосковного края, так как ставил это население все в более и более тяжелые экономические условия. Тяжесть этих условий, в свою очередь, влияла и на состояние главного занятия сельского населения — на состояние крестьянского земледелия. В несомненном увеличении всякого рода повинностей следует видеть одну из причин обнаруживавшегося в XVII столетии упадка крестьянского земледелия в исследуемом крае. Эти обстоятельства не могли, конечно, не отзываться косвенно и на благосостоянии служилого класса, вотчинные права которого так сильно развивались в течение XVII в.

¹ Милюков, Государственное хозяйство, стр. 72.

² Там же, стр. 74—77.

³ Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 503.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

К отделу I главы первой

Позднейшее изучение писцовых и переписных книг сводится к следующему:

В 1907 г. появилась большая и обстоятельная рецензия на мою книгу, написанная академиком М. А. Дьяконовым и напечатанная в Отчете о 49-м присуждении премий Уварова (СПб. 1907).

Отзыв Дьяконова содержит развернутую и основательную критику всей книги, но в части, касающейся оценки писцовых и переписных книг как исторического источника, автор отзыва не выдвинул новых взглядов, ограничившись выводом, что критическая оценка, даваемая основным источником исследования автором последнего, не является исчерпывающей.

Несколько позднее в Журнале Министерства народного просвещения был напечатан отзыв о моей работе, принадлежащий перу проф. С. Б. Веселовского¹. Основным положением этого отзыва был упрек автору в том, что содержание его книги не соответствует заглавию последней и что нельзя для изучения экономического быта довольствоваться писцовыми книгами. Исходя из этой мысли, профессор Веселовский приводит ряд примеров того, чего автор книги не сделал и какими документами он не воспользовался. Вот один из них: «Нам не приходилось работать в делах Поместного приказа, но едва ли можно сомневаться, что в 50 000 сохранившихся столбцов можно найти вполне удовлетворительный ответ на многие вопросы деятельности поместного приказа, и в том числе отпуска писцов». В конце отзыва проф. Веселовский предвидит могущее быть ему сделанным возражение, «что он больше говорит о том, чего нет в работе Ю. Готье, и мало о том, что есть». Отзыв проф. Веселовского интересен, главным образом, тем, что содержит программу его собственных научно-исследовательских работ, результатом которых 7—8 лет спустя явилось его большое исследование «Сошное письмо»².

В предисловии к I тому³ проф. Веселовский, вспоминая о своем отзыве, говорит, что моя работа «Замосковский край» заставила его, в процессе его работы, несколько изменить ее направление.

Далее проф. Веселовский указывает еще раз, что недостатки моей книги вытекают из того обстоятельства, «что пользованию писцовыми книгами не предшествовало надлежащее предварительное исследование сошного письма и, в частности, приемов составления писцовых книг». «Тогда же, — продолжает он, — не ограничиваясь критикой, я занялся историей сошного письма, чтобы восполнить указанные проблемы и способствовать дальнейшему, более, как мне казалось, правильному изучению писцовых книг и пользованию ими в научных целях». Так появилась написанная проф. Веселовским энциклопедия истории сошного обложения и теснейшим образом связанных с нею хозяйственных описаний территорий Московского государства илг, выражаясь словами проф. Веселовского, «писцового дела». Я не случайно назвал «Сошное письмо» энцикл

¹ Ж. М. Н. П., 1908, № 2.

² Т. I, М. 1915, XVI + 442 стр. Т. II, М. 1916 г., VII + 716 стр.

³ Стр. IV—V.

педией. Книга эта, действительно, такова. Все детальные вопросы, связанные с пососным обложением и писцовым делом, разрешаются в ней исчерпывающим или почти исчерпывающим образом; пробелов нет; нет даже обиденных мелочей, и можно смело сказать, что детальное изучение порядка составления, структуры и содержания писцовых книг исследованием профессора Веселовского доведено до логического конца. Однако, обладал всеми достоинствами энциклопедии, исследование профессора Веселовского страдает и некоторыми недостатками подобного рода изданий: за деревьями не видно леса. Автор так погружен в детали приказной жизни и практики, что «как бы живет среди московских дьяков и подьячих XVII в»¹. Сам автор в известной степени является жертвой своего стремления обнять и исчерпать все, что относится к «писцовому делу», и, пытаясь разрешить основной вопрос критической оценки писцовых книг как источника, почти разрушает все возведенное им здание, считая «более целесообразным не то, как вообще писцы пользовались приправочными документами, а как пользовались ими данный писец»², и тем сводя степень достоверности писцовых книг не к закономерным явлениям, а к случайной личности писца, среди которых, по его же мнению, даже не было специалистов своего дела.

Прямым и ценным дополнением к «Сошному письму» является издание важнейших документов, послуживших С. Б. Веселовскому материалом для его исследования³. Автор мотивирует их появление необходимостью при помощи доступных всем материалов возможно тверже обосновать свое исследование и облегчить читателю его проверку. Это полезнейшее собрание документов, несомненно, открывает возможность для новых взглядов и соображений в области критики писцовых книг.

Думается даже, что «Акты писцового дела» принесут больше пользы возможным будущим исследователям, нежели послужат для проверки добросовестного исследования профессора Веселовского.

Последний критический этюд о писцовых книгах принадлежит Г. Кочину и появился в 1936 г. под заглавием «Писцовые книги в буржуазной историографии»⁴. Впрочем, статья сама по себе не содержит критического изучения писцовых книг и других аналогичных им памятников; это только — марксистская критика тех историков, которые изучали писцовые книги и пользовались ими, и новая попытка поставить проблему их изучения. Автор признает «беспорным, что писцовые книги — источник чрезвычайно важный и безусловно большой ценности», но делает окончательный вывод, который дает мало положительного и едва ли останется в будущем без возражений.

По его мнению, «очередная задача — привести в движение этот важнейший фонд. Писцовые книги должны быть в постоянном обороте при всех работах по Московскому государству; они должны быть на постоянном учете исследователя при разработке всякого вопроса; к этому обязывает и охват писцовыми книгами всех важнейших сторон социально-экономических взаимоотношений населения и исключительная полнота территориального охвата»⁵.

Число изданных печатно хозяйственных описаний XVII в. по Замосковному краю пополнилось сводными и дзорными книгами Троицкого монастыря 1610—1616 гг., напечатанными в «Памятниках социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII веков»⁶. Издание это несколько расширяет доступный для всех материал для критического изучения писцового материала. См. также Н. Н. Ардашева «Древнейший столбец поместного приказа о заготовке приправочных книг для писцов 7135 г.» (Зап. Московского археологического института, VII, М. 1910).

¹ Кочин, Писцовые книги в буржуазной историографии. Проблемы источниковедения, сборн. 2-й. М.—Л. 1936, стр. 182.

² «Сошное письмо», II, стр. 78. Для обобщения бесчисленных деталей, приводимых в книге С. Б. Веселовского «Сошное письмо», очень полезна первая вводная глава исследования проф. А. И. Яковлева, Приказ сбора ратных людей (М. 1917).

³ Акты писцового дела, т. I, М. 1913, XI + 448 стр. (в Чт. О. И. и Д. Р. и отдельно), т. II, М. 1917, 490 стр.

⁴ Проблемы источниковедения, сборн. 2-й, М.—Л. 1936, стр. 145—186.

⁵ Кочин. См. цит. соч., стр. 185—186.

⁶ Т. I, изд. Центрархива, М. 1929. Сборник вышел под редакцией проф. С. Б. Веселовского и проф. А. И. Яковлева.

К отделу II главы первой

Глава XI исследования проф. С. В. Веселовского «Обзор описательных работ конца XVI века и за XVII века»¹ содержит обстоятельный обзор истории описаний и переписей по всей территории Московского государства, в том числе и по Замосковному краю. Обзор этот полностью покрывает собою далеко не полный подобный же обзор истории описаний и переписей по замосковным уездам, помещенный в отделе II первой главы в первом издании моей книги. Я счел поэтому совершенно ненужным вновь перепечатывать этот обзор и сократил II отдел первой главы, оставив для логической связи только конечные выводы, к которым я пришел в результате изучения истории описаний Замосковного края в XVII в.

К отделу III главы второй

Хотя работа проф. С. В. Веселовского «Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.» (М.—Л. 1936 г., 166 стр.) хронологически почти не совпадает с моей работой, однако ее следует считать существенным дополнением к ней. В главах 4-й и 5-й своей книги С. В. Веселовский делает значительный шаг вперед по изучению истории русского села и, в частности, очень четко освещает процесс укрупнения селений, сопровождаемый уменьшением их числа.

Хотя это явление легко заметить при сравнении данных писцовых книг XVI и XVII столетий по тем местностям, где имеются первые, однако в моей работе оно лишь мельком отмечено в отделе III второй главы и в отделе II первой главы.—

К отделу I главы третьей

Напечатанные в I томе «Памятников социально-экономической истории Московского государства в XIV—XVI вв.» (М. 1929, VI + 396 стр.) сводные и дозорные книги Троицкого монастыря по Московскому, Дмитровскому, Рузскому, Владимирскому, Юрьевскому, Суздальскому, Муромскому, Переяславскому, Углицкому, Костромскому, Ростовскому, Бежецкому, Тверскому и Балахнинскому уездам дают богатый материал для изучения экономического состояния Замосковного края в 10-х годах XVII столетия.

Материал этот тем более ценен, что дозоры, составленные самим монастырем, гораздо полнее по содержанию, чем правительственные дозоры.

К отделу IV главы третьей

Сводные и дозорные книги Троицких вотчин 1610—1611 гг. (Памятники социально-экономической истории Московского государства, т. I, М. 1929) дают очень много иллюстративного материала по вопросу, куда с насиженных мест уходило население Замосковья в этот период. Особенно интересны многочисленные примеры ухода крестьян из восточных уездов — Суздальского, Владимирского, Муромского и Балахнинского — далее на восток в Поволжье, за Нижний-Новгород.

Писцовые книги не сообщают, в каком порядке происходило возвращение крестьян, ушедших с прежних мест жительства в первые 20 лет XVII столетия. Самый факт существования «сводных» книг Троицкого монастыря показывает наглядно, что крупные вотчинники принимали энергичные меры к насильственному водворению «вышедших» крестьян на старые места. При этом характерно, что если ушедший крестьянин оказывался на земле достаточно сильного светского вотчинника, то последний не отдавал его обратно Троицкому монастырю и удерживал его за собою.

К отделу II главы четвертой

Существенные сведения, дополняющие приведенные в моей книге известия о крепостной колонизации и о переводе помещиками крестьян из северных уездов Замосковного края в южные и из последних далее на юг — в колонизируемые вновь окраины, даны в монографии Новосельского «Вотчинник и его хозяйство в XVII веке» (М. 1929)

¹ Т. II, стр. 174—262,

написанной по документам личного архива стольника Андрея Ильича Безобразова, типичного крепостника-скопидома XVII столетия.

Вопрос о сыске «беглых» крестьян, сильно развившемся во второй половине XVII в. после издания соборного уложения, освещается в работе того же автора: «Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII века» (Труды Института истории РАНИОН, 1, М. 1926, стр. 327—356).

В 1933 г. Историко-археографический институт Академии наук СССР (теперь — Историко-археографический сектор Института истории) выпустил издание, чрезвычайно ценное и интересное с точки зрения моей работы: «Хозяйство крупного феодала-вотчинника XVII века. Хозяйство боярина Б. И. Морозова», часть 1 (Труды Историко-археограф. инст. Академии наук, том VIII, вып. 1, Л. 1933, XXXIII + 349 стр.). Это и есть документы того вотчинного архива Б. И. Морозова, который послужил И. Е. Забелину для его статьи «Большой боярин на своем вотчинном хозяйстве» («Вестник Европы», 1871). В свое время я мог ознакомиться с Морозовским архивом только при посредстве работы Забелина. Напечатанные в части 1-й документы охватывают дела с 1646 по начало 1650 гг. и, кроме того, «отписные» книги 1667—1668 гг., составленные после смерти вдовы Морозова, боярыни Анны Ил. Морозовой.

Для отдела II главы четвертой напечатанные документы дают дополнительный материал по сыску и свозу беглых.

К отделу III главы четвертой

Архив Морозовских вотчин содержит очень ценные данные о белорусской колонизации в замосковных уездах в 1650 г. Однако данные эти появятся только в следующих выпусках «Хозяйства боярина Б. И. Морозова». В выпуске 1 на них делается прямое указание: «Сохранилась переписная книга 1657 г. Из книги этой мы узнаем, что выше 1000 человек (из общего числа 1071) Морозов сажает в селе Павловском (Звенигородского уезда) специально на крестьянскую работу. Остальные сажаются по соседству в Звенигородском и Московском уездах (сс. Иславское и Котельники)»¹.

Вопрос о корельской колонизации в Бежецком, Ярославском, Угличском, Новоторжском и Тверском уездах затронут был мною только с одной определенной стороны. Корелы интересовали меня как элемент, пополнявший население Замосковского края, приходя в него извне в течение довольно долгого периода, обнимающего почти три четверти XVII столетия. Поэтому причины выхода корел из их северной родины и их появление в вышеуказанных местностях я затронул только попутно и привел только одну из них — опустение земель в некоторых частях Замосковья и невозможность заселить их, не прибегая к припельцам извне. Новый исследователь истории корел — А. Н. Вершинский² — на основании более широких и мне в свое время неизвестных материалов ставит шире вопрос о причинах корельского выхода «из за своейского рубежа» и существенно дополняет сведения по этому вопросу. Мои соображения о причинах появления корел в северном Замосковье он, однако, не опровергает. Новые данные об обстоятельствах переселения корел в северные уезды Замосковского края приводятся в написанной по архивным источникам работе В. О. Эйнгарна «О корельской колонизации в замосковных уездах», имеющей выйти в Трудах Всесоюзной библиотеки имени Ленина.

К отделу IV главы четвертой

В этом отделе недостаточно четко и недостаточно исчерпывающе освещен вопрос о тех изменениях, которые произошли в составе дворянства отдельных местностей Замосковья в течение XVII в. В данном случае особенно это относится к столичному Московскому уезду.

¹ В. Р. Гейман, О хозяйстве боярина Б. И. Морозова (Вводная статья к публикации Ист.-арх. института, Труды, т. VIII, вып. 1, стр. XXIX).

² А. Н. Вершинский, Очерки истории верхневолжских корел, гл. 1 «Переселение корел в Московское государство в XVI—XVII вв.» в Истор. сборн., т. IV, М.—Л. 1935, стр. 73—86.

Насколько можно думать, ранние земельные раздачи XVI в. и наличие многочисленных вотчин еще при великом князе Василии Ивановиче создали несколько особую физиономию личному составу служащих людей Московского уезда; он должен был состоять, главным образом, из людей местного, московского происхождения, в частности, из членов феодальных боярских семей и из людей правительственного аппарата, постепенно слагавшегося со времени Ивана III. В числе помещиков и вотчинников уже тогда должно было быть некоторое число дьяков. В 1550 г. были розданы поместья тысяче дворянам, набранным из провинциальных уездов. Раздача эта положила основание так называемым «Московским чинам» и вошла в состав дворян столичного уезда известное количество уроженцев самых разнообразных местностей как Замосковского края, так и других областей.

Следующее изменение должно было произойти в связи с появлением опричнины как учреждения. К сожалению, эти изменения нам фактически почти неизвестны вследствие скудости источников. В третий раз состав дворянства столичного уезда изменился в годы крестьянских войн и польской интервенции: об этом четко говорит сравнение состава бывших землевладельцев по дозорным книгам 1610-х годов с составом их по писцовым книгам 1620-х годов, когда бесследно исчезнувшие вотчинники и помещики уже были заменены новыми (ср., напр., состав дворян Московского уезда по писцовым книгам XVI в. (Писц. кн. М. гос., т. I) и по писцовым 1620-х гг. (ГАФКЭ, п. к. 261 и 685).

Изменения эти, однако, не переменяли характера дворянства Московского уезда: оно преимущественно пополняет собою Московские чины; в составе землевладельцев очень заметно представлены дьяки московских приказов.

В составе дворянства провинциальных уездов также происходят перемены. Как отразилось на этом составе появление опричников в 1564 г. и их упразднение в 1572 г. — это принадлежит к числу вопросов, далеко еще не выясненных. Но перемены, происшедшие в 1600—1620 гг., так же резки и заметны, как и в Московском уезде: это отражается тем ярче, чем глубже была затронута крестьянскими войнами и интервенцией данная местность; сравни, например, состав удельного и нового дворянства Тверского уезда по дозорной книге 1615 г. и по писцовым книгам 1627—1628 гг. (ГАФКЭ, доз. кн. 467 и п. к. 871—875). Не менее показательны сравнение дворянского состава по тем местностям, по которым сохранились десятки XVI столетия, т. е. по Москве, Коломне, Переяславлю, Мурому и Владимиру (Опис. док. и бум. Моск. А. М. Ю., т. VIII: Чтения О. И. и Др. Р., 1910 — Готье «Десятины по Владимиру и Мещере»; ГАФКЭ, Разр. приказ, дела десяти).

Особенно, конечно, сильными были изменения там, где после смуты испомещали дворян местностей, оккупированных поляками и отошедших к Польше по Деулинскому договору 1619 г.

Сопоставление состава дворянства отдельных замосковских уездов в XVI и XVII вв. приводит к предположительному выводу, что крупные перемены, главным образом, вытекавшие из войн и разорения начала века, должны были задерживающим образом влиять на формирование местных дворянских корпораций. Первоначальные по-уездные дворянские ячейки XVI в. еще не успели развиться в корпоративные организации. Перемены в составе дворян в первой четверти вернули дело почти к исходной точке. Лишь постепенно в XVII столетии вновь началось формирование местных дворянских корпораций. Расцвет их относится уже к XVIII в.

К отделам IV и V главы плтой

Ценные наблюдения над дворянским землевладением в замосковских уездах, а также некоторые соображения, относящиеся к критическому изучению писцовых книг, см. в работе В. Н. Седашева «Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в.», М. 1912 и в работе Е. Д. Сташевского «Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в.», М. 1911.

Интересным примером быстрого накопления большого земельного состояния и не менее быстрого его перехода к другому владельцу служит история земельного состояния боярина Б. И. Морозова. См. Труды Ист.-археогр. института Академии наук, т. VIII, часть 1. «Хозяйство крупного феодала-вотчинника XVII в. Хозяйство боярина Б. И. Морозова», Л. 1933.

К отделам I и II главы шестой

Для изучения крепостного поместно-вотчинного хозяйства XVII в. (распределение барщины и оброка, организация хозяйства и т. д.) материал шестой главы существенно пополняется данными, относящимися к вотчинному хозяйству Б. И. Морозова (Труды Ист.-археогр. Института Академии наук, VIII, вып. 1), а также данными о хозяйстве А. И. Безобразова (Новосельский, «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.», М. 1923). Для дворцового хозяйства см. также работу проф. А. И. Заозерского «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве». П. 1917.

К отделу III главы шестой

О подсобных занятиях и заработках крестьян на возникших с половины XVII столетия подмосковных заводах см. дополнительные данные в архиве Б. И. Морозова (Труды Ист.-археогр. института Академии наук, VIII, вып. 1), а также в мелких специальных исследованиях, печатавшихся в 1920-х годах в «Архиве истории труда» и отчасти в «Трудах Института истории РАНИОН».

К отделу IV главы шестой

К числу работ, освещающих вопрос о податном обложении в XVII в., следует прибавить исследование проф. А. Н. Яковлева «Приказ сбора ратных людей». М. 1917.

К приложению

Приложение к моему исследованию, содержащее перечень замосковных уездов и входивших в их состав волостей и станов, составлено мною по писцовым книгам 1620-х годов и по переписным книгам 1646 г., что дало мне основание сказать, что перечень этот составлен «в виде опыта, применительно к половине XVII столетия».

В перечне этом я пытался дать изображение административного деления Замосковского края в том виде, как оно представляется именно в этот момент. Однако, перечисляя уезды, станы и волости, я приводил те данные о них, которые встречаются в более раннем актовом материале, главным образом в духовных и договорных грамотах XIV—XVI вв., а также указывал возможно более точно их местонахождение. Подробно исследовать историю всех мелких делений не входило в мою задачу, вследствие чего время возникновения новых волостей и станов и случаи слияния их отмечены мною лишь в тех случаях, когда я находил сведения о таких фактах в моих основных источниках. Не углубляясь в исследование истории мелких делений, я, к сожалению, не подчеркнул общей тенденции к слиянию соседних волостей и станов в одно более крупное целое, что заметно повсюду, но особенно ясно сказалось в некоторых местах, например в Тверском уезде. Это обстоятельство стояло, надо думать, в непосредственной связи с укрупнением селения и уменьшением их числа, которое продолжалось с половины XVI в. до 20-х годов XVII в. и которое так четко освещено профессором С. В. Веселовским в его работе «Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.» (М.—Л. 1916).

Вот почему я не могу согласиться с замечанием названного исследователя, что «список составлен без достаточного учета времени. Ю. В. Готье не упускал случая вносить в свой список дополнения и поправки из актового материала с XIV в., но не применил того же метода с другого конца, т. е. по актам и писцовым книгам XVI—XVII вв. не выделил волостей, возникших много позже». (Веселовский, там же, стр. 18, прим. 2-е.)

Много дополнительных данных об уездах; станах и волостях Замосковья за XIV—XV вв. можно найти в книге Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности». Л. 1929 г.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Замосковные уезды и входившие в состав их станы и волости
по писцовым и переписным книгам XVII столетия¹

БАЛАХНИНСКИЙ УЕЗД

Балахнинский уезд сложился, вероятно, из некоторых волостей Суздальско-Нижегородского княжения. Городец уже в 1405 г. входил в состав владений Московской линии князей (Собр. гос. гр. и дог., I, № 38). В 1451 г. он составлял владение Суздальского князя Ивана Васильевича, с которым в этом году заключил договор великий князь Василий Темный (Собр. Г. Г. и Д., I, № 80 и 86).

1. Волость Жарская. На правом берегу Волги, по реке Черной и ее притокам к северу и востоку от города Балахны.

2. Волость Стрелицкая. На правом берегу Волги к югу от города Балахны до Нижегородского рубежа. Название в связи с расположенным рядом Стрелицким станом Нижегородского уезда (см. Садовский, К материалам по исследованию Нижегородского уезда» в трудах Ярославского областного съезда, стр. 29).

3. Дворцовая волость Городецкая. За Волгой к югу и востоку от Городца, рядом с одноименной волостью Юрьевского уезда.

4. Дворцовая волость Зауловская. За Волгой, к востоку от предыдущей, от которой отделяется рекой Узолой.

5. Дворцовая волость Толоконцевская. Название от села Толоконцева на левом берегу Волги. К юго-востоку и востоку от предыдущей. Начинаясь против города Нижнего-Новгорода, эта волость тянулась к северо-востоку по течению реки Линды и верхнему течению реки Керженца. Ее восточная граница, бывшая в то же время и границей уезда, неясна: она терялась в лесах Нижегородского заволжья.

«Керженец» упоминается в числе владений великого князя Василия Дмитриевича в его духовной 1423 г. Собр. Г. Г. и Д., I, № 41, В. Дебольский, Духовные и Дог. грам. как истр.-геогр. мат., II, стр. 17 (Сиб. 1901 и 1902).

БОРОВСКИЙ УЕЗД

Составился, главным образом, из волостей, данных князем Владимиром Андреевичем своему второму сыну, Семену, отчасти из волостей, данных третьему сыну, Ярославу (Растуновский стан), и княгине вдове (Козлов брод, Ловышини и Вепрейка). Собр. Г. Г. и Д., I, № 40. Духовная князя В. А. Серпуховского 1410 г.

1. Стан Бобольский. В пределах позднейшего Медынского уезда. Название от села Боболи или Бобыли (в XVII столетии — родовая вотчина князей Львовых, ранее — вотчина князей Курлятевых. (А. М. Ю., п. к. 10326, лл. 460—463). Впервые упоминается в духовной князя Владимира Андреевича 1410 г. в числе волостей, доставшихся его вдове, княгине Ульяне, под именем Буболь (Собр. Г. Г. и Д., I, № 40, Дебольский, там же, II, стр. 13, 14).

2. Волость Вепрейская. Самая южная волость Боровского уезда. От речки Вепрейки. Впервые упоминается в той же духовной как часть удела княгини Ульяны (Собр. Г. Г. и Д., I, № 40, Дебольский, там же, стр. 13, 14).

¹ Ввиду того, что основным источником для предлагаемого перечня послужили писцовые и переписные книги, ниже на них ссылок не делается. Перечень служит указателем к карте Замосковского края, составленной в виде опыта применительно к половине XVII столетия.

3. Стан Вешковский. Очень незначителен. Происхождение названия неясно. Первое известие в духовной Ивана III (*Дебольский*, I, там же, II, стр. 42, 43).

4. Волость Галичская. По реке Наре. Происхождение названия неясно. Впервые упоминается под именем Галичичи в духовной Калиты в составе удела третьего его сына Андрея; повидимому, оставалась во владении Боровских князей до конца существования их удела (Собр. Г. Г. и Д., I, № 21, 22, 40; *Дебольский*, там же, I, стр. 2, 17, II, стр. 7).

5. Стан Козлобродский. К востоку от предыдущего, по верховьям рек Мочи и Лопаси. Впервые упоминается в числе волостей, доставшихся по духовной князя Владимира Андреевича 1410 г. жене его (Собр. Г. Г. и Д., I, № 40; *Дебольский*, там же, II, стр. 12).

6. Стан Исайковский. Местонахождение неясно. По книге 1629—1630 гг. весь запустел; позднее исчезает. В переписной 1678 г. не упоминается (Извлечение *Замысловского*, Летопись занятий Археогр. ком., VIII, стр. 119—137).

7. Стан Ловышинский. По верхнему течению реки Лужа. Название неясно. Первое известие в духовной князя Владимира Андреевича среди волостей, доставшихся его жене (Собр. Г. Г. и Д., I, № 40; *Дебольский*, там же, II, стр. 12, 13).

8. Стан Лужецкий. По реке Луже, к юго-западу от города Боровска, от реки Лужа. Первое известие в духовной князя Владимира Андреевича в составе волостей княгини-вдовы (Собр. Г. Г. и Д., I, № 40; *Дебольский*, там же, I, стр. 12).

9. Стан Окологородный. Ближайшие окрестности уездного города. Ранняя история этой местности неясна.

10. Стан Суходольский. Северный край б. Боровского уезда и часть б. Верейского. По линии Московско-Киевской ж. д. от станции Нары-Фоминской до станции Болобаново. Первое известие под именем Суходола — в духовной Калиты в составе волостей его второго сына, Ивана (Собр. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 2, 12).

11. Стан Фефиловский. По книге 1629—1630 гг. весь пуст. Местонахождение неясно. В переписной 1678 г. (Летопись занятий Арх. ком., VIII, 119—137) не упоминается.

12. Стан Ростуновский. Расположен совершенно отдельно от Боровского уезда, между Московским и Коломенским уездами. Название от села Ростунова. Первое известие — в духовной князя Владимира Андреевича 1410 г., в составе волостей третьего его сына, Ярослава (Собр. Г. Г. и Д., I, № 40; *Дебольский*, там же, II, стр. 9).

13. Стан Щитов. Происхождение названия неясно (быть может, от села Щитова). Первое известие в духовной Калиты, в составе волостей третьего его сына Андрея (Собр. Г. Г. и Д., I, № 21 и 22; *Дебольский*, там же, II, стр. 2, 17).

БЕЖЕЦКИЙ ВЕРХ

Бежецкий Верх, в XVII в. составлявший особый уезд, был пограничной областью между древней Новгородской областью, владениями Тверских князей и ранним промыслом князей Московских — «Угличем полем», в состав которого входил Углич с одной стороны, Устюжна Железопольская — с другой.

Этим определяется ранняя история Бежецкого Верха, из-за которого шла постоянная борьба между соседями. Центром уезда был город Городец или Городецк и село Бежичи, которые упоминаются до 1471 г. в числе Новгородских волостей (Собр. Г. Г. и Д., I, стр. 20: Бежичи, Палич — Городец). Фактически, однако, судя по летописным известиям, Бежецкий Верх принадлежал Московским великим князьям еще в XIV в. и окончательно укрепился за ними в начале княжения Василия Темного (краткий факт. очерк истории Бежецкого Верха в XIV и XV вв. см. в Энциклопед. словаре Брокгауза и Эфрона). При Иване III, до свержения и заключения в тюрьму его брата Андрея Большого в 1491 г., Бежецкий Верх входил в состав этого князя удела. Позднее Бежецкий Верх был дан Иваном III в удел его третьему сыну, Семену (Собр. Г. Г. и Д., I, № 144). Таким образом только в первой половине XVI в. эта местность окончательно вошла в общий состав государства. Тогда же, вероятно, сложился и уезд в том виде, как он является по описаниям XVII в. К старым удельным землям были присоединены небольшие старые Новгородские волости — Мелеча, Егна, которые, повидимому, оставались за Новгородом до конца его воляности; эти волости и составили северную часть уезда — станы Верховский, Полянский и т. п. Таким образом, в состав Бежецкого уезда вошла вся местность, ограниченная на западе

пятнами, на севере и востоке — древними Углицкими волостями, на юге — старыми землями великого княжения Тверского.

1. Стан Антоновский. По верховьям рек Мологи и Неледины; окрестности Красного холма, где существовал Николаевский Антониев монастырь. Первое известие об этой местности в духовной великого князя Василия Дмитриевича 1423 г.: «в Бежецком верхе село Антоново» (Собр. Г. Г. и Д., I, № 41; *Дебольский*, там же, II, стр. 16).

2. Стан Черезовский. К востоку от предыдущего. Между большой дорогой из Вьсыгонска через Красный холм в Капшин и б. границы Тверской и Ярославской губерний. Происхождение названия неясно.

3. Стан Верховский. Расположен по правым притокам реки Могочи (приток Мологи), главным образом по реке Мелече, и по возвышенной местности, представляющей центр бассейна Мологи в ее почти круговом течении. Благодаря этому в нем находились верховья многочисленных рек, растекающихся по разным сторонам по направлению к Мологе. Отсюда, быть может, его название. Почти граничил с соименным станом Ярославского уезда. Вероятнее всего, часть древней Новгородской волости Мелечи.

4. Стан Городецкий. По верховьям Мологи, вокруг Городецка (нынешнего Бежецка) и к юго-востоку до Капшинского рубежа. Название от города Городецка. Вероятнее всего, основная территория «Бежецкого верха». В его пределах расположено было и село Бежичи.

5. Стан Ивановский. Небольшой стан к востоку от предыдущего. Происхождение названия неясно.

6. Стан Каменский. Очень обширный стан, составлявший южную оконечность Бежецкого уезда. Происхождение названия неясно.

7. Стан Мещерский. Самый восточный стан уезда; по линии Рыб.-Болог. ж. д. между станциями Сонково и Харино. Происхождение названия неясно.

8. Стан Пироговский. Разбит на 3 отдельных участка к северу, востоку и югу от нынешнего города Бежецка. Название в связи с селом Пироговым, находящимся в восточном участке.

9. Стан Полянский. По северо-западной границе уезда, смежный с Бежецкой пятиной и Устюженским уездом. Так же, как и Верховский стан, быть может, часть древней волости Мелечи. Название сохранилось в названии погоста Полян.

10. Стан Ясеницкий. Северная окраина Бежецкого верха, пограничная с частью Углицкого уезда, тянувшей к селам Веси-Егонской и Устюжне. Близость этого стана к Веси-Егонской наводит на мысль о том, что здесь, быть может, была древняя Новгородская волость Егна. Название сохранилось в названии села Пятница Ясеницы.

С Ясеницким станом слился и Лощинский стан, упоминаемый в книге переписной 1646 г. (Перепис. кн. 25). Название последнего от села Лощиц, б. Вьсыгонского уезда.

11. Приселье Еськое. От села Еськи; по нижнему течению реки Могочи до впадения ее в Мологу. Одно из первых известий — в договоре Василия Темного с Дмитрием Шемякой и Красным 1440 г. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 60; *Дебольский*, там же, II, стр. 22).

12. Приселье Максимовское. Первое известие об этой местности, может быть, в первой духовной великого князя Василия Дмитриевича 1406 г., где в числе волостей, даваемых Софье Витовтовне, упомянуто: «в Бежецком верхе село Максимовское с деревнями» (Собр. Г. Г. и Д., I, 39; *Дебольский*, там же, II, стр. 4).

13. Волость Лесоклинская. К югу от предыдущего. Название от обширного леса Клинского, остатки которого доселе уцелели в этой местности. Название волости сохранилось в названии Лесоклинского погоста.

14. Волость Сулега и Дор. В двух участках к северо-востоку и востоку от города Бежецка. Первая часть названия от реки Сулеги.

15. Корельские волости, заселенные около половины века, смежные со станами Верховским, Полянским и Ясенским.

ВЕРЕЙСКИЙ УЕЗД

Все 9 станом, составлявших Верейский уезд в XVII столетии, упоминаются очень рано в документах XIV столетия, так как эти местности уже тогда вошли в состав владений Московских князей.

Однако уезд в том составе, в каком находим его в XVII столетии, сложился много позднее. По духовной Дмитрия Донского 1388 г. позднейший Верейский уезд был разделен на 2 части: Верей, Глинск, Чяслов, Рудь (вероятно, и Крапивна) и Заберег были даны Андрею Можайскому; Вышгород и село Косицкое — Юрию Галицкому.

Позднее, впрочем, Вышгород составлял, кажется, часть владений Михаила Андреевича Верейского. По духовной Ивана III 1504 г. Верей и Вышгород вместе достались князю Андрею Ивановичу Старицкому. Во владении его и его сына Верей и Вышгород оставались до 1566 г., когда Верей с волостями была променена Ивану IV на Звенигород. В меновой названы следующие станы: Городской, Крапивна, Глишеск, Заберега, Рудский, Числов, Косицкий. По всей вероятности, бывшие владения Владимира Андреевича, к которым присоединен был Вышгород, оставшийся, повидимому, за ним до его смерти в 1569 г., и троицкая волость Илемда составили Верейский уезд XVI—XVII вв. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 34, 144, 188; Акт. Ист., I, № 50).

1. Стан Вышегородский. Вышгород Верейский по реке Протве ниже города Вереи. Первое известие в договорной гр. Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1371 г. Вышгород упомянут в числе волостей, утверждаемых за великим князем. Позднее всегда отделялся от собственно Верейского удела (Собр. Г. Г. и Д., I, № 29; *Дебольский*, там же, I, стр. 25). В XVII в. Вышгород — дворцовое село. Стан Вышегородский XVII в. расположен отдельно, в восточном углу уезда, по притокам рек Нары и Исмы. Среди селений стана есть село Плесенское на Плесеке в связи, вероятно, с старинной Звенигородской волостью Плесеенью (Собр. Г. Г. и Д., I, № 34; духовная Донского 1388 г. *Дебольский*, там же, I, стр. 28). Граница этого стана с Звенигородским уездом точно определена межевой грамотою 1504 г. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 139).

2. Стан Глишеск. Судя по названию селений (село Корытцево, село Елманово и др.), находился к югу от реки Протвы, по реке Берегу, а не у реки Глишенки в Гжатском уезде, как полагает *Дебольский*. Первое известие в духовной Дмитрия Донского, среди волостей, доставшихся князю Андрею Можайскому (Собр. Г. Г. и Д., I, № 34, *Дебольский*, там же, I, стр. 28, 29).

3. Стан Городской. Окрестности города Вереи по обоим берегам реки Протвы. В состав этого стана вошла розданная в начале XVII в. в поместное владение дворцовая Борисова слобода.

4. Стан Зарубежский. В XVII в. весь запустел; в книгах 1668 г. (А. М. Ю., п.к. 11838) не упоминается вовсе. Положение его определяется известием о пустом погосте Рождественском на реке Берегу. Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с испорченным названием волости *Заберег*, упоминаемой в составе Верейских волостей в XIV в. (духовная Дмитрия Донского, Собр. Г. Г. и Д., I, № 34) и позднее, в XVI в. (меновная грамота Ивана IV и Владимира Андреевича 1566 г. Собр. Г. Г. и Д., I, № 188, стр. 530). Первое известие о волости Заберег — в духовной великого князя Семена 1353 г. в составе его личного удела, оставленного вдове. Позднее Заберег оставался в пожизненном владении вдовы князя Семена после передачи ею своего удела великому князю Ивану Ивановичу (Собр. Г. Г. и Д., I, № 22, 24 и 25; *Дебольский*, там же, I, стр. 21, 22 и 25).

5. Стан Илемда или Илемна. По реке Руди и притоку ее реке Быковке. Троицкая вотчина, пожалованная монастырю Иваном III в 1488 г. Первое известие по случаю пожалования — (А. А. Э. I, № 122).

6. Стан Косицкий. На левом берегу Протвы до реки Исмы, ниже города Вереи. Вероятно, в связи с этой рекой волость Исмея, упоминаемая в составе владений князя Андрея Можайского в духовной Дмитрия Донского в 1388 г., которая, надо думать, слилась с Косицким станом. Первое известие о с. Косицком в духовной князя Ю. Д. Галицкого 1424 г. в составе волостей его младшего сына, Дмитрия Красного.

7. Стан Крапивненский. К югу от Городского стана, между последним и Илемдой. Название в связи с рекой Крапивенкой. Первое известие в договоре Дмитрия Донского и Владимира Андреевича 1371 г., где эти волости показаны за великим князем.

8. Стан Рутский. К востоку от предыдущего. Название от реки Рута. Первое известие «Рудь с Кропиною» там же, где о предыдущем стане. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 29; *Дебольский*, там же, I, стр. 25).

9. Стан Числов. Очень небольшой стан среди местностей Вышегородского стана. Происхождение названия неясно. Первое известие в духовной Дмитрия Донского 1388 г. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 34., *Дебольский*, там же, I, стр. 26).

ВОЛОКОЛАМСКИЙ УЕЗД

Волок, как Новгородская волость, упоминается в договорах с князьями до 1471 г. С другой стороны, из тех же грамот видно, что еще с начала XIV столетия Волок со-

ставляя «смешное» владение Новгорода и великих князей. По договору Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским 1389 г. Волок утверждается за последним. Волоцкий удел князя Бориса Васильевича, не считая Ржева, обнимал более значительное пространство, нежели позднейший Волоколамский уезд, так как ему принадлежала и Руза, перешедшая в удел сына его Ивана Борисовича.

При князьях Иване и Федоре Борисовичах в состав Волоколамского удела включены были вымененные у великого князя Ивана III прежние Тверские волости Буйгород и Колпь. Разбираясь в духовной князя Федора Борисовича 1513 г., в которой упоминается Волок с волостями Староволоцкое, Ядрово (в западном углу уезда), Рюховское, Буйгород и др., можно прийти к заключению, что его владения приблизительно совпадали с позднейшим уездом. Однако ему же принадлежала Рузская волость Войнич. Позднее Волок одно время принадлежал старицким князьям. Возможно, что именно в это время окончательно сложились границы уезда, какие мы застаем в XVII в. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 9, 20, 85, 105, 132 и 151; *Дебольский*, там же, II, стр. 39; *Борзакровский*, История княжества Тверского, стр. 48—50).

1. Стан Издетель. Обширный стан, составлявший западную оконечность уезда. Его западная граница совпадала с границами Тверской и Московской губерний. По верхнему течению реки Лби от Рузы, на водоразделе бассейна Волги и Москвы. Происхождение названия неясно (в настоящее время есть река Издетель). Первое известие в договоре Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского 1378 г. в составе владений последнего.

2. Стан Колпский. К востоку от предыдущего. Происхождение названия в связи с рекой Колпенкой и селом Белая Колпь. Первое известие в меновой Ивана III с Волоцкими князьями 1497 г. Буйгород и Колпь даны Волоцким князьям в обмен на принадлежавшие им села в уездах Коломенском, Владимирском и Юрьевском (Собр. Г. Г. и Д., I, № 129; *Дебольский*, там же, II, стр. 39).

3. Стан Ламский. К юго-восточному углу уезда по Рузскому рубежу; по верховьям реки Ламы. От нее заимствовано и название.

4. Стан Льянников. По реке Ламе, выше города Волоколамска, до границ Рузского уезда. Происхождение названия неясно. Название не встречается в ранних актах; но в пределах этого стана расположено село Рюховское, впервые упоминаемое в духовной Калиты в составе земель князя Ивана Ивановича и не раз встречающееся в позднейших духовных грамотах (Собр. Г. Г. и Д., I, № 22, 105, 132; *Дебольский*, там же, I, стр. 2, 14, II, стр. 35).

5. Стан Рахов. К западу от города Волоколамска между реками Ламой и Муравкой. Происхождение названия неясно.

6. Стан Сестринский. К северу от Ламского, прилегает к реке Сестре близ Иосифова монастыря. Пограничный с Рузским уездом. Название от реки Сестры.

7. Стан Старо-Волоцкий. К северу от нынешнего города Волоколамска, по течению реки Ламы. В духовной князя Федора Борисовича 1513 г. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 151) упоминается село Старо-Волоцкое, которое он оставляет своей вдове.

8. Стан Хованский. К западу от Рахова стана, по верховьям реки Муравки и по течению Рузы. Происхождение названия неясно.

9. Федоровская волость. По нижнему течению реки Муравки до впадения ее в Ламу.

10. Дворцовая волость Ярополчь. По реке Ламе. Не должна быть смешиваема с Ярополчем Владимирского уезда.

11. Дворцовая волость с. Вишенки. В юго-западном углу уезда, по левому берегу Рузы, в верхнем ее течении.

12. Дворцовое село Буйгород (см. выше заметку об уезде).

Названия некоторых станов Волоколамского уезда совпадают с названиями станов Рузского уезда. См. ниже этот уезд.

ВЛАДИМИРСКИЙ УЕЗД

На севере и западе Владимирский уезд вполне ясно ограничивается землями княжений Суздальского, Стародубо-Ряполовского, Юрьевского, Переяславского и Московского. Течением Клязьмы северная половина уезда, истарый густо населенная, отделяется от лесных волостей южной половины уезда, простиравшейся до довольно слабо очерченных границ Рязани и Мещеры. Южной своей оконечностью уезд касался

течения Оки. Южные волости с неплодородною почвой, изобиловавшей лесом, оставались до XVII в. частью черными и частью дворцовыми. Обилие перусских названий указывает, что здесь долгое время сохранялись остатки финнов. Из названия волости «Муромское сельцо» видно, что эти племени были племия Муромы. Вышеуказанные природные условия — плохая земля, обилие болот и лесов — способствовали более долгому сохранению здесь Муромы.

Весь уезд до конца XVII в. большей частью рассматривается как прочное целое.* В духовных и договорных грамотах XIV—XV вв. находим названия «Владимир», «Великое княжение». Отдельные станы и волости попадают очень редко. Сопоставляя все известия о местностях, составивших Владимирский уезд, можно, кажется, предположить, что этот уезд, как мы его видим в XVII в., составил из большей части того великого княжения, которым Дмитрий Донской впервые, как вотчиной, благословил сына своего Василия, и из части земель Муромского княжества.

В состав этого великого княжения входило течение реки Клязьмы, левый ее берег до границ уделов Юрьевского, Суздальского и др., образовавшихся из Владимиро-Суздальского княжества XII в. Правый берег Клязьмы в силу тех же природных условий и малой населенности остался вне этих уделов, и, таким образом, бедные лесные волости навсегда остались связанными с Владимиром. Этим, надо думать, объясняется далекое протяжение Владимирского уезда на юг (Собр. Г. Г. и Д., I, № 25, 41 и 82; Списки населенных мест Владимирской губернии, стр. XXXIX).

1. Стан Богаевский. По реке Клязьме, у границ Переяславского уезда.

2. Стан Боголюбовский. К северо-востоку от Владимира, по левому берегу Клязьмы до границ Суздальского уезда. Название от с. Боголюбова. В XVII в. входил в состав Юрьевской «приписи»; истари густо населен.

3. Стан Волежский. В западной части уезда, близ Переяславского рубежа, по рекам Воляге и Липне. Точное положение его не совсем ясно. Название от реки Воляги.

4. Стан Заволежский. Находился, повидимому, близ предыдущего. Название от реки Воляги.

5. Стан Остров Вышелесский. В южной части уезда по рекам Поле (притоку Клязьмы) и Дне (притоку Оки). Происхождение названия неясно. Сохранилось в названии с. Вышелес. Название «Остров» присвоено было еще одной из 13 волостей «Повчего пути», к которым принадлежал Остров Вышелесский — Острову Таруцкому. Первое известие в духовной Великой княгини Софии Витовтовны 1453 г.: свой прикуп Вышелес княгиня завещала внуку Андрею большому (Собр. Г. Г. и Д., I, № 82; Дебольский, там же, II, стр. 52).

6. Волость Гуская. В южной части уезда по реке Гусю, откуда и название. Быть может, в этой волости находилась «Слободка на Гусю», завещанная великим князем Василием Дмитриевичем жене своей Софии Витовтовне по духовной 1423 г. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 41; Дебольский, там же, II, стр. 16).

7. Волость Дубровская. Вокруг озер Долгого, Великого и др.; близ верховьев реки Поли. Название в связи с ныне существующим с. Дубровой.

8. Волость Жегаловская. В северной части уезда, по реке Пекше, притоку Клязьмы. Происхождение названия неясно.

9. Стан Ильмехотский. Обширный стан северной половины уезда; от границ Юрьевского уезда по реке Ворше и отчасти реке Колокше до впадения этих рек в Клязьму. Стан захватывает некоторые местности на правом берегу Клязьмы. Название от речки Ильмехты.

10. Волость Инебожская. На левом берегу близ устья рек Пекши и Липни. Происхождение названия неясно; ср. соименную волость Дмитровского уезда.

11. Стан Клековский. К югу от города Владимира, по притокам Оки — Буже и Поле. В состав Клековского стана входила большая патриаршая Багачевская волость.

12. Стан Колпский. По верхнему течению реки Колпи (откуда и название). Пограничный с Муромским уездом.

13. Волость Кривавдинская или Кривалдинская. По рекам Буже и Поле (притоку Клязьмы) в южной части уезда. Название сохранилось в названии села Кривадина на реке Поле.

14. Волость Крисипская. На левом берегу Клязьмы, от устья реки Пекши вниз до речки Ундолки. Происхождение названия неясно. Писцами XVII в. иногда включалась в состав соседнего Ильмехотского стана.

15. Стан Лиственский. Между верховьями рек Гуси и Судогды. Происхождение названия неясно. Доселе существует погост Воскресенский в Листвине, Судогодского уезда.

16. Стан Медушский. Обширный стан, расположенный по древним границам Суздальского и Муромского уездов. Происхождение названия неясно. До сих пор существует погост Медуши Ковровского уезда. Первое известие — в договоре Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1389 г., где великий князь обязывался дать В. А. «Медуши и Ярополч во Ржевы место», если бы она почему-либо была утеряна последним (Собр. Г. Г. и Д., I № 35; *Дебольский*, там же, I, стр. 34).

17. Волость Мичевская. В южной части уезда по рекам Нарме и Нуле в б. Рязанской губернии. Происхождение названия неясно.

18. Волость Муромское сельцо. В южной части уезда. Центр волости составляли озера Великое, Святое и др. Название волости ясно указывает на племя Мурому, ранее здесь обитавшее.

19. Стан Опольский. Обширный и очень густо заселенный стан к северо-западу от города Владимира, ограничиваемый Суздальским рубежом, рекой Колокшей и рекой Клязьмой, смежен с одноименным станом Суздальского уезда. Название указывает на безлесную местность и сохранилось до XX в. (Списки населенных мест Владимирской губ., стр. VIII). Вместе с Опольским станом Суздальского уезда, Боголюбовским станом Владимирского уезда и Юрьевским уездом — древнейшее место русской колонизации. В XVII столетии входит вместе с Боголюбовским станом в состав Юрьевской приписи. Часть стана образовала волость Карачаровскую. Особая часть Опольского стана или, может быть, отдельный одноименный стан находился в противоположном конце уезда, составляя его южную оконечность. Этот второй Опольский стан был очень небольших размеров, лежал на правом берегу Оки; центром его было село Курман.

20. Волость Палешская (к Боголюбовскому стану). Отдельно от уезда между Суздальским, Шуйским и Лушским уездами. Название от села Палеха.

21. Волость Польская. На правом берегу Клязьмы по реке Поле (притоку Клязьмы) и Ушме. Название в связи с рекой Полей.

22. Стан Пырьков. По реке Цие, притоку Оки, пограничный с Коломенским и Московским уездами. Происхождение названия неясно. В переписной 1646 г. (А. М. Ю., п. к. 12612) слит с соседними волостями Шатурской и станом Сеньгой.

23. Стан Рог Большой. Так же, как и два нижеследующие, был расположен на северо-западном краю уезда по Юрьевскому и Переяславскому рубежам, по среднему течению реки Пекши. Происхождение названия неясно.

24. Стан Рог Малый.

25. Дворцовая волость Любецкий Рожок.

26. Волость Санницкая. По низовьям рек Ворши и Колокши и по Клязьме. Иногда считалась отдельной волостью, иногда включалась в состав Ильмехоцкого стана. Происхождение названия неясно.

27. Стан Снег. Крайний западный стан уезда, смежный с Переяславским и Московским уездами. Название от реки Сеньги, притока реки Клязьмы.

28. Волость Славецкая. По книгам первой половины XVII в. в ней только пустоши. Позднее не упоминается вовсе. Местонахождение неясно.

29. Стан Судогодский. По течению реки Судогды, вверх и вниз от нынешнего города Судогды. Название от реки.

30. Стан Тарутский остров, в южной части уезда близ волости Муромского сельца. Точное расположение не вполне ясно, так же как и происхождение названия. Быть может, это «Остров», упоминаемый в духовной Ивана III (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 44).

31. Волость Тугалесская. По верхнему течению реки Поли (притока Клязьмы). Название, происхождение которого неясно, сохранилось в названии с. Тугалес.

32. Волость Тумская. В южной части уезда, к востоку от волости Муромского сельца, по реке Нарме. Название в связи с названием с. Тума.

33. Волость Черная-Гостиловская. На берегах озера Великого. Первая часть названия, которая в книге 1678 г. (А. М. Ю., п. к. 12613, л. 41) уже отпадает, представляет пережиток, воспоминание о свободном состоянии волости, продолжавшемся до первой четверти XVII в., когда она, подобно всем соседним волостям, была роздана в поместья и вотчины служилым людям. Вторая часть названия — от села Гостилова.

Писцы 1637—1643 гг. (А. М. Ю., п. к. 12603) включили Черную-Гостиловскую волость в состав Муромского сельца.

34. Волость Шатурская. По верховьям р. Поли, притока Клязьмы, смежная с Гуслицкой вол. Московского уезда. Название сохранилось в названии села Шатур. Первое известие в духовной Ивана III (Собр. Г. Г. и Д., I, № 144, *Дебольский*, II, стр. 44).

35. Стан Ярополчский. Составлял вместе с дворцовой Ярополчской волостью части одного первоначального целого. Стан в XVII в. обнимал земли, розданные в частное владение. Название волости осталось за землями дворцовыми. Крайняя восточная часть уезда, к востоку от Медушского стана, смежная с Суздальским, Гороховецким и Муромским уездами, по обоим берегам Клязьмы. Название от села Ярополча (позднее Вязниковская слобода, нынешний город Вязники). Впервые упоминается вместе с Медушами в договоре Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем Серпуховским в 1389 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 35; *Дебольский*, I, стр. 34—35).

36. Волость Ярополчская, дворцовая.

37. Дворцовое село Всегодичи и Осипово около нынешнего города Коврова.

38. Дворцовое село Сарыево в восточной части уезда. Вероятно, ранее входило в состав Ярополчской волости.

39. Дворцовая волость, село Спасское и волость Матренинская.

40. Село Черкутино (дворцовое).

} к западу от Владимира, по притокам реки Колокши

ГОРОХОВЕЦКИЙ УЕЗД

Составляет прямое продолжение смежной с ним Ярополчской волости, Владимирского уезда, которую не превышает и размерами. Вероятнее всего, этот уезд первоначально составлял часть великокняжеской области и отделился позднее. Одной из причин его выделения в особое административное целое могло быть то обстоятельство, что город Гороховец с прилегающими волостями часто отдавался в феодальное владение.

Еще в XIII в., в эпоху татарского разгрома, Гороховец был вотчиной Владимирского Успенского собора, так как он назван «градом св. богородицы». В XVII в. Гороховец несколько раз был в частном владении: в 1646 г. — боярина С. Л. Стрешнева, в 1678 г. — кравчего князя Одоевского. Граница Гороховецкого уезда была совершенно точно определена еще в конце XVI в. писцами Лукою Новосильцевым с товарищи, работавшими в 1584 г. (П. С. Р. Л., I, стр. 204, А. М. Ю., переп. к. 15398, л. 1; переп. к. 15410, л. 1; п. к. 625, лл. 262—286).

1. Волость Красносельская. На правом берегу Клязьмы, вокруг города Гороховца. Название от с. Красного, близ уездного города.

2. Волость Куленинская. К югу от предыдущей, по реке Клязьме и нижнему течению реки Суворини (Суворин). Название от с. Кули.

3. Стан Лухманский. Южная окраина старого Гороховского уезда, по течению реки Суворини. Происхождение названия неясно.

4. Стан или волость Раменская. Северная закляземская лесная часть уезда. Название указывает на лесистый характер волости.

ДМИТРОВСКИЙ УЕЗД

Дмитров — очень раннее приобретение Московских князей. В договорной Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем 1371 г. числится за великим князем. Позднее почти всегда составляет удел князей боковых ветвей Московского дома. К XV—XVI столетию относится и постепенное образование Дмитровского уезда из волостей собственно Дмитровских, расположенных вокруг города, и из волостей Московских и Переяславских.

Первоначальная московско-дмитровская граница неясна. Некоторые волости, например Ижва, Мушкова гора и Раменка, составляющие крайний юго-запад уезда, называются в духовной Дмитрия Донского московскими волостями. По той же духовной и некоторые исконные московские волости, например Радонеж, Воря, Корзенец и далее до Гуслицы, входят в состав Дмитровского удела князя Петра Дмитриевича. В XV столетии Дмитров был уделом князя Юрия Васильевича, второго брата Ивана III. В это время Дмитровский удел составляют, кроме местностей, окружающих город, еще юго-западные волости — Мушков, Ижва и др., теперь окончательно включенные в состав Дмитровских земель, и, кроме того, Переяславские волости — Юлка, Се-ребож, Бускутово и Рождественская. Наоборот, волости Радонеж, Воря и др., ле-

жащие на юго-восток от Дмитрова, со времени присоединения Дмитрово-Галицкого удела Юрия Дмитриевича и его сыновей, тянут всегда к Москве. По духовной Ивана III Дмитров отдан второму сыну, князю Юрию. К этому времени следует отнести окончательное образование Дмитровского уезда. Он состоит из собственно Дмитровских волостей и Переяславской волости Юзки, впоследствии распавшейся на станы Бортной, Кузьмодемьянский и Троицкий.

Остальные Переяславские волости, в том числе и Серебож, расположенный между Повельским и Кузьмодемьянским станами, отошли во владение великого князя Василия, разделив, таким образом, Дмитровский уезд на два отдельных участка: 1) больший, простиравшийся от рек Дубны и Вели на юго-запад до верховьев реки Истры и северо-восточного угла позднейшего Рузского уезда, и 2) меньший, по среднему течению реки Нерли и по реке Вьюлке в пределах бывшего Калезинского уезда, разделенные полосой Переяславского уезда, местами не более чем в 10—15 километров ширины. В этом виде уезд был вымечен в 1566 г. Иваном IV Владимиру Старицкому, получившему к Дмитрову станы Повельский, Вышегородский, Инобожский, Лутосенский, Роменский, Берендеевский, Зарадомский, Ижевской, Кузьмодемьянскую слободку, Мушков, «да по Вьюлке» Троицкой, Бортный (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22, 29, 34, 49, 50, 86, 87, 132, 138—141, 187; *Дебольшский*, там же, I, стр. 25, 29, 33; II, стр. 19, 21, 29, 47; *Ежемлярский*, Великие и удельные князья северной Руси, II, стр. 337—352).

1. Стан Берендеевский. Между верховьями реки Истры и Сенезким озером. Название сохранилось в названии села Пятницы-Берендеева. Происхождение названия, в первоначальной форме «Берендеева слобода», неясно. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского.

2. Стан Бортный. На верховьях реки Хотчи. Часть старинной Переяславской волости Вьюлки или Юзки. Первое известие в меновой Ивана IV и Владимира Андреевича 1566 г.

3. Стан Вышегородский. По рекам Яхроме и притокам ее Икше и Волгуше, от города Дмитрова вверх до истоков этих рек. Этим, быть может, следует объяснять и происхождение названия стана, обнимавшего местности, лежавшие *выше города*. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского.

4. Волость Конюшенная. Дворцовые земли, группировавшиеся вокруг Егорьевского погоста, внутри Каменского стана.

5. Стан Зарадомский. К югу от озера Сенежа. Был отделен от древнего Московского уезда рекой Радомлей или Радомкой, откуда и его название.

6. Стан Ижевской. Древняя волость Икша. Крайний юго-западный угол уезда, расположенный по рекам Нудали и Маглуше. Название неясно. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского.

7. Стан Инобожский. К востоку от Дмитрова, между этим городом и Троицким монастырем, по левому берегу реки Вели, ее притоку Инобожи (откуда и название) и верховьям реки Пажи. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского (Инобаш).

8. Стан Каменский. К западу от Дмитрова. Границы стана определяются течением реки Волгуши, реки Яхромы и реки Сестры. На юг стан доходил до Дмитрово-Московского рубежа, на юго-запад — до озера Сенежа. Название, может быть, от речки Каменки. В договорных грамотах название этого большого и срединного стана не встречается.

9. Стан Кузьмодемьянский (или Кузьмодемьянская слободка). В меньшей части уезда, к северу от Бортного. Часто упоминается отдельно от волости Юзки. Первое известие в духовной Юрия Дмитриевича Галицкого в числе земель, доставшихся Дмитрию Шемяке.

10. Стан Лутосенский. По реке Лутосне или Лутосне и по реке Сестре к северу от озера Сенежа. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского.

11. Стан Мушковский. Как и Икша, — старинная Московская волость, к северу от Суражского стана Московского уезда, между Рузской границей и верхним течением реки Истры. Древнейшее название — Мушкова гора — в связи с Мушковским (нынешним Мушкинским) погостом. Первое известие — в духовной Калиты в числе волостей княгини вдовы.

12. Стан Повельский. Самый большой стан уезда, расположенный к северу от Дмитрова. Границы его составляли течение рек Вели, Дубны, Сестры и Яхромы и условная линия между Велей и Яхромой, проходившая, приблизительно, через Дмитров. Название от реки Вели, притока Дубны. Первое известие — в межевой 1504 г.

13. Стан Раменский. Самый западный стан уезда, по рекам Катыше и Черной, притокам Истры. Название, часто встречающееся в Замосковном крае. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского.

14. Стан Троицкий. Самый северный из станов меньшего участка Дмитровского уезда по рекам Юлке и Нерли, часть старинной волости Юлки. Название от села Троицкого. Первое известие — в меновой Ивана IV и Владимира Старицкого.

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ УЕЗД

Так же, как и Дмитров, Звенигород всегда почти был уделом боковых княжеских ветвей Московского дома. К собственно Звенигородским землям, позднее получившим название Городского стана, уже с самого начала, с духовной Калиты, отдавшего Звенигород второму сыну, Ивану, присоединяются волости Угожь, Тросна и Негуча, слившаяся позднее с Тросной. К Звенигородским землям причислялись иногда и соседние Рузские волости, например, Скирманово (духовная Калиты) и Московская волость Сурожик (договорная Юрия Дмитриевича с Василием Темным). Окончательно сложился уезд, вероятно, как удел Андрея Большого Васильевича, по духовной Василия Темного. По межевой Звенигородских земель князя Юрия Ивановича 1504 г. уезд уже представляется в том самом виде, в каком его знает писцовая 1560—1563 гг., т. е. в составе трех станов (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22, 34, 49, 50, 51, 86, 87, 132, 140; *Дебольский*, там же, I, стр. 14, 15, 28, II, стр. 19, 30, 47. *Экземплярский*, *Великие и удельные князья сев. Руси*, II, стр. 277—286).

1. Стан Городской. Обширный стан, простиравшийся во все стороны от города, километров на 10—15 и более.

2. Стан Тросенский. Северо-западный стан уезда, вокруг озера Тросенского. Название в связи с названием этого озера и реки Тросны. Первое известие — в духовной Калиты.

3. Стан Угожский. Южный стан уезда, к югу от нынешней линии Западной ж. д. по верховьям реки Нары и ее притока Тарусы. Название неясно. Первое известие в духовной Калиты.

ЗУБЦОВСКИЙ УЕЗД

Зубцов в XV столетии был одно время Тверским уделом и принадлежал князю Ивану Юрьевичу, племяннику великого князя Бориса Александровича, затем вновь перешел в состав великого княжения Тверского.

Образование Зубцовского уезда из исконных Тверских земель, как и образование других уездов на территории бывшего великого княжения Тверского, можно, кажется, отнести к 1492 г., когда Иваном III было произведено первое описание Тверских земель. Это видно из духовной Ивана III, по которой третьему сыну, Дмитрию, дан был «в Тверской земле город Зубцов с волостями... город Опoki с волостями... по тому, по каа места писал к Зубцову и к Опoкам писец наш Дмитрий Пешков».

Кроме этих земель, к Зубцову были причислены пограничные с Вяземским уездом городки Хлепец, Рогачев и Негомирь, отданные тому же Дмитрию Ивановичу и с этих пор оставшиеся в составе Зубцовского уезда. (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 51—52; *Борзакровский*, История Тверского княжества, стр. 38, 39; *Покровский*, Историческое и статистическое описание Тверской губернии, I, отд. 1, стр. 82, 86).

1. Стан Большановский. По северной границе уезда, по реке Дуниловке. Находился между землями древних Старицкого и Ржевского уездов. В первой половине XVII в. совершенно запустел. Происхождение названия неясно.

2. Стан Боинский и Олферовский. На левом берегу Волги, по реке Боине или Боине, откуда и название. В этом стане, на берегу Волги, почти у ворот Ржева, находилось, по книгам 1620-х годов, городище Опoki, прежняя пограничная крепость Тверского княжества (*Овсянников*, О Новгородско-Тверском рубеже, стр. 9; *Борзакровский*, История Тверского княжества, стр. 39).

3. Стан Борисоглебский. По реке Гостиже к югу от Ржева и к западу от Зубцова. В 1620-х годах весь пуст. Происхождение названия неясно.

4. Стан Старый Березуй. Этот стан, равно как и следующий, находились на правом берегу Вазузы. Название от погостов Старого и Молодого (нынешнего Большого) Березуя.

5. Стан Молодой Березуй.

6. Стан Воскресенский. На левой стороне Волги, по границе древнего Стариц-

кого уезда, к северу от Дорогоцкого стана, по реке Дорогоче. Происхождение названия неясно.

7. Стан Гжацкий. Юго-восточный угол уезда, по правому берегу реки Гжати откуда и название.

8. Стан Горелинский. На левой стороне Волги, вниз от города между Дорогоцким и Воскресенским станами, Волгой и древней границей Старицкого уезда. Происхождение названия неясно.

9. Стан Голенищевский. На левой стороне Волги, между станами Бонинским и Дорогоцким. Очертания и название неясны. На карте не обозначен.

10. Стан Гостижский. На правой стороне Волги, к западу от Зубцова, близ нынешней границы Ржевского уезда. Название от реки Гостижки.

11. Стан Дорогоцкий. На левом берегу Волги, к северу от города Зубцова. Название от реки Дорогочи.

12. Стан Дмитровский. Между реками Вазузой и Шешемкой, к югу от города Зубцова. Происхождение названия неясно. В 1620-х годах весь пуст.

13. Стан Лепковский. На правом берегу Волги, вниз от города, между Шешемским станом и Старицким уездом. Происхождение названия неясно.

14. Стан Люцкий. На правой стороне Волги, близ Ржева, против стана Бонинского и города Опок. Происхождение названия от реки Лога.

15. Стан Негоморский. На южной границе, между границей бывшей Смоленской губернии и рекой Вазузой. Название от городка Негомри (ныне деревни Немгорь), упомянутого в духовной Ивана III отдельно от Зубцовских волостей.

16. Стан Никольский. По нижнему течению реки Осуги и по левому берегу реки Вазузы. Происхождение названия неясно.

17. Стан Отрубский. По западной границе уезда, смежный со Ржевским и Вяземским уездами, по реке Осуге. Название в связи с селом Отруб.

18. Стан Покровский. Между станами Шешемским и Лепковским и границей Старицкого уезда. В 1620-х годах весь пустой. Происхождение названия неясно.

19. Стан Пыховский. Между реками Волгой и Вазузой, к западу от города. Происхождение названия неясно.

20. Стан Рогачевский. В южной части уезда, на Вяземской границе, по реке Осуге и линии нынешней Ржево-Вяземской ж. д. Название от древнего погоста Рогачева на Осуге. В духовной Ивана III упоминается отдельно от Зубцовских волостей.

21. Стан Текутьевский. На правом берегу Волги, рядом с Люцким станом. Происхождение названия неясно.

22. Стан Тешутинский. Юго-западный угол уезда по реке Рокитне. Название от села Тешутина.

23. Стан Теребетьевский. Положение неясно, так как оставался пустым с начала XVII в. до переписи 1678 г. включительно.

24. Стан Фоминский. Вокруг Фоминского городища (ныне село) при впадении Осуги в Вазузу. Стан очень небольших размеров, в первой половине XVII в. весь пуст, вследствие чего на карте не обозначен. Стан Фоминский, по всей вероятности, место древнего удельного княжества Фоминского, отдаленного уголка древней Смоленской земли (*Квашнин-Самарин*, Исследование об отношении княжеств Ржевского и Фоминского).

25. Стан Хлепенский. С южной части уезда, на левом берегу реки Вазузы. Название от городка (ныне село) Хлепен, который в духовной Ивана III упомянут отдельно от Зубцовских волостей.

26. Стан Шешемский. К югу и юго-востоку от города, по правому берегу Волги и по реке Шешме, откуда и название. Один из наиболее значительных по размерам станом Зубцовского уезда.

КАШИНСКИЙ УЕЗД

Значительный по размерам своим Кашинский уезд образовался, вероятнее всего, полностью из Кашинского удела великого княжества Тверского, бывшего, как известно, самым крупным из Тверских уделов. По духовной Ивана III, Кашин «с волостями и с путями и с селы... по тому ко каа места писал к Кашину писец наш Василий Карамышев» отдан второму сыну, Юрию. Отсюда можно думать, что описание 1492 г. окончательно установило границы Кашинского уезда. Во всяком случае, межевая грамота 1504 г. устанавливает Кашинско-Дмитровский и Кашинско-Переславский рубеж

совершенно согласно с данными писцовых книг XVII в. (С. Г. Г. и Д., № 138 и 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 47; *Покровский*, там же, стр. 82—85; *Борзакровский*, История Тверского княжества, стр. 25, 26).

1. Стан Белогородский. По течению реки Волги, ниже Кимр, до впадения Нерли. Название в связи с доныне существующим с. Белым-Городком.

2. Стан Гостунский. По правую сторону реки Дубны, от границ Переяславского уезда до впадения ее в Волгу и по течению Волги до Кимр. Происхождение названия неясно. Первое известие в межевой грамоте князя Юрия Ивановича 1504 г.

3. Стан Дубенский. По обоим берегам Волги, от бывшего города Корчевы до устья Дубны, откуда и название. На западе граничил с Тверским уездом, на юге — с Дмитровским и Клинским.

4. Стан Жабенский. На правой стороне Волги от устья Нерли до границ древнего Углицкого уезда. С востока ограничен Переяславскими и Дмитровскими землями, с севера — Ростовскими. Название от реки Жабни, притока Волги. Первое известие в межевой грамоте Юрия Ивановича 1504 г.

5. Стан Меньшая слободка Задубровская. По правой стороне реки Медведицы, от границ древнего Бежецкого уезда.

6. Стан Большая слободка Задубровская. Очень значительный по размерам стан, к югу от предыдущего. Тянулся от Петровских озер на восток до реки Медведицы, обнимая весь бассейн реки б. Пудицы. На юге границу его составляла река м. Пудича. Происхождение названия неясно.

7. Слободка Завостинская. В северной части уезда, на реке Ярхове и ее притоках. Происхождение названия неясно.

8. Стан Кочемской. К югу от предыдущего, по границе древнего Бежецкого уезда. С юга ограничен рекой Медведицей, с востока — большей частью течением реки Ярхоты, притока Медведицы. Название в связи с селом Кочемль.

9. Стан Нерехотский. К востоку от города Кашина, ограничен с запада речкой Кашиной, с севера — Мерецким станом, с востока и юга — Волгой и Углицким уездом. Название в связи с речкой Нерехотой.

10. Стан Мерецкий. К северу от города Кашина и от предшествующего стана. Ограничен с запада речкой Кашиной и Бежецким уездом, с севера и востока — Углицким уездом. Название, может быть, в связи с Мерей.

11. Стан Пудичский. По правой стороне реки малой Пудицы. На юге граничил с Кимрской волостью.

12. Стан Середечский. Крайний западный стан уезда, между Петровскими озерами на юге и течением реки Медведицы на севере. Происхождение названия неясно.

13. Стан Суходольский. К западу от города Кашина, между течением рек Кашиной и Ярхоты. С севера граничил с Бежецким уездом.

14. Стан Чуцкий. К югу от г. Кашина, между течением рек Ярхоты, Медведицы, Волги и Кашиной. Название, вероятно, в связи с древним финским населением этой местности.

15. Стан Ходческий. На правом берегу Волги, по течению реки Ходчи, рядом с Дмитровско-Переяславской волостью Юлкой и дворцовыми землями Кимрской волости. Название от реки и села Ходчи.

16. Волость Кимрская. По обоим берегам Волги вокруг села Кимр.

17. Дворцовое село Инальцево в Жабенском стане.

КИНЕШЕМСКИЙ УЕЗД

Замечания об уезде см. в замечании о Суздальском уезде. Уезд составлял небольшую часть позднейшего Кинешемского уезда.

1. Волость Вичужская. Южная часть по реке Вичуге и ее притокам (откуда и название). Первое известие — в духовной Ивана III в числе волостей, доставшихся великому князю Василию (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 45).

2. Волость Владыченская. Северо-восточная часть уезда, на левом берегу Волги. Происхождение названия неясно.

3. Волость Кинешемская. Окрестности города Кинешмы на правом берегу Волги. Название от города и реки. Первое известие — в духовной Ивана III в числе волостей, доставшихся великому князю Василию (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 45).

4. Волость Мериновская. Западная окраина уезда на левом берегу Волги. Название от села Меринова.

КЛИНСКИЙ УЕЗД

Клин — старая Тверская волость, перешедшая к Москве вместе с другими Тверскими владениями в 1485 г. Вероятно, описание 1492 г. имело решающее значение в истории образования уезда. По духовной Ивана III, в числе владений великого князя Василия находим «Клин с волостями и с пути и с селы... по тому, по каа места писал пшсец наш Петр Лобан Заболоцкой». Конечно, весьма возможно, что в общих чертах границы области, тянувшей к Клину, были намечены еще ранее, в Тверскую эпоху (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 45; *Ворзакосский*, История Тверского княжества, стр. 39). Большая часть уезда составляла одно целое и не имела самостоятельного деления. Отдельные волости образовали только дворцовые земли.

1. Дворцовая волость Копытовская. К западу от города Клина, в середине уезда. Название как этой волости, так и нижеследующих двух происходит от центральных сел этих волостей.

2. Волость с. Новое. Бывшая дворцовая волость, розданная в поместья в начале XVII в. На правом берегу Волги, почти окруженная землями Тверского уезда.

3. Волость Сологинская. Бывшая дворцовая волость, розданная в поместья в начале XVII в. В западной части уезда, по реке Ламе. К XVIII в. Клинский у. распался на след. станы: Окологородный, Полаемский (по р. Ламе) и Вохусский (ГАФКЭ, д. Клин. боев. канц., оп. I, виз. 1—50).

КОЛОМЕНСКИЙ УЕЗД

Коломенский уезд представлял собою юго-восточный угол первоначальных владений Московских князей, ограниченный с юга рязанскими землями, с востока — землями великого княжения Владимирского. На севере уезд граничил с Московским уездом. Когда была проведена та граница между уездами, которая существовала в XVII в., нельзя сказать определенно. Судя по некоторым государственным актам XIV—XV вв., к Коломне, которая всегда отдавалась старшему в роде, тянули в то время некоторые волости, позднее отошедшие к Москве, например, Гвоздня, Гжель, Селна, Гуслица. Но во второй половине XVI в. граница, как видно по описанию уезда 1578 г., уже проходила в тех же местах, где шла в XVII в.

Позднее всего определилась западная граница уезда: по крайней мере, Хотунская волость, которая в XVII в. всегда тянула к Москве, в описании троицких земель 1592—1594 гг. отнесена к Коломенскому уезду (П. к. М. г., I, I, книги по Коломне № 1 и № 2; *Дебольский*, там же, I и II; *Иванчин-Писарев*, Прогулка по древнему Коломенскому уезду).

1. Волость Алексеевская (Олексеевская). Небольшая волость по реке Северке. Название от села Алексеевского. Долго входила в состав дворцовых земель (П. к. 202, лл. 435—504). Роздана служилым людям, повидимому, только в начале XVII в.

2. Стан Большой Микулин. В окрестностях Коломны по всем направлениям от города. Первая часть названия указывает на размеры территории стана. Происхождение второй части неясно. Может быть, территория этого стана соответствует тому, что обозначается в древних актах под именем «Коломны с волостями», и таким образом является тем Коломенским уделом, который князь Юрий Данилович отобрал у рязанских князей (Собр. Г. Г. и Д., I, № 21, 22, 28; *Дебольский*, там же, I, стр. 1). Отдельную часть к востоку составляла так называемая Сонинская волость; 3-й отдельный участок — к северу.

3. Стан Брашева. На левом берегу Москвы, смежный с московскими волостями. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, стр. 5).

4. Волость Высоцкая. В восточной части уезда. Название происходит от села Высокого (ныне город Егорьевск), чем определяется и географическое положение волости. Вся волость составляла владение Чудова монастыря.

5. Волость Горская (дворцовая). По течению Оки, к югу и вверх от Коломны. Быть может, это те «Горки», которые упомянуты в духовной Калиты в числе волостей, отданных его старшему сыну. Таково мнение С. М. Соловьева, с которым не согласен В. Н. Дебольский (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 9; *Соловьев*, История России, кн. 1, стр. 1121, прим. 2-е).

6. Волость Дарицкая. Небольшая волость в восточной части уезда по реке Шелуховке. Название сохранилось в названии деревни Дарицы.

7. Стан Деревенский. Северная оконечность уезда близ дворцового села Бронниц, пограничная с Московским уездом. Название неясно.

8. Стан Комарев. По течению реки Оки, вниз от впадения Каширки. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского 1388 г. Название сохранилось в названии села Комарева (С. Г. Г. и Д., I, № 34; *Дебольский*, там же, I, стр. 27).

9. Стан Коневский. По течению реки Каширки. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 8).

10. Волость Крутинская или «Крутины». В восточной части уезда, между реками Люболовкой и Цой. Происхождение названия неясно. Первое известие — в первой духовной Василия Дмитриевича (С. Г. Г. и Д., I, № 39; *Дебольский*, там же, II, стр. 3).

11. Стан Левичинский. На правом берегу Москвы, повидному, в двух участках, разделенных Маковским и Песоченским станами. Оба участка прилегают к левому берегу реки Северки. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 7).

12. Стан Маковский. На правом берегу Москвы к югу от течения реки Северки, в западной части уезда. Название происходит от какой-то местности «Маковца», местонахождение которой неясно (П. к. М. г., I, 442). Первое известие — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 7).

13. Волость Мезынская. На левом берегу Москвы. Название от реки Мезыни. Первое известие — в духовной Ивана Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 3).

14. Волость Мещерская. Крайняя восточная волость уезда по реке Цпе, притоку Оки. Название указывает на Мещерский край, который, очевидно, уже начинался в этой местности. Первое известие — в духовной великого князя Ивана Ивановича 1356 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 25; *Дебольский*, там же, I, стр. 23).

15. Волость Оглоблинская. Между станом большим Микулиным и волостью Малинской. Название от деревни Оглоблино. Подобно волости Малинской, долго оставалась в составе земель дворцовых (П. к. М. г., I, 1, стр. 509—514).

16. Волость Малинская. В западной части уезда, между Коневским и Большим Микулиным станами. В XVI в. очень долго оставалась в числе дворцовых. Название от села Малина. Первое известие — в духовной великого князя Ивана Ивановича 1356 г. — «с. Малоно» (С. Г. Г. и Д., I, № 25; *Дебольский*, там же, I, стр. 22; Писц. книга Коломенского уезда 1578 г. в п. к. Моск. гос. т. I, 1).

17. Стан Скульевский. По западной границе уезда, смежный с Московским уездом и Ростуновским станом Боровского уезда, по верхнему течению реки Северки. Название сохранилось в названии села Ильинского-Скульева. Первое известие — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 7).

18. Стан Пахрянский. На левом берегу Москвы и на правом, рядом с Песоченским станом. Название сохранилось в названии речки Пахрянки. Первое известие «Пахряне» в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 4).

19. Стан Песоченский. На правом берегу Москвы по течению ее притока реки Тры или Отры. Название сохранилось в названии реки Песоченки. Первое известие о волости Песочне — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 3).

20. Волость Раменка. По нижнему течению реки Цны. Название, вероятно, в связи с первоначальным обилием леса. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского 1388 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 34; *Дебольский*, там же, I, стр. 27).

21. Стан Усть-Мерский. По обоим берегам Москвы и реки Мерской (Мерской). Название в связи с упомянутой рекой. Первое известие — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 5).

22. Волость Холм. По левую сторону течения реки Москвы к югу от города Егорьевска. Происхождение названия неясно. Первое известие — «с. Холмы» в духовной великого князя Ивана Ивановича 1356 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 25; *Дебольский*, там же, I, стр. 22).

23. Село Дединово (дворцовое) на Оке, ниже Коломны.

24. Конюшенная волость Бронницкая. Вокруг нынешнего города Бронниц. Первое известие — в духовной Софии Витовтовны (С. Г. Г. и Д., I, № 83; *Дебольский*, там же, II, стр. 26).

Кострома впервые упоминается в духовной Василия Темного, хотя некоторые местности, позднее входившие в состав Костромского уезда, встречаются и ранее — в духовной Калиты, Василия Дмитриевича (Шачебол) и в договорных его сына с Юрием Галицким (Андома). Позднее появление Костромы в духовных объясняется тем, что этот город с тянувшими к нему землями, по смерти последнего своего удельного князя Бориса Андреевича в 1303 г., вошел в состав земель великого княжения Владимирского, которым впервые решил распорядиться Дмитрий Донской. Детальное же распоряжение Костромой сделал только Василий Тёмный. В XIV—XV вв. определился, вероятно, и приблизительный состав Костромского уезда. В него вошел довольно широкий круг земель, на юге граничивший с владениями Суздальско-Нижегородских князей, на западе — с владениями Ростовских и Ярославских князей, на севере и востоке — землями, тянувшимися к Галичу, причем Галицко-Костромский рубеж устанавливался, вероятно, очень медленно и долго оставался неопределенным (С. Г. Г. и Д., I, № 22, 43, 44, 49, 50, 86, 87; *Дебольский*, там же, II, стр. 18, 19, 28; *Корсаков*, Меря и Ростовское княжество, стр. 182—184; *Экземпларский*, Великие и удельные князья северной Руси, II, стр. 261—269; *Миловиное*, Очерк истории Костромы).

1. Стан Андомский (Судиславская осада). По течению реки Андобы или Андомы. Первое известие — в договорах Василия Темного с Юрием Галицким 1433 г.
2. Стан Андроников. К востоку от города Костромы, по течению реки Покши.
3. Волость Баранья Лука. В западной части уезда, в нескольких участках среди земель Сущовского стана. В 80-х годах слита писцами с этим станом.
4. Стан Борщин. По правому берегу Волги, выше Костромы, по древнему Ярославскому рубежу, втрех отдельных участках. Название сохранилось в названии с. Борщина.
5. Волость Владычня. На правом берегу Волги между устьями притоков Керы и Шачи. Название в связи с селом Владычным.
6. Стан Вожевальский. На правой стороне Волги. Весьма незначительный по размерам, между волостями Нерехтой, Емстной, Кубанской и станом Вяцким.
7. Стан Вяцкой. К востоку от предыдущего, по правому берегу Волги, между устьями ее притоков — Кубани и Керы.
8. Стан Дмитровцев. На правом берегу Волги, несколько ниже Костромы, до устья реки Кубани.
9. Стан Дуплехов. На левом берегу Волги, занимал очень большое пространство почти от устья реки Стежеры. В пределах этого стана, по реке Колдоме, были расположены дворцовые земли, розданные в 80-х годах беспоместным жильцам.
10. Волость Емстна. Очень значительная по размерам волость в южной части уезда, по течению реки Емстны.
11. Волость Железный борок (Бугородская осада). В северной части уезда, близ города Буя, по течению рек Тебам и Вексм. Первое известие, быть может, в договорной Василия Темного и Юрия Галицкого 1433 г.
12. Стан Иванчушков. На правом берегу Волги, против Костромы.
13. Стан Козурский. К востоку от города Костромы, по среднему течению реки Покши, рядом со станом Андрониковым. Название в связи с речкой Козуркой и погостом Козурой.
14. Стан Корзла. К западу от реки Соты и по течению реки Касти. Название в связи с речкой Козловкой. Другая часть стана среди земель Ярославского уезда, ниже города Ярославля, на левом берегу Волги, вокруг села Дева городища.
15. Стан Котогорский. Крайний северо-западный стан уезда по течению рек Обноры и Улы и по их притокам, Пексолдыне, Кулзе, Железнице и др. Название в связи с речкой Котогоркой.
16. Волость Кубанская. На правой стороне Волги, по течению реки Кубани от истоков почти до устья.
17. Волость Кукеша (Кадуевская осада). По реке Мере и по притоку ее Сендеге, вверх от слияния их. Находится внутри земель волости Немды. Название от реки Кукешы, притока Сендеги.
18. Волость Куская (Кадуевская осада). Крайняя восточная волость уезда. С трех сторон окружена Галицкими землями. С востока ограничена рекой Немдой. Название от реки Кусы, вдоль которой расположено большинство населенных пунктов этой волости. В ней находился нынешний город Кадый.

19. Стан Логинов. К востоку от города Костромы, вдоль реки Покши. С севера ограничивался верхним течением реки Мезы.

20. Стан Минский. По левому берегу Волги, вниз от города Костромы, приблизительно до устья реки Покши. Название сохраняется в названии села Минского.

21. Стан Мерский. К западу от города Костромы. Границы его определяются позднейшей Ярославско-Костромской границей, течением реки Костромы и рекой Волгой. Почти вся площадь его была занята монастырскими вотчинами. Название в связи с племенем Мерей.

22. Волость Немда (Кадуевская осада). Очень большая волость в восточной части уезда, по верхнему и среднему течению реки Меры и ее притокам: Томе, Медозе и Сепдеге. Название, вероятно, в связи с рекой Немдой, хотя эта река была далеко за пределами волости.

23. Волость Нерехта. На правой стороне Волги, поре ке Нерехте, вокруг города этого имени. Первое известие — в духовной Василия Темного.

24. Стан Оседкий (Любимская осада). По среднему течению реки Костромы, на левой стороне от впадения в нее реки Шачи, приблизительно до устья Андомы. Наиболее значительная часть стана была расположена по правую сторону Костромы, вниз от устья Обноры. С запада границей служила река Соть.

25. Стан Плесский. На правой стороне Волги, от устья реки Шачи до Кинешемской границы. На юге граничил с Суздальским уездом. Название от посада Плеса.

26. Стан Плоский. По левому берегу Волги, между Минским, Логиновым и Дуplexовым станами.

27. Волость Сидоровская. Как и следующая, упоминается только в переписных 1678 г. Обе расположены рядом, между Андомским станом и волостью Немдой в пределах нынешнего Галицкого уезда. Обе весьма незначительны.

28. Волость Слободка Никольская.

29. Волость Великая Соль и Малая Соль. По правую сторону Волги, по течению реки Солоницы. Название от посадов Большой и Малой Соли.

30. Волость Сорохта. В южной части уезда, окружена землями волости Емстны и дворцовыми землями села Писцова, а с юга граничила с Суздальским уездом. Название в связи с ныне существующим селом Сорохтой.

31. Волость Кулига и стан Соцкий. Две разных местности, соединенные почему-то вместе. 1) Кулига находилась на крайнем севере уезда, рядом со станом Котогорским, по реке Обноре и ее притокам — Никше и Шерне, на востоке граничила с волостью Корегой Галицкого уезда и 2) Соцкий стан по течению рек Соти и Касти, к северу от стана Коралы и к западу от Осецкого стана.

32. Стан Суцов. Местность, лежавшая к северу от города Костромы, ограниченная с запада рекой Костромой, с севера и востока — ее притоком рекой Мезой, с юга — рубежом станом Минского и Андроникова. Название в связи с селом Суцовым.

33. Волость Углец (Бугородская осада). Рядом с волостями Сидоровской и Никольской слободкой.

34. Стан Хоруганов. На правой стороне Волги, между волостью Емстной и Плесским станом, вдоль левого берега реки Шачи.

35. Стан Чижов. Вдоль правого берега реки Мезы, между волостью Андомской и Суцовым станом, к западу от города Судиславля.

36. Стан Шачебольский (Бугородская осада). По древнему Галицкому рубежу, между реками Тебзой и Шачей, притоками реки Костромы. Первое известие — в договорной Василия Темного с Юрием Галицким 1428 г.

37. Волость Шохна. Небольшая волость на правой стороне Волги, по Кинешемскому и Суздальскому рубежам. Название сохранилось до сих пор.

38. Волость Шухомаш. В южной части уезда, по течению реки Шачи, вдоль Суздальского рубежа, между волостью Емстной и станами Плесским и Хоругановым. Название от речки Шухомаш.

39. Дворцовые земли уезда находились в юго-восточном углу вокруг села Писцова, в северной части уезда вблизи города Судиславля и среди Дуplexова стана по реке Колдоме.

ЛУШСКИЙ УЕЗД

Об уезде — см. заметку о Суздальском уезде.

1. Благовещенское Заселье. К востоку от города за рекой Добрицей, между ее

течением и границей Мыцкого стана Суздальского уезда. Название от села Благовещенского Заселья.

2. Груздева Слобода. Южная окраина уезда, смежная с Палешской волостью Владимирского уезда. Название от села Груздевской слободки.

3. Лука Верхуская. Северо-восточный стан уезда, к северу от верховья реки Луха. Происхождение названия неясно.

4. Лука Добрицкая. Местность к востоку от уездного города, по реке Добрице, откуда и название.

5. Лука Клековская. На левом берегу Луха к юго-востоку от города, очень незначительная по размерам, смежная с Мыцким станом Суздальского уезда. Происхождение названия неясно.

6. Лука Обабковская. В западной части уезда, смежная с Суздальским станом Матней. Происхождение названия неясно.

7. Лука Пеленская. Юго-западная часть уезда по реке Печуге. Происхождение названия неясно.

8. Лука Рыболовская. К югу от города на правом берегу реки Луха. Название, быть может, указывает на занятие жителей.

9. Волость Семеновская. В северной части уезда, смежная с Кинешемским уездом и с Юмohoцкой волостью Суздальского уезда. Название от с. Семеновского.

10. Лука Соколышнская. К северу от города на реке Лухе, при впадении в нее рек Шилекши и Возобола. Название от села Соколышского.

11. Волость Филисовская. Северо-западная часть уезда. Смежная с Кинешемским уездом и со станом Матней Суздальского уезда, по реке Возоболу. Название от села Филисова.

12. Волость Чихачева. На правом берегу реки Луха и по реке Ингоре. Название от села Чихачева. Первое известие — в духовной Ивана III: «Чихачево» упоминается в числе волостей, доставшихся великому князю Василию (Собрание Г. Г. и Д., I, № 144; *Добольский*, там же, II, стр. 45).

13. Лука Шелутинская. По правому берегу Луха в пределах позднейшего Вязниковского уезда Владимирской губернии, по реке Люлеху. Происхождение названия неясно.

МОЖАЙСКИЙ УЕЗД

Многие из местностей, входивших в состав Можайского уезда, уже упоминаются в духовной Дмитрия Донского в составе удела третьего его сына, князя Андрея Дмитриевича (Бояль, Берестов, Протва, Колоча, Пневичи, Загорье, Болонеск). В 1504 г. по духовной Ивана III Можайск «с волостями и с путями и с селы», т. е., вероятно, полностью все прежнее Можайское княжество, отобранное Иваном III у князя Ивана Андреевича, с прибавкою некоторых местностей по Вяземскому рубежу (Могиленский стан), вошло в состав владений великого князя Василия. Таким образом ядром Можайского уезда был, по всей вероятности, Можайский удел, к которому позднее прибавились некоторые близлежавшие местности. Межевая грамота 1504 г. установила границы Можайского, Рузского и Звенигородского уездов в том виде, как они существовали в XVII в. (С. Г. Г. и Д., I, № 34, 40, 141, 144; *Добольский*, там же, I, стр. 28, 34, II, стр. 43). Изучение административной географии Можайского уезда довольно затруднительно вследствие сильного запустения края в начале XVII в. и местами полного отсутствия населенных пунктов.

Происхождение названий, за редкими сравнительно случаями, оговоренными ниже, неясно.

1. Стан Болонский. К югу от нынешнего города Гжатска, на реке Болонке, притоку реки Гжати, откуда и название Болонеск. Впервые упоминается в духовной Дмитрия Донского.

2. Стан Брагин холм. По реке Истре, притоку Вори. Часть волости была дворцовой: быть может, первое известие во второй уставной грамоте Ростислава Смоленского 1150 г., где упомянут «Холм» (*Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права, I, стр. 247). О возможном приурочении некоторых местностей, упомянутых в этих грамотах, к местностям позднейшего Можайского уезда см. *Голубовский*, История Смоленской земли, стр. 67—75.

3. Стан Ворский. По реке Воре (откуда и название). В 1620-х годах весь пуст, почему точно определить границы его очень трудно.

4. Стан Воскресенский. На верховьях реки Протвы. В 1620-х годах весь пуст.
5. Стан Дунинский. В позднейшем Медынском уезде, близ границ Верейского. Название от дворцового с. Дунина. В 1620-х годах весь пуст.
6. Стан Дятлиев. К юго-востоку от города Можайска, на Звенигородском и Верейском рубежах, по правую сторону реки Протвы и по верховьям реки Исьмы (вероятно, Исмее духовных грамот, *Дебальский*, там же, II, стр. 28). Первое известие в духовной Владимира Андреевича Серпуховского в числе волостей собственно Серпуховского удела.
7. Стан Зарецкий. К северу от города Можайска, за рекой Москвой, по левому берегу Москвы от места против устья Колочи и по правому берегу реки Исконь до слияния этих рек.
8. Стан Ильинский. Северо-западный угол уезда на Вяземском и Старицком рубежах по течению реки Яузы.
9. Стан Исконь и Боянь. По верхнему и среднему течению реки Исконь, по рекам Рузе, Педне, Иночи и к северу до течения реки Рузы. Сильно перемешан с дворцовыми землями.
- Первое известие о Бояни — в духовной Василия Темного, в числе земель Андрея Большого. Первое известие об Искони — в уставной грамоте Ростислава Смоленского 1150 г.
10. Стан Исох и Берестов. По левому берегу Исконь. С юга ограничен течением Москвы, с востока граничил с Рузским уездом. Первое известие о Берестове — в духовной Василия Темного, в числе владений Андрея Большого.
11. Стан Колоцкий. По реке Колочи, притоку Москвы (отсюда и название). К западу от города Можайска. Первое известие — в духовной Василия Темного, в числе земель Андрея Большого.
12. Стан Михайловский. По рекам Руту и Шапе.
13. Стан Могиленский. По западной границе уезда, по реке Воре и ее притоку Могиленке (откуда и название). Первое известие — в духовной Ивана III, в составе владений великого князя Василия.
14. Стан Оленский. Между верховьями рек Москвы и Яузы (притока Гжати). Сильно запустел в 20-х годах.
15. Стан Отвоцкий и Сукромеский. В северной части уезда, на древнем Старицком рубеже, рядом с соименной волостью Старицкого уезда. В 20-х годах столетия весь пуст.
16. Стан Пневичский. К востоку от предыдущего, на верховьях реки Рузы, в пределах нынешнего Волоколамского уезда. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского.
17. Стан Передельный. На верховьях реки Луки, в пределах Медынского уезда XIX в.
18. Стан Поротовский. К востоку от Воскресенского стана, по верхнему течению реки Протвы (откуда и название) и по ее притоку Песочне.
19. Стан Ренинский. Близ верховья реки Москвы. В 1620-х годах весь пуст. Точно определить границы нельзя.
20. Стан Старковский. Между верховьями рек Протвы и Вори. В 1620-х годах весь пуст. Точно определить границы нельзя. Часть более северная, до линии нынешней Западной дороги, оставалась в дворцовом владении.
21. Стан Подреальный. По рекам Москве и Иночи.
22. Стан Тарусинский. Положение не совсем ясно, так как населенных пунктов в 1620-х годах почти не было. Вероятнее всего, на Звенигородском рубеже, по течению реки Тарусы, которое в большей части своей принадлежало Угожскому стану Звенигородского уезда. Может быть, — к югу от города, до Верейской границы, где указан на карте.
23. Стан Тешинов и Загорье. По реке Гжати, частью, быть может, в перемешку с дворцовыми землями. Доходил до реки Гжати. Почти пуст в 1620-х годах, вследствие чего точные его границы определены быть не могут. Загорье впервые упоминается в духовной Василия Темного, в составе земель третьего сына, Андрея Большого.
24. Стан Тубцовский. В точности места определить нельзя. Быть может, был расположен по реке Медянке, притоку Луки, рядом с Передельным станом.
25. Стан Утецкий. На древнем Рузском рубеже, по реке Уче (откуда и название), притоку реки Исконь.

26. Стан Зубатый. Местонахождения определить не удалось.

Дворцовые земли Можайского уезда: села Губино, Ворское верховье и Дунино — в южной части уезда; Шабоновская волость — положение неясно; Замоская волость — юго-западный угол уезда, по рекам Воре и Чале; Кузовская и Гореевская волости — положение неясно; Будаевская волость — к юго-востоку от нынешнего города Гжатска; Алешинская волость — вокруг нынешнего города Гжатска; Клушинская волость — по левую сторону Гжати, ниже города Гжатска; Златоустовская волость — по левую сторону Гжати, близ устья Яузы; Шебаршинская, Горетовская, Бельская, Корочаровская — по течению реки Исконы и ее притокам, на восточной границе уезда; Тягожская, может быть, находилась не около Гжатска, как думает Дебольский, а по верхнему течению реки Исконы, около деревни Старой Тяги и села Булычева. Первое известие — в духовной Ивана III (Чагоць); Турьевская — положение неясно. Первое известие — в духовной Ивана III.

МОСКОВСКИЙ УЕЗД

Составился из ближайших к столице волостей и из отдельных сел, которые в удельную эпоху давались обыкновенно порознь всем наследникам великого князя. К этим селам и волостям позднее присоединены были некоторые земли соседних уделов — Боровского и Серпуховского. Так как окончательное присоединение этих уделов относится к 1456 г., то после этого времени, надо думать, слагается и Московский уезд, как мы его видим в XVII в. Подробности об установлении границ между Московским уездом и соседними см. в заметках о Дмитровском, Коломенском, Переяславском и Звенигородском уездах.

А. ЗАМОСКОВНАЯ ПОЛОВИНА

1. Стан Бохов. От границ Дмитровского уезда по реке Вязи, по рекам Уче и Клязьме, включая слияние этих рек.

2. Села Братовщино и Олешия (дворцовые). Дворцовые земли, расположенные к северо-востоку от предыдущего, тянувшие к селу Братовщину (ныне на Московско-Ярославском шоссе) и Олешие (ныне Алешино).

3. Села Белый Раст, Озеречье (дворцовые). В северо-западной части уезда, в пределах древнего стана Манатина, Быкова и Коровина, между линиями Московско-Савеловской и Октябрьской железных дорог.

4. Стан Васильцов. У ворот Москвы, к востоку от нее. Простирался от лесов дворцовой Тайнинской волости (Лосинный остров) на юг до реки Москвы и на восток километров на 15, вдоль Московско-Нижегородской ж. д. Первое известие — в первой духовной Василия Дмитриевича 1406 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 39; *Дебольский*, там же, II, стр. 3). Происхождение названия неясно.

5. Село Воздвиженское (дворцовое). Небольшая по размерам дворцовая волость по реке Воре, на Московско-Ярославском шоссе.

6. Стан Воря и Корзенев. Приблизительный центр этого стана — впадение реки Талпы в реку Ворю. Воря впервые упоминается в духовной Калиты в числе волостей великой княгини-вдовы; Корзенев — в духовной Дмитрия Донского (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22, 34; *Дебольский*, там же, I, стр. 18).

7. Волость Вохна. По течению реки Клязьмы. Название Вохны доселе сохранилось для местности около Павловского посада. Самое происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Калиты в числе волостей великой княгини-вдовы. Позднее, в XVI столетии, во владении князя Владимиро-Андреевича Старицкого и, наконец, с 60-х годов — Троицкая вотчина (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 20; П. к. М. г., т. I, 1, п. к. по Москве, № 3 и 4).

8. Волость Гвоздня (дворцовая). Крайняя юго-восточная волость уезда, смежная с Коломенским уездом, между реками Москвой и Нерской. Происхождение названия, сохранившегося доселе, неясно. Первое известие — в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 6).

9. Волость Гжель. К северу от предыдущей, по реке Гжели, откуда и название, которое сохранилось еще в названии села Гжели. Первое известие — в духовной Калиты, в числе волостей великого князя Семена (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 8).

10. Стан Горетов. Очень значительный по размерам стан, ограниченный с одной стороны верхним течением Клязьмы, рекою Химкою и линией нынешнего Ленинградского шоссе от деревни Никольского до города Москвы; с другой — течением рек

Москвы и Истры, которой касается выше г. Истры. Название в связи с речкой Горедвой, притоком реки Сходни. Первое известие — в духовной Калиты «Горетова» в числе волостей, доставшихся великому князю Семену (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 8. Сведения о значении этой местности в истории заселения Московского края см. также в Истории города Москвы *И. Е. Забелина*, стр. 5—23).

11. Волость Гуслица (дворцовая), равно как и следующий Гуслицкий стан, составляют части одной и той же местности по реке Гуслице в крайнем юго-восточном углу Московского уезда. Первое известие — в духовной Калиты в составе владения великой княгини Ульяны. В XVII столетии Гуслицкой волостью назывались земли, продолжавшие оставаться в дворцовом владении. Станом называлась совокупность земель, розданных в частное владение (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 20).

12. Стан Гуслицкий (см. выше).

13. Стан Доблинский. В восточной части уезда, по линии Московско-Нижегородской ж. д. С востока границу можно приблизительно провести вдоль Ногинской ветки этой железной дороги. Происхождение названия неясно. Первое известие о Доблинских сокольниках и бортиках — в духовной Юрия Дмитриевича Галицкого 1434 г., в числе волостей Дмитрия Красного (С. Г. Г. и Д., I, № 51; *Дебольский*, там же, II, стр. 21).

14. Волость Загарье (дворцовая). Между Гжелью и Вохной. Название сохранилось в названии села Загарья. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского, в числе владений его четвертого сына, Петра (С. Г. Г. и Д., I, № 34; *Дебольский*, там же, I, стр. 32).

15. Стан Каменский. В восточной части уезда, по линии нынешней Московско-Нижегородской ж. д., близ станции Кудинова и к югу от нее. На востоке граничил с Доблинским станом. Происхождение названия неясно.

16. Село Коломенское. Группа дворцовых земель, тянувшихся к этому селу и расположенных на правом берегу реки Москвы, ниже города. Первое известие в духовной Владимира Андреевича Серпуховского (С. Г. Г. и Д., I, № 40; *Дебольский*, II, стр. 15).

17. Стан Капотенский. Небольшой стан на левом берегу реки Москвы ниже города. Название — в связи с названием села Капотни. Первое известие об этом селе — в духовной Калиты, в числе сел великого князя Семена (С. Г. Г. и Д., № 21, 22; *Дебольский*, I, стр. 11).

18. Стан Кошелев. По рекам Клязьме и Воре. К югу тянулся приблизительно до Владимирско-Московской дороги. Происхождение названия неясно.

19. Волость Кунья. В восточной части уезда, на границе древнего Переяславского уезда, к северу от волости Вохны. С востока была ограничена рекой Дубной, с запада — Шерной, притоками Клязьмы, которая, в свою очередь, служила местами южной границей волости. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Юрия Дмитриевича Галицкого 1434 г., в числе земель Василия Косого (С. Г. Г. и Д., I, № 51; В. Н. *Дебольский*, там же, II, стр. 21, не совсем правильно предполагает местонахождение Куньей близ Александровской слободы).

20. Стан Манатын, Быков и Коровин. Первоначально различные местности, слившиеся во второй половине XVI в. в один огромный стан, тянувшийся к северу от Москвы в виде неправильного треугольника. Его западная граница шла по верхней Клязьме и по реке Химке, притоку Москвы, и по Московско-Тверской дороге; северная совпадала с границей Московского и Дмитровского уездов. На востоке стан граничил с Боховым станом и Тайнинской дворцовой волостью. Происхождение названия неясно. Первое известие — в межевой грамоте князя Юрия Ивановича 1504 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 141; *Дебольский*, там же, II, стр. 54).

21. Стан Обарич. Небольшой стан по правую сторону реки Пехорки, притока р. Москвы. Происхождение названия неясно.

22. Стан Островецкий. Рядом с предыдущим, по левую сторону реки Пехорки, на юге был ограничен рекой Москвой. Название от села Острова.

23. Стан Пехорский. К северо-востоку от города Москвы, между Васильцовым и Боховым станами. Название от реки Пехорки, притока Москвы.

24. Стан Почернев. К югу от предыдущего, по той же Пехорке, между линиями нынешних Московско-Нижегородской и Московско-Рязанской ж. д.

25. Стан Радонеж.

25а. Стан Радонеж и Бели. Эти два стана представляли местность от Дмитровского рубежа по верховьям рек Вори и Пажи в окрестностях Троице-Сергиева мона-

стыря. Название от древнего города Радонежа на реке Паже. Первое известие — в духовной Калиты, в составе владений великой княгини-вдовы. (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, стр. 18, 1). Вероятнее всего, здесь имеет место случай слияния двух первоначально отдельных станов.

26. Стан Раменейце Замосковное. Часть местности, составлявшей первоначально одно целое со следующей волостью. Название, быть может, дано в отличие от волости Раменки Коломенской и стана Раменского, Дмитровского уезда. Первое известие — может быть, в духовной Калиты, в числе владений великой княгини-вдовы, которой достались и близлежащие волости Гуслицы и Сельна. Стан Раменейце обнимал земли, розданные в частное владение, волость Раменница — то, что в XVII столетии оставалось в дворцовом владении. Собственно название «Раменейце» впервые упомянуто в духовной Дмитрия Донского, в числе немногих волостей, отданных его пятому сыну, Ивану (С. Г. Г. и Д., № 21, 22, 34; *Дебольский*, там же, I, стр. 20, 32).

27. Волость Раменница (дворцовая). См. выше п. 26. Название сохранилось ныне — г. Раменское.

28. Стан Рогожский. По реке Клязьме. Название сохранилось до конца XVIII в. в названии села Рогожи. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского, в числе земель его четвертого сына, Петра (С. Г. Г. и Д., I, № 34; *Дебольский*, там же, I, стр. 32).

29. Волость Селинская. Так же, как и следующая, составляет части одной и той же местности по правому течению реки Нерской, притока Москвы, между Гвоздной и Гуслицей. Первое известие — в духовной Калиты, среди волостей великой княгини-вдовы. (Собр. Г. Г. и Д., I, № 21, 22); В. Н. *Дебольский* ошибочно предполагает, что Сельна находилась между Москвой и Дмитровом (там же, I, стр. 20).

30. Волость Сельна. (См. выше).

31. Стан Сурожский или Сурожик. По среднему течению Истры и ее притоку Малой Истре и притокам последней — Маглуше и Молодильне. Крайний западный уезд стана. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Калиты, в числе владений великой княгини-вдовы (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 18).

32. Село Тайнинское. Группа дворцовых земель к северо-востоку от Москвы, по реке Яузе и линии Ярославской ж. д., тянувшихся к селу Тайнинскому. В состав волости входили и большие леса, доселе сохранившиеся близ Москвы под именем Сокольников и Лосино острова. Первое известие — в духовной Владимира Андреевича Серпуховского (С. Г. Г. и Д., I, № 40; *Дебольский*, там же, II, стр. 15).

33. Село Хотенич. Группа дворцовых земель между дворцовыми волостями Гуслицей и Сельной на границе древнего Коломенского уезда, на реке Нерской, притоке Москвы.

34. Волость Черноголовье (дворцовая). По реке Черноголовке. Название сохранилось в названии деревни «Черноголовка». Первое известие — в духовной Калиты, в составе владений великой княгини-вдовы. (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 19).

35. Стан Шеренский и Отыезкий (иногда Обезский). Смежный с Переяславским уездом. Название от Шерны, притока Клязьмы. Первое известие о Шерне, как об отдельной Московской волости — в духовной Дмитрия Донского, в числе волостей его четвертого сына, Петра (С. Г. Г. и Д., I, № 34; *Дебольский*, там же, I, стр. 32). Позднее с Шеренским слился стан Обезский или Отыезкий, лежавший к западу от него, по реке Белой и левому берегу реки Вори. Происхождение этого названия неясно.

В. ЗАРЕЦКАЯ ПОЛОВИНА

1. Стан Вяземский. В западной части уезда, по реке Вяземке, смежный с Звенигородским уездом. Название в связи с рекой и с селом Вяземами. Первое известие — в духовной Калиты (село Вяземское), в числе владений князя Ивана Ивановича (С. Г. Г. и Д., I, № 22; *Дебольский*, там же, стр. 15).

2. Стан Гоголев. По реке Десне. Происхождение названия неясно.

3. Волость Домодедовская, копушенная. Группа дворцовых земель, тянувшихся к селу Домодедову (откуда и название), по рекам Пахре и ее притоку Рожая. Первое известие — в духовной Владимира Андреевича Серпуховского, в числе земель княгини-вдовы.

4. Стан Жданский. В двух участках: 1) на берегу Москвы, 2) южнее, по нижнему течению Пахры. Название в связи с селом Жданским.

5. Волость Замыцкая. Обширная волость по Серпуховской границе, по р. Лопасне. Название, вероятно, в связи со словом «мыт», но о каком мыте здесь идет речь — неясно.

6. Волость Конопна. Небольшая волость к востоку от нынешнего города Подольска, рядом с Домодедовской волостью. Название в связи с речкой Конопенкой.

7. Стан Лужецкий. На берегу Москвы, между устьем Пахры и древней Коломенской границей. Происхождение названия неясно.

8. Стан Лукомский. По реке Пахре, выше нынешнего города Подольска, между Шаховым и Молоцким станами. Название от селца Луком, ныне Луковня.

9. Стан Медвенский. По берегу Москвы и по речке Медвенке. Был расположен выше города Москвы, против устья Истры.

10. Стан Молоцкий. Кругом нынешнего города Подольска, по рекам Пахре, Десне и Моче. Происхождение названия неясно.

11. Волость Перемышльская. Смежная с Боровским уездом, расположена по течению Мочи. Название от городка Перемышля, упоминаемого впервые в духовной Калиты, среди земель Серпуховского уезда; и позднее этот Перемышль Московский, которого не следует отождествлять с Калужским, входил долгое время в состав владений Серпуховских удельных князей (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22, 40; В. Н. Дебольский, там же, I, стр. 17, ошибочно отождествляет его с Перемышлем Калужским; II, стр. 10, 11 — правильное объяснение; Холмогоровы, Перемышльская десятина. Чт. О. И. и Д. Р. 1889 г., кн. 1).

12. Волость Растовская или Растовецкая. По верховьям Рожая, притока Пахры. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Калиты, в составе владений князя Андрея Серпуховского (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; Дебольский, там же, I, стр. 17; мнение В. Н. Дебольского о том, что Ростовец мог быть в пределах позднейшей Тульской губернии, надо признать ошибочным. Правильное предположение о месте нахождения Растовецкой волости находим во второй части исследования В. Н. Дебольского, стр. 11).

13. Стан Ратуев. В двух участках: 1) у города Москвы, между Московско-Тульским и Московско-Калужским шоссе; 2) по линии Московско-Курской ж. д., между станциями Бутovo и Подольск. Происхождение названия неясно.

14. Стан Сосенский. По реке Десне и ее притоку Сосне (откуда и название).

15. Стан Сетунский. К западу от города, по течению реки Сетуни (откуда и название). С севера ограничен был рекой Москвой. Первое известие в духовной Владимира Андреевича Серпуховского, в составе земель княгини-вдовы (С. Г. Г. и Д., I, № 40; Дебольский, там же, I, стр. 15).

16. Стан Терехов. На берегу Москвы и южнее до реки Пахры, расположен в перемышку с Жданским станом. Очень незначителен по числу селений. Происхождение названия неясно.

17. Стан Торкманов. По реке Десне и ее притокам.

18. Волость Тухачевская. По речке Гнилой Северке, смежная с Коломенским уездом и с Роступовским станом Боровского уезда. Происхождение названия неясно. Первое известие — в духовной Калиты, в числе владений князя Андрея Серпуховского (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; Дебольский, там же, I, стр. 17).

19. Волость Хотунская, дворцовая. Крайняя южная волость уезда, по реке Лопасне, между Серпуховским и Коломенским уездами. Название от села Хотуни. Первое известие — в духовной князя Владимира Андреевича Серпуховского, в числе земель третьего сына, Ярослава. В XVI в. причислялась к Коломенскому уезду (С. Г. Г. и Д., I, № 40; Дебольский, там же, I, стр. 9).

20. Стан Чермнев. Между двумя участками Ратуева стана, к югу от столицы. Происхождение названия неясно.

21. Стан Шахов. По верхней Пахре до ее истоков. Название сохранилось в названии деревни Шахова.

Кроме того в Московском уезде были еще группы дворцовых земель, тянувшиеся к центральным селам:

1. Села Петровское и Иевлевское в Шеренском и Отъезжем стане.

2. Село Тишилово.

3. Село Черкизово на границе Горетова и Манатына станом.

4. Села Павшино и Хорошево на реке Москве в Горетове стану.

5. Села Верхнее и Нижнее Мячково, Быково, Остров, Новое Рождественское и Софьино на реке Москве, между столицей и Коломенским рубежом.

6. Села Красное, Покровское-Рубцово и Напрудное близ города Москвы (ныне слились с городом).

МУРОМСКИЙ УЕЗД

Процесс образования этого уезда не вполне ясен. Можно, однако, думать, что здесь мы имеем дело с землями, тинувшими к древнему Муромскому княжению, перешедшему во владение князей Московских в конце XVI в. (*Экземплярский*, там же, II, стр. 618, 619; Труды Владимирской архивной комиссии, книга 4. Историческое обозрение города Мурома *Титова*, стр. 29). Во всяком случае, ни одна из Муромских волостей XVII в. не смешивалась с соседними Владимирскими.

1. Стан Дубровский. На север и на восток от Мурома, по обоим сторонам Оки, по нижнему течению реки Ушны, по нижнему течению Теши и по левому берегу Кутры. Название, может быть, указывает на первобытные леса этой местности.

2. Стан Замотринский, северный стан уезда — местности за рекой Мотрой (откуда и название), если ехать из Мурома. Доселе существует погост Замотри.

3. Стан Куземский. На запад от города Мурома до верхнего течения Ушны. Происхождение названия неясно.

4. Стан Стародубовский. На правом берегу Оки, приблизительно от реки Кутры. Местность древнего Стародуба Вотского (Окекого, Опкого), называвшегося так в отличие от Стародуба Ряполовского на Клязьме. Одно из первых известий — во второй духовной Василия Темного (С. Г. Г. и Д., I, № 87; *Дебольский*, там же, II, стр. 32), в числе местностей, отданных княгине-вдове. Название «Стародубье» в отношении к данной местности сохранилось в XIX в. (Списки населенных мест Владимирской губ., стр. X, XII, XVII).

5. Стан Уженской. Простирался на огромное расстояние к югу от Мурома. Название от Ужги, притока Оки.

6. Уженская дворцовая волость.

ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ УЕЗД

Как известно, Переяславль-Залесский перешел во владение Москвы в 1302 г. по завещанию князя Ивана Дмитриевича. Можно думать, что в общих чертах уже в то время наметились границы будущего Переяславского уезда, составившегося из старинных Переяславских волостей. В некоторых местах границы Переяславского уезда обнаружили большую устойчивость. На юге он доходил до течения Клязьмы; на севере граничил с владениями Ростовских князей. В истории северо-западной границы уезда более колебаний. Первоначально Переяславская волость Юлка по духовной Дмитрия Донского была дана во владение княгине-вдове. Позднее Юлка вошла в состав Дмитровского удела второго сына Василия Темного, Юрия, к уделу которого были приданы и некоторые другие Переяславские волости — Серебож, Рождественское, Бускутово. По духовной Ивана III последние вновь вошли в состав Переяславских земель великого князя Василия. Юлка же навсегда осталась в составе Дмитровского уезда. Межевая грамота 1504 г. установила между Переяславским уездом и Кашинскими и Дмитровскими землями границу, почти совпадающую с позднейшей границей Владимирской и Тверской губерний (С. Г. Г. и Д., I, № 34, 39, 41, 86, 87, 138, 144; *Дебольский*, там же, I, стр. 33, II, стр. 47, 53, 57).

1. Стан Борисоглебский. Южная часть уезда между Московским и Владимирским уездами, по рекам Киржачу и Клязьме. Происхождение названия неясно.

2. Стан Верхдубенский. По верховьям реки Дубны и по реке Куной. Название от реки Дубны.

3. Стан Гулятин. По рекам Печуре и Молохе, к югу от Александровской слободы, между дворцовыми землями и землями Слободского стана. Очертания его границ неясны.

4. Стан Замыцкий. По реке малой Нерли и ее притоку Кубри, по западной границе уезда, рядом с Дмитровскими землями. Название в связи со словом «Мыт». Первое известие — в межевой грамоте 1504 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 137; *Дебольский*, там же, II, стр. 54).

5. Стан Зубов. В северо-восточной части уезда по реке Тошме, притоку большой Нерли. Разбит на два участка. Происхождение названия неясно.

6. Волость Кинельская. Волость, прилегающая к стану Радонежу Московского уезда. Границей ее служили реки Торгоша и Молокча. Первое известие — в первой ду-

ховной Василия Дмитриевича 1406 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 39; *Дебольский*, там же, II, стр. 5).

7. Стан Кистемской. Очень значительный по размерам стан, от Переяславского озера до северной границы уезда. Название от реки Кистьмы. Первое известие — во второй духовной Василия Дмитриевича 1423 года в качестве «примысла прадеда» (С. Г. Г. и Д., I, № 41; *Дебольский*, там же, II, стр. 16).

8. Стан Клучерский. По рекам Рокше и Шохе, на границе Юрьевского уезда. Происхождение названия неясно. Доселе существует селцо Клучер.

9. Стан Кодяев. По реке Большому Кирзачу и притоку его Бачевке. Разбит среди дворцовых земель к востоку от Александровской слободы. Происхождение названия неясно.

10. Стан Конюцкой. По верховьям реки большой Нерли к северо-востоку от Переяславского озера до Ростовского рубежа. Происхождение названия неясно.

11. Стан Михайловский. Между реками Дубной и Кубрю, на границе Александровского и Переяславского уездов. Границы очень неясны, так же как и происхождение названия.

12. Стан Мишутин. Между верховьями реки Вели и реки Куньей, притока Дубны, по Московскому рубежу. Название в связи с селом Мишутиним. Первое известие в межевой грамоте 1504 года (С. Г. Г. и Д., I, № 138; *Дебольский*, там же, II, стр. 54).

13. Стан Нерский. По реке большой Нерли и ее притокам — Томше и Шохе на Ростовском и Юрьевском рубеже. Название, вероятно, в связи с рекой Нерлю.

14. Стан Никитский. К юго-востоку от города Переяславля, по реке Трубежу. Происхождение названия неясно.

15. Стан Вольшев. К востоку от города, в двух кусках. Земли этого стана перемешаны с землями Нильского, Зубова и Никитского станов.

16. Стан Нильский. К северо-востоку от города между Большевым и Конюцким станами. Название от реки Нилки, притока большой Нерли.

17. Стан Новосельской. К юго-западу от города Переяславля, по Московскому тракту до реки Кубри, служившей границей ему с юга и запада.

18. Стан Пневидский. По левому берегу Кубри, на границе Дмитровских земель, между Шуромским и Замыцким станами. Происхождение названия неясно. Первое известие — в межевой грамоте 1504 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 138; *Дебольский*, там же, II, стр. 54).

19. Стан Рождественский. По левому берегу Дубны, вниз от устья Куньей. Происхождение названия неясно. Первое известие в духовной Василия Темного, в составе владений второго сына, Юрия (С. Г. Г. и Д., I, № 86, 87; *Дебольский*, там же, стр. 29).

20. Стан Слободской. Разбросан среди дворцовых земель к югу от Александровской слободы, откуда, вероятно, и его название.

21. Стан Серебожский. Крайний западный стан уезда по рекам Дубле и Веле, между двух отдельных частей Дмитровского уезда (см. выше, заметки об образовании Переяславского и Дмитровского уездов). С этим станом в XVI — XVII вв. слилась упоминавшаяся рядом с ним в грамотах волость Бускутово. Первое известие в духовной Василия Темного, в составе земель второго сына, Юрия (С. Г. Г. и Д., I, № 86, 87; *Дебольский*, там же, II, стр. 29). Происхождение названия неясно.

22. Стан Шуромский. По западной границе, между реками Кубрю и Дубною. Происхождение названия неясно.

23. Дворцовые земли уезда, расположенные вокруг Александровской слободы, носили название волостей Окружной и Аргуновской.

24. В актах начала XVII столетия упоминается еще волость Закубежская. Судя по межевым грамотам, она находилась на западной границе уезда, где-то по реке Кубри. Позднее это название не встречается (С. Г. Г. и Д., I, № 138. Доп. к А. И., I, № 159; *Дебольский*, там же, II, стр. 57).

ПОШЕХОНСКИЙ УЕЗД

Земли по реке Шексне, по правому ее берегу от устья реки Суды, по левому — от устья реки Мяксы до впадения ее в Волгу, а также земли по бассейну левых притоков Шексны — рек Ухры и Согожи. Многие из волостей уезда перечисляются в духовной Ивана III, в составе земель великого князя Василия. К этому времени следует, вероятно, относить и начало образования уезда, сложившегося частью из бывших Ярославских владений, частью из Белозерских (например, Белосельские стан и волость).

Границы волостей не вполне ясно очерчены. См. также заметку о Ярославском уезде (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Экземлярский*, Великие и удельные князья северной Руси, II, стр. 83, 89, 119, 172; *Дебольский*, там же, II, стр. 26, 27, 44, 45).

1. Волость Арбужевская. По Шексне. Древнейшее название Арбужовесь (в связи с древней Весью); как и некоторые другие названия этого края, встречается впервые в духовной Ивана III, сохранилось в названии погоста Георгиевского — Арбужевца.

2. Волость Бояршинская. Повидимому, по средней Ухре.

3. Волость Белосельская. К юго-востоку от нынешнего города Пошехонья, между реками Согой и Ухрой. Название от села Белого. Бывший удел Белозерского княжества, составлявший, вероятно, южную окраину его.

4. Стан Белосельский (см. выше).

5. Волость Веретейская. Повидимому, к северу от нынешнего города Пошехонья. Первое известие в духовной великой княгини Софии Витовтовны (С. Г. Г. и Д., I, № 83; *Дебольский*, там же, II, стр. 25—27).

6. Волость Вольская. По Шексне при впадении в нее рек Согожи и Ухры. Название сохранилось в названии Вольского погоста.

7. Волость Горинская. В восточной части уезда, по Ярославскому рубезу, по верхнему течению Ухры. Название от села Горинского.

8. Волость Дябрильская. В восточной части уезда, по левым притокам верхней Согожи, на Вологодском рубезе.

9. Волость Каменская. Между реками Волгой и Шексней, выше устья последней.

10. Волость Княжич-Городок. По Шексне между устьем Маткомы и устьем Согожи. Название от села Княжич-Городок, по некоторым предположениям, прежнего стольного города Шехонского княжества (*Экземлярский*, там же, II, стр. 119).

11. Волость Любецкая. По правому берегу реки Шексны, между устьями Суды и Кондоши, по древней Белозерской границе. Название от села Любец на Шексне.

12. Волость Патрабольская. К востоку от нынешнего города Пошехонья, по течению Соги, притока Согожи. Первое известие в духовной Ивана III. Название сохранилось в названии погоста Спаса Патрабол.

13. Волость Руновская. Рядом с Шаготцкой волостью, к востоку от нее, к югу от реки Ухры. Первое известие — в духовной Ивана III (Рунай с Шаротью). Название сохранилось в названии деревни Рунова и села Воскресенского Рунова.

14. Волость Согорская. По верхнему течению Согожи, откуда и название.

15. Волость Углец-Костентинова. К востоку от предыдущей, по верхнему течению Соги, на Вологодской границе.

16. Волость Усть-Маткомская. Эта волость, так же как и Черноматкомская, занимала течение Маткомы, притока Шексны. Первое известие о Маткоме — в духовной Ивана III.

17. Волость Усть-Шехонская. По рекам Шексне и Волге, вниз от устья последней до древнего Романовского рубеза.

18. Волость Уломская. В северо-западном углу уезда, по рекам Уломке и Кипдоше. Простиралась до течения Мологи. Название от села и озера Уломы, в позднейшем Череповецком уезде.

19. Стан Ухорский. По нижнему течению Ухры.

20. Волость Ухтомская. По реке Ухтоме, притоку Согожи.

21. Волость Черно-Маткомская (см. № 16-й).

22. Волость Шаготцкая. По течению Ухры. Первое известие — в духовной Ивана III (Рунай с Шаготью). Название сохранилось в названии сел большой и малой Шеготи.

23. Волость Шелшдамская. По Кештоме, притоку Согожи, к юго-западу от нынешнего города Пошехонья. Первое известие — в духовной Ивана III.

24. Волость Шигорошская. По верхнему течению Ухры. Первое известие — в духовной Ивана III. Название от села Шигорош.

Дворцовые волости находились частью в некоторых из упомянутых выше волостей, частью же целиком образовали особые волости и села, главным образом, по течению Шексны и ее притоку Согожи.

25. Всесвятская на Шексне, близ устья Согожи.

26. Кештома, по реке того же имени.

27. Ягорба, по Шексне, ниже Арбужевской волости.

28. Щекинская, по Шексне, выше Ягорбы, рядом с Арбужевской волостью.

29. Село Красное, на Шексне, ниже Ягорбы.

30. Село Борково (Бутошкин борок), на Шексне, ниже Красного.
31. Село Логиново.

РЖЕВСКИЙ УЕЗД

Первоначально территория Ржевского уезда, обнимавшего позднейшие уезды — Ржевский и Останковский, тянула к Смоленску и отчасти к Твери. В XIV столетии земли Ржевского края были спорными между Литвой, Москвой и Тверью, отчасти же составляли самостоятельное Ржевское княжение. В составе московских владений Ржева впервые упоминается в договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским 1389 г. Повидимому, в XV в. Ржева была всегда за Москвой, хотя Тверские князья иногда делали распоряжения относительно нее и владения их, во всяком случае, доходили до самых ворот Ржева, оканчиваясь городом Опоками (см. выше заметку о Зубцовском уезде). По духовной Василия Темного, Ржева отошла к младшему его сыну, Борису, который, в свою очередь, разделил Ржевский край на две половины по течению Волги и отдал юго-западную, правобережную, Ивану Борисовичу Рузскому, а северо-восточную, левобережную, Федору Борисовичу Волоцкому. По духовной Ивана Борисовича 1504 г., его половина перешла великому князю, а от него, по духовной, третьему его сыну, Дмитрию Ивановичу.

Имена владельцев обеих половин или «сторон» Ржевского края, князей Дмитрия Ивановича и Федора Борисовича, закрепились надолго за их бывшими владениями и были в ходу до конца XVII в. Надо думать, что ко времени жизни этих князей Ржевский край успел принять границы, более или менее совпадавшие с теми границами, какие имеет Ржевский уезд в XVII в. Позднее к Ржевскому уезду присоединены были некоторые местности Старицкого, Вельского, Торопецкого и Новгородского уездов, носившие названия «приписей» соответственных уездов (см. ниже). (*Борзатовский*, История Тверского княжества, стр. 41—48; *Овсянников*, О Новгородско-Тверском рубеже, стр. 8—11; *Дебольский*, там же, I, стр. 35, II, стр. 34, 41, 52; С. Г. Г. и Д., I, № 35, 105, 132, 144.)

1. Стан Поддобринский. На левом берегу Волги, к северу от города Ржева. Название от реки Доброй.

2. Стан Кокоский. К западу от Поддобринского, на левом берегу Волги. Название от реки Кокоси.

3. Волость Подборовская. К западу от Кокоского стана, на левом берегу Волги. Название, вероятно, от слова «бор».

4. Волость Теплостанская. К северу от Кокоского стана и Подборовской волости. По левую сторону рек Итомли и Волги. Происхождение названия неясно.

5 и 26. Волости Осечен Большой на левом берегу Волги и Осечен Пустой на правом берегу Волги. Обе волости расположены выше впадения в Волгу Итомли. Первое известие под 1335 г. в числе литовских городков, сожженных Калитой. Упоминается в духовной Бориса Васильевича Волоцкого 1477 г. (*Соловьев*, История России, т. III, гл. V, кн. I, столб. 929; *Успенский*, Литовские пограничные городки; *Дебольский*, там же, II, стр. 34; С. Г. Г. и Д., I, № 105).

6. Волость Горышкинская. По Волге около впадения в нее большой Коши и по реке Селижаровке. Название от городка, нынешнего погоста Горышкина, может быть, бывшего в числе пограничных литовских городков, уничтоженных Калитой (см. заметку об Осечене).

7. Волость Котичья. К северу от Горышкинской волости по реке Селижаровке. Название от существующих ныне деревни и погоста Котич.

8. Волость Ельца. По левому берегу Волги, вниз от устья малой Коши. Название от села Ельцы-Княже. Первое известие — в духовной Бориса Волоцкого (С. Г. Г. и Д., I, № 105; *Дебольский*, там же, II, стр. 34).

9. Волость Кличан. По берегам озера Селигера, на юге до озера Сиг. Название от острова Кличана на озере Селигере. Первое известие в духовной Бориса Волоцкого 1477 г. и межевой грамоте между Кличанской волостью и Березовским погостом (С. Г. Г. и Д., I, № 105, 117).

10. Волость Евзкина. Огромная волость по обоим сторонам Волги, в обеих половинах уезда. Большая часть ее на левой стороне состояла в XVII в. в дворцовых землях. Часть волости на правой стороне была приписана в Ржевский уезд из Торопецкого. Происхождение названия неясно.

11. Волость Вселуцкая и Стержекая. Крайняя западная волость уезда. Озерами Вселук и Стерж разделялась на две части, соответственно двум половинам уезда.

12. Волость Лещин. К востоку от озера Селигера. Название от погоста, ныне деревни и сельца Лещина.

13. Волость Березовский погост. К северу от западного и на запад от северного плесов озера Селигера. В 1477 г., как видно из межевой грамоты этого года, тянула к Новгородской земле. Когда «приписана» к Ржеву, неясно. Березовский погост на озере Селигере существует поныне (С. Г. Р. и Д., I, № 117).

14. Волость Сонская. По верхнему течению рек Цны и Поведи, притока Тверцы. Название в связи с озером Соинным, откуда вытекает Цна, и с названием этой реки. Часть этой волости, вокруг погоста Спасского в Ясеновичах, называлась: «что была волость Ясеновицкая», видимо, эта волость слилась с Сонской.

15. Волость Репочевская. В бассейне рек Поведи и Осуги. Происхождение названия неясно.

16. Волость Чуриловская. По реке Осуге, по древней границе Ржева с Торжком. Название сохранилось в названии погоста Чуриловского. Часть этой волости была приписана ко Ржеву от Торжка.

17. Волость Расинская. По верховьям рек большой и малой Коши и реки Тьмы, где донные существует село Рясна. Рясна впервые упоминается в числе пограничных литовских городов, сожженных в 1335 г. Калитой. Позднее упоминается в духовной Бориса Волоцкого 1447 г. (см. заметку об Осечене).

18. Волость Боронкина. По рекам большой и малой Коше. Название сохранилось в названии погоста Боронкина. Первое известие — в духовной Бориса Волоцкого 1477 г. (С. Г. Р. и Д., I, № 105; *Дебольский*, там же, II, стр. 34).

19. Волость Стрешевская губа. Приписана к Ржевской волости Рясне от Торжка, в бассейне реки Тьмы. Название сохранилось в названии с. Страшевичи.

20. Волость Берновская. По реке Тьме. Название от с. Бернова.

21. Стан Рокитинский. На правом берегу Волги, к югу от города Ржева. Название от речки Рокитны.

22. Волость Сижская-Пороховская. К западу от Рокитинского стана, по правому берегу Волги и по реке Сижке.

23. Волость Лаптевская. Между рекой Сижкой и Осугой, по древнему Вяземскому рубежу. Название сохранилось в названии деревни Лаптево.

24. Волость Ртищевская. К западу от волостей Лаптевской и Сижской по верховьям реки Сижки. Происхождение названия неясно.

25 и 35. Волости Старый Туд и Молодой Туд. В значительной своей части оставались дворцовыми до 90-х годов. Название от реки Туда.

27. Волость Тудовская-Сковоротыня. На правом берегу Волги выше впадения Молодого Туда.

28. Волость Волговская. К югу от течения Волги, от ее выхода из озера Стержа до озера Волго, откуда и название ее. Волость занимает весь бассейн реки Жуковы; южная часть ее составляла «припись» от Бельского уезда.

29 и 30. Волость Оковецкая. На границе позднейшего Осташковского и Ржевского уездов. Название от села Оковец. (Не в связи ли это с древним Оковским лесом начальной летописи?)

31. Волость Бортная-Селиловская. На правом берегу Волги против устья Селижаровки. На юго-запад тянулась, повидимому, до Бельского рубежа (позднейшей границы Тверской и Смоленской губерний). Происхождение названия неясно.

32. Волость Озерца. Положение неясно. С начала XVII в. совершенно пуста. В переписной 1678 г. не упоминается.

33. Волость Дворца. На правой стороне Волги, на границе позднейших Ржевского и Осташковского уездов. После смуты почти пуста.

34. Волость Жилогостицкая. На границе Бельского уезда, по левому берегу реки Туда. Происхождение названия неясно.

36. Волость Куркинская. В местности между реками Тудом и Сижкой. Название сохранилось в названии погоста Куркина.

37. Волость Сковорцовская. В местности между реками Малым Тудом и Сижкой. С начала XVII в. совершенно опустела. Происхождение названия неясно.

РОМАНОВСКИЙ УЕЗД

Составился из части земель удела Ярославского князя Романа Васильевича (вторая половина XIV в.), который основал город Романов и владел также землями по реке Шекене, позднее вошедшими в состав Пошехонского уезда. Из договорной грамоты Ивана III с братом 1481 г., по которой за последним утверждались Романов, Городок и Усть-Шексна, и из духовной Ивана III, который Романов и Шексню оставил великому князю Василию, видно, что образование уезда в том виде, как он обрисовывается в хозяйственных описаниях XVII в., относится к более позднему времени (С. Г. Г. и Д., I, № 108, 109, 144; *Экземлярский*, Великие удельные князья, II, стр. 88—89; *Дебольший*, там же, II, стр. 35; см. также заметку о Ярославском уезде).

1. Стан Васильевский. Восточный стан уезда по правой стороне реки Ити, служившей границей уезда. Название сохранилось в названии погоста Васильевского.
2. Стан Городской. Земли в окрестностях города, откуда и название.
3. Стан Здвигенский. К западу от Колохоцкого стана. Название сохранилось в названии погоста Воздвиженского на Волге.
4. Стан Здоровецкий. К северу от Городского стана по рекам Урдме, Уломе и Солдобохоти. Название сохранилось в названиях села и деревни Здоровцево.
5. Стан Ильинский. По рекам Уломе, Урдме и Солдобохоти, к востоку от Здоровецкого и к северу от Городского. Название сохранилось в названии Ильинского погоста.
6. Стан Колохоцкий. К западу от Здоровцева. Название от реки Колокши.
7. Стан Спасский. Крайний западный стан уезда, в пределах позднейшего Рыбинского уезда. Название от села Спасского на Волге.

РОСТОВСКИЙ УЕЗД

Вероятнее всего, Ростовский уезд XVI—XVII вв. совпадает в общих чертах с территорией Ростовского удельного княжества по отделении от него в XIII в. Углицкого и Ярославского уделов. Граница на севере и северо-западе с этими двумя княжествами, Ростов с востока, юга и запада был окружен землями Костромскими, Суздальскими, Юрьевскими, Переяславскими и Кашинскими, т. е. землями старинных самостоятельных уделов. Переходившие к Москве понемногу, в отдельности, мелкие Ростовские уделы, объединившись снова в конце XV столетия в московском владении, составили Ростовский уезд (*Экземлярский*, Великие и удельные князья, II, стр. 10—62; *Корсаков*, Меря и Ростовское княжество).

1. Стан Богородский. По правой стороне реки Устья, вдоль ее притока Ильмы и далее на юго-восток.
2. Стан Введенский. По левой стороне реки Устья. Название от села Введенского. В пределах стана находилась значительная группа дворцовых земель, тянувших к с. Вожажникову.
3. Стан Вексичий. К югу от Ростовского озера, с запада ограничен был рекой Сарой. Название от реки Вексы.
4. Стан Верхоуецкий. Крайний западный стан уезда по древним Углицкой, Кашинской и Переяславской границам, по верхнему течению Устья, откуда и название.
5. Стан Гарский и Каралеская волость. Крайний южный стан уезда, тянувшийся от группы небольших озер, расположенных к востоку от города Петровска, на юг до реки Нерли. Первое название, вероятно, указывает на расчистку лесов при колонизации; второе — от озера Караш.
6. Стан Лахотский. Крайний восточный стан уезда. Занимал все течение реки Лахости, притока Которосли, откуда и его название.
7. Стан Луцкий. По северной границе древнего Ростовского уезда. Название от реки Лута.
8. Стан Назорный. По восточной границе уезда, смежный с Суздальским уездом. Название от села Назорного. В стане была значительная группа земель, тянувших к селу Яковлевскому-Гарям.
9. Стан Пегловский. К северу от предыдущего до течения Лахости, смежный с Суздальским уездом. Происхождение названия неясно.
10. Стан Песий. В южной части уезда, по левую сторону реки Сары, смежный с Переяславским уездом. Доныне существует погост Георгиевский в Песьих луках.

11. Стан Печегоцкий. По правому берегу Сары и по реке Печегде, откуда и название. В окрестностях нынешнего города Петровска.

12. Стан Подольский. На правом берегу Устья между станами Богородским и Согильским. Происхождение названия неясно.

13. Стан Порецкий. По левой стороне Устья, смежный с древним Углицким уездом. Название, быть может, в связи с положением стана по реке Устью.

14. Стан Раменский. По реке Мокзе, левому притоку Устья. Очень незначительный по протяжению.

15. Стан Рождественский. Крайний северный стан. Происхождение названия неясно. Первое известие в жалованной грамоте Василия Темного Троице-Сергиеву монастырю 1453 г. (Акг. Ист., I, № 51).

16. Стан Пурский. По Устью и ее притоку Пуре, вокруг Борисоглебского монастыря.

17. Стан Савин. К юго-западу от города. С востока и юга на большом протяжении ограничен был рекой Сарой. Происхождение названия неясно.

18. Стан Согильский. К западу от города Ростова до течения Устья. Название от реки Согилки.

19. Стан Сотемский. Ближайшие окрестности города и места на север от него до древнего Ярославского рубежа. По рекам Которосли, Устью и Сотме. От последней и название стана.

20. Стан Утемский. Между Рождественским станом с одной стороны и станами Лупким и Сотемским — с другой. Расположен был по течению рек Мокзы и Утмы, откуда и название.

21. Стан Филимонов. Смежный с Переяславским уездом. Происхождение названия неясно.

22. Стан Холмецкий. По левому берегу Которосли, между станами Сотемским и Лахощим и ярославскими землями. Происхождение названия неясно. В уезде было значительное количество дворцовых земель, тянувшихся к селам Великому и Холму Огареву.

23. Стан Якимовский. На восточном берегу Ростовского озера, к югу от реки Которосли. Название от села Якимовского.

24—26. Дворцовые земли и села Гарей, села Вошажникова и села Великого (см. выше зам. о Назорном, Введенском и Холмецком станах).

РУЗСКИЙ УЕЗД

Руза, подобно Звенигороду, Можайску и Дмитрову, постоянно давалась в удел младшим членам Московского княжеского дома (Иван Иванович, Юрий Дмитриевич и его сыновья). По духовной Василия Темного Руза, вместе с Волоком, досталась младшему сыну, Борису, в свою очередь оставившему Рузу младшему сыну, Ивану. По смерти Ивана Борисовича в 1504 г., Руза с тянувшимися к ней землями перешла к великому князю, который в своей духовной отдал Рузу вместе со Звенигородом второму сыну, Юрию. Вероятно, к этому времени Рузский уезд уже сложился более или менее окончательно. Межевые грамоты 1504 г. устанавливали рубеж Рузы с Клином, Звенигородом, Можайском и Москвою, более или менее совпадающий с границами Рузского уезда в XVII столетии. Происхождение названия большинства местностей представляется не вполне ясным (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22, 34, 86, 87, 132, 140, 141, 144; *Экземпларский*, там же, II, стр. 361—363; *Дебольский*, там же, II, стр. 30, 34, 47).

1. Стан Бортной. На древнем Звенигородском рубеже по левому берегу реки Озерны.

2. Волость Войнич. Среди земель Сурожского стана Московского уезда, по реке, Маглуге, притоку Истры. Упоминается в духовной Бориса Волоцкого 1477 г. (мыт Войничский).

3. Стан Вышковский. В западной части уезда по левому берегу реки Рузы.

4. Стан Городской. По реке Рузе, вниз от города Рузы до реки Москвы.

5. Волость Замосье. К северо-западу от города Рузы по рекам Озерне и Войне. Первое известие в духовной Калиты.

6. Волость Кремична. Ближайшие окрестности города Рузы к северу до устья Озерны и к западу. На запад тянулась до звенигородских земель и течения Москвы. Первое известие в духовной Калиты. Доныне существует погост Покровский-Кремична Рузского уезда.

7. Стан Локношский. В северной части уезда, в бассейне рек большой и малой Сестры и по реке Локноше, откуда и название. Находился рядом с Сестринским станом. Быть может, Локшинский стан есть *Лозно*, упоминаемое в духовной Дмитрия Донского в числе волостей княгини-вдовы (*Дебольский*, там же, I, стр. 33, 34).

8. Стан Лыняников. По реке Рузе между Юрьевой слободой и Раховым станом, рядом с соименным станом древнего Волоколамского уезда.

9. Стан Рахов. Крайний западный стан по реке Рузе, смежный с соименным станом древнего Волоколамского уезда.

10. Стан Ростовецкий. По правому берегу Рузы и по ее притоку Педне. Первое известие в духовной Калиты.

11. Стан Сестринский. В северной части уезда, по реке Сестре, откуда и название. Близ Иосифова монастыря, в пределах нынешнего Клинского уезда.

12. Стан Скирмановский. По рекам Озерне и ее притокам Гряде и Розвадне. Первое известие — в духовной Калиты (*В. Н. Дебольский*, там же, I, стр. 14) — не совсем правильно определяет положение Скирманова: речка Молодиля, протекавшая по Троицкому стану Рузского и Суроожскому стану Московского уезда, затрагивала Скирманов стан только верховьем. Доныне существует в этой местности деревня Скирманова.

13. Стан Сычевский. К западу от города Рузы, по древнему Можайскому рубежу, по речке Литомье.

14. Стан Фоминский. К югу от города Рузы до древней Можайской границы и реки Москвы. Упоминается впервые в духовной Калиты.

15. Стан Ховальский. В двух очень отдаленных один от другого участках: 1) среди местностей Рахова стана, рядом с Ховальским или Хованским станом Волоколамского уезда; 2) среди местностей древнего Локношского стана (село Тархово).

16. Волость Шенковская. К северу от Скирмановского стана и к югу от Локшинского. Первое известие — в духовной Дмитрия Донского среди волостей княгини-вдовы (*Дебольский*, там же, I, стр. 32—33); деревня Шенково доныне существует в этой местности.

17. Волость Юрьева слобода. По левому берегу реки Рузы, вверх от устья Озерны. Занимала центр Рузского уезда. Первое известие — в духовной Калиты (Великая слобода).

СЕРПУХОВСКОЙ УЕЗД

Осколок Серпуховского удела потомков младшего сына Калиты, обнимавший ближайшие окрестности города и древнюю волость Темну, упоминаемую в числе владений князя Андрея Ивановича Серпуховского в духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., I, № 21, 22; *Дебольский*, там же, I, стр. 2, 16).

1. Стан Окологородный. К северу от города. По Оке шел от устья Протвы до устья Лопасни.

2. Стан Теменский. К северо-западу от предыдущего, вдоль реки Нары. Название в связи с речкой Теменной.

СТАРИЦКИЙ УЕЗД

Составился из собственно Старицких земель, земель Нового городка (Погорелого городища) и прежнего Холмского удела. Старица, с одной стороны, Новый городок и Холм, с другой, составляли в момент перехода тверских владений к Москве два отдельных административных округа. Это видно из того, что при описании 1492 г. Старица и Холм были поручены различным писцам. Соединение их в одно целое, сообщившее Старицкому уезду очень причудливые очертания, относится к 1504 г., когда все эти земли — Старица и «Холмская вотчина», Холм, Новый городок, волость Олешня и волость Синяя были отданы князю Андрею Ивановичу. Меновая Ивана Грозного и Владимира Андреевича 1566 г., детальнее перечисляя места Старицкого уезда, окончательно устанавливает за ним те границы, какие он имел в XVII столетии (С. Г. Г. и Д., № 144, 187; *Дебольский*, там же, стр. 53; *Ворзакровский*, История Тверского княжества, стр. 28—34; *Покровский*, История статистической описи Тверской губ., стр. 82).

1. Волость Болгорская. По левому берегу Волги, к югу от реки Вятки, по Зубцовскому рубежу. Упоминается в меновой 1566 г. Происхождение названия неясно.

2. Стан Верховской. В южной, Холмской, части уезда на водоразделе бассейна Шоши и Держи, с одной стороны, Рузы и Яузы, притока Гжати, с другой, откуда, вероятно, и ее название.

3. Волость Вятка. По левому берегу Волги, к западу от города Старицы. Упомянута в меновой 1566 г.

4. Волость Дмитровская. По реке Бойне, на границе древнего Зубцовского уезда. Упомянута в меновой 1566 г. (Дмитроково).

5. Волость Иворовская. По левому берегу Волги, к северу от города Старицы и по реке Шостке. Смежная с Новоторжским и Тверским уездами. Название от села Иворовского. Упомянута в меновой 1566 г.

6. Стан Мерский. По реке Мерской, притоку Бойны, рядом с Дмитровской волостью. Упомянута в меновой 1566 г. Быть может, название указывает на древнюю Мерю.

7. Стан Михнов. К западу от города и от Вятской волости. Название от села Покровского-Михнова. Упомянута в меновой 1566 г.

8. Стан Песья Лука. Крайний восточный стан уезда по реке Вязьме, притоку Шоши. Происхождение названия неясно. Упомянута в меновой 1566 г.

9. Стан Порецкий. По реке Держе вниз от Погорелого городища до древней Зубцовской границы. Название, вероятно, от положения стана по реке.

10. Волость Раменская. По правому берегу Волги, к востоку от города Старицы. Упомянута в меновой 1566 г.

11. Волость Рогачевская или Рыкачевская. По Новоторжской границе, на правом берегу реки Тьмы. Рыкачево упомянуто в меновой 1566 г. Происхождение названия неясно.

12. Волость Родня. По правому берегу Волги, соединяет северную часть уезда, Старицкую, с южной, Холмской. Название от села Родни на Волге. Упомянута в меновой 1566 г.

13. Стан Семеновский. В южной (Холмской) части уезда, по реке Держе, вверх от Погорелого городища. Название от села Семеновского. Упомянута в меновой 1566 г.

14. Волость Синяя. В южной (Холмской) части уезда по реке Держе и по ее притоку — реке Синей, смежная с древним Зубцовским уездом. Первое известие в духовной Ивана III.

15. Стан Сукромненский. По южной границе уезда, в Холмской его части, в пределах нынешнего Гжатского уезда. В этой местности доныне существует деревня Сукромня.

16. Волость Холм. По верховьям Шоши и Держи. Центр древнего Холмского уезда Тверского княжества.

17. Волость Холохольня. Северо-западная часть уезда, по реке Холохольне, притоку Волги, и по верхнему течению реки Тьмы. Упомянута в меновой 1566 г.

18. Дворцовая волость Мологинская. По верховьям Итомли, притока Волги, смежная с Ржевским уездом. Название от села Мологина. Кроме этой сплошной группы земель в западной части уезда, дворцовые владения в половине XVII столетия составляли еще села Родня на Волге и Покровское-Вороздино.

СУЗДАЛЬСКИЙ УЕЗД

Изучение территории древнего Суздальского уезда показывает, что в состав этого уезда вошли земли древних Суздальского и Стародубского княжеств. Ранняя история обоих этих княжеств представляет много неясностей. Суздальское княжество было, как известно, присоединено к Москве Василием Дмитриевичем. Однако еще в своем завещании 1417 г. великий князь оставляет сыну своему один из главных городов Суздальского уезда — Нижний-Новгород условно — «оже даст ми бог». При Василии Темном Суздальские князья временно вернули себе если не все, то значительную часть утраченных владений. С этими Суздальскими князьями — Иваном Васильевичем и его братьями, Юрьем, Семеном и Андреем, великий князь заключил в 1451 г. договор, по которому за Суздальскими князьями утверждались некоторые из старинных земель их княжения. Таким образом, в полном объеме Суздальский уезд перешел во владение Москвы только во второй половине XV в. Еще менее ясна история сильно раздробившегося Стародубского княжества, где влияние Москвы стало заметным еще в XIV в., но которое окончательно перешло во владение Москвы, по мнению С. В. Рождественского, «не ранее времени великого князя Василия Ивановича». Вероятно, около этого именно времени, т. е. в первой половине XVI столетия, совершилась группировка земель Суздальского и Стародубского княжений по уездам. Из территории этих княжений образовались, кроме Суздальского, еще Кизешемский, Луцкий,

Шуйский, Юрьевецкий, Балахнинский и Нижегородский уезды. Детальный процесс образования этих уездов не поддается наблюдению. Весьма вероятно, что он стоит в связи с тем обстоятельством, что Суздальское княжение перешло во владение Москвы не сразу, а в несколько приемов, по частям. Что касается собственно Шуйского уезда, то нельзя с достаточной достоверностью решить, имели этот уезд какое-нибудь отношение к Шуйским князьям, которые владели вотчинами и в других частях бывшего Суздальского княжения (С. Г. Г. и Д., I, № 41, 80, 81; *Ромедественский*, Служилое землевладение, стр. 172; *Дебольский*, там же, II, стр. 16, 25).

1. Стан Гопетов. По реке Вязьме, в северной части. Происхождение названия неясно.

2. Стан Демин. По правому берегу реки Уводи. Происхождение названия неясно.

3. Стан Ермолин. К западу от течения реки Тезы. Название сохранилось в названии села Ермолина.

4. Стан Замоский. По реке Туге, притоку Нерли, близ границы Юрьевского уезда. Название, вероятно, от села Замостья на реке Туге.

5. Стан Клюков. По верховьям реки Молохты и реки Шачи. Происхождение названия неясно.

6. Стан Матня. Обширный стан, смежный с Кинешемским и Лужским уездами. Название от реки Матни.

7. Стан Мыцкий. Очень значительный по размерам стан в восточной части уезда, смежный с Лужским, Юрьевецким, Владимирским и Гороховецким уездами. Название от села Мыта на Луху. Стан заключал некоторые вотчины рода Стародубских князей. Вероятнее всего, входил в состав земель этого княжества.

8. Стан Некодомский. Небольшой стан по реке Ухтохме. Происхождение названия неясно.

9. Стан Опольский. Огромных размеров стан, тянувшийся по всем направлениям от города Суздаля и к северо-востоку доходивший до Иванова-Вознесенска. Граничил с Юрьево-Польским уездом и с Опольским станом Владимирского уезда и составлял часть истари густо населенного края, вероятно, местности, где ранее всего появилась колонизация. Местность эта до сих пор сохранила название Опольщины (Списки населенных мест Владимирской губернии, стр. VIII). Суздальский Опольский стан впервые упоминается в договорной грамоте Василия Темного и князя Ивана Васильевича Суздальского (С. Г. Г. и Д., I, № 80, 81), в которой упоминаются Опольские села, принадлежащие Суздальским князьям. В. Н. Дебольский смешивает Опольский стан Суздальского уезда с одноименной местностью Владимирского уезда (там же, II, стр. 25).

10. Стан Опольский, волость Назарьевская, так же как и смежная Быковская волость, составляли часть Опольского стана. Обе волости были расположены по течению рек Ухтохмы и Уводи. Названия по имени сел, составлявших центр волостей.

11. Стан Опольский, волость Быковская, см. выше — п. 10.

12. Стан Островской. В северной части уезда, по границам Костромского уезда (старинный и позднейшие рубежи совпадают). Название от села Острова.

13. Стан Стародуб Ряполовский. Обширный стан, расположенный к востоку от Опольского. С западной частью уезда связан небольшим перешейком. Простираясь по обоим берегам Клязьмы, врезывался клином во Владимирский уезд. Составлял ядро древнего Стародубского уезда (Стародуб Ряполовский — ныне Кляземский городок), владений потомков сына Всеволода III, Ивана.

14. Стан Сухода и Кондырев. По Ростовскому рубежу. Первая часть названия стана, вероятно, слившегося из двух станов, от реки Суходы (бассейна Нерли, притока Клязьмы). Второе название сохранилось в названии села Кондырева.

15. Стан Талицкий. В северной части уезда, по Костромской границе. Название от реки Талицы (нынешняя Талка).

16. Стан Тейков и Сахтыш. Довольно значительный стан, смежный с Опольским и составлявший его естественное продолжение. Название: первая часть от села Тейкова, вторая — от озера Сахтыша.

17. Стан Фантырев. К северу от течения Нерли, по реке Черной. Происхождение названия неясно. Доныне существует погост Фантырев.

18. Стан Шижехта. К западу от предыдущего, по течению Нерли до Ростовского рубежа, по рекам Ухтоме и Кушке. Происхождение названия неясно. Доселе существует погост Троица-Шижехта.

19. Дворцовая волость Юмохоцкая. Обширная волость, к северу от Мыцкого стана до Волги разделяла Кинешемский уезд от Юрьевецкого. Название, вероятно, в связи с рекой, ныне носящей название Юхмы.

20. Дворцовая волость Лопатинская. Название от села Лопатнич.

21. Дворцовая волость Глумовская. Название от села Глумова.

22. Дворцовая волость Дуниловская. Название от села Дунилова.

ТВЕРСКОЙ УЕЗД

Образование Тверского уезда, подобно всем уездам, возникшим на территории прежнего Тверского великого княжества, следует относить к описанию 1492 г. В 1504 г. Иван III благословил своего сына Василия «своею отчиною, великим княжеством Тверским», дал ему город «Тверь и Городец с волостями и с путями и с селы... по каа места писал ко Твери пасец нап, князь Федор Алабыш». Тверской уезд сложился из земель, тянувших собственно к Твери, и из земель Микулинского и Телятевского уделов, образовавших его юго-западную часть по реке Шоше — стан Микулинский и волость Хорвач.

В этом виде уезд совершенно ясно рисуется по писцовым книгам 1540 и 1548 гг. (С. Г. Г. и Д., I, № 144; п. к. М. г., I, ч. 2; *Дебольский*, там же, II, стр. 45; *Борзакский*, там же, стр. 26—27; *Покровский*, Историко-статистическое описание Тверской губернии, стр. 82; *Ланно*, Тверской уезд в XVI в.).

1. Стан Воловицкий или Воловичи. К югу от города Твери. С запада был ограничен течением реки Тьмаки, с юга — реками Десной и Вязьмой, притоком Шоши. Происхождение названия неясно.

2. Стан Захожский. К югу от города Твери, ограничен с востока течением Волги, с юга — реками Ламой и Шошей. На западе отделялся от предыдущего стана условной линией, приблизительно шедшей от города Твери прямо на юг до впадения Вязьмы в Шошу. Происхождение названия неясно. В стане были сосредоточены значительные дворцовые земли, тянувшие к селам Городне и Тургинову.

3. Стан Микулинский и волость Хорвач. В XVI в. — отдельные, в XVII в. — слившиеся вместе. Первый — по течению рек Шоши, Ламы и их притоков. Название от бывшего города Микулина (с. Микулино городище); вторая — к юго-западу от Микулина стана, также по реке Шоше. Происхождение названия неясно. В книге дозорной 1615 г. вместе с Микулинским станом упоминаются, вместо волости Хорвача, станы Юрьевский и Горецкий. Позднее они не упоминаются (п. к. 467).

4. Стан Суземский (Суземье). По правому берегу Волги и по Тьмаке, от границ древнего Старицкого уезда до города Твери. Название, быть может, указывает на состояние местности в первые века русской колонизации.

5. Стан Шейский и Кушалский. В XVI в. — отдельные, после 1615 г. — слившиеся. Первый — по левому берегу Волги, вниз от Твери до города Корчевы и по притокам Волги — Орше и Сози — до границ Кашинского уезда. На правом берегу Волги — местность к югу от села, потом города Корчевы, между Кашинскими и Клиньскими землями. Происхождение названия неясно. Второй — к востоку и северу от города Твери, до границ Бежецкого и Кашинского уездов. Название — от села Кушалина.

6. Стан Шостка, Кава и Чеглов. В XVI в. — отдельные волости, после 1615 г. (п. к. 467) — слившиеся вместе. Первый по реке Тьме и ее притоку Шостке, на левом берегу Волги, выше города Твери граничил с Торжком; вторая — по реке Каве, притоку Тверцы, к северу от города Твери; от Шостки отделялась рекой Тверцой. Третья — ближайшие окрестности Твери между левым берегом Волги и правым берегом Тверцы. Происхождение названия неясно. С этими же волостями слились упоминаемые в писцовых книгах XVI в. волости: Рокитна, Узкий угол и Видемля, расположенные по левому берегу реки Кавы.

7. Дворцовые земли Никольского-Ладоженского погоста и села Погорельца, причислявшиеся обыкновенно к стану Кушалину.

НОВОТОРЖСКИЙ (ТОРЖКОВСКИЙ) УЕЗД

Ввиду полной определенности границ между Тверскими и Новоторжскими землями следует думать, что Новоторжский уезд, врезавшийся клином между Тверью и Ржевой, целиком составлял древнюю Новгородскую волость, которая позднее была в смешном владении с Тверью и, наконец, перешла к Москве. На это указывает и особый административный термин — «волость-губа», присущий только одному Новоторжскому

уезду и напоминающий административную терминологию Новгородско-Псковского края. Позднее от Торжка некоторые местности были отписаны к Ржеву (Овсянников, О Новгородско-Тверском рубеже).

1. Губа-волость Богатинская. Смежная с Ржевским и Старицким уездами, по левому берегу Тьмы. Происхождение названия неясно.

2. Губа-волость Бельская. По восточной границе уезда, смежная с Тверским уездом и Новгородской землей, по верховьям Кавы. Происхождение названия неясно.

3. Губа-волость Горицкая. К северу от города Торжка, между реками Твердой, Поведью и Осугой. Происхождение названия неясно.

4. Губа-волость Дмитровская. По реке Тверце, близ Тверской границы. Название от погоста Дмитрия Селупского.

5. Губа-волость Дорогоща. К югу от города Торжка, между Жалинской волостью и Сукромлей. Название от деревни Дорогощи.

6. Губа-волость Дорская. Северо-восточный угол уезда в бассейне Медведицы.

7. Губа-волость Жалинская. От города Торжка на юго-восток, вдоль правого берега Тверцы до тверского рубежа. Название в связи с речкой Жилинкой.

8. Губа-волость Запегринская. По реке Шегрине, притоку Тверцы, в северной части уезда, смежная с Новгородской землей.

9. Губа-волость Загорье. К востоку от Сукромли и к западу от Упервицкой волости. Название от села Загорья.

10. Губа-волость Ильинская. В восточной части уезда, смежная с Тверским уездом, вокруг нынешней станции Октябрьской ж. д. Лихославль. Происхождение названия неясно.

11. Губа-волость Прутенская. К северо-востоку от города Торжка. Приблизительную границу ее составляли внешние линии Октябрьской и Новоторжской ж. д. и река Тверца. Название от погоста Прутни на Тверце.

12. Губа-волость Рапкинская. К западу от города Торжка, на правом берегу Осуги. Название сохранилось в названии погоста Рапкина.

13. Губа-волость Спасская. К юго-востоку от города Торжка, вдоль левого берега Тверцы. Название от села Спасского на Тверце.

14. Губа-волость Сукромля. По Ржевскому рубежу. К юго-западу от города Торжка. Название от села Сукромля.

15. Губа-волость Теребенская. Крайняя западная волость уезда, по рекам Поведи и Осуге. Происхождение названия неясно.

16. Губа-волость Упирвицкая. По южной границе уезда, по рекам Тьме и ее притоку Крапивне. Название сохранилось в названии села Упирвици.

УГЛИЦКИЙ УЕЗД

Собственно углицкие земли, образовавшие в XIII в. удел младшего сына великого князя Константина Всеволодовича, позднее — в XIV в. — перешедший к Москве, состояли из небольшой сравнительно территории на правом берегу Волги, а на левом простирались на северо-запад от города до верхнего течения Сити. Позднее в состав того же удела вошли земли по среднему течению Мологи с городом Устюжной (возник в XIV в.) и селом Весье Егонской.

Это событие относится к началу XIV в., когда Углич и Устюжна соединились в руках князя Константина Дмитриевича, младшего сына Дмитрия Донского. С этих пор, с некоторыми, быть может, перерывами, Углицкий уезд состоял из двух несвязанных одна с другою частей, тянувших к Угличу и к Устюжне. Духовная Ивана III еще видоизменила границы Угличского уезда: к уделу третьего его сына, Дмитрия, была присоединена часть прежнего Моложского уезда с городом Мологой (Моложский стан Угличского уезда). Отдаленность Устюжны от Углича и отсутствие прямой связи земель по реке Мологе с Угличем рано обособили Устюженские станы и волости в особую административную единицу. Вероятно, уже в XVI столетии, а во всяком случае, уже с 20-х годов следующего века, «станы, что под Устюжной» заносятся в особую категорию земель Угличского уезда, а в Устюжне имеется особый воевода. Окончательное выделение Устюжских станов в особый уезд произошло в 1685 г., когда было указано эти станы писать «Устюжским уездом и приписать к Устюжне Железнопольской». Впрочем, село Весь Егонская с округом, несмотря на близость к Устюжне, осталось приписанным к Углицкому уезду (С. Г. Г. и Д., I, № 34, 144; П. С. З., II, 1150;

Окземлярский, Великие и удельные князья, II, стр. 101, 102, 107, 135—137; *Дебольский*, там же, I, стр. 38, II, стр. 51).

1. Стан Городской. Самый значительный стан уезда, обнимавший местность на 10—20 км вокруг города.

2. Стан Елоцкий. По реке Корожечне, притоку Волги, к западу от Городского стана. Название от реки Елды. Первое известие — в духовной Василия Темного в числе волостей княгини-вдовы (С. Г. Г. и Д., I, № 86, 87; *Дебольский*, там же, II, стр. 32).

3. Стан Кадский. К северу от предыдущих. Занимал все течение реки Кадки, притока Корожечны; первое известие в духовной Василия Темного, в числе волостей княгини-вдовы.

4. Волость Кесьма. По реке Кесьме, откуда и название. В начале XVII века совершенно опустела. Позднее заселена была корелами.

5. Стан Койский. По реке Корожечне. Название от села Коя.

6. Стан Моложский. Часть местности между реками Ситью и Волгой, низовья реки Мологи и места по Волге, вокруг посада, ныне города Мологи. Об обстоятельствах присоединения этого стана к Углицкому уезду см. заметку об уезде.

7. Стан Рожаловский. Местность между рекой Ситью и позднейшими границами Ярославской и Тверской губерний. Рожалово упоминается впервые в договорной Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским 1405 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 33; *Дебольский*, там же, II, стр. 2—3). Доселе существует погост Рожаловский.

УСТЮЖЕНСКИЙ УЕЗД

См. выше заметку об Углицком уезде. Станы и волости этого уезда отличаются разбросанностью и очень неясными очертаниями.

1. Стан Велетовский или Белетовский. В северной части позднейшего Вельегопского уезда, к западу от города Вельеогонска, по рекам Зване и Рене, притокам Мологи. Смежный с Ясеницким станом Бежецкого Верха. Происхождение названия неясно.

2. Приселок Долоской. По реке Кобоже, левому притоку Мологи. Происхождение названия неясно.

3. Приселок Железная Дубровка: 1) В южной части уезда, близ верховий реки Ижины, по правой стороне Мологи; 2) по левой стороне Мологи, близ реки Чагоды. Происхождение названия неясно.

4. Стан Калининский. По левому берегу Званы и в местности между этой рекой и городом Устюжной. Происхождение названия неясно.

5. Приселок Мезга. По реке Мезге, впадающей в Кобожу, приток Мологи, к северо-востоку от города Устюжны.

6. Стан Новосередский. К югу от гор. Устюжны. Происхождение названия неясно.

7. Стан Новый: 1) на левом берегу Мологи, выше города Устюжны, от устья реки Колодни до устья реки Кобожи; 2) по обоим берегам Мологи, ниже города Устюжны.

8. Приселок Орел. По реке Орлу, левому притоку Мологи.

9. Волость Понизовская. По реке Шолцу, левому притоку Мологи. В этой местности донные существуют деревня Понизовье.

10. Приселок Тухани. Южная окраина уезда, смежная с Ясеницким и Полянским станами Бежецкого Верха. Название от села Туханей.

11. Волость Хрепелевская. К юго-западу от города Устюжны. Название от села Хрепелева.

ШУЙСКИЙ УЕЗД

Замечания об уезде и его образовании — см. в заметке о Суздальском уезде.

1. Волость Борисоглебская. Часть уезда по правому берегу реки Тезы. Название от Борисоглебской слободы, первоначального названия города Шуи (*Борисов*, Описание Шуи, стр. 2, Список населенных мест Владимирской губернии, стр. XIX).

2. Волость Телешовская. Часть уезда по левому берегу Тезы. Название от села Телешова на реке Тезе (нынешний погост Ильинский).

ЮРЬЕВЕЦКИЙ УЕЗД

Замечания об уезде — см. заметку о Суздальском уезде.

1. Волость Березницкая (дворцовая). В средней части уезда, между течением рек Елнати и Волгой. Часть — по левому берегу Волги (село Соболево ниже Юрьевца). Происхождение названия неясно.

2. Волость Городецкая (дворцовая). По обоим берегам Волги на юг до границ древнего Балахнинского уезда. Городец на Волге находился на границе Балахнинского и Юрьевского уездов, из которых в каждом были дворцовые Городецкие волости. Куда тянул самый посад — неясно (см. выше — заметки о Суздальском уезде).

3. Волость Елнацкая. К востоку от города Юрьевца, пограничная с Юмохоцкой волостью Суздальского уезда. Название от реки Елнати, притока Волги.

4. Волость Заборская (дворцовая). В левой Заволжской части уезда, по рекам Белбашу и верхнему Керженцу. Происхождение названия неясно. Там же, вероятно, волость Белбашская, единственное известие о которой в Г. К. Э., по Юрьевцу, № 154/1470.

5. Волость Коряковская (дворцовая). За Волгой, против Юрьевца и вверх по течению Унжи до границ древнего Галицкого уезда, близ впадения в Унжу Неи. Происхождение названия неясно.

6. Волость Кузовские починки. За Волгой против Юрьевца, вниз от устья Унжи. Происхождение названия неясно.

7. Волость Ячменская (дворцовая). В нагорной половине уезда по реке Ячмени, откуда и название волости.

ЮРЬЕВСКИЙ УЕЗД

Уезд очень небольшой по размерам. Вероятнее всего, этот уезд сложился из древнего Юрьевского удела, последний князь которого Иван Ярославич упоминается в 1340 г. Из духовных грамот московских князей Юрьев упоминается впервые в духовной Ивана III 1504 г. Но отдельные села в Юрьевском уезде упоминаются почти во всех подобных актах, начиная с духовной Дмитрия Донского (С. Г. Г. и Д., I, № 34, 39, 40, 83, 86, 87 и 144; *Дебольский*, там же, I, стр. 28, II, стр. 4, 8, 26, 28, 31 и 40. *Экземплярский*, Великие и удельные князья, II, стр. 255—260).

1. Стан Золоцкой. К востоку от Юрьева до границ Суздальского уезда по реке Дубенке, Ирмее и Парше. Происхождение названия неясно.

2. Стан Климов. В двух участках: 1) на границе Переяславского уезда по течению Пекши и 2) по реке Колокше, рядом с границами Владимирского уезда. Происхождение названия неясно.

3. Стан Кривцов. Южный стан уезда, пограничный с Владимирским уездом. Происхождение названия неясно.

4. Стан Кузьмин. На западной границе уезда, смежный с Ярославским уездом по реке Селекше. Происхождение названия неясно.

5. Стан Сорогожин: 1) к западу от Юрьева по правому берегу Колокши; 2) другой участок стана по северной Суздальской границе уезда к северу от многочисленных дворцовых сел уезда. Название в связи с названием села Сорогошина, которое впервые упоминается в духовной Василия Темного, в числе Юрьевских сел, отданных княгине-вдове (С. Г. Г. и Д., I, № 86 и 87; *Дебольский*, там же, II, стр. 31).

6. Стан Тихотин. На западной границе уезда, на верховьях рек Колокши и Пекши. Происхождение названия неясно.

7. Стан Шуткин. Занимал всю среднюю часть уезда, к западу от течения реки Колокши. Происхождение названия, так же как и всех почти станов уезда, неясно.

Дворцовые земли Юрьевского уезда были очень значительны до конца XVII в. Лишь в последние два десятилетия они стали раздаваться частным лицам. Земли эти были сосредоточены в северной части уезда и распадалась на округа, тянувшие к большим центральным селам, по которым и назывались. Иногда такие округа назывались и волостями, например Симская, Некоморская, Турабьевская волости и т. д.

ЯРОСЛАВСКИЙ УЕЗД

Процесс образования трех уездов, сложившихся на территории древнего Ярославского княжества — Ярославского, Помехонского и Романовского, вообще представляет много неясного.

В состав Ярославского уезда вошли земли Ярославского великого княжения и, кроме того, земли большинства Ярославских уделов, из которых иные составили отдельные волости этого уезда. Так, Верхневской стан образовался из земель Моложского удела, за исключением тех земель, которые по духовной Ивана III отошли к Углицкому уделу (посад Молога и Моложский стан Углицкого уезда). Это обстоятельство

отделило от Ярославского уезда большую часть Верховского стана в отдельный участок по рекам Мологе и Сити. Из уделов составились также волости Юхотская, Курбская, Ухра и Шахова. Ввиду того, что уезд составил из нескольких бывших уделов Ярославского княжения, самое образование его надо относить уже ко времени объединения всех этих земель под московским господством, т. е. к концу XV и началу XVI вв. (*Экземплярский*, Великие и удельные князья северной Руси, стр. 63—121).

1. Стан Верховский. В двух участках, перерезанных Моложским станом Угличского уезда: 1) большой по течению Мологи и Сити, 2) по левой стороне Волги до течения ее притока Сутки. Совпадал с территорией бывших Ярославских уделов — Моложского, Сицкого и Прозоровского.

2. Волость Вокшера. К северу от Городского стана. Название сохранилось в названии реки Вокшерки, притока Ити, и названиях нескольких селений (Вокшерский Ям, Вокшерино и т. д.).

3. Стан Городской. Земли на левом берегу Волги против города Ярославля от устья Ити до Костромского рубежа.

4. Волость Жары. К югу от волости Ухры, по правую сторону Касти. Название сохранилось в названии нескольких селений и погостов нынешнего Даниловского уезда.

5. Стан Закоторский. Был ограничен Волгой, Которослью, ростовским и костромским рубежами. Название от реки Которосли.

6. Волость Игрицкая. К востоку от Юхотской волости. Название сохранилось в названии погостов Троицкого, Дмитриевского и Воздвиженского «в Игрицах» б. Романово-Борисоглебского уезда и Богоявленского «в Игрицах» — б. Угличского уезда.

7. Волость Касть. В северной заволжской части уезда, по левому берегу реки Касти. На юг тянулась до верховьев Ити. Первое известие в духовной Ивана III (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 44).

8. Волость Курбская. На ростовской границе по реке Курбе, откуда и название. Бывший Курбский удел Ярославского княжения. До начала XVII в. была дворцовой.

9. Волость Норекая. По правому берегу Волги, вверх от Ярославля. Название от реки Норы.

10. Волость Пажецкая. К юго-востоку от предыдущей и к западу от Ярославля. Название от реки Пажи.

11. Волость Путятинская. Небольшая волость на левой стороне Волги. Название от села Путятина.

12. Стан Служень. Самый северный стан уезда, по вологодскому рубежу. Происхождение названия неясно.

13. Волость Ухра. По верховьям Ухры и вокруг нынешнего города Данилова. По всей вероятности, древний Ухорский удел Ярославского княжества. Упоминается как отдельная Ярославская волость в духовной Ивана III (С. Г. Г. и Д., I, № 144; *Дебольский*, там же, II, стр. 44).

14. Волость Чамеровская. Дворцовая волость, по правому берегу Мологи от устья Кесмы до устья Себлы, населенная корелами. Название от села Чамерова.

15. Волость Черемшская. Название от реки Черемхи. Волость имела подразделения, носившие название Болобанова приселка и Оносовского приселья. В состав этой же волости входила и Рыбная слобода (нынешний город Рыбинск).

16. Волость Шахова. К северо-востоку от Ярославля на древнем костромском рубеже. Бывший удел князей Шаховских. Название сохранилось в названии погоста Рождественского в Шахове.

17. Волость Ширенская. На древнем ростовском рубеже. Между Юхотью и Курбой. Название от села Ширенги, ныне Ширенье, Ярославского уезда. До начала XVII столетия была дворцовой.

18. Волости Юхоть и Корма. По рекам Юхоти и Корме, откуда и название. Бывший удел князей Юхотских. До конца XVII в. оставалась в составе дворцовых земель (*Барсуков*, Сведения о Юхотской волости).

19. Волость Едомская. На правом берегу Волги между Черемхой и Норской волостью. Название от реки Едомы, притока Волги.

Кроме Юхотской волости, дворцовые земли в уезде были сосредоточены еще на костромском рубеже, вокруг села Яхробола, в конце XVII столетия пожалованного боярину Б. П. Шереметеву, и в Верховском стане на реке Сити, вокруг сел Брейтова и Черкасова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства

Предисловие

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Основные источники исследования

I. Значение писцовых и переписных книг в ряду источников Московского государства. Очередные задачи их изучения	1
II. Несколько замечаний об истории описаний и переписей в Замосковном крае в XVI и XVII вв.	5
III. Работа писцов и переписчиков на месте; составление книг	9
Условия работы в различные моменты XVII в. Участок работ. Писцы-специалисты. Снаряжение писцовой комиссии. Ее передвижение в уезде и порядок работ на месте. Распределение работы между писцом, подьячими и представителями населения. Способы производства обмеров земель и опросов населения. Работы писцов по ревизии прав владения; финансовые и судебные функции писцов. Взаимные отношения писца и населения. Причины, усложнявшие задачи писцов. Продолжительность работ по редактированию книг. Отсутствие однообразной редакции книг. Потребности при редакции книг. Проверка и утверждение писцовых книг. Общие выводы.	
IV. Содержание писцовых книг и их терминология	52
Указы о начале работ. Населенные пункты и пустоши. Крестьяне и бобыли. Состав населения двора. Пашня паханая. Пашня наезжая. Перелог и пашня, лесом поросшая. Сенокос и лес. Оценка земли писцами. Единицы обложения. Случайные известия писцовых и переписных книг. Примерные земли; их значение; отношение площади, описанной писцом, ко всей территории писцового участка. Общие выводы.	

ГЛАВА ВТОРАЯ

Территория края и ее историческое значение

I. Границы и историческое значение края	84
Границы. Значение края в истории Московского государства.	
II. Природные условия	89
Климат. Орография и гидрография. Почвенные условия. Значение природных условий в истории Замосковья.	

- III. Областное деление: волость и стан.
Взаимное отношение волости и стана. Деления, равнозначные волости и стану. Подразделения волостей и станов. Когда и как слагались волости и станы. Размежевание станов и волостей.
- IV. Областное деление: уезд 103'
Как слагались уезды Замосковского края. Размеры уездов. Промежуточные деления между уездом и волостью или станом. Приписка станов и волостей к уезду. Размежевание уездов. Общие выводы главы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Влияние крестьянской войны и иностранной интервенции

- I. Момент наибольшего экономического упадка Замосковского края 112
Опустошение Замосковских уездов в 10-х годах XVII в. Данные о хозяйстве троичных вотчин
- II. Размеры опустошений в различных местностях края 129
Неравномерность опустошений. Пределы наибольшего разорения. Степень разорения к северу и востоку от Москвы.
- III. Экономическое состояние края в конце XVI и начале XVII вв. 138
Его состояние в XVI в. Признаки экономического улучшения в 90-х годах. Данные о Московском и Коломенском уездах. Данные о Тверском и Звенигородском уездах. Экономический кризис XVI в. и опустошение за время крестьянской войны и польской интервенции.
- IV. Характерные черты экономического кризиса начала XVII в. 148
Куда уходило население. Степень разорения служилых людей. Упадок сельской торговли. Землевладельческие отношения. Общие выводы главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Население

- I. Движение населения 157
Значение вопроса и средства для его разрешения. Движение населения по данным отдельных имений. Движение населения по данным итогов писцовых книг. Обстоятельства, способствовавшие росту населения и задерживавшие его. Общее количество населения Замосковского края в конце века. Общее количество населения в эпоху описаний 20-х годов.
- II. Обмен населения между Замосковным краем и соседними областями Московского государства 168
Размещение населения по государственной территории в XVII в. Заселение юга в XVII в. Откуда выходили колонисты на юг. Значение Замосковского края в истории заселения юга; побег; правительственная колонизация; частновладельческая колонизация. Обмен населения с другими областями. Отлив населения в города.
- III. Приток населения в край из-за государственного рубежа 178
Выходцы из Литовского государства: в первой половине века; во время войн царя Алексея. Литовские колонизаторы по книгам 1678 г. Выходцы из шведских владений. Корельская колонизация. Татары.
- IV. Особенности истории отдельных классов населения в крае 196
Изменения в составе поместного дворянства. Вопрос о росте служилого населения. Замирание края и признаки тяготения дворян к их именным. Послужильство. Общее состояние тяглых слоев. Соотношение между крестьянами и бобылями. Холопы. Общие выводы главы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Землевладение

I. Дворцовое землевладение	206
Дворцовые земли в XVI в. Раздача дворцовых земель в первой половине XVII в. Указ 1627 г. и отмена его Уложением. Раздача земель во второй половине столетия. Раздача дворцовых земель духовенству. Источники пополнения дворцовых земель.	
II. Черное землевладение	223
Черные земли в XVI в. Черные земли Замосковского края в 10-х годах XVII в. Их раздача. Остатки черных земель по переписи 1646 г.	
III. Землевладение духовенства	230
Землевладение духовенства в XVI в. Соборный приговор 1581 г. Переход земель во владение духовенства в первой половине XVII в. Перемена во взглядах общества на земельные вклады; отражение ее в законодательстве. Земельные вклады во второй половине XVII в. Покупка земель духовенством. Отношение духовенства к законам, ограничивавшим его права по землевладению. Мена земель духовенством и ее значение. Отчуждение земель духовенством. Упразднение обителей. Общие выводы. Данные о размерах земельных владений духовенства в Замосковном крае.	
IV. Служилое землевладение	254
Общий рост служилого землевладения. Рост вотчин за счет поместий. Сближение юридической природы поместья и вотчины. Значение указа 1714 г. Типы поместного и вотчинного землевладения. Особенности общего жеребьевого владения поместьями. Средние размеры поместий. Общие выводы.	
V. Мобилизация служилого землевладения	276
Окончательное разложение родовых княжеских вотчин. Крупное землевладение позднейшего происхождения. Общие понятия о мобилизации в XVI в. Мобилизация поместий и вотчин в XVII в. Причины мобилизации.	
VI. Землевладение гостей	289
Землевладение ямщиков. Главнейшие виды условного владения землею. Общие выводы главы.	

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сельское хозяйство, сельская промышленность и торговля

I. Техника сельского хозяйства	295
Система хозяйства и система земледелия, их взаимное отношение. Система земледелия в XVI в. Земледелие в XVII в. Внутренняя колонизация края в XVII в. Земледелие во второй половине XVII в. Значение скотоводства. Обработка земли. Виды севящихся хлебов и сроки посевов. Огородничество и садоводство. Общая оценка Замосковья современниками с точки зрения сельского хозяйства. Рабочий скот. Коневодство. Общие выводы.	

	Стр.
II. Формы и размеры сельскохозяйственного производства	321
Государева десятинная пашня. Пашня барская в поместьях и светских вотчинах. Пашня монастырская. Пашня холопская. Пашня тяглого населения; ее размеры на двор и на душу. Оброк и барщина. Эксплуатация ненаселенных угодий. Наемный земледельческий труд. Взаимное отношение поместий и вотчин в хозяйственном отношении. Общие выводы	
III. Сельская промышленность и торговля	352
Пригородные селения и монастырские слободы. Районы крестьянской промышленности и торговли. Рыболовство и бортничество. Отхожие промыслы. Значение районов с более или менее развитыми промыслами; характер торговли. Торговля хлебом. Повинности в XVI столетии. Государственные повинности в XVII столетии. Частновладельческие повинности XVII в.	
Выводы	361
Дополнительные примечания	365
Приложения	371
Материалы по исторической географии Московской Руси. Замосковные уезды и входившие в состав их станы и волости, по писцовым и переписным книгам XVII столетия.	

Редактор *Вл. Малаховский*.
Технич. редактор *Е. Раецкая*.
Корректоры: *Е. Литкенс*
и *И. Головчинер*.

Сдано в набор 11/III—1937 г. Подпи-
сано к печ. 16/VIII—1937 г. Формат
бум. 60×92/₁₆. Учетно-авторск. л. 34,3.
Печ. л. 26+1 карта. Уполномоч. Глав-
лита Б-13728. Огиз № 1896. Заказ
№ 1351. Цена книги 6 р. 75 к., пере-
плет 1 р. 25 к.

Тир. 10000 экз.

Отпечатано с матриц в тип. арт. „Пе-
чатня“, Прагский, 6, по зак. № 1572.

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
25	23 снизу	всятого	взятого
34	20 сверху	Юрьевец-Польский	Юрьевец-Подольский
50	18 "	в книге	к книге.
56	11 "	полсминою	полосминою
135	8 снизу	Малосоньская	Малосольская
150	15 "	Пример	¹ Пример
283	19 сверху	монастырь	монастыри

ГОТЪЕ Замосковный край в XVII веке